

АЛЕКСАНДР III

Александр
Мясников

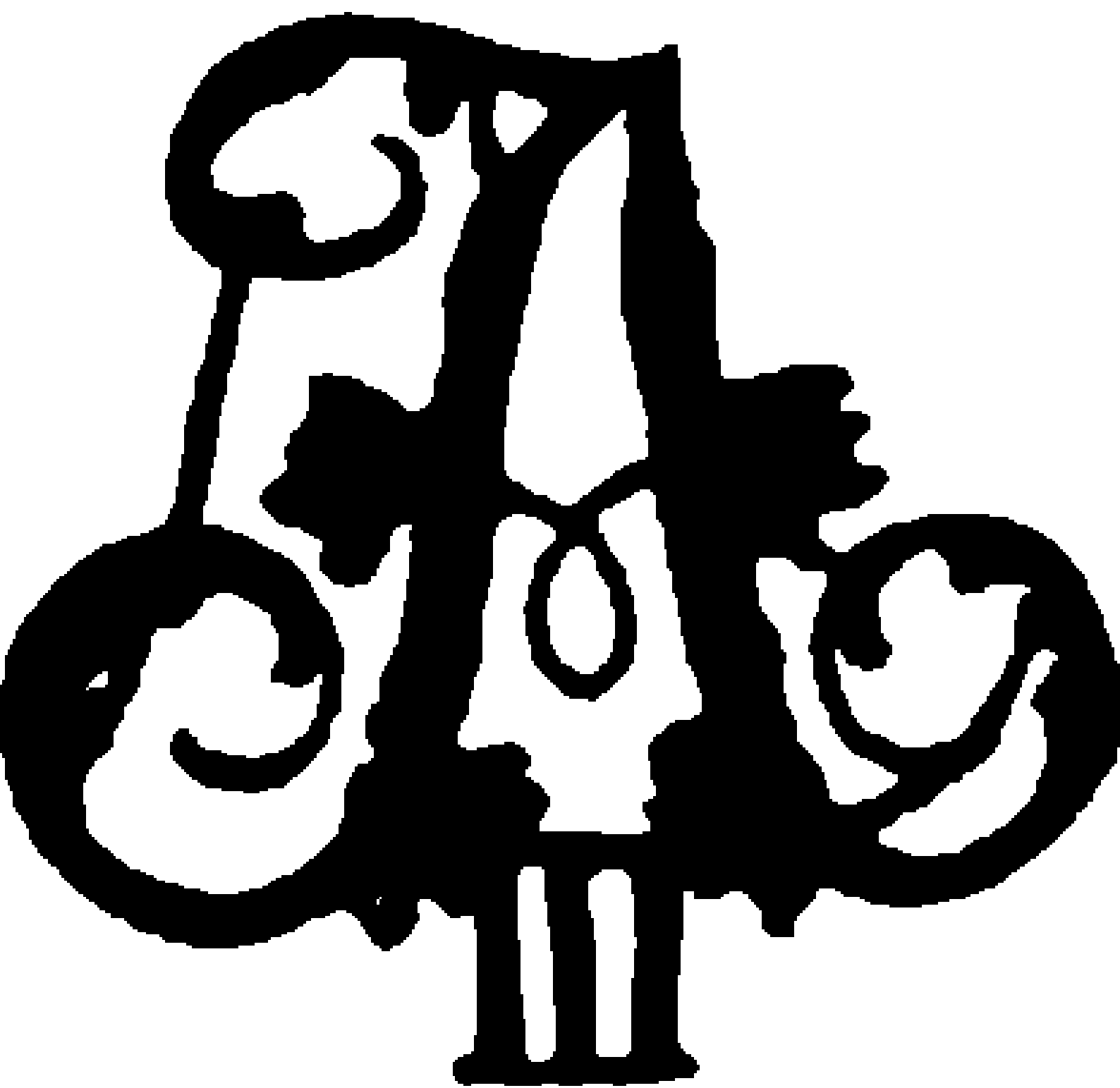
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АЛЕКСАНДР III

А. Мясников

ЖЗЛ

Жизнь® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1795

(1595)

Александр Мясников

АЛЕКСАНДР III

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(470+571)(092)“18”
ББК 63.3(2)47
М 99

*Предисловие епископа Егорьевского
Тихона (Шевкунова)*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03915-5

© Мясников А. Л., 2016
© Шевкунов Г. А., предисловие
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

Наука отведёт Государю Императору подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее добиться победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, обострил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал всё это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для неё...

Василий Осипович Ключевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть в жизни знаменательные взаимосвязи. Судите сами: именно во времена Александра III вышла в свет первая книга серии «Жизнь замечательных людей». И удивительно, что за всё время существования серии «ЖЗЛ» так до сих пор и не появилась книга, посвящённая жизни императора Александра III. Видимо, нужно было пройти десяткам лет, чтобы очистить эту могучую фигуру от шелухи штампов, всего лживого и наносного. И от стереотипов. А их оказалось много.

Например, в исторической литературе нередко рассказывается, что Александр III, так же как его отец Александр II, любил охотиться в Беловежской пуще и часто её посещал. Даже приводят статистику убитых там зверей. Это миф, возникший на почве тех больших и серьёзных преобразований, которые произошли в Беловежской пуще в период правления Александра III, когда ей был возвращён статус личного охотничьего владения монарха, а сам император был назван «воссоздателем Беловежа». На самом деле царь побывал в Пуще всего один раз, незадолго до своей кончины в 1894 году. И не сделал там ни одного выстрела!

И таких мифов, как Беловежский, созданных умышленно или безо всякого умысла, много. Один из них связан с трагическими событиями 1888 года — крушением императорского поезда в Борках. В книгах и многочисленных статьях утверждается, что всё случилось, когда император возвращался после отдыха в Ливадии. А по дороге туда, в Крым, и обратно, из Крыма, его сопровождал служащий железной дороги С. Ю. Витте. Но документы говорят совсем о другом: Александр III не отдыхал в том году в Ливадии, и потому в Крым его никто не мог сопровождать.

Потому что ездил император на Кавказ, посетил Новороссийск, Тифлис, Владикавказ, Новый Афон, Баку и другие места, в которых до сих пор хранится память о его пребывании. Хранится не в последнюю очередь потому, что ездил он туда не отдыхать.

Об этих и подобных фактах рассказывает в своей книге Александр Мясников.

Жизнь российского императора Александра III привлекала и будет привлекать внимание многих учёных, исследователей, литераторов и всех, кто не равнодушен к истории Отечества. Александру III посвящены книги, монографии, статьи, телепередачи. И со временем интерес к этой фигуре только возрастает. Причин тому множество.

Престиж России в мире в царствование Александра III поднялся на недостижимую прежде высоту, а в самой стране воцарились покой и порядок. Важнейшей заслугой государя Александра III перед Отечеством является то, что за все годы его царствования Россия не вела войн.

Большинство российских самодержцев вошли в историю с особыми прозваниями, прочно к ним приставшими. В российских анналах Александр III значится: «царь-миротворец». Восприятие современников чутко отозвалось на редчайшую особенность того времени — отсутствие войн, жизнь в условиях мира.

Между тем время это было далеко не безоблачным и спокойным. Но в качестве противовесов этим опасностям в политике выступали его здравый смысл и отвращение к войне, знание её истинной кровавой цены.

Государь принял страну в тяжелейшем нравственном, экономическом и политическом состоянии, когда в России всюду бушевал революционный террор. А передал наследнику державу полностью успокоенной и восходившей в период своего расцвета, устремлённой в будущее, которое многим казалось безоблачным и счастливым.

За время царствования императора Александра III военно-морской флот России окончательно перешёл на паровые машины и начал «одеваться в броню». Флот строился преимущественно на отечественных судостроительных заводах и по проектам российских инженеров. Было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров; русский флот занял третье место в мире после английского и французского.

В годы царствования Александра III в значительной степени была восстановлена российская армия — после дезорганизации вследствие Русско-турецкой войны конца 1870-х годов. В царском рескрипте военному министру Петру Семёновичу Ванновскому говорилось: «Отечеству нашему несомненно нужна армия сильная, стоящая на высоте современного развития военного дела, но не для агрессивных целей, а единственно для ограждения целостности и государственной чести России... Охраняя неоценимые блага мира, кои, я уповаю, с Божьей помощью ещё надолго смогу продлить для России, вооружённые силы её должны развиваться и совершенствоваться наравне с другими отраслями государственной жизни, не выходя из пределов тех средств, кои доставляются им увеличивающимся народонаселением и улучшающимися экономическими условиями». Не зря именно императору принадлежит знаменитая фраза: «У России только два союзника — её армия и флот».

Вопросы промышленности и торговли становятся приоритетными. Чтобы покрыть постоянный дефицит бюджета, нужно было серьёзно заниматься экономикой. Царь принимает неотложные меры для развития кредита и стабилизации государственных финансов. Открывается Дворянский банк, строятся фабрики и заводы, увеличивается добыча нефти. Была пущена в эксплуатацию Западно-Кавказская железная дорога. Началось строительство Великого Сибирского железнодорожного пути — Транссиба. Это было и остаётся грандиозным событием, как и сама дорога остаётся самой протяжённой в мире. Не случайно на петербургском памятнике было выбито: «Императору Александру III державному основателю Великого Сибирского пути».

Именно в царствование Александра III появилась и оформилась идея перевести железные дороги из собственности частных компаний в государственное владение. Александр III произвёл полный переворот в железнодорожном деле как с точки зрения практической, так и теоретической. При нём был издан закон о несовместимости государственной и банковской службы, было запрещено высшим чиновникам участвовать в коммерческих предприятиях.

Интересно, что в 1886 году Александр III установил в качестве национального праздника День железнодорожника. Днём празднования был выбран день рождения императора Николая I, который первым начал строительство железных дорог в России.

В последние годы жизни царя впервые был сбалансирован государственный бюджет страны и преодолен его дефицит.

А начал царь, собственно, с себя, сразу наполовину сократив численность своей свиты: с пятисот до двухсот пятидесяти человек, и продолжал сокращения в дальнейшем.

В 1892 году Александр III вводит важнейший для отечественной экономики так называемый покровительственный тариф, что дало возможность оградить российский рынок от притока дешёвых иностранных товаров.

Александр III умел прощать. Прощать, если человек искренне раскаивался в содеянном. Подтверждений тому много.

Но он становился непоколебимым самодержцем, когда дело касалось безопасности страны и народа. В первую очередь это проявлялось в отношении террористов — убийц ни в чём не повинных людей.

Александр III был глубоко верующим православным христианином. И не лишь по статусу самодержца Всероссийского, а от всего сердца являлся верховным защитником и хранителем христианских ценностей. Не случайно Александр III особенно радел о Церкви, духовенстве, народном образовании, развитии церковно-приходских школ. При нём было учреждено тринадцать новых архиерейских кафедр; открыты упразднённые в предшествующее царствование приходы; на преимущественно католических западных территориях восстановлены православные церковные братства; построено много новых монастырей и храмов.

Никакой дискриминации по этническому признаку в России не было, не существовало и законодательно утверждённой господствующей нации. Народы России составляли единый организм, живущий по единым законам. Жизнь национальных меньшинств регламентировалась «Положением об инородцах»; правительство ограничивалось надзором за их самоуправлением, привлечением к суду за тяжкие преступления, охране от постороннего стеснения — спаивания, закабаления под видом найма. В то же время на территории империи существовали регионы, где русское и вообще православное население подвергалось неприкрытой дискриминации со стороны местных властей. К подобным областям относились прибалтийские земли, где правящим сословием являлось местное немецкое дворянство, почти автономное в своём самоуправлении. Это положение дел требовало от русского царя спокойных, но

решиТЕЛЬНЫХ мер по урегулированию и исправлению положений.

Мудрой и гибкой была позиция и по отношению к присоединённым территориям Средней Азии. В неприкосновенности были оставлены религиозные институты и суды. Местному населению предоставлялось право традиционного самоуправления, соблюдения обрядов и обычаев. Веротерпимость к мусульманству проявлялась даже в мелочах, например, при вручении государственных наград и орденов изображения православных святых заменялись двуглавым орлом.

Большевистский миф о России как о тюрьме народов — насквозь лживый и лицемерный миф. Благодаря мудрой национальной политике русского самодержавия все народы России на протяжении нескольких столетий жили рядом, не зная междоусобных конфликтов и религиозных войн. Это уникальный случай в мировой истории.

Император ненавидел напыщенность, показуху и роскошь.

Жертвенность и самоотдача его во имя исполнения возложенного на него государственного бремени были поразительны. Помимо нескончаемых аудиенций и приёмов, поездок, заседаний, военных смотров, каждый день на стол перед ним ложились кипы указов, отчётов, проектов распоряжений, донесений, которые ему следовало обдумать, осмыслить и по которым принять решение. Его рабочий день продолжался до глубокой ночи; он не щадил ни себя, ни своих министров. По настоянию императрицы и врачей император дал слово, что будет заниматься только до трёх часов ночи, и приказал, чтобы ему напоминали о времени. Если Александр не прекращал занятий, то камердинер должен был доложить второй раз, после чего был обязан потушить свет, несмотря на протесты императора.

Были у него и свои слабости и пристрастия. Как, например, рыбалка. Всем известна фраза императора, прозвучавшая в ответ на просьбу оставить рыбную ловлю по причине срочного незапланированного приезда западного дипломата: «Пока русский царь ловит рыбу — Европа может подождать».

Присуще ему было и чувство юмора и самоиронии. Известен случай, когда какой-то мужик, войдя в кабак, не снял шапку перед портретом императора. А на замечание ответил, что ему наплевать на этот портрет. Дела об оскорблении царствующей персоны обязательно доводились до

сведения государя. Суд приговорил мужика к шести месяцам тюрьмы. Узнав о подробностях преступления, Александр III гомерически расхохотался и грозно воскликнул:

— Как! Ему наплевать на мой портрет, и я же за это буду ещё кормить его шесть месяцев? Вы с ума сошли, господа. Скажите, что и я, в свою очередь, плевать на него хотел. И делу конец. А мои портреты из всех кабаков убрать!

Александр III сумел внушить миру уверенность в том, что русский царь не поступит несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что он не затеет никакой авантюры. С другой стороны, все отдавали себе отчёт, что император никогда, ни в коем случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России.

Известный русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев после смерти Александра III сказал: «Мир во всём мире создан покойным Императором как высшее общее благо и действительно укреплён его доброю волею в среде народов, участвующих в прогрессе. Всеобщее признание этого ляжет неувядаемым венком на его могилу и, смеем думать, даст благие плоды повсюду...»

Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов)

*Пусть меня ругают и после
моей смерти ещё будут ругать,
но, может быть, наступит тот
день, наконец, когда и добром по-
мянут...*

**Из письма Александра III
Константину Петровичу
Победоносцеву**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Эту весть ждали. Ждали каждый день. Ждали с трепетом и волнением.

И всё же она пришла неожиданно.

Телеграмму в Зимний дворец доставили утром 4 апреля 1865 года. В ней сообщалось, что наследник престола Российской империи цесаревич Николай Александрович находится в очень тяжёлом состоянии. И в этом состоянии он был очень далеко от Санкт-Петербурга, в средиземноморском городке Ницце. Телеграмму отправила мать, императрица Мария Александровна, которая была рядом с сыном.

И вот он, брат цесаревича Николая, великий князь Александр Александрович, по просьбе матери должен был срочно выехать в Ниццу. Вместе с ним в это скорбное путешествие отправляется граф Борис Алексеевич Перовский.

Недолгие сборы.

Прощание с отцом и младшими братьями Владимиром, Алексеем, Сергеем, Павлом и сестрой Машей.

Карета.

Петербургские улицы и проспекты.

Поезд Петербургско-Варшавской железной дороги.

Синий вагон.

Купе.

Протяжный гудок паровоза.

Поезд вздрогнул и медленно двинулся вперёд.

Дорога — это всегда возможность многое обдумать и даже переосмыслить. И вспомнить, перебрать в памяти события минувших лет.

Это была уже вторая трагедия в семье императора Александра II. Первая случилась в 1849 году, когда от скарлатины умерла семилетняя Александра. Российская великая княжна, первый ребёнок и первая дочь в семье цесаревича

Александра Николаевича, будущего Александра II, и его супруги Марии Александровны. Она была любимой внучкой императора Николая I, старшей и тоже любимой сестрой великих князей Николая и Александра.

Она умерла внезапно, и это трагическое событие стало ударом для всех. Но тогда и цесаревич Николай, и великий князь Александр были детьми и воспринимали происходящее как общее семейное горе. Конечно, они плакали на погребении сестры в Петропавловском соборе. Но всё же дети по-иному переживают такие скорбные события.

Теперь двадцатиднолетний великий князь Александр воспринимал неминуемо приближавшиеся в далёкой Ницце события как личную трагедию. Ужасную и несправедливую. Ведь он так любил своего старшего брата!

Окрестности Санкт-Петербурга медленно проплывали за окном поезда. Города, где он, великий князь Александр Александрович, тогда просто Сашенька, появился на свет двадцать один год назад.

Появление на свет

Жители Петербурга привыкли к выстрелам с Петропавловской крепости. Ведь, как правило, они означали радостное событие.

Одним из таких событий была старейшая петербургская церемония вскрытия Невы ото льда. Впервые она состоялась в апреле 1719 года, когда при стрельбе с бастионов крепости «невский адмирал» переехал через Неву и доложил государю об открытии навигации.

7 сентября 1832 года император Николай I утвердил детальный церемониал открытия навигации по Неве. По условному сигналу, подававшемуся с Адмиралтейства, к Санкт-Петербургской крепости выезжали начальник городской верфи (от пристани возле Домика Петра I на современной Петровской набережной) и директор кораблестроительного департамента Морского министерства (от Адмиралтейства). И начальник городской верфи, и директор кораблестроительного департамента, подъезжая к крепости, салютовали ей семью выстрелами из фальконетов, а после ответного салюта из крепости докладывали её коменданту о свободном судоходстве по реке. После этого комендант крепости выезжал на катере под своим флагом и вся процессия направлялась к Зимнему дворцу, в кильватере один от другого.

Гребные суда горожан, желавших принять участие в церемонии, выезжали за начальником городской верфи и следовали в двадцати—двадцати пяти метрах от последнего катера. Приблизившись к Дворцовой набережной у Зимнего дворца, комендант крепости салютовал артиллерийскими выстрелами.

Затем все высаживались на набережной. Комендант Петропавловской крепости в сопровождении начальника городской верфи и директора кораблестроительного департамента входил во дворец и поднимался по парадной лестнице. Там гостей ожидал император. Комендант докладывал императору о состоянии вверенных ему частей, а сопровождавшие его лица — об открытии навигации. С этого момента разрешалось плавание судов по рекам столицы.

Стреляли и по иным поводам. В сентябре 1840 года в Санкт-Петербурге и его окрестностях состоялись грандиозные манёвры войск гвардейского корпуса. В один из дней «боевые действия» проходили непосредственно в городе, и поэтому в манёврах принимал участие гарнизон Санкт-Петербургской крепости. В самый день совместных манёвров происходил штурм Кронверка (который являлся неотъемлемой частью крепости) «открытою силою». А по завершении манёвров со стен крепости раздался артиллерийский салют в семьсот девяносто пять выстрелов!

В царствование императора Николая I продолжалась ещё одна традиция, заложенная Петром I, — возвещать пушечными выстрелами со стен Санкт-Петербургской крепости о важнейших событиях в жизни членов императорской фамилии.

Артиллерийскими залпами отмечали бракосочетания кого-нибудь из царствующей фамилии, рождения и крестины. Например, в день обручения наследника престола, великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II), в 1840 году крепость салютовала двумястами пятьюдесятью семью выстрелами, а в день его бракосочетания раздалось триста два выстрела.

Относительно того, как возвещать о днях рождения, в 1834 году был принят особый императорский указ. Отныне был установлен следующий порядок: рождение великих князей отмечалось двести одним выстрелом, а рождение великих княжон — сто одним выстрелом.

Однако из этого правила делались и исключения: 19 августа 1842 года, в день рождения Александры, дочери наследника престола, цесаревича Александра Николаевича, и

Марии Александровны, с крепости был произведён двести один выстрел, а 8 сентября следующего, 1843 года, по случаю рождения в семье цесаревича первенца — сына Николая — триста один выстрел. Николаю Александровичу, как старшему из детей, в будущем и предстояло наследовать отеческий престол.

О рождении ребёнка в императорской семье или семье наследника престола возвещали пушечные выстрелы не только в обеих столицах, но и в крупных городах.

26 февраля 1845 года ранние сумерки короткого зимнего петербургского дня в понедельник, в начале Великого поста, были вдруг разорваны звуками оружейной пальбы. Пушки на бастионах Петропавловской крепости стреляли с точной периодичностью: один, пауза, второй, пауза, третий...

Жители Петербурга насчитали двести один выстрел.

Это количество пушечных выстрелов возвестило жителям столицы Российской империи о рождении в семье наследника престола, цесаревича Александра Николаевича, второго сына — Александра.

Первой в семье наследника престола, будущего императора Александра II, и Марии Александровны, была девочка, Александра, вторым — мальчик Николай.

Вслед за Александром Александровичем в семье родятся четыре сына и дочь: в 1847 году — Владимир, в 1850-м — Алексей, в 1853-м — Мария, в 1857-м — Сергей, в 1860-м — Павел.

Роды великого князя Александра, третьего ребёнка у Марии Александровны, 26 февраля 1845 года принимали доктор Василий Богданович Шольц и главная акушерка Воспитательного дома Анна Чайковская.

Александром новорождённый был назван в честь отца и в память благословенного двоюродного деда, победителя непобедимого Наполеона.

В день рождения великого князя Александра был издан Высочайший манифест. В нём император сообщал:

«Божией милостью,

Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

В 26 день сего февраля Любезная Наша Невестка, Цесаревна и Великая Княгиня Мария Александровна... разрешилась

от бремени рождением Нам внука, а Их Императорским Высочествам Сына, наречённого Александром.

*Таковое Императорского Нашего Дома приращение при-
емля новым ознаменованием благодати Божией, в утешение
Нам ниспосланной, Мы вполне удостоверены, что вернопод-
данные Наши вознесут с Нами ко Всевышнему тёплые молит-
вы о благополучном возрасте и преуспейнии Новорождённого.*

*Дан в Санкт-Петербурге, в 26 день сего февраля, в лето
от Рождества Христова 1845-е, царствования же Нашего в
двадцатое».*

Подписанный 26 февраля, манифест был опубликован
лишь 1 марта 1845 года.

Автор манифеста, император Николай Павлович, стал
и крёстным отцом новорождённого внука.

Днём тезоименитства великого князя Александра Алек-
сандровича было назначено 30 августа — день памяти свя-
того благоверного князя Александра Невского. Святой
князь стал небесным покровителем будущего императора.

С первых дней жизни началась и военная служба ве-
ликого князя Александра Александровича. Высочайшим
приказом императора Николая I новорождённый великий
князь был назначен шефом Астраханского карабинерно-
го полка и зачислен рядовым в гвардейские полки: Лейб-
гусарский, Преображенский и Павловский.

В журнале «Маяк» было напечатано стихотворение на
рождение великого князя Александра Александровича.
Автором поэтического творения был почётный член от-
деления русского языка и словесности Петербургской
академии наук, детский писатель Борис Михайлович Фё-
доров:

Как Невский Александр, будь князь благочестивый,
Как новый Александр, герой позднейших лет,
Будь Александр Миротлюбивый!
Со временем будь велик — любя небесный свет!
Благословенному достойно соименный,
Ещё величия России Ты прибавь,
И имя Русское во всех концах вселенной
Своею жизнью прославь!

Рождение ребёнка в семье наследника престола Алек-
сандра Николаевича было встречено с неподдельной ра-
достью. Так, управляющий Третьим отделением Леонтий
Васильевич Дубельт с воодушевлением писал:

«Воображаю, как доволен Государь, что у него вдруг два внука... Это видно по числу производств при рождении и крестинах. Дай Бог, чтобы новорождённый рос, был здоров и веселил сердце деда, родителей и все русские сердца не только здоровьем, но ещё более достоинствами, свойственными будущему повелителю шестой части света.

Дай Бог! — Все русские помолятся об этом. — А я думаю, как вся Западная Европа бесится на это! Им бы хотелось, чтобы у нас и дети не родились...»

По воспоминаниям фрейлины Марии Фредерикс, «чертами лица малютка отчасти напоминал прадеда своего Императора Павла и второго сына его, Цесаревича Константина Павловича, что очень нравилось Императору Николаю I, благоговейно чтившему память отца и брата».

Крестины

Слова «крёстный отец» или «крёстная мать» имели в России особое значение и никогда не были пустыми звуками.

Крещение ребёнка являлось важной частью не только религиозной обрядности, но и повседневной жизни.

Процедура крещения великих князей и княжон была одной из придворных церемоний. Здесь всё и вся было чётко отработано, раз и навсегда определено ритуалом.

Крещение обставлялось со всей возможной традиционной пышностью. Ребёнка укладывали на подушку из золотой парчи и укрывали тяжёлой золотой императорской мантией, подбитой горностаем. При этом крестильные рубашки — розовые для девочек и синие для мальчиков — бережно сохранялись.

Крестили через две недели после рождения.

Так было и с Александром. Крестили новорождённого великого князя, будущего Александра III, 13 марта 1845 года в Большой церкви Зимнего дворца.

Таинство крещения начиналось с торжественного шествия в храм по дворцовым залам. По традиции мать ребёнка не присутствовала на крещении, но получала подарки по случаю этого важнейшего события. Но зато в таинстве крещения участвовали старшие братья и сёстры новорождённого. Так дети приобретали важный опыт участия в торжественных дворцовых церемониях.

Во время таинства крещения младенца на руках несла статс-дама, которую страховали «ассистенты».

В этот раз младенца несли на подушке статс-дама Мария Дмитриевна Нессельроде. Дело в том, что гофмейстерина цесаревны, первая придворная дама, которой по статусу и полагалось нести новорождённого, княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова была больна.

Согласно требованиям церемониала на Марии Дмитриевне было «русское» придворное платье. На голове кокошник с нашитыми на него бриллиантами, перекрытый фатой.

По сторонам Марии Дмитриевны Нессельроде шли, поддерживая подушку и покрывало, два знатнейших сановника империи: генерал-фельдмаршал светлейший князь Варшавский Иван Фёдорович Паскевич-Эриванский и статс-секретарь граф Карл Васильевич Нессельроде. Сразу после крестин, в этот же день, Карл Васильевич был возведён в звание государственного канцлера.

Важной частью обряда крещения было возложение на младенца «статусных» орденов. Происходило это так: в конце церковной службы императору на золотом блюде подносили орден Святого Андрея Первозванного, который он возлагал на новорождённого.

Кроме этого ордена младенец «награждался» орденами Святого Александра Невского, Белого орла, а также высшей степенью орденов Святой Анны и Станислава и зачислялся в один из лейб-гвардейских полков. Девочки при крещении получали знаки ордена Святой Екатерины.

Во время таинства крещения певчие пели очень тихо, чтобы не испугать младенца.

Присутствовали на крещении на случай различных «детских неожиданностей» те, кто обеспечивал постоянный уход за младенцем: кормилица крестьянка села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова, акушерка Анна Чайковская, доктор Василий Богданович Шольц. Но находились они за ширмами. По случаю торжеств они были нарядно одеты. Например, акушерка была в дорогом шёлковом платье и кружевном чепце, украшенная бриллиантовым фермуаром и серьгами.

Завершился обряд крещения вечерним торжественным обедом.

Но ещё до обеда младенец был сдан на руки нянек. Согласно принятой в императорской семье традиции няньки были англичанками. Первые два года за маленьким Александром ходила Екатерина Страттон. Её сменила Томасина Ишервуд, которая была с ним до семилетнего возраста.

Ишервуд, по свидетельству современников, особенной воспитанностью и изысканностью манер не отличалась. Фрейлина Анна Тютчева, дочь поэта Фёдора Ивановича Тютчева, характеризовала её так: «Ишервуд, рыжая и вульгарная до последней степени англичанка, которая обращается с ребёнком с грубостью и фамильярностью дурного тона, которая не может не иметь вредного влияния на его развитие». «Мне кажется, — замечала по этому поводу Тютчева, — что следует как можно раньше окружать государей атмосферой учтивости и хорошего тона и внушать этим способом уважение к себе и к другим, чтобы впоследствии иметь право требовать того же к себе от них...»

«An-Papá»

Николай I искренне любил своих внуков и именно поэтому сам утвердил строгую систему воспитания великих князей. Николай Павлович хотел, чтобы у будущих государственных деятелей высшего ранга с юных лет сформировалась сознательная ответственность.

Ведь по праву своего рождения они оказались на высшей ступени социальной иерархии и не могли отказаться от исполнения своих обязанностей.

В разработке программы образования и воспитания великих князей принимали участие министр иностранных дел канцлер А. М. Горчаков и профессор русской истории М. П. Погодин. Все решения, связанные с системой образования, обязательно поступали на высочайшую апробацию деда.

Это он, Николай, утвердил своим внукам Николаю и Александру воспитателей: знаменитого генерала, в прошлом директора Пажеского корпуса Николая Васильевича Зиновьева и выпускника Пажеского корпуса, помощника директора Института корпуса путей сообщения полковника Григория Фёдоровича Гогеля.

Военные были назначены воспитателями внуков императора не случайно. Николай I не без основания полагал, что боевой офицер гораздо успешнее, чем какой-нибудь серый «штафирка», учёный профессор из университета, сумеет преподать русским великим князьям то «единое на потребу», что, прежде всего прочего, необходимо было усвоить будущим властителям Русского государства: веру в Бога, любовь и верность Отечеству. Как раз в то самое время

император назначил министром народного просвещения академика Императорской академии наук князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова, любившего повторять, что «польза философии не доказана, а вот вред от неё возможен».

Внуки называли деда «*An-Papá*». Появление у Николая I этого прозвища было связано с тем, что они, будучи маленькими, никак не могли произнести *grand-papa* по-французски. По воспоминаниям близких, это самое «*An-Papá*» императора очень умиляло.

Известна редкостная набожность императора Николая Павловича. Он неукоснительно соблюдал все обряды, принятые в Православной церкви, приходил к воскресной обедне в дворцовой церкви раньше всех, причём любил, стоя у клироса, рядом с хором певчих, подпевать им. Такого же серьёзного отношения к делам веры он требовал и от всех членов своей семьи.

Внуки его, маленькие великие князья Николай и Александр, уже с двух-трёхлетнего возраста приходили в церковь и вместе со взрослыми отстаивали службы до конца. Фрейлина Марии Александровны Анна Фёдоровна Аксакова писала: «Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребёнка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали».

Братья

Отношения старших братьев Николая и Александра были особенными. Александр тянулся к Николаю, как к старшему брату. В семье Николая звали Никсом. Разница в возрасте между старшими братьями была всего полтора года, с младенчества они были очень дружны, вместе учились и воспитывались и позднее считались среди детей «старшими».

Родители братьев, цесаревич Александр Николаевич и Мария Александровна, относились к вопросу воспитания и образования своих детей так же трепетно и внимательно, как и император Николай I.

Они старались подбирать лучших педагогов, стремились вникнуть в каждую деталь учебного процесса. Не раз

советовались с видными государственными и научными деятелями.

Так, именно по поручению наследника престола Александра Николаевича член-корреспондент Петербургской академии наук, философ и публицист Алексей Степанович Хомяков составил специальную записку «Об общественном воспитании в России».

Алексей Степанович писал: «Воспитание в умственном и духовном смысле начинается так же рано, как и в физическом. Самые первые зачатки его, передаваемые посредством слова, чувства, привычки и т. д., имеют уже бесконечное влияние на дальнейшее его развитие.

Строй ума у ребёнка, которого первые слова были: Бог, тятя, мама, — будет не таков, как у ребёнка, которого первые слова были: деньги, наряд или выгода. Душевный склад ребёнка, который привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, будет значительно разниться от душевного склада ребёнка, которого родители не знают других праздников, кроме театра, балов и картёжных вечеров...

Воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласно с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началами Православия, которое есть единственное истинное христианство...»

Уже позднее Александр Александрович узнал, что взгляды родителей на воспитание сыновей расходились.

Отец Александр Николаевич настаивал на том, чтобы воспитание сыновей носило строго военный характер, поскольку великие князья будут офицерами. А мать Мария Александровна хотела, чтобы помимо военного воспитания сыновья получили и серьёзное гражданское образование.

В итоге было решено, что воспитателями мальчиков будут военные, а педагогами — гражданские.

Первой наставницей, гувернанткой была Вера Николаевна Скрипицына. Она давала им первые уроки чтения и письма, арифметики и священной истории.

Вера Николаевна — вдова ярославского помещика, до назначения наставницей к детям наследника цесаревича служила инспектором в Воспитательном обществе благородных девиц в Санкт-Петербурге.

Оставив Воспитательный дом, Вера Николаевна переселилась в Зимний дворец. Её комнаты и комнаты детей располагались во дворце со стороны Адмиралтейской площади, у Салтыковского подъезда.

Но, конечно, особую роль в семье играла мать. Позднее Александр Александрович признавался своей жене:

«Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой *Mamá*. Никто из гувернёров не имел на меня никакого влияния, никого из них я не любил (кроме Б. А. Перовского, да и то позже); ничего они не могли передать мне, я их не слушал и на них не обращал решительно никакого внимания, они для меня были просто пешками.

Mamá постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говению; своим примером и глубоко христианской верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала.

Благодаря *Mamá* мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру и церковь.

Сколько бывало разговоров самых разнообразных, задушевных; всегда *Mamá* выслушивала спокойно, давала время всё высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения...

Papá мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая *Mamá*. Ещё раз повторяю: всем, всем я обязан *Mamá*: и моим характером, и тем, что есть!»

Мария Александровна была не только ласковой, но и очень ответственной матерью. Немалую роль в воспитании детей играл составленный лично ею распорядок дня.

Лето в Царском Селе и Петергофе

Как правило, лето проводили в Царском Селе. Весь двор переезжал в Царскосельские дворцы ещё в мае.

Император Николай I Павлович, как обычно, занимал с императрицей Александрой Фёдоровной Александровский дворец, а цесаревичу Александру Николаевичу и его супруге Марии Александровне был предоставлен Зубовский флигель Екатерининского дворца. Там были оборудованы жилые и парадные половины.

Двух братьев, Николая и Александра, начали учить одновременно.

По распорядку дня мальчиков будили в семь часов утра. После молитвы пили чай. Затем шли здороваться и желать доброго утра родителям, «*An-Papá*» — деду государю импе-

ратору Николаю Павловичу, и «*Ап-Матá*» — бабушке царице Александре Фёдоровне.

С восьми до одиннадцати часов дети гуляли под присмотром полковника Григория Фёдоровича Гогеля. В одиннадцать часов для детей наступало время завтрака.

После завтрака до двенадцати часов великие князья поступали в распоряжение генерал-майора Николая Васильевича Зиновьева. Под его руководством по понедельникам и четвергам дети обучались артиллерийским навыкам, обслуживанию орудий. По вторникам и пятницам это время отводилось гимнастическим упражнениям. В среду и в субботу после завтрака они просто гуляли.

С двенадцати до четырнадцати часов, иногда на полчаса больше, занимались с Верой Николаевной Скрипицыной. Она обучала их основам русской грамматики и арифметике. Сразу после занятий обедали.

После обеда до шестнадцати часов снова гуляли с Николаем Васильевичем Зиновьевым. Летом — резвились, как хотели, а зимой — расчищали дорожки в парке, катали друг друга на санках. Когда позволял снег — лепили снежную бабу...

После гуляния и отдыха, с семнадцати до девятнадцати часов по понедельникам и субботам у них бывали уроки танцев. По вторникам и четвергам — занятия с В. Н. Скрипицыной. По средам и пятницам гуляли с Григорием Фёдоровичем Гогелем.

Так что весь день был заполнен занятиями, играми, прогулками, в том числе с отцом и дедом, которого внуки просто обожали. Порой все ходили купаться.

Анна Петровна Бологовская, урождённая Золотницкая, оставила такие воспоминания о царскосельском времяпрепровождении детей:

«Жили мы всегда в Царском, где стоял Кирасирский Его величества полк моего отца.

Чтобы играть с наследником Николаем Александровичем и великим князем Александром Александровичем, меня с моим братом Николаем каждое воскресенье приводили во дворец.

В длинной галерее Большого царскосельского дворца были собраны всевозможные игрушки, начиная с простых и кончая самыми затейливыми, и нашему детскому воображению представлялся тут полный простор.

Однако, несмотря на обилие, разнообразие и роскошь игрушек, одной из любимейших наших забав была игра

в лошадки, а так как у меня были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великий князь Александр Александрович вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком летели вдоль всей галереи, причём в пылу игры великий князь нещадно хлестал “лошадей” по ногам; доставалось, конечно, и платью, к великому негодованию моей чопорной англичанки, которой оставалось, однако, только кисло улыбаться».

В Царском Селе для военных игр была выстроена крепость. Около этой крепости проходили строевые занятия великих князей.

Ходить строевым шагом, выполнять строевые команды и различные ружейные приёмы их обучал отставной унтер-офицер лейб-гвардии Семёновского полка Тимофей Хренов. Он был назначен коммандантом к великим князьям ещё в 1848 году. В тот год внуки Николая I Павловича всё лето безвыездно провели в Царском Селе, где были приняты самые строгие меры профилактики от свирепствующей по всей стране холеры.

В свободное от занятий время в этой крепости дети играли в войну. Та же А. П. Бологовская вспоминала:

«В Царском Селе была устроена по всем правилам искусства маленькая крепость для игр и военных упражнений наследника цесаревича Николая и великого князя Александра: были воздвигнуты бастионы, выкопаны рвы, стояли пушки, и мы, дети, постоянно играли в войну, причём мне всегда приходилось изображать маркизантку. Помню, как одна из наших игр в войну не окончилась трагически только благодаря своевременному вмешательству воспитателя великих князей, генерала Николая Васильевича Зиновьева.

Дело было летом, играли мы в поход, и я, конечно, изображала маркизантку, но в чём-то провинилась, и меня решили судить военным судом. Было устроено торжественное заседание, на которое меня привели со связанными руками и прочли мне целый ряд обвинений, после чего я была единогласно приговорена к смертной казни через расстреляние.

Мне завязали глаза, поставили к стенке и стали палить в меня из деревянных пистолетов. При первом залпе мне было приказано упасть, что я и выполнила, конечно, в точности, затем великие князья решили, что надо меня похоронить; недолго думая, схватили они меня за руки и за ноги и потащили к копне сена, где принялись устраивать мне

могилу, причём я, только что расстрелянная, также принимала в этой работе самое деятельное участие; когда же всё было готово, меня толкнули в яму и начали забрасывать сеном, а для того, чтобы лучше утрамбовать, вся компания уселась наверху. Вначале мне было весело и смешно, но вскоре я начала задыхаться, так как на мне сидели два великих князя, мой брат, Паткуль и два Адлерберга; двигаться я также не могла, так как была совсем придавлена тяжестью сидевших наверху. Не знаю, чем бы окончилась наша затея, если бы не подоспел генерал Зиновьев, который вытащил меня оттуда полумёртвой и, о Боже, в каком виде.

Нас всех за это выбрали и тотчас же увели по домам, но надо было видеть, как на другой день великие князья ласкали меня и радовались; они меня очень любили, потому что я была ужасный сорванец и никогда ни перед чем не останавливалась».

Время после вечернего чая до сна, а ложились они в девять часов вечера, великие князья проводили с матерью и отцом.

В хорошую погоду ездили с матерью кататься в открытом экипаже по окрестностям, а в холодные или дождливые дни обыкновенно играли в её комнатах либо же слушали чтение вслух В. Н. Скрипицыной, Г. Ф. Гогеля или кого-нибудь из фрейлин.

Читали обыкновенно Священную историю, сказки, рассказы о Кавказской войне или географических открытиях и путешествиях.

Иногда собирались в большой гостиной в семейном кругу. На чайном столе кипел самовар. В это время отец за ломберным столиком играл в карты со своими адъютантами и придворными, велись неторопливые душевные беседы.

К 1 июля, когда праздновался день рождения «*An-Mamá*», бабушки Александры Фёдоровны, двор переезжал из Царского Села в Петергоф. Семейство цесаревича Александра Николаевича в Петергофе неизменно занимало Фермерский дворец.

Фермерский дворец был построен по указу Николая I как летний павильон. Во дворце-павильоне прошло всё детство его сына, великого князя Александра Николаевича. А после того, как великий князь Александр Николаевич женился на Марии Александровне и появились дети, павильон стал расширяться, перестраиваться. И превратился во дворец.

В Фермерском дворце протекала любимая всеми его обитателями сельская жизнь, где к утреннему столу неизменно подавались свежие продукты от собственной фермы. Их клали рядом с кувшином парного молока и ароматными караваемыми и булочками из печи.

Во дворце детям нравились нарядные и уютные комнаты матери, Марии Александровны, но больше всего — кабинет с пятигранным эркером-фонариком. И, конечно, Синий кабинет отца.

Но самым привлекательным и удивительным механизмом во дворце был лифт. Лифт представлял собой кресло, на котором можно было подняться на все этажи. В действие подъёмное устройство приводил камердинер. Он находился в специальной кабине и вручную крутил ручку подъёмного механизма. От кресла лифта камердинера отделяла стенка.

Воспитание и воспитатели

Интересные психологические портреты подростков Николая и Александра оставил их первый педагог Яков Карлович Грот. До приезда в Петербург он был заведующим кафедрой русской словесности и истории в Финляндском университете в Гельсингфорсе. Грот был приглашён для преподавания большинства дисциплин гимназического курса.

Яков Карлович в течение шести лет занимался с великими князьями русским и церковнославянским языками, всеобщей и русской историей, географией и немецким языком.

Для занятий отводилось время с семи часов утра до двух дня, с небольшими перерывами. В Зимний дворец Яков Карлович должен был приходить четыре раза в неделю. Но с мая до ноября место занятий менялось, так как императорский двор покидал Санкт-Петербург.

Яков Карлович Грот, несмотря на погоду, должен был ездить в Царское Село, Петергоф или Гатчину. Приезжать приходилось ещё накануне вечером, чтобы успеть к тому или иному дворцу. Ведь занятия начинались в семь часов утра.

Воспитатели Н. В. Зиновьев и Г. Ф. Гогель, по словам Грота, просили его заменять уезжавших на лето в отпуск преподавателей, и ему приходилось вести дополнительные

уроки, например, по французскому и английскому языкам. И, кроме того, вообще повторять с детьми пройденные по всем предметам уроки, кроме, естественно, Закона Божия. Ведь в воспитании царских детей решающее значение согласно русской традиции придавалось православию. Духовное воспитание и преподавание Закона Божия великим князьям было поручено духовнику императорской семьи протопресвитеру Василию Борисовичу Бажанову.

В своих записках Грот так изображает старшего из братьев: «Будущий наследник обещает чрезвычайно много. Наружность у него приятная. В лице его много сходства с отцом и отчасти с дедом. Черты лица у него правильные и гармонические, глаза голубые с большой живостью, светлые волосы, коротко стриженные. Нрав Николая Александровича весёлый, приветливый, кроткий и послушный. Для своих лет он уже довольно много знает, и ум его развит. Способности у него блестящие, понятливость необыкновенная, превосходное соображение и много любознательности».

По отзыву Грота, великий князь Александр представлял полную противоположность старшему брату. Яков Карлович вспоминал, что с первых дней занятий Александр Александрович встречал его с распростёртыми объятиями. Обхватывал его за шею и вис на ней. Чтобы освободиться от объятий, учитель шутя говорил ему, что боится, как бы юный великий князь не сломал ему шею или не задушил его.

Яков Карлович, по воспоминаниям жены Натальи Петровны Грот, отмечал, что в Александре не замечалось внешнего блеска, но он обладал светлым и ясным здравым смыслом, составляющим особенность русского человека, и замечательной сообразительностью, которую он сам называл «смекалкою».

На первых порах учение давалось ему нелегко и требовало серьёзных усилий. Но эти слабые стороны с избытком вознаграждались другими его качествами, которых не было у старшего брата. Александр Александрович отличался на занятиях внимательностью, сосредоточенностью, прилежанием и усидчивостью.

Он любил учиться, на уроках допытывался, что называется, до самой сути вопроса и всякое знание усваивал хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно.

Не менее любопытны записи в журналах воспитателей Григория Фёдоровича Гогеля и Николая Васильевича Зи-

новьева. Журнальные отчёты делались ежедневно. Вот некоторые записи, сделанные Г. Ф. Гогелем в 1850 году:

31 августа. «За обедом Александр Александрович был непослушен и очень раскапризничался, за что был лишён сладкого...»

1 сентября. «За чайным столом сидели хорошо, кроме Александра Александровича, который не совсем был умён, ссорясь с братьями...»

10 сентября. «Утром были умны, но гуляя по саду, я был недоволен Николаем Александровичем за то, что он не хотел поделиться с Александром Александровичем игрушками, имея две при себе, и хотя я говорил ему, что это дурно не делиться, когда брат так убедительно просит, но Николай Александрович не хотел исполнить доброю волею, и тогда я приказал ему отдать пику брату, что он исполнил тотчас же, но с неудовольствием...»

Николай Васильевич Зиновьев, в свою очередь, оставил такие записи:

17 сентября: «После чая, гулявши в залах и играя в прятки, я был недоволен старшими великими князьями за то, что часто ссорились и даже дрались, и хотя несколько раз им напоминал сделанное нами условие, что каждому воздастся тем же, однако же Александр Александрович, рассердясь на Николая Александровича, ударил его 2 раза остриём своей деревянной сабли довольно сильно по руке, за что я вынужден был тою же саблею ударить по руке Александра Александровича и лишить его удовольствия играть с нею...»

18 сентября: «Николай Александрович был приглашён к Маменьке обедать, а Александру Александровичу обещано это удовольствие, когда будет опрятнее кушать; это обещание так его поощрило, что он в первый раз в жизни ничего не пролил себе за обедом на салфетку...»

22 сентября: «Играли в больших залах, и я должен был побранить Николая Александровича за то, что он позабывал брату, когда Александр Александрович выиграл 2 партии в кегли...»

13 октября: «Николай Александрович был оставлен без пирожного за то, что выщипал несколько перьев у залетевшей в комнату птички...»

8 ноября: «Пришедши в 5 часов к великим князьям, я застал Александра Александровича стоящего в углу за ослушивание против нянюшки своей, которая была им чрезвычайно недовольна за то, что он ещё, кроме того, был с нею невежлив. Я с трудом мог уговорить Александра Александровича

ровича извиниться перед Нею, что он, однако же, исполнил, и тогда только мы сели за чайный стол, где все были умны и сидели прилично. Не могу умолчать при сём случае об милом поступке Николая Александровича, который, видя брата довольно долго в углу, просил меня простить его и, наконец, сам пошёл уговорить Александра Александровича извиниться перед *M-me* Ишервуд...»

Год 1850-й запомнился братьям и тем, что впервые дед «*An-Papá*» император Николай I пожелал, чтобы внуки присутствовали на церковном параде в день полкового праздника Кавалергардского полка, шефом которого была императрица. Парад этот всегда происходил на Масляном лугу пред Елагиным дворцом. В Елагин дворец императорский двор обыкновенно переселялся 5 сентября, в день памяти святых Захария и Елизаветы.

По случаю парада с юных великих князей сняли красные русские рубашки, в которых они обыкновенно ходили, и нарядили Николая Александровича в полную парадную офицерскую форму лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, а Александра Александровича — в лейб-гусарскую солдатскую шинель и фуражку. В этом виде явились они к императрице, чтобы поздравить её, августейшего шефа кавалергардов, с полковым праздником, и присутствовали при богослужении и на параде.

Порознь и вместе

Только самое начальное обучение обоих старших братьев проходило вместе.

18 февраля 1855 года скончался дедушка, «*An-Papá*», император Николай I. Для его внуков, братьев Николая и Александра, это событие стало тяжёлым ударом, ведь они искренне любили своего деда. Внуки присутствовали при последних минутах жизни «*An-Papá*». Болезнь случилась внезапно. В конце января, перед Масленицей, император Николай I слегка простудился на свадьбе дочери графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Вскоре простуда перешла в воспаление лёгких и болезнь быстро начала прогрессировать. Князь Владимир Петрович Мещерский писал: «Это умирание не имело признаков физической болезни, — она пришла только в последнюю минуту, — но умирание происходило в виде несомненного преобладания душевных страданий над его физическим существом».

18 февраля в 12 часов 20 минут, простившись с супругой, со всеми членами императорской семьи, в том числе и с внуками, с приближёнными и слугами, Николай I скончался. «Боже мой! — писал управляющий Третьим отделением Императорской канцелярии Леонтий Васильевич Дубельт. — Не стало нашего государя Николая Павловича! Плач всеобщий, всеобщее изумление — никто не верит, чтоб этот дуб телом и душою, этот великан так внезапно свалился!.. Удар неожиданный, никто не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать её — дело невозможное!»

Корону Российской империи и статус государя унаследовал Александр II Николаевич. Статус наследника престола перешёл к его старшему сыну. Так двенадцатилетний Николай Александрович получил официальный титул цесаревича.

Александр Александрович как второй сын продолжал оставаться просто великим князем. Он не испытывал по этому поводу никакого сожаления. По выбору деда, Николая I, Александру предстояла карьера артиллериста: высочайшим приказом от 28 января 1848 года трёхлетний Александр Александрович был назначен состоять в Гвардейской конной артиллерии.

Звание же наследника престола и титул цесаревича требовали дополнительных и целенаправленных занятий.

Цесаревичу Николаю Александровичу предстояло осваивать специально разработанный для него курс высшего образования, который включал философские, юридические и военные науки в объёме академического преподавания. За его дальнейшим образованием следил граф Сергей Григорьевич Строганов, который считался при дворе одним из самых знающих людей и был до этого сначала попечителем Московского учебного округа, а затем московским генерал-губернатором.

Братья продолжали заниматься с преподавателями. Но уже по разным программам и порознь.

Будущий царский жребий выпал на долю старшего брата по праву рождения. И всё же диктуемые высоким статусом новые обязанности не отдалили братьев друг от друга. Старший брат Николай, Никса, продолжал оставаться для Александра не только ближайшим родственником, но и самым доверенным и близким другом. Юношей объединяло также и множество общих интересов.

Александр не раз вспоминал события, в которых они вдвоём с братом принимали участие. Как, например, первый настоящий бал. Пусть и детский. Это было зимой 1851 года. Николай и Александр впервые стали полноправными участниками этого торжественного мероприятия. Прежде они были только зрителями и наблюдали за всем происходившим с хор парадных зал Зимнего дворца. Наблюдали не только балы, но и разнообразные праздничные мероприятия, военные церемонии, торжественные придворные выходы и приёмы.

А летом того же 1851 года, точнее, 1 августа, оба брата приняли участие в торжестве по случаю открытия памятника императору Павлу I в Гатчине.

На площади перед дворцом выстроились гвардейские части, сформированные ещё в царствование Павла Петровича.

Семилетний великий князь Николай Александрович, в мундире лейб-гвардии Павловского полка, командовал взводом, а шестилетний Александр Александрович, одетый в парадную солдатскую форму павловцев, стоял в торжественном карауле у памятника в прославленной ещё с суворовских времён остроконечной гренадёрке, с настоящим ружьём у ноги.

Они вдвоём любили вспоминать и случай в Ревеле. Семья отправилась туда на морские купания. Конечно же, мальчишки не знали, что в Европе запылало пламя очередной революции, но слышали, как взрослые не раз говорили о походе в Венгрию. И вот как-то, после очередных взволнованных разговоров взрослых о боевых действиях русской армии в Венгрии, они решили, ввиду возможной диверсии неприятеля, укрепить Ревель и принялись при помощи нескольких сапёров усердно воздвигать в саду земляное укрепление, торжественно названное ими форт «Дебречин», в честь венгерской крепости Дебрецен, взятой русскими войсками как раз в том же 1849 году.

И, конечно, запомнились рождественские ёлки в Зимнем дворце. Рождественские праздники любили все.

Готовились к ним заранее, в первую очередь подготавливая подарки. Это было очень увлекательное занятие. Родители дарили детям игрушки, книги, садовые инструменты. Дети старались сделать для родителей, бабушки и дедушки что-нибудь своими руками.

После рождественской службы устраивался семейный обед, а затем двери банкетного зала распахивались — и все

«оказывались в волшебном царстве». Весь зал был уставлен рождественскими ёлками. Зелёные лапы ёлок были украшены сверкающими разноцветными свечами, увешаны золотыми и серебряными игрушками и золочёными фруктами. Шесть ёлок ставилось для семьи, остальные — для родственников и придворных.

Возле каждой ёлки был накрытый белой скатертью столик, уставленный подарками. Около полуночи детей уводили в детские.

Через три дня ёлки разбирали. Причём главными участниками этого мероприятия были царские дети, вооружённые ножницами. Ставили стремянки и срезали с ёлки лакомства и украшения. Всё это ёлочное изобилие раздавали слугам, которые приходили сюда со своими семьями. Родовались все — и дарители, и одариваемые.

Первопрестольная

Это была незабываемая поездка! Впервые в жизни — в Москву, на поезде!

Там, в Москве, как им с Николаем объяснили родители, должны были отметить двадцатипятилетие со дня коронации на царство императора Николая Павловича, их любимого «*An-Papá*».

К этому событию было приурочено и празднование открытия железной дороги, соединившей две русские столицы.

В четыре часа утра 19 августа 1851 года царское семейство выехало из Санкт-Петербурга по новой железной дороге. «*An-Papá*» с гордостью говорил, что это была первая в мире двухпутная железная дорога такой протяжённости.

Рассвет они встречали у окна вагона. За окном бежали деревца, рощицы, поля, деревни. Крестьяне на полях поднимались в полный рост и с удивлением смотрели на несущийся куда-то поезд. То есть на них, сидящих в этом самом поезде у окна. Это было незабываемое ощущение.

На каждой станции по пути в Первопрестольную императора встречали толпы народа. Люди стояли вдоль полотна железной дороги, чтобы хоть мельком взглянуть на царский поезд и помахать руками первым пассажирам.

Путешествие длилось всего один день. Удивительный день: самый длинный и самый короткий. В тот же вечер, в одиннадцать часов, поезд прибыл в Москву.

Москва поразила братьев. Они с восторгом смотрели на улицы, запруженные толпами ликующего народа.

У Иверской часовни путешественники вышли из карет, чтобы помолиться перед чудотворной иконой Божией Матери и возблагодарить Господа за благополучное окончание дальней дороги.

Затем проехали через Красную площадь и Спасские ворота в Кремль. Там они проследовали в Большой Кремлёвский дворец.

На другой день состоялся торжественный выход императора и всей семьи через Красное крыльцо в Успенский собор.

Переживания детей очень точно описал Сергей Спиридонович Татищев:

«Торжественное богослужение под древними сводами первопрестольного храма Русской земли; гул колоколов, сливающийся с пушечною пальбою, но покрываемый восторженными кликами несметной толпы при двукратном появлении Венценосной четы в дверях дворца и собора; одушевление, ликование, умиление, слёзы, неподдельный восторг народа, достигающие апогея в ту психологическую минуту, когда Император и Императрица, остановясь на высшей ступени Красного крыльца, милостивым поклоном отвечают на выражения народной любви; всё это могучее и живое проявление таинственной и неразрывной связи Самодержавного Русского царя с его народом не могло не произвести на юные умы Николая и Александра Александровичей глубокого и неизгладимого впечатления. Расширялся и светлел их умственный кругозор и в детских их сердцах зазвенели им самим дотоле неведомые струны...

Царская семья провела в Москве целые три недели, в продолжение которых молодые Великие князья могли вдоволь насладиться своеобразною прелестью древней столицы с её златоглавым Кремлём, древностями, святынями, с чудным видом с дворцовой террасы на Москву-реку, со всем её чисто русским народным складом и особенностями.

Не подлежит сомнению, что с этого первого посещения Белокаменной глубоко запала в чуткие и отзывчивые души обоих братьев и там пустила крепкие корни любовь ко всему родному, к русской старине и народности, о которых они до тех пор не имели ясного представления и которые впервые поразили их в Москве, как некое откровение...»

Больше всего братьям нравились праздники на Детском острове Александровского парка Царского Села. Этот остров был любим несколькими поколениями императорских детей.

Именины Александра и день рождения Николая приходились на конец августа — начало сентября, и потому местом их проведения, как правило, становился Александровский парк и его знаменитый остров. 30 августа — именины у Александра, 8 сентября — день рождения Николая.

Праздники — это всегда подарки. Как и все дети, они любили подарки.

Подарки были очень разные. Причём детям наряду с игрушками старались дарить и полезные вещи. В 1852 году в день именин семилетний Александр Александрович получил в подарок от дедушки Николая I детское оружие — ящик с ружьём, пистолетом и прибором к ним. Всё это было изготовлено знаменитыми тульскими мастерами.

Бабушка, императрица Александра Фёдоровна, вручила ему славянское Евангелие в русском переводе в бархатном переплёте с бронзовыми украшениями, золотые карманные часы с маленькой цепочкой, перламутровое портмоне и четыре английские раскрашенные гравюры.

Дяди, великие князья Николай и Михаил Николаевичи, принесли племяннику художественно вырезанную из дерева группу, изображающую итальянских охотников.

Старший брат преподнёс охотничий арапник с костяным свистком. Кроме этого, Александр получил свой старый и изломанный егерский рожок, который старший брат «починил и отделал заново за свой счёт».

В ответ Александр подарил старшему брату в день рождения не только «весь снаряд трубочиста», но и «за свой счёт исправил его старую валторну».

Именины и день рождения братьев в 1857 году вновь отмечали на Детском острове. Сначала был фейерверк, а затем дети сами приготовили себе очень простое угощение — ленивые щи и бифштекс с картофелем.

А потом были подарки. Особенно запомнилась большая лодка, которую подарила на день рождения внуку Николаю бабушка императрица Александра Фёдоровна.

Двенадцатилетний Александр Александрович на именины получил от отца-императора набор «мужских» подарков: два акварельных рисунка, бронзовые столовые

часы, серебряное портмоне, старинный русский бердыш, две картины, двадцать четыре раскрашенные литографии, изображающие войска гвардии, французское иллюстрированное издание. Была среди подарков и фотография отца в мундире лейб-гвардии Финского стрелкового батальона, ведь именинник был шефом того самого полка.

Традиция дарить подарки в семье Александра II была одной из самых почитаемых и любимых.

На двадцатилетие, то есть 26 февраля 1865 года, отец подарил сыну картину известного живописца и иллюстратора Константина Александровича Трутовского, приобретённую на выставке в Академии художеств, а также большую фотографию с картины художника-баталиста Александра Евстафиевича Коцебу «Полтавская битва».

Мама, которая в это время находилась в Ницце, прислала с фельдъегерем альбом с новыми фотографиями. А через несколько дней юбиляр получил второй подарок от матери — любимый музыкальный инструмент — *cornet à pistons*. Ему очень нравились медные духовые инструменты. *Cornet à pistons* был особенным. Он напоминал трубу, но у него была более широкая и короткая трубка и он был снабжён не вентилями, а пистонами.

На Севере диком...

Мероприятия и события, участниками которых они, то есть Николай и Александр, были вместе, остались в памяти особенно яркими картинками.

30 мая 1858 года, в день рождения Петра I, вся императорская фамилия присутствовала на открытии грандиозного Исаакиевского собора в центре Петербурга. Величественный собор был создан напряжённым долголетним трудом отечественных мастеров-строителей. Освящение этого великолепного храма подвело своеобразный итог полуторавековым усилиям самодержцев династии Романовых увековечить имя святого преподобного Исаакия Далматского, византийского монаха, ставшего покровителем основателя города и Российской империи Петра Великого. Кроме того, собор должен был демонстрировать впечатляющий символ единства православия и государственности.

После знаменательного церковного торжества юным великим князьям была предоставлена возможность посе-

тить некоторые священные обители северо-запада России. Это случилось во второй половине июня.

Поводом к этой поездке послужило возвращение Александра II из двухнедельного путешествия на север, в Соловецкий монастырь.

26 июня навстречу императору на пароходе-фрегате «Александрия» отправилась императрица в сопровождении четырёх сыновей и гостившей при дворе принцессы Вюртембергской Ольги Николаевны с супругом. Встреча планировалась в Лодейном Поле, расположенном в 244 километрах от Петербурга на старинном Архангельском тракте.

Уже днём того же дня пароход-фрегат «Александрия» пришвартовался у стен могучей крепости на острове в истоке Невы из Ладожского озера. Царственные путешественники с огромным любопытством осматривали могучие стены знаменитой Шлиссельбургской крепости, основанной новгородцами на Ореховом острове в начале XIV века. Крепость, названная новгородцами Орешек, была форпостом борьбы со шведской экспансией. Особенно поразил Александра Александровича рассказ об опальном императоре Иоанне Антоновиче, трагически погибшем в стенах этой крепости.

Затем «Александрия» отправилась дальше. После встречи с императором в Лодейном Поле все вместе двинулись в обратный путь.

27 июня побывали в Свято-Троицком Александровском мужском монастыре. Обитель была основана в 1484 году. Там, в Преображенском соборе, у чудесно сохранившихся нетленных мощей преподобного Александра Свирского были отслужены литургия и молебен с коленопреклонением.

28 июня их ждал удивительно тёплый приём на острове Валаам, который по праву назывался Северным Афоном. Монастырь на Валаамских островах в северо-западной части Ладожского озера на протяжении веков являлся духовным центром Православной Руси.

Прямо на берегу царская семья была встречена игуменом и братией криками «ура!». Вверх к собору Святых Сергия и Германа, основавших монастырь в начале XIV века, шли по дороге, усыпанной свежими полевыми цветами.

Выслушав приветствие настоятеля обители, Александр II признался: «Это моё давнишнее желание посетить Валаам. Слава Богу, что оно исполнилось».

После обедни августейшие паломники побывали в келье игумена, осмотрели оба соборных храма и ризницу. Озером любовались на монастырском боте, на котором гребцами были монахи, а кормчим отец казначей. На боте сумели посетить принадлежащие обители скиты Святого Николая и Всех Святых. Там монарх беседовал со схимниками. А цесаревич Николай и великий князь Александр в церкви Святителя Николая поставили свечи пред иконой.

Когда возвратились в монастырь, государь и его спутники пошли в трапезную и заняли места за общим столом вместе с иноками.

На старом братском кладбище всех гостей привлекло одно захоронение. Это была могила шведского короля Магнуса. По монастырской легенде, флот Магнуса во время похода на Новгород и Карелию погиб, застигнутый бурей в Ладогe. Сам же король спасся на Валааме, где в благодарность за своё чудесное избавление от смерти принял православие, против которого раньше боролся, постригся в монахи с именем Григорий и вскоре, в 1371 году, скончался в монастыре.

Настоятель проводил царскую семью на пароход и при прощании благословил императорскую чету и их детей. В знак памяти своего посещения цесаревич Николай и великий князь Александр подарили Валаамскому монастырю две драгоценные лампы к мощам преподобных Сергия и Германа. Когда пароход отчалил, братия на берегу запела «Спаси, Господи, люди твоя».

Александр II с сыновьями поднялись на трап в штурманскую рубку, а императрица осталась на палубе. Торжественное пение монахов сливалось с громкими криками «ура!». Государь снял фуражку и поклонился насельникам обители.

На пути в Петербург была ещё одна остановка — на острове Коневец. Остров расположен в трёх километрах от западного берега Ладожского озера, примерно в ста километрах от столицы. Там, на острове, 29 июня путешественники посетили Рождество-Богородичный Коневский мужской монастырь. Монастырь был основан в 1393 году преподобным Арсением Коневским, прожившим до этого три года на Афоне. Юных великих князей поразили огромный валун Конь-камень, который и дал название острову.

Но путешествия того лета после возвращения в Петербург не закончились.

Вскоре из Кронштадта на пароходе-фрегате «Рюрик» Александр с братом отправились в Нарву, затем в Выборг.

В плавании царевичей сопровождали военные воспитатели, наставник Гримм, врач Обломиевский и секретарь Оом.

По Сайменскому каналу поднялись в озеро Сайма и полюбовались величественным водопадом в Иматре. Затем по тому же живописному Сайменскому каналу спустились обратно в Выборг. Отсюда шхерами проследовали на Пютерлакскую гранитную ломку и к устью реки Кюмени. Путешествие продолжалось со 2 по 11 июля.

Значительная часть июля и августа была посвящена занятиям в Петергофском лагере военно-учебных заведений. Братья были зачислены в ряды 1-го Кадетского корпуса.

Изредка сыновья сопровождали своего августейшего отца на учения, манёвры и смотры Гвардейского корпуса в Красном Селе.

Яркой страницей в памяти осталось 25 июня 1859 года — день рождения покойного деда — императора Николая I.

В этот день великий князь Александр, брат Николай и вся семья приехали на Исаакиевскую площадь. Там перед Мариинским дворцом открывался памятник императору Николаю I.

Николай I был изображён в мундире офицера Конно-гвардейского полка гарцующим на рослом скакуне. Самым невероятным казалось то, что массивная шестиметровая бронзовая конная фигура опиралась только на две точки опоры, которыми служили задние ноги коня.

Не менее интересным оказался и пьедестал памятника, украшенный четырьмя аллегорическими женскими фигурами. Великие князья с интересом рассматривали эти скульптуры, ведь головы фигур были портретными изображениями императрицы Александры Фёдоровны, *гравд-Мамá*, и дочерей Николая I — Марии, Александры и Ольги, тёток царевичей.

В сентябре того же 1859 года произошло ещё одно событие. 8 сентября, когда старшему брату цесаревичу Николаю Александровичу исполнилось шестнадцать лет, состоялась торжественная церемония провозглашения его юридического совершеннолетия.

В тот день в присутствии всех членов императорской семьи и почётных гостей он принёс духовную присягу на верность государю и гражданскую присягу на верность Отечеству.

Сразу же после принесения присяг наследник престола был отделён от младших братьев и получил специальные апартаменты в Зимнем дворце.

В декабре 1859 года на рождественские праздники, которые традиционно с ёлкой отмечались царской семьёй, в Петербург приехал главнокомандующий Кавказской армией князь Александр Иванович Барятинский. Ему, как победителю знаменитого предводителя горцев Шамиля, было присвоено звание фельдмаршала. По установленному правилу новому фельдмаршалу были представлены все высокопоставленные военные лица, в том числе и сыновья императора.

Август. Москва. Братья

Братья знали, что их отец Александр II считал старшего сына Николая «слишком изнеженным», поэтому требовал более частых занятий в гимнастическом зале и верховой езды.

Однажды, упражняясь в скачках с препятствиями, Николай упал с лошади. Считалось, что это могло стать одной из причин последовавших позднее проблем со здоровьем у цесаревича. Результатом падения были сильный ушиб позвоночника и, возможно, сотрясение мозга. Впрочем, одна из фрейлин двора называла роковым не этот случай, а другой, который произошёл несколько лет спустя, когда великий князь, «пробуя силы свои с принцем Лейхтенбергским», очень сильно ударился об угол мраморного стола.

В 1861 и 1863 годах наследник Николай совершил две поездки по России. Это считалось необходимым для будущего правителя, чтобы он мог ближе познакомиться со страной и с людьми.

Поездки были организованы исключительно для Николая, и поэтому братьям удавалось встретиться лишь в промежутках между отъездами и приездами. И тогда радости их не было предела. Так случилось и в августе 1861 года.

19 августа 1861 года шестнадцатилетний Александр отправился в Москву с четырнадцатилетним братом Владимиром. Программа посещения Первопрестольной включала и поездку в Новый Иерусалим. В дневнике Александр записал (здесь и далее сохранена орфография подлинника):

«22 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома. В 9 часов мы поехали в колясках на железную дорогу, чтобы ехать в Новый Иерусалим. Скоро мы сели в вагоны и отправились. С нами поехал Н. В. Исаков, который был в Иерусалиме и

мог нам рассказать об нём. Когда мы приехали на Крюковскую станцию то мы сейчас же сели в кареты и отправились в путь. В 1-й карете сидели: Б. А., М. Реми, А. Б. и я, во 2-й сидели Н. В. Исаков, Д. Ф., Н. П. и Владимир. Через 1 1/2 часа мы уже были в Монастыре. Никто нас не ждал и оттого мы дожидались прихода Архимандрита, который нас встретил с духовенством и отслужил маленький молебен. Потом мы начали наш осмотр который продолжался 2 часа из церкви, в которой теперь 39 пределов, мы пошли в скит патриарха Никона и осмотрев его пошли в трактир обедать, нас провожала ужасная толпа.

Обед был прост, но хорош, и мы с аппетитом пообедали.

После обеда мы сидели в комнатах, где все курили и разговаривали. Севши в коляски, мы поехали в обратный путь и приехали на станцию раньше, чем ожидали, и потому поезд не был ещё готов. Через несколько минут всё было готово и мы поехали назад в Москву. Приехали туда в 6 часов».

И вечером он встретился с любимым братом, вернувшимся из первого путешествия по России.

Тогда Александр Александрович записал в дневнике:

«Прямо со станции мы отправились домой, где застали Никсу, который приехал из Нижнего Новгорода.

Мы с ним пошли к себе и там пили чай со всем обществом.

Теперь я намерен идти к Никсе осматривать его вещи, а потом лягу спать».

На следующий день он вновь оставил запись в дневнике:

«23 августа встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми а потом я писал письма. К нам приходили Ф. А. и И. В. После завтрака мы пошли в Патриаршую Ризницу и осматривали там старинные вещи. Там есть очень хорошие древности: напр.: Евангелие на Греческом языке VII или VIII века, потом очень много богатых риз и митр Патриарха Никона. Там есть ещё перстень, который был дан Ханом за исцеление его дочери Святителю Алексею. Походив там около 1 часа, мы пошли опять в Терема, а оттуда домой. В 2 часа мы поехали кататься, я с М. Реми, а Владимир с Н. П. Покатавшись около часу, мы возвратились домой, и я сел писать журнал. В 4 часа мы сели обедать, после обеда я и Владимир пошли к Никсе, и я оставался там довольно долго, а потом пришёл домой, где все готовы были ехать смотреть Храм Спасителя. Мы видели там только одну часть отделанную,

а прочее всё закрыто. Потом мы осматривали колонны и пьедесталы из яшмы. Больше нечего было смотреть. Приехав домой, мы пили чай у Б. А., куда пришёл и Никса. Потом мы пошли к нему и смотрели виды Нижнего Новгорода, Казани и Владимира. Потом я пришёл домой, где застал И. В. и А. И. Они у нас оставались довольно долго. Этим кончился наш день.

24 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми. Потом мы все кроме Владимира пошли в церковь Спас на Бору. Там теперь всё переделывается и пишут образа. Мы прикладывались к мощам Степана (Стефана. — А. М.) Пермского. Там похоронены тоже Князья и Княгини Русские. В старине это был Княжеский монастырь и там постригали Русских Князей в монахи, перед смертью. Оттуда мы пошли в Церковь Св. Лазаря. Эту церковь недавно отыскали, она была погребом и в ней нашли бочки с дёгтем.

Теперь её подновили и там служат. Осмотрев церкви, мы возвратились домой. В 11 часов мы поехали в Новоспасский монастырь, где похоронены все Романовы и их родные. Нам показывал Архимандрит монастыря Агапит. Осмотрев Собор и могилы, мы простились с Архимандритом, который подарил мне образ. Оттуда мы поехали в Донской монастырь и там тоже осматривали собор и другую церковь, где похоронен Амвросий, который был убит во время бунта, когда была чума. Настоятель монастыря дал мне там образ Донской Божией Матери. Простившись с ним и с монахами, я с Б. А. сели в коляску и уехали, а за нами наша свита. На дороге домой мы заехали к Графу Блудову, который живёт в Александрии, и пили у него чай. Побыв там около получаса мы поехали домой обедать. У нас обедал Гн Снегирёв, который ездил с нами по монастырям. После обеда мы поехали в четвёрках на Смоленскую дорогу и заходили в дом, где был совет Генерала Кутузова в 1812 году 1-го Сентября. Дом этот внутри остался как он был тогда; теперь там висят портреты Генер. 12-го года. С этого места мы поехали в Новодевичий монастырь, и там осматривали собор, где был маленький молебен. После молебна мы пошли смотреть келью, где жила Софья Петровна (очевидно, Алексеевна. — А. М.), теперь там Настоятельница монастыря. Мне подарили там образ Спасителя очень хорошо сделанный. Простившись с ними, мы поехали домой, где Владимир пил чай. В $1\frac{1}{2}$ 9 мы пошли к Никсе пить чай. Оставшись там около часу я пошёл домой писать журнал. Н. П., М. Р. и А. Б. поехали в Эрмитаж. Я иду спать.

25 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми. Потом пошли к Б. А. и там наши курили. Побыв там немного мы поехали с Б. А. в Симонов монастырь к обедне, туда поехали тоже И. В. и А. Б. Когда мы приехали в Монастырь то там никого не было, наконец мы нашли одного человека который нам показал дорогу и мы вошли во Церковь там уже началась обедня, мы стали с Б. А. около стенки и нас никто не узнавал около часу; но наконец узнали и начали суетиться. Когда мы увидели, что нас узнают, то тогда мы потихоньку вышли вон и пошли к коляскам и были уже под воротами как пришёл Настоятель монастыря и приглашал нас в ризницу и осмотреть монастырь; но мы ему сказали что нет времени и уехали домой. Приехавши домой, мы завтракали, а потом все пошли к. Б. А. курить, а я пошёл писать журнал.

Потом я с Б. А. поехал по магазинам, но ничего не нашли хорошего. Возвратившись домой, мы застали у себя Графа Блудова, который оставался у нас довольно долго. В 4 часа я пошёл к Никсе обедать; у него было довольно много за обедом, но все свои. После обеда я надевал костюмы и сапоги, привезённые из Нижнего Новгорода. В 6 часов мы поехали в Коломенское Село, где был прежде дворец Алексея Михайловича, теперь его нет, но остался только челобитный столб. Церкви там очень старинные их 4, почти все в одном месте. Летом там бывает Кадетский лагерь. На возвратном пути мы встречали много экипажей дорожных ехавших в Тулу. Этот вечер по всей Москве бывают всенощные потому что это Канун дня Коронации. Возвратившись домой мы с Б. А. пошли одни в Успенский собор, послушать службу и видеть как простой народ молится. Нам это хорошо удалось, нас никто не узнал в Соборе и мы постояли там немного и потом вышли вон, и пошли домой через коридоры. В 8 часов мы все пили чай и долго сидели вместе. Потом Никса пошёл домой, а я снова сел писать журнал и потом уйду спать.

26 августа. Встали в 7 часов и потом пили чай с М. Реми. После чего я долго с ним сидел и говорил. В 10 часов я пошёл в полной парадной форме к Никсе, а оттуда мы пошли в залы, где стояли все Генералы, Сенаторы и офицеры. Когда мы прошли мимо их, то они все пошли в Церковь, а мы другой дорогой вошли в Храм, где нас встретил Митрополит с духовенством. Он сказал речь Никсе. Потом началась обедня и мы вошли во внутрь. Обедня шла очень долго, а потом был молебен. Когда вся эта церемония кончилась мы

вошли во дворец тем же ходом. Возвратившись домой мы завтракали. После завтрака я с Б. А. поехал с визитами к Тучкову, к Н. Г. и к генер. Рамзаю.

Кончивши свои визиты, я пошёл смотреть образа, которые нам принесли продавать, а потом пошёл писать журнал. В 4^{1/2} часов был большой обед в Александровской зале; на этом обеде был Митрополит.

Обед не долго продолжался, и был очень хорош. Музыка играла очень хорошо. После обеда все вышли в Андреевскую залу и там разговаривали. Когда мы пришли домой то я начал выбирать образа, а потом А. И. читал “Богдан Хмельницкой”. В 8 часов пил у нас чай Ник[с]а. За чаем приходил к нам проститься Снегирёв. Потом Д. Б. читал нам свой журнал. Простившись с Никсом, я пошёл доканчивать свой журнал. Завтра в 7 часов мы оставляем Москву.

27 августа. Встали в 6 часов и пили чай с нашими. После чаю мы поехали к Иверской Божией Матери, а оттуда мы поехали на железную дорогу. Там приехал нас проводить обер-полицмейстер Крейц. В 7 часов поезд тронулся и мы в последний раз увидели часть Москвы. Завтракали и обедали в вагоне с офицерами путей сообщения, которые нас проводили от станции до станции. Мы шли очень скоро 60 вёрст в 1 час. В Колпине мы были в 8^{1/2} часов и сейчас же поехали в Царское в колясках, было очень темно и оттого мы часто должны были ехать тихо. Приехали в Царское в ¹/₂ 10 часа, где нас встречали все наши на подъезде. Потом мы пошли пить чай, а после чаю легли спать. Этим окончилось наше приятное путешествие в Москву».

Дороги 1863 года

Наследник Николай Александрович много ездил по стране, знакомясь с жизнью своих будущих подданных.

Во время всех расставаний братья вели активную переписку.

Каждое письмо брата становилось для Александра праздником. Младший брат Алексей (в семье его звали Сейчик) однажды принёс письмо от Никсы. Александр и Алексей читали его вместе и веселились. Никса писал младшему брату:

«...Ваш братец Николашка вам кланяется и желает много лет здравствовать. Думается мне, что подзабыли вы братца вашего набольшего, вот и взял перо гусиное и отписываю вам цидулку сию неграмотную.

Я, слава Богу, жив и здоров и преуспеваю в путь-шествии моём. Газет и писем моих к братцам, думаю, вы не читаете по малой вашей, не в обиду будь сказано, грамотности. Так я сам хочу вашу милость известить и с вами малое время покалякать.

Теперь аз малое время плыву на некоем паровом ките, именуемом “Поспешный”, сиречь “скоро ползущий” Идём мы вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью. Воистину, Ваше Высочество, широкое раздолье. Хорошо море, да Волга лучше... Берега, Ваше Высочество, какие! Страсти сущие! Почище будет, чем в Петергофской речке, высоко и привольно. Гуляй, сколько душе угодно... Хорошо, доложу вам, также на Нижний посмотреть, из себя красив выглядит; ну и город важный, богатый — всё есть. Вот доложу, какие есть тут, стоят и проживают городища: Рыбинск, Ярославль, Кострома прозываются пресущественные города!

Особливо Ярославль из себя красив: ну и богатеющие купцы тут проживают и на ярмонку в Низовой Новгород ездят, там торг свой ведут. Эти города называю вам, потому что вы в географии ещё не тверды, а может, до того не дошли, а где-нибудь по Америке или по Африке прогуливаться с указкой изволите. Ну, признаться, и я не твёрдо их знал, а вот как теперь, то и помню...»

Кто же мог представить, что когда Николай писал эти полные веселья и юмора строки, жить ему оставалось чуть больше полутора лет.

Отец и сын

Император Александр II почти всё лето 1863 года провёл в Царском Селе с сыновьями Александром, Владимиром и Алексеем. В тот год не было обычного лагерного сбора гвардии в Красном Селе. Дело в том, что бóльшая часть гвардейских полков была отправлена в Литву и Польшу для умирения охватившего эти области мятежа.

Те летние месяцы, проведённые вместе, сблизили императора с сыновьями. И в первую очередь это касалось Александра, который в качестве флигель-адъютанта часто дежурил при отце.

Все дни они проводили вместе. Когда удавалось, гуляли, «с наслаждением» купались, обедали, а по вечерам катались верхом, в экипажах или на лодке по озеру.

В июле Александр Александрович вместе с братом Владимиром отправились с отцом в Финляндию. Там между Тавастгусом и Гельсингфорсом проходили военные манёвры.

Затем Александр и младшие братья сопровождали отца в Гельсингфорс на открытие финляндского сейма. Накануне отплытия на яхте «Штандарт» они принимали участие в устроенной моряками гонке судов, в которой Александр и Алексей Александровичи взяли первые призы. И это был настоящий праздник!

В Гельсингфорсе Александр вместе с братьями присутствовали при произнесении отцом тронной речи, которой император открыл финляндский сейм. Затем участвовали во всех празднествах, устроенных по случаю восстановления конституционной жизни Финляндии. Танцевали на балу в Гельсингфорсе, ездили с отцом на охоту.

Во время пребывания в финляндской столице император Александр II произвёл своего сына Александра в полковники.

По возвращении из Финляндии Александр II поехал в Крым. Там, в Ливадии, его давно ждала императрица.

Почти всё лето с перерывами на поездки продолжались занятия великих князей.

С воспитателем графом Борисом Алексеевичем Перовским у его питомцев установились самые сердечные отношения, полные уважения и доверия друг к другу. Борис Алексеевич сообщал своим подопечным, что писал их родителям в Крым о прилежных занятиях великих князей и их больших успехах. Перовский отмечал, что разительные перемены в учёбе произошли у Александра Александровича.

Одной из причин увлечения Александра Александровича учёбой было пополнение состава его прежних преподавателей профессором Санкт-Петербургского университета Иваном Ефимовичем Андреевским. Он был приглашён читать краткий курс энциклопедии права.

Интерес и увлечённость, внесённые профессором в учебные занятия, отразились и на других предметах. Так, Александр Александрович в короткое время сделал большие успехи во французском языке, на котором мог уже без труда разговаривать.

За время отсутствия родителей и старшего брата Александр и его братья — великие князья — подружились и сблизились с двоюродными братом и сестрой герцогом и

герцогиней Лейхтенбергскими. Николай Максимилианович и Евгения Максимилиановна проводили осень в Царском Селе. С Николаем Александр часто охотился и совершал большие пешеходные прогулки, а с Евгенией ездил верхом и часто у неё обедал.

Вместе отправились в Колпино встречать возвращавшегося из продолжительного путешествия Никсу.

Никса с удовольствием и увлечённо рассказывал о своей поездке по двадцати русским губерниям. Он признавался, что эти месяцы путешествия научили его большему, чем три года учения за книгами. Ведь он увидел настоящую Россию, такой, как она есть, познакомился с жизнью людей, узнал о их нуждах и заботах.

Братья слушали его рассказы обо всём увиденном, затаив дыхание.

Расставание

После возвращения Никсы из путешествия 1863 года окружающие, как писала одна из фрейлин, были «поражены переменой великого князя... Наследник был худ и бледен».

А вскоре болезнь обострилась: Николай жаловался на слабость и сильные боли в пояснице. Врачи ничего точно диагностировать не смогли, ограничившись догадками, что это, возможно, последствия простуды.

Было принято решение отправить цесаревича в Европу. Причин для путешествия 1864 года было три: первая — поправить здоровье, вторая — окончательно завершить большой европейской поездкой своё образование, а третья, не менее важная, — посмотреть возможных невест.

Александр II считал, что его сыну непременно следует посетить Данию. Это желание касалось третьей причины путешествия наследника. Отец хотел, чтобы в Дании Николай познакомился со второй дочерью короля. Этого же, то есть династического брака, хотели и родители датской принцессы Дагмары.

Секретарь цесаревича Фёдор Адольфович Оом вспоминал о принцессе: «Она была одета чрезвычайно просто, в светлом летнем платье с чёрным передником. Причёска была простая, гладкая коса поддерживалась сеткой. Маленькая головка чрезвычайно грациозно покоилась на стане невысоком, но необыкновенно пропорционального

сложения. Глаза поразили нас всех выражением ласки и кротости, а между тем взор пронизывал человека, на которого они были обращены».

Молодые люди познакомились. И не только познакомились, но и под чутким вниманием родителей Дагмары смогли узнать друг друга поближе... и — влюбиться. Ему был двадцать один год, ей семнадцать лет.

Николай писал матери: «Если бы ты знала, как я счастлив: я влюбился в *Dagmar*».

20 сентября 1864 года состоялась помолвка, после которой наследник сообщал отцу: «...Мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу руки, и как легко было потом».

Жители Петербурга были извещены об обручении наследника сто одним пушечным залпом.

Александр, конечно, узнал о произошедшем в Дании раньше, чем прогремели пушечные залпы Петропавловской крепости. Обо всех событиях в Дании Николай подробно писал своему младшему брату. А матери Николай признавался, что никому не писал таких нежных писем, как «Саше», и теперь даже не может отдать себе отчёт, кого он больше любит — «Сашу или Дагмару».

Свадьба была назначена на лето следующего, 1865 года.

После помолвки наследник продолжил своё путешествие по Европе.

Однако его здоровье день ото дня резко ухудшалось. Мучительные боли в спине всё усиливались. Он отправился в Ниццу, где в это время была его мать. Императрица Мария Александровна лечилась в средиземноморском климате от чахотки.

Врачи (в том числе и французские), осмотрев Николая Александровича, решили, что это обострение ревматизма, усугубившееся малярией, и назначили курс лечения.

Несмотря на небольшое первоначальное улучшение, позже болезнь обострилась. Хотя высказывались предположения, что «болезнь цесаревича обусловлена хроническим воспалением позвоночника», изменений в план лечения внесено не было.

В марте 1864 года началось резкое ухудшение состояния, завершившееся временным параличом правой стороны тела. Надежд на выздоровление не оставалось.

Из Ниццы через несколько дней на русском военном корабле через Ливорно цесаревич со свитой прибыл во Флоренцию. Здесь с великим князем сделался жесточай-

ший приступ: появились сильные боли в спине, которые вынудили его лечь в постель.

Консилиум врачей решил, что у цесаревича острый ревматизм. И только один итальянский доктор высказал предположение, что у больного происходит воспалительный процесс в области позвоночника. Впоследствии оказалось, что именно этот диагноз был верным.

Цесаревичу делали массаж, но это не приносило заметного облегчения. Николай двигался с трудом. Боясь возобновления острых болей, он почти никогда не выпрямлялся и ходил сгорбившись.

В декабре 1864 года из Флоренции цесаревич отправился обратно в Ниццу. Здесь ему становилось всё хуже и хуже. В январе 1865 года знаменитейшие французские медики провели очередной консилиум. Они определили причину болезни как последствие сильной простуды и предписали цесаревичу оставаться пока в Ницце.

В те февральские дни Александр Александрович писал брату Николаю:

«Милый брат Никса, благодарю тебя очень за твоё милое письмо, полученное на той неделе. Прости, что не отвечал тогда же, но я писал *Мамá*...

Потом пост, покаяние, вспоминание всех грехов на исповеди и потом чудная минута причащения. Милый мой друг, при этом случае прошу у тебя от всего сердца прощения, если я когда-нибудь причиню тебе какое-нибудь огорчение. Надеюсь, что мы не имеем ничего дурного друг к другу, и я одного прошу у Бога — это то, чтобы мы всегда оставались в тех отношениях друг к другу, как прежде и в настоящую минуту. Не говорю о том, как я сожалею, что мы должны только мысленно обняться, а не на деле...

Грустно, очень грустно будет говеть в разлуке с душкой Ма, с тобой, милый мой друг, с маленькими, как вас будет недоставать в нашей милой церкви. Вспомни обо мне, когда будут петь “Ныне силы небесные с нами невидимо служат” Когда это поют, я готов плакать как ребёнок, так на меня действует этот напев. Когда слышишь эту песню, невозможно, чтобы не пришло желание достойно причаститься.

Итак, ещё раз прости меня, милый брат, за всё. Целую тебя крепко, *Мамá*, сестру и братьев тоже. Непременно буду писать *Мамá* завтра в понедельник по почте. Твой друг и брат Саша».

Между тем силы цесаревича слабели с каждым днём. В марте 1865 года врачи пришли к заключению, что ухуд-

шение происходит от приморского климата. Наследника решили перевезти в отдалённую от моря виллу, рядом с виллой императрицы. В отношении диагноза и реального состояния Николая Александровича были дезориентированы все.

31 марта 1865 года великий князь Александр Александрович писал цесаревичу из Петербурга в Ниццу:

«Милый брат Никса! Давно что-то не получал я от тебя писем... Грустно будет завтра причащаться, так нас мало. Ты знаешь, что мы едем с *Papá* в Баден, где встретимся с душкой Ма, и я надеюсь познакомиться с твоею Минни. Жаль, если ты не сможешь приехать тоже в Баден. Но я всё-таки надеюсь тебя увидеть и приехать к тебе, где бы ты ни был. Но я надеюсь, что это произойдёт в Бадене! Но прежде всего надо тебе хорошенько подлечиться, чтобы зараз кончить с этой несносной болезнью. Потом будет хуже, если ты теперь не отделаешься от неё. Всё, что я теперь желаю, чтобы Бог тебя подкрепил терпением, потому что я очень хорошо понимаю, как тебя тянет к твоей невесте. Но так как это в твоём теперешнем положении невозможно и думать — ехать на север, то я надеюсь, что ты перенесёшь эту неприятность с полным терпением.

Теперь позволь мне поздравить тебя с наступающей Пасхой и мысленно поцеловать тебя трижды. Надеюсь, что на будущий год мы проведём этот великий праздник веселее, чем этот год. Поздравляю тоже всех твоих спутников. Прощай, милый душка Никса, обнимаю тебя что есть мочи, и так я надеюсь, что до свиданья, но где не знаю. Твой брат и друг Саша».

В конце марта — начале апреля появились настолько угрожающие симптомы, что 4 апреля из Ниццы в Санкт-Петербург отправили телеграмму с просьбой срочно приехать.

Так великий князь Александр Александрович в день Светлой Пасхи отправился из Петербурга в Ниццу.

* * *

Почти всю дорогу до Ниццы великий князь Александр Александрович провёл один, хотя рядом с ним находился добрейший Борис Алексеевич Перовский.

Граф Борис Алексеевич Перовский был генерал-адъютантом отца, но его хорошо знал и Александр Александрович, так как ещё пять лет назад этот боевой генерал и на-

чальник штаба Корпуса путей сообщения был причислен состоять при великих князьях Александре Александровиче и Владимире Александровиче.

Такой всё понимающий попутчик и мудрый человек был особенно важен в этой трёхдневной поездке из Петербурга в Ниццу.

Переломным моментом поездки стала остановка в Берлине. Если до Берлина поезд, как казалось, мчался и пейзажи за окном быстро сменяли друг друга, то после Берлина всё изменилось. И теперь складывалось ощущение, что поезд просто ползёт. Что ни какой он не скорый, а просто-напросто чуть живая черепаха. А всё потому, что в Берлине Александр узнал страшную новость: Николай уже причастился! Это известие сразило наповал. Ведь причастие обычно принимают перед вероятной кончиной!

Поезд медленно подходил к Ницце, и Александр с волнением ждал встречи с братом. С больным Никсой. Ему очень не хотелось говорить «умирающим».

Но увидеть брата оказалось не так просто.

Ницца

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1865 год

— Отправился из С.-Петербурга в Ниццу 4 апреля.

— Куда прибыл — 8/20 апреля.

— Отправился из Ниццы — 17—29 апреля.

— Переночевал в Мюльгаузене, с 18 на 19 апреля.

— Прибыл в Дармштадт 19 апреля / 1 мая.

— Выехал из Дармштадта — 25 апреля / 7 мая.

— Возвратился в С.-Петербург — 28 апреля».

Великий князь встречал отца через три дня после своего приезда в Ниццу, 10 апреля.

Император Александр II вместе с великим князем Владимиром Александровичем и немногочисленными сопровождающими выехал вечером 6 апреля. По пути, во французском Дижоне, к ним присоединилась принцесса Дагмара с матерью — королевой Луизой.

Поезд, в котором находились император и сопровождавшие его лица, прибыл к железнодорожной станции в Ницце в пять часов вечера.

По словам очевидцев, встречавший отца Александр Александрович «был очень бледен и худ, глаза красны и распухли». Именно таким его впервые увидела и Дагмара.

На вопрос отца, как Николай, Александр не мог ответить. Он сказал, что за три дня пребывания в Ницце ещё не видел брата. Целыми днями он находится в соседней комнате, слышит голос Николая, видит часть его кровати, но в комнату его не пускают, так как все боятся, что это расстроит больного.

Приехавший вместе с императором один из воспитателей великих князей Николай Павлович Литвинов так описывал в своём дневнике происходившие события:

«Императрица всё время не отходила от Николая Александровича. Когда государь приехал, то она, желая приготовить Николая, сказала ему, что государя ожидают с часа на час; бедный наследник с какою-то особенною чуткостью, необыкновенно развившейся в последние дни болезни, сразу отгадал, в чём дело, и объявил, что “папá здесь, в другой комнате, — пусть он войдёт”

Тут же вошёл и Александр Александрович. Наследник очень обрадовался, всех узнал и всех перецеловал.

Когда к больному жениху подошла принцесса Дагмара, то лицо Николая Александровича просияло радостью, он громко засмеялся от удовольствия, поцеловал у неё руку и, обращаясь к государю, сказал: “Не правда ли, как она мила, папá?”

В субботу вечером, в 11 часу, в день рождения Владимира Александровича, мы разошлись по своим комнатам, унося с собой слабый луч надежды, которому суждено было недолго ласкать нас. В 5 часов утра, 11 апреля, на нашей вилле *Verdier* слышались тревожные шаги оторопевших людей, и нас разбудили страшными словами, что Николай Александрович кончается.

Граф Перовский побежал немытый и небритый, еле накинув на себя платье.

Я тоже скоро после него прибежал на виллу Пелион.

В ночь Николаю Александровичу сделалось гораздо хуже и перемена была такая быстрая, что все ожидали близкой кончины.

В 7 часов послали за принцессой Дагмарой. Наследник всех ещё узнавал и со всеми поздоровался.

В 12 часу ему предложили приобщиться Св. Тайн, что он исполнил с полным сознанием.

По окончании священного обряда он начал со всеми

прощаться. Он каждого присутствующего называл по имени и говорил по два раза: “Прощай, прощай”. Когда он со всеми простился, подле него остались только свои; в головах с правой стороны стоял Александр Александрович, а с левой принцесса Дагмара; наследник всё время держал их за руки; принцесса часто становилась на колени и впивалась в левую руку умирающего жениха. Государь и императрица стояли по обе стороны больного в ногах; таким образом, отец и мать как будто уступали первенство подле больного его другу и его невесте. Цесаревич всё ещё был в полной памяти и говорил ясно.

Так, после минутного забытья, он открыл широко глаза, взял за руку Александра Александровича и, обращаясь к государю, сказал: “Папá, береги Сашу; это такой честный, хороший человек” В забытии он часто поминал его имя. Вообще, он очень любил Александра Александровича...

Часу в третьем он поднял руки и правой рукой поймал голову Александра Александровича, а левой искал как будто голову принцессы Дагмары.

В этот день великие князья почти ничего не ели с утра; в шесть часов они пришли к столу, приготовленному подле виллы Пелион для кавалеров, и, проглотив немного пищи, снова побежали к больному брату. За исключением этого, Александр Александрович не отходил от постели. Целый вечер сидели мы в томительном ожидании в комнатах, смежных со спальней наследника. Доктора беспрестанно собирались в консилиум, толкуя о том, сколько осталось жить больному и какого рода болезнью он болен...

Наследник час от часу был слабее и слабее; разумеется, всякая надежда пропала даже у самых упорных.

Все разошлись по маленьким комнатам виллы и расположились группами. У всех, конечно, был один и тот же нескончаемый разговор о наследнике и его болезни. Крайнее напряжение сил с 5 часов утра так утомило всех, что нет ничего естественнее, что всех клонило ко сну; действительно, часу в первом ночи все, которые были со мною в комнате, в том числе и я, задремали, каждый в том положении, как разговаривали.

Вдруг дверь с шумом отворяется и граф Строганов с палкою в руках выходит из комнаты наследника и произносит: “Всё кончено”, и затем быстро скрывается.

Мы все вскочили и перекрестились; я посмотрел на часы — было без 10 минут час ночи, следовательно, 12 числа апреля или 24 по новому стилю.

Все, бывшие на вилле, без всякого разрешения, хлынули в комнату, где лежал наследник; оттуда неслись раздирающие душу стоны и рыдания.

Громче всех плакал Владимир Александрович, меньше всех императрица; она была очень тверда.

Принцессу Дагмару насилу оттащили от трупа и вынесли на руках.

На бедного Александра Александровича было жалко смотреть. Через час стали омывать тело.

Александр Александрович всё время при этом присутствовал и сам надевал чистое бельё на покойника».

Вскрытие, произведённое великим русским хирургом Николаем Ивановичем Пироговым, показало «не только туберкулёзный менингит, но и внутренний нарыв в спинных мускулах, коснувшийся позвоночного столба, который и был основным источником болезни».

В манифесте, появившемся после кончины Николая Александровича, говорилось:

«Всевышнему угодно было поразить нас страшным ударом... Но, покорясь безропотно Промыслу Божьему, мы молим Всемогущего Творца вселенных, да даст нам твёрдость и силу к перенесению глубокой горести, Его волею нам ниспосланной...»

Живший в это время в Ницце поэт Фёдор Иванович Тютчев написал стихотворение «12 апреля 1865 года»:

Всё решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред Богом был достоин
Другого, лучшего венца —

Другого, лучшего наследства,
Наследства Бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был Его, —

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, —

О ней, чью горечь испытанья
Поймёт, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

Ницца погрузилась в глубокий траур. У виллы Вермонт был выставлен траурный почётный караул — пятьдесят стрелков французской императорской армии, кавалерийский эскадрон из Марселя и русские матросы.

Всё вокруг было в траурных лентах; сабли офицеров были покрыты чёрным крепом. На всех общественных зданиях были приспущены флаги. Корабли, стоявшие на рейде Ниццы и Вильфранша, также в знак траура приспустили флаги.

14 апреля тело Николая Александровича было перенесено в русскую церковь на улицу Лоншан. Эту церковь построила бабушка покойного цесаревича — императрица Александра Фёдоровна, супруга Николая I. В длинной траурной процессии шествовали певчие и духовенство, среди которых был духовник великого князя священник Прилежаев.

За шеренгами казаков вместе с пешими егерями французской императорской гвардии шёл император Александр II. Далее следовали братья покойного — великие князья Александр, Владимир и Алексей, затем герцог Николай Лейхтенбергский, герцог Георгий Мекленбургский и принц Александр Гессен-Дармштадтский, представители иностранных государств, личная свита покойного великого князя и Их Императорских величеств.

Императрица ехала в специальной коляске вместе со своими младшими детьми: Сергеем, Павлом и Марией. За императорским экипажем следовали коляски придворных дам из свиты императрицы, затем различных российских сановников, гражданских и политических высших должностных лиц, членов русской колонии в Ницце. Замыкало процессию подразделение русских моряков.

17 апреля после утренней панихиды был зачитан императорский манифест, в котором объявлялось, что отныне великого князя Александра Александровича следует величать великим князем и наследником. Несколько дней спустя Александр Александрович записал в дневнике:

«Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда не забуду этот день в Ницце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали и только слышались со всех сторон рыдания, и рыдания неподдельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слёз; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого. Мать больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился:

брата, друга. И что всего ужаснее — это его наследство, которое он мне передал; я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое моё назначение. Может, я часто забывал в глазах других моё назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжёлая и трудная обязанность. Но “Да будет Воля твоя, Боже”, эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают и поддерживают всегда, потому что всё, что и случится, всё это Воля Божия, и потому я спокоен и уповаю на Господа!»

18 апреля состоялось перенесение тела на военный фрегат «Александр Невский». Фрегат под командованием контр-адмирала Степана Лесовского под эскортом французских военных кораблей взял курс на Санкт-Петербург.

21 мая фрегат с печальным грузом на борту прибыл в Кронштадт.

24 мая император Александр II и императрица Мария Александровна возвратились в Царское Село. Было приказано, чтобы никакие церемонии не сопровождали их приезд. В семье царил траур.

25 мая состоялось перенесение тела в Петропавловскую крепость.

* * *

Когда гроб везли по улицам Петербурга, по набережной Невы, люди останавливались, снимали шапки и крестились.

Из окна одного из домов на набережной возле Летнего сада за всем происходящим наблюдала очень бледная юная барышня. Это была принцесса Екатерина Ольденбургская. Безумно влюблённая в цесаревича Николая, она знала, что её даже прочили в жёны наследнику. Екатерина Петровна слегла с сильнейшим нервным расстройством, когда её возлюбленный отправился в Данию на смотрины принцессы Дагмары.

Она была так слаба, что наблюдала за всем происходящим на набережной сидя в кресле у окна.

Теперь, когда её возлюбленный умер, она стала совсем безутешна. Она не захотела жить и вскоре последовала за ним. Все близкие восприняли её скоротечную болезнь как целенаправленное самоубийство.

Именно ей, Катеньке Ольденбургской, спустя годы после тех роковых событий поэт Александр Блок посвятил стихотворение, которое легло в основу популярного романа.

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце моё разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце моё разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце моё разрывалось!..

* * *

28 мая 1865 года состоялись отпевание и торжественное погребение цесаревича Николая Александровича в Петропавловском соборе.

Петропавловский собор был полон народа. Была заполнена и вся площадь перед собором.

Церемония шла своим чередом. Очевидец тех событий вспоминал: «Прощание государя со смертными останками цесаревича было умирительно-трогательно, равно как и нежность, с которой он вслед за тем обнял и целовал нынешнего великого князя наследника».

На следующий день в Белом зале Зимнего дворца Александр II принимал представителей иноземных держав и многочисленные депутации от всех сословий, прибывших из разных губерний для присутствия на похоронах цесаревича Николая. К депутациям присоединились представители петербургского дворянства и городского общества.

Император вышел к ним в сопровождении цесаревича Александра Александровича и произнёс:

«Я желал вас видеть, господа, чтобы лично изъяснить вам от себя и от имени императрицы нашу сердечную благодарность за участие всей семьи русской в нашем семейном горе. Единодушие, с которым все сословия выразили нам своё сочувствие, нас глубоко тронуло и было единственной

для нас отрадою в это скорбное время. В единодушии этом наша сила, и пока оно будет существовать, нам нечего бояться ни внешних, ни внутренних врагов.

Покойному сыну суждено было, во время путешествия его по России в 1863 году, быть свидетелем подобного же единодушия, вызванного тогда посягательством врагов наших на древнее достояние русских и на единство государства... Да сохранится единодушие это навсегда! Прошу вас, господа, перенести на теперешнего наследника моего те чувства, которые вы питали к покойному его брату. За его же чувства к вам я ручаюсь. Он любит вас так же горячо, как я вас люблю и как любил вас покойный. Молитесь Богу, чтобы он сохранил его нам для будущего благоденствия и славы России! Ещё раз благодарю вас, господа, от души».

На царском приёме впервые после восстания 1863—1864 годов участвовали высшие гражданские чины и аристократы Царства Польского. Император, в присутствии цесаревича Александра Александровича, обращаясь к ним, сказал:

«Я желал видеть вас, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которые вы выразили мне при последних тяжких обстоятельствах. Хочу верить, что они искренни, и желаю, чтобы были разделены большинством ваших соотечественников, подданных моих в Царстве Польском. Чувства эти будут лучшим ручательством в том, что мы не подвергнемся уже тем испытаниям, через которые прошли в недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашим заблуждённым соотечественникам. Надеюсь, что вы будете содействовать к образумлению их. При сём случае не могу не припомнить те слова, поставляемые мне в укор, как бы оскорбление для Польши, которые я сказал в 1856 году в Варшаве по прибытии туда в первый ещё раз императором. Я был встречен тогда с увлечением и в Лазенковском дворце говорил вашим соотечественникам: “Оставьте мечтания!” (“*Point de reveries!*”). Если бы они последовали этому совету, то избавили бы ваше отечество от многих бедствий. Потому-то возвращаюсь к тем же прежним моим словам. Оставьте мечтания! Я люблю одинаково всех моих верных подданных: русских, поляков, финляндцев и других; они мне равно дороги; но никогда не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединении Царства Польского от России и самостоятельное без неё существование его. Оно создано русским императором и всем обязано России.

Вот мой сын Александр, мой наследник. Он носит имя того императора, который некогда основал царство. Я надеюсь, что он будет достойно править своим наследием и что он не потерпит того, чего я не терпел. Ещё раз благодарю вас за чувства, которые вы изъявили при последнем печальном событии».

Представлять Датское королевство на похоронах цесаревича Николая в Петербург приехал брат Дагмары, принц Фредерик.

Ровесник Александра и в будущем король Дании Фредерик VIII совершенно неожиданно от имени короля Кристиана IX вручил Александру Александровичу высшую награду Дании — орден Слона. Трудно было понять, что означало награждение: то ли ответную благодарность на награждение самого Кристиана IX важнейшим орденом Российской империи — Святого Андрея Первозванного, сделанное ещё во времена правления императора Николая I, то ли ещё что-то.

Но кое о чём можно было догадаться после того, как к этой награде принц Фредерик прибавил письмо сестры Дагмары. В письме принцесса просила сохранить «ко мне Ваши дружеские чувства».

Александр ответил Дагмаре через некоторое время короткой запиской, а затем в их переписке наступил длительный перерыв. И не только потому, что Александр слыл противником скорых решений. Главная причина заключалась в том, что у него была сердечная тайна...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА

Цесаревич

О том, что в империи появился новый цесаревич и наследник престола, подданные узнали из манифеста императора Александра II. Высочайший манифест был обнародован в Ницце 17 апреля 1865 года. Заканчивался манифест так:

«Лишившись первородного сына и прямого преемника Нашего, ныне в Бозе почившего Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, Мы, на точном основании закона о престолонаследнике, провозглашаем второго сына Нашего, Его Императорское Высочество Великого Князя Александра Александровича Наследником Нашим и Цесаревичем».

Манифест был доставлен в Россию с нарочным и обнародован в Санкт-Петербурге 19 апреля.

Титул престолонаследника — «цесаревич» — существовал в Российской империи со времён правления императора Павла Петровича, точнее — с 1797 года. Полностью он звучал так: «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь».

В Законе Павла I о престолонаследии 1797 года значилось, что этот титул принадлежит непосредственному наследнику престола. Правда, уже в 1799 году Павел нарушил свой же закон, присвоив титул цесаревича (но без слов «государь наследник») за «вящие заслуги» ещё и второму своему сыну, Константину Павловичу. Этот титул Константин носил и при Александре I, когда стал действительно следующим лицом в порядке наследования престола, и продолжал его носить и после 1823 года, когда отрёкся от права престолонаследия. После 1825 года титул присваивался в соответствии с павловским законом. И вот с 1865 года этот титул перешёл к Александру Александровичу.

Горестные дни, проведённые Александром Александровичем в Ницце, бередили память. Он признавался: «Приехать великим князем, а уехать наследником тяжело, и в особенности лишившись самой верной моей опоры, лучшего друга и любимейшего брата».

С этого времени Александру Александровичу полагалось участвовать во всех мероприятиях как цесаревичу и наследнику престола. Но присягу, которую было необходимо принимать наследнику, откладывали. Причиной тому был официально объявленный в империи траур.

После скорбных событий, завершившихся похоронами Николая Александровича 28 мая 1865 года, вся императорская семья отправилась в Петергоф.

Распорядок дня в Петергофе был традиционным и расписан до мелочей. Утром цесаревич должен был являться к императрице для поцелуя, а по вечерам присутствовать у неё на собраниях, куда приглашались только избранные. Они читали, обсуждали светские события, играли в карты. Александра всегда раздражала эта скучная придворная жизнь, но изменить её он не мог.

Адъютант цесаревича Александра Александровича блестящий кавалергард Сергей Дмитриевич Шереметев в своих мемуарах пересказал то, о чём в то время говорили при дворе:

«Великий князь Александр Александрович никогда не отличался светскими наклонностями, не любил танцевать, на балах всегда скучал и не скрывал вообще своих взглядов. Придворные дамы двора императрицы Марии Александровны всего менее привлекали его, как и близкий её кружок. Он определённо не сочувствовал ни Тютчевым, ни Мальцевой, ни Толстой, ни Блудовой...

Понятно, что именно в среде окружающих государя и императрицу находились люди, не сочувствующие цесаревичу. Они распространяли о нём слухи, хотя невольно должны были с ним считаться».

И вот, наконец, торжественное принесение присяги новым наследником престола было назначено на 20 июля 1865 года.

Присяга

Присяга подросших великих князей и особенно цесаревича имела среди придворных церемоний немаловажное значение.

Все мальчики в императорской семье зачислялись на военную службу с момента рождения. Сначала это было шефство над теми или иными полками русской армии.

В семь лет мальчики получали первый офицерский чин и соответствующий мундир. Однако дальше начинались различия, и довольно существенные между цесаревичем и великими князьями.

Церемония принесения присяги проводилась по достижении цесаревичем шестнадцати лет. Считалось, что необходимо было как можно раньше юридически оформить статус цесаревича.

Цесаревич в торжественной обстановке приносил гражданскую и воинскую присягу.

По заведённому церемониалу гражданская присяга приносилась в Большой церкви Зимнего дворца. Из церкви по парадной анфиладе шествие направлялось в Георгиевский или, как его порой называли, Большой Тронный зал, где цесаревич у трона под знаменем Атаманского «своего имени полка» произносил воинскую присягу «на верность службы Государю и Отечеству». Это было очень значимое событие и в жизни присягавшего, и в жизни его родителей, и в жизни императорского двора.

Совершеннолетие остальных детей в царской семье наступало, когда им исполнялось двадцать лет. Тогда великие князья принимали присягу. Формально с этого момента они утрачивали свой «детско-юношеский статус».

В этот день для молодых великих князей устраивался своеобразный «выпускной бал — мальчишник». В последний день перед совершеннолетием великие князья награждали своих слуг за верную службу.

В день присяги воспитателей заменял попечитель, решения которого были столь же обязательны для великих князей, как и их прежних воспитателей.

Не стали отступать от принятых правил и в этот раз.

20 июля 1865 года состоялось торжественное принесение присяги великим князем Александром в соответствии с церемониалом.

Этому событию посвятил свою картину Богдан Павлович Виллевальде — «Присяга Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Александра Александровича в Георгиевском Тронном зале Зимнего дворца 20 июля 1865 года».

Карьера художника немецкого происхождения Богдана Павловича (Готфрида) Виллевальде началась ещё при

императоре Николае I и продолжилась при его сыне Александре II. Первую работу выпускнику Петербургской академии художеств Александр Николаевич заказал ещё являясь цесаревичем. Название полотна было оговорено при заказе — «Торжественный въезд Их Императорских величеств в Москву перед Священным коронованием 17 августа 1856 года». И после этого Виллевальде отображал почти все важнейшие моменты жизни императорской семьи и знаковые события в жизни империи. Получив звание профессора II степени по батальной живописи, Виллевальде стал изображать деятельность русской армии в различных походах и кампаниях.

Так как акт принесения присяги наследником являлся важным государственным событием в империи, Александр II поручил живописцу запечатлеть этот момент на картине.

Накануне дня присяги весь императорский двор переехал в небольшой Елагин дворец на Елагин остров. Двор поселился здесь впервые со времён императора Николая I.

На Елагин остров к Александру Александровичу приехал князь Владимир Петрович Мещерский. Ещё 29 мая, на следующий же день после погребения цесаревича Николая, Мещерский преподнёс великому князю Александру Александровичу толстый журнал в кожаном переплёте. Мещерский сопровождал подарок следующими пожеланиями: «Я ласкаю себя надеждою, что для самих себя в этом журнале Вы не будете по-прежнему скрыты, но в нескольких строках ежедневно будете исповедовать себя самым искренним и добросовестным образом!.. Позвольте мне читать Ваш журнал, не из любопытства, но из тёплого к Вам участия: Ваши мысли, Ваши впечатления будут служить пищею для моего журнала, который в свою очередь Вы можете читать когда Вам угодно! Памятью священного и дорогого Вашего брата заверяю Вас, что всё Вами написанное останется тайною, открытою только одному Богу, в том случае, если Вы настолько будете доверять мне, что будете посвящать меня в тайны Вашего внутреннего мира».

Цесаревич последовал совету Мещерского, и с того дня они при первой же возможности в течение года встречались по вечерам и читали друг другу свои дневники.

Это взаимное чтение и обсуждение дневников с Мещерским цесаревич Александр находил весьма полезным для себя. Нередко они засиживались далеко за полночь, увлечённо споря об истории и политике, о настоящем и будущем России, о Боге, о любви, оставляя после себя на столе

простывший чай и огромное количество окурков в пепельнице — как зримое следствие напряжённой умственной работы... Не случайно вскоре наследник отмечал в дневнике: «Вообще я очень доволен выдумкой князя читать взаимно свои журналы, потому что она принесла мне много пользы».

Сам Владимир Петрович Мещерский в своих мемуарах так писал о встрече на Елагином острове перед присягой:

«Вечером я посетил цесаревича в одном из флигелей возле дворца. Он предложил мне с ним пойти пешком гулять.

Во время прогулки великий князь был невесел и неразговорчив. Понимая его душевное состояние, я воздерживался от того, что называется занимать собеседника. На берегу Невы мы присели на скамейку. Цесаревич сел и вздохнул. Я обернулся к нему и спрашиваю: тяжело Вам?

— Ах, Владимир Петрович, — ответил мне цесаревич. — Я одно только знаю, что я ничего не знаю и ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдёшь.

— А унывать нечего: есть люди хорошие и честные, они Вам помогут.

— Я и не думаю унывать. Это не в моей натуре. Я всегда на всё глядел философом. А теперь нельзя быть философом. Прожил я себе до 20-ти лет спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плечи такая ноша. Вы говорите: люди; да, я знаю, что есть и хорошие и честные люди, но и немало дурных, а как разбираться, а как я со своим временем управлюсь? Строевая служба, придётся командовать, учиться надо, читать надо, людей видеть надо, а где же на всё это время?..

Действительно, дела предстояло бедному великому князю страшно много. Ему надо было серьёзно заниматься военной службою, и ему нельзя было избежать официальной стороны своего нового положения, т. е. приёмы и обязанность быть везде там, где государь бывает.

При покойном цесаревиче был граф Строганов, который отвоёвывал для своего воспитанника право не ездить никуда в часы урочных занятий; но для нового наследника никто не мог отвоёвывать ему от государя этих льгот, тем более, что государь с самого начала начал показывать, насколько он дорожил тем, чтобы новый наследник везде являлся и везде его сопровождал».

Говоря о самой церемонии присяги, Мещерский отметил, что, «несмотря на летнее время, съезд был к выходу многочисленный.

Цесаревич прочёл присягу взволнованным, но громким и ясным голосом.

После присяги я зашёл к цесаревичу поздравить его и передать ему впечатления торжества».

Александр Александрович подробно описал этот день в своём дневнике. В первой половине дня он вместе с родителями и братом Владимиром побывал в Петропавловской крепости на могиле «милого Никсы». Затем, переодевшись в атаманский мундир, вместе с отцом обошёл войска.

В час дня началась церемония. Цесаревич записал:

«...Все пошли с тётями и племянницами. Я шёл с т[ётей] Соней. Мари и Ольга тоже были в русских платьях. Придя в церковь, начался молебен.

Молитвы великолепные, я молился сколько мог, страшно было выходить посреди церкви, чтобы читать присягу. Я ничего не видел и ничего не слышал; прочёл, кажется, недурно, хотя немного скоро. Из церкви пошли тем же порядком в Георгиевскую залу, где Папá, Мамá и все тётки стояли на троне и на ступеньках. Тут я прочёл военную присягу...»

Присутствовавший на этом церемониале министр внутренних дел П. А. Валуев заметил:

«Обе присяги — церковно-гражданскую и военную — он прочитал внятным и ровным голосом, но голос ещё не сложился... После присяги приём. Вел. князя заставили сказать по несколько слов всем членам Государственного совета и всем сенаторам. Вероятно, ещё и многим другим лицам военного звания. Тяжёлая задача без надлежащей подготовки.

Особое впечатление произвела на меня императрица во время военной присяги. Она стояла одна перед троном лицом к нам. Государь сошёл и стал близ цесаревича. Императрица стояла неподвижно, не поднимая глаз и только как бы шатаясь от усилия выдержать до конца. На лице то глубокое выражение страдания или скорби, которое заключается в отсутствии всякой подвижности впечатлений. Душа обращена вовнутрь. Внешне безжизненна. Если бы я мог быть уверен, что при этом не было никакой *aigreur* (чувства досады. — А. М.), я пожелал бы преклониться перед ней, как пред иконой. В сильном и безмолвном страдании есть святость и повелительное обаяние».

Через день после принятия присяги, 22 июля 1865 года, цесаревич Александр Александрович отправился на лагерный сбор в Красное Село.

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1865 год

— Находился в лагере под Красным Селом, командуя 1-м батальоном л.-гв. Преображенского полка, и на манёврах с 22 июля по 7 августа.

— Отправился с Государем Императором в Москву 14 августа.

— Возвратился 20 августа».

Впервые на сборах в Красном Селе великий князь побывал в минувшем 1864 году. Тогда — в звании полковника, теперь — генерал-майора.

Красное Село в окрестностях Петербурга было местом особенным. Точнее, особо значимым для каждого офицера русской армии. Ни один офицер не мог рассчитывать на карьерный рост, если не участвовал в Красносельских лагерных сборах.

Ещё в петровские времена Красное Село стало местом для летних сборов и военных учений.

Летние манёвры, впервые проведённые ещё Петром I, были возрождены в полном масштабе при Екатерине II в 1765 году. В том году императрица повелела вывести войска на лагерные сборы.

При Екатерине II в Красносельских лагерных сборах участвовал Александр Васильевич Суворов, в начале XIX века — будущие прославленные полководцы Отечественной войны 1812 года — генералы Михаил Илларионович Кутузов, Пётр Иванович Багратион, поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов. С Красным Селом было связано имя Михаила Юрьевича Лермонтова как юнкера лейб-гвардии Гусарского полка, участвовавшего в лагерных сборах 1834 года и написавшего здесь поэму «Монго».

В Красном Селе располагались все войсковые штабы: дивизионные, корпусные и штаб лагерного сбора. Лечебные средства лагеря (кроме войсковых) состояли из Красносельского военного госпиталя и офицерского лазарета имени великой княгини Марии Павловны.

Красносельский лагерь постоянно обустроивался и к середине XIX века располагался на двух противоположных возвышенностях, образующих собой берега Дудергофского озера.

Лагеря занимали около десяти квадратных километров. В них можно было разместить до сорока тысяч человек, иногда в манёврах участвовало до ста двадцати тысяч.

В восточной части был Большой лагерь, в западной — Авангардный, у Дудергофского озера были построены учебные фортификационные сооружения. К западу от Авангардного лагеря раскинулось Военное (учебное) поле.

Железнодорожная ветка соединила Красное Село с Санкт-Петербургом в 1858 году. В 1861 году близ платформы Скачки был сооружён ипподром. На нём ежегодно проводились знаменитые и популярные Красносельские скачки.

К востоку от Главного лагеря была отведена большая территория для пехотных стрельбищ. Местность была своеобразной лабораторией военного искусства, полигоном для испытания военной техники. По сути это была летняя воинская столица Российской империи.

В самом Красном Селе, где жили семьи офицеров, был лучший в окрестностях Петербурга театр. На главной улице летом было многолюдно: прогуливалась нарядная публика, щеголяли офицеры. С утра до позднего вечера принимал посетителей прекрасный ресторан, который славился расстегаями с рыбой и грибами.

Перед первым пребыванием в лагере в Красном Селе в 1864 году наставник цесаревича и великих князей граф Перовский решил подготовить молодых людей к сложностям лагерной жизни. Татищев писал: «Чтобы подготовить их к трудам лагерной жизни и, так сказать, “тренировать” их, граф Перовский заставил их предпринимать более или менее отдалённые прогулки. Так, однажды, они собрались идти пешком из Царского в Гатчину. С ними пошли состоявший при них офицер Литвинов, несколько преподавателей и два молодых их сверстника: князь Мещерский и граф Перовский, сын воспитателя. Выйдя из Царского Села в 4 часа пополудни, путники пришли в Гатчину вечером в половине десятого и так мало устали, что, напившись чаю, погуляли ещё по парку, а на другой день вернулись в Царское чрез Ропшу».

О жизни в Красносельском лагере у Александра Александровича остались самые тёплые воспоминания.

В 1865 году цесаревич с удовольствием вновь отправился в военный лагерь в Красное Село. К этому времени облик летней воинской столицы несколько изменился, так как был построен комплекс зданий Красносельского военного госпиталя.

Александр Александровичу нравилась эта понятная, простая и в то же время очень деловая атмосфера лагерной жизни.

В сборах 1865 года цесаревич командовал первым батальоном лейб-гвардии Преображенского полка — одним из старейших и наиболее известных гвардейских полков, созданных Петром I. С преображенцами у Александра Александровича сложились особо тёплые отношения.

Каждый день поздно вечером Александр Александрович замиртво падал в своей палатке на походную постель. Ведь позади были очередной марш-бросок на много вёрст во главе отряда преображенцев, изнурительные состязания в конной выезде, состязания в стрельбе. Писать дневник просто-напросто не было сил.

Оставляя лагерь 7 августа, он пообещал преображенцам, что и на следующий год будет с ними на лагерных сборах. И не обманул однополчан.

После сборов в Красном Селе император Александр II взял сына Александра на манёвры в Москву. В Первопрестольную они прибыли 14 августа вечером и остановились в Петровском дворце. На другой день, в храмовой праздник Успенского собора, отправились в Кремль. Там их встретил митрополит Московский Филарет. Он выступил с речью, которая произвела глубокое впечатление на всех присутствующих:

«Всемилоостивейший Государь, в предшествовавшее настоящему посещению Твое, приветствуя Тебя здесь, мы желали Твоей державе мира и победы, если потребуется брань. При помощи Божией Ты сохранил мир и в мире одержал победу над сильными противниками, которые повели было войну, хотя не мечом, но словом и письменами, вызывающими меч. Остры и многочисленны были стрелы, но не пробили Твоего щита: ибо Твоим щитом была твёрдость в правде.

Потом твёрдостью и мужеством Твоего воинства и народа Ты низложил в землю и на нашей земле возникшую брань от людей, недостойных чести называться врагами, потому что они воевали крамолами и злодеяниями.

Наконец, Твоему царствованию даровано Провидением победоносно окончить вековую войну, крепко, но без окончательного успеха ведённую Твоими предшественниками; и Ты умиротворил обширный край Кавказский, который казался вечною опорой войны.

Итак, приветствуем Тебя миром, не только ожидаемым, но и обладаемым.

Бог мира да благословит вождёленными успехами Твои подвиги для мира внутреннего, для охранения и возвышения благочестиво-нравственного и нравственно-гражданского устройства Твоего народа.

И с сим вместе да продолжит Отец Небесный и умножит свои благословения над Твоим благочестивым семейством, дабы в семейных утешениях Ты находил облегчение от трудов царственных».

Речь Московского первосвященника отвечала и душевно-му настроению юного цесаревича.

Следующие три дня были посвящены учениям и манёврам войск в Ходынском лагере. На манёврах Александр Александрович сопровождал императора в качестве флигель-адъютанта.

После сборов он отправился в подмосковное Ильинское, где отдыхала мать. А на самом деле хотелось заглянуть в Царское Село, где остались её фрейлины, ведь среди них была одна, о встрече с которой он просто грезил.

«М. Э.»

Значение этих двух букв, а точнее инициалов, знали только два человека. Сам цесаревич и князь Мещерский.

Владимир Петрович Мещерский был посвящён в самую сокровенную тайну наследника престола не только благодаря тому, что у него был прямой доступ к дневнику Александра Александровича. Дело в том, что «тайной» цесаревича была фрейлина императорского двора Мария Мещерская, которая приходилась кузиной князю Владимиру Петровичу. И эти две буквы «М. Э.» означали Марию Элимовну Мещерскую.

В эту самую родственницу князя и был влюблён будущий император.

Он увидел её впервые год назад, весной 1864 года. Тогда он заметил среди окружения матери новую фрейлину.

Все знали, что основным преимуществом должности фрейлины — незамужней девушки благородного происхождения — была возможность выйти замуж. Ведь именно при дворе можно было «сделать партию», то есть найти наиболее выгодного, богатого и знатного жениха.

Живая и стройная княжна Мария Мещерская не принадлежала к числу привычных великосветских жеманниц. Несколько коротких разговоров и оброненных фраз сразу выдали в ней умную и начитанную барышню.

Он выяснил, что она родилась во Франции и переехала в Россию только в восемнадцать лет по причине смерти её родителей. В Петербурге по протекции дальних родственников была представлена ко двору и получила заветный шифр фрейлины. Фрейлинским шифром был золотой вензель императрицы, усыпанный бриллиантами. Как и все фрейлины, Мария носила шифр на левой стороне груди.

Александр проникся сочувствием к «бедной сиротке».

Это она заставила его побороть неловкость и стеснительность и начать танцевать на балах. Она так прекрасно танцевала, что он не чувствовал с ней никакой неловкости. Ему казалось, что и у него самого прекрасно получается двигаться под музыку по натёртому до зеркального блеска паркету Зимнего дворца.

К весне следующего, 1865 года он понял, что влюбился.

О чувствах Александра говорили его дневниковые записи:

«Что бы я дал за один поцелуй от неё. Были минуты, когда было недалеко до этого, но всё-таки было нельзя, потому что В. А. или Владимир были там, хотя и не видели и не слышали, что мы делали. Когда мы христосовались, то эта минута была для меня каким-то сном, когда я прикасался губами к её губам, почти к самым губам».

После смерти брата Мария стала ему ещё дороже. С ней, как с самым близким другом, он делился своими чувствами в связи с тяжёлой потерей. «Было бы невыносимо, если бы не М.Э.», — признался он в дневниковой записи.

Но был великосветский этикет, были условности, императорский двор, дворовые сплетни. И неписанные законы, которые, как известно, хуже писанных, так как их невозможно изменить. И он, и она это прекрасно понимали.

Их встречи проходили главным образом по вечерам у императрицы. При игре в карты Александр старался выбрать себе в партнёры именно Марию. Глаза молодых людей выдавали их взаимные симпатии.

Для всех всё было ясно и очевидно. О пристрастиях цесаревича придворные доложили императрице Марии Александровне.

Матá вызвала для откровенного разговора и назвала поведение сына «не совсем приличным». Он признался матери, что Мари ему симпатична.

После этого разговора с матерью он понял, что надо ещё сильнее скрывать их отношения от великосветского общества.

Поверенной тайн молодых людей стала фрейлина Александра Жуковская. Она передавала записки, стояла на часах во время их коротких «случайных» встреч на прогулках и выполняла прочие мелкие поручения.

«Не чуй горе»

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1865 год

— Отправился с Государем Императором в село Ильинское Московской губернии 6 сентября.

— Вернулся — 10 сентября».

Дорога в Ильинское, построенная год назад, ещё не успела прорезаться колеями экипажей.

Это было первое лето, часть которого императорская семья решила провести в новом имении. Мария Александровна приехала сюда раньше супруга и сына Александра, которого задержали лагерные сборы.

Имение Ильинское под Москвой, на берегу Москвы-реки, в трёх верстах от Архангельского, Александр II приобрёл лишь в минувшем году у князей Голицыных. И тогда же сразу приказал основательно перестроить.

Архитекторы справились с поставленной задачей в срок.

Прекрасно отстроенная усадьба была передана «в дар и управление Государыне Императрице Марии Александровне».

По приезде в Ильинское Александр узнал от управляющего, что ему предстоит остановиться в доме, именуемом «Не чуй горе». На вопрос, что бы это значило, управляющий показал документ, составленный императрицей по организации проживания семьи и гостей. И добавил, что государыня Мария Александровна принимала самое деятельное личное участие в благоустройстве Ильинского. Бумага гласила:

«Дома в усадьбе Ильинское распределить так:

1. Дворец — для Их величеств, великих князей Сергея и Павла Александровичей, великой княжны Марии Александровны, фрейлины А. Ф. Тютчевой, г-жи Сабининой, англичанки г-жи Струтон, флигель-адъютанта Д. С. Арсеньева, некоторых из комнатной прислуги.

2. “Не чуй горе” — на случай приезда наследника цесаревича или великих князей.

3. “Приют для приятелей” — для фрейлины баронессы Фредерикс 2-й, камер-фрау Тизенгаузен и камер-юнгфер при Ея величестве.

4. “Пойми меня” — для обер-гофмаршала графа А. П. Шувалова, графа А. В. Адлерберга 2-го, дежурного флигель-адъютанта и лейб-медика Гартман. В этом же доме должны были поместиться секретари и канцелярии этих особ.

5. “Миловид” — для шефа жандармов генерал-адъютанта князя Василия Андреевича Долгорукова, графа Ламберт, лейб-медика Карель, чиновников и фельдъегерей.

6. Военно-походная канцелярия — для генерала Кириллина, полковника Салтыкова и чиновников».

В первую прогулку по дорожкам имения Александр отправился вместе с матерью, которая была искренне рада его приезду.

Она рассказала и об истории этого имения. Название Ильинское государево село Лужское получило от старинной здешней церкви во имя Ильи Пророка, первоначально деревянной, а затем отстроенной в камне в 1735 году архитектором А. П. Евлашевым, учеником знаменитого Растрелли.

Поведала о том, что изначально село принадлежало боярскому роду Стрешневых, тех самых, которые были в прямом родстве с династией Романовых: женой первого Романова — царя Михаила Фёдоровича и матерью Алексея Михайловича, отца Петра I, была Евдокия Лукьяновна Стрешнева. Затем имение перешло к графу Александру Ивановичу Остерману-Толстому.

Это он, Александр Иванович, в память о героях Бородинского сражения решил высадить здесь сорок пять тысяч шестьсот деревьев. При интервале между соседними липами около полутора метров аллея должна была протянуться на семнадцать вёрст. Узнав о столь патриотическом начинании соседа по усадьбе, графу стал помогать князь Николай Борисович Юсупов, высаживая деревья навстречу ему от своего Архангельского. Так появились вековые липы по обе стороны дороги.

Поразило цесаревича и то, что здесь жил и творил известный писатель Иван Иванович Лажечников, который был одно время адъютантом у графа Александра Ивановича Остермана-Толстого. Исторические романы Лажечникова,

как и романы Загоскина, разбудили в Александре первое движение любви к Отечеству и национальную гордость.

Интересно, что через четыре года цесаревичу Александру выпадет возможность поздравить Ивана Ивановича с пятидесятилетием литературной деятельности. В особом рескрипте он напишет:

«Мне приятно заявить, что “Последний Новик”, “Ледяной дом” и “Басурман”, вместе с романами Загоскина, были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбуждали во мне ощущения, о которых и теперь с удовольствием вспоминаю. Я всегда был того мнения, что писатель, оживляющий историю своего народа поэтическим представлением её событий и деятелей в духе любви к родному краю, способствует к оживлению народного самосознания и оказывает немаловажную услугу не только литературе, но и целому обществу».

В Ильинском гостили замечательный русский поэт Николай Михайлович Языков и его друг Пётр Васильевич Киреевский. Они собирали в Ильинском и окрестных деревнях народные песни. А в реализации их идеи — издать сборник песен — им помогли Василий Андреевич Жуковский и Александр Сергеевич Пушкин.

В Ильинском жил и работал писатель Сергей Тимофеевич Аксаков.

Уже возвращаясь к главному зданию усадьбы — «Дворцу», мать сказала, что хочет здесь, в Ильинском, справить панихиду по Николаю в день его рождения — 8 сентября.

Желание императрицы было исполнено: панихиду отслужили в старинном храме Ильи Пророка. За обедом говорили мало, а если и говорили, то вспоминали покойного Николая.

Разговоры о Николае неожиданно вернули имя Дагмары, которая была неотрывно связана в памяти с его любимым братом. И, как теперь становилось понятно, — и с ним тоже.

Вечером, за столом в доме со странным названием «Не чуй горе», он записал в дневнике:

«Плакал, как ребёнок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может, не только теперь, но и в будущем. С ним я разделял и радость, и веселье, ничего от него не скрывал, и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто, отчасти,

то это — Мать или будущая моя жена, если это будет милая Dagmar!»

Но Дагмара, казалось, жила в другом и очень далёком мире, а «М.Э.» была рядом. Он часто вспоминал о ней в Ильинском. И, наконец, вновь увидел её, когда вернулся в Петербург.

Учёба и не только

Император Александр II стремился к тому, чтобы дать цесаревичу дополнительное образование. И по истории, и по экономике, и по праву, и по военному делу. Для этого были запланированы лекции лучших преподавателей.

Князь Владимир Петрович Мещерский охотно вызвался помочь наследнику в его трудах и заботах, связанных с дополнительным образованием.

И помог. Владимир Петрович знакомил наследника с лекциями профессора Фёдора Густавовича Тернера по политической экономии, работами Константина Петровича Победоносцева по государственному праву, трудами и лекциями Сергея Михайловича Соловьёва по русской истории. Знакомил по своим конспектам. Упоминания о их совместной подготовке постоянно встречаются на страницах дневника цесаревича.

Сергей Михайлович Соловьёв, приезжая из Москвы, не просто читал лекции по русской истории, а нередко подолгу беседовал со своим царственным учеником. Профессор рассматривал историю как закономерный, последовательный и прогрессивный процесс. Сергей Михайлович считал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию».

У цесаревича и Сергея Михайловича сложились доверительные отношения. Спустя годы, узнав о смерти учёного, наследник престола Александр Александрович написал его вдове: «С живейшим прискорбием услышал я по возвращении моём о кончине многоуважаемого Сергея Михайловича. Вам ближе и ощутительнее, чем кому-либо, скорбь невозвратной потери, но эту скорбь разделяют с

вами все русские люди, издавна привыкшие видеть в супруге вашем не только учёного и талантливое писателя, но и человека добра и чести, верного сына России, горячо принимавшего к сердцу и в прошедших, и в будущих судьбах её всё, что относится к её славе, верно хранившего в душе своей веру и преданность церкви, как драгоценнейший залог блага народного. Приняв от него всегда памятные мне уроки и наставления в истории нашего отечества, я не могу быть равнодушным к нашему горю и вменяю себе в сердечный долг выразить вам своё искреннее и глубокое сочувствие».

В период с 1865 по 1879 год русскую историю великому князю также читал историк и писатель Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. У Александра была возможность сравнить два подхода к истории. Ведь Бестужев-Рюмин в отличие от Соловьёва отвергал принцип исторической закономерности. Он насыщал свои лекции примерами из Библии, Данте, Шекспира, древней и новой русской литературы. Он критически разбирал взгляды разных авторов на прошедшие исторические события.

Многое дали цесаревичу и лекции об истории русской словесности профессора Московского университета, академика, талантливого исследователя русского языка, древнерусской литературы, искусства и фольклора Фёдора Ивановича Буслаева. Фёдор Иванович видел в языке отражение всей духовной жизни человека. В своих исследованиях и лекциях он стремился показать связь истории языка с бытием народа, с его нравами, обычаями, преданиями и верованием.

Экономику и статистику цесаревичу Александру Александровичу преподавал профессор политической экономии Московского университета Иван Кондратьевич Бабст. Он был известен своими работами по проблемам всеобщей истории, политэкономии, экономической географии и статистике, которые регулярно печатались в различных периодических изданиях.

Несколько лекций по экономике цесаревичу прочитал Фёдор Густавович Тернер. Позднее в своих «Воспоминаниях жизни» Фёдор Густавович писал: «Я тогда не предвидел, что много лет спустя мне самому придётся в течение почти полугода докладывать ему по разным финансовым делам во время моего управления Министерством финансов за болезнью Вышнеградского. Я мог заметить во время моих занятий с Его высочеством, что уже и в эти молодые

годы в нём проявлялись те черты характера, которые впоследствии выступили у него ещё с большей ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недоверчивый к себе, государь наследник проявлял, несмотря на то, замечательную твёрдость в отстаивании раз сложившихся у него убеждений и мнений. Он всегда спокойно выслушивал все объяснения, не вдаваясь в подробное возражение против тех данных, с которыми он не соглашался, но под конец просто и довольно категорически высказывал своё мнение. Так, например, по вопросу о таможенной охране, когда я объяснял ему вредные последствия чрезмерного таможенного покровительства, Его высочество, внимательно выслушав все мои объяснения, под конец высказал мне откровенно, что, по его мнению, русская промышленность всё же нуждается в значительной охране. Это, впрочем, был единственный пункт, в котором он высказал мне своё определённое мнение, не вполне согласное с тем взглядом, который я развивал на данный предмет».

Основы государственного устройства русской империи наследнику престола читал Модест Андреевич Корф. 1 июня 1865 года Александр Александрович отметил в своём дневнике: «В 1½ 1 был у меня в первый раз М. А. Корф. Начал он очень хорошо и умно, надеюсь, что будет так продолжаться». И Александр Александрович не ошибся в своих предположениях: все последующие лекции Корфа были прослушаны с большим интересом.

Государственное право наследнику преподавал выпускник Санкт-Петербургского университета Иван Иванович Пискарьев. Вскоре Иван Иванович стал первым директором Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. В день открытия гимназии он выступил с известным обращением к родителям и ученикам: «Родители! Вверив образование детей ваших гимназии, не ослабляйте семейного домашнего воспитания. Семья — колыбель гражданственности, нравственности и религии, а в гражданственности — причина и цель образования, в нравственности — основа, в религии — источник.

Дети! За благодеяния образования, которое открывают и предоставляют вам ныне родители и сограждане ваши, воздайте обществу, благодеющему вам, добрым поведением, любовью к наукам и прилежанием к ученью».

Заниматься французским языком цесаревич продолжал с Альфонсом Карловичем Реми, который находился рядом с великим князем с его ранних лет.

Английский язык и литературу преподавал М. Мечин. Когда он провёл последнее занятие, цесаревич отметил в своём дневнике: «Мне всякий раз жаль кончать с каждым учителем занятия, потому что разом прерываются все близкие отношения между учителем и учеником, а иногда эти отношения бывают очень хорошие. М. Мечин — человек солидный и отличный англичанин, которого мы все любили и любим, но с ним, по крайней мере, я буду ещё видеться, потому что он будет продолжать с моим братом Владимиром».

В декабре 1865 года курс законоведения новому наследнику стал читать Константин Петрович Победоносцев.

Случилось так, что Константин Петрович занял особое место в жизни будущего императора Александра III. Долгие годы, практически до конца его правления, он был наставником, советником и вдохновителем проведения внутренней политики в России. По словам самого Константина Петровича, он был не только свидетелем, но «отчасти и участником многих важных событий».

Помимо учёбы у наследника престола было множество обязанностей.

Цесаревич вынужден был вместе с государем, соблюдая светский этикет, бывать на различных официальных заседаниях, приёмах, визитах и встречах, смотрах, парадах и балах.

Теперь император приглашал сына и на доклады министров.

Свободного времени у Александра почти не оставалось.

И это было хорошо, так как помогало избавиться от ужасного чувства потери.

Состояние пустоты от потери самого близкого ему человека никак не покидало. Он прекрасно понимал, что поможет только время. Матá не раз говорила ему, что время — лучший лекарь. И оказалась права.

«Шило в мешке»

Наблюдавший за развитием взаимоотношений цесаревича и княжны Мещерской Сергей Дмитриевич Шереметев оставил такие воспоминания:

«Живо помню это время и приём у великой княгини Елены Павловны. Это был один из тех блестящих вечеров, которыми славилась великая княгиня, и имевших историческое значение. Между двух гостиных, в дверях, случайно

очутился я около канцлера князя Горчакова, княжны Мещерской и в. к. Александра Александровича. Я вижу, как последний нагнулся к княжне и что-то говорил ей на ухо. До меня долетает и полушутливый, полусерьёзный ответ: “Молчите, Августейшее дитя”. И тут же князь Горчаков вступил в разговор с обычною своею развязностью, а я отошёл от них подальше. Только тут заметил я особенность отношений, о которых до того не догадывался...»

Родители пока что ничего не знали об этой его влюблённости. Зато регулярно, при любом удобном случае они заводили разговор о Дагмаре. О том, что это достойная пара для наследника российского престола, о том, что именно датская принцесса связана с именем и светлой памятью всеми любимого и незабвенного Николая. Конечно же, по словам родителей, его никто ни к чему не принуждает, но тем не менее все, в том числе и в королевских домах Европы, ждут его решения. И он должен это понимать: ведь женитьба наследника огромной Российской империи — это не столько личное, частное дело, сколько политическое, государственное.

Александр старался не поддерживать разговор и менял тему беседы. Ему казалось, что с княжной Мещерской, несмотря на разницу в возрасте (Мария была на год старше) и на его особое положение и особые обязанности, их многое сближало.

В конце октября 1865 года в Мариинском театре была премьера оперы «Рогнеда». Новым творением композитора Александра Николаевича Серова дирижировал Константин Николаевич Лядов.

Александр любил оперы. «Рогнеда» же понравилась ему особенно. Может быть потому, что в зале была и Мария. И хотя они находились в разных местах, но ведь слушали одну и ту же музыку.

В основу оперы был положен один из эпизодов истории Руси. Рогнеда, дочь полоцкого князя, похищенная князем Владимиром, стала его женой. Побуждаемая фанатиком-жрецом Перуна и боясь торжества христианской веры, она решает убить мужа.

Александр был в восторге, когда узнал, что им обоим больше всего понравились одни и те же арии и хоровые номера.

После «Рогнеды» они ещё не раз оказывались вместе на концертах. Как известно, шило в мешке не утаишь. Особенно если шило большое и острое, а мешок — дырявый.

Слухи о его увлечении Мещерской распространялись.

И не только в России, но и в Европе. Ему сообщили, что в одной французской газете появилась заметка о том, что наследник русского престола ведёт предосудительный образ жизни и отказывается жениться на датской принцессе, потому что у него роман с фрейлиной Мещерской!

Александр II, тоже обеспокоенный слухами, вызвал сына к себе. Он напрямую спросил, какие у того отношения с Мещерской. Александр же честно ответил, что никаких.

Тогда император вновь напомнил сыну о том, что существует датская принцесса Дагмара и что ему следует всё-таки поехать к ней. Поехать и объясниться. Так как союз с Дагмарой — это союз с принцессой, то есть достойной и равной ему по положению.

Александр в ответ промолчал. Он всё же не мог избавиться от мыслей о Марии.

16 февраля 1866 года Марии исполнилось двадцать два года. Александр, передав поздравления, послал ей в подарок свою фотографию и букет. А через десять дней уже он праздновал своё двадцатиоднолетие. Всё было как обычно — поздравления, подарки. Вечером он записал в дневнике:

«Вот минуло мне двадцать один, что-то будет в этот год? Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год тому назад, где он поздравляет меня с двадцатью годами... Но вот его не стало, и он оставил мне своё место, которое для меня всегда было ужасно, и я только одного желал, чтобы брат мой был женат скорее и имел сына, только тогда, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться!»

А вскоре появилась ещё одна запись:

«Я её не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно женился, и уверен, что она была бы совершенно согласна... Как хорошо простым смертным: они принадлежат сами себе, они могут вести угодную себе жизнь, строить её, исходя из личных пристрастий и желаний!..»

Весна, весна...

Он с детства любил весну. Ведь она приходила сразу после его дня рождения.

Весной и в самом Петербурге, устававшем от бесконечной промозглой зимы, жизнь, казалось, просыпалась и раскрашивалась всеми цветами радуги. И в первую очередь феерическим разноцветьем платьев на балах.

Апрельский бал 1866 года в Зимнем дворце, казалось, мало чем мог удивить. Всё было как всегда. Дамы, кавалеры, оркестр, неутомонный шум голосов, смех, шелест платьев, шорох бальных туфель по паркету, щёлканье вееров и лорнетов.

Александр, как обычно, пригласил Марию на танец. Ведь это не только возможность ощутить тепло руки, но и шанс поговорить.

Во время танца с Александром Мария, как бы мимоходом, сообщила цесаревичу, что ей сделал предложение молодой князь Витгенштейн. И попросила у Александра совета — стоит ли ей выходить замуж за князя.

Как он потом рассказывал князю Мещерскому, услышав эту новость, он испытал такое потрясение, что чуть не упал и «был как сумасшедший». Он не мог ничего сказать и скоро ушёл с бала.

Александр потерял сон, а днём не находил себе места. Апрельское солнце, игравшее на шпилях Адмиралтейства и Петропавловского собора, не радовало, а раздражало. Ему стало казаться, что настало время, когда нужно принимать какое-то решение. Пусть и радикальное, пусть скандальное. Но продолжать отношения так, как было до этого момента, дальше нельзя.

Он доверил свои мысли дневнику:

«Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжёлого положения и, если будет возможность, жениться на милой М. Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Дагмаг, которую не могу любить и не хочу. Ах, если бы всё, о чём я теперь так много думаю, могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но, может быть, и удастся. Может быть, это будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает всё, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены как М. Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то всё может сделаться, и, может быть, я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей. Вот мысли, которые теперь меня всё больше занимают, и всё, что я желаю».

Те же самые мысли, как и сам дневник, он доверил князю Мещерскому.

Цесаревич надеялся на поддержку своего друга. Но от слов Владимира Петровича он испытал не меньшее потрясение, чем совсем недавно от вопроса его кузины на балу.

Князь умолял его не совершать опрометчивого поступка. Он пояснил: «Ну, хорошо, вы откажетесь от прав на престол, от титула, от положения, откажетесь от всего и женитесь на Мещерской. Но ведь она вас не любит, она не способна любить. Это мелкая эгоистичная натура, испытывающая удовольствие лишь от того, что кружит голову престолонаследнику!»

В дневнике для цесаревича в продолжение разговора князь написал:

«Весною, летом, осенью и зимою всё она, всё она была главным предметом Ваших мыслей и, разумеется, Ваших чувств; всё остальное в мире было поглощаемо этим чувством... Но затем Вы менее всего были в состоянии замечать, до какой степени Вас это чувство отдаляло от всего, что, по долгу принятой Вами присяги, должно быть всего ближе и всего постояннее присуще Вашей жизни».

На следующий день у него состоялся разговор с отцом.

Александр сразу заявил отцу, что любит Марию Мещерскую и решил отказываться от трона.

Император не стал читать своему сыну нравоучения, а лишь сказал, что императором становятся «не по своей охоте» и что цесаревич должен действовать в соответствии со своим «призванием».

Он слушал отца и вдруг как-то по-особенному осознал, что всего две недели назад, 4 апреля 1866 года, у ограды Летнего сада состоялось покушение — террорист чуть было не застрелил его отца. И только за то, что тот был императором. Российским императором! Ведь в тот же день он сам, цесаревич Александр, записал в дневнике: «Боже мой, что за люди! Стрелять в государя! Какие-то выродки! Что он им сделал, как у них могла подняться рука! Безумцы! Ведь папá так много делает для России: он отменил крепостное право, проводит многие реформы, которые должны укрепить государство и привести к миру и процветанию. Он работает целыми днями, не жалея себя, не покладая рук, но находятся выродки, не дорожащие Россией, ум которых отравлен ядом европейских учений». Написал в суе влюблённости и забыл об этом. Как мог забыть!

Он как-то неожиданно и остро ощутил, что является продолжателем дела отца, дела, которое слишком ко многому обязывает. И поэтому, когда отец приказал готовиться к поездке в Европу, уже не стал перечить ему и настаивать на своём.

И сам же принял решение завершить перед этой поездкой все отношения с Марией. Завершить, потому что

вспомнил слова деда, который говорил: нельзя начинать новое, не закончив старое. А он понимал, что эта поездка в Европу может принести в его жизнь новое и, может быть, даже неожиданное. И это новое, возможно, будет связано с Дагмарой. Мысли о встрече с принцессой рождали неясное и трепетное волнение.

Разговор Александра и Марии о том, что между ними всё кончено, состоялся в Царском Селе, в пустой комнате Царскосельского лицея.

Разговор был трудный, но Александр старался держать себя в руках. На последней странице дневника он написал:

«Это было прощание с моей молодостью и с моей отчасти беспечной жизнью. Теперь настанет совсем другое время, серьёзное, я должен думать о женитьбе, и дай Бог найти мне в моей жизни друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь я с М. Э., которую любил как никого ещё не любил и благодарен ей за всё, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю, наверное, любила ли она меня, или нет, но всё-таки она со мною была милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было между нами, которые так и останутся между нами».

На следующий год княжна Мария Мещерская вышла замуж за миллионера Павла Павловича Демидова.

Спустя два года, подводя итог той переломной эпохи в своей жизни, цесаревич Александр писал князю Мещерскому: «Я, совершенно как и Вы, смотрю на все перемены, происшедшие в последнее время, как на благословение Божие и даже как на чудо!..

Да, Владимир Петрович, много мы пережили с Вами, и Вы видели, я совершенно уверен, всю страшную борьбу, которая происходила в моей душе, и всю эту бурю страстей, которая одно время овладела мною совершенно, но Господь помог вырваться из неё, и я постоянно благодарю Его за эту помощь, в которой я очень нуждался».

Минни

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1866 год

— Отправился на Императорской яхте “Штандарт” в Данию, где посетил в Ааргузе сельскохозяйственную выставку 29 мая.

— Возвратился — 2 июля».

Минни. Так называли датскую принцессу Дагмару в семье Александра II.

Именно посещение Дании, в которой жила принцесса Минни, было обозначено первым пунктом европейского маршрута наследника на яхте «Штандарт». Александр понимал, что такой маршрут был составлен отцом не случайно. Родители очень надеялись, что молодые люди найдут общий язык.

28 мая 1866 года цесаревич посетил могилу старшего брата Никсы в Петропавловском соборе. Он горячо молился и долго стоял у ограды, наедине со своими мыслями.

На следующий день императорская яхта «Штандарт» с цесаревичем на борту вышла из Кронштадта и взяла курс на Копенгаген.

Яхта была названа в честь петровского фрегата «Штандарт». Нос судна украшали овальный щит под короной и рельефы в виде двух императорских штандартов — символов царской власти.

Личные помещения Александра II были отделаны чёрным деревом и тёмно-красной кожей, а будуар и спальня Марии Александровны обиты стёганным голубым атласом.

На корме находились роскошная полукруглая гостиная и просторные помещения для царских приближённых, в носовой части — благоустроенные каюты для офицеров.

Александр Александрович занял каюты отца.

Впервые, отправляясь в дорогу, он сменил привычный военный мундир на штатский костюм.

* * *

Все русские императоры и великие князья носили только военные мундиры. Ещё дед, «*Ап-Рарá*», Николай I, говорил, что ношение мундира было обязательно, поскольку российский царь — это офицер на троне.

К мундиру приучали с детства. Все первые военные мундиры для великих князей, своих внуков, Николай I заказывал сам. Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с пяти до семи лет носили солдатские мундиры, с семи до шестнадцати лет — штаб- и обер-офицерские, а после шестнадцати лет — генеральские.

Потому военная форма была для всех самой удобной и естественной одеждой. Даже дома. Любимой домашней одеждой Николая I был «военный мундир без эполет, потёртый на локтях от работы за письменным столом».

С ношением военной формы были связаны так называемые «мундирные потери». Они стали регулярными и чуть ли не обязательными со времён Николая I. Их с удовольствием и радостью обсуждали в семейном кругу. Потери эти исчислялись в пуговицах.

Дело в том, что Николай I любил детей. И не только собственных. Развивая систему кадетских корпусов, Николай I внимательно следил за ними и регулярно их посещал. Эти посещения и выливались для царя в серьёзные «мундирные потери». Но на эти «утраты» шли вполне сознательно.

Свидетели этих посещений рассказывали: «Государь входил в зал, где нас кишело до 400 ребят и стоял гул, как в громадном птичнике, где разнопородные гогочут и щебечут по-своему на все лады. “Здорово, детки!” — говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мёртвая тишина воцарялась в зале.

“Ко мне!” — и опять взрыв шума и такая мятка вокруг него, как в муравейнике.

Нередко он ложился на пол.

“Ну, подымайте меня”, — и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память, и т. д.

Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбирались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы».

Все домашние знали, что традиция «откручивания пуговиц» была не только в кадетских корпусах, но и в институтах благородных девиц.

Сын Николая I Александр II также любил военную форму. Его дети, в том числе и цесаревич, тогда ещё мальчишка, любили заглядывать в приёмную в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе. Там Александр II держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Стены приёмной украшали картины с изображениями военных, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев» в форме различных полков русской армии.

Только покидая территорию Российской империи, император мог позволить себе носить партикулярное платье. А теперь он, Александр, должен был сменить мундир на костюм, потому что этого требовал от него этикет.

* * *

2 июня 1866 года в полдень «Штандарт» бросил якорь в проливе Эресунн напротив небольшой рыбацкой деревни Хумлебак.

Вскоре к яхте пришвартовался датский катер, который доставил цесаревича, великого князя Владимира Александровича и сопровождавших лиц на берег.

На пристани высоких гостей встречал сам король Кристиан IX со свитой. После взаимного обмена любезностями монарх пригласил Александра и Владимира в свою карету.

Всю дорогу до королевского замка вели беседы на общие темы, король расспрашивал о жизни в Петербурге, о ближайших планах императора.

У лестницы парадного крыльца замка Фреденсборг, около одной из скульптур льва, цесаревич увидел Дагмару. Рядом с ней была мать, королева Луиза.

И Александр, и принцесса Дагмара чувствовали себя в этот первый день смущённо и стеснённо.

По распоряжению короля Кристиана IX Александра Александровича поселили в тех же комнатах, где прежде останавливался его старший брат, цесаревич Николай Александрович. Комнаты располагались на первом этаже в северо-западной части главного здания. Из окон открывался вид на дворцовые сады Фреденсборга, которые не зря считались одними из самых красивых и самых больших садов Датского королевства. В их устройстве и планировке читался стиль барокко. Но на прогулки по садовым дорожкам времени не оставалось.

Время пребывания в Копенгагене было насыщено всевозможными встречами, приёмами, беседами. Он посещал исторические места, принимал участие в торжественных застольях...

Всё было прекрасно, но одно его мучило. Неотрывно — день и ночь. Это невозможность остаться наедине, поговорить и объясниться с Минни. А необходимость побыть вдвоём он остро ощущал. Хотя, с другой стороны, именно этого момента и боялся. Необходимость встречи с глазу на глаз была вызвана желанием сказать главные слова, которые должны определить их взаимоотношения. А то, что такие слова должны быть им сказаны, он окончательно понял здесь, в Дании. Понял, вновь увидев Минни.

О своих противоречивых чувствах Александр писал родителям:

«Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Даст Бог, чтобы всё устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на всё это милая Минни; я не знаю её чувства ко мне, и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так

счастливы вместе. Я усердно молюсь Богу, чтобы Он благословил меня и устроил моё счастье».

5 июня вместе с принцем Фредериком и сопровождающими лицами Александр отправился из замка в Копенгаген. В датской столице сфотографировались на память, посетили русскую церковь и русское посольство.

В тот же день цесаревич встретился с братом Алексеем, прибывшим на корабле «Ослябя». Тот проходил морскую практику в качестве гардемарина под руководством своего воспитателя генерал-адъютанта и выдающегося мореплавателя Константина Николаевича Посьета. Сейчик начал выходить в море со своим наставником с десятилетнего возраста. Великого князя, несмотря на его титул, обучали морскому делу вместе с остальными матросами: он лазил по мачтам и реям, ставя и убирая паруса, драил палубу и выполнял прочие обязанности корабельной службы. Среди старших сыновей Александра II он был самым крупным и самым красивым.

Сейчик был очень дружен с Александром, и поэтому встреча в Копенгагене была тёплой и радостной. По приглашению принца Фредерика Алексей отправился вместе со старшим братом во Фреденсборг.

Длинные прямые аллеи лучами расходились от замка. Между ними раскинулись широкие засаженные деревьями участки с извилистыми дорожками.

День 11 июня выдался солнечным и ветреным. По бездонной голубизне неба мчались рваные облака.

После утреннего чая цесаревич гулял со своими братьями и принцем Фредериком в парке. Затем перед завтраком все отправились посмотреть комнаты Дагмары. Об этом с ней договорились ещё накануне. На второй этаж поднялись вместе с её отцом и великим князем Алексеем. Христиан IX и Алексей вскоре ушли, оставив цесаревича и принцессу наедине.

И то, на что он не решался все предыдущие дни и чего так боялся — объяснения с Дагмарой, — произошло. Всё случилось как-то просто, легко и стремительно.

Сразу после объяснения новоиспечённый жених написал домой:

«Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но всё не решался, хотя и были несколько раз вдвоём.

Когда мы рассматривали фотографический альбом вдвоём, мои мысли были совсем не на картинках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я

решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слёз. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас и, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слёзы с меня так и текли. Я её спросил, может ли она любить ещё кого-нибудь, кроме милого Никса.

Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слёзы на глазах».

Праздничный обед был организован на берегу моря вечером. На обеде в присутствии многочисленных гостей состоялся по сути обряд объявления молодых женихом и невестой. Было радостно и шумно. Много раз провозглашались тосты за счастливое будущее молодых, за здоровье их родителей и близких.

На следующий день, 12 июня 1866 года, было официально объявлено о помолвке русского цесаревича Александра Александровича и датской принцессы Марии Софии Фредерики Дагмары.

Император Александр II и императрица Мария Александровна тут же телеграфировали из Петербурга: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».

Королю Кристиану император Александр написал: «Мой дорогой Кристиан... Мы были счастливы видеть, что наш милый Саша искренне привязан к нашей дорогой Минни... Пусть Бог укрепит их любовь...»

13 июня датская королевская семья совместно с российскими великими князьями прибыла в порт Копенгагена. Это был официальный визит на корабле русской эскадры. Цесаревич решил, что помолвку необходимо отметить и «на русской территории».

На палубе флагманского фрегата «Ослябя» был накрыт стол. Всё пространство стола было убрано флагами и цветами.

Центром всеобщего внимания во время ужина была Дагмара. Звучали восторженные тосты и здравицы. После каждого тоста следовал праздничный салют из пушек. Сейчас, великий князь Алексей, самый молодой из трёх братьев, настолько был рад за старшего брата, что несколько перебрал вина на этом вечернем пиру и потом признавался и каялся, что «не помнил, что говорил и что происходило».

Александр собрался было возвращаться домой, однако по просьбе короля Кристиана IX и Дагмары задержался в Дании ещё на полмесяца.

Все дни пребывания в Дании были насыщены для него важными поездками и встречами. Только 28 июня 1866 года цесаревич покинул гостеприимную Данию.

Вскоре после отъезда великого князя Александра Александровича в Россию королева Луиза направила императрице Марии Александровне письмо, в котором признавалась: «Я полагаюсь на Бога, который сделал так, что Минни ожидает счастливое будущее. Мне кажется, Бог благословляет этот союз, заключённый перед Любимым Образом, и Его дух благословляет их. Несомненно также и то, что Он был рядом с родными сердцами. Я не могу найти слов, чтобы описать, как невыразимо нежно и чутко он себя вёл, как мягкая деликатность и чуткость проявлялись всё время в его поступках, как нам понравился его прямодушный, открытый характер. Вообще всех нас друг с другом объединило несчастье, и память о нём скрепила эту связь. Это является самым лучшим благословением для юной супружеской пары».

А Дагмара послала письмо в Петербург с женихом. Она писала Александру II и Марии Александровне: «Это письмо Вам передаст Саша, потому что, к несчастью, момент нашего расставания уже пришёл. Я очень сожалею, что он уезжает. Но я также очень признательна Вам, дорогие родители, что Вы позволили ему так долго побыть у нас. Мы воспользовались этим, чтобы лучше узнать друг друга. Каждый день сближал наши сердца всё больше, и я могу сказать Вам, что уже чувствую себя счастливой. Заканчивая, я хочу ещё раз выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши дорогие письма, адресованные нам обоим, которые нас так тронули! Шлю Вам также просьбу прислать ко мне его осенью! Я Вас покидаю, дорогие родители, чтобы побыть с ним ещё немного до его отъезда. Обнимаю Вас от всего сердца, остаюсь навсегда Вашей. Минни».

Свадьба была назначена на весну 1867 года.

В ожидании «Зари»

Императорскую яхту «Штандарт» с цесаревичем и великим князем Алексеем почти у самого Кронштадта встречала яхта «Александрия», на борту которой находился император Александр II.

Министр внутренних дел Пётр Александрович Валуев, присутствовавший при встрече, писал: «Все в хорошем духе и довольны. Свита великих князей весьма довольна пребыванием в Дании. Много расспросов и рассказов. Кажется, ни в Европе, ни в России нет туч пред зарёю будущей свадьбы».

Из Кронштадта обе императорские яхты отправились в Петергоф.

По возвращении в Россию цесаревича ждало много дел. Но больше всего волновала предстоящая свадьба. Точнее, её сроки. Он хотел добиться переноса срока бракосочетания на осень текущего года. Он считал совершенно невозможным ждать до следующей весны. Но этот вопрос нужно было решать всей семьёй, а *Mamá* была в Ильинском. Пока он писал своей невесте и заполнял дневник: «Так грустно без милой душки Минни, так постоянно об ней думаю. Её мне страшно не достаёт, я не в духе и долго ещё не успокоюсь».

Мария Александровна вернулась из подмосковного имения только 4 июля. Семейный совет устроили сразу по приезде в Петергофе. Все собрались в петергофском Коттедже, в столовой с открытой террасой, выстланной мозаикой из разноцветного мрамора.

Mamá пообещала написать королевской чете в Данию о том, что Дагмара могла бы приехать в сентябре, а свадьбу устроить в октябре.

Начались дни томительного ожидания. Оставались только письма. И воспоминания. В том числе и воспоминания о разговоре, когда он узнал, что имя Дагмар по-датски означает «утренняя заря» и является аналогом имени Аврора.

Желанный ответ доставил из Копенгагена флигель-адъютант полковник Оттон Борисович Рихтер. Король и королева выразили своё согласие на проведение свадебной церемонии осенью текущего года.

Теперь предстояло подготовиться к этому событию самым тщательным образом. Прежде всего требовалось обновить помещения в Александровском дворце Царского Села. Александровский дворец был расположен в живописном уголке Царского Села — пейзажном Александровском парке, неподалёку от Екатерининского дворца.

В этом уютном двухэтажном здании, построенном Екатериной II для внука, будущего Александра I, жили Николай I, Александр II. Кроме того, именно в нём останавливались почти все члены императорской фамилии. Планировалось,

что сразу после приезда в Россию, до свадьбы, в Александровском дворце и будет жить Дагмара.

Николай I, «*An-Papá*», говорил, что Александровский дворец стал его любимым местом пребывания после тревожного лета 1831 года, которое императорская семья почти безвыездно провела в царскосельской резиденции, скрываясь от эпидемии холеры. С этого времени семья в полном составе каждый год приезжала сюда ранней весной и оставалась до мая, а затем проводила здесь время с августа до глубокой осени. Здесь, в Александровском дворце, регулярно появлялись удивительные новинки. В 1843 году в кабинете Николая I заработал первый в России электромагнитный телеграфный аппарат, соединённый со всеми публичными зданиями Санкт-Петербурга и кабинетом главноуправляющего путями сообщений.

Три старших сына Александра II — великие князья Николай, Александр и Владимир — воспитывались и обучались вместе в залах Александровского дворца. А вот младшие — Алексей, Сергей и Павел — жили в Екатерининском дворце.

Здесь, в Царском Селе, семилетний Александр был произведён в младший офицерский чин прапорщика и корнета. Тогда он сменил детскую рубашку на военную куртку и получил разрешение на отдельные покои. С того времени он всегда присутствовал в государевой свите на плацу Царского Села на военных церемониях, разводах и парадах.

Теперь уже в своей резиденции цесаревича — Александровском дворце — Александр Александрович приказал расположить свои апартаменты в левом крыле здания.

Помимо обустройства Царского Села были и другие заботы. Ведь требовалось отремонтировать Аничков дворец в Петербурге. Именно в Аничков из Александровского дворца в Царском Селе Александр Александрович намеревался переехать с молодой супругой.

В Аничковом дворце было своё очарование. Дворец расположен на правом берегу реки Фонтанки, недалеко от Невского проспекта. Он получил своё название от Аничкова моста, а мост был назван по имени подполковника М. О. Аничкова, подразделение которого располагалось на берегу Фонтанки, тогда границы города.

В годы правления императрицы Анны Иоанновны здесь находилась загородная резиденция первого генерал-полицмейстера Петербурга Антона Мануиловича Девиера. Затем участок приобрела дочь Петра I Елизавета. Она и дала распо-

ряжение строить на этом месте дворец. Составление проекта дворца и возведение его императрица Елизавета Петровна поручила замечательному русскому архитектору, ученику Доменико Трезини, Михаилу Григорьевичу Земцову.

Полностью строительство дворца было завершено в 1754 году. На протяжении десятилетий здание неоднократно переходило от одного владельца к другому. Спустя три года после завершения строительства императрица подарила дворец своему фавориту графу Алексею Григорьевичу Разумовскому, с которым была тайно повенчана. После смерти графа Аничкова усадьба перешла к его брату гетману Кириллу Григорьевичу Разумовскому, который в Петербурге практически не жил. Постепенно дворец и сад стали приходить в запустение. Императрица Екатерина II выкупила усадьбу у гетмана и в 1776 году пожаловала её князю Григорию Александровичу Потёмкину в знак признания его заслуг в Русско-турецкой войне.

На месте регулярного сада разбили живописный пейзажный парк с большим прудом и островом в центре. К дворцу пристроили Зимний сад и террасу. Для маскарадов и празднеств возвели Итальянский дом с галереей.

В 1794 году, после переезда Потёмкина в Таврический дворец, усадьба была куплена Кабинетом Его Императорского величества — ведомством, распоряжавшимся имуществом царского двора.

Император Александр I подарил Аничков на бракосочетание своему брату, великому князю Николаю Павловичу (будущему императору Николаю I).

После вступления на российский престол Николая I Аничков дворец стал официально называться «Собственным Его Императорского величества дворцом». Аничков дворец считался постоянным местонахождением «малого двора». В великолепных залах дворца устраивали балы и торжественные приёмы.

Император Николай I говорил, что провёл во дворце на Фонтанке «счастливые и лучшие годы своей жизни». Уже став императором, ему вновь пришлось вернуться в Аничков. Это случилось после страшного пожара 1837 года в Зимнем дворце. Тогда на время ремонта и реставрации император и переселился во дворец на Фонтанке.

Во дворце прошло детство первенца и наследника императора Николая I Александра Николаевича, будущего императора Александра II, отца цесаревича и наследника Александра Александровича.

В 1841 году Николай I подарил дворец своему сыну цесаревичу Александру Николаевичу. Это был подарок к его бракосочетанию. После смерти Николая I в 1855 году дворец продолжал оставаться резиденцией вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны, а также на несколько лет стал резиденцией великого князя Николая Николаевича до завершения строительства Николаевского дворца на Благовещенской площади. С того времени Аничков дворец стали именовать Николаевским. Но название не прижилось.

После 1860 года, когда умерла императрица-мать Александра Фёдоровна, а для великого князя Николая Николаевича построили собственный дворец на Благовещенской площади, Аничков был передан императором Александром II сыну — наследнику престола, цесаревичу Николаю Александровичу.

Тогда в здании были осуществлены некоторые переделки, связанные с устройством жилых помещений и проведением в них водопровода и канализации. И теперь, после кончины любимого старшего брата, во дворец собрался переехать Александр Александрович.

Смена владельца повлекла за собой изменение монограмм в декоре комнат. По проектам профессора архитектуры Эрнеста Ивановича Жибера были полностью перепланированы помещения анфилады восточного крыла и изменены интерьеры многих комнат и кабинетов. Спроектирован был также собственный подъезд с подъёмной машиной.

А в подвале дворца была устроена баня. Александр Александрович очень любил париться, именно по-русски, с веником. И позднее во дворцах, где ему приходилось жить, всегда была баня.

Хлопоты радовали Александра Александровича. Цесаревич с большой радостью и охотой готовился к новой жизни.

Учения и практика

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1866 год

— Находился в лагере под Красным Селом, командуя л.-гв. Преображенским полком, и на манёврах с 8 июля по 8 августа.

— *Отправился по Николаевской железной дороге в Тверь, оттуда Волгой в Рыбинск, Ярославль, Кострому, Нижний Новгород и Казань 8 августа.*

— *Оттуда возвратился через Нижний Новгород и Москву в Царское Село 28 августа».*

Утром 8 июля цесаревич выехал на лагерные сборы в Красное Село.

Ежегодно лагерный сбор в Красном Селе делился на две неравные части. Первая — со второй половины мая до 15 июля. 15 июля наступал «перелом» — переход к другим видам занятий. Полки выходили на Военное поле, где начинались бригадные и дивизионные кавалерийские учения. Их называли «Подвижными сборами».

Так получилось, что в этот раз, в отличие от прошлого года, цесаревич смог вести дневник. Хотя и делал это не каждый день.

14 июля 1866 года дневниковая запись великого князя Александра Александровича гласила: «У меня есть мысль, которую я бы очень желал привести в исполнение. Мне наверно дадут командовать какой-нибудь частью после моей свадьбы, и я желал бы просить, чтобы позволили мне начать с командования полком, для того, чтобы хорошенько познакомиться с этим делом, и получить совершенно полк в командование, т. е. быть командиром, а не командующим. Я хочу просить ещё, чтобы мне дали кавалерийский полк, и именно Конную Гвардию, потому что я очень люблю этот полк...»

Конная гвардия занимала в армии Российской империи особое место.

Именно конногвардейцы сопровождали в поездках членов императорской фамилии, осуществляли их охрану и обеспечивали безопасность. Конногвардейцы же часто несли караульную службу при императорских дворцах, а в сражениях прикрывали собой императора в случае возникающей опасности.

Большинство представителей дворянства и особенно аристократии предпочитали службу именно в конной, а не в пешей гвардии. Служба в полку была дорогим удовольствием, ведь офицер должен был вести светский образ жизни. А это требовало больших расходов.

В полку из поколения в поколение служили представители лучших дворянских фамилий России. Им были чужды спесь и чванство. Полковые традиции предусматривали ра-

венство в отношениях между офицерами независимо от их титула.

Солдат в этот Первый полк империи собирала вся Россия. Это были высокие брюнеты.

Вообще, по сложившейся в России традиции, в Преображенский полк зачисляли высоких блондинов, в Московский — рыжих бородачей, павловцы должны были быть курносыми, а в кавалергарды брали высоких сероглазых и голубоглазых блондинов.

Все эти брюнеты, блондины, рыжие, курносые и сероглазые и демонстрировали свои умения и навыки в Красном Селе.

Лагерный сбор войск в Красном Селе ежегодно заканчивался большими корпусными манёврами. А корпусные манёвры всегда завершались царским смотром.

На следующий день после смотра император обычно назначал красивейшее состязание — офицерские скачки. Они проходили между деревней Горелово и Красным Селом, где в 1861 году был сооружён ипподром.

После окончания скачек император тут же у трибуны раздавал призы лучшим ездокам и стрелкам.

Затем все направлялись в Красносельский театр. Он считался одним из лучших в окрестностях Санкт-Петербурга.

По старой традиции последний спектакль летнего красносельского сезона обычно завершал общий галоп. В пляске участвовали все выступающие артисты, не оставались равнодушными и зрители. На другой день старейший барабанщик Семёновского полка громко и внятно прочитывал «Отче наш» и «Спаси, Господи». Это означало, что лагерный сбор окончен. Полкам пора уходить на зимние квартиры. Красное Село замирало до следующей весны...

В этот раз цесаревич не дождался положенного чтения. Ему нужно было уезжать в познавательное и образовательное путешествие. Прямо из Красного Села он отправился на вокзал.

Путешествие, посвящённое памяти цесаревича Николая Александровича, должно было повторить волжский маршрут усопшего. Для Александра это было первое знакомство с Центральной Россией. В путешествие по волжским городам наследник престола выехал вместе с братом, великим князем Владимиром Александровичем, и свитой.

Попечитель наследника граф Борис Алексеевич Перовский считал, что внимание цесаревича должно быть акцен-

тировано на наиболее важных экономических и культурных центрах Поволжья, природных и бытовых особенностях региона, архитектурных и исторических памятниках.

Борис Алексеевич пригласил для сопровождения цесаревича преподавателей Ивана Кондратьевича Бабста и Константина Петровича Победоносцева. Среди сопровождающих были художник Алексей Петрович Боголюбов, знаток Волги и Каспия гидрограф контр-адмирал Николай Алексеевич Ивашинцов, адъютант-поручик Павел Александрович Козлов и князь Владимир Петрович Мещерский.

9 августа 1866 года цесаревич впервые увидел древнюю Тверь. Вместе с тверским губернатором Петром Романовичем Багратионом, племянником героя войны 1812 года, путешественники осмотрели город. Александр побывал в мужской и женской гимназиях, в городском приюте для девочек и мальчиков, заехал в Успенский Отроч монастырь. Вечером в городском саду был устроен фейерверк над Волгой, затем цесаревич зашёл в Дворянское собрание.

На следующий день августейшие путешественники продолжили свой путь по Волге на пароходе «Наяда». «Наяда» принадлежала обществу «Самолёт» и была одним из двадцати пяти пассажирских пароходов, совершавших по Волге регулярные рейсы.

Эта, хотя и непродолжительная, поездка сблизила цесаревича и Алексея Петровича Боголюбова, их дружба крепла на почве глубокой привязанности к Николаю Александровичу и любви к искусству. Свидетельством тому — большеформатные фотографические портреты наследника и великого князя Владимира Александровича с дарственными надписями А. П. Боголюбову «в воспоминание о путешествии по Волге».

Позднее художник вспоминал:

«Путешествие наше было очень короткое. Через Москву мы проследовали в Нижний на ярмарку, но так как время было холерное, то гр. Перовский поспешил отъездом в Казань.

В Оке была заброшена как-то сеть, и был вытащен осётр с серьгой, прицепленной покойным цесаревичем. Конечно, его с почтением бросили обратно в воду. Рыба как бы одурела на первых порах, слонялась на поверхности воды, но вдруг всплеснула хвостом и — была такова.

Самой интересной личностью во время нашего путешествия был флотский капитан 1-го ранга, впоследствии

контр-адмирал Ивашинцов. Он делал съёмку Каспийского моря в течение десятка лет, и Волга со всеми её тонкостями, равно как и Каспий были представлены им в самом живом и интересном рассказе.

Ивашинцов владел природным красноречием, его речь была связана, точна и сжата. Серьёзные дела он умел мешать с рассказами про чиновничество, купечество и путейских инженеров, необразованности и невежеству которых в деле он, как учёный офицер, дивился, а также клеймил их за взяточничество и всякое насильственное торжище с судовладельцами. Бывало, толкнёшь рассказчика в бок, когда он уж слишком разгуляется, но он с обычной своею честностью тут же отвечает: “Да ведь надо же, чтоб когда-нибудь их высочества знали правду, лгать я не могу — назначьте полное следствие, и вы увидите, что я обличаю только половину того, что может быть в сущности открыто”

Из Казани через Нижний мы вернулись в Москву».

Оставил свои воспоминания о волжской поездке и князь Владимир Петрович Мещерский. Он писал:

«К назначенному для отъезда дню все участвующие в поездке цесаревича и его брата великого князя Владимира Александровича по России должны были к вечеру собраться в Петергофе.

К участию был приглашён и я, и на меня возложена была обязанность вести подробный дневник путешествия для государя...

Во дворце был отслужен напутственный молебен, и затем мы собрались на поезд, где разместились по своим местам. Маршрут был следующий: Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Нижний и Казань и обратно в Петербург через Москву.

Так как на всё путешествие назначено было без малого две недели, то, само собою разумеется, пребывание в каждом городке было кратковременное.

Интерес этой поездки заключался только в том факте, что это была первая поездка молодого цесаревича по России, и первое, так сказать, свидание с ним России. В то же время путешествие это, недавно после 4 апреля, получило красноречивый характер сбирания для государя его сыном проявлений народной радости и народной любви.

Действительно, эти проявления народной любви с минуты, как мы попали на Волгу, представляли собою грандиозную картину безбрежного моря русского люда, отовсюду собиравшегося поклониться царским сыновьям.

Первая остановка была в Твери. В ней мы пробыли день. Симпатичные впечатления цесаревич вынес от губернатора князя Багратиона и от губернского предводителя дворянства князя Бориса Васильевича Мещерского. Первый был умный, тонкий и хороший человек; второй был умный, хороший и с открытою и прямою русскою душою человек. Тут же великие князья познакомились с милым старичком поэтом Ф. Н. Глинкой и с ветераном-декабристом Муравьёвым-Апостолом, в мирном уединении Твери доживавшим свой долгий век.

Из Твери мы поехали в Рыбинск, где пробыли тоже день и где познакомились со знаменитым канатным заводом Журавлёва. Тут же купечество угостило цесаревича обедом на славу.

Плавая по Волге, мы останавливались и в маленьких городах, выходили на берег, чтобы войти в церковь. Так сделали и в Угличе, но не без некоторого опасения. Мы постигли, что значит огромная толпа народа...

Когда цесаревич поднялся по лестнице на берег, он вдруг очутился буквально в море десятков тысяч народа; всё это восторженно зашевелилось и заревело...

Цесаревич сел в коляску, чтобы ехать в собор; но не тут-то было: лошади, испуганные толпою, стали подниматься на дыбы. Цесаревичу пришлось выйти и идти пешком; двое полицейских с неимоверным трудом прокладывали тропинку, и кое-как удалось добраться до церкви, а народу всё прибывало... Толпы начали пытаться пробираться в собор: железные решётки ломались под напором народных масс.

Ввиду этого протоиерей собора посоветовал цесаревичу не идти на пароход обратным путём, ввиду страшных размеров толпы, опасаясь совершенно основательно скопления народа на самом берегу, над оврагом, не столько для великих князей, сколько для толпы людей, которая могла при этом напоре сорваться в обрыв.

Вместо прежнего пути протоиерей предложил таинственный ход подземельем прямо из церкви на Волгу, и при свете фонарей мы отправились обратно на пристань, куда прибыли благополучно, лишившись возможности, вследствие слишком большой толпы, осмотреть исторические примечательности Углича.

До самой последней минуты своего путешествия цесаревич был весел и в духе и раз двадцать, по крайней мере, в течение своей поездки высказывал ту мысль, что ничто так

не полезно, как ездить по России и разговаривать с живыми людьми.

Очень просто и наглядно он высказал дважды эту мысль в таких словах: “вот земство, например, — говорил великий князь, — я откровенно должен сказать, что слышал о нём в Петербурге, но имел самое смутное о нём представление, а понял я его суть только теперь, из разговоров на месте с местными людьми”

Отчасти под впечатлением невообразимой давки толпы, даже в губернских городах, цесаревичу приходилось не раз высказывать удивление, как мала везде полицейская сила. На это ярославский губернатор, умный адмирал Унковской, очень верно ответил великому князю, что полиция в России имеет назначение чисто символическое: она ничего не охраняет, потому что не может ничего охранять, а она существует лишь для свидетельствования о силе русского Бога над Россией и над каждым её уголком... Как сила, полиция есть только насмешка над силою, это такая же полиция, как та, которая фигурирует в иных пьесах в театрах... но, в то же время, чем же держится благоустройство в России, чем охраняются права жизни, собственности, как не силою русского Бога!..

Но плавание пришлось прервать из-за угрозы холеры, и поэтому оно завершилось в Нижнем Новгороде».

Как признавался сам цесаревич, особенно запомнилось ему посещение Ярославля и Костромы.

По прибытии в Ярославль отправились в Спасо-Преображенский собор одноимённого монастыря, где путников встретил архиепископ Нил. Затем цесаревич с братом Владимиром и спутниками побывали в духовном училище, сиротском доме и Демидовском лицее. Но особое впечатление на всех произвела церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Пятнадцатиглавая церковь — вершина ярославской школы церковного зодчества — поразила всех не только своими размерами и совершенством композиции, но и роскошью декоративного убранства и мастерством его исполнения. Художник А. П. Боголюбов пришёл в восторг, показывая цесаревичу, как удачно в отделке храма использованы фигурный кирпич и цветные расписные изразцы.

В Костроме путники задержались на два дня.

Особое впечатление на наследника престола произвёл Ипатьевский монастырь. Ведь с этой обителью на берегу Волги связана не только Ипатьевская летопись — один из древнейших летописных сводов Руси, но род русских ца-

рей — Романовых. С большим интересом великие князья Александр и Владимир осмотрели здание бывших Келарских келий, которые называли в народе палатами бояр Романовых. Здесь в 1613 году и жил молодой боярин Михаил Романов незадолго до избрания его на царство. Отсюда первый Романов отправился в Москву.

А царственные путешественники 1866 года отправились в Москву из Нижнего Новгорода. Город поразил их своей панорамой, множеством пароходов и барок.

За три дня цесаревич со своими спутниками побывал в местном кремле, в Михайло-Архангельском соборе, сооружённом в 1631 году в честь победы Нижегородского ополчения в 1612 году. Посетил наследник престола женский институт, военный госпиталь, земскую больницу, женский приют. Побывал и на знаменитой ярмарке, переведённой в Нижний Новгород в 1817 году из уездного города Макарьева. Посмотрел в ярмарочном театре драму «Ришелье» и там же на ярмарке в меховом магазине купил шубу из бурой лисицы для Минни.

Ожидание и встреча

Я прошу Господа, чтобы Он всегда был рядом при исполнении моих обязанностей моей новой Родины, которую я уже нежно люблю.

Из письма принцессы Дагмары
накануне отъезда из Копенгагена
российскому императору Александру II

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1866 г. 14 сентября

— Высочайше повелено присутствовать в Государственном совете».

Александр вернулся в Петербург. До приезда Дагмары оставалась пара недель.

Не только цесаревич, но и весь двор жил в ожидании появления датской принцессы. От тягостного ожидания отвлекали дела и заботы, которых, слава Богу, хватало.

Цесаревич понимал, что в Дании, в Копенгагене, а точнее, в королевском дворце Фреденсборг, волновались не меньше, чем в Петербурге.

Потом Дагмара расскажет ему: чтобы проводить её в далёкую Россию и выразить ей свою любовь и преданность, в порту собрался, казалось, весь Копенгаген.

Среди провожающих был великий сказочник Ханс Кристиан Андерсен. Он не сдержал слёз, когда принцесса, проходя рядом с ним, протянула для прощания руку. На следующий день великий сказочник напишет: «Вчера наша дорогая принцесса Дагмар прощалась с нами. За несколько дней до этого я был приглашён в королевскую семью и получил возможность сказать ей до свидания. Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слёзы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней!

Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал её раньше...»

Датская королевская яхта «Шлезвиг» медленно отплывала от берега в сопровождении торжественного эскорта и российской императорской яхты «Штандарт», а в воду продолжали падать цветы, принесённые горожанами в знак любви, уважения и прощания с маленькой принцессой.

Вскоре берег остался далеко позади и «Шлезвиг» взял курс на Кронштадт. День 14 сентября 1866 года выдался на редкость тихим и солнечным. Такая необыкновенно ясная и тёплая погода для осени в Северной столице — большая редкость.

Министр внутренних дел Пётр Александрович Валув в своём дневнике писал: «Утром у обедни слышал гром пушечных салютов в честь приезда Дагмар. У нас три дня итальянское небо, итальянское солнце. Торжественное вступление на русскую почву словно благословляется небом. Светло, тепло, кротко и мирно на небе и на земле. Да будет это предзнаменованием и да исполнится предзнаменование. Много слёз на Руси, много скорби и грусти. Да будет Дагмар им утешительницей и миротворительницей...»

Около полудня сопровождаемая «Штандартом» яхта «Шлезвиг» бросила якорь в Кронштадте. На борту «Шлезвига» вместе с принцессой Дагмарой находился и её брат, наследный принц Фредерик.

На рейде для торжественной встречи гостей из Дании специально была выстроена русская эскадра. Невесту цесаревича встречала вся императорская семья, которая приехала на яхте «Александрия».

Под орудийный салют Дагмара в сопровождении принца Фредерика взойшла на борт «Александрии» и отправилась вместе с будущими родственниками в Петергоф. Здесь яхту и пассажиров ожидала восторженная толпа встречающих. Из Петергофа Дагмара проследовала в Царское Село вместе с императрицей Марией Александровной.

Сергей Дмитриевич Шереметев оставил такие воспоминания:

«Живо помню день приезда принцессы Дагмары. То был ясный сентябрьский день. Я был в строю Кавалергардского полка, расположенного у въезда в Большой Царско-сельский дворец, ждали мы долго и нетерпеливо, ожидали видеть ту, чьё имя облетело всю Россию. Вот наконец показалась четырёхместная коляска прямо из Петергофа, все взоры устремились по одному направлению. Принцесса Дагмар приветливо кланялась во все стороны и на всех произвела чарующее впечатление. Дни стояли ясные, солнечные, несмотря на сентябрь. Тютчев воспел “Дагмарину неделю”, то была действительно радостная и светлая неделя. Видел я, как подъехала коляска ко дворцу, воображение дополняло встречу, и слышался церковный привет: “Благословен грядый во имя Господне!”

Вслед за тем начался ряд празднеств: балы, иллюминации, фейерверки. Они, конечно, были тягостью для цесаревича. Я был на одном бале и видел, как цесаревич стоял во время кадрили около своей невесты, но это продолжалось недолго. Он решительно заявил, что танцевать не намерен, и слово это сдержал к немалому смущению придворных и семьи.

Вообще, в роли жениха цесаревич, по-видимому, был невозможен, по крайней мере, до меня доходили отзывы пюристов, находивших его поведение крайне неудобным. Он показывался в публике по обязанности, у него было отвращение ко всяким иллюминациям и фейерверкам, ко всему показному и деланному. Он, не стеснясь, делал по своему и вызывал нетерпеливое неудовольствие родителей. В публике стали ещё более жалеть невесту, лишившуюся изящного и даровитого жениха и вынужденную без любви перейти к другому — человеку грубому, неотёсанному, плохо говорившему по-французски и в корне враждебному всем преданиям Готского календаря. Таков был господствовавший в придворных кругах отзыв...

Зато популярность принцессы Дагмары росла. В ней видели залог благополучия, и на неё возлагали всю надеж-

ду, а она своими лучистыми глазами зажигала сердца, простота её и прелесть сулили счастье и покой. Нелегко было ей в новой, ещё чуждой ей обстановке. Императрица Мария Александровна относилась к ней сдержанно, словно подчёркивая измену своему любимцу (то есть покойному Николаю. — *А. М.*)».

Обо всём, что происходило на новой родине, Дагмара поведала своему дневнику:

«Разные мысли пронеслись в моей голове и разные чувства овладели мною при виде приближающегося российско-го берега. Описание их заняло бы много места. Но когда я увидела императорское судно, приближающееся к “Шлезвигу”, я заставила грустные мысли и думы покинуть меня.

Через мгновение я была заключена в объятия дорогого Императора, который, как и я, не мог сдержать слёз. Я была страшно счастлива увидеть вновь моего любимого Сашу и снова ощутить ту неописуемую радость, которую я испытывала, находясь рядом с ним. Владимир и Алексей также были там. Поприветствовав всех, я представила Императору главного гофмаршала, после чего попрощалась с моими дорогими датчанами, офицерами и матросами, которые стояли, выстроившись в ряд.

Когда я прощалась с ними, все они так участливо и печально смотрели на меня, что мне вдвойне было тяжело покидать мой дорогой “Шлезвиг”. Я не могу описать, как тяжело было мне и как я пыталась скрыть те чувства, которые я испытывала, находясь на императорском судне и всё дальше удаляясь от дорогого “Шлезвига”! Конечно, я была очень рада и счастлива вновь видеть всех! Через несколько минут мы поднимались уже на борт “Александрии”, где меня очень трогательно встретила дражайшая Императрица! Я увидела и моего любимого дядю Георга, первый раз со времени встречи с ним в Ницце! Он так хорошо понимал мои мысли и всё, что происходило в моём сердце! В такие минуты сразу ощущаешь сильное доверие к тем, кто разделяет твои чувства! После приветствия всех дам и господ, с которыми я была знакома с прошлого года, я села рядом с дорогой Императрицей, и мы начали разговаривать, пока к нам не подошёл Император и не предложил мне прогуляться на смотровую площадку, откуда открывался прекрасный вид. Пароход, наполненный людьми, подошёл достаточно близко к нам, люди кричали “Ура!” в нашу честь, и я махала им в ответ, приветствуя и благодаря за такие дружеские и сердечные приветствия. Отсюда сверху всё казалось таким спокойным.

Проплыв достаточное количество времени по реке, вид которой был совершенно бесподобен, мы, наконец, прибыли в Петергоф.

Здесь на пристани нас встречала огромная толпа людей. Совершенно незабываемо, с какой сердечностью они встретили меня! В тот момент я чувствовала себя так, как будто я вовсе не была им чужая, и казалось, что и они испытывали те же чувства по отношению ко мне, потому что они приняли меня, как будто я была им своя!..

Итак, мы покинули корабль и, держась под руку с Императором, прошли сквозь колонны людей, стоявших справа и слева. Люди кланялись, глядя в сторону нашего экипажа, который повёз нас к маленькой церкви, где был совершенно поразительный молебен и где в последний раз я была названа Дагмар. Сразу после этого мы направились в дорогой “Терем”, где Фреди и я телеграфировали милым родителям о своём счастливом прибытии.

Затем со всей семьёй пообедали на балконе, и через некоторое время мы с Императрицей и большим эскортом направились в Царское Село. Мы ехали очень быстро в течение полутора часов — почти карьером через болотистую местность без единого дерева и прибыли наконец на железнодорожную станцию Царского Села почти одновременно с Императором и остальными. Здесь я была представлена всей семье и Евгении (Евгении Максимилиановне Лехтейнбергской. — А. М.), знакомства с которой ждала с нетерпением.

Мне пришлось надеть новую розовую шляпку, потому что дорогая Скариатине сказала мне, что я должна быть одета в дорожный костюм и круглую шляпу. После того как мне пришлось надевать шляпу при большом количестве людей, о чем я внутри себя досадовала, мы с Императрицей поднялись в свой экипаж.

Император и сопровождающие его лица находились неподалёку от нас по дороге во дворец, когда мы двигались между двумя плотными шеренгами полков, стоявших по стойке смирно вдоль всего парка. Сразу по прибытии мы отправились в церковь, где старый священник встретил меня небольшой приветственной речью на немецком языке.

Затем, после молитвы, Императрица провела меня через несколько залов в мои покои, в которых находилось много дам, которым она меня бегло представила, после чего вся семья разошлась, чтобы вновь встретиться за ужином. Следует заметить, что мой костюм не остался незамеченным и привлёк всеобщее внимание. В спальне меня встретила

госпожа Флотов, с которой я уже была знакома через *Мамá* и которая теперь была назначена моей придворной дамой. С ней я могла говорить по-датски, и поэтому она не казалась мне чужой. Но там была ещё одна русская дама, назначенная быть моей второй придворной дамой и хотевшая немедленно начать переодевание к ужину. Я поблагодарила её, поинтересовавшись, не пришла ли Софи. И когда, наконец, часы пробили 5.30 вечера и я должна была отправляться к ужину, эта дама внезапно появилась. Я ужасно спешила, и меня сильно огорчило, что милая госпожа Флотов в очках, приспущенных на нос, всё время стояла и пристально смотрела на меня в то время, пока я делала причёску и одевалась, но несимпатичная незнакомая дама должна была чувствовать, как неприятно мне было иметь рядом с собой совершенно незнакомых людей! Зачем они нужны были мне тогда, Бог знает! Ну, наконец, я собралась! На мне было новое платье, которое мне подарила Императрица.

В моей гостиной уже сидели Император, Саша и все его братья, которые ждали меня в течение некоторого времени. И вот мы отправились к ужину, который был накрыт в китайской гостиной, где уже собралась вся семья. Я сидела между Императором и моим дорогим Сашей. После трапезы мы ещё немного поговорили, и затем Саша, Фреди, Владимир и Алексей проводили меня в мои покои. Саша пробыл у меня до восьми часов, после чего вся семья отправилась смотреть фейерверк. Мы с Сашей сидели впереди и поэтому могли, не стесняясь, разговаривать друг с другом. По возвращении домой мы выпили чаю и пожелали друг другу спокойной ночи...

Затем я легла в постель и поблагодарила Господа за столь хорошо осуществившееся путешествие, попросив благословения на дальнейшее, и скоро погрузилась в сон».

В Царском Селе, в Александровском дворце, ей предстояло провести три дня до торжественного въезда в российскую столицу, который был назначен на 17 сентября.

В Царском Селе

В первый же день великий князь Александр Александрович вместе с Дагмарой сходили к памятнику Николаю Александровичу, их любимому Никсе, установленному в Царскосельском парке.

И Александр, и Дагмара были очень взволнованны — скульптурное изображение точно передавало черты цесаревича, так рано ушедшего из жизни и близкого им обоим.

Во все дни до поездки в Петербург в Большом Царском-сельском (Екатерининском) дворце один за одним проходили торжественные приёмы.

Конечно же, за принцессой Дагмарой наблюдало множество любопытных глаз. Невеста цесаревича как бы негласно сдавала строгий экзамен на соответствие своему новому положению.

Она мило и непринуждённо держалась, элегантно выглядела, прекрасно танцевала. На первом же балу в Царском Селе её засыпали приглашениями.

Мужская часть императорского семейства приняла молодую принцессу с восторгом. Лучшее всех общее восхищение выразил в стихах, посвящённых датской принцессе, «К. Р.». Под этим псевдонимом скрывался великий князь Константин Константинович Романов:

На балконе, цветущей весною,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.
Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слушал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.
Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живёт в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.
Не могли бы их тайного смысла
Никакие слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла
Светозарная, вешняя ночь!

Александр Александрович, казалось, никого не видел кроме Дагмары. Он просто пылал счастьем. Но окончательно Дагмара покорила сердце жениха в тот момент, когда на пару минут они остались наедине. Она ловко сделала цирковой кульбит, перевернувшись через голову. Цесаревич знал, что его невеста ежедневно делает гимнастику, занимается спортом и закаливается, обливаясь ледяной водой, но то, что она способна на такие акробатические этюды, показалось ему невероятным. И очень трогательным, и очень весёлым.

Короткие минуты перед сном, когда ей, наконец, удавалось остаться одной, Дагмара повторяла русские слова. Она старательно и самозабвенно учила трудный для неё русский язык с пятнадцати лет. Постигала премудрости обычаев Православной церкви, запоминала наизусть молитвы и совершенно непроизносимые для иностранцев, но обязательные русские отчества.

В своём дневнике Дагмара записала: «Никогда я не смогу забыть ту сердечность, с которой все приняли меня. Я не чувствовала себя ни чужой, ни иностранкой, а чувствовала себя равной им, и мне казалось, что то же чувствовали и они ко мне. Как будто я была такой же, как они! Я не могу описать, что происходило во мне, когда я ступила на русскую землю. Я была так взволнована, и более чем когда-либо думала о моем усопшем ангеле и очень отчётливо чувствовала, что в тот момент он был рядом со мной».

По случаю её приезда князь Пётр Андреевич Вяземский написал:

Ты отныне нам родная
Перед Богом и людьми:
Чувствам нашим отвечая,
Дань родных сердец прими.
Сердцем наш народ умеет
Сердцу весть любви подать:
Где любовь цветёт и зреет,
Там и Божья благодать.

Дела столичные

Образ Дагмары, 16-летней девочки, соединяющей в себе нежность и энергию, выступал особенно грациозно и симпатично. Она решительно всех пленяла детскою простотою сердца и естественностью всех своих душевных движений.

Иван Сергеевич Аксаков

17 сентября 1866 года был днём памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. В Санкт-Петербурге стояла по-летнему тёплая погода.

То, что приезд в город принцессы случился именно в этот день, многим показалось особенно символичным. Ведь для русских в соединении этих имён виделась фор-

мула женского счастья: верить, надеяться, любить и быть мудрой во всех житейских делах.

Дагмара, впервые увидевшая столицу империи, была поражена её величавой красотой. Наблюдавший процессию Пётр Александрович Валуев отметил: «Торжественный въезд состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу. Впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица. Прекрасные стихи кн. Вяземского под стать той милой Дагмар, которой и наименование он справедливо называет милым словом».

Весь Невский проспект был заполнен бесконечной вереницей золочёных придворных карет, многочисленной свитой, следовавшей верхом за каретой невесты, в которой рядом с Дагмарой сидела императрица-мать, гвардейскими полками, стоящими шпалерами вдоль проспекта. Дома были украшены цветами, коврами, русскими и датскими флагами.

Возле Казанского собора шествие остановилось. Вся императорская семья поднялась на ступени храма, где их встретили митрополит Исидор и причт в сверкающем парадном облачении.

После молебна поехали в Зимний дворец. По дороге принцесса непрерывно кланялась на обе стороны, прижимая руки к сердцу.

Толпы народа стояли возле Зимнего дворца, приветствуя невесту цесаревича. Дагмаре пришлось много раз выходить на балкон, чтобы поклонами благодарить своих будущих подданных.

А вечером цесаревич, Дагмара и императрица Мария Александровна снова проехали по главным улицам Петербурга. Петербуржцы, заполнившие улицы и проспекты, встречали их радостными, восторженными возгласами приветствия.

Торжественная церемония миропомазания прошла 12 октября 1866 года в Большом соборе Спаса Нерукотворного (Большой церкви) Зимнего дворца. Во время таинства миропомазания Дагмара получила новое имя — Мария Фёдоровна и новый титул — великая княжна.

Присутствующие при этом таинстве были поражены необычайными успехами принцессы в русском языке. Все ответы, ожидаемые при совершении этого обряда, были произнесены невестой так ясно, чётко и правильно по-

русски, что император был приятно изумлён и здесь же в соборе похвалил её.

«Слишком 25 лет тому назад, — заметил Пётр Александрович Валуев, — видел в той же церкви совершение того же обряда над нынешнею императрицей. Не только мои тогдашние глаза, но и зрелище было другое. Мария-Дагмара — неразгаданная загадка. Её осанка и все приёмы во время обряда были безукоризненны. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершается только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в её чертах. Какая мысль? В металлических звуках её голоса слышалась сила. Куда направится и как отзовется эта сила? Во время литургии она стояла неподвижно и напоминала мне другое видение, в другой местности и при совершенно противоположной обстановке. Отчего могла она мне его напомнить? Кругом меня толпились другие зрители. Внимание всех было сосредоточено на том, что и предо мною, как и перед ними, происходило... Восприемницею или свидетельницею по чину обряда на сей раз сама императрица... Императрица стояла возле принцессы. Она же подводила её к иконам и к святому причастию. Величава, печальна, но мягко любезна и почти нежна».

На следующий день, 13 октября, в Николаевском зале Зимнего дворца прошло торжественное обручение престолонаследника с великой княжной Марией Фёдоровной. На обряде присутствовали почти весь двор, члены аккредитованных в Петербурге иностранных посольств и прибывшие из-за границы представители датского и английского королевских дворов.

Всё было готово к свадебным торжествам.

Свадебная церемония

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1866 год

24 октября. — Получил от Австрийского Императора Франца-Иосифа I орден Св. Стефана.

28 октября. — Высочайшим указом, данным Государственному совету, назначен членом Совета.

28 октября. — По Высочайшей Государя Императора воле вступил в действительное управление по званию канцлера Александровским университетом в Финляндии.

28 октября. — Высочайшим приказом назначен вторым шефом всех тех полков и частей гвардии, которых шефом изволит быть Государь Император».

Бракосочетание было назначено на 26 октября, но из-за болезни матери-императрицы торжественную церемонию перенесли на 28 октября.

Предсвадебную неделю цесаревич Александр переносил с трудом. О состоянии нервного переутомления говорит запись в его дневнике, сделанная за пару дней до торжества:

«Я теперь нахожусь в самом дурном расположении духа в предвидении всех несносных празднеств и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя бедная душка Минни все эти мучения. Даже в такие минуты жизни не оставляют в покое и мучат целых две недели. Это просто безбожно! И потом будут удивляться, что я не в духе, что я нарочно не хочу казаться весёлым.

Господи, как я буду рад, когда всё кончится и, наконец, можно будет вздохнуть спокойно и сказать себе: теперь можно пожить тихо и как хочешь. Но будет это когда-нибудь или нет? Вот это называется веселье брачное. Где же оно и существует ли оно для нашей братии? Пока я ещё не отчаиваюсь и уповаю на Бога, хотя и тошно приходится иногда. Что меня больше всего огорчает, так это то, что прихожу иногда к моей бедной душке в таком расположении духа и не могу удержаться, чтобы скрыть это. Каково же ей выдерживать всё это и слышать от меня вечное ворчание и неудовольствие. А она, душка, для меня пожертвовала всем и даже оставила своих родителей, мать и отца, родину свою для меня покинула, а теперь я в таком настроении духа прихожу к ней, и постоянно почти такая история. Да укрепит нас Господь Бог в эти важные минуты нашей жизни. Всё упование моё на Него!»

И вот в 8 часов утра 28 октября 1866 года со стороны Петропавловской крепости прогремели пять пушечных выстрелов. Залп орудий возвестил о знаменательном событии в истории России — торжественном бракосочетании великого князя Александра Александровича и великой княжны Марии Фёдоровны.

К 12 часам дня в Зимний дворец съехались члены Святейшего синода и придворное духовенство, члены Государственного совета, сенаторы, статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерины, фрейлины, придворные чины и кавалеры, весь дипломатический корпус — послы и посланники,

генералы и адмиралы. Только одна императорская семья насчитывала двадцать пять человек. Среди приглашённых был имам Шамиль, который четверть века вёл непримиримую борьбу против русского царя и был взят в плен в 1859 году. Его поселили в Калуге. Там он стал искренним верноподданным императора, который назначил его сына в свой собственный конвой.

Очередные пушечные залпы с бастиона Петропавловской крепости стали сигналом к началу высочайшего выхода в Зимнем дворце.

Шествие возглавляли император Александр II и императрица Мария Александровна. За ними шли цесаревич Александр Александрович и царственная невеста.

Император и цесаревич были одеты в мундиры казачьего лейб-гвардии полка. И на одном и на другом были цепи орденов Святого Андрея Первозванного и голубые ленты датского ордена Слона.

На голове Марии Фёдоровны красовалась малая бриллиантовая корона. Великая княжна была одета в сарафан из серебряной парчи, на плечах — подбитая горностаем бархатная малиновая мантия с длинным шлейфом, который несли камергеры и гофмаршал двора.

Свадебные торжества проходили по традиционному ритуалу, заведённому при дворе ещё во времена Екатерины II.

Для невесты готовился специальный наряд — платье из серебряной парчи с тяжёлым шлейфом и горностаевой мантией, комплект фамильных екатерининских драгоценностей — диадема, кольцо, серьги; поверх парадной, необыкновенно сложной причёски с множеством локонов водружались ещё и фата, и диадема, и сверху — корона...

Так выдавали замуж сестёр и дочерей императоров, так обряжали и невест великих князей.

Мало кто представлял, что приходилось испытывать царской невесте в наряде, весившем чуть ли не пуд. Ведь одно только платье, вытканное настоящими серебряными нитями, было таким тяжёлым и негнувшимся, что бедные невесты с трудом передвигались. А шлейфы, мантии, пряжки и броши с драгоценными камнями, массивные ожерелья, браслеты, кольца и прочие аксессуары делали вес праздничного убора чрезмерным для слабых девичьих плеч! Потому вся долгая церемония превращалась в пытку. Невеста не могла самостоятельно сделать и шага. Подняться по лестнице, преклонить колени при благословении ей помогали шаферы — сильные молодые мужчины. Они,

случалось, просто вносили обессиленную невесту в парадные покои, как разряженную недвижимую куклу.

Но даже платье казалось не столь тяжёлым, как «свадебные» серьги с огромными бриллиантами грушевидной формы. Они нуждались в дополнительных креплениях, иначе разорвали бы мочку уха. Поэтому их закрепляли специальной золотой проволокой, обмотанной вокруг ушной раковины. Ходить с таким сооружением целый день было совсем нелегко — сначала краснели и отекали уши, потом из-за нарушения кровообращения начинала мучительно болеть голова, сжатая обручем диадемы и увенчанная тяжёлой короной. Но все «августейшие» невесты безропотно терпели все испытания, даже доходя до полуобморочного состояния. Эта мука считалась неизбежной на пути к счастью...

Причёсывали перед свадьбой царских и великокняжеских невест, согласно традиции, в Малахитовом зале Зимнего дворца перед золотым туалетным прибором императрицы Елизаветы Петровны.

Мария Фёдоровна вытерпела всю церемонию без единой жалобы.

В самом начале свадебной церемонии, при входе в церковь Зимнего дворца, Их величества и Их высочества встречали митрополит Святейшего синода Исидор, члены Синода и придворный духовник с крестом и святой водой. Певческая придворная капелла запела псалом «Господи, силою Твоею возвеселится Царь».

Александр II взял за руки жениха и невесту и подвёл их к алтарю. Началось таинство венчания, которое совершал протопресвитер Василий Борисович Бажанов.

Братья цесаревича Владимир и Алексей держали венец над головой цесаревича, а наследный датский принц Фредерик и принц Николай Лейхтенбергский — над головой Марии Фёдоровны.

После прочтения Евангелия протодиакон торжественно провозгласил: «О благоверном Государе Наследнике Цесаревиче, великом князе Александре Александровиче и его супруге, благоверной Государыне Цесаревне великой княгине Марии Фёдоровне...»

После совершения венчания сочетавшиеся принесли благодарение Их Императорским величествам, государю императору и государыне императрице.

Митрополит Исидор с членами Святейшего синода и придворное духовенство совершили благодарственный молебен с коленопреклонением и пением «Тебя Бога хвалим».

В это время в Петропавловской крепости был произведён сто один пушечный выстрел.

На бракосочетании присутствовали многочисленные гости: вся императорская семья и четыре наследных принца королевских семей Европы — уэльский, прусский, гессенский и веймарский. Пятый наследный принц был с датской стороны: на свадьбу в Петербург прибыли брат Фредерик и младшая сестра Дагмары. Ни матери, ни отца, ни любимой старшей сестры рядом не было. Но Мария Александровна старалась, чтобы юная невеста не чувствовала себя одиноко.

В пять часов вечера в самом большом зале Зимнего дворца — Николаевском — начался парадный обед с музыкой и пением. Зал мог вмещать до пяти тысяч человек. И в этот день размеры зала и его вместимость казались меньше.

Под сводами зала, где находился портрет любимого деда молодожёна, Николая I, молодые принимали поздравления многочисленных гостей и представителей дипломатического корпуса.

Во время торжественного обеда с бастиона Петропавловской крепости за здоровье Их Императорских величеств был произведён пятьдесят один выстрел, за здоровье высоконовобрачных — тридцать один выстрел, за здоровье всего императорского дома — тридцать один выстрел, за здоровье Их королевских величеств датского короля и королевы — тридцать один выстрел, за здоровье духовных и верно-подданных — тридцать один выстрел.

Длительная церемония венчания и обед утомили молодых. Но новобрачным пришлось выдержать ещё праздничный бал, который начался в восемь часов вечера в Георгиевском зале Зимнего дворца.

Только в десять часов молодожёны отправились в Аничков дворец.

Напротив Аничкова дворца была поставлена великолепно освещённая декорация в виде русской избы с надписью:

*Живите России на радость,
Всему миру на красу.*

В Аничковом был накрыт ужин для членов императорской семьи. Здесь молодые получили благословение родителей.

В день бракосочетания цесаревича император Александр II подписал рескрипт о назначении Александра Александровича членом Государственного совета.

Есть что-то невыразимо симпатическое, что-то глубоко знаменательное в судьбе юной принцессы, которую узнал, полюбил и усвоил себе русский народ в то самое время, когда вместе с нею оплакивал безвременную кончину равно дорогой и для неё, и для него, едва расцветшей жизни. И в эту минуту, когда она казалась навсегда утраченной для России, Россия не хотела этому верить. Все были убеждены, что она будет возвращена тому предназначению, которое суждено ей Провидением. Она была наша, когда казалась утраченной для нас; она не могла отречься от нашей веры, которая уже открыла для неё своё лоно; она не могла отказаться от страны, которую уже признала своим вторым отечеством. Образ юноши на мгновенье, как бы в благодарном сновидении, представший ей возвестить предназначенную ей судьбу, останется навсегда святой поэзией её жизни, как навсегда останется этот юный образ в воспоминаниях страны, для которой он также явился на мгновенье.

М. Н. Катков,
газета «Московские новости»

Ещё были праздничный ужин в узком кругу, задушевные разговоры с отцом и матерью, последние благословения и наставления... Только глубокой ночью молодые остались одни...

Утром, едва проснувшись, Александр и Минни уже принимали поздравления от явившихся спозаранку родственников, потом отправились с визитом к родителям в Зимний дворец.

Князь Владимир Петрович Мещерский записал в дневнике:

«После свадьбы я зашёл к цесаревичу, пребывавшему ещё тогда в своих комнатах Зимнего дворца, чтобы его поздравить.

— Да, — сказал он, — вы можете меня поздравить, я у пристани.

Он был весел и счастлив и при этом, как всегда, невозмутимо спокоен».

По случаю бракосочетания супруги получали отовсюду большое количество приветственных адресов и посвящений.

Для Марии Фёдоровны особенно радостны были поздравления из родной Дании. Стихи известных датских поэтов, в том числе Оленшлегера, Эвальда и любимого ею Андерсена, приветствия от самых разных людей из Дании в этот день были направлены в Санкт-Петербург.

Старец митрополит Филарет Московский благословил новобрачных посланием: «Да будет супружеский союз полон чистой и совершенной любви, да будет счастье семейной жизни вашей облегчением подвигов вашей царственной жизни».

Наследник отвечал владыке: «Да будут услышаны Всемогущим эти молитвы старейшего и достойнейшего иерарха Русской Церкви, да будет нам дано споспешествовать благоденствию благочестивейших родителей наших и заботам чадолюбивого нашего отца и монарха о горячо любимой России...»

Из Зимнего дворца молодожёны отправились к великому князю Михаилу Николаевичу, к герцогине Ольге Вюртембергской, к Константину Николаевичу. Начался традиционный великосветский водоворот визитов.

Но эти нелюбимые цесаревичем мероприятия, к его удивлению, больше не раздражали. Ведь он уже был не один. Рядом с ним неотлучно находилась любимая жена, великая княгиня Мария Фёдоровна, которая для него навсегда останется милой и дорогой Минни.

Назначение

Получив указ императора Александра II о назначении Александра Александровича членом Государственного совета, великий князь Константин Николаевич пригласил наследника на Общее собрание Совета. Оно состоялось 31 октября 1866 года.

Государственный совет как высший законосовещательный орган Российской империи располагался непосредственно в Зимнем дворце. Заседания проходили в здании

Большого Эрмитажа в зале на первом этаже. Там же, на первом этаже, проходили заседания Комитета министров. К помещениям вела лестница, получившая название Советская — по наименованию высшего законосовещательного органа империи.

В журнале Общего собрания от 31 октября 1866 года была сделана такая запись:

«Его высочество встречен был в сенях государственным секретарём со старшими чиновниками Государственной канцелярии, а в передней зале — председателем с членами. Затем Его высочество, приветствовав и вступив в сопровождении их в присутственную комнату, занять изволил первое по правую сторону председателя место. Тогда заседание открыто было прочтением собственноручного именного Высочайшего указа Государственному совету от 28 октября о назначении Его высочества членом оного.

После чего, по принесении всем собранием благоговейного Государю Цесаревичу поздравления, государственный секретарь поднёс присягу членов Государственного совета, которую Его высочество по прочтении тут же соизволил подписать.

В заключение прочтено было объявленное председателем Высочайшее повеление о том, чтобы Государю Цесаревичу в Общих собраниях совета занимать первое место по правую сторону председателя. Государственный совет, приняв сии высочайшие повеления с чувствами верноподданнического благоговения, положил записать о всём том для точного исполнения в журнал, который повергнуть в подлиннике на Высочайшее Его Императорского величества воззрение».

Затем журнал подписали все присутствовавшие члены Государственного совета. Первыми поставили свои подписи члены императорской фамилии: великие князья Константин, Николай, Михаил Николаевичи и принц Ольденбургский Александр.

На следующий день, 1 ноября 1866 года, из Государственной канцелярии было отправлено отношение за подписью государственного секретаря князя С. Н. Урусова на имя гофмаршала Двора наследника-цесаревича В. Я. Скарятинна с просьбой выслать, в соответствии с действовавшим повелением Николая I от 26 января 1842 года, послужной список нового члена Государственного совета. Повеление обязывало всех членов Совета присылать в Государственную канцелярию «полные и подробные формулярные спис-

ки, составленные в общеустановленной по гражданскому ведомству форме, и о всякой впредь к службе их перемене с тем, чтобы верность всех сих сведений оставалась на непосредственной ответственности каждого из членов».

В заключительной части отношения государственный секретарь просил «довести о сем» до сведения наследника и «испросить» его «приказание» составить и доставить в Государственную канцелярию его формулярный список «за собственноручным Его величества подписанием».

Жизнь без «котильона»

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1866 год

— С Высочайшего Государя Императора соизволения избран почётным членом Казанского университета — 16 декабря.

1867 год

— Получил от Князя Черногорского Николая орден Даниила I — 4 января.

— Отправился с Государем Императором и Государынею Великою Княгинею Цесаревною в Петровский дворец — 20 апреля.

— Оттуда на другой день имел торжественный въезд в Москву — 21 апреля.

— Возвратился в С.-Петербург — 2 мая».

С осени 1866 года по весну 1867 года цесаревич и цесаревна прожили в Петербурге, в Аничковом дворце. Поэтому в Петербурге все вновь, как и во времена великого князя Александра Николаевича, считали Аничков дворец местом нахождения так называемого «малого» двора.

В Аничковом, самом старом дворце на Невском проспекте, Александр Александрович почувствовал себя счастливым человеком.

Он испытывал ощущение настоящего счастья и тогда, когда выезжал в Царское Село, Петергоф и Гатчину. Эти места он называет «милыми», а о Зимнем дворце с его утомительными придворными обязанностями отзывался: «Котильон без конца!!!»

На лето 1867 года решили переехать в «милое» Царское Село, в знакомый цесаревичу с детства Александровский дворец.

Дворец, чистый образец классицизма, пришедшего на смену барокко и рококо, представлял собой вытянутое в длину двухэтажное здание с двойными флигелями по сторонам. В центре главного северного фасада два ряда колонн составляли великолепную сквозную колоннаду. Со стороны регулярной части Александровского парка фасад здания сделан в виде полуротонды, перекрытой сферическим куполом.

Интерьеры дворца, созданные по проекту Д. Кваренги, также соответствовали всем классическим канонам. Основными чертами в отделке интерьеров стали полная симметричность всех элементов, единство стилевого решения, полная завершённость композиции.

Над оформлением дворцовых интерьеров работали многочисленные выдающиеся русские и иностранные мастера.

В мае 1796 года, в последний год правления Екатерины II, строительство было завершено, и 12 июня 1796 года великий князь Александр Павлович с супругой въехали в новый дворец. Но, став императором, Александр I предпочитал во время пребывания в Царском Селе останавливаться в Большом Царскосельском дворце, а вот его младший брат, будущий император Николай I, очень полюбил Александровский дворец и уделял его благоустройству особое внимание.

Эту любовь к Александровскому дворцу император Николай I передал своим внукам, в том числе и великому князю Александру.

За осень 1866 года, зиму и весну 1867 года архитектору Царскосельского дворцового ведомства Александру Фомичу Видову удалось многое сделать. Отделывая отведённые на первом этаже правого флигеля апартаменты цесаревича и цесаревны, Александр Фомич постарался учесть все новейшие тенденции моды того времени. Все созданные им залы были обставлены модной в то время мягкой мебелью, зеркалами, ширмами, витринами с фарфором. Императорские апартаменты были выдержаны в стиле историзма. В качестве элементов декора архитектор использовал не только украшения стен и потолков, но и камины, осветительные приборы, мебельные гарнитуры. В создании образа наравне с массивными щитами на стенах, трофеями и доспехами участвовали цвет и рисунок драпировок, портьер, обивка мебели. Дополняли обстановку крупные фарфоровые и керамические вазы, а также кашпо с цветами.

В комнатах были расставлены памятные для императорской четы предметы, подарки дорогих и любимых людей.

Наиболее эффектной была отделка Голубой гостиной, для которой Александр Фомич сам подобрал и заказал предметы обстановки.

Спальня для цесаревны ранее принадлежала императрице Александре Фёдоровне.

В Угловой гостиной на половине цесаревны, за круглым столом, в приёмные дни «малого» двора могли собираться до тридцати человек, пить чай, играть в карты и музицировать.

В помещениях использовалась техническая новинка — эдисоновские лампочки, которые прекрасно освещали помещения, не нагревая воздух.

Апартаменты Александра Александровича отличались строгим убранством. Стены в них были оклеены обоями коричневого цвета и отделаны панелями. На полушкафах, этажерках, шифоньерах, каминных досках были расставлены различные стеклянные и фарфоровые предметы, бронзовые фигурки рыцарей. Мебель кабинета была изготовлена из дуба и обтянута кожей тёмно-синего цвета.

Центральное место в интерьере занимал рабочий стол, покрытый синим сукном, на нём — деревянный письменный прибор с маленьким фарфоровым бюстом Екатерины II, песочные часы, свечи в канделябрах, электрическая лампа под абажуром, сургучница с печатями, пресс-папье. В углу, у окна, был установлен телеграфный аппарат.

Это всё обитатели Александровского дворца увидели весной. Но дорога в Царское Село на самом деле растянулась до осени.

В апреле случилась поездка в Москву. Отправились в Первопрестольную почти по-семейному: император, Александр с Марией Фёдоровной, великий князь Владимир.

Для цесаревны это было настоящее событие, ведь она никогда не путешествовала по России. И Александр Александрович, глядя в радостные глаза жены, был очень рад за свою Минни.

Поначалу остановились за городской заставой, в Петровском дворце. Казалось, что в красных кирпичях старого царского путевого дворца сохранился особый аромат времени.

За ужином Александр Александрович сказал Марии, что со времён императора Павла по дороге из Петербурга здесь останавливались русские государи перед венчанием на царство. Великий князь Владимир пошутил, что, возможно, нынешний приезд — это репетиция. И все рассмеялись.

Император Александр II рассказал Марии, что дворец известен и тем, что по преданию, когда императрица Екатерина II останавливалась здесь, то отсылала личную свиту и караул и оставалась во дворце «под охраной своего народа». А ещё во время Отечественной войны 1812 года здесь была ставка Наполеона.

Вечером Александр Александрович рассказывал своей жене об одной из предыдущих поездок в Москву вместе с младшим братом Владимиром. Тогда в Петровский дворец не заезжали.

Торжественный въезд в древнюю столицу императора, наследника престола и цесаревны состоялся 21 апреля.

На Тверском тракте и дальше по всем улицам шпалерами стояли войска: конные уланы, драгуны, казаки. Все дома были украшены флагами.

После посещения Иверской часовни направились в Кремль. Все вместе заходили в Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы. На Красном крыльце именитое московское купечество поднесло гостям хлеб-соль.

После обеда и короткого отдыха император решил сам показать невестке дворцовые помещения и царскую сокровищницу — Оружейную палату. Восхищению Марии Фёдоровны, казалось, не было предела.

Со следующего дня началась череда парадов, приёмов, визитов, балы у московского генерал-губернатора, в Благородном собрании. Как писали тогда газеты, Москва встречала их так, как следует встречать царственных гостей: любовью и молитвой внесла их в царские чертоги...

Посетили московские театры. В Большом слушали оперу Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя» и смотрели красочный балет, поставленный на музыку жившего в России итальянца Чезаро Пуньи по сказке Петра Ершова «Конёк-Горбунок».

В Малом театре смотрели «Женитьбу» Николая Васильевича Гоголя и некоторые другие одноактные спектакли.

29 апреля по заведённому в царской семье обычаю посетили Троице-Сергиеву лавру.

По дороге из Москвы Александр Александрович записал в дневнике: «Уже два года прошло, и именно в эти дни мы познакомились с женой, и внутренняя связь оставалась постоянно. Здесь, видимо, был Промысел Божий над нами, и Он благословил наш союз. Именно это тяжёлое и грустное время сблизило нас с женой. Ещё над телом милого брата, сейчас после его кончины, мы горячо поцеловались с Мин-

ни. Милый Никса сам как будто благословил нас вместе: умирая, он держал мою руку, а другую держала Минни».

В Петербурге, куда они вернулись 2 мая, их ждал гость — брат Марии Фёдоровны Вильгельм («Вилли») — греческий король Георг I.

Вилли был ровесником Александра, но уже три года занимал королевский трон. Королём его избрало греческое Национальное собрание через год после свержения предыдущего короля — баварского принца Оттона.

Георг прибыл с деликатной миссией: он хотел посвататься к великой княжне Ольге Константиновне, кузине цесаревича Александра Александровича. Брат Минни был страстно влюблён во внучку императора Николая I, дочь его сына Константина Николаевича и Александры Иосифовны. Александру Иосифовну, урождённую Александру Саксен-Альтенбургскую, в семейном кругу называли «тётя Санни».

Дочь тёти Санни Ольга увлекалась поэзией. Особенно стихами Михаила Юрьевича Лермонтова. Все знали, что она составила домашнее издание «Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день года» с автографами членов русской императорской фамилии и даже некоторых иностранных царствующих особ.

Александр Александрович дружил со своей кузиной, с радостью общалась с ней и Мария Фёдоровна. Поэтому они, конечно же, хотели сделать всё возможное, чтобы мечта Вильгельма осуществилась.

Их усилия не пропали даром. Но это станет известно потом, осенью, а сейчас, после Москвы, цесаревича Александра и Минни ждала новая поездка. Нужно было спешить в Данию на серебряную свадьбу к родителям Минни.

На балтийских берегах

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1867 год

— Отправился с государынею Великою Княгинею Цесаревною в Ригу — 7 мая.

— Куда прибыл 8 мая.

— В тот же день отправился на корвете “Аскольд” в Копенгаген, куда прибыл 10/22 мая.

— Из Копенгагена отправился на клипере “Изумруд” в Любек — 17/29 мая.

— Куда прибыл 18/30 мая.

— В тот же день отправился в Кёльн, где присоединился к свите Его Императорского Величества — 19/31 мая.

— Из Кёльна с Его Императорским Величеством прибыл в Париж — 20 мая / 1 июня.

— Из Парижа отправился в Любек — 30 мая / 11 июня.

— Куда прибыл 31 мая / 12 июня».

Поезд прибыл в Ригу, столицу Лифляндской губернии, утром 8 мая 1867 года. Гостей встречали прямо у вагона, чтобы проводить до экипажей.

Цесаревич с супругой выехали из Петербурга накануне. Под перестук вагонных колёс даже удалось хорошо отдохнуть.

С вокзала отправились в рижский порт. Там их ждал корвет «Аскольд».

На сверкающей чистотой шестидесятиметровой палубе трёхмачтового морского красавца августейших гостей встречали все восемнадцать офицеров во главе с капитаном и шеренга матросов. После приветствия корвет взял курс на Копенгаген.

Корабль ещё не успел покинуть Рижский залив, как Мария Фёдоровна занемогла. Тошнота накатывала бесконечными волнами, как вода за бортом. За три дня плаванья она так ослабла, что не могла без посторонней помощи вставать. Матросы на руках выносили её на палубу.

Сопровождавший их в поездке доктор высказал предположение, что цесаревна беременна. Обрадованный таким известием цесаревич готов был сам вместо матросов носить Минни на руках.

Ближе к полудню 10 мая впереди показался Копенгаген. Издали были видны шпили замков Кристиансбург и Розенбург, городской Ратуши, церкви Вор-Фрельсерс Кирхе, церкви Девы Марии и огромный купол Мраморной церкви.

Близость дома немного взбодрила Марию Фёдоровну. Она даже смогла самостоятельно выйти на палубу, а затем, когда «Аскольд» причалил, спуститься на берег. На пристани гостей из России ждали объятия, поцелуи, рукопожатия многочисленной родни.

До дня празднования серебряного юбилея 14 мая состояние здоровья цесаревны постоянно менялось. То казалось, что Минни могла легко перемещаться по дворцу и принимать участие в бесконечных приёмах, то часами она лежала в кровати.

Через три дня после свадебного юбилея Александр Александрович оставил гостеприимный дворец и свою дорогую супругу. Его ждал Париж.

Они договорились с Минни, что после поездки в Париж, где он должен был присутствовать вместе с отцом на открытии Всемирной выставки, он сразу возвратится в Данию. На клипере «Изумруд» цесаревич пересёк Балтийское море и причалил в порту Любека. С пристани добрался до вокзала и оттуда по железной дороге отправился в Кёльн, где его ждал отец, чтобы ехать дальше.

«В огне»

Вместе с многочисленными гостями и свитой российский император и сопровождавшие его лица пересели на границе с Францией в императорский состав Наполеона III. На Северном вокзале Парижа поезд встречал сам император Наполеон III Бонапарт.

Красочный кортеж через весь город проследовал во дворец Тюильри, где ожидала императрица Франции Евгения. Торжественный наряд императрицы лишний раз подтвердил справедливость слов о том, что она по праву носила второй титул — законодательницы мод всей Европы.

Все дома, все окна были украшены трёхцветными сине-бело-красными французскими флагами, развевающимися вокруг чёрно-жёлто-белых русских флагов с императорским двуглавым орлом.

Французская пресса отмечала, что день приезда российского императора стал великим днём для парижан и для Франции, так как впервые со времён Петра I русский государь посещает страну с официальным и дружественным визитом.

В те дни в Париж, по случаю открытия Всемирной выставки, съехались именитые гости со всей Европы: король и кронпринц Прусские, король и королева Бельгийские, герцог Гамильтон, герцог Герман Веймарский, герцог Гессенский и многие другие. Но всё-таки самым важным в те дни был русский император: ему и его свите был отведён Елисейский дворец. Император Александр II и цесаревич Александр Александрович разместились в тех же апартаментах, которые в 1814 и 1815 годах занимал Александр I.

Наполеон III оказывал гостям из России особое внимание. Он почти повсюду сопровождал Александра II.

В честь русского императора устраивали торжества. Каждый день пребывания императора и великих князей в Париже ознаменовывался пышными и блестящими празднествами: то обед в Тюильри, то парадный спектакль в Опере, то посещение выставки, то поездка на бал. Находившийся рядом с отцом цесаревич был вынужден крутиться в этом вихре блестящей суеты.

Но в мыслях Александр был далеко от Парижа — там, где осталась его «дорогая душка», его Минни, «маленькая жена». Его волновали её самочувствие и возможность беременности. Почти каждый день он получал от неё письма. Каждое непременно заканчивалось словами: «Целую тебя, моя душка. Целую тебя, ангел моего сердца, от души». Он старался ответить на каждое письмо.

На пятый день пребывания российской делегации в Париже происходил грандиозный смотр французских войск. В смотре за Булонским лесом в Лоншане участвовало пятьдесят тысяч солдат.

Императоры возвращались с великолепного зрелища в одной открытой карете: Александр II сидел рядом с Наполеоном III.

Напротив Александра II сидел цесаревич Александр, напротив Наполеона III — великий князь Владимир Александрович. По бокам экипажа ехали верхом дежурные шталмейстеры.

Толпа, возвращавшаяся со смотра, пыталась окружить экипажи, чтобы увидеть живых императоров, и мешала каретам двигаться вперёд. У кафе «Каскад» карета императоров оказалась окружена плотным кольцом восторженных людей. Выкрикивали разные здравицы или просто кричали «ура!». С трудом экипажи повернули налево, чтобы съехать с главной аллеи на боковую.

И в это время раздался громкий хлопок.

Это был выстрел!

Пуля угодила в морду лошади шталмейстера. Животное мотнуло головой, и горячие брызги крови полетели в сидевших в карете.

Ещё никто не успел среагировать на происходящее, как раздался второй хлопок. Намного более громкий, чем первый.

Но свиста пули никто не услышал: двуствольный пистолет взорвался в руках злоумышленника и оторвал у стрелявшего пальцы.

Люди, окружавшие экипаж, пришли в себя и кинулись на стрелка. Преступника от разъярённой толпы спас жан-

дармский полковник. Он схватил стрелка и, ограждая от желавших расправиться с террористом, кричал, что судьбу злоумышленника должно решать правосудие. Тем не менее толпа успела порвать одежду стрелявшего.

Из ближайшей к месту события кареты высадили двух дам и затолкали туда задержанного.

Как выяснилось позднее, преступником оказался двадцатилетний поляк Антон Березовский, который уже два года жил в Париже. На суде покушавшийся сознался, что пытался совершить преступление ещё в день приезда российского императора, а потом во время народного спектакля в Опере. Он настаивал на том, что не имел сообщников. Тем не менее следствие выяснило, что, когда экипаж императоров подъезжал к месту, где было совершено преступление, восемь или десять стоявших там человек кричали: «Да здравствует Польша!» («*Vive la Pologne!*»). Суд присяжных приговорил Березовского к пожизненной каторге, на которой он провёл почти двадцать лет. Лишь в 1906 году Березовского помиловал президент Клемансо, но когда преступнику сообщили об освобождении, он сам отказался оставить место заключения.

Наполеон III, удостоверившись, что ни Александр II, ни кто-либо из великих князей не пострадал, сказал: «Государь, мы с Вами вместе были в огне». Александр II согласился с ним.

Вечером цесаревич Александр Александрович написал в своём дневнике: «Чуяло моё сердце что-то недоброе в Париже, и вот сбылось! Боже милосердный, помоги рабам Твоим. Господи, не оставь нас и помилуй нас! Да будет воля Твоя!»

Он стремился как можно скорее уехать из Парижа и отправиться во Фреденсборг, где его ждала Минни. Но официальные мероприятия продолжались. И все российские гости, по верному замечанию Наполеона III, оставались «в огне».

Вдвоём

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1867 год

— Из Парижа отправился в Любек 30 мая/11 июня.

— Куда прибыл 31 мая/12 июня.

— Возвратился в Фреденсборг (близ Копенгагена) 1/13 июня.

— В день празднования 25-летия бракосочетания Их Величеств Короля и Королевы Датских принял звание члена Королевско-Датского общества стрелков — 8/20 июня.

— С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Общества попечения о раненых и больных воинах — 26 июня».

Минни встречала его на пристани. Он заметил её издали, когда корабль бросил якорь в бухте Копенгагена.

Всю дорогу в экипаже до Фреденсборга говорили и говорили. В первую очередь он, конечно, поинтересовался её здоровьем. Она сказала, что чувствует себя беременной.

И все остальные темы — его пребывание в Париже, её — в родной Дании, — отошли на второй план. Радость от возможности появления новой жизни переполняла обоих супругов.

22 июня вместе с королём Александр и Мария отправились в Бернсдорф. Затем присутствовали при освящении моста «Христиан IX». Мост был перекинут с острова Фальстера через Гульборгский пролив на остров Лаланд.

А по возвращении из поездки вдруг стало понятно, что радость супругов, ожидавших ребёнка, была преждевременна.

Александр написал матери: «Доктор Плум говорил всё время, что это не беременность, но мы все были уверены, что Минни беременна. Теперь Минни в отчаянии... Она была счастлива быть матерью, но видно, мы ошиблись. Дай Бог, через несколько времени Минни правда будет беременна. Мы все в отчаянии, что так ошиблись».

Первоначально, после торжеств по случаю открытия моста, Александр и Мария планировали вернуться в Петербург. Но теперь решили остаться. Правда, для этого Александру нужно было испросить разрешение отца. Император такое разрешение дал.

Александр и Мария проводили вместе целые дни. Цесаревич, который был обязан посещать всевозможные государственные и светские мероприятия дома, в России, здесь был освобождён от этих хлопот и суеты. В силу совершенно объективной причины — нахождения вдали от российской столицы. Никто не надоедал докладами, не торопил с бумагами. Здесь можно было просто отдыхать и радоваться. Они пользовались этой возможностью.

Александр признавался матери, императрице Марии Александровне: «Милая Ма, пишу тебе снова из милейшего

Фреденсборга, где я себя чувствую так хорошо и так счастливо, что и написать не могу».

Но там, в «милейшем Фреденсборге», их не оставляла мечта — иметь ребёнка.

В конце июля Александр записал: «Моя единственная забота и молитва, чтобы Господь даровал нам детей, как я бы был счастлив... Дай Бог мне тоже быть достойным и полезным сыном нашего милого Отечества, нашей родной России».

Летние дни шли один за одним, выстраивались в недели, а недели — в месяцы.

Тепло и уют Фреденсборга затягивали и расслабляли. Время возвращения как-то автоматически откладывалось.

В середине августа цесаревич вновь обратился к отцу с просьбой задержаться в Дании. Понимая чувства сына и невестки, Александр II дал согласие, но при этом счёл уместным напомнить об обязательствах цесаревича.

20 августа Александр II писал сыну: «Да сохранит тебя Бог, любезный Саша, нам на радость и утешение и в будущем для счастья и славы нашей Матушки России. Я знаю, что Бог тебе даровал чистое, любящее и правдивое сердце, и ещё больше убедился в этом из твоего письма, за которое благодарю тебя от души. Желаю только, чтобы ты почаще и серьёзно думал о твоём призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно, не забывая 4-е апреля и 25 мая, где рука Всевышнего отстранила ещё на время от тебя ту страшную обузу, которая тебя ожидает и на которую и я иначе не смотрю, как на крест, который, по воле Божией, нам суждено носить на этом свете. Уповай на Его милость, как и я, и Он верно тебя не оставит, как Он доселе меня не оставлял и поддерживал».

Далее отец заметил, что в будущем «подобные долгие пребывания ваши за границею не должны впредь часто повторяться, в России оно крепко не нравится. А вы оба принадлежите ей и должны помнить, что вся жизнь ваша должна быть посвящена вашему долгу, т. е. России».

Александр всецело принимал слова отца, но всё же исполнение им царского предназначения виделось в отдалённом будущем.

В те дни цесаревич написал в дневнике:

«Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудный момент моей жиз-

ни я уповаю на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы Он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность, что я призван Им Самим на это поприще.

Со мною жена, которая меня любит и которую я обожаю как нельзя больше. И я готов на всё и всё переносить с терпением, лишь бы она была счастлива и была бы здорова и весела. Это моя главная забота, и для моей души я готов всем пожертвовать и всё сделать, потому что Господь вручил мне её, и я обязан заботиться о ней».

В конце августа стали планировать возвращение в Россию.

В первых числах сентября цесаревич и цесаревна покинули гостеприимную Данию.

Висбаденские каникулы

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1867 год

— Из Копенгагена отправился с государынею Великою Княгинею Цесаревною на пароходе “Шлезвиг” в Любек 5/17 сентября.

— Из Любека прибыл в Висбаден 7/19 сентября.

— Прибыл в Румпенгейм 11/23 сентября.

— Прибыл в Дармштадт 14/26 сентября.

— Из Висбадена отправился в Берлин 17/29 сентября.

— Куда прибыл 18/30 сентября.

— Из Берлина на другой день отправился в Царское Село».

Старинный немецкий городок Висбаден уютно расположился на правом берегу Рейна при впадении в него Майна. На то, чтобы заехать в него по дороге домой, имелись две причины.

Первая и основная — это здоровье Марии Фёдоровны. Название города буквально означает «луговые ванны». Висбаден — из старейших курортов Европы, он славился своими горячими и холодными термальными источниками. Врач посоветовал Минни попробовать эти источники, будучи уверен, что воды Висбадена окажут положительное воздействие на её здоровье.

Вторая причина — просьба повидаться старшей сестры Минни Александры, ставшей после замужества герцогиней Уэльской.

На железнодорожном вокзале Висбадена цесаревича и цесаревну встречал супруг Александры герцог Уэльский Альберт-Эдуард, старший сын английской королевы Виктории. Близкие звали его Берти. Как Берти он представился и Александру Александровичу.

Берти отвёз гостей на свою виллу, где жила вся его семья — жена Александра и трое их детей. Здесь произошло знакомство Александра Александровича с сестрой жены — Александрой.

Ещё при жизни Никса цесаревич слышал о ней. Дома говорили, что датскую принцессу называли в память великой княжны Александры Николаевны, дочери императора Николая I, которая вышла замуж за родного брата Луизы — матери Александры и Дагмар. Александра Николаевна умерла в девятнадцать лет в 1844 году, за четыре месяца до рождения датской принцессы Александры.

Её королевское высочество принцессу Уэльскую Александру, как призналась её младшая сестра, с детства звали Аликс. Так её и представили Александру Александровичу.

Аликс сразу же прониклась симпатией к мужу своей младшей сестры и сохранила расположение к нему на всю жизнь. Она называла его братом, а он её — сестрой. Их объединяла искренняя любовь к музыке.

Минни потом рассказала мужу, что это Аликс привила ей любовь к гимнастике, так как сама с детства занималась физическими упражнениями и была прекрасной наездницей. А ещё Аликс любила собак, и поэтому на вилле в Висбадене было несколько этих замечательных четвероногих.

Висбаденские каникулы семейств русского и английского престолонаследников длились десять дней. Они много гуляли по Висбадену и окрестностям. На Дворцовой площади посетили старую ратушу — самое старое здание города. Полюбовались и самым высоким зданием — церковью Маркткирхе. Посмотрели руины величественного замка Зонненберг.

Поднимались на гору Нероберг, с которой открывалась панорама города. Там же зашли в православный храм Святой Елизаветы («Греческую капеллу»), сооружённый в память о безвременно ушедшей из жизни герцогине Нассау, российской великой княгине Елизавете Михайловне.

Елизавета Михайловна была дочерью великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны и таким образом приходилась внучкой императору Павлу I. Она скончалась в результате тяжёлых родов вместе с

новорождённой дочерью. Храм построил её супруг герцог Нассауский Адольф. В северной части храма, облицованного несколькими видами драгоценного мрамора, была часовня, в которой стоял саркофаг из каррарского мрамора. На саркофаге была изображена лежащая фигура великой княгини Елизаветы.

За время пребывания в Висбадене престолонаследники успели съездить в Румпенгейм и в Дармштадт.

Сёстры были счастливы, проводя вдвоём много времени. Их мужья быстро нашли общий язык, обсуждали политические вопросы и европейские светские новости.

17 сентября Альберт-Эдуард провожал Александра Александровича и Марию Фёдоровну в Берлин. Остановка в Берлине планировалась как «визит вежливости Прусскому дому».

Там, в Берлине, у Александра состоялась незапланированная встреча. И встреча эта была особенной.

Об аудиенции с русским наследником попросил бывший прусский посол в Петербурге, а ныне канцлер Отто Бисмарк. У этого немецкого политика были особые отношения с Россией.

Имя Отто Эдуарда Леопольда фон Бисмарк-Шёнхаузена не раз звучало под сводами Зимнего дворца в Петербурге. Отец впервые рассказал о нём после того, как Бисмарк приехал в Петербург в качестве посла. Александр II отмечал, что новый посол известен как умный и энергичный дипломат и мудрый политик.

Во время Крымской войны Бисмарк, бывший представителем Пруссии во франкфуртском Союзном сейме, сделал всё возможное, чтобы Австрия не смогла провести мобилизацию германских армий для войны с Россией. В годы войны он проявил себя ярким приверженцем Германского союза и противником австрийского доминирования. В результате Бисмарк стал главным сторонником союза с Россией и Францией (ещё совсем недавно воевавшими друг с другом) — союза, направленного против Австрии.

Для того чтобы установить контакт с Францией, Бисмарк посетил Париж в 1857 году. А затем отправился послом в Российскую империю.

В России Бисмарк изучил русский язык и мог на нём изъясняться. Он признавался, что русский язык помог ему понять суть собственного русским образа мысли и это очень помогло ему в дальнейшем в выборе правильной политической линии в отношении России.

Он не раз принимал участие в русской царской забаве — охоте. Во время одной из этих забав он так сильно обморозил ноги, что даже стоял вопрос об ампутации.

Считалось, что огромное влияние на формирование личности Бисмарка как дипломата во время пребывания в России оказало его общение с русским вице-канцлером Александром Михайловичем Горчаковым.

Горчаков отмечал, что у Бисмарка уже тогда были необходимые на этом посту дипломатические качества. Прусский посол обладал природным умом и политической прозорливостью. Горчаков пророчил Бисмарку большое будущее. И оказался прав.

В 1862 году король назначил Бисмарка министром-председателем правительства Пруссии, наделив его широкими полномочиями.

Бисмарк последовательно проводил политику по объединению Германии. Австрия, понимая всю опасность со стороны Пруссии, пыталась противостоять усилиям Бисмарка. Но скоро надежды Австрии на гегемонию в немецком пространстве рухнули навсегда.

В 1866 году Бисмарку удалось добиться, чтобы во вновь организованном Северогерманском союзе главенствующую роль играла Пруссия. Всеми внешними и внутренними делами союза заведовал назначенный королём Пруссии федеральный канцлер, который не нёс никакой ответственности перед рейхстагом и председательствовал в союзном совете.

На сентябрьской встрече 1867 года в Берлине цесаревич Александр Александрович и Бисмарк беседовали, не скрывая взаимного интереса и даже любопытства. В свою речь Бисмарк то и дело вставлял русские слова, чем очень умело сбивал неминуемое в таких встречах напряжение. Бисмарк вспомнил, что однажды они вместе с наследником, а тогда великим князем, принимали участие в важном мероприятии. Это было 25 июня 1859 года, в день рождения императора Николая I, когда вся царская фамилия присутствовала на Исаакиевской площади при открытии ему памятника перед Мариинским дворцом. В числе приглашённых находился и посланник от Пруссии. Вместе с великими князьями Бисмарк с интересом рассматривал пьедестал, разработанный архитектором О. Монферраном, по проекту которого строился Исаакиевский собор, и конную статую, изготовленную скульптором П. К. Клодтом. Николай I был изображён в мундире офицера конногвардейского полка гарцующим на рослом скакуне.

Поздним тёплым берлинским вечером 1867 года Александр Александрович записал в дневнике:

«С ним я говорил долго и много спрашивал о теперешних делах Пруссии, о последней войне. Бисмарк объяснял по-своему, и заметно было, что он многое скрывает и многого не скажет ни за что.

Говорили тоже о вопросе Северного Шлезвига, но результат очень неудовлетворительный, и, кажется, кроме некоторых городов Пруссия ничего не отдаст Дании».

На следующий день после встречи с Бисмарком цесаревич с супругой отправились в Россию.

Работы и заботы

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1867 год

В Царское Село прибыл 23 сентября.

— Высочайшим приказом по военному ведомству назначен состоять при войсках гвардии — 6 октября.

— С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в С.-Петербурге бесплатную для детей бедных мастеров школу — 3 ноября».

Золотая осень превращала сады и парки Царского Села в сказочные чертоги. И эти дивные чертоги пленяли, затягивали, завораживали. В этом разноцветье хотелось бесконечно купаться.

Но «бесконечно» не получалось. За длительное отсутствие цесаревича скопилось множество дел. И их нужно было решать.

Потому-то вскоре пришлось покинуть дорогой сердцу Александровский дворец в Царском Селе и переехать в Санкт-Петербург, в Аничков.

В Аничковом дворце цесаревич работал в Дубовом кабинете. Помещение кабинета располагалось в восточном ризалите, выходящем в сад, симметрично Библиотеке.

До переезда во дворец Александра и Марии Фёдоровны в восточном ризалите, на месте кабинета, располагались личные комнаты великих княгинь Елены Павловны и Александры Фёдоровны. Затем помещения были реконструированы, а перегородки сломаны. Оформлен кабинет

был в стиле Людовика XIII с использованием резной мебели из дуба. Под дуб был стилизован и лепной плафон на потолке.

Работать приходилось много.

Ещё в день бракосочетания сына Александр II назначил его членом Государственного совета, затем он стал членом Комитета и Совета министров, атаманом казачьих войск и канцлером Финляндского Александровского университета в Гельсингфорсе. Получил звание почётного члена Императорской академии наук, Императорского Русского географического общества, Императорского Московского университета. Цесаревич взял на себя заботу о Московском археологическом обществе любителей русских древностей.

Одновременно он проходил службу в войсках в Петербурге и был назначен вторым шефом всех тех полков и частей гвардии, которых шефом «изволит быть Государь Император».

Только за последний год он был избран почётным председателем Русского исторического общества, почётным членом Санкт-Петербургского и Казанского университетов, почётным членом Общества попечения о раненых и больных воинах. Назначен состоять при войсках гвардии и присутствовать в Комитете финансов.

Александр Александрович принял под своё покровительство бесплатную школу Комиссарова-Костромского для детей бедных мастеров и учреждённую в Санкт-Петербурге Карамзинскую библиотеку.

Всё это требовало внимания и работы с многочисленными бумагами.

В октябре отец назначил его председателем особой комиссии по сбору и распределению пособий голодающим. Неурожай лета 1867 года вызвал голод в более чем двадцати губерниях. Особенно пострадали Смоленская, Орловская и Новгородская.

Причина голода заключалась в том, что отмена крепостного права и аграрная реформа сняли с помещиков ответственность за жизнь крестьян. Теперь забота о крестьянах была переложена на государство. Но опыта такой работы у власти не было, и потому Министерство внутренних дел не сумело принять должных оперативных мер по оказанию помощи населению пострадавших губерний.

О том тревожном времени оставил воспоминания писатель, философ, музыковед и общественный деятель князь

Владимир Фёдорович Одоевский. 3 октября 1867 года он написал в своём дневнике: «Беспокойство от слухов о неурожае. Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия»... «Голод! Голод даже в Рыбинске, в Орловской губернии, когда в Курской не знают, куда девать хлеб. Общее негодование на отсутствие распоряжений Министерства внутренних дел».

«Московские ведомости» сообщали, что «во многих местностях северной и средней полосы нашего отечества... голод, последствие неурожая, достигает размеров народного бедствия».

Александр II разрешил повсеместно открыть подписки для сбора добровольных денежных пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Для того чтобы правильно распределить поступающие пожертвования, император учредил в Санкт-Петербурге временную комиссию. Председателем комиссии был назначен цесаревич.

В рескрипте императора, опубликованном во всех газетах, подчёркивалась инициативная роль цесаревича в этом предприятии:

«Скудные в последние годы и особенно в истекшем 1867 году урожаи хлебных произведений подвергли жителей некоторых местностей России значительным затруднениям по приобретению необходимых продовольственных припасов. Составленные при благоприятных обстоятельствах в тех местностях общественные хлебные запасы почти уже истощились, а с наступлением весьма холодной зимы прекратилась большая часть, даже обычных в то время, заработков. Правительство постоянно и неусыпно заботится о принятии всех зависящих от него мер к облегчению тягостного положения нуждающихся; но при значительности требований удовлетворение их вообще затруднительно, а в настоящее время предстоят ещё и другие заботы относительно обеспечения будущих яровых посевов.

В твёрдой уверенности во всегдашней готовности на благотворительность всех верноподданных любезного Нам Отечества Мы возымели мысль обратиться к ней, и при настоящих обстоятельствах и вследствие того уже состоялось разрешение открыть повсеместно в Империи подписку для сбора добровольных денежных пожертвований в пользу пострадавших от бывших неурожаяев, а для сосредоточения всех таковых пожертвований и правильного распределения

их учредить здесь в С.-Петербурге временную комиссию. Поручая Вашему Императорскому Высочеству почётное председательство в оной, Нам отраднo видеть в искренности и теплоте принимаемого Вами сердечного участия залог успешного достижения предполагаемой благотворительной цели.

Поспешая вместе с тем приношением на означенный предмет препровождаемой у сего от Нашего имени суммы, пребываем искренно Вас любящими».

Товарищем председателя назначили генерал-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, бывшего воспитателя великого князя.

На стене Аничкова дворца был повешен ящик, изготовленный в виде кружки для пожертвований.

Александр Александрович отнёсся к своей новой обязанности с полной ответственностью. Он понимал, что собрать деньги — это далеко не всё. Нужно было разумно воспользоваться ими, оказав помощь нуждающимся. И сделать это до наступления весны. Были нужны знающие, профессиональные люди. Поэтому первым делом была сформирована комиссия.

Помощником себе цесаревич пригласил Николая Александровича Качалова. За два года до того Н. А. Качалов был избран первым председателем первой открытой в России губернской земской управы в Новгороде. На посту председателя Николай Александрович проявил себя чрезвычайно деятельным человеком.

Собравшаяся комиссия на первом же заседании выработала стратегию, отказавшись от идеи даровой раздачи хлеба как деморализующей. Было решено закупать хлеб крупными партиями и продавать по доступной цене, с целью обеспечить стабильность цен на хлеб в неурожайных губерниях.

Александр Александрович понимал, что теперь работы прибавится. Но отныне никакая работа, никакие дела не утомляли, не раздражали и не доводили до отчаяния. Он был готов к любым трудностям и понимал, что преодолее т их, чего бы это ни стоило. Ведь случилось главное. То, о чём так мечтали и он, и его дорогая жена. Врачи окончательно заявили: цесаревна ждёт ребёнка!

«Теперь с благословения Божьего я имею надежду иметь детей, — написал цесаревич в своём дневнике. — Я счастлив, но одной надежды мало, и я уповаю во всём на Господа. Да будет воля Его».

Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошёл и Петра I, и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми он руководился в делах своего правления.

Владимир Владимирович Назаревский,
профессор истории,
из книги «Чтения из истории Царствующего
Дома Романовых. 1613—1913»

Александр Александрович не скрывал свой искренний интерес к отечественной истории. Ещё в детстве его любимым чтением были исторические романы Михаила Николаевича Загоскина и Ивана Ивановича Лажечникова. Чтение трудов этих писателей, как он позднее признавался, рождало чувство национальной гордости.

Укрепили интерес к истории и занятия с преподавателями. Один из преподавателей истории будущего императора, академик Яков Карлович Грот, вспоминал: «Особенно рассказы из народного русского быта приводили в восторг Александра Александровича». Многие дали и занятия с историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым. Они открыли ему внутренний смысл русской истории и значение многовековой борьбы, «которую вело собиравшее землю государство с противогосударственными и противоязычными силами».

Историк Сергей Спиридонович Татищев писал: «Любимым занятием его было чтение, преимущественно исторических рассказов и путешествий».

И неудивительно, что Александр Александрович с радостью откликнулся на предложение взять под покровительство только что созданное Русское историческое общество. Цесаревичу была близка и понятна цель общества — «всесторонне содействовать развитию русского национального исторического просвещения».

Русское историческое общество было основано в Санкт-Петербурге в марте 1866 года по инициативе известных отечественных историков, военных и государственных деятелей. Устав общества был утверждён императором Александром II 23 мая 1866 года. Общество было подчине-

но Министерству иностранных дел. Именно благодаря всемерной поддержке общества со стороны почётного председателя цесаревича Александра Александровича члены общества получили доступ в важнейшие отечественные и зарубежные архивы.

В число основателей общества входил князь Пётр Андреевич Вяземский — поэт и член Государственного совета, ставший первым председателем общества. Фактическим же основателем и руководителем общества был член Государственного совета Александр Александрович Половцев.

Говоря о задачах общества, А. А. Половцев подчёркивал: «Жаждавшему узнать своё прошлое русскому народу подносились только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем нам дорогую Россию, в литературе 60-х годов, за редкими исключениями, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и правившие им силы».

Среди основателей общества были: профессор русской истории Петербургского университета Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, военный историограф генерал-лейтенант Модест Иванович Богданович, помощник директора Императорской Публичной библиотеки историк Афанасий Фёдорович Бычков, дипломат Андрей Фёдорович Гамбургер, дипломат барон Александр Генрихович Жомини, директор Государственного архива и Санкт-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел Константин Константинович Злобин, председатель департамента законов Государственного совета историк Модест Андреевич Корф, генерал-адъютант граф Борис Алексеевич Перовский, обер-прокурор Синода министр народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой, сотрудник Министерства народного просвещения писатель и журналист Евгений Михайлович Феоктистов.

Членами общества стали известные историки Сергей Михайлович Соловьёв, Василий Осипович Ключевский, Николай Иванович Костомаров и многие другие выдающиеся учёные.

О событиях, связанных с Русским историческим обществом, цесаревич писал в дневнике:

«7/19 февраля 1867 г. Вторник. Принял депутатов Русского исторического общества. Был между ними князь Вяземский. Они приехали просить меня быть почётным пред-

седателем общества. <...> 28 февраля / 12 марта. Вторник. Отправился в Русское историческое общество в Министерство иностранных дел. Князь Вяземский встретил меня с приветствием, очень хорошо написанным. <...> 10/20 марта 1870 г. Вторник. В $\frac{3}{4}$ 9 вернулся домой, и у меня было собрание нашего Исторического общества в библиотеке. Читали отчёт, а потом некоторые из членов читали весьма интересные записки. <...> 25 октября / 6 ноября 1871 г. Понедельник. Царское Село и Петербург. В $\frac{1}{2}$ 3 вернулся домой и принял у себя А. А. Половцова, который желал меня видеть по нашему Историческому обществу. <...> 28 марта / 9 апреля 1873 г. Среда. Вечером у меня было годовое заседание нашего Исторического общества и собралось чинов человек 16. <...> 15/27 марта 1874 г. Пятница. В $\frac{1}{2}$ 9 у меня было годовичное наше заседание Исторического общества в библиотеке, и набралось до 16 человек... Первым председателем общества был князь Вяземский».

Деятельность общества была публична, а результаты работы открыты. Члены общества видели свою задачу в том, чтобы собирать, обрабатывать, а затем распространять в России документы и материалы по истории и тем самым ввести их в научный оборот. Отобранные материалы публиковались в «Сборниках Русского исторического общества»: за пятьдесят лет жизни общества было издано 148 томов. Обычно публиковались редкие или ранее неизвестные документы, свидетельствующие о неких исторических фактах. Скрупулёзная работа проводилась по извлечению дипломатических документов, относящихся к русской истории, из лондонских, венских, парижских и других заграничных архивов.

Эмблемой общества стало изображение московского памятника гражданину Минину и князю Пожарскому.

Многие современники оставили яркие воспоминания о вкладе Александра III в развитие исторической науки на посту почётного председателя Императорского Русского исторического общества.

«Никто из членов общества, — писал историк академик Николай Фёдорович Дубровин, — не забудет, с каким вниманием и интересом относился Государь ко всем чтениям, а как хорошо он сам был знаком с историей России и русского народа в главнейших проявлениях его жизни».

Профессор Московского университета, создатель и первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве Иван Владимирович Цветаев, на-

зывавший Александра III «державным покровителем наук и искусств», позднее писал: «Особые симпатии почившего Государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств всем известны, как известно всем образованным людям и то, что Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Императорского Русского исторического общества и лично участвовал в его заседаниях».

24 ноября 1873 года обществу было присвоено наименование «Императорское Русское историческое общество».

В 1876 году на собрании Исторического общества цесаревич предложил издавать «Русский биографический словарь», в который должны быть включены «выдающиеся деятели Русской земли на всех поприщах службы и знания». Вскоре было подготовлено два тома сборника «Перечня 60 тысяч имён отечественных деятелей на самых разнообразных поприщах труда и жизни». Отмечая работоспособность Александра Александровича, многие удивлялись, что он находил время читать подготовительные статьи биографий и высказывал свои замечания. Это касалось не только биографического словаря, но и томов «Сборника Императорского Русского исторического общества», в которых были опубликованы материалы по истории царствования Екатерины II, Петра I, Анны Иоанновны, Александра I и Николая I. Эти тома, по словам академика Николая Фёдоровича Дубровина, «заключали в себе драгоценные материалы по русской истории, заимствованные из русских и иностранных архивов».

Благодаря Александру Александровичу были рассекречены дела и бумаги о тайных обществах. Высочайшая положительная резолюция на ходатайстве Н. Ф. Дубровина дала возможность современникам впервые ознакомиться с документами, хранившимися за семью печатями в течение шести десятилетий.

Интересно, что позднее, уже став императором, «государь решил, что годовые заседания будут так же проходить у него в Аничковом дворце в библиотеке». Сергей Дмитриевич Шереметев писал, что благодаря последовательности Александра III «общество сделало многое, и заседания его под гостеприимным кровом высокого председателя отличались тем своеобразным оттенком, который ложился на всё, в чём участвовал лично государь. Память о заседаниях в аничковской библиотеке останется незабвенною. Присутствие его сразу придавало всему жизнь. Непринуждённо

допускались рассуждения, в которых он сам принимал участие со свойственной ему величественною скромностью, и впечатление присутствия его было чарующее.

Перед ним читалась русская история, его семейная хроника, по выражению князя Петра Андреевича Вяземского, и сам он — воплощение русского царя — казался среди всех нас таким простым, доступным, приветливым и в то же время внушительным в своей простоте. Величавый образ его не замрёт в сердцах присутствующих, как не замрёт он в летописях созданного им общества, отныне неразрывно связанного с именем мудрого царя Александра III».

Первенец

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«18 февраля 1868 г. — Высочайше повелено принять под покровительство Его Императорского Высочества Московский лицей, посвящённый памяти Цесаревича Николая Александровича.

9 марта 1868 г. — По Высочайшему Государя Императора повелению назначен присутствовать в Высочайше учреждённой комиссии для рассмотрения проекта общего таможенного тарифа по европейской торговле.

17 апреля 1868 г. — Назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству.

24 сентября 1868 г. — За отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с оставлением в прежних званиях».

Мальчик благополучно родился 6 мая 1868 года. Это случилось в Александровском дворце Царского Села. Цесаревич и Мария переселились туда в конце апреля.

В тот замечательный майский день молодой отец записал в своём дневнике:

«Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у неё начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошёл скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще, и сильнее. Я скорее написал Мама́ записку об этом, и Мама́ с Папа́ приехали около 10 часов, и Мама́ осталась, а Папа́ уехал домой. Минни уже начина-

ла страдать порядочно сильно и даже кричала по времени. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где всё было приготовлено. Боли были всё сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папá вернулся и помогал мне держать мою душку всё время. Наконец в половине третьего пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — этого нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя, и так легко было на душе и так приятно».

Мария и Александр были вне себя от счастья.

Цесаревич написал родителям жены: «Дорогие родители, порауйтесь вместе с нами нашему великому счастью, ниспосланному добрым Господом, подарившим нам дорогого маленького сыночка, составляющего всю нашу радость. <...> Минни ужасно боялась из-за присутствия при родах моего отца, но потом она была рада этому, поскольку он весьма помог ей». И приписал: «Вы наверняка поймёте, почему мы дали ему это имя, которое вдвойне дорого нам».

Князь Мещерский оставил о том событии такие воспоминания:

«В третьем часу дня я вошёл в его кабинет, ожидая его появления с понятным волнением. Дверь отворилась, и он вошёл, буквально сиявший счастьем.

Выразительным в своих чувствах он никогда не был, но на этот раз счастье, так сказать, насильно вырывалось наружу, и не забуду того выражения, того звучного сладостного тона, с которым он сказал мне: если бы вы могли понять моё счастье, вы бы, пожалуй, позавидовали мне. Цесаревич предложил мне поехать с ним прогуляться в Павловск...

По обыкновению, он сел на козлы в свой английский экипаж, чтобы править самому, а я сел рядом, и мы отправились в Павловск... Павловский парк был любимым местом гулянья цесаревича и его покойного брата с самого раннего детства...

С каждым уголком, с каждою аллеєю было связано какое-нибудь детское воспоминание.

День был прелестный, майское солнце грело весело и тепло, на душе счастливого отца было так легко, так весело, что мне казалось, слушая его поэтические воспоминания, его привольные излияния молодой наслаждающейся души, что его речи сливались с пением обрадовавшихся весне птичек в один аккорд...

Это поэтично счастливое настроение духа у цесаревича продолжалось всё лето и переселилось в Петергоф, куда, после поправления цесаревны, совершился переезд в июле...»

Молодой отец не мог уделять своему сыну столько внимания, сколько хотелось бы. Надо было регулярно присутствовать на заседаниях Комитета финансов и Государственного совета, решать множество вопросов, в том числе связанных с таможенными тарифами в европейской торговле.

Особенно много дел прибавилось с середины лета, с 14 июля 1868 года, после отъезда отца. Официальный документ гласил: «По случаю отбытия Государя Императора в чужие края Его Императорскому Величеству благоугодно было возложить на Его Императорское Высочество решение дел Государственного совета, Комитета министров и всех высших правительственных комитетов, равно как и по всем министерствам и главным управлениям отдельными частями».

Но дела не помешали устроить 16 августа праздник в Петергофе для датских родственников. Они прибыли в Россию по случаю рождения у Марии Фёдоровны и цесаревича великого князя Николая. По желанию цесаревича в честь высоких гостей у Коттеджа было устроено «исключительное празднество» с живыми картинами, дивертисментом, фейерверком и большим балом.

Общую программу праздника составил художник, мастер морских батальных сцен Алексей Петрович Боголюбов. По его замыслу к парадному крыльцу дворца был пристроен огромный зал, стропила скатной крыши которого были обтянуты старыми парусами, доставленными из Кронштадта. Всё внутри было убрано флагами. По стенам поставили массу тропических растений и цветов, настлали паркет, повесили люстру с мириадами свеч. В глубине устроили сцену, а в боковых палатках стояли буфеты и столы для ужина. Для живых картин были написаны специальные декорации, сцену украсили коврами и занавесями и даже привезли из Зоологического музея «отформованного медведя — одного из лучших и больших».

Датская родня была в восторге. Затем почти в каждом письме из Копенгагена был вопрос о Петергофе. Цесаревна намного позднее так описывала ежедневную жизнь в «милом, уютном» Коттедже, «дорогом, милом Петергофе» на берегу Финского залива: «...мы каждый день катались с парусом, раз обедали на “Штандарте”, который стоит

перед Петергофом и который так напоминает мне наши восхитительные поездки прежних лет. Кроме того, здесь ничто не нарушает наш чудный покой. До обеда я всегда сижу наверху у Саши с чтением и письмом до 1 часу, когда мы завтракаем все вместе... затем ездим кататься или гуляем с детьми, что доставляет им такое удовольствие, что они умоляют всегда гулять с ними и могут делать большие прогулки. Затем в 5 часов пьем чай у Саши, и пока он отдыхает немного перед обедом, я большей частью читаю что-нибудь интересное... После обеда мы ездим верхом, или катаемся, или ездим на лодке, как придётся и в половине 10-го пьем все вместе чай и идём спать раньше 12-ти. Теперь ты знаешь, как проходит наше время».

Вспоминал в письмах о Петергофе и цесаревич. Он писал жене о «чудном кабинете с его прелестным видом»: «...пишу этот раз уже из Петергофа, из нашего милейшего Коттеджа, в котором я счастлив быть снова и любоваться из моего кабинета этим чудным видом на море. Несмотря на холод, ясно и светлой ночью просто чудо как красиво, и в особенности восход солнца, около половине 3-го утра».

Хлебный вопрос

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«24 сентября 1868 г. — За отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с оставлением в прежних званиях.

1 октября 1868 г. — Высочайше повелено присутствовать в Комитете министров».

Среди основных государственных вопросов оставалась проблема с голодом.

План действий, разработанный комиссией, надлежало соблюдать в строжайшей тайне, чтобы не создавать панику и не стимулировать спекуляцию. Для закупки хлеба, по просьбе цесаревича, из государственного казначейства было выдано в долг миллион рублей.

И работа закипела.

Комиссия сумела осуществить свой план за короткое время. Закупленный хлеб отправлялся в те губернии, которые больше всего нуждались в нём. Помимо этого, значительная помощь была оказана жителям Финляндии, где также случился неурожай.

К 1 сентября 1868 года миллион рублей, который был отпущен комиссии в долг, был сполна возвращён в государственное казначейство. На докладе временной комиссии об успешном выполнении поручения Александр II собственноручно написал: «Спасибо за этот результат».

Через месяц Александр II удостоил всех членов бывшей комиссии и её председателя благодарственным рескриптом. В нём говорилось:

«Неудовлетворительный урожай хлебов в минувшем 1867 году подверг жителей некоторых местностей России значительной нужде и вызвал непредвиденные затруднения к обеспечению сих местностей продовольствием и хлебными запасами до нового урожая. В видах предотвращения ещё большей нужды и бедствий, от того произойти могущих, Я признал нужным обратиться к частной благотворительности, а для правильного распределения пособий между нуждавшимися учредить здесь, в С.-Петербурге, особую временную комиссию. Зная искреннее и тёплое участие, которое Ваше Императорское Высочество принимали в сём деле, Я, в надежде на всегдашнюю готовность Вашу споспешествовать всякому благому предприятию, поручил Вам почётное председательство в этой комиссии.

Ожидания Мои оправдались. Одушевляемые высоким примером неусыпной заботливости Вашего Императорского Высочества об успешном достижении предложенной цели, Наши любезные верноподданные поспешили приносить посильные пожертвования на пользу общего, всем нам равно близкого дела. Из представленного Мне ныне Вами отчёта о деятельности комиссии Я с особенным удовольствием усмотрел, что благотворная помощь, оказанная для обеспечения наиболее нуждавшихся местностей продовольствием и средствами к своевременному обсеменению полей, была последствием правильно и зрело обдуманых распоряжений. Мерами, непосредственно от комиссии исходившими, доставлены были пособия деньгами и хлебом в 23 губернии, и сверх того оказано значительное воспособление жителям Великого Княжества Финляндского. Миллион рублей, отпущенный по повелению Моему заимообразно в распоряжение Вашего Высочества, был к 1 сентября текущего года сполна возвращён в Государственное казначейство.

Столь благие результаты Я, по справедливости, отношу к участию, которое Ваше Императорское Высочество

не переставали принимать в деле, особым доверием Моим на Вас возложенным, и к тому искреннему усердию, которое руководит постоянно всеми Вашими действиями и побуждениями, когда надлежит содействовать к облегчению участи нуждающихся. Мне отрадно ныне выразить Вашему Императорскому Высочеству за столь полезные и достохвальные труды Ваши пред лицом всей России Мою душевную признательность, а с тем вместе и уверенность, что Вы и впредь всегда будете неуклонно трудиться на пользу и благо нашего любезного Отечества.

Во внимание же к засвидетельствованным Вашим Императорским Высочеством отлично усердным трудам и всех членов бывшей комиссии поручаю Вам объявить им Моё благоволение. Пребываю искренне Вас любящий».

Без рескрипта, а на словах, император поблагодарил цесаревича и за активное участие в заседании Комитета министров, на котором обсуждался вопрос о завершении строительства телеграфной линии через территорию Сибири и продолжении её до Японии и Китая.

Дело в том, что в 1866 году, когда англичане проложили кабель через Атлантику, Российское телеграфное ведомство построило наземную линию телеграфной связи между европейской частью России и городом Сретенском к востоку от Байкала. Эта телеграфная линия от Байкала стала отправной точкой в планах создания транссибирской линии связи между Европой и Восточной Азией. И вот, в начале мая 1869 года, российский Комитет министров принял решение о завершении строительства телеграфной линии через территорию Сибири и продолжении её до Японии и Китая через Владивосток. И для этого проекта было необходимо проложить ещё один подводный кабель.

**Si vis pacem, para bellum (Хочешь мира —
готовься к войне)**

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«20 марта 1869 г. — Во внимание к трудам временной комиссии, на которую Высочайше возложено было рассмотрение вопроса о перевооружении нашей армии, объявлена Его Императорскому Высочеству как члену этой комиссии искренняя признательность Государя Императора в приказе».

К вопросу по оснащению армии новым вооружением Александр Александрович относился с особым вниманием.

Военачальник, генерал от кавалерии и историк Евгений Семёнович Каменский в работе «Заботы цесаревича Александра III о перевооружении русской армии» так описывал эпизод о деятельности цесаревича на поприще модернизации вооружений, связанный с необходимостью перехода от бумажных патронов к металлическим:

«Инициатива в деле перехода у нас к металлическим патронам была взята на себя наследником Александром Александровичем, который горячо интересовался делом реорганизации нашей армии и близко принимал к сердцу все неудачи, связанные с перевооружением наших войск по системам Терри-Норман и Карле.

Наследник решился за свой счёт и риск переделать на заводе Путилова 10 000 шт. 6-линейных винтовок по вновь предложенной Барановым системе с металлическим патроном. <...>

Ещё в январе 1869 года наследник цесаревич Александр Александрович писал своему августейшему дяде, великому князю Михаилу Николаевичу и бывшему в то же время наместником на Кавказе: "...месяц тому назад мне принесли ружьё, предложенное одним моряком, лейтенантом Барановым, которое он предлагал два года назад для переделки наших 6-линейных ружей, вчетверо проще и удобнее принятых нами теперь игольчатых ружей, но, несмотря на это, ему было отказано в учёном комитете, и он больше не являлся, а, между прочим, в Бельгии начали производить опыты над этим ружьём и, упростив его, приняли во всю бельгийскую армию. Результаты опытов были блистательны.

Меня это ружьё очень заинтересовало, и я просил Баранова прийти ко мне и показать это ружьё. Механизм самый простой; нет ни одной пружины и нет иглы; важные недостатки нами принятых ружей, где механизм страшно сложен для работы и для чистки ружья. Я тогда решился сделать что-нибудь, чтобы провести это ружьё в наши войска; начал собирать о нём сведения и наконец справился о переделке ружей по этой системе; оказалось, что эта переделка будет гораздо легче, чем игольчатые, и один из лучших наших фабрикантов, г. Путилов, взялся переделать эти ружья. Тогда я решился показать это ружьё Папá и просил у него позволения дать в моё распоряжение 10 000 ружей шестилинейных с тем, чтобы сделать первый опыт переделки и вместе с тем практическую стрельбу в войсках. Мне было

разрешено. Я забыл сказать, что перед тем, чтобы показать Папá ружьё, я просил заехать к себе военного министра и дядю Низи (великого князя Николая Николаевича (Старшего). — А. М.), которым я передал моё желание и моё предложение, и только с одобрения и согласия я решился показать ружьё Папá...

На первых же порах после того, что было разрешено Государем это дело, я начал встречать сопротивление <...> я тогда попросил к себе Баранцева, который стал мне объяснять о переделке игольчатых ружей и почему оно так туго идёт и почему артиллерийский комитет остановился на этой системе. Я, к несчастью, знаю слишком хорошо всё дело, довольно жалкое... потому что вот уже два года, что начата переделка, а мы имеем только 60 000 переделанных ружей, а нам их нужно до 800 000.

Я старался доказать Баранцеву, что в войсках новыми ружьями недовольны и что рано или поздно придётся переменить систему и что теперь самое выгодное время, потому что у нас ещё много непеределанных ружей, которые прямо можно будет переделывать по новой системе. Баранцев не соглашался, но, наконец, обещал помочь делу, хотя против своего убеждения. Потом вторично просил Баранцева заехать ко мне и, в присутствии г. Путилова, мы толковали более часа, и Баранцев был совершенно разбит, и ему доказали преимущества новой системы над игольной. Наконец он обещал мне вторично помогать средствами артиллерийского ведомства...

Путилов начал переделку, и в начале февраля все 10 000 ружей будут переделаны, а если позволят продолжать, то к весне он берётся своими собственными средствами переделать до 150 000 ружей, чего все казённые заводы с их громадными средствами не могли сделать в два года... Морское министерство с радостью дало сейчас же все свои средства, чтобы помочь делу.

Я в особенности горячо взялся за это дело, потому что и Бог знает ещё, что будет у нас с весны; пожалуй, и война, а ружей решительно нет. Наши заводы казённые оканчивают свои контракты и свою переделку только в 1870 году, и то сам Баранцев говорит, что этого они не могут сделать, а кроме того, просят прибавки цены до 10 руб. за ружьё; тогда как Путилов переделывает по 5 руб. и даже надеется впоследствии уменьшить плату.

Теперь ещё продолжение этого дела; нужны медные патроны для новых ружей, и я просил Баранцева позволить

делать их в казённой мастерской на Литейной. Этот завод стоит больше года и ничего не работает... Когда я просил одного артиллерийского офицера съездить посмотреть эту мастерскую и узнать, как скоро можно приготовить патроны, то начальник завода преспокойно ответил, что года через три, пожалуй, завод начнёт работать вполне... Спасибо дяде Низи, он и гвардейское начальство мне помогают и назначил несколько офицеров, чтобы принять ружья и смотреть за работами.

В Учебном батальоне делаются опыты над ружьями и потом, надеюсь, гвардия начнёт делать сама опыты, и я надеюсь всё-таки провести это дело до конца и показать, что можно скоро и быстро переделывать, обучить войска и сейчас же на практическую службу.

Посылаю тебе, милейший Дядя, новое ружьё с твоим Вульффертом, который взялся довести его к тебе. Это ружьё переделано было в Бельгии, и разница с нашими состоит только в пружине, которая в этом ружье внутри для задержки механизма, а на наших будет снаружи.

Надеюсь, что ты убедишься в превосходстве этого ружья над нашим уже принятым, игольчатым ружьём. Я не теряю надежды, что кончится это дело хорошо и что окончательно решат принять систему Баранова, потому что невозможно оставаться нам в теперешнем положении, почти безвыходном, благодаря кого — я не знаю, но не желал бы быть на месте того, который довёл нас до этого..." <...>

Почти одновременно поступило заявление с указанием, что австрийский оружейный мастер Кренке изобрёл механизм, которому следует предоставить значительное преимущество перед всеми системами ружей, стрелявших металлическим патроном, благодаря простоте своего устройства, дешевизне и скорости, с какой могли быть переделаны наши 6-линейные винтовки.

Рассматривая обе системы, оружейная комиссия дала заключение в пользу системы Кренке с металлическим патроном. Тогда было испрошено высочайшее повеление на образование новой комиссии, под председательством великого князя Николая Николаевича старшего, в состав которой были назначены: Его высочество наследник цесаревич и 9 генералов. Произведено было новое испытание обеих систем, и комиссия решила, что система Кренке имеет преимущества над системой Баранова. Результатом чего и было введение в нашей армии системы Кренке, с которой войска выступили в Турецкую войну 1877—78 гг.».

В 1870 году Михайловская артиллерийская академия праздновала свой пятидесятилетний юбилей, на котором конференция академии «положила ходатайствовать о дозволении поднести звание почётного члена академии Его высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу, за постоянное внимание, которое Его высочество обращает на предметы военной техники и близкое участие в преуспейании отечественной артиллерии, на что и последовало высочайшее соизволение».

Сашенька

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1869 год

— С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство открывшуюся в г. Вязьме на счёт Смоленского земства гимназию — 21 мая.

— Принял звание почётного члена Виленского Святодуховского православного братства — 10 июля.

— С Высочайшего Государя Императора разрешения и соизволения Государя Наследника Цесаревича наименовано открытое при г. Череповце техническое училище для бедных детей Имени Его Императорского Высочества “Александровским техническим училищем, учреждённым братьями Милютиными в г. Череповце” — 11 сентября.

— С Высочайшего Государя Императора соизволения присвоено открытой в г. Вязьме гимназии в честь Высокого её покровителя Государя Наследника Цесаревича наименование “Александровская гимназия Смоленского земства” — 23 октября.

— С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Николаевской инженерной академии — 11 ноября».

Второй сын цесаревича — Александр — родился 26 мая 1869 года. Как всегда, гремели залпы с бастионов Петропавловской крепости, император издал Манифест о рождении великого князя Александра. Маленький белокурый Саша сразу стал центром внимания семьи.

Летом наследник Александр Александрович с супругой Марией Фёдоровной отправились в «путешествие по России».

Записи из «Послужного списка» констатировали:

«10 июля. — Отправился с Государыней Великой Княгиней Цесаревной из Колпина с нарочным поездом Николаевской железной дороги в село Ильинское для посещения Государыни Императрицы.

11 июля. — Оттуда отправились в Москву, куда прибыли.

13 июля. — Из Москвы по Нижегородской железной дороге, продолжая путешествие, прибыли в Нижний Новгород.

17 июля. — Здесь Его Высочеством открыта ярмарка и обозрены все достопримечательнейшие места; затем 16 числа отправились на пароходе общества “Кавказ и Меркурий” “Счастливый” и прибыли в Казань.

20 июля. — В этом городе Их Высочества вместе с Великим Князем Алексеем Александровичем осматривали, между прочим, лагерь, расположенный в Подлужной, также казанскую школу для детей крещёных татар, и на другой день отправились на пароходе через г. Тетюши в Симбирск, куда прибыли.

22 июля. — Из Симбирска через Сызрань в Самару, куда прибыли.

24 июля. — В Самаре, произведя смотр войскам, отправились на пароходе для дальнейшего следования через гг. Сызрань, Хвалынск, Вольск в Саратов, куда прибыли.

26 июля. — Осмотрев в Саратове разные городские учреждения, Его Высочество произвёл на другое утро смотр войскам, а потом отправились на пароходе “Счастливый” в Царицын, куда прибыли.

— На следующее утро Их Императорские Высочества с нарочным поездом Волго-Донской железной дороги отправились в Калач, а оттуда на пароходе в Новочеркасск, побывав в станицах: Калачевской, Нижнечирской, Цымлянской, Константиновской и Старочеркасской.

31 июля. — В Новочеркасск прибыли по железной дороге.

— В тот же день имел торжественный вход в войсковой круг и по этому случаю отдал следующий приказ по Войску Донскому: “По воле Государя Императора, Августейшего родителя Моего, и по влечению своего сердца, издавна привыкшего чтить вашу доблесть, вступил Я в среду вашу вместе с Государыней Цесаревной, встречаемый на берегах тихого Дона любовью и приветом отовсюду. Нынешний день вдвойне для Меня достопамятен и радостен. Я счастлив тем, что, принимая сегодня в кругу вашем знаки атаманского звания, принёс вам милостивое Царское слово, с которым Государь Император изволил Меня к вам отправить. Храбрые Донцы! Звание атамана вашего, которым гордится Августейший

Мой родитель, Я ношу и буду носить с гордостью. Да сохранится навсегда в будущих поколениях завещанная предками доблесть ваша! Вместе со всеми вами нетерпеливо жду случая вновь оправдать на деле высокое доверие возлюбленного Монарха и надежду целой России”.

3 августа. — В Новочеркасске Их Императорские Высочества, осмотрев присутственные места и разные учреждения, отправились по железной дороге на Грушевские угольные копи, а оттуда через Аксай в Ростов (на Дону), куда прибыли.

4 августа. — На Ростовской пристани Их Императорские Высочества, пересев на пароход “Императрица Мария”, отправились через станицы Гниловскую и Елисаветинскую на Таганрогский рейд.

5 августа. — Здесь пересели на пароход Русского общества пароходства и торговли “Великая Княгиня Ольга” для следования в Крым и прибыли в Керчь.

6 августа. — Осмотрев здесь крепость и разные городские учреждения, отправились в Ялту, где были встречены Их Величествами и оттуда отправились в Ливадию.

— Во время пребывания в Ливадии Их Императорские Высочества осматривали окрестности и достопримечательности Крымского полуострова:

28 августа. — Из Ялты 27 августа отправились на пароходо-фрегате “Тигр” в Севастополь, куда прибыли утром.

— В тот же день, в 8 часов вечера, отправились обратно в Ялту.

4 сентября. — 2 сентября Их Императорские Высочества, Государь Наследник Цесаревич и Государыня Великая Княгиня Цесаревна отправились с Ялтинской пристани на пароходо-фрегате “Тигр” в Одессу, куда прибыли.

5 сентября. — Осмотрев здесь лагерь и Новороссийский университет, отправились с нарочным поездом в Киев, куда прибыли.

6 сентября. — Посетив Киево-Печерскую лавру и всю русскую древнюю святыню, спускались в сопровождении киевского митрополита Арсения в пещеры на поклонение Св. мощам.

7 сентября. — В следующий день осматривали лагерь и некоторые городские учреждения.

9 сентября. — Из Киева отправились по Киево-Курской железной дороге в Москву, куда прибыли.

10 сентября. — Из Москвы в тот же день отправились по Николаевской железной дороге в Колпино, а оттуда прибыли в г. Царское Село».

По возвращении в Петербург стало понятно, что маленький Саша нездоров.

Младенец прожил недолго. И через одиннадцать месяцев после рождения, 20 апреля 1870 года, умер на руках у матери.

Это был тяжёлый удар. «Боже, что за день, — записал в дневнике цесаревич, — Ты нам послал и что за испытание, которое мы никогда не забудем до конца нашей жизни, но “Да будет Воля Твоя, Господи”, и мы смирились перед Тобой и Твоею Волею. Господи, успокой душу младенца нашего, ангела Александра».

Они вспоминали своего малыша на протяжении всей жизни. 4 июня 1870 года цесаревич из Красного Села писал своей жене в Копенгаген, куда Мария Фёдоровна поехала вместе с маленьким Николаем:

«Утром в 11 часов мы поехали с *Papá* и *Mamá* в Петербург и были на панихиде в крепости по милым *An-Papá* и *An-Mamá*. Я подходил к могилке нашего ангела маленького Александра, которая совершенно готова и премило была убрана цветами. Я молился и много думал о тебе, моя душка Минни, и мне было так грустно быть одному в эту минуту, одна *Mamá* это заметила и подошла ко мне обнять меня, и это очень меня тронуло, потому что она одна понимает и не забывает наше ужасное горе. Прочие забывают и постоянно спрашивают, отчего я не хожу в театр, отчего я не хочу бывать на балах, которые будут в Петергофе, и мне очень тяжело и неприятно отвечать всем. Так грустно мне сделалось, когда я молился у милой могилки маленького ангела; отчего его нет с нами и зачем Господь взял у нас его?

Прости мне, что я опять напоминаю тебе нашу горькую потерю, но я так часто думаю о нашем ангеле Александре, о тебе и старшем Беби, о вас всех, близких моему сердцу и радости моей жизни, и в особенности теперь, когда я один и скучаю о вас. Это решительно меня утешает, и я часто мысленно с вами, мои душки».

Александр Александрович не мог поехать в Копенгаген вместе с женой и сыном. С 29 апреля 1870 года на цесаревича было возложено множество обязательств. Указ императора гласил: «По случаю отбытия Государя Императора в чужие края Его Императорскому Величеству благоугодно было возложить на Его Императорское Высочество решение дел Государственного совета, Комитета министров и всех высших правительственных комитетов, равно как и по всем министерствам и главным управлениям отдельными частями».

Только в конце июля он смог отплыть в столицу Датского королевства. И, согласно документам, «21 августа из Копенгагена отправился обратно в Россию вместе с Государыней Великой Княгиней Цесаревной и Великим Князем Николаем Александровичем на колёсном пароходо-фрегате “Олаф”. 24 августа прибыл в Кронштадт и затем в Царское Село».

Первый оркестр

Из дневника цесаревича Александра Александровича:

«2/14 января 1869 г. — Четверг. В $\frac{3}{4}$ 8 отправились с Минни в оперу в Большой театр. Давали в первый раз “Сомнамбула” и в первый раз пела знаменитая Патти. — Голос был удивительный и поёт замечательно хорошо...»

6/18 января 1869 г. — Понедельник. Давали “Севильского Цирюльника” и в первый раз М-me Patty, которая была удивительно хороша и пела великолепно...»

Решение цесаревича создать маленький оркестр медных духовых инструментов было одновременно и закономерно, и неожиданно.

Закономерно, потому что он любил не только слушать, но и исполнять музыкальные произведения. Его любимым инструментом был корнет. Он любил играть на этом медном духовом музыкальном инструменте, напоминающем трубу. Но в отличие от трубы у корнета была более широкая и короткая трубка, и снабжён он был не вентилями, а пистонами.

Любовь к музыке привил дед, «Ап-Папá», Николай I. Он хорошо играл на различных духовых инструментах: флейте, валторне, корнете и корнет-а-пистоне. Сам Николай I называл свои инструменты, без различия нюансов, просто «трубой». Все говорили о том, что у него хорошая музыкальная память и слух и что он даже сочинял, отдавая предпочтение военным маршам.

Свои музыкальные навыки император реализовывал на домашних концертах в Зимнем и Аничковом дворцах. Слушателями на этих концертах, как правило, были только «свои».

Папá Александр II и *Мамá* играли на фортепиано.

Когда великому князю Александру шёл третий год, он упросил одного из воспитателей купить ему настоящую трубу, «чтоб играла». Воспитатель «приискал в игрушечной

лавке детскую трубу из цинка, которая при лёгком надувании производит звуки через так называемую гармонику; а чтоб младшему брату было незавидно, то и для него немного поменьше». В результате дети «с утра до вечера не выпускали их из рук и изо рта».

Примитивные музыкальные «экзерсисы» внуков несколько утомили *An-Mamá*, императрицу Александру Фёдоровну. Поэтому, когда тем же летом Александр II прислал детям игрушки, купленные в Гамбурге, то бывшие в их числе трубы немедленно изъяли. *Mamá* была на стороне бабушки, так ей претили «военные» трубы. Любовь же детей к музыке компенсировали занятиями на фортепиано.

Уроки фортепиано для великих князей Александра и Владимира Александровичей давал полковник Михаил Викторович Половцев, ученик знаменитого пианиста и композитора Адольфа Львовича Гензельта. Он же занимался и с принцессой Екатериной Петровной Ольденбургской.

Несмотря на все старания Михаила Викторовича, занятия шли очень плохо. И причиной тому было простое нежелание великих князей играть на фортепиано. У братьев ненависть к фортепиано была наследственной, как и тяга к духовым инструментам. Наверное, свою роль играл и авторитет царственного деда.

Первым решительно отказался продолжать учиться играть на фортепиано наследник-цесаревич Николай Александрович. Тогда-то его молодой воспитатель Оттон Борисович Рихтер начал обучать его играть на корнет-а-пистоне. Позже с цесаревичем Николаем стал заниматься признанный виртуоз Василий Васильевич Вурм. Так, благодаря решительности Никсы, с духовыми инструментами познакомился и младший брат — Александр.

Дипломат, историк и публицист Сергей Спиридонович Татищев, говоря о большом влиянии цесаревича Николая на младшего брата Александра, отмечал: «Великий Князь по собственной охоте, как и старший брат его, упражнялся с полковником Рихтером в игре на *cornet a pistons*, а впоследствии под руководством известного корнетиста-виртуоза Вурма так пристрастился к музыке, что сам стал прекрасным исполнителем на духовых инструментах».

Музыка сопровождала Александра и его братьев круглый год. Ведь летом великих князей Александра и Владимира вывозили на «музыкальный пленэр» в Павловск.

Прогулки в Павловск «на музыку» были почти обязательны для высшего петербургского общества. В Павлов-

ске по инициативе Николая I был открыт так называемый Павловский курзал. Так именовался концертный зал при железнодорожном вокзале. Там, под сводами курзала, в летние месяцы сосредоточивалась вся концертная жизнь Петербурга. В Павловске выступали оркестры под управлением самых известных дирижёров: Иозефа и Иоганна Гунглей, Иоганна Штрауса-сына и его братьев, Бениамина Бильзе, Г. Мансфельда.

Музыка оказывалась незаменимой при самых разных жизненных обстоятельствах. Сергей Спиридонович Татищев рассказал об одном таком событии в жизни Александра Александровича и его брата цесаревича Николая: «Великих князей ожидала скорая и продолжительная разлука с Цесаревичем, отправлявшимся в заграничное путешествие, рассчитанное на целый год. Более, чем когда-либо, проводил он с братьями всё свободное время, и в этих их развлечениях каждый день принимала участие их девятнадцатилетняя кузина княжна Евгения Максимилиановна, сверстница Александра Александровича, которая по отъезде матери в чужие края одна из всей семьи осталась в Царском Селе. Музыкально развитая герцогиня и юные её подруги прекрасно пели итальянские и русские романсы, и с ними любил распевать их сам пристрастившийся к музыке и, по выражению его воспитателя, “просто, наивно и невинно” прикомандированный себя к молодым певицам Великий князь Александр.

Громкое и оживлённое пение постоянно оглашало устраиваемые ежедневно прогулки верхом или в экипажах по окрестностям, когда молодёжь останавливалась в лесу пить чай на траве “без гофмаршальских приготовлений” Не умолкало оно и во время вечерних катаний на лодках по царскосельскому озеру при свете луны и разноцветных китайских фонарей. Всё это завершалось танцами на Детском острове, несмотря на прохладную весеннюю температуру, не превышавшую иногда шести градусов».

Не оставил увлечение музыкой цесаревич и после женитьбы. Мало того, супруги стали заниматься музицированием совместно. Об этом свидетельствуют дневниковые записи:

«1867. 21-го февраля / 5-го марта. Вторник... играли потом на корнете и на фортепианах...»; «22-го февраля. Пробовал новый рояль Беккера, который мы купили. Играл тоже немного на корнете...»

Находясь в Дании, цесаревич и цесаревна в свободное время продолжали совершенствовать своё мастерство.

«1867. 3-го / 15-го июня. Суббота... играли с Минни на корнете и фортепьянах...»; «5-го / 17-го июня. Среда. — Фреденсборг... Я поиграл немного на корнете и переписал себе ноты “Riberhuus марша...”»; «8-го / 20-го июля. Суббота. — Фреденсборг... Мы с Минни пошли вниз, и она играла на фортепьянах, а я на корнете...»; «19-го / 31-го июля. Среда. — Бернсторф. ½ 1 я играл на корнете...»; «23-го июля / 4-го августа. Воскресенье. — Бернсторф. — Играл на корнете, а Минни пела...»; «1-го / 13-го августа. Вторник. — Бернсторф. В ½ 1 пошли играть на корнете, а Минни аккомпанировала на фортепьянах...»; «5-го / 17-го августа. Суббота. — Бернсторф. В ¼ играли с ней на корнете и на фортепьянах...»

Его дневник пестрит записями и о посещении концертов и опер:

«13-го / 25-го марта. Четверг. В 9 мы отправились с женой в Зимний Дворец к *Мамá* и *Папá*, где был маленький вечер музыкальный. Пели: Марио, Лавровская, Мельников и на виолончели Давыдов, на фортепьянах аккомпанировал Направник...»; «1869/1870. 19-го / 31-го декабря. Пятница. Отправились с Минни к Т. Елене на вечер, где играли Рубинштейн и Венявский...»; «1870. 12-го / 24-го февраля. Четверг. В ¾ 1-го отправились с Минни в концерт у *Мамá* в золотой гостиной. — Пели: Патти, Требели, Грациани и Кальюолари...»

Но создание оркестра в 1869 году стало отчасти событием неожиданным. Хотя не зря считается, что в любой неожиданности есть толика закономерности.

История знакомства с оркестровым исполнением началась с того, что в один из зимних вечеров цесаревич направился во дворец принца Александра Петровича Ольденбургского. Направился, захватив с собой на всякий случай корнет.

По линии отца Александр Петрович был правнуком императора Павла I и, таким образом, родственником цесаревича. А женат был ещё на одной родственнице цесаревича — Евгении Максимилиановне Романовской, герцогине Лейхтенбергской.

Дворец Ольденбургских находился рядом с Зимним дворцом и выходил одним фасадом на Миллионную улицу, а вторым — на Дворцовую набережную. Этот великолепный дом рядом с Летним садом император Николай I пожаловал в 1830 году своему племяннику — принцу Петру Ольденбургскому, отцу Александра.

Когда в тот зимний вечер цесаревич вошёл во дворец Ольденбургского, то ему доложили, что принц репетировал с оркестром.

Войдя в зал, Александр Александрович дал знать рукой, чтобы игру не прерывали. Осмотревшись и увидев, что в зале никого нет, он неожиданно для всех поднялся на сцену и подсел к музыкантам. Вынул из футляра корнет и проиграл с музыкантами весь вечер. Игра в оркестре ему очень понравилась.

В следующий раз наследник сыграл с оркестром соло на корнете. Это была маленькая ария из оперы Шарля Гуно «Фауст».

Как правило, после репетиции оркестра все отправлялись ужинать. А после ужина пели и исполняли по нотам известные квартеты. В тот вечер цесаревич, сидя рядом с чиновником по особым поручениям при государственном канцлере бароном Владимиром Александровичем Фридриксом, исполнил вместе с ним партию второго тенора.

Музыкальные вечера во дворце на набережной Невы продолжались до весны.

Наследник не представлял свою жизнь без музыки. И поэтому ко времени переезда в Царское Село решил продолжить традицию выступлений с оркестром духовых инструментов. Но уже в Александровском дворце.

Звучала музыка в саду

Основу оркестра, собиравшегося в Царском Селе, составили офицеры-гвардейцы, музицировавшие и во дворце у принца Александра Петровича Ольденбургского.

В числе постоянных участников, кроме наследника, были сам принц Александр Петрович Ольденбургский, генерал-майор свиты Его Императорского величества граф Адам Васильевич Олсуфьев, адъютант цесаревича граф Александр Васильевич Олсуфьев, генерал Михаил Викторович Половцев, Александр Александрович Берс. Кроме этих любителей музыки наследник порой приглашал известных артистов.

Нередко репетиции оркестра устраивались на открытом воздухе в царскосельском парке. Один из оркестрантов, Александр Александрович Берс, писал: «Для игры мы устраивались обыкновенно в саду, где-нибудь в тени. Медные инструменты звучали на воздухе мягко; прохожие

и проезжие останавливались и прислушивались к звукам. Это тешило великого князя, а нас заставляло лучше играть.

Но иногда во время игры появлялись вовсе не желанные слушатели: нас сильно заедали комары. Живо припоминаю один очень жаркий день, когда нам пришлось от них плохо; нам было жутко и в то же время смешно, когда во время исполнения какой-то композиции не переставали раздаваться удары, один другого звучней, то по лбу, то по затылку, которыми мы убивали несносных музыкантов, освобождая для того каждый раз, не более как на одно мгновение, левую руку.

Цесаревна и принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская смеялись от души при виде наших мук, которые мы добровольно на себя налагали. Это *adagio*, которое нам казалось бесконечным, имело решающее значение — наши затылки до того вспухли от укусов, что мы были принуждены забрать пюпитры и войти в комнаты».

Цесаревна Мария Фёдоровна принимала активное участие в музыкальных занятиях мужа. Тот же А. А. Берс приводит эпизод, свидетельствующий о глубокой музыкальности цесаревны. На одном из вечеров в Аничковом дворце, после окончания игры цесаревна подошла к оркестру и заметила, что конец пьесы Баха «Frühling's Erwachen» («Пробуждение весны») передан не совсем верно. «Действительно, — писал А. А. Берс, — тот, кто аранжировал эту пьесу, не обратил должного внимания на характер конца, он вышел в нашем исполнении грубый, тёмный, тогда как у Баха в оригинале он был мягкий, изящный. Во всяком случае, Её высочеством была замечена музыкальная тонкость, доступная далеко не всем».

А в дневниковых записях цесаревича есть такие строки: «В $\frac{3}{4}$ 8 вернулись домой и зашли проститься с маленькими, а потом я пошёл к себе курить, писать и читать, а Минни начала в первый раз уроки пения с графиней Апраксиной у М-me Ниссен».

Кроме Царского также на открытом воздухе выступали и в Красном Селе, во время традиционных летних лагерных сборов.

Однажды во время репетиции в Красном Селе музыкантов посетил император Александр II. Александр Александрович Берс, уже став полковником и автором нескольких книг по истории музыки, вспоминал о том посещении императора репетиции в Красном Селе: «Его величество подошёл к нам и с самой добродушной улыбкой, через ко-

торую проглядывало не особенно большое доверие к искусству участвующих, просил нас что-нибудь сыграть. Мы все, не исключая и цесаревича, сконфузились и засуетились... Во время нашей игры государь не переставал добродушно улыбаться, а когда мы кончили, то Его величество сказал: «Ну, неважно, могло бы быть лучше» За нашу робость и неумение показать товар лицом мы получили от государя то, что на этот раз заслужили, а между тем, у нас было немало пьес, которые звучали стройно и красиво».

Организовать большой медный оркестр цесаревич решил в 1872 году. Первоначально коллектив назывался «Хором наследника цесаревича Александра Александровича».

Для репетиций был выбран большой зал Морского музея в здании Адмиралтейства. Репертуар для любителей был довольно сложный — Бетховен, Глинка, Шуман, Вагнер, Мейербер.

Оркестр собирался в восемь часов вечера по четвергам. В последний четверг каждого месяца оркестранты приходили в Аничков дворец. Играли для Марии Фёдоровны, которая приглашала на эти вечера своих близких знакомых. Вообще, в Аничковом дворце, помимо выступления оркестра по четвергам, устраивали домашние спектакли или «живые картины». В организации и оформлении этих «живых картин» и домашних спектаклей принимали участие композитор и главный дирижёр Мариинского театра Эдуард Францевич Направник, как организатор музыкального сопровождения, и режиссёры, художники и артисты Императорских театров.

Порой на четверги в Аничков дворец приезжал сам император Александр II. Послушав выступление, он, как правило, просил повторить понравившуюся ему пьесу.

О деятельности оркестра и музыкальных интересах семьи цесаревича говорят его дневниковые записи:

«1872. 5 декабря. Четверг. В 8 ч. отправился в Адмиралтейство в залу музея, где собирается наше музыкальное общество, и играли до 11 ч. Было нас 28 человек...»; «1873. 27 марта. Обедали дома вдвоём, а вечером у Минни играли в 16 рук на фортепьянах, а я отправился в 8 ч. в наше музыкальное собрание в Адмиралтейство...»; «1875. 28 января. Четверг. Обедали дома, а вечером в ½ 10 была у нас музыка, наш хор любителей»; «1876. 30 марта. Четверг (вечером). В ½ 11 приехали ко мне: Алекс, Олсуфьев и Шрадер, и мы играли квартеты на новых инструментах особой конструкции, которые я выписал из Кёнигсгреца от тамошнего ма-

стера Червеный, чех. Играли до $\frac{1}{2}$ 1, а потом пошли закусили и легли спать в $\frac{1}{2}$ 2».

«1879. 20 января. Понедельник. В $\frac{1}{2}$ 9 мы отправились в Михайловский дв. на концерт нашего хора любителей и певчих гр. Шереметева в пользу семейств убитых и раненых Л. Гвард. Егерского полка. Концерт удался отлично, и, кажется, сбор будет хороший...»; «1879. 14 марта. Пятница. В $\frac{1}{4}$ 10 отправились с Минни в Зимний дв. Т[етя] Ольга с Николаем тоже. В $\frac{1}{2}$ 10 собрался в Белой зале весь наш хор любителей; мы нарочно приготовили программу для Мама́ и исполнили, кажется, недурно, и все слушатели остались довольны...»; «1880. 5 февраля. Четверг. В $\frac{1}{2}$ 10 был у нас наш музыкальный вечер, наши хоры, собрались 49 человек»; «1880. 27 февраля. Пятница. В $\frac{1}{2}$ 10 был у нас музыкальный вечер и приглашённых было много. Папа́ мы встретили с гимном, и потом было “Ура!”. Играли особенно удачно и стройно...»

Несколько раз в оркестре музицировал великий князь Николай Николаевич Старший. Он играл на маленьком турецком барабане. Этот барабан привёз Александр Берс из Софии.

Александр Александрович исполнял в кружке партию самого низкого баса на очень большом медном инструменте — геликоне. В этом было что-то символичное, ведь геликон был изобретён в России для военных духовых оркестров. Популярность геликона была связана с удобством его использования при игре стоя или на ходу. Если для длительной игры на тубе необходимо использовать ремни для компенсации веса, геликон за счёт своей конструкции и расположения при игре (инструмент вешается на левое плечо через голову) лучше распределяет свой вес. В конных духовых оркестрах это удобство приобретало ещё большее значение, ведь исполнитель мог играть на геликоне, освободив одну руку (или даже обе руки) для управления лошадью.

Цесаревичу пришлось заказать инструмент особенно больших размеров, потому что геликон обычных размеров ему было трудно разместить на своём плече.

Однажды, во время традиционного ужина в Аничковом дворце, после концерта, цесаревич передал оркестрантам желание его матери, императрицы Марии Александровны, послушать их игру в Зимнем дворце. Концерт проходил в гостиной императрицы. Репертуар подобрали с особой тщательностью. Выступление оркестра императрице по-

нравилось, хотя, по мнению самих исполнителей, в том числе и цесаревича, из-за обилия мягкой мебели в гостиной звучание не было столь эффектным, как в пустом зале Адмиралтейства.

С наступлением весны и переездом семьи наследника в Царское Село репетиции проходили там.

«Дни, проводимые в Царском Селе, — вспоминал Берс, — были всегда полны самых приятных и разнообразных впечатлений. Припоминаю необыкновенно весёлую поездку нашего кружка вместе с наследником цесаревичем на казённом пароходе в Петергоф. В продолжение всего пути от Петербурга до Петергофа игрались на палубе знаковые пьесы. В Петергофе нас уже ожидали придворные линейки, которые и доставили нас во дворец.

Мы музицировали там на воздухе, а под конец наш кружок построился в несколько шеренг и продефилировал вместе с цесаревичем в ногу перед цесаревной, играя на ходу марш».

Как правило, оркестранты приезжали в Царское Село к часу дня. В ожидании завтрака они собирались в большом зале дворца, где хранились игрушки детей цесаревича. И, как дети, вместе с цесаревичем забавлялись с игрушками.

После завтрака начиналась репетиция. Она продолжалась до пяти часов вечера. Затем оркестранты прогуливались пешком по парку. После ужина отправлялись в императорских экипажах в Павловск.

К восьми часам приезжали в Павловск на концерт. Александр Берс писал: «Сначала публика недоумевала и никак не могла понять, зачем возят в царских экипажах такой пёстрый букет из самых разнообразных форм, между которыми были и прапорщики, и генералы, и цилиндры. Для нас выбегали караулы, офицеры становились во фронт, штатские снимали шляпы; все предполагали, что между нами непременно должен находиться кто-нибудь из царской фамилии. Мы всегда сажали на самое видное место генерала Половцова; он брал на себя труд откланиваться за всех направо и налево.

Во дворце оркестр собирался в 9^{1/2} часов вечера, и музыка звучала до самого ужина. Только на рассвете специальный поезд с одним прицепленным вагоном отвозил оркестрантов в Петербург. Сидя в вагоне, они вынимали свои инструменты и играли марши наизусть».

За всё время существования духового оркестра только дважды прерывались его репетиции. Первый раз из-за

серьёзной болезни Александра Александровича тифом и второй на полтора года в период Русско-турецкой войны в 1877 году.

В знак памяти об оркестре цесаревич утвердил для ношения жетон с инициалами и царской короной над ними.

С течением времени кружок разросся, в его составе было уже более полусотни исполнителей. В 1881 году «Хор наследника цесаревича Александра Александровича» превратился в «Общество любителей духовой музыки».

А затем, по личной инициативе Александра Александровича, вскоре после его воцарения, был учреждён единственный в своём роде придворный оркестр. Став императором, Александр Александрович уже не мог принимать участие в музыкальных занятиях и выступлениях оркестра, однако продолжал внимательно следить за деятельностью музыкального кружка и всячески помогал музыкантам в их концертной деятельности.

В 1882 году Александр III утвердил «Положение о придворном музыкальном хоре», который явился продолжателем дела «музыкального кружка», созданного им в 1872 году. «...Никогда ещё в истории музыкальных казённых театров не было лучшего момента, как 1882 год, — писал публицист И. В. Липаев в газете «Оркестровые музыканты». — Волею императора Александра III впервые был положен штат исключительно для одних оркестров. Определено было назначить вознаграждение по каждому пюпитру, по каждому отдельному оркестровому инструменту. По сравнению с прежними оклады 1882 года повышены были более чем вдвое, само же количество оркестровых артистов увеличено до 150 человек...»

Александр Александрович, как и Мария Фёдоровна, очень любил хоровое пение и с большим удовольствием посещал выступления студенческих хоров. Так, 15 мая 1886 года супруги побывали в Московском университете на выступлении студенческого хора под управлением Макса Карловича Эрмансдёрфера. По окончании выступления государь подошёл к сцене, похвалил и поблагодарил Эрмансдёрфера и студентов, а также пожелал им быть такими же успешными в науках, как и в музыке. В актовом зале присутствовало свыше шестисот студентов.

Александра Александровича и Марию Фёдоровну поразили филологи, которые по собственной инициативе успели собрать деньги и купить корзину ландышей, которые и стали бросать к ногам императрицы.

Император, подойдя к хору, продирижировал. Затем, окружённый студентами, сказал: «Благодарю вас, господа. Это одна из лучших минут моей жизни». Он стал расспрашивать студентов о хоре и музыкальных увлечениях. Когда государь сел в коляску, раздалось «ура!» и толпа бросилась провожать его.

Александр III и Мария Фёдоровна с удовольствием принимали у себя самые различные музыкальные коллективы — от хоров крестьянских детей, рабочих оркестров разного рода фабрик и заводов до хоровых студенческих коллективов.

Большое впечатление производили на Марию Фёдоровну и Александра Александровича выступления финских хоровых коллективов, студенческих хоров, мужского финского хора «Мунтра музыкантер», основанного в 1878 году. Во время своих поездок в Финляндию они с большим наслаждением слушали выступление этого хора, исполнявшего все пожелания императорской четы. Когда в марте 1888 года во время встречи с исполнителями хора император, одетый для этого случая в форму финской гвардии, прослушал в исполнении хора «Императорский гимн», то поднялся, повернулся к придворным и сказал: «Вот как надо петь!» По личному приглашению Марии Фёдоровны финский хор «Мунтра музыкантер» пел в Петергофе в августе 1889 года на праздновании именин императрицы.

Третий сын

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«21 июля 1870 г. — За командование передовым отрядом южного корпуса на манёврах войск гвардии с 16 по 21 июля в присутствии Государя Императора объявлена Высочайшая благодарность в приказе.

30 августа 1870 г. — Пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2 ст. при следующей Высочайшей грамоте: “Любезному Моему сыну, Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

При осмотрах Мною войск, бывших в течение лета в сборе под Красным Селом, Я с истинным удовольствием находил состоящую под Вашей командой 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию в отличном состоянии по всем частям воинского образования.

Относя это к примерной ревности Вашей по исполнению всех возлагаемых Мною на Вас поручений и в знак особого Моего к Вам благоволения, Я жалую Вас кавалером Императорского ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира второй степени, знаки коего при сём препровождая, повелеваю Вам возложить на Себя и носить по установлению.

Пребываю к Вам Императорской милостью Нашею благоклонный”.

8 сентября 1870 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в г. Царском Селе мужскую гимназию, названную “Николаевской” в память в Бозе почивших Императора Николая I и Цесаревича Николая Александровича.

25 ноября 1870 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Михайловской артиллерийской академии.

25 ноября 1870 г. — По Высочайшему Государя Императора повелению зачислен на основании приказа 28 октября 1866 года вторым шефом 1-й Его Величества батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

14 февраля 1871 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство Общество лужских сельских хозяев.

20 марта 1871 г. — С Высочайших Их Императорских Величеств соизволения названо открытое 26 февраля 1871 года в г. Москве благотворительное заведение почётного гражданина Патрикеева “Александровским” по Августейшему Имени Его Императорского Высочества».

После смерти второго ребёнка, Александра, цесаревич делал всё возможное, чтобы Мария Фёдоровна, его любимая Минни, как можно быстрее сумела пережить горе. Хотя дела не позволяли делать это самое «всё возможное» в полной мере. Летом 1870 года проходили многочисленные манёвры. Но цесаревич старался почаще приезжать из военного лагеря в любимое Царское Село.

Осенью 1870 года, когда стало ясно, что Мария Фёдоровна забеременела, в доме вновь поселилась радость. Тихая и светлая.

Мария Фёдоровна легко переносила беременность, и поэтому они не только регулярно ходили в театры и в гости, но даже посещали каток в Таврическом саду.

Первый раз вдвоём они пришли туда ещё в первую зиму их совместной жизни.

Каток в Таврическом саду был особым явлением в жизни всего Петербурга. И модным, популярным местом зимнего отдыха среди петербургской «золотой молодёжи». Отчасти потому, что был закрыт для широкой публики.

Появление нового для аристократии увлечения связывали с сыновьями Александра II. Всё началось тогда, когда для подрастающих детей императора, особенно для цесаревича Николая Александровича, в качестве зимнего развлечения был устроен каток с горками в охраняемом Таврическом саду. Он стал местом неформального знакомства и общения молодых великих князей с их ровесниками.

Князь В. П. Мещерский вспоминал: «В те годы главной сценою для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду... Буквально весь бомонд катался на коньках, чтобы ежедневно бывать от 2 до 4 часов на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживлённой сцены для знакомств великих князей в то время не было».

Коньки стали тогда так популярны, что в Петербурге даже возникло аристократическое «Английское общество конькобежцев». Это общество устраивало свои праздники, в том числе практиковались и ночные катания на льду Невы у Николаевского моста.

В повседневных разговорах каток называли Тавридой. На этом катке «откатались» все братья Александра Александровича.

Таврический дворец и сад входили в число дворцовых зданий, и поэтому они соответствующим образом охранялись. Публику на каток пускали только по специальным билетам. Билеты выдавались на один сезон Канцелярией Министерства Императорского двора.

На катке собиралась не только молодёжь, но и почтенные отцы семейств. Дело в том, что здесь не только отдыхали, но и обсуждали деловые вопросы в неформальной обстановке. Каток стал своеобразным зимним филиалом петербургского яхт-клуба.

Минни сразу же полюбила Тавриду. Она охотно каталась и на горках Таврического сада. Причём каталась так, что периодически «расшибалась» и однажды ходила с «порядочным синяком на лице».

Жизнь неизбежно вносила свои коррективы и в зимние забавы. «Свободная территория» для членов императорской семьи постоянно сужалась. И постепенно поездки на каток Таврического сада прекратились. Однако привычка

к этой зимней забаве уже сформировалась. Поэтому после расширения сада Аничкова дворца каток стали заливать там. И каток у Аничкова стал таким же популярным, как Таврида. Именно на льду Аничкова сын Александра Александровича и Марии Фёдоровны Николай научился кататься на коньках. Затем его примеру последуют братья и сёстры. Дети, и в первую очередь Николай, свободно катались на коньках, но предпочтение отдавали хоккею. Играли в хоккей без коньков, в сапогах, гнутыми клюшками, гоняя резиновый мячик.

Новый, 1871 год, как всегда, отмечали сначала у себя в Аничковом, потом ездили в Зимний дворец. Маленький Николай был в восторге.

А 27 апреля 1871 года в Царском Селе Мария Фёдоровна родила сына Георгия.

Как и положено, на следующий день появился манифест императора Александра II о рождении великого князя Георгия Александровича:

«В день 27 сего апреля любезная наша невестка цесаревна великая княгиня Мария Фёдоровна, супруга любезного сына нашего цесаревича наследника, разрешилась от бремени рождением нам внука, а Их Императорским величествам сына, наречённого Георгием».

Уже летом 1871 года маленький Георгий вместе с родителями и старшим братом — трёхлетним Николаем отправился в первое путешествие. Всё семейство решило отдохнуть в Ливадии.

Из Петербурга в Москву выехали 21 августа. Правда, из Москвы до Крыма цесаревич и цесаревна с детьми добирались разными путями. Мария Фёдоровна отправилась к берегам Чёрного моря сразу, а Александру Александровичу пришлось задержаться в Первопрестольной. Вместе с отцом, императором Александром II, 22 августа они присутствовали на манёврах и провели смотр воинских частей, расквартированных в Москве. Затем отец и сын совершили поездку на Кавказ. В «Послужном списке» это изложено так:

«С 24-го числа сопровождал Государю Императору на Кавказе, следуя вместе с Его величеством через нижепоименованные города, осматривая расположенные на пути войска и обозревая учебные, богоугодные заведения и достопримечательные местности:

август 25-го прибытие по железной дороге в г. Нижний Новгород, отсюда 26-го числа следование по Волге на парохо-

де “Цесаревна Мария”, 27-го пребывание в г. Казани, 28-го — в Симбирске, 29-го — на пароходе “Александр II”, 30-го — в селе Семёновском и в г. Самаре, 31-го — в г. Саратове; 1 сентября — на пароходе, 2-го в г. Царицыне, 3-го в калмыцком ауле Тюменевке, 4-го в г. Астрахани, 5-го в с. Житном и по Каспийскому морю на пароходе “Цесаревна Мария”, 6-го в крепости Петровске-Кавказском, отсюда в экипажах: 7-го и 8-го в Темир-Хан-Шуре, 9-го в Хаджаль-Махи, 10-го и 11-го в Гунибе, 12-го в Хунзах (через Карабах), 13-го в Ботлих, 14-го в Веден, 15-го — в Воздвиженском, 16-го — поездка в Аргунское ущелье, 17-го и 18-го — в Владикавказе, 19-го — следование через Дарьяльское ущелье, Казбек, по Крестовой горе в Млеты, 20-го — следование через Душет, Цилканы, Мцхет, прибытие в лагерь и имел торжественный въезд в Тифлис; 21, 22, 23 и 24-го — пребывание в оном, 25-го — в Боржоме, 26-го — от станции Кварил, по Потти-Тифлисской железной дороге в Кутаис, 27-го — пребывание в оном, а 28-го — в Потти и отсюда отправились по Чёрному морю на императорской яхте “Тигр” в Ливадию, куда прибыли для присоединения к Августейшему семейству, прибывшему сюда 26 августа прямо из Москвы».

Только 29 сентября Александр Александрович смог увидеть своих детей и жену. Две недели они наслаждались совместным отдыхом и уже 12 октября все вместе отправились обратно в Царское Село.

Георгий легко перенёс долгое путешествие. Вообще, Георгий казался более здоровым и сильным, чем его старший брат Николай. Он рос жизнерадостным ребёнком, порой любил озорничать. Известно, что однажды его даже выпороли ремнём, хотя рукоприкладство в семье не практиковалось, и сам Александр Александрович не поднимал руку ни на кого из домашних ни при каких обстоятельствах.

Несмотря на то что Георгий был любимчиком матери, его с раннего детства приучали к спартанским условиям.

Рос и воспитывался Георгий вместе со старшим братом Николаем. Оба спали на армейских кроватях. Их заставляли вставать в шесть часов утра и принимать холодную ванну. На завтрак им, как правило, подавали кашу и чёрный хлеб.

В распоряжении детей были гостиная, столовая, игровая комната и спальня, обставленные самой простой мебелью.

У братьев были одни преподаватели, хотя учились они в разных комнатах. Оба брата в совершенстве владели английским языком, свободно говорили на французском и немецком, сносно изъяснялись на датском. Увлекались мальчишки стрельбой и рыбалкой. Георгию прочили карьеру на флоте, но после того как он заболел туберкулёзом, в его жизни многое изменилось.

Музей

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«9 февраля 1872 г. — Высочайше разрешено учредителям состоящего под высоким покровительством Государя Наследника Цесаревича Севастопольского отдела Московской политехнической выставки основать в Москве музей Имени Его Императорского Высочества.

28 мая. — В память 200-летнего юбилея от основания Российского флота присутствовал вместе с Государынею Великою Княгинею Цесаревною при торжественном отправлении из Петропавловской крепости ботика Императора Петра I в Москву.

30 мая. — По случаю празднования двухсотлетия со дня рождения в Бозе почившего Императора Петра I присутствовал при Высочайшем возложении в Петропавловском соборе на гробницу Императора Петра Великого изготовленной в память сего торжественного празднования золотой медали и затем на общем параде войскам, бывшем в Высочайшем присутствии, командовал на Петровской площади пехотою, состоявшею из полков: л.-гв. Семёновского, Измайловского и Егерского, гвардейской Стрелковой бригады, л.-гв. Сапёрного и 3-х батальонов: сводной Сапёрной бригады, Учебного пехотного и сводного из пехотного Юнкерского училища, Гальванической роты и Морской учебной стрелковой роты.

6 июня. — Отправился с Государем Императором и Государынею Великою Княгинею Цесаревною в Москву.

11 июня. — Прибыв в Москву в тот же день и обозрев 7—11 июня предметы открывшейся там Политехнической выставки, отправился обратно вместе с Его Величеством и Её Высочеством».

По свидетельству графа Сергея Дмитриевича Шереметева, идея создать в России настоящий исторический музей родилась у цесаревича Александра Александровича в

Копенгагене. Там, в столице Датского королевства, он посетил главный музей скандинавских древностей и королевский музей древностей в замке Розенборг.

Что такое музейные коллекции и как они могут быть представлены, Александр Александрович знал с детства, когда гулял по коридорам Зимнего дворца, по залам Эрмитажа.

Затем, в 1861 году, во время поездки в Москву, шестнадцатилетний великий князь познакомился с хранилищами русских исторических сокровищ. Он посетил Кремль, Оружейную палату, побывал в Новоиерусалимском монастыре под Москвой. Великий князь записал в дневнике: «Мы пошли все в Архангельский собор в ризницу, где очень много старинных вещей и утварей, потом мы осматривали гробницы старинных русских царей и князей, мы довольно долго оставались в соборе». Помощник воспитателя великих князей Н. П. Литвинов вспоминал о том дне: «...При знакомстве с Архангельским собором Александр Александрович с видом истинного знатока восхищался старинной и наивной живописью на внутренних стенах храма, то есть, значит, тем, что именно составляет характеристическую особенность византийского стиля».

Но королевский музей древностей в замке Розенборг, построенный в XVII веке при Кристиане IV, поразил его образцовой системой хранения. Каждый зал был посвящён конкретной эпохе, и в нём были представлены различные экспонаты этой эпохи. Всё наглядно демонстрировало величественную картину исторического прошлого страны.

Душой музея был датский историк и археолог профессор Йенс Якоб Асмуссен Ворсо. Цесаревич познакомился с ним ещё во время первых приездов в Данию. Они вместе не раз вели продолжительные беседы. Именно Ворсо ввёл в оборот понятие «эпоха викингов», разделил каменный век на палеолит и неолит.

«Я помню, — писал граф Сергей Дмитриевич Шереметев, — с какою любовью показывал Ворсо Rosenberg и объяснял его значение. Перед вами в каждом зале проходят века и наглядно представляются величественные картины исторического прошлого страны...

Плодом посещения Розенборга явилось желание учредить нечто подобное у нас... понятно, что центром этим избрана была Москва и что вопрос этот цесаревич принял горячо к сердцу. Но время, когда возник этот вопрос, было крайне неблагоприятное... На мысль цесаревича посмо-

трели как на затею. С одной стороны, равнодушие и непонимание истинного значения дела, с другой — желание воспользоваться случаем для личных целей и отсутствие всякого руководства передало это дело в руки случайные. Отсутствие средств явилось главным препятствием».

Цесаревичу пришлось приложить немало усилий, чтобы организовать подобный музей у себя на родине. Помогли настойчивость и случай.

В 1872 году в Москве открылась Политехническая выставка, приуроченная к празднованию двухсотлетия со дня рождения Петра I. На выставке был организован Севастопольский отдел с историческими памятниками обороны Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 годов. Этот отдел экспозиции вызвал огромный интерес у посетителей.

Инициатором организации отдела был цесаревич Александр Александрович. В обращении, опубликованном во всех газетах «От имени Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Александровича ко знающим что-либо о севастопольской защите», содержалась просьба ко всем, кто владел «достоверными знаниями о севастопольской защите, прислать на его имя всё то, что он знает, помнит и может написать о защите Севастополя».

Обращение цесаревича заканчивалось словами: «Ведённые во время осады дневники, записки, воспоминания и письма о севастопольской обороне, простой рассказ мельчайшего эпизода её, или подвига, или того, что кто-либо помнит как очевидец, без стеснения формами и формальностями, вот что нужно. Одно лишь условие должно быть свято соблюдено — это истина. Написанное каждый пусть отправит по следующему адресу: Его Императорскому Высочеству, Наследнику Цесаревичу, в собственные руки. В С.-Петербург. От Севастопольца...»

Во время Политехнической выставки её устроители обратились к Александру II с предложением создать на основе материалов выставки Музей отечественной истории. Император согласился и предложил Александру Александровичу, который уже не раз высказывался о необходимости такого музея, стать его покровителем — почётным председателем Музея отечественной истории. Этот музей и стал прообразом Исторического музея.

В документе об учреждении Исторического музея говорилось: «Этот храм, воздвигнутый во славу вековой жизни русского народа, должен собрать воедино со всех концов земли Русской заветные святыни народа, памятники и до-

кументы всего Русского государства, изобразить в образах и картинах имена великих подвижников и деятелей и знаменательнейшие события; живым словом раскрыть перед народом славные страницы его истории. И события великого прошлого, деяние предков наших предстанут как бы воочию перед тысячами людей, разнесутся молвою по всему обширному Отечеству нашему, перейдут к детям и внукам нашим».

Несмотря на все усилия, дело создания Исторического музея продвигалось очень медленно. По свидетельству С. Д. Шереметева, многие «относились к делу пренебрежительно. С самого начала дело переходило из одних случайных рук в другие, пока не примкнул к нему граф А. С. Уваров».

Музей создавался в условиях противоборства разных точек зрения на историю России.

Организационный комитет после получения в феврале 1872 года высочайшего разрешения на учреждение в Москве Музея имени Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича Александра Александровича, был преобразован в управление музея. В январе 1873 года были приняты «Общие основания музея». Определилась цель — «служить наглядной историей», для чего «будут собираться все памятники знаменательных событий истории Русского государства».

В 1874 году была сформирована учёная комиссия во главе с графом Алексеем Семёновичем Уваровым для разработки организационных и научных вопросов, выявления памятников и отбора экспонатов. В комиссию вошли: один из основателей отечественной школы источниковедения Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, археолог и специалист по истории города Москвы Иван Егорович Забелин, известный критик норманнской теории Дмитрий Иванович Иловайский, историки Василий Осипович Ключевский, Сергей Михайлович Соловьёв и др. Тогда же был создан строительный комитет и объявлен конкурс на лучший проект музейного здания.

В августе 1874 года был утверждён первый музейный устав, составленный А. С. Уваровым. Музей был определён как общественное учреждение с широкими научными и просветительными целями.

Цесаревич Александр Александрович писал своему брату великому князю Сергею Александровичу: «Жду теперь твоего письма о Московском историческом музее. Очень до-

сально, что дела так запутались, и надо непременно помочь этому делу и привести всё в порядок, в чём я надеюсь очень на тебя, что ты мне поможешь в этом». Но только личное участие самого цесаревича, его настойчивость, посещения и вклады позволили избежать застоя.

Вскоре появился проект здания музея. Архитектор Владимир Осипович Шервуд и инженер Анатолий Александрович Семёнов предложили построить высокое краснокирпичное здание в русском стиле. Упорство Александра Александровича давало свои плоды. Работы по возведению здания на Красной площади начались в 1875 году.

Достоевский

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«9 декабря 1872 г. — С Высочайшего соизволения посвящён Имени Его Императорского Высочества вновь устроенный комитетом Волковской Александровской богадельни третий отдел оной на 70 человек для призрения престарелых и немощных женщин.

3 января 1873 г. — С Высочайшего разрешения принял звание почётного президента Имени Своего музея в Москве».

11 февраля 1873 года к Александру Александровичу пришёл Константин Петрович Победоносцев. Он передал цесаревичу письмо, отправленное ему накануне писателем Фёдором Михайловичем Достоевским, и новый роман «Бесы».

Достоевский писал:

«Дозвольте мне иметь честь и счастье представить вниманию Вашему труд мой (роман «Бесы». — А. М.). Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моём нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности.

Всего ужаснее то, что они совершенно правы, ибо раз с *гордостию* назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного *высокомерия* о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своём самомнении, тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и *высокомерно* самостоятельными.

Так думать у нас теперь и высказывать такие мысли значит обречь себя на роль пария. А между тем главнейшие проповедники нашей национальной самобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моём. Далеко не успел, но работал совестливо.

Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли Русской, может быть, обратите внимание на мою попытку, слабую — я знаю это, — но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор ещё остающейся во главе русской жизни.

Позвольте мне, всемилостивейший государь, пребыть с чувствами беспредельного уважения и благодарности Вашим вернейшим и преданнейшим слугою».

История Нечаева — террориста, нигилиста, убийцы по идейным соображениям, была в то время у всех на слуху. Учитель по образованию, Сергей Нечаев с осени 1868 года вёл революционную пропаганду среди студентов Санкт-Петербургского университета и медицинской академии.

После студенческих волнений в феврале 1869 года он уехал за границу. Там сошёлся с Бакуниным и Огарёвым. Получил через Огарёва от Герцена деньги (из так называемого «Бахметьевского фонда») на дело революции.

В сентябре 1869 года вернулся в Россию и основал революционное «Общество народной расправы», имевшее отделения в Петербурге, Москве и других городах. Для того чтобы продемонстрировать власть и волю, убил студента Ивана Иванова. Сам Нечаев успел бежать за границу, но его товарищи были найдены и преданы суду.

Нечаев — автор «Катехизиса революционера», один из параграфов которого гласит, что революционер «презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех его побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ей».

В 1872 году швейцарское правительство выдало Нечаева России как уголовного преступника. После суда он был отправлен в Петропавловскую крепость, где и провёл остаток дней.

Нечаев стал прототипом Петра Верховенского в романе Фёдора Михайловича Достоевского «Бесы».

Своё первое письмо великому князю Александру Александровичу Достоевский написал в конце 1871-го — начале 1872 года. Мысль написать цесаревичу была подсказана ему князем В. П. Мещерским, с которым Достоевский сошёлся осенью 1871 года и «среды» которого стал посещать в начале 1872 года.

Великий князь Александр Александрович познакомился с творчеством Ф. М. Достоевского в конце 1860 года. Он с большим интересом прочитал роман «Преступление и наказание» и даже посоветовал прочитать его цесаревне Марии Фёдоровне.

Конечно же, новое произведение Фёдора Михайловича заинтересовало цесаревича. В романе «Бесы» Александр Александрович отметил точное предвидение писателем судьбы России в том случае, если к власти придут те, кто готовил её гибель, — Пётр Верховенский и его сообщники из «Тайного общества» с «центральным комитетом» в Женеве, с их заветными планами в отношении русского населения: «Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство <...> мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат <...> на-

род пьян, матери пьяны, церкви пусты, <...> разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, самолюбивую мразь — вот чего надо!...»

Цесаревич знал, что между обер-прокурором Синода Константином Петровичем Победоносцевым и бывшим каторжником Фёдором Михайловичем Достоевским существует привязанность, которая казалась удивительной для многих современников. Но не для цесаревича. Дружба и идейная близость этих людей, их влияние друг на друга были для Александра Александровича очевидны. Ведь философа, правоведа, учёного и знаменитого писателя связывали общие взгляды на судьбу России. Эти два человека в столь сложный момент российской истории оказались в одном политическом лагере.

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала «Гражданин», и они совместно работают над поступающими в редакцию материалами.

В журнале «Гражданин» Достоевский получает настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заострённость. Его философские идеи, исходившие из принципов всеславянского единения, призвания русских в Азии и на Босфоре, цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке, приобретают большую популярность в широких общественных кругах и среди представителей верховной государственной власти. К числу последних принадлежал и Победоносцев. Обер-прокурор Синода постоянно снабжал Достоевского материалами для его «Дневника писателя». Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики.

Сами творческие встречи происходили по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, во время которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь.

Великий писатель открыто признавался, что приезжает к Победоносцеву, чтобы «дух лечить» и «ловить слова напутствия», и особо подчёркивал их «полную идейную солидарность». Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углублённое видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития.

Оба с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далекоидущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 1860-х годах. И тех процессов, которые окажут на Россию и весь мир большое влияние.

Но главный вопрос, волновавший обоих философов, был связан с поиском путей дальнейшего развития страны.

Александр Александрович знал, что Достоевского высоко ценил и император Александр II, который признавал его «как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний». Александру II были близки мысли писателя о необходимости воспитания молодёжи в православии и высоконравственном духе.

Цесаревич глубоко уважал и почитал Достоевского, «горячего проповедника, — по словам Победоносцева, — основных начал веры, народности, любви к Отечеству». Его глубокая религиозность была очень близка наследнику престола, равно как и его супруге. И Достоевский знал о том, что цесаревич и цесаревна были его «почитателями», и ценил это признание своего таланта.

О том, что Александр Александрович действительно хорошо знал произведения Достоевского, вспоминал историк И. Е. Забелин. Позднее, во время открытия Исторического музея в Москве и осмотра экспозиции музея Александром III, они с Марией Фёдоровной посетили комнату, где был размещён музей Достоевского. И. Е. Забелин писал: «...Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь Государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично».

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передал цесаревичу вышедшие издания «Дневника писателя» с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством. Вашего высочества верноподданный, К. Победоносцев. 16 ноября 1876 г.».

В своём сопроводительном письме наследнику престола Фёдор Михайлович обращал его внимание на значение для России и её культуры «русской идеи»: «Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимою силой на высоту понимания

Многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...»

Первой встретилась с писателем Мария Фёдоровна. Это произошло 29 апреля 1880 года в Санкт-Петербурге в доме графини Менгден на Дворцовой набережной, 34. Там проходил вечер в пользу Общины сестёр милосердия святого Георгия. Цесаревна являлась покровительницей Общества.

Следующая встреча Марии Фёдоровны и Ф. М. Достоевского произошла 8 мая 1880 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича. Там был организован вечер Фёдора Михайловича Достоевского. «Ф. М. читал из “Карамазовых”, — писал на следующий день Константин Константинович в своём дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф. М. прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочёл “Мальчик у Христа на ёлке”. Елена (Шереметева, внучка императора Николая I. — А. М.) плакала, крупные слёзы катились по её щекам. У цесаревны глаза тоже подёрнулись влагой». На следующий день великий князь записал в своём дневнике: «Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер».

Мария Фёдоровна подробно рассказала мужу о встрече с Достоевским, который произвёл на неё глубокое впечатление.

Наследник давно хотел лично познакомиться с Фёдором Михайловичем. Обер-прокурор К. П. Победоносцев со своей стороны неоднократно говорил цесаревичу, что и Достоевский стремился быть принятым в Аничковом дворце.

9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: «Почтеннейший Фёдор Михайлович! Я предупредил письменно Великого князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об вас доложили и что цесаревич предупреждён мною».

Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась. Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает: «Достоевский также хотел с

ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вёл себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей».

Через месяц после встречи с наследником престола, в январе 1881 года, Фёдор Михайлович Достоевский умер.

Александр Александрович и Мария Фёдоровна отправили письмо семье покойного с выражением глубокого соболезнования: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря, и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня Государю об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского».

На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Фёдора Михайловича назначили пенсию в две тысячи рублей, а у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре.

На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Константинович. Об этом вспоминала вдова покойного: «На одной из панихид присутствовал юный тогда великий князь Дмитрий Константинович со своим воспитателем, что приятно поразило присутствовавших». Всё это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

После похорон Фёдора Михайловича Достоевского Константин Петрович Победоносцев написал Александру Александровичу 20 января 1881 года: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его».

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения будущего императора. «Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира» — этой хорошо известной формуле Достоевского Александр Александрович старался следовать всю свою жизнь. Не случайно он позднее получил в истории имя Царя-мироотворца.

Уроки дипломатии

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1873 год

18 мая. — Отправился вместе с Государем Императором и Государынею Великою Княгинею Цесаревною из г. Царское Село по Варшавской железной дороге в Вену.

20 мая / 1 июня. — Куда прибыл.

— Присутствовал 23 мая / 4 июня на параде австро-венгерским войскам, посетил всемирную выставку и участвовал на всех празднествах, данных по случаю пребывания Государя Императора в Вене.

26 мая / 7 июня. — Выехал из Вены вместе с Его Величеством и Государыней Цесаревной».

О возможной поездке в Вену императора и наследника летом 1873 года начали говорить с Рождества. Александр Александрович был рад, что в поездку можно будет отправиться вместе с женой.

Всемирная выставка в Вене, безусловно, была грандиознейшим событием. Ведь такого рода выставка впервые проводилась за пределами Англии и Франции — в столице Австро-Венгрии.

Российский император с наследником и цесаревной посетил выставку 25 мая 1873 года.

Основное здание выставочного комплекса — Дворец промышленности — представляло собой, как и на предыдущих всемирных выставках, весьма оригинальное архитектурное сооружение. Оно поражало размерами — длиной почти километр и шириной свыше двухсот метров. В нём располагались экспозиции, в том числе и российская.

Кроме Дворца промышленности на территории выставочного комплекса имелись зал для показа машин, павильон для демонстрации произведений изящных искусств, павильон садоводства и ещё около двухсот павильонов и

мелких построек. В выставке приняли участие Германия, Франция, Россия, Италия, Турция, Бельгии, США, Швейцария, Греция, Швеция и Норвегия, Румыния, Испания, Португалия, Китай, Сиам, Египет, Персия и Центральная Азия, Тунис, Марокко и ряд других стран.

Российский раздел, построенный по проекту архитектора Ипполита Антоновича Монигетти, был больше, чем на предыдущих выставках в Лондоне и Париже.

Демонстрировались ювелирные изделия, продукция Императорских гранильного, фарфорового и стекольного заводов, резиновая мануфактура. В отдельных помещениях были представлены сельскохозяйственные продукты и земледельческие машины. Более двухсот пятидесяти российских производителей демонстрировали шерстяные ткани (солдатское сукно и гладкие шерстяные материи из Москвы), полотна из Вологды, хлопчатобумажные ткани московских и владимирских фабрик, шёлковые ткани и готовую одежду.

В основной части российской экспозиции были представлены также туркестанский и кавказский отделы с характерными для этих регионов экспонатами — коврами, предметами быта, оружием.

В военном павильоне демонстрировалось холодное и огнестрельное оружие последних, принятых в России систем. «Медалью заслуг» были отмечены Пермские пушечные заводы за действующую модель парового пятидесяти-тонного молота и Златоустовская оружейная фабрика за высококачественное холодное украшенное оружие. Высшие награды получили те же Пермские пушечные заводы и Обуховский завод за стальные пушки больших калибров.

Нашлось на выставке место и для произведений искусств, которые осмотрели император с наследником и цесаревной. Среди художественных произведений были представлены работы, написанные за последнее десятилетие, — полотна Генриха Ипполитовича Семирадского «Грешница», Николая Николаевича Ге «Пётр и Алексей», Василия Григорьевича Перова «Охотники на привале» и «Рыболов», Ильи Ефимовича Репина «Бурлаки», Алексея Кондратьевича Саврасова «Грачи прилетели».

Кроме живописных работ, пресса отмечала «Большой разрез Храма Христа Спасителя» архитектора Константина Андреевича Тона, мозаики Исаакиевского собора, чертежи и фотографии дома Пороховщикова работы архитектора Андрея Леонтьевича Гуна, макет памятника «Тысячелетие

России» скульптора Михаила Осиповича Микешина, а также скульптуру Марка Матвеевича Антокольского «Иван Грозный».

В парке выставки была выстроена большая изба, копия тех, в которых живут крестьяне Костромской губернии. Кроме того, был построен так называемый Императорский павильон в стиле боярских хором. Специально для визита на выставку Александра II была изготовлена в древнерусском стиле мебель на двадцать четыре персоны. Владимир Васильевич Стасов писал об Императорском павильоне, который получил медаль выставки: «Роскошные покои устроены и меблированы с необыкновенным изяществом и вкусом, начиная от императорской великолепной кровати и до изразцовой цветной печи, материй и элегантнейшей посуды».

Но главные события в Вене во время работы выставки оставались в тени. В австрийскую столицу съехались дипломаты, которым было поручено оформить важнейший документ — союз трёх императоров. Именно на выставке в Вене во время визита русского императора Александра II и цесаревича было положено начало этому союзу.

25 мая 1873 года благодаря активности министра иностранных дел Александра Михайловича Горчакова в Вене, в Шенбруннском дворце, состоялось подписание соглашения о конвенции с Австро-Венгрией. Как отмечалось в документе, целью этого союза было «упрочить мир, господствующий ныне в Европе», и «отдалить возможность войны, которая могла бы его нарушить». Ради этого императоры Александр II и Франц Иосиф обещали друг другу, что какие бы разногласия между ними в будущем ни произошли, это не станет причиной нарушения европейского мира. Если же мир будет нарушен какой-либо третьей державой, то монархи обязались, «не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собой, чтобы условиться относительно образа действий, какого следует держаться сообща». Денонсировать этот документ можно было, лишь предупредив об этом за два года, «чтобы дать другой стороне время принять меры, какие она сочтёт уместными».

После выставки в Вене, 11 октября 1873 года, к этому соглашению присоединилась Германия.

Так был создан «Союз трёх императоров» — Александра II, Вильгельма I и Франца Иосифа I, ставший высшим этапом в политическом сближении России с Германией и Австро-Венгрией.

В России заключение союза считали триумфом главы

российского Министерства иностранных дел А. М. Горчакова, в Германии же данный договор расценивали как крупный успех канцлера Бисмарка. И в Петербурге, и в Берлине вспоминали слова прусского короля Фридриха Вильгельма III: «Пусть, прежде всего, Пруссия, Россия и Австрия никогда не разъединяются, ибо их согласие составляет краеугольный камень великого европейского союза».

Не последнюю роль при создании «Союза трёх императоров» играла необходимость последних европейских оплотов монархии противостоять набиравшему в Европе силу революционному движению.

Одной из причин заключения союза было и обострение русско-английских отношений в Средней Азии, а также стремление России выйти из политической изоляции, в которой она оказалась после поражения в Крымской войне. Это-то и толкало Петербург к сближению с Германией. Поэтому император Александр II чрезвычайно положительно отнёсся к тому, что после Вены цесаревич с женой отправились в Англию. Здесь жила старшая сестра Марии Фёдоровны Александра, или, как её ещё называли в семье, Аликс. Упрочение контактов — главное в дипломатии. Ведь воевать не хотел никто.

Позднее цесаревич не раз вспоминал, что слово «диплом» в переводе с греческого — это сложенный вдвое лист, а *diplomate*, в переводе с французского, значит буквально: «человек, снабжённый грамотой, дипломом». Всё двойственно, то есть всё дипломатично. И никому верить нельзя.

И на самом деле всё в этом союзе трёх империй оказалось не столь радужным, как это выглядело в 1873 году. Уже в 1875 году, спустя всего лишь два года после заверений в нерушимой дружбе, прозвучала «военная тревога», вызванная намерением Германии напасть на Францию.

Категорический протест России, фактически спасший Францию от очередного разгрома (ибо Франция рассматривалась Петербургом как важный элемент европейского баланса сил), поколебал «Союз трёх императоров». Война была предотвращена, но в русско-германских отношениях наметилась трещина. Бисмарк был в бешенстве и не смог простить русским выступления в защиту Франции. Вскоре, в период восточного кризиса 1875—1878 годов, Германия поддержала Австро-Венгрию и ввела пошлины на русский хлеб. Эти меры вызвали недовольство в России. А в 1878 году на Берлинском конгрессе при рассмотрении итогов Русско-турецкой войны (1877—1878) Германия под-

держала претензии Австро-Венгрии к России. После этого напряжённость между странами-союзницами стала ещё более очевидной.

Русско-германские отношения стремительно продолжали портиться. С конца 1878 года между двумя странами началась сначала информационная — газетная, а затем и таможенная война. Русская пресса обвиняла Бисмарка и немцев в чёрной неблагодарности и предательстве интересов России; немецкие же газеты негодовали на то, что русские не ценят того «добра», которое было сделано для них Бисмарком и Германией.

В 1879 году в Вене был заключён так называемый Двойственный союз — договор о союзе между Австро-Венгрией и Германией. Этот союз имел явную антироссийскую направленность. Так, в договоре отмечалось, что если одна из подписавших его стран подвергнется нападению со стороны России, то оба участника обязаны выступить на помощь друг другу. Направленный против России и Франции, договор этот положил начало разделению Европы на два военно-политических блока, приведшему впоследствии к Первой мировой войне.

Российский министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков уже с 1879 года считал, что «Союз трёх императоров» «существует лишь по имени. Он нам сослужил службу, помогая во время войны, — признавал русский канцлер, — но он её (войну) не пережил». Со всей очевидностью стало ясно, что Германии было выгодно сохранять в лице Австро-Венгрии противовес России на Балканах, дабы не допустить чрезмерного, по её мнению, российского влияния на славянские народы.

Австро-Венгрия же, чувствуя поддержку Германии, перестала скрывать своё враждебное отношение к России. Едва Александр Александрович стал императором, как произошёл следующий показательный инцидент. Весной 1881 года во время обеда в Зимнем дворце австрийский посол, желая оказать давление на Россию, дал понять, что Австро-Венгрия может прибегнуть к мобилизации «двух или трёх корпусов» для защиты своих балканских интересов. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул её петлёй и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата: “Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами”, — спокойно сказал Царь».

Но дипломатия есть дипломатия. Поэтому возникшая напряжённость между державами не помешала им продлить союз в 1881 году, подписав в Берлине соответствующий договор о взаимных гарантиях сроком на три года. В отличие от первого варианта, договор был существенно расширен за счёт ряда статей, которые предусматривали следующее — первое: в случае войны одной из сторон «с четвёртой великой державой» две другие сохраняют по отношению к ней благожелательный нейтралитет; второе: Россия обязуется уважать интересы Австро-Венгрии на Балканском полуострове; третье: все участники союза отказываются от каких-либо изменений «европейской Турции» иначе как по взаимному соглашению; и четвёртое: «Три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл».

Последний раз договор был продлён 15 марта 1884 года на три года. Это сослужило России хорошую службу в конфликте с Англией, едва не приведшем к войне из-за недовольства Лондона русской экспансией в Средней Азии (с помощью союзниц Россия добилась от Турции закрытия Черноморских проливов для английского флота, что заставило Британию отказаться от войны и пойти на уступки).

Однако в результате обострения в 1885—1886 годах отношений Австро-Венгрии и России из-за вопроса внешнеполитической ориентации Болгарии и сербско-болгарской войны значение договора было подорвано. Поэтому, когда в 1887 году срок договора истёк, «Союз трёх императоров» окончательно распался. На смену «добрососедскому союзу» пришёл русско-германский «договор перестраховки», который предполагал лишь взаимный нейтралитет Германии и России при войне одной из них с любой третьей великой державой, кроме случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию. А 1890 году, когда истёк и срок «перестраховки», пролонгации этого договора по инициативе Германии не последовало.

Таким образом, «Союз трёх императоров» оказался крайне хрупким и недолговечным. По большому счёту правильнее было бы назвать его династическим соглашением трёх монархов, а не союзом трёх держав. Уже к моменту его создания «Союз трёх императоров» содержал в себе глубокие противоречия. Эти противоречия, в конце концов, и погубили союз, разведя Россию и Германию по разные стороны накануне мирового военного конфликта, который столкнул последние монархии Европы в смертельной

схватке, закончившейся для каждой из них крахом. А между тем, как справедливо отмечали сторонники русско-германского сближения как в России, так и в Германии, между двумя странами было гораздо больше того, что должно было объединять их, — династическое родство, отсутствие территориальных претензий друг к другу, выгодное экономическое сотрудничество, схожесть политических режимов, многолетнее мирное сосуществование. Но обстоятельства сложились иначе — в результате агрессивной и амбициозной политики Германии и Австрии самодержавная Россия была втянута в союз сначала с республиканской Францией, а затем — с конституционной Англией.

Ксения

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«13 января 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Можайского благотворительного общества, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Великой Княгини Цесаревны.

23 января 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Общества для содействия русскому торговому мореходству.

26 февраля 1875 г. — За полезные и неусыпные заботы по званию покровителя Дома призрения малолетних бедных и Дома призрения душевнобольных в С.-Петербурге объявлена искренняя и душевная признательность Государя Императора при следующем Высочайшем рескрипте Его Императорского Величества:

“Ваше Императорское Высочество. Встречая день Вашего рождения с тем радостным чувством, которое вполне понятно одному только родительскому сердцу, Я не могу не вспомнить о тех неусыпных Ваших заботах, которые посвящены делам человеколюбия и общественной пользы. Лучшим доказательством успехов, достигнутых Вами на сем поприще, служит примерное состояние двух заведений, находящихся под Вашим покровительством: ‘Дома призрения малолетних бедных’ и ‘Дома призрения душевнобольных’ в С.-Петербурге. Отдавая полную справедливость тем служащим в сих заведениях лицам, которые осуществляют благие Ваши намерения и указания и из коих некоторые удостоены Мною ныне наград, согласно Вашему желанию, Я считаю отрадным для Себя дол-

гом засвидетельствовать, что Вашему Императорскому Высочеству принадлежит честь быть главным виновником как самого устройства сказанных заведений, так и настоящего их преуспевания. Ещё недавно приведена в совершенное исполнение занимавшая Вас несколько лет мысль устройства ремесленного училища Цесаревича Николая. Осуществлению сей отменно полезной мысли Вы предали с особенной любовью, стремясь с тем вместе к предуказанной Вами совету Дома призрения бедных детей “цели образования честных и искусных ремесленников для России”. Непрестанным попечениям Вашего Императорского Высочества должно быть, несомненно, приписано то обстоятельство, что здание, в коем ныне помещается это заведение, будучи заложено 9 июля 1872 года, отстроено окончательно и открыто 28 декабря 1874 года. Упомянув о сем событии, Я признаю совершенно справедливым выразить Вашему Императорскому Высочеству в нынешний радостный день искреннюю и душевную Мою признательность как за приведение к успешному окончанию сего общепользнего дела, так равно и за прочие плодотворные труды Вами понесённые. Пребываю искренно Вас любящий Александр”.

16 марта 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Общества любителей кавказской археологии».

Весну 1875 года ждали с особым нетерпением. Мария Фёдоровна должна была родить в первые весенние месяцы.

Что и случилось 25 марта в Аничковом дворце. Ко всеобщей радости, на свет появилась девочка, первая дочь наследника престола. Малышку назвали Ксенией.

Ксения Александровна была любимицей матери, да и внешне походила на свою «дорогую Мамá». Князь Феликс Феликсович Юсупов позднее писал о великой княжне Ксении Александровне: «Самое большое достоинство — личный шарм — она унаследовала от матери, императрицы Марии Фёдоровны. Взгляд её дивных глаз так и проникал в душу, её изящество, доброта и скромность покоряли всякого».

С 26 апреля по 25 июля 1875 года «по случаю отбытия Государя Императора в чужие края Его Императорскому Величеству благоугодно было возложить на Его Императорское Высочество решение дел Государственного совета, Комитета министров и всех высших правительственных комитетов, равно как и по всем министерствам и главным управлениям отдельными частями».

2 июня цесаревичу пришлось оставить Марию Фёдоровну с детьми, а самому отправиться к отцу в Варшаву. Там проходили очередные военные сборы и манёвры.

Согласно данным «Полного послужного списка», 18 июня цесаревич «присутствовал на Высочайшем смотре всем войскам, находившимся в лагере под Варшавой, собранным на Мокатовском поле».

И далее:

«Присутствовал на происходившем на Мокатовском поле в присутствии Государя Императора ученье всей кавалерии и конной артиллерии.

19 июня. — Присутствовал на произведённой на Повонзковском поле в присутствии Государя Императора практической стрельбе в цель линейных рот всей пехоты и сапёр.

20 июня. — Присутствовал на произведённом Государем Императором на Повонзковском и Белянском полях двухстороннем ученье всем войскам, расположенным лагерем в окрестностях Варшавы.

21 июня. — Присутствовал на стрельбе в цель всех стрелковых рот пехотных полков, собранных под Варшавою и 3-го Стрелкового баталиона, а также л.-гв. Уланского Его Величества Гродненского гусарского, 3-й кавалерийской дивизии и казачьих 21-го и 25-го полков.

22 июня. — Отправился по Венской железной дороге в Вену для присутствования при погребении тела дяди Австрийского Императора Эрцгерцога Фердинанда.

27 июня. — Возвратился обратно по Варшавской железной дороге в С.-Петербург».

Из Петербурга Александр Александрович тут же отправился в Царское Село к семье. Но долго побыть с трёхмесячной дочуркой, сыновьями и любимой женой не удалось, так как нужно было ехать в Красное Село на традиционные летние военные сборы.

Военная тревога

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1876 год. 27 апреля — 28 июня. По случаю отбытия Государя Императора за границу Его Императорскому Величеству благоугодно возложить на Его Императорское Высочество ре-

шение дел Государственного совета, Комитета министров и всех высших правительственных комитетов, равно как по всем министерствам и главным управлениям отдельными частями.

17 августа. — Отправился с Государем Императором и Государынею Великою Княгинею Цесаревною в Варшаву по железной дороге.

18 августа. — Куда прибыл.

19 августа. — Присутствовал на произведённом Государем Императором на Mokатовском поле смотру собранным при городе Варшаве войскам.

— В тот же день вечером присутствовал в Бельведерском дворце на прибавке штандарта, пожалованного лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку.

20 августа. — Присутствовал на Уяздовском плацу при освящении штандарта, пожалованного лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку, и затем на Mokатовском поле на ученье собранной при городе Варшаве кавалерии с конной артиллерией.

21 августа. — Присутствовал на произведённом Государем Императором по тревоге ученье гвардейским войскам, собравшимся на Mokатовском поле.

23 августа. — Присутствовал на произведённой Государем Императором на Mokатовском поле стрельбе в цель всей артиллерии, собранной при г. Варшаве, и вслед за тем при осмотре сапёрных работ 1-го и 2-го Сапёрных батальонов и пионерными командами, собранными при 1-й Сапёрной бригаде.

24 августа. — Присутствовал на произведённой Государем Императором стрельбе в цель стрелковых рот 3-й гвардейской Пехотной, 2-й и 3-й Гренадерских и 6-й Пехотной дивизии, и 2-й Стрелковой бригады.

25 августа. — Присутствовал на произведённом Государем Императором двухстороннем манёвре всех войск, собранных при г. Варшаве

26 августа. — Отправился вместе с Государынею Великою Княгинею Цесаревною по Варшавско-Венской дороге в Скерневицы.

7 сентября. — Возвратился в Варшаву.

8 сентября. — Откуда в тот же день с экстренным поездом по Варшавской железной дороге возвратился в Царское Село.

22 сентября. — Из Царского Села изволил отправиться в Колпино и оттуда с экстренным поездом Николаевской железной дороги в Ливадию.

25 сентября. — Куда и прибыл».

В Ливадийском дворце шли непрерывные совещания Александра II с министрами, причастными к внешней политике. С первого дня приезда в Ливадию неизменным участником совещаний стал и наследник.

Отец рассказал цесаревичу о секретной встрече с Францем Иосифом, состоявшейся после личного послания австро-венгерскому императору с предложением взаимных переговоров. Франц Иосиф немедленно пригласил императора Александра II на секретную конференцию в замок Рейхштадт в Чехии. 26 июня оба государя со своими канцлерами — князем А. М. Горчаковым и графом Дьюла Андраши — пришли к тайному соглашению, сделав друг другу взаимные уступки. Речь шла о сербско-турецкой войне, в которой Герцеговина, княжество Черногория и княжество Сербия боролись с Османской империей за освобождение от многовекового турецкого ига. Франц Иосиф и Александр II договорились в случае военного поражения сербов предъявить туркам ультиматум о восстановлении «status quo». В случае же турецкого поражения Австро-Венгрия получала большую часть Боснии и Герцеговины, а Россия — юго-западную Бессарабию, потерянную после Парижского мира 1856 года, и Батум.

Однако самую большую уступку сделал император Александр II в отношении Болгарии: Франц Иосиф и Андраши ни в коем случае не соглашались на создание единого Болгарского государства на Балканском полуострове, считая, что оно неминуемо окажется под эгидой России. Вместо этого они предлагали создание двух отдельных болгарских государств: Болгарии с центром в Софии под австрийским влиянием и Восточной Румелии под эгидой России. Скрепя сердце русский император принял это предложение — во имя всего соглашения в целом, то есть во имя мира.

Россия готовилась к войне с Турцией и пыталась прозондировать отношение к этому ведущих европейских государств.

У королевы Виктории намерения России вызвали вспышки гнева и ярости; она называла Романовых выскочками, но не спешила с официальным ответом. В свою очередь император Александр II называл королеву Викторию «интриганкой» и «старой душой», а цесаревич Александр Александрович считал поведение англичан предательством.

Наконец Англия официально ответила России, что если русские начнут войну с турками, то Великобритания поддержит Оттоманскую Порту, введёт свой флот в Чёрное

море, а также высадит значительные силы в районе Босфора. Именно тогда цесаревич написал своему дяде великому князю Михаилу Николаевичу:

«Как видно, Англия не имеет срама и не признаёт себя христианской страной, а хуже самих мусульман! Это делает ей честь, и только история со временем оценит всю заслугу христианству, принесённую этой милой нацией!»

Споры в Ливадии о возможной войне, об отношениях с так называемыми союзниками были нешуточными.

Всё началось в 1875 году, когда, не выдержав нечеловеческого отношения и гнёта турок, сербское население Боснии и Герцеговины восстало. Затем восстание поддержали в Болгарии.

Балканы запылали. Неслыханные зверства башибузуков при подавлении болгарского восстания в апреле 1876 года вызвали в России возмущение и горячее сочувствие братьям-славянам. «Башибузуками» называли фанатиков мусульман, главным образом бежавших в Турцию черкесов, которые жестоко истребляли мирное население восставших болгарских сёл, включая стариков, женщин и детей. Были сожжены и ограблены цветущие болгарские сёла — Панагюрище, Копривщица, Перушица, Батак и многие другие. В Панагюрище против крупновских орудий турок восставшие жители выставили сделанные ими деревянные пушки, которые стреляли лишь гирями от весов и разрывались после нескольких выстрелов. В сражениях с турками участвовали не только мужчины, но также женщины и подростки. По данным самих турок, во время Апрельского восстания было убито более тридцати тысяч человек.

Стремясь защитить единоплеменников, в июне 1876 года против Оттоманской империи выступили Сербия и Черногория.

Естественно, что Апрельское восстание нашло самый живой отклик в братской России.

О событиях на Балканах заговорила вся русская пресса. Русские газеты и журналы подробно освещали ход восстания и сообщали о турецких зверствах. Появились десятки статей в газетах Санкт-Петербурга и Москвы. «Неужели же Болгария восстала для того, — писали в своей вступительной статье «Отечественные записки», — чтобы снова уложили её в этот страшный гроб и навсегда?» Комитеты, организованные в защиту братьев-славян, печатали воззвание за воззванием, призывы за призывами по всей России, собирая помощь в поддержку болгарских жертв.

Великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский в своей статье писал: «Не может Россия изменить великой славянской идее...» Всеволод Гаршин, тогда ещё студент, признавался: «Объединение химического и физического общества интересует меня гораздо меньше, чем то, что в Болгарии турки перерезали 30 тысяч безоружных стариков, женщин и ребят...» Иван Сергеевич Тургенев написал своё знаменитое стихотворение «Крокет в Винзгоре», обращённое к королеве Виктории и её премьеру лорду Дизраэли-Биконсфилду, в котором жестоко высмеял протурецкую политику Англии. Под именем Инсарова он вывел в романе «Накануне» болгарского патриота, отказавшегося от домашнего счастья и отправившегося сражаться за свою родину против турецких угнетателей.

Статьи в пользу вмешательства России писали многие известные деятели культуры. Русские учёные также публиковали воззвания, в их числе был и великий химик Дмитрий Иванович Менделеев.

Не только братская Россия, но и Чехия, Сербия и Румыния вступились за тяжело пострадавшую Болгарию. Во Франции писатель Виктор Гюго произнёс во французском парламенте пламенную речь в защиту болгар, клеймя турецких палачей.

Под давлением общественности Александр II разрешил офицерам выходить во временную отставку и в качестве волонтеров вступать в сербскую армию. Сбором средств и отправкой добровольцев в пользу южных славян занимались Славянские комитеты.

Но отношение к войне в России было двойное. Очень многие, не отвергая мысль о помощи, были против военного вмешательства России в эту борьбу, считая, что война ляжет огромным бременем на экономику и финансы, не говоря уже о людских потерях.

Против войны были министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн. М. Х. Рейтерн даже просил отставки, не соглашаясь своими руками разрушить нестойкое бюджетное равновесие, которого он добивался более десяти лет.

Александр II тоже поначалу не хотел ввергать Россию в серьёзную войну. На одном из совещаний, сетуя на затруднительность положения, император, нарушив приличия, прямо упрекнул присутствовавшего цесаревича в том, что он и Мария Александровна идут против его воли. Наслед-

ник и императрица полагали, что Россия не должна бросать плохо вооружённых единоверцев на расправу турецкой армии.

Наследник писал из Ливадии Константину Петровичу Победоносцеву:

«Да, бывали здесь тяжёлые минуты нерешительности и неизвестности, и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь всё вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине.

Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвётся наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий».

В итоге перевесили аргументы в пользу военного вмешательства, и Россия стала готовиться к вступлению в войну.

Из Ливадии возвращались все вместе. Сухие строчки «Полного послужного списка» не передают всей атмосферы этой поездки, но позволяют многое почувствовать:

«26 октября. — Из Ливадии с Государем Императором, Государынею Императрицею, Государынею Великою Княгинею Цесаревною и Августейшими детьми: Николаем и Георгием Александровичами и Великою Княжною Ксениею Александровною изволил отправиться на императорской яхте “Ливадия” в Севастополь и оттуда по железной дороге в Москву.

28 октября. — Куда и прибыл.

31 октября. — Из Москвы с Государем Императором, Государынею Императрицею и Августейшим семейством Своим изволил отправиться с экстренным поездом Николаевской железной дороги обратно в Царское Село.

1 ноября. — Куда через Тосно и Гатчино прибыл».

Внимание Александра Александровича к событиям на Балканах не ослабевало и по прибытии в Петербург. 17 декабря 1875 года в письме великому князю Михаилу Николаевичу он задавался вопросом: «Что-то будет весною с Востоком?! До сих пор ни к какому результату с Портою не пришли, а восстание идёт своим порядком, и по достоверным слухам Сербия и Черногория уже сильно начинают поддаваться восстанию и положительно решились, если к

весне не будет всё улажено, то принять полное участие в восстании, а тогда Бог знает, чем всё это кончится!»

Через два месяца он оставляет в дневнике такую запись: «Восточный вопрос начинает всё более и более запутываться...»

Война

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1877 год

8 апреля. — Отправился вместе с Государем Императором из С.-Петербурга по Варшавской железной дороге в г. Кишинёв.

10 апреля. — Во время следования к означенному месту присутствовал на произведённых Государем Императором смотрах: на станции Жмеринка (Киево-Брестской железной дороги) — 5-й пехотной дивизии с её артиллериею и обозами и, — Бирзуле (Одесской железной дороги) — 31-й Пехотной и 11-й Кавалерийской дивизий с их артиллериею и обозом.

11 апреля. — В г. Тирасполе — частями 8-го корпуса, а именно: 9-й пехотной дивизии и 1-й бригады 32-й пехотной дивизии с её артиллериею, и на станции Унгени — 6-го сапёрного и 3-го железнодорожного батальонов 12-го пехотного <полка> и 8-й кавалерийской дивизии с их артиллериею.

11 апреля. — Прибыл в Кишинёв.

12 апреля. — На другой день присутствовал при молебствии и напутствовании Государем Императором 14-й Пехотной дивизии и двух болгарских батальонов, сформированных в г. Кишинёве из добровольцев, прибывших из-за Дуная, в поход против Оттоманской Порты».

Вся зима 1876/77 года прошла в невероятной дипломатической активности.

12 декабря по инициативе императора России Александра II в Константинополе началась международная конференция по выработке реформ в Турции.

23 декабря султан Абдул-Гамид II объявляет о принятии турецкой конституции. Одновременно представители турецкой стороны на конференции заявляют, что после принятия конституции нужды в реформах больше нет, однако представители держав отказываются остановить работу. В знак протеста турецкая делегация покидает конференцию.

20 января из-за отказа турецкой стороны обсуждать проект реформ конференция в Константинополе провалена.

4 апреля Россия подписывает с Румынией секретную

Handwritten signature, possibly reading "A. K. ...".

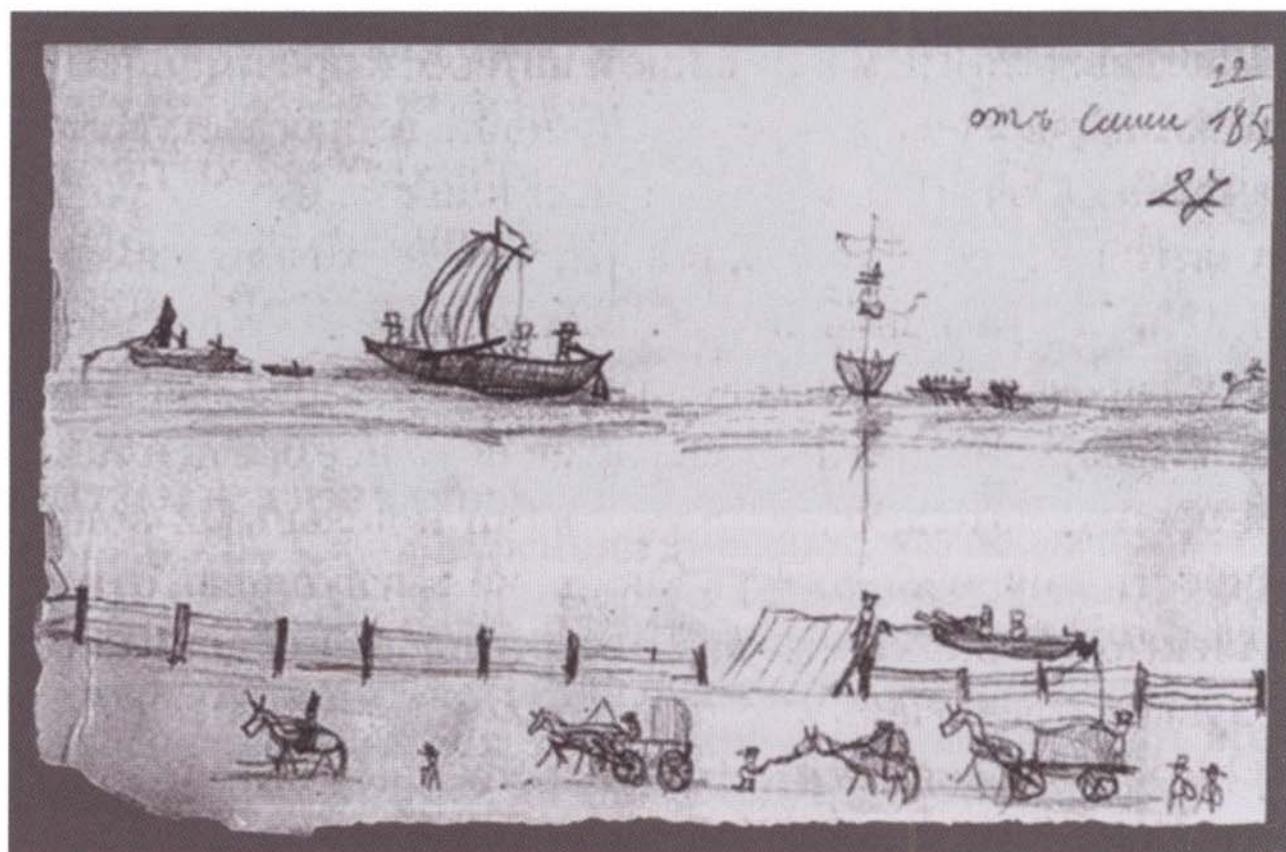

Император Александр II,
отец Александра

Императрица
Мария Александровна,
мать Александра

Рисунок великого князя Александра Александровича. 1854—1855 гг.

Великий князь Александр Александрович (крайний справа)
с братьями Владимиром, Николаем и Алексеем. 1850 г.

Императрица Александра
Фёдоровна, «*An-Mamá*»

Император Николай I, «*An-Papá*»

Рисунок великого князя Александра Александровича. 1854—1855 гг.

Братья — цесаревич Николай и великий князь Александр. 1864 г.

Великий князь Александр Александрович. Санкт-Петербург, 1860-е гг.

Княжна Мария Элимовна Мещерская

Цесаревич-наследник Александр Александрович.
1865 г.

Встреча датской императорской яхты «Шлезвиг» с принцессой Дагмарой в Кронштадте.
14 сентября 1866 г.

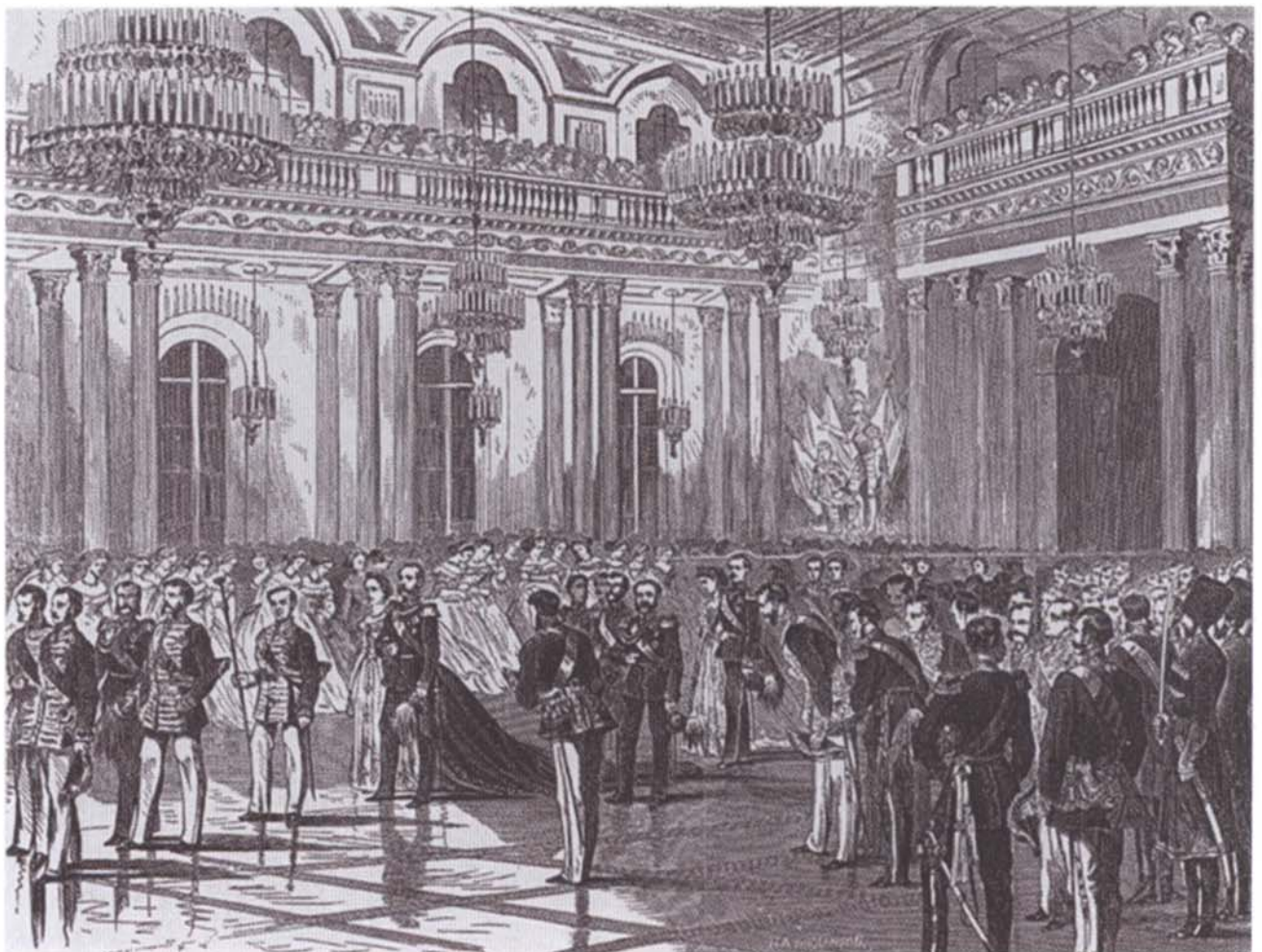
Великая княгиня Мария Фёдоровна

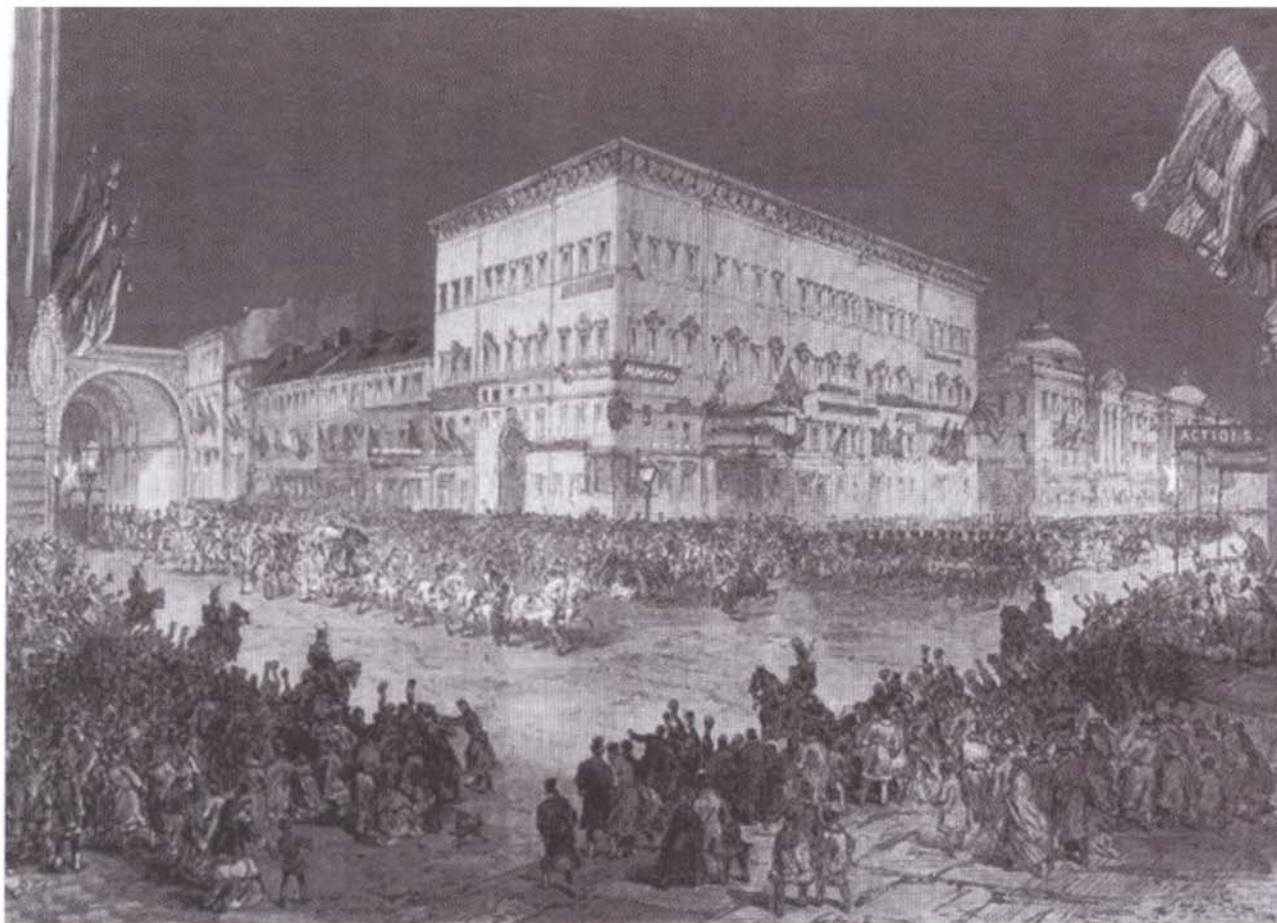

Цесаревич и цесаревна в мае 1868 года

На церемонии венчания в Зимнем дворце. 28 октября 1866 г.

Торжественная процессия, сопровождающая молодожёнов из Зимнего дворца в Аничков дворец. *28 октября 1866 г.*

Бракосочетание великого князя Александра Александровича и великой княгини Марии Фёдоровны. Художник *М. А. Зичи*

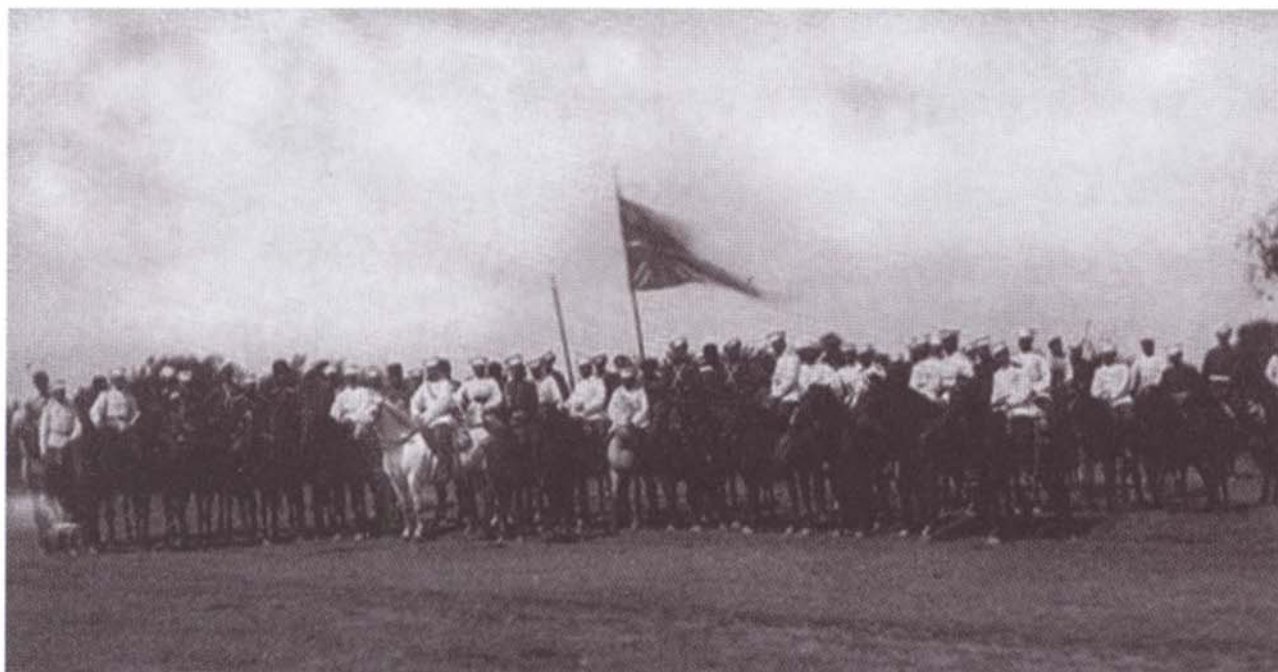
Цесаревич Александр Александрович
и цесаревна Мария Фёдоровна. 1878 г.

Цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Фёдоровна со старшими детьми Николаем, Ксенией и Георгием. 1878 г.

Русско-турецкая война. Передовой Рушукский отряд.
В центре на белом коне цесаревич Александр Александрович. 1877 г.

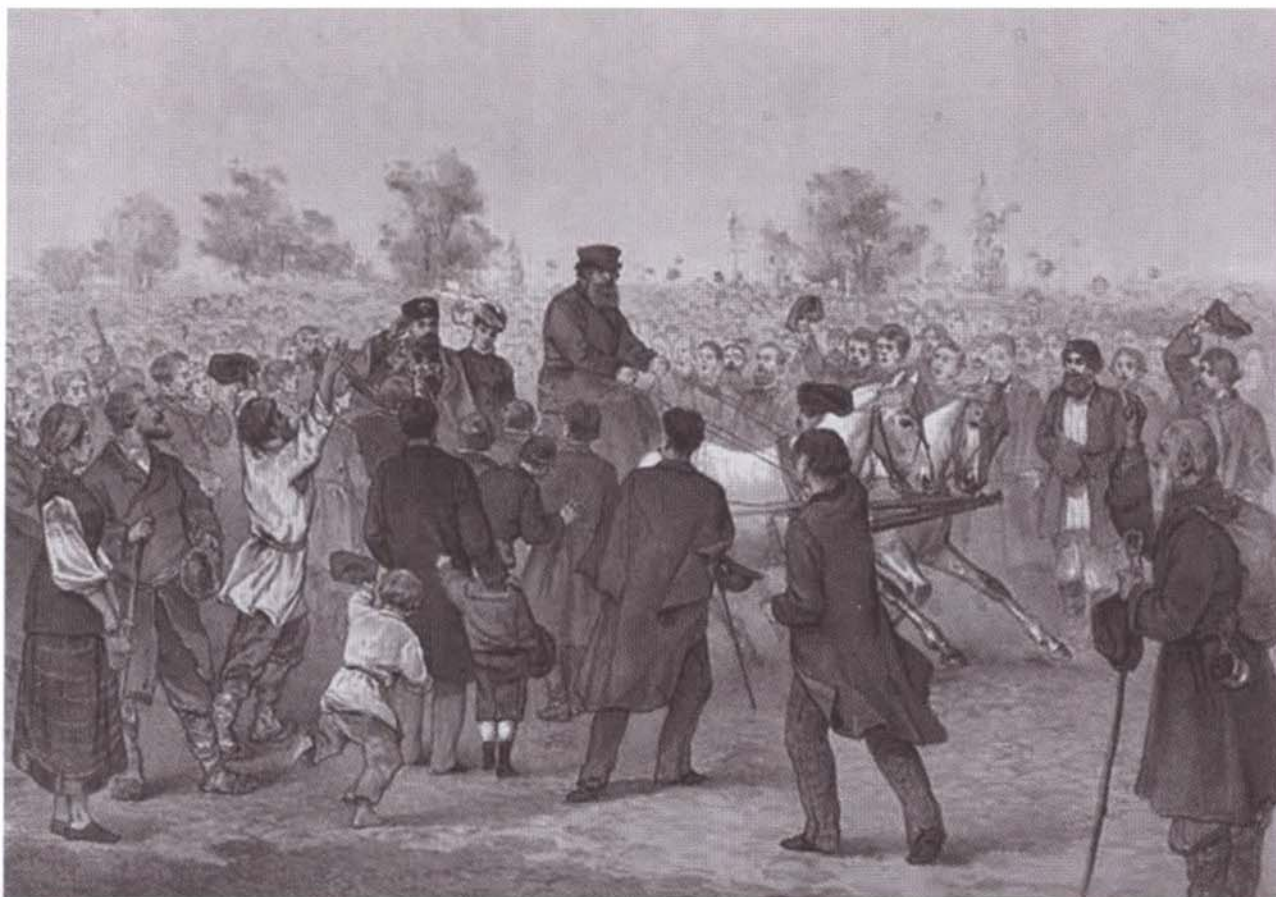

Коронационные торжества в Москве. *Май 1883 г.*

Коронация императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны. *Художник Ж. Беккер*

Царь и народ. *Рисунок И. Россова. 1883 г.*

Народный праздник на Ходынском поле. *Май 1883 г.*

У входа в Успенский собор Кремля. Май 1883 г.

конвенцию о пропуске русских войск через её территорию. Объявление войны стало вопросом дней.

Вооружённые силы Российской империи насчитывали сорок восемь пехотных дивизий, девятнадцать дивизий кавалерии, пятьдесят две артиллерийские бригады и пять бригад инженерных войск. Таким образом, общая численность армии России на Дунае составляла сто девяносто три тысячи человек.

Кроме того, для предотвращения турецкой диверсии на азиатской границе на Кавказе была сосредоточена внушительная армия в сто двадцать две тысячи человек.

Были ещё армия в количестве семидесяти двух тысяч человек, которая охраняла берега Чёрного моря, и резервная армия, в которой было семьдесят три тысячи человек. Резервисты были расквартированы в Киевской губернии и готовы в любой момент начать боевые действия.

Охранять побережье Чёрного моря было необходимо потому, что в результате Крымской войны и по условиям Парижского мира 1856 года Россия потеряла весь свой флот, который ещё со времён Екатерины II не раз громил турок. В силу того же Парижского договора, Россия не имела права восстановить свой флот. Хотя прусский канцлер Бисмарк писал Горчакову: «...Поменьше говорите и стройте потихоньку броненосцы на Чёрном море».

К началу войны 1877 года у русских было лишь несколько десятков паровых катеров, моторных и гребных лодок.

Турецкий же флот, созданный лучшими европейскими морскими специалистами, насчитывал двадцать два броненосца, восемьдесят два других крупных военных корабля. Эти корабли несли семьсот шестьдесят три артиллерийских орудия, а судовые команды насчитывали пятнадцать тысяч офицеров и матросов. Именно это обстоятельство и заставило Россию планировать все основные боевые действия не на море, а на суше. Был разработан план похода через Румынию и Болгарию с преодолением высоких Балканских гор, почти непроходимых зимой и весьма трудных для переброски тяжёлых артиллерийских орудий и боеприпасов летом.

Турция выставила против России едва ли не полумиллионную армию, вооружённую по прусской системе немецким, английским и даже американским оружием. Турецкое оружие, купленное на полученные в Англии и других странах Запада щедрые займы, было лучше и новее русского. Причина нашего отставания была простой — ограниченность средств, которые в значительной степени поглощались внутренними реформами.

Ещё 10 апреля император вместе с цесаревичем приехал в Жмеринку. Александр II произвёл смотр 5-й пехотной дивизии с её артиллерией и смотр войск у Бирзулы, после чего обратился к офицерам с такими словами: «Пред вашим отправлением в поход я хочу вас напутствовать. Если придётся сразиться вам с врагом, покажите себя в деле молодцами и поддержите старую славу ваших полков. Есть между вами молодые части, ещё не бывшие в огне, но я надеюсь, что они не отстанут от старых и постараются сравняться с ними в боевых отличиях. Желаю вам возвратиться скорее и со славой. Прощайте, господа!»

С такими же воодушевляющими словами государь обращался к офицерам на смотрах у Тирасполя и Унгени. Здесь Александр II простился с русской армией в последний раз, сказав в конце своей речи: «Храни вас Бог. Поддержите честь русского оружия!»

12 апреля 1877 года канцлер князь Александр Михайлович Горчаков вызвал к себе турецкого поверенного в делах и вручил ему ноту, которой Россия объявляла войну Турции. В тот же день император Александр II подписал манифест об объявлении войны Османской империи, который гласил:

«Божиею милостию Мы, Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и проч., и проч., и проч.

Всем Нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетённого христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с Нами и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова. Кровь и достояние наших верноподданных были всегда Нам дороги; всё царствование Наше свидетельствует о постоянной заботливости Нашей сохранять России благословения мира. Эта заботливость оставалась Нам присуща ввиду печальных событий, совершившихся в Герцеговине, Боснии и Болгарии.

Мы первоначально поставили Себе целью достигнуть улучшений в положении восточных христиан путём мирных переговоров и соглашения с союзными дружественными Нам великими европейскими державами.

Мы не переставали стремиться, в продолжение двух лет, к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии

от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портой пред лицом всей Европы.

Усилия Наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели однако к желаемой цели. Порта осталась непреклонною в своём решительном отказе от всякого действительного обеспечения своих христианских подданных и отвергла постановление Константинопольской конференции. Желая испытать, для убеждения Порты, все возможные способы соглашения, Мы предложили другим кабинетам составить особый протокол со внесением в оный самых существенных постановлений Константинопольской конференции и пригласить Турецкое правительство присоединиться к этому международному акту, выражающему крайний предел Наших миролюбивых настояний. Но ожидания Наши не оправдались. Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к изложенным в протоколе заключениям. Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства. Турция отказом своим поставляет Нас в необходимость обратиться к силе оружия. Глубоко проникнутые убеждением в правоте Нашего дела, Мы в смиренном уповании на помощь и милосердие Всевышнего объявляем всем Нашим верноподданным, что наступило время, предусмотренное в тех словах Наших, на которые единодушно отозвалась вся Россия. Мы выразили намерение действовать самостоятельно, когда Мы сочтём это нужным и честь России того потребует. Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции.

Дан в Кишинёве, апреля 12 дня, лета от Рождества Христова в 1877 году, царствования же Нашего в двадесят третье.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДР».

В Кишинёве, где находилась ставка русского командования, император принял торжественный парад войск.

Объявление войны было встречено с небывалым энтузиазмом и радостью всеми славянскими народами — прежде всего, конечно, болгарами.

В тот же день военные действия начались на обоих фронтах — Балканском и Кавказском.

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«29 апреля. — По случаю принесения присяги Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергеем Александровичем на бывшем параде командовал в Николаевском зале Зимнего дворца взводами в составе: 1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий, гвардейской Стрелковой бригады и л.-гв. Сапёрного батальона и музыкантами л.-гв. Преображенского и Московского полков.

21 мая. — По случаю войны с Турцией отправился вместе с Государем Императором в действующую Дунайскую армию.

26 июня. — На основании приказа Его Императорского Высочества Главнокомандующего действующей армией от 22 июня вступил в командование Рущукским отрядом».

25 мая император вместе с цесаревичем прибыли в действующую армию.

Поезд доставил их в небольшой румынский городок Плоешти, где располагался в то время штаб главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича Старшего.

Вместе с императором и цесаревичем в район военных действий отправились многие члены императорской фамилии.

Великий князь и главнокомандующий Николай Николаевич Старший был недоволен тем, что приехали и сам император, и великие князья. Дело в том, что по российским законам император являлся Верховным главнокомандующим армией и флотом в мирное время. И, конечно, имел полное право командовать войсками и в военное время.

Поэтому всякий раз перед войной возникал вопрос: вступать ли монарху в управление армией лично или доверять её особому главнокомандующему, облечённому полным доверием и самостоятельностью в решении задач войны?

Осознавая всё это, Николай Николаевич ещё перед началом боевых действий откровенно высказал своё мнение в письме Александру II, своему державному брату.

Отвечая Николаю Николаевичу, Александр II успокоил брата, что понимает — присутствие монарха в армии стесняет главнокомандующего. Император заверил, что постоянно в армии находиться не будет. Но так как нынешняя война имеет религиозно-народный характер, он не может

оставаться в Петербурге, а будет находиться в тылу армии, в Румынии, и только время от времени будет приезжать в Болгарию, чтобы поблагодарить войска за боевые подвиги, посетить раненых и больных. «И каждый раз, — писал государь, — я буду приезжать не иначе как с твоего согласия. Одним словом, я буду братом милосердия».

Относительно же великих князей и цесаревича император пояснил: ввиду особого характера похода отсутствие в армии всех великих князей может быть понято общественным мнением как уклонение их от исполнения патриотического и военного долга. «Во всяком случае, — писал Александр II, — Саша, как будущий император, не может не участвовать в походе».

15 июня 1877 года русские войска успешно переправились через наведённый ими понтонный мост на Дунае и 25 июня заняли первый болгарский город — Свиштов.

В операции участвовали также пятидесятитысячная румынская армия и свыше пяти тысяч болгарских добровольцев, число которых в ходе кампании увеличивалось.

Передовой отряд генерала Иосифа Владимировича Гурко, разбив турецкую армию Реуф-паши, взял город Тырново и овладел тремя горными перевалами Старой Платины.

Интересно, что боевые действия на Чёрном море и на Дунае начались намного раньше — 30 апреля. Начались, несмотря на отсутствие боевых кораблей. По инициативе лейтенанта Степана Осиповича Макарова паровые катера переоборудовались в минные. Катера снабжались шестовыми минами различных типов. Вес заряда мины колебался от 3,2 до 57 килограммов. Мины снаряжались пироксилином или чёрным порохом. Подрыв мины производился либо «автоматически» с помощью ударного взрывателя, либо дистанционно при замыкании цепи электрической батареи на катере. Катера, конечно, не могли существенно изменить расстановку сил, но наносили порой серьёзный ущерб. Благодаря инициативе Макарова турецкий флот не мог себя чувствовать в безопасности ни в одном из портов Чёрного моря.

Александр Александрович возглавил так называемый Рушукский отряд (один из трёх, составлявших Дунайскую армию). Под его началом было два корпуса.

Член Государственного совета Николай Павлович Игнатьев отметил в «Походных письмах»: «22 июня. Зимница (бивак). <...> Наследник будет командовать двумя корпусами (Ванновского и князя Шаховского), предназначенными для осады Рушука и обеспечения нашего тыла, тогда как

сам Николай Николаевич с 4-м корпусом пойдёт на Адрианополь к Константинополю. Ванновский будет начальником штаба у наследника, а Дохтуров (лучший офицер Генерального штаба) — помощником. Корпусом Ванновского будет командовать великий князь Владимир Александрович. Не сомневаюсь, что Рушук будет взят и что их высочества приобретут полезную военную опытность, славу и георгиевские знаки. Но жалко, что цесаревича подвергают опасностям, и молю Бога, чтобы глупая турецкая бомба его не задела».

Назначенный начальником штаба у цесаревича Пётр Семёнович Ванновский имел большой боевой опыт. Он участвовал в Венгерском походе 1849 года и в Крымской войне. После отъезда цесаревича в феврале 1878 года Ванновский принял командование Рушукским отрядом.

Кавалерией командовал Илларион Иванович Воронцов-Дашков, который отличился ещё во время Туркестанских походов.

Отряд наследника находился на левом участке фронта, где был весь набор боевых действий: атаки и отступления, рекогносцировки и контратаки.

Изначально главнокомандующий поставил цесаревичу задачу прикрыть дорогу от переправы через Дунай у Систово к Тырнову, взять Рушук, овладеть Никополем и, продвинувшись вперёд, занять важнейший горный проход через Балканы у Шипки. Но поскольку первоначальные планы полевого штаба армии менялись, до осады Рушука дело так и не дошло.

10 июля отряд, сосредоточив главные силы на реке Янтре и выдвинув авангард к Обретенику, предпринял было наступательное движение на крепость Рушук, но уже 12 июля события под Плевной вызвали приостановку наступления. Отряду пришлось занять оборонительную позицию на левом берегу реки Кара-Лома и ограничиться прикрытием от армии Мехмета-Али стодвадцативёрстного пространства от Дуная до Елены.

На полях сражений цесаревич, как и в мирной жизни, полагался на Промысел Божий. В одном из писем с фронта он писал Марии Фёдоровне: «Во всём, что делается на земле, есть воля Божия, а Господь, вне сомнения, ведёт судьбы народов к лучшему, если они, конечно, не заслуживают полного Его гнева. Поэтому да будет воля Господня над Россией, и что ей следует исполнять и что делать, будет указано Самим Господом. Аминь».

Будучи глубоко религиозным человеком, цесаревич уделял большое внимание религиозному воспитанию и необходимости постоянного общения с Богом. В письмах жене он часто затрагивал эту тему. Вскоре после начала Русско-турецкой войны он писал Марии Фёдоровне: «Скажи от меня Ники и Георгию, чтобы они молились за меня; молитва детей всегда приносит счастье родителям, и Господь услышит и примет её...»

Рушук

Если нам придётся жертвовать собою, то я уверен, душака Ма, Ты нас знаешь хорошо, мы не посрамям ни наше имя, ни наше положение. Краснеть тебе не придётся за нас, я за это отвечаю.. Я счастлив, что мне пришлось выдержать эту тяжёлую школу, которая мне весьма пригодится со временем.

Из письма цесаревича Александра Александровича своей матери

Рушук — это турецкое название болгарского города Русе. Он входил в так называемый четырёхугольник турецких крепостей. На эти крепости и опирались турецкие армии Мехмета-Али.

Против этого четырёхугольника были выставлены три русских отряда: Рушукский — наследника цесаревича, Журжево-Ольтеницкий — генерал-лейтенанта Александра Самойловича Аллера и Добруджинский — генерал-лейтенанта Аполлона Эрнестовича Циммермана.

Эти три отряда занимали линию протяжённостью почти триста километров: Кюстенджи — Черноводы — Дунай до Парапана — долины рек Лома и Кара-Лома, до селения Аясар. На этой линии было сосредоточено семьдесят восемь батальонов, девяносто эскадронов и сотен, сорок семь батарей и триста шестьдесят орудий. В боевом строю находилось девяносто три с половиной тысячи человек.

В турецких крепостях и под их прикрытием в поле было сосредоточено сто сорок семь батальонов, семьдесят три эскадрона, тридцать шесть батарей и триста шестьдесят орудий. В боевом строю находилось без малого сто тысяч человек.

Главная масса полевых турецких войск стояла фронтом на запад, на линии Разград — Эски-Джума, протяжённостью свыше тридцати километров. В их составе было пятьдесят семь батальонов, сорок девять эскадронов, восемьдесят четыре орудия. В строю было сорок с половиной тысяч человек.

На правом фланге, в шестидесяти километрах, находилась крепость Рушук. В ней располагалось двадцать три батальона, шесть эскадронов и тридцать орудий; на левом — у Осман-Базара — отряд Мехмет-Салим-паши в составе двенадцати батальонов, четырёх эскадронов и двенадцати орудий.

Против этих турецких сил и занимал позицию Рушукский отряд. В его составе было сорок восемь батальонов, сорок один эскадрон и двести двадцать четыре орудия. В строю было пятьдесят пять тысяч восьмисот человек.

Обе стороны первоначально вели оборонительную политику.

В десятых числах июля Мехмет-Али закончил комплектацию и пополнение своих полевых войск. Теперь против Рушукского отряда он мог выставить до шестидесяти тысяч человек при ста сорока четырёх орудиях. И всё это на фронте протяжённостью не более тридцати километров. Эти внушительные турецкие силы опирались на упомянутый четырёхугольник крепостей и вновь сооружённый укреплённый лагерь у Разград.

Военный историк Андрей Медардович Зайончковский писал: «Нечего и говорить, что положение Рушукского отряда, уступавшего в силах полевой армии Мехмета-Али, разбросанного на 55 вёрст и имевшего задачей, кроме обороны путей к Беле, ещё содействовать обороне путей на Тырново, было в высшей степени трудным, и если она была блистательно выполнена, то это следует объяснить замечательным хладнокровием и благоразумием начальника отряда наследника цесаревича, весьма искусно использовавшего нерешительность своего противника».

На реальной войне, а не на манёврах цесаревичу многое открылось. Здесь, на Балканах, он увидел обратную сторону войны, её настоящее лицо, то, чего не мог увидеть в столицах. Свои впечатления, своё мироощущение он старался передать в письмах жене.

4 августа из бивака у Широко он сообщает супруге: «Только что получил твоё маленькое-премаленькое письмо № 27, за которое всё-таки благодарю, хоть грустно получать такие крошечные записки вместо длинных писем. Получил я тоже отчаянное письмо от К. П. Победоносцева, который

пишет о печальном настроении умов в Петербурге после неудач под Плевной и тоже говорит, как все желают возвращения Папá обратно в Россию и как это необходимо в настоящую минуту. Я совершенно с этим согласен, и как бы мы все радовались бы, если наконец Папá решился бы вернуться в Россию, но об этом, к крайнему нашему сожалению, и думать нельзя. Папá так недоволен, когда ему об этом говорят, что мы более и не смеем пикнуть об этом. Просто досадно видеть жизнь в Главной квартире Папá: переходит с места на место, как цыганский табор, пользы от неё никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во всё, а Милютин уже начинает играть роль главнокомандующего или, по крайней мере, роль Мольтке в войну 1870—71 гг.

Для бедного дяди Низи, я думаю, это очень неприятно, и, вместо того чтобы распоряжаться спокойно ходом всего дела, его суеют, требуют туда, сюда и предлагают свои планы или даже насильно навязывают их. Положительно не следует государю быть при армии, если он не главнокомандующий: он только служит помехой, и роль, которую играет при армии, странная, если не сказать больше».

С начала августа происходит ряд боестолкновений отряда цесаревича с турками.

«Наследник и Владимир Александрович выступили с 3½ дивизиями пехоты и 7 полками кавалерии (дивизия Дризена, бригада из дивизии Манвелова да казаки), подчинёнными графу Воронцову, к Рущуку, куда они должны подойти 8-го, — писал член Государственного совета Николай Павлович Игнатьев. — Они все надеются, что турки выйдут из укреплений в чистое поле, чтобы дать себя разбить. Сомневаюсь. Турки первоначально укрепили только восточный фронт, ожидая оттуда нашего подхода. Но со времени движения к Никополю, а в особенности высадки в Систове употребили все старания, чтобы усилить западный фронт. Нам достанется Рушук не даром, разве что пособят батареи, устроенные у Журжево и Слободзеи и могущие действовать в тыл турецких укреплений, из которых самый важный форт *Levant Tabia*. <...> Вечером 5-го государь решил отправить с наследником Сергея Александровича, а при нём ментора — твоего крымского почитателя Арсеньева. Велика решимость царя-отца отправить трёх своих сыновей в одно место против турецкой крепости, вооружённой сильною артиллериею. Самоотвержение излишнее. Но наследнику и Сергею Александровичу высказал я откровенно, что Русь больше огорчится, если они из-за турки подстрелены будут, нежели если Георгия не получат».

...Я твёрдо уверен, что Господь поможет нам и не допустит неправде и лжи восторжествовать над правым и честным делом, за которое взялся Государь и с ним вся Россия.

Из письма цесаревича Александра Александровича Марии Фёдоровне

Не просто вдали от дома, а именно на войне Александр Александрович понял важность писем. Ведь эти весточки несли ни с чем не сравнимое тепло дома. И поэтому он ждал писем с особым нетерпением. Как, например, августовское послание Минни: «Я только что пришла из церкви, где я горячо молилась Господу Богу за твоё спасение, мой Ангел, и за всю нашу дорогую доблестную армию. Да соблаговолит Господь Бог тебя охранять и повсюду тебя вести! Да благословит Он наше оружие! В Нём наша вера, в Нём вся моя надежда, я повторяю вместе с тобой, что Его Святая воля претворилась в жизнь! Очень тяжело и трудно переносить переживаемое нами время, и мне необходима помощь доброго Господа Бога, чтобы временами не впадать в отчаяние. Всё более и более непереносимым становится для меня жить вдали от тебя, в разлуке».

И он, в свою очередь, старался поддерживать любимую жену письмами, в которых, по возможности, избегал фронтовых проблем.

К 16 августа части Рушукского отряда располагались следующим образом. Против Рушука по-прежнему стоял отряд великого князя Владимира Александровича — двенадцать батальонов, пятнадцать эскадронов при пятидесяти четырёх орудиях; правее его, в центре — у Абланова, — отряд барона Дризена — пять батальонов, двенадцать эскадронов и сорок шесть орудий; ещё правее, в районе Попкиой — Ковачица, — отряд генерала Гана — двадцать четыре батальона, десять эскадронов и сто восемь орудий; в Уджикиой стояли общий резерв — шесть батальонов и шестнадцать орудий и штаб Рушукского отряда.

Удачный бой у Аяслара побудил Мехмета-Али перейти к более энергичным наступательным действиям. На собранном им в Эски-Джуме 14 августа военном совете был выработан план атаки Карахасанкиоя.

Обстановка для Рушукского отряда продолжала оставаться крайне тяжёлой. Больше всего опасались наступле-

ния Мехмета-Али на Тырново, и поэтому относительно слабый отряд всё также был разбросан на фронте в пятьдесят пять километров. Почти две трети сил были сосредоточены на правом фланге.

Между тем турки готовились нанести удар на центр расположения русских, задавшись целью оттеснить их со всего правого берега Кара-Лома, частью долины которого они уже овладели против Аяслара.

18 августа произошли столкновения в трёх местах: у Карахасанкиоя, Гайдаркиоя и Аяслара. Бои у этих населённых пунктов закончились отступлением русских отрядов, а начальник 1-й пехотной дивизии нашёл необходимым освободить без боя позицию у Попкиоя и отойти к Ковачице. В результате турки овладели всем правым берегом Кара-Лома, до деревни Сваленик, и получили свободу маневрирования перед фронтом Рушукского отряда.

Мехмет-Али решил воспользоваться этим. Тем более что замеченное турками отступление частей 13-го корпуса было истолковано ими как последствие испытанного русскими поражения. Однако собранный вновь военный совет ограничился постановкой более скромных задач: овладеть русскими позициями у Кацелова и Кадыкиоя, причём для первой задачи назначались войска Разградской группы, а для второй — часть гарнизона Рушука.

18 августа турки произвели из Рушука наступление несколькими батальонами на Кадыкию, но были отбиты вследствие прибытия резервов 12-го корпуса.

Вечером 20-го и утром 21 августа цесаревич осмотрел расположение 13-го корпуса и приказал сократить его фронт. Он пришёл к выводу, что турки после захвата позиций на правом берегу Лома приобрели возможность малыми силами парализовать действия 13-го корпуса и вообще свободно и скрытно маневрировать против всего Рушукского отряда.

Предположенная Мехметом-Али атака на центр расположения Рушукского отряда несколько задержалась исполнением и произошла только 24 августа.

22 августа Александр Александрович получил письмо от жены. Она рассказывала о детях, сообщала, что очень скучает. Александр Александрович тоже скучал, но в те августовские дни всё время отнимали дела фронтовые.

«В общем обстановка для борьбы на нашем восточном фронте сложилась в высшей степени неблагоприятно, — писал А. М. Зайончковский, — но она осложнялась ещё тем

обстоятельством, что силы нашего центра были расположены на двух отдельных позициях — Аблановской и Кацеловской, отстоявших одна от другой на 5 вёрст, причём сообщение между ними было крайне затруднительно и совершенно невозможно для артиллерии; Кацеловская позиция являлась передовой, и на ней было расположено значительно меньше сил».

Бой у Кацелова начался в семь часов утра. Было отбито несколько турецких атак, но к двум часам дня против пяти русских батальонов турки выставили в семь раз больше — тридцать пять батальонов. Генерал Арнольди приказал отступать.

Бой у Абланова начался также с утра. В три часа дня освободившиеся от боя под Кацеловом турецкие войска перешли в стремительное наступление.

Тогда генерал-майор Тимофеев спешил с лошади и, миновав цепь, сам пошёл вперёд. Ближайшие части бросились за ним с криком «ура», и вся боевая линия, перейдя в контратаку, с поддержкой Копорского полка, опрокинула турок обратно за реку. На этом бой кончился. Аблановская позиция осталась за русскими.

Этот бой для войск 12-го корпуса составляет блестящую победу, так как они отбили атаку тройного превосходства сил противника и тем заставили его опять перейти к большей пассивности действий.

Цесаревич в два часа тридцать минут дня получил донесение о том, что позиция у Кацелова очищена, а около четырёх часов дня — известие об атаке на Абланово; не получая затем никаких известий, он приказал в час ночи командиру 12-го корпуса ввиду прорыва оборонительной линии отодвинуть 12-ю дивизию на линию Мечка — Трестеник — Две Могилы.

Когда утром и в течение 25 августа выяснилась вся обстановка, то было решено отвести Руцукский отряд на линию реки Янтры и занять там оборону.

«Наследник... сосредоточил свои войска и приготовился встретить ожидаемое наступление Мегмеда Али.

Главная квартира Его высочества в Дольнем Монастыре, впереди на 15 вёрст от Белы; впереди сего последнего селения на высотах устроены укрепления. Недостаток этой укреплённой позиции, что она растянута и потребует много войск для обороны, — писал член Государственного совета Николай Павлович Игнатьев. — В Раденице пробыли мы часа два в ожидании известий с позиции, так как огонь

с наших батарей был открыт с 6 час. утра, а также от наследника, о котором весьма справедливо сильно беспокоился государь ввиду настойчивого наступления на р. Лом турецкой армии... Судя по телеграммам, полученным в это время и потом в 8 час. вечера по возвращении в Раденицу, положение было незавидное не только для наследника российского престола, но и для всякого простого генерала. Передовые войска наши должны были уступить напору турок, понеся потери значительные...

Дризен, оборонявший позицию на р. Ломе у с. Облава с 17-ю батальонами и 3-мя кавалерийскими полками, после 12 часов упорного боя против самого Мегмеда Али, руководившего войсками, высланными из Разграда, должен был оставить позицию, ибо войска были изнурены, понесли огромные потери, а дождь, шедший два дня сряду, до такой степени испортил дороги, что нельзя было подвозить заряды, патроны и продовольствие. Наследник выразил опасение, что дальнейшее наступление Мегмеда Али отрежет его от Владимира Александровича, стоящего у Пиргоса, под Рущуком, и намерение отступить за р. Янтру, перенеся Главную квартиру свою в с. Бела...

Приехавший 29-го из Главной квартиры наследника флигель-адъютант князь Долгорукий... говорит, что если бы наследник не был поражён громадностью потерь наших войск и лежащею на нём ответственностью при ропоте свиты (ворчащей на то, что наследника оставили с двумя корпусами против 100 тыс. турецкой армии), то он не отправил бы беспокоивших государя телеграмм. Через час после их отправки, получив более успокоительные сведения с аванпостов и из частей войск, Его высочество нашёл, что положение не так худо, как оно ему представлено было, и жалел, что отправил телеграмму, которая должна была встревожить отца-государя. Все отдают справедливость хладнокровию и твёрдости наследника».

Упорство боя отрядов у Кацелова и Абланова заставило турок остановиться. Вместо активных действий они в полдень 25 августа запросили перемирия для уборки раненых. Отпор, данный войсками Рущукского отряда, заставил нерешительного турецкого главнокомандующего потерять много времени.

«Начиная наступление, — писал А. М. Зайончковский, — турецкая армия к 8 сентября воздвигла колоссальную укреплённую линию, протяжённостью почти 30 вёрст, от Острицы, через Синанкиой, Хеджикиой, Осиково, Цер-

ковну, до Юриклера, с двумя линиями фортификационных построек.

Турки окончательно остановились на следующем плане: произвести удар Южной армией (45 батальонов) на нашу позицию Бег-Вербовка — Чаиркиой, причём главная масса должна была вести атаку с фронта, а дивизия Измаила-паши — охватить наш правый фланг, сделав кружный обход по весьма лесистой и бездорожной местности. Всего было назначено 43 батальона, 84 орудия и 28 эскадронов силой до 30 тысяч человек.

Всё это привело к чрезвычайно упорному бою 9 сентября при Чаиркиое, в котором русские войска проявили обычную храбрость и разбили наголову турок.

Успех нашего отряда должен быть приписан замечательной согласованности действий всех родов оружия, а также хладнокровию и распорядительности старших начальников. Со стороны турок, кроме несогласованности действий, поражает отсутствие охранения своих флангов, почему Вятский полк подошёл к левому их флангу совершенно неожиданно, двигаясь, можно сказать, по самому полю сражения.

Начальник Рушукского отряда вполне оценил опасность наступления турок и принял быстрейшие меры для сосредоточения соответствующих сил на угрожаемом пункте; на следующий день после боя у Чаиркиоя могли дать отпор 27 батальонов, 28 эскадронов и 106 орудий. Однако противник не только не повторил свою атаку, но и в дальнейшем перед всем фронтом Рушукского отряда наступило непонятное спокойствие.

Победа стойких войск цесаревича выручала русскую армию, ибо Плевненский отряд мог без опасений выждать прибытия подкреплений, а отряд Радецкого, обречённый на невыносимо тягостное положение перед Шипкой, всё-таки мог быть спокоен за свой тыл... история должна справедливо и беспристрастно оценить великую заслугу, оказанную России частью Рушукского отряда, а следовательно, и его главой — цесаревичем».

Считается, что Рушукский отряд выполнил свою боевую задачу успешно, не дав турецким войскам прорвать фронт и выйти к переправам. Именно группа войск наследника, оказав отпор турецким отрядам, заставила их перейти к обороне.

5 сентября 1877 года Александр Александрович замечает: «...Невыносимо грустно и тяжело то, что мы опять поте-

ряли такую массу людей, дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!..»

В письме от 6 сентября: «...До сих пор брали всё прямо на штурм; от этого и была у нас эта страшная потеря, дошедшая за последнее время до ужасной цифры 16 000 человек убитыми и ранеными, а одних офицеров выбыло под Плевной до 300 человек».

«Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо всё шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!» — горько восклицает он в письме от 8 сентября 1877 года. Так происходило постижение сурового военного опыта.

На войне цесаревич осознал ту колоссальную ответственность, которая лежала на плечах отца как главы государства. «Боже, — писал он, — как должен страдать бедный Папа, когда мы все, неответственные люди перед Россией и Господом, мы все морально страдаем за эти последние дни страшного испытания. Бог знает, последние ли это испытания? Что будет потом, что ещё предстоит нам испытать, не будут ли ещё сильнее испытания нам всем и дорогой Родине? Боже, не оставь нас, грешных и недостойных рабов Твоих! Уж мы ли не усердно молимся Ему и уповаем на Него, да будет, Боже, святая воля Твоя. Аминь!»

Настроение подъёма сменилось трезвыми рассуждениями, когда он столкнулся не с показной, а с реальной картиной войны, хотя, разумеется, и не самой ужасной, осознал её неразбериху, убедился в недалёковидности командования (а главнокомандующим был его дядя, великий князь Николай Николаевич), корысти интендантов, увидел смерть близких.

Александр Александрович писал жене: «...Это несчастье и большое несчастье, что Папа сам был под Плевной, потому что он, не видевши никогда в жизни ни одного сраженья, попал прямо на эту ужасную бойню, и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребёнок. Не знаю, отдаёт ли он себе отчёт, что эта громадная жертва была принесена напрасно и совершенно бесполезно, что собственно не было никакой нужды штурмовать турецкую позицию и что можно было, наверно, предвидеть этот исход.

Мы все уверены, что эта кровавая драма 30 августа была результатом того, что хотели непременно покончить с Плевной эффектом и поднести государю подарок в день его именин, ну и поднесли! Нечего сказать?

Непростительно и преступно со стороны главнокомандующего подобные необдуманные действия, и нет сомнения, что он должен будет ответить перед всей Россией и отдать отчёт Господу Богу за эту отвратительнейшую драму».

В трёх неудачных штурмах Плевны (8 июля, 18 июля и 30 августа 1877 года) русские войска потеряли тридцать две тысячи, румыны — три тысячи человек. Главнокомандующий растерялся и предлагал отвести русскую армию за Дунай.

11 сентября цесаревич просил жену: «Если ты хочешь мне сделать огромное удовольствие и если тебе это не слишком тяжело, не езди в театры, пока эта тяжкая кампания благополучно не кончится. Я уверен, что и Мамá разделит мой взгляд и все найдут это приличным и более достойным для моей жены.

Прости меня, что это пишу тебе, потому что уверен, что ты и без того этого не делала бы и что тебе и самой казалось это неприличным. Так ли это, или я ошибаюсь?..»

Мария Фёдоровна сообщала мужу, что ей совсем не до театров, так как она активно занимается делами Красного Креста. Она, как и императрица Мария Александровна, на протяжении всей дальнейшей жизни уделяла этому вопросу огромное внимание.

В тот же день, 11 сентября, Александр Александрович, остро переживая случившуюся трагедию у Плевны, направил письмо императору. Со всей откровенностью он рассказал о существовавшем в армии недовольстве главным начальством, потерявшим всякое доверие войск. Наследник убеждал государя принять личное командование армией, назначив Милютина своим начальником штаба. Чтобы убедить отца принять такое решение, в тот же день наследник направил к нему своего брата великого князя Владимира Александровича и снова написал длинное письмо, доказывая необходимость решительных действий.

Император не ответил на это письмо, но вызвал наследника к себе в Горний Студень. Цесаревич с великим князем Владимиром Александровичем и начальником штаба Петром Семёновичем Ванновским прибыл к царю 15 сентября.

На следующий день, 16 сентября, у государя состоялось совещание, на котором обсудили и приняли план предстоящих боевых действий. Только благодаря военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину было принято решение — держаться на прежних позициях и ждать прибытия подкреплений.

Вскоре Александр Александрович был награжден орденом Святого Владимира первой степени с мечами. В рескрипте говорилось:

«Благоразумные распоряжения Вашего Императорского Высочества во время командования отдельным значительным отрядом в действующей армии, вполне соответствующие видам главнокомандующего и общему плану кампании, дают Вам право на особенную Нашу признательность; предводительствуемые Вами храбрые Наши войска неоднократно отражали все нападения превосходившего их численностью неприятеля и выказали при том свои превосходные качества».

По воспоминаниям сослуживцев, Александр Александрович был прост и демократичен в кругу офицеров. Ведь среди военных он чувствовал себя свободно.

Именно на войне цесаревич обзавёлся окладистой бородой, ставшей позже легендарно-распознаваемой приметой облика русского монарха. Начиная с первого императора Петра I, никто из царей бороды не носил. Александр Александрович возродил старую традицию, которой потом будет следовать и его сын Николай II.

Вообще-то, на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, «запретный плод» сладок, и в армии почти все офицеры начали отращивать бороды. Даже двадцатилетний великий князь Сергей Александрович решил носить бороду.

На фронте складывалось настоящее боевое товарищество. По рассказам участников событий, шатёр Александра Александровича был центром полевой жизни офицеров. В шатёр собиралось к завтраку и обеду до сорока человек. Порой бурно обсуждали фронтовые события, порой коротали время в непринуждённой беседе.

Оставшись один на один с собой в те трудные месяцы «болгарского похода», Александр много размышлял о долге, чести, жизни и смерти. Но не забывал он и о детях. 2 октября 1877 года написав Минни, он сделал приписку для сыновей и ласково добавил:

«Благодарю Вас, мои душки, Жоржи и Ники, за Ваши письма. Мне очень скучно и грустно без Вас, и я часто думаю о Вас и о душе Ксении...

Как давно мы не виделись, и я думаю, что Вы меня совершенно забыли... Как мне хочется скорее к Вам, назад, домой, но нечего делать. Когда служишь, так думать о сво-

их не приходится, а надо исполнять свой долг! Целуйте за меня крепко Мамá и душку Ксению. Молитесь за меня и за всех наших молодцов солдат. Обнимаю Вас крепко, мои души. Постоянно думаю и молюсь за Вас».

Первая утрата Императорского дома

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1877 год. 12 октября.

Участвовал:

— в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения войсками Руцукского отряда под личным своим начальством».

В начале октября появилась информация о возможном отходе значительной части неприятельских сил из-под Руцука и Кадыкиоя.

Цесаревич решил прояснить обстановку и приказал 12 октября произвести рекогносцировки перед фронтом обоих корпусов его отряда. В этих скоротечных боевых разведывательных акциях были задействованы два отряда. Один действовал в направлении на Руцук, а второй — на Кадыкиой.

За действиями отрядов, осуществлявших рекогносцировку, наблюдал сам цесаревич.

Благодаря успешному проведению боевых разведывательных акций выяснилось, что Кадыкиой не только занят весьма прочно, но и представляет собой укреплённый лагерь. Не менее укреплённой была позиция турок и у Соленика.

Во время рекогносцировки у Иован-Чифтлика в восемь часов утра был сражён наповал пулей в голову князь Сергей Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский. Всё случилось, когда он выехал на боевую линию и приостановил коня на кургане у спуска в деревню. Пуля угодила в околышек фуражки левее кокарды. Смерть наступила мгновенно.

Смерть двоюродного брата произошла на глазах у цесаревича.

Александр Александрович приказал руководить ходом боя своему родному младшему брату великому князю Владимиру, а сам поскакал в сторону убитого Сергея.

Князь Романовский, герцог Лейхтенбергский, носивший титул «Императорское высочество», стал первым членом Российского императорского дома, погибшим на войне.

Двадцативосьмилетний молодой принц был общим любимцем. «До того нас всех поразила смерть бедного Серёжи Лейхтенбергского, — писал Александр Александрович жене, — ты можешь себе представить, когда видишь человека весёлого, здорового ещё за несколько часов и вдруг узнать, что он убит, это до того поражает, что не отдаёшь себе ясного отчёта в том, что случилось...

...В 8 ч. вечера после обеда мы перенесли тело бедного Серёжи из его домика в здешнюю болгарскую церковь. Эта церемония по простоте обстановки и при чудной лунной ночи была удивительная.

Несли его на носилках для раненых, и эти носилки уже были, как видно, много раз в употреблении, потому что они покрыты были кровью.

Несли я, Сергей и все наши; впереди шли офицеры Невского и Софийского полков вместо певчих и отлично пели и мои конюшенные люди с факелами, а солдаты кругом с фонарями, а сзади священник и все остальные. Никогда я не забуду это печальное шествие.

В церкви поставили тело на тех же носилках на пол, а тело прикрыли его пальто, и сейчас же отслужили первую панихиду, и, могу сказать, положительно все молились усердно и искренно о бедном товарище. При церкви постоянно находится офицерский караул попеременно, один день мои атаманцы, а другой день от батальона Бендерского пех[отного] полка. Кроме того, 2 часовых у тела и постоянно дежурят день и ночь у тела, сменяясь попарно: Сергей, Эжен, Стюрлер, Воронцов, Литвинов, Ники Долгорукий, все мои адъютанты и все офицеры моего отрядного штаба».

Александр Александрович тяжело переживал гибель двоюродного брата, которого искренне любил и уважал. Но война не давала возможности расслабиться и предаться личным переживаниям. Даже в письмах любимой жене появлялось всё больше деловых тем.

В письме от 4 ноября 1877 года из болгарского села Брестовец цесаревич сообщал Минни: «Вчера в 11 часов утра получил посланные тобой вещи для офицеров и солдат. Первый транспорт уже роздан во все части, где в каждом полку устроена была лотерея и доставила большое удовольствие людям; и этим путём никто не был обижен, а иначе не знаешь, как раздавать вещи. Тюк с 20 пудами табаку, ко-

торый по ошибке остался в Систове, я на днях получил и послал в части...

Если будешь ещё присылать, то, пожалуйста, побольше табаку и именно махорки; это главное удовольствие бедных солдат, и даже более удовольствие им делает махорка, чем чай, который они получают иногда от казны, а табак никогда... Одежда, чулки, колпаки и проч. — всё это хорошие вещи и нужны. Папиросы для офицеров тоже нужны, здесь трудно достать и дóроги...»

Цесаревич был серьёзно обеспокоен состоянием военно-медицинского обеспечения. Он писал о переполненных госпиталях, о больных и раненых, одетых в грязное бельё, в котором их перевезли. «...Некоторые в сапогах и мундирах; рубашки у многих были все в крови, совершенно запёкшейся, как они были вынесены из дела, хотя некоторые лежали в госпитале по 5 и 6 дней...

Многие ужасно страдают и стонут, другие, напротив, такие молодцы; но, когда видишь постоянно всё новых да новых раненых и новые мучения, тяжело становится на сердце и поневоле думаешь: да когда же, Боже, конец этим мученьям, этим жертвам, этой ужасной войне! Тяжело и далеко не привлекательно вид этих несчастных здесь, на месте, в скверной относительно обстановке, в этот холод, без постелей, большей частью просто на соломе.

В Петербурге и, вообще, по всем городам России раненые блаженствуют и как бы в раю, а здесь, Боже, что они страдают, что претерпевают, через что проходят. Себе представить нельзя, какое впечатление и какой вид представляют наши госпитали теперь, осенью... Всё, что только можно сделать для улучшения больных и раненых, сделано у нас, да кроме того, сколько пожертвовано вещей, и Красный Крест снабжает всем, чем только может, а всё ещё мало на такую массу госпиталей и лазаретов».

Болгарская осень

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1877 год. 30 ноября.

Участвовал:

— в сражении у Трестеника и Мечки (с участием Парпанской осадной бригады) и отражении атаки армии Сулеймана-Паши».

То, что противник замышляет новое наступление, Александр Александрович понял в связи со странным затишьем в первые недели ноября. О возможных новых действиях турок докладывала и разведка.

Так и оказалось. С 14 ноября турецкий генерал, командующий Восточно-Дунайской армией Сулейман-паша начал предпринимать активные действия на участке Рушукского отряда. Атаки следовали одна за другой. 29 ноября стало ясно, что Сулейман-паша попытается прорвать крайний левый фланг Рушукского отряда в районе Кадыкой — Пиргос.

Александр Александрович своевременно разгадал планы турецкого военачальника. Цесаревич приказал к рассвету 30 ноября провести передислокацию войск — направить часть пехотной дивизии к Дамогиле и притянуть к Мечке отряд, оборонявший Батинскую переправу. Со своей стороны великий князь Владимир перевёл из Дамогилы в Трестеник Бессарабский полк. Бой между Мечкой и Трестеником 30 ноября стал неминуем.

К рассвету 30 ноября на позиции у Трестеника находились двенадцать батальонов и сорок орудий под командованием генерал-лейтенанта барона Александра Александровича Фиркса. На позиции у Мечки — шесть батальонов и тридцать два орудия под командованием генерал-майора Георгия Павловича Цитлядзева. Кроме того, к месту боя подошла вся 12-я кавалерийская дивизия — восемнадцать эскадронов и казачьих сотен и двенадцать конных орудий. В течение дня ожидалось прибытие ещё десяти батальонов, шести казачьих сотен и сорока двух орудий. Таким образом, русские части могли противопоставить неприятелю в общей сложности двадцать восемь батальонов, двадцать один эскадрон и сотни и сто тридцать орудий.

Бой разгорелся по всей линии, но острие основного удара турок было направлено собственно на Мечку и на ложину между ней и Трестеником.

После полудня турки сосредоточили против Мечкинского участка до тридцати таборов, равных по численности тридцати батальонам. И затем начали решительную атаку на правый фланг русских частей.

Неприятель упорно, с отчаянным фанатизмом рвался вперёд, несмотря на страшные потери от русских оружейных и артиллерийских залпов.

Пока шла атака на правый фланг, в центре линии фронта турки значительно усилили свою артиллерию. Было ясно,

что Сулейман-паша хочет во что бы то ни стало прорвать центр русской обороны.

Великий князь Владимир воспользовался этим и решил дать туркам возможность втянуться в ложину между Мечкой и Трестеником. Удерживая оборону на своём левом фланге и в центре, великий князь принял решение перейти в решительное наступление правым флангом после подхода 2-й бригады 35-й пехотной дивизии полковника Николая Николаевича Назарова.

В это время цесаревич с высоты у Яли-Абланово координировал действия на всём поле боя. Он первым заметил, что голова колонны 2-й бригады 35-й дивизии подошла к Трестенику. Тогда по его указу великий князь приказал ей и Малороссийскому полку идти вдоль шоссе на Руцук и, зайдя правым флангом, ударить на левый фланг турок. Барону Александру Фёдоровичу Дризену с кавалерией цесаревич приказал содействовать этому наступлению.

Когда стало ясно, что войска полковника Назарова успешно громят турок, атаковавших Мечку, частям Георгия Павловича Цитлядзева было приказано перейти в наступление со всеми остальными войсками Мечкинского участка. Таким образом, в пятнадцать часов тридцать минут все русские войска по всему фронту перешли от обороны в решительное наступление.

Победа была окончательной и бесповоротной. Стремительное наступление великого князя Владимира вскоре превратилось в преследование, закончившееся лишь с темнотой.

Так сражение под Мечкой — Трестеником завершилось блестящей победой Руцукского отряда под командованием цесаревича Александра Александровича. Это сражение стало последней попыткой наступления армии Сулейман-паши против Восточного фронта русской армии.

В продолжение пяти месяцев войска Руцукского отряда выдерживали почти непрерывные бои и сражения с противником, постоянно превосходившим их числом, иногда и в несколько раз, имевшим стратегические преимущества и опиравшимся на сильные крепости. Так Руцукский отряд дал возможность всей русской армии одержать победу на других, не менее важных участках театра военных действий.

30 ноября 1877 года император наградил великого князя Владимира бриллиантовой шпагой с надписью: «14 и 30 ноября 1877 года», а цесаревича Александра — орденом

Святого Великомученика и Победоносца Георгия второй степени. В высочайшем рескрипте говорилось:

«Рядом доблестных подвигов, совершённых храбрыми войсками вверенного Вам отряда, блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Вас в общем плане военных действий. Все усилия значительно превосходящего численностью неприятеля прорвать избранные Вами позиции в течение пяти месяцев оставались безуспешными, и, наконец, 30 ноября сего года отчаянные атаки на Мечку мужественно отбиты под личным Вашим предводительством. Желая выразить чувства сердечной Нашей признательности за Вашу отличную храбрость и благоразумную распорядительность, доставившие войскам Нашим новую славу, Всемиловейше жалуем Вас кавалером Императорского ордена Нашего Святого Великомученика и Победоносца Георгия второй степени, знаки коего при сём препровождая, повелеваем Вам возложить на себя и носить по установлению».

Зимние квартиры

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1877 год

— Назначен шефом 2-го пехотного Софийского полка — 3 декабря.

Получил ордена:

3 декабря — От Императора Германского “Pour le merite”;

3 декабря — <От> Великого Герцога Мекленбург-Шверинского за отличие в военное время.

1878 год

— Принимал участие в общем наступлении войск Северного отряда под личным своим начальством и преследовании турецкой армии от Кара-Лаи к крепости Шумле — с 10 января по 13 января».

Война и походная жизнь казались реальностью, а события в Петербурге и Москве — чем-то сказочным, тёплым, уютным и очень далёким.

«Когда подумаешь, что через 8 дней будет уже полгода (!), что мы не виделись с тобой, просто не верится, чтобы это было возможно! Полгода! Да это полжизни!!!» — писал цесаревич жене тёмной декабрьской ночью 1877 года в своём походном шатре.

Прошло восемь дней, и Александр Александрович вновь взялся за перо: «Моя милая душка Минни, в первый раз, что приходится писать тебе письмо в самый Новый год, я хочу обнять тебя только мысленно и пожелать от всей души нам обоим наше старое, милое, дорогое счастье, нового не нужно, а сохрани, Господи, нам то счастье, которым уже, благодаря Твоей великой милости, пользуемся более 11-ти лет. Вот что я желаю тебе и себе от души и уверен, что и ты большего счастья не желаешь, потому что его нет и не нужно».

События на фронте требовали постоянного внимания.

Потерпев поражение под Мечкой 30 ноября и узнав о капитуляции армии Осман-паши, турки прекратили всякие наступательные попытки на всём Восточном фронте и у Шипки и переключили всё своё внимание на защиту подступов через Балканы к Софии. С 25 декабря 1877 года начался завершающий, третий этап войны.

Было решено распределить всю Дунайскую армию на три группы или отряда: восточный отряд под командованием наследника Александра Александровича, центральный — генерала Фёдора Фёдоровича Радецкого и западный — генерала Иосифа Владимировича Гурко. Позднее Иосифа Владимировича сменил генерал Эдуард Иванович Тотлебен.

В связи с таким перераспределением цесаревич телеграфировал отцу, что просит дать ему в начальники штаба генерала Николая Николаевича Обручева. Николай Николаевич считался одним из самых талантливых российских военных стратегов. Именно он ещё в 1876 году разработал стратегический план войны с Турцией, осуществлённый во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. На Кавказском театре военных действий благодаря его плану операции по разгрому Аладжинской группировки неприятеля пала турецкая крепость Карс, ключевая на Кавказском фронте.

Александр II одобрил выбор сына. Однако вскоре выяснилось, что с Н. Н. Обручевым не ладит главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич. Сложные отношения между ними начались ещё в 1863 году.

Сущность этих разногласий цесаревич изложил в письме жене, написанном в селе Брестовец 28 декабря.

«Папá тебе наверное говорил, что я просил его по телеграфу назначить ко мне начальником штаба генер. Обручева, — писал цесаревич, — в случае, если мне придётся принять войска Западного отряда под моё начальство.

Я остановился на Обручеве как на человеке весьма умном, энергичном и занимавшемся много вопросом о Турции. Главное, почему я в особенности настаиваю на его назначении, это потому, что я не имею ни малейшего доверия к Д. Низи (дяде Николаю Николаевичу Старшему. — А. М.), его штабу и их распоряжениям, а принять начальство над Западным отрядом, имея генер. Гурко начальником штаба, как хочет, чтоб я сделал, Д. Низи, я решительно не хочу, потому что Гурко будет фантазировать и делать то, что желает Д. Низи, а не то, что я хочу.

Генер. Обручев — весьма самостоятельная личность, и поэтому главнокомандующий и слышать не хочет об его назначении; кроме того, Д. Низи хорошо знает моё мнение о всей компании и его распоряжениях и боится, что я с Обручевым вдвоём будем ему помехой. Он уже мне несколько раз телеграфировал шифром, что ни за что не хочет, чтобы я брал Обручева и что никогда не согласится иметь Обручева здесь, в армии. Я ему телеграфировал, что без этого условия я принять начальство Западным отрядом не могу. Папá я телеграфировал то же самое, хотя от него я получил сейчас же разрешение на назначение Обручева.

Теперь я жду ответа от Папá, чтобы знать, согласился ли он окончательно, несмотря на то, что Д. Низи этого не желает, и ему телеграфировал с своей стороны. Итак, теперь у нас с Д. Низи своего рода баталья, посмотрим, чья возьмёт! Всё зависит от решения Папá.

Я твёрдо решился, если Папá согласится с просьбой Д. Низи, проситься прочь из армии, потому что моё положение в отношении Д. Низи становится невозможным и я здесь не нужен. Я говорил об этом с Владимиром, и он совершенно со мною согласен. Принять начальство Западной армией в тех условиях, как того желает Д. Низи, я не могу; стало быть, что ж мне здесь делать? В Рущукский отряд уже назначен Тотлебен, так что я свободен. Если же, несмотря на всё это, Папá прикажет мне оставаться и принять начальство над Западным отрядом, имея Гурко начальником моего штаба, конечно, я подчинюсь и исполню долг свято, но не могу скрыть, что этим Папá принесёт в жертву своего сына!..»

Назначение Обручева так и не состоялось — вследствие энергичного протеста главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича...

После взятия Шипки открывался свободный путь на Адрианополь. Главнокомандующий армией, великий князь

Николай Николаевич приказал Радецкому и Гурко продолжать движение вперёд. Прибыв 1 января в Казанлык, главнокомандующий сделал окончательные распоряжения относительно общего наступления всей действующей армии и преследования турок.

1 января 1878 года последовал приказ о наступлении Руцукского (Восточного) отряда по линии Разград — Руцук — Осман-Базар.

3 января Александр Александрович написал жене:

«Папá тебе, вероятно, передал его решение насчёт меня и Владимира. Я получил вчера вечером телеграмму Папá с приказанием мне и Владимиру оставаться на наших местах впредь до приказаний. Решительно непонятно, зачем один день нас требуют в Петербург, потом приказывают ехать догонять гвардию, потом опять оставаться, опять ехать — и так в продолжение месяца мы получили четыре разных приказания, и ничего из этого не вышло. Замечательно, что ничего не могут решить окончательно и всё так идёт здесь.

Папá пишет одно, Дядя Низи другое. Папá хочет так, Дядя хочет иначе, и опять ничего решённого нет. Ах, дай Бог, чтобы всё это кончилось наконец, пришло бы в нормальное положение...

Общество сделалось ещё приятнее с приездом Тотлебена и кн. Имеретинского и вообще живётся всем хорошо, потому что все в ладу [друг] с другом и все порядочные люди и ведут себя отлично.

С Тотлебенем я больше познакомился и сблизился, и замечательно здраво он судит о событиях; совершенно самостоятельно и прямой и честный человек, как я теперь вполне убедился. Кн. Имеретинский — умный способный офицер и весьма приятный собеседник; всегда в духе, интересуется всем и порядочный во всех отношениях человек. Я боюсь только одно, что Тотлебену и Имеретинскому всё-таки неприятно и неловко, потому что они оба приехали сюда заменить меня и Ванновского и, между тем, уже целый месяц прошёл, а я всё тут же».

Через день, 5 января, цесаревич сообщает:

«Сегодня получили известие, что сербы взяли Ниш с большим количеством орудий, ружей, патронов и всякого запаса. Наши войска тоже подвигаются всё вперёд и идут безостановочно. У нас здесь тихо, ничего нового и скука страшная; да, невесело оставаться таким образом на месте и знать, что мой гвардейский корпус там, за Балканами. Странная, правда, судьба моя и Владимира: участвовать в

войне и всё время не при своих частях, а, казалось бы, чего же проще, как принять мне мой корпус, а Владимиру — свою дивизию. Здесь, слава Богу, мы исполнили свою задачу, свой долг, до конца довели возложенное на нас дело, ну так и нечего больше делать. А теперь вот уже больше месяца, что всё обещают вернуть нас обоих к гвардии, а вместо того только и есть, что обещания да нерешительность и неопределённость нашего положения, как это было всё время.

Если будет на днях заключено перемирие, то, конечно, нам не стоит ехать туда, но если будут продолжаться военные действия, то будет весьма трудно догнать и доехать до гвардии и легко можно опоздать».

К началу наступления, 1 января, отряд цесаревича состоял из восьмидесяти четырёх батальонов, пятидесяти восьми эскадронов и трёхсот семидесяти орудий. Александру Александровичу было приказано «при первой возможности перейти в наступление к стороне Рущука, Разграда, Эски-Джумы и Осман-Базара, стараясь овладеть последними тремя пунктами и прервать железнодорожное сообщение Рущука с Шумлой».

6 января Александр Александрович информирует жену:

«Погода сегодня ужасная, холодно, страшный ветер с вьюгой, отвратительно.

Дунай окончательно замёрз, и уже пешком можно ходить, надеемся, что скоро можно будет перевозить и тяжести, а то очень трудно с продовольствием, потому что сколько уж дней почти подвоза не было и перевозили только маленькую часть на катерах и понтонах весьма медленно.

Кажется, что скоро придётся нам снова начать военные действия и идти на Рушук и Разград; по крайней мере, Д. Низи очень настаивает на этом. Завтра собираются у меня корпусные командиры для обсуждения этого вопроса, и тогда решим, что можно будет предпринять для приведения сего плана в исполнение. Дай Бог, чтобы это не нужно было, потому что, может быть, перемирие будет закончено к этому времени, но на всякий случай надо быть готовыми, если прикажут идти.

Посылаю тебе сегодня ещё целую коллекцию видов села Брестовец, сделанных одним сапёрным офицером-любителем. Пожалуйста, собери все фотографии, которые я тебе прислал, в два альбома; один — для видов Румынии, а другой — для Болгарии. Жаль будет, если они растеряются, у меня нет вторых экземпляров, я всё послал тебе, что мог достать, а для меня это останется приятным воспоминани-

ем нашей боевой жизни. Пожалуйста, не забудь заказать и сделай это».

Об условиях жизни на фронте цесаревича в то время красноречиво рассказывают письма:

«Сегодня опять сильный мороз, и в комнате моей было всего 1 градус тепла, когда я встал; печка топится трудно, потому что дрова сырые и нескоро нагревается, но зато потом тепло и хорошо, но дует от пола и от стен страшно. Приходится постоянно сидеть в тёплых сапогах, а когда и это не помогает, то я влезаю ногами в меховой мешок, купленный в Бухаресте, но такой маленький, что обе ноги сразу не влезают, а приходится согреть сначала одну ногу, а потом другую».

В письме 9 января цесаревич писал:

«Вчера целый день прождал понапрасну известий из Главной квартиры о ходе мирных переговоров, так-таки ничего и не получили, а все ждут со страшным нетерпением. Нам весьма важно знать, чем кончатся переговоры, потому что в случае, если турки не согласятся на наши требования, мне приказано с моим отрядом идти на Разград и, если возможно, овладеть им и потом с сильным отрядом подойти к Рущуку и постараться заставить турок сдать нам эту крепость и город. Ведь наши, конечно, рвутся вперёд, если сегодня ещё я ничего не получу, то завтра с утра войска начинают наступление. Авось Господь не оставит нас и здесь, и благословит наше оружие, и поможет, как до сих пор помогал во всём! Но, конечно, дай Бог, чтобы это не нужно было; ещё лучше было бы без боя покончить с этими городами, и опять дорогая русская кровь не была бы понапрасну пролита. Довольно мы её проливали и часто совершенно напрасно!

Ты уже, конечно, знаешь от Папá, что он приказал мне и Владимиру оставаться на своих местах и не ехать к гвардии. Теперь милый наш Рущукский отряд переименован в Восточный отряд и присоединены к нему ещё войска Тырновского отряда; так что всё пространство от Дуная до Балкан в моём распоряжении. Конечно, тут особенно лестного нет, и я уверен, что это сделано главнокомандующим только для того, чтобы меня не пускать за Балканы, где он не желает меня иметь, да и не особенно мне самому хочется ехать туда, потому что в этой обстановке, в которой находится теперь отряд генер. Гурко, невесело принимать отряд, уже сильно расстроенный и ослабленный!.. Что за беспорядок в тылу армии, это себе представить нельзя. Интендантство

продолжает бездействовать... продолжает грабить казну самым бесцеремонным образом, и несмотря на это мы всё-таки ничего не получаем и ничего к нам не подвозят.

Теперь Д. Низи и вся эта компания увлеклась забалканским походом, никаких распоряжений о продовольствии армии не делают, о сообщениях не заботятся, добиться толку до сих пор нельзя никакого от Полевого штаба; просто отвращение, что за администрация. С каждым днём всё больше и больше приходишь к заключению, что Д. Низи — отвратительный главнокомандующий... и весь штаб и Главная квартира — подлейшая сволочь. Ропот на главнокомандующего и его штаб увеличивается с каждым днём, и никакие забалканские победы и успехи не изгладят в армии того впечатления, которые она вынесла из этой 8-месячной кампании; не главнокомандующему Россия обязана последними успехами, а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и честным начальникам.

Сам Д. Низи ничего не видит, ничего не понимает, ничего не знает, воображает, что всё идёт великолепно, что все его обожают и что он всему голова! Сильно же будет его разочарование, если когда-нибудь он увидит и узнает всё, что было, и всё, что происходит; но не думаю, что он когда-нибудь сознается наконец, что он совершенно не способен быть главнокомандующим, недостаточно у него такта на это и недостаточно он умен, чтобы сознать это! Бог ему судья и Бог ему простит, не ведает, что творит! Но армия не простит, она не может, она не смеет ему простить! Слишком эта неспособная личность стоила России, армии и нам, всем русским! Грешно было бы забыть всё это и непростительно для потомства! Что за приказания получаем мы от главнокомандующего, просто смешно, до чего глупо! Все решительно смеются! Например, 4 дня назад получаю я вдруг телеграмму от Д. Низи следующего содержания: «Немедленно пошли парламентёра в Рушук, потребовать сдачи его. Необходимо поддержать это требование наступлением войск, не ввязываясь в настоящий бой» Конечно, получивши эту телеграмму, все хохочут и становятся в тупик, что это — шутка или серьёзно? Вот до чего глупость главнокоманд. может дойти!»

11 января цесаревич писал Минни:

«На днях получил приказание Главнок. отменить всякие движения вперёд и войскам оставаться на прежних местах. Просто ничего не разберёшь: один день немедленно сделать то, на другой день — не смей предпринимать

ничего, да что же это наконец? Да если бы я исполнял все приказания главнок., то чёрт знает что было бы с нами и моим отрядом. Слава Богу, я проучен и знаю цену этим приказаниям и поэтому не тороплюсь или вовсе не исполняю, если они слишком глупы, как высылка парламентёра к Рушуку; конечно, я никого не посылал и через день получил приказание отнюдь не трогаться вперёд. Хорошо бы я был, если исполнил приказание. Посмешище перед всей армией, перед Россией, да никто бы верить не хотел, что это приказание главнокомандующего, и, конечно, всё бы пало на мою шею. Почему отменили наступление нашего отряда на Разград и Рушук, не знаю, но полагал, что оно в связи с мирными переговорами; но каково же было наше удивление: мы думаем, что ввиду переговоров, которые идут хорошо, приказано было приостановить всякие движения вперёд, но ничуть не бывало, все отряды идут вперёд не останавливаясь, одному нашему приказано ничего не предпринимать! Непонятно и досадно для войска. Моё терпение совершенно лопнуло, я твёрдо решился просить у Папá разрешения выехать из армии и чтобы он окончательно вызвал нас обратно домой.

Жду теперь только, чтобы узнать, чем кончатся переговоры о мире. Если хорошо кончатся, то, само собой разумеется, нам больше нечего здесь делать, если же затянутся и мы всё-таки с Владимиром останемся в том же положении, как теперь, то мы решились проситься прочь отсюда. Невыносимо оставаться здесь и ничего не делать, ничего не знать, без известий, кроме дурацких и безграмотных телеграмм главнокомандующего. Он ни разу не потрудился мне сообщить, как идут переговоры и какие главные условия для заключения перемирия, я решительно ничего не знаю и совершенно, как будто меня здесь нет. Для чего я здесь, я сам не знаю! Что мне тут оставаться, к чему, кому я приношу пользу, решительно не понимаю. Остался я здесь, потому что Папá желал, чтобы я принял мой гвардейский корпус, но Дядя Низи, видно, не желает, и мне приказано оставаться здесь.

Боже, что я претерпел морально здесь за это время, не желаю никому пройти через это испытание, и всё время моё положение было ненормальное, самое незавидное, каким-то чернорабочим, а прочим предоставили уже пожинать лавры за Балканами и именно тем, которые всего менее заслуживали это, как, например, Скобелев, Стругов и Гурко! А например, молодец генер. Радецкий, герой Шип-

ки, оставлен в резерве. Кн. Мирский тоже. Все выдвигают самых низких и непорядочных людей. Правда, досадно и отвратительно. Я не о себе хлопочу, мне ничего не надо, я ничего не желаю, слава Богу, Господь помог мне исполнить мой долг до конца с честью, чего же мне больше, но за прочих досадно. Гвардия, например, какими молодцами себя показала, а об ней почти ничего не говорится, всегда глухо выражаются: отряд генер. Гурко, и больше ничего».

Приказ перейти в наступление к стороне Рушука, Разграда, Эски-Джумы и Осман-Базара поступил 13 января. И Восточный отряд под командованием цесаревича его с успехом выполнил: занял Разград, Эски-Джуму, Осман-Базар, Котёл, а затем и Рушук. Русские войска стремительно двигались вперёд, преследуя отступающих турок, и вскоре без единого выстрела взяли Адрианополь.

По словам А. М. Зайончковского, «войска были сильно утомлены и совершенно обносились; на людях были изношенные шинели и полушубки; не было сапог, а вместо фуражек — болгарские шапки и чалмы. Войсковые обозы остались далеко позади; сообщение с левым берегом Дуная было прервано ледоходом. Число отсталых вследствие обморожения ног было так велико, что в батальонах оставалось до 500 человек; кавалерия пострадала меньше, но в эскадронах было не более 80 коней; артиллерия всех колонн наполовину осталась позади; парки были в нескольких переходах, и снаряды везли лишь в передках и передних ходах зарядных ящиков; также мало было и патронов. Но надежда на скорый и славный конец великого дела поддерживала физические силы людей и не давала развиваться болезням, неизменно сопутствующим утомлению и лишениям».

Все ждали окончания войны. Ждали с волнением. Это волнение сквозило и в письмах цесаревича. В письме от 14 января он высказывает опасения насчёт удачного исхода мирных переговоров с турками:

«Что делается в Главной квартире Д. Низи, решительно ничего не знаем: вот уже 3-й день без телеграмм. Ужасно боюсь, чтобы там не заварили кашу, которую потом придётся расхлёбывать несчастной России, из-за неспособности главнокомандующего.

Ты не можешь себе представить, до чего доходит недоверие к Д. Низи; несмотря на все эти блестящие дела за Балканами, которые, правда, шли великолепно по результатам, достигнутым нами, все ещё боятся, чтобы он чего-нибудь не напутал, а теперь в особенности боимся, чтобы

при мирных переговорах он не наделал бы глупостей с детским и наивным до глупости воззрением на настоящие события, от которых зависит всё будущее для России.

Получил я сегодня в 3 ч. твоё милейшее письмо № 79 от 1 января: ты не можешь себе представить, до чего эти 2 последних письма сделали мне удовольствие, просто не знаю, как тебя благодарить за них. Я с таким вниманием, с такой жадностью читал их. Теперь мне немного стало ясно, почему Папá решился нас оставить здесь, но не понимаю, как он мог не настоять на том, чтобы Обручев был бы наконец назначен; тогда ещё было время, теперь уж поздно!..

Посылаю тебе ещё целую коллекцию фотографий, и ты можешь видеть меня на ней с бородой, в моём полушубке. Одну группу отдай Сергею, с надписью для него... До свиданья, моя милая душка Минни, обнимаю тебя от всей души и целую мою собственную маленькую жену. Крепко целую душек детей. Христос с вами, мои душки. Твой верный друг Саша».

19 января в 17 часов состоялось подписание протокола об основаниях мира и условиях перемирия. Великий князь заставил турецких уполномоченных строго придерживаться присланного из Петербурга текста. Кроме того, потребовал полностью вывести турецкие войска из Болгарии и сдать крепости Видин, Рушук и Силистрию в Европе и Эрзурум в Азии. По условиям перемирия русские войска получили право на временное занятие, в продолжение переговоров, важных стратегических пунктов на обоих театрах войны.

Великий князь Николай Николаевич телеграфировал императору: «Имею счастье поздравить Ваше Величество. Предпринятое Вами святое дело благополучно приведено к концу. Основания мира, предложенные Вашим Величеством, приняты Портой, и протокол сию минуту подписан мною и уполномоченными султана. Перемирие заключено и подписано, и приказания о приостановлении военных действий немедленно отправляются во все отряды и на Кавказ. Все Дунайские крепости, Разград и Эрзурум очищаются турецкими войсками».

В тот же день Николай Николаевич отправил письмо своему племяннику. «Милый Саша! — писал он. — Нет у меня достаточно слов, чтобы тебе выразить всю мою глубокую и душевную благодарность за всё время кампании, в которую тебе выпало на долю столь трудное дело сохранения моего левого фланга. Ты, поистине, выполнил эту нелёгкую задачу вполне молодецки».

После того как воюющие стороны заключили перемирие, окончилась и боевая служба наследника. Цесаревич стал готовиться к отъезду в Петербург.

22 января в Петербург последовало очередное донесение от Николая Николаевича: «Вся совокупность фактов достаточно свидетельствует о полном поражении, нанесённом Турции славными войсками Вашего Императорского Величества, и о необходимости, в которую султан был поставлен предоставить себя вполне на великодушные русско-го государя».

27 января начались переговоры о мире с турецкими уполномоченными.

Домой

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1878 год

— По заключении перемирия с Турцией отправился по железной дороге обратно в С.-Петербург — 1 февраля.

— Куда прибыл — 6 февраля.

— Пожалована золотая бриллиантами украшенная сабля с надписью: “За отличное командование Рушукским отрядом” при следующем Высочайшем рескрипте:

“В награду отличной храбрости и примерной распорядительности, выказанных Вами во всё время командования Рушукским отрядом, с 25 июня 1877 по 1 февраля 1878 г., и в особенности при отражении неоднократных попыток неприятеля прорвать вверенную Вашему охранению оборонительную линию Всемилостивейше пожаловали Мы Вам золотую бриллиантами украшенную саблю с надписью: ‘за отличное командование Рушукским отрядом’, которую при сём препровождая, пребываем к Вам Императорской милостью Нашею благосклонны” — 26 февраля».

Прощание с армейским братством прошло строго и трогательно одновременно.

За ужином накануне отъезда цесаревича много говорили и много молчали. И поговорить, и помолчать было о чём. Дни и ночи, из которых складывались недели и месяцы жизни на фронте, потери близких и сослуживцев не прошли бесследно.

1 февраля Александр Александрович вместе с братом Владимиром Александровичем отбыл в Петербург.

Подводя итоги Русско-турецкой войны, военный историк, генерал-лейтенант Андрей Медардович Зайончковский в третьем томе «Истории русской армии» написал в том числе и о роли Александра Александровича:

«Наследник цесаревич Александр Александрович был на этой войне в роли начальника маловидного, но чрезвычайно ответственного Рушукского отряда. Этому отряду приходилось прикрывать единственную переправу через Дунай, обеспечивать Плевненский отряд и тыл отряда Радецкого, действуя всё время против значительно превосходящих сил противника, и притом наиболее соорганизованных и опирающихся на сильные крепости.

Сначала, действуя оборонительно, Рушукский отряд остановил все наступательные порывы турок. Начальник отряда, всегда спокойный и сосредоточенный, являлся обыкновенно в наиболее важные места; его появление, его вид уже внушали войскам уверенность в успехе дела; они дрались как львы. Он поставил в своём отряде на должную высоту разведку кавалерии; выяснив какое-нибудь серьёзное изменение в положении противника, наследник цесаревич немедленно принимал быстрейшие меры для противодействия противнику, с особым искусством производя сосредоточение войск к угрожаемым пунктам; весь отряд всегда верил в силу и целесообразность предпринимаемых им мер. Редкий начальник пользовался таким авторитетом, как цесаревич в своём отряде, и редкому начальнику верили так слепо его войска, как наследнику. Всегда спокойный, уравновешенный, упорный, он эти качества перелил и своим подчинённым, и тяжёлая работа делалась в Рушукском отряде без горячки, суетливости, но спокойно и уверенно.

Когда обстановка для отряда сложилась более благоприятно, он перешёл в решительное наступление и в сентябрьских боях нанёс врагу сильное поражение. Победа цесаревича выручила русскую армию, поставленную в тяжёлое положение под Плевной и на Шипке. Новое поражение турок в ноябре навсегда отбило у них желание предпринимать какие-либо серьёзные активные действия. На Ломе стало спокойно.

Мощный русский витязь крепко стоял на страже и надёжно обеспечил с этой стороны свободу русских действий — своими мощными ударами он безжалостно разрушил все розовые мечты турок о победе».

О том, что 19 февраля в городке Сан-Стефано, недалеко от Константинополя, между Россией и потерпевшей

поражение Османской империей подписан договор, цесаревич узнал уже в Петербурге. Согласно договору Турция признавала независимость Черногории, Сербии, Румынии, а Болгария, Босния и Герцеговина получили широкую автономию. В Азиатской Турции к русским переходили Карс, Ардаган, Батум, Баязет. Также предусматривались проведение реформ в Западной Армении и выплата Турцией контрибуции.

А. М. Зайончковский писал: «В 16 часов 15 минут 19 февраля, в знаменательный день восшествия на престол Александра II и дарованного им освобождения крестьян, был подписан мир, освобождавший миллионы наших братьев православных славян от турецко-магометанского ига. В тот же день состоялся парад войск, и великий князь телеграфировал государю: “Счастье имею поздравить Ваше величество с заключением мира. Господь сподобил Вас окончить великое, Вами предпринятое святое дело: в день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского”. Государь ответил: “Благодарю Бога за заключение мира. Спасибо от души тебе и всем нашим молодцам за достигнутый славный результат. Лишь бы европейская конференция не испортила то, чего мы достигли нашей кровью”. О, как был прав государь в отношении того, что сделал с нашими блестящими результатами кровавой войны Берлинский конгресс!»

Берлинский трактат, подписанный Россией и европейскими державами летом 1878 года, стал фактически полным провалом российской дипломатии. Усилиями европейской дипломатии почти все военные победы России были сведены на нет.

Под давлением Англии Россия приняла обязательства вывести свои войска с территории Западной Армении, тем самым уничтожив единственную реальную гарантию выполнения султаном обещаний. Взамен Англия получила от Турции остров Кипр.

События Берлинского конгресса, где Россия оказалась в полной изоляции, а шесть великих держав и Турция набрасывались на неё как хищники на жертву, Александр Александрович воспринимал близко к сердцу. По мнению некоторых историков, уже тогда он выработал для себя формулу, которая затем станет самой расхожей истиной, связанной с его именем: «У России только два союзника — её армия и флот. Все остальные предадут её при первой же возможности».

Именно на войне у цесаревича возникла убежденность в необходимости для России мирного государственного развития. «Я рад, что был на войне, — говорил позже Александр III, — и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избегать ужасы войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятие и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал».

Дома

Санкт-Петербург встретил цесаревича февральской метелью и, как всегда, заполненным многолюдьем Невским проспектом. Карета подъехала по Невскому проспекту к Аничкову мосту, и на противоположном берегу Фонтанки словно вырос Аничков дворец. В нём светились домашним теплом и уютом окна.

Возвращение Александра Александровича стало в семье настоящим праздником. Он вновь мог обнять любимую Минни и родных сынишек — Николая и Георгия; взять на руки малышку Ксению, которая за эти долгие месяцы, казалось, забыла отца и с удивлением смотрела на улыбавшегося большого бородатого дядьку.

Жизнь в милом Аничковом дворце быстро вошла в привычный ритм. Возобновились домашние концерты, любимые цесаревичем вечера в кругу домашних, вновь случались выезды в театры. Но была одна сторона жизни, которая огорчала и Александра Александровича, и Марию Фёдоровну. Это была ставшая широко известной история взаимоотношений императора, отца цесаревича, и Екатерины Михайловны Долгоруковой.

Из-за этой истории в Зимнем дворце были нововведения. И они коробили душу.

Император отвёл княжне Екатерине Долгоруковой на третьем этаже дворца три большие комнаты, точно соответствовавшие его личным покоям во втором этаже. Помещения на втором и третьем этажах были соединены винтовой лестницей. По сути, Александр II завёл вторую семью. Всем было известно, что княжна не раз сопровождала императора в Крым, в Ливадию, останавливаясь на частной даче.

Отношения царя с княжной перестали быть секретом, весь двор лишь соблюдал нормы приличия.

Императрица занимала покои на втором этаже, смежные с комнатами мужа. Конечно же, она вскоре узнала о странном и оскорбительном соседстве на третьем этаже.

Цесаревич нежно любил мать, порой сильно негодовал из-за всего происходящего в Зимнем дворце, но говорить с отцом на тему появления Долгоруковой не мог. И сын, и невестка как могли поддерживали императрицу, которая уже не принимала участие в жизни двора.

Минни особенно близко сошлась с императрицей во время войны, когда по примеру Марии Александровны стала уделять много внимания благотворительности и Красному Кресту. Являясь высочайшей покровительницей Красного Креста, императрица тратила огромные суммы на благотворительность. Во время войны она отказалась даже шить себе новые платья и все сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных. Вместе с невесткой она от имени Красного Креста отправляла на фронт врачей и госпитальные вещи, подарки воинам.

Последние годы туберкулёз, которым Мария Александровна заболела в 1872 году, обострился. К этому добавилось и сильное нервное истощение. Врачи говорили, что состояние здоровья Марии Александровны ухудшилось, в том числе и из-за покушений на императора, которые заставляли императрицу постоянно жить в страхе за жизнь мужа. Она много лечилась в Германии и Франции, вела достаточно уединённый образ жизни.

В высшем свете слухи по поводу связи государя с Долгоруковой росли как грибы после дождя. Одни осуждали императора за «старческую слабость», другие пытались использовать ситуацию, действуя через Долгорукову, имевшую огромное влияние на монарха.

Марию Александровну терзали горе и тяжкий недуг. Но она находила в себе силы сохранять самообладание.

В это время Александр II всё больше и всё чаще поручает цесаревичу текущие государственные дела. Наследник принимает активное участие в совещаниях правительства и оказывает существенное влияние на ход внутренней политики.

А проблем хватало: экономические, социальные, политические. Последствие гигантских расходов на войну, дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе, активизация радикального народнического движения.

Призывы радикалов к «чёрному переделу», создание «Народной воли», студенческие выступления, серия покушений на представителей высшей администрации накалили внутривластную обстановку в стране. Всё это вынудило правительство принять закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях против должностных лиц в ведение военного суда, установленного для военного времени», упразднить Особое присутствие Правительствующего сената, а затем обратиться к обществу с призывом о помощи в борьбе с крамолой. Но волна терроризма не стихала.

Добровольный флот

Как Александр Александрович ни старался после возвращения домой забыть о минувшей войне — она постоянно напоминала о себе.

Прошло совсем немного времени, и цесаревич возглавил общероссийское движение по созданию так называемого народного Добровольного флота. О том, что государство не может существовать без флота, он убедился во время Русско-турецкой войны. Тогда и речи не могло идти о том, чтобы дать туркам отпор на море. И это Россия, ставшая ещё во времена Петра I морской державой и прославившаяся именами великих флотоводцев!

Причиной возникновения движения стала очередная военная угроза — враждебные действия Англии. Англичане не хотели признавать положения Сан-Стефанского договора между Россией и Османской империей и ввели в Мраморное море большую эскадру. Это был настоящий шаг устрашения. Британский флот стал реальной угрозой фактически беззащитному русскому Причерноморью.

Парижский мирный договор 18 марта 1856 года, навязанный России после Крымской войны Англией и Францией, практически запрещал иметь флот на Чёрном море. Даже после того, как Пруссия разгромила Францию и 1 октября 1871 года Россия отказалась выполнять статьи Парижского мира, на Чёрном море не появилось ни боевых кораблей, ни верфей, где бы их могли построить, ни железнодорожной сети.

Чтобы не раздражать Англию и Францию, в 1869 году контр-адмирал Андрей Александрович Попов предложил под видом плавучих батарей построить два круглых броне-

носца, которые в народе сразу же окрестили «поповками». Морское ведомство восприняло этот проект всерьёз. Кое-кто шутил, что к таким курьёзам, как Царь-пушка, никогда не стрелявшая, и Царь-колокол, никогда не звонивший, прибавились два абсолютно бесполезных круглых судна. Других же боевых судов на Чёрном море Россия не имела. В одном из писем Константину Петровичу Победоносцеву наследник заметил: «Морское министерство не желает обращать внимания на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками».

Ввиду реальной военной угрозы правление Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству высказалось о необходимости приобретения быстроходных судов, которые после вооружения могли бы в военное время использоваться для борьбы с кораблями противника. И решило ходатайствовать об открытии повсеместной подписки по сбору народных средств.

В марте 1878 года в Москве был учреждён Главный комитет для организации Добровольного флота. Затем начали создаваться местные комитеты в губерниях. После этого приступили к сбору денег.

28 апреля 1878 года многие газеты опубликовали обращение Главного комитета для организации Добровольного флота:

«Враг наш силён на море. И числом, и громадностью средств морские силы его далеко превосходят наши. Но есть возможность нанести ему и на морских путях чувствительный удар. Кто не знает, что все интересы врага нашего сводятся к барышу и наживе? Он обладает громадным купеческим флотом. Тридцать тысяч судов его покрывают океаны вселенной. Вот куда следует направить удар.

В то время, когда враг запрёт наши моря и, как в Крымскую войну, будет жечь и грабить беззащитные селения на берегах наших, торговый флот его на просторе океанов да подвергнется в свою очередь бедствиям войны. Для этого нам нужны быстрые и крепкие суда, которые являлись бы неожиданною грозой на морских торговых путях нашего врага.

Последняя война покрыла славой русских моряков, сражавшихся на утлых судах с грозными броненосцами и выходявших победителями из борьбы столь неравной. Дайте им настоящие морские суда, пошлите их в океаны на ловлю вражеского купеческого флота, и враг наш раскается в своей самонадеянности.

Дети земли русской, вы, вставшие как один человек, каждый раз, когда опасность угрожала святой матери нашей России, вы и на этот раз единодушно откликнетесь на её призыв и всем миром создадите Добровольный флот, который вновь покажет свету, на что способен русский народ, когда он станет на стражу чести своего Отечества.

Но время не терпит. Надо действовать быстро. Хочешь мира — готовься к войне».

Российский народ живо откликнулся на призыв. Пожертвования шли из всех уголков огромной империи.

Уже к началу мая было собрано более двух миллионов рублей, а к концу года — три миллиона семьсот тысяч рублей.

11 апреля по решению императора Александра II был учреждён Комитет по устройству Добровольного флота. Председателем Комитета стал цесаревич Александр Александрович, а вице-председателем — статс-секретарь Константин Петрович Победоносцев.

Комитет включал в себя три отделения: учредительное, хозяйственное и военно-морское. Военно-морское отделение возглавлял адмирал Константинович Николаевич Посьет. На основании представления К. П. Посьета Комитет определил главные требования для закупки судов за границей. Было решено закупать быстроходные океанские суда крейсерского типа.

Первый контракт с известной немецкой судоходной компанией Гамбургско-американского акционерного общества на приобретение у неё трёх океанских грузо-пассажирских пароходов был подписан 6 июня 1878 года. А у фирмы Круппа для этих пароходов была куплена артиллерия — три 210-миллиметровых, шесть 170-миллиметровых и десять 150-миллиметровых орудий, а также боекомплект — по 280 выстрелов на орудие.

После прибытия в Кронштадт товаро-пассажирские пароходы были вооружены и зачислены в списки военного флота как крейсера «Россия», «Москва» и «Петербург».

Таким образом, спустя три месяца после учреждения Главного комитета для организации Добровольного флота Добровольный флот уже реально существовал.

Через двадцать дней после первой покупки у той же немецкой судоходной компании был приобретён очередной пароход, переименованный в «Нижний Новгород». Так уже с первых шагов сложилась традиция: судам Добровольного флота присваивать названия губернских городов в зависимости от величины пожертвований.

В связи с завершением в июле 1878 года Берлинского конгресса, пересмотревшего условия Сан-Стефанского договора, международная обстановка стабилизировалась и угроза войны с Англией исчезла. Купленные суда с 1 августа передали в распоряжение Комитета Добровольного флота для коммерческой деятельности.

Поскольку Комитет не был приспособлен для руководства хозяйственной деятельностью компании, его преобразовали в Общество Добровольного флота и передали в ведение Министерства финансов.

Свои возможности суда Общества впервые показали в операции 1878—1879 годов по возвращении русских войск из Варны и Бургаса в Одессу и Севастополь. Эту работу выполняли «Россия», «Москва» и «Петербург».

Первая морская операция пароходов Добровольного флота была выполнена успешно. Этот факт император Александр II засвидетельствовал собственноручной резолюцией: «Спасибо за хорошее начало».

По уставу, утверждённому императором в мае уже следующего, 1879 года, основная задача Общества заключалась в эксплуатации судов Добровольного флота в мирное время и их использовании в военных целях по требованию правительства.

«Нижнему Новгороду», переоборудованному в Марселе под тюремное судно, пришлось свой первый рейс совершить на Сахалин с ссыльными и каторжниками. 7 июня 1879 года он вышел с этими семьями необычными «пассажирами» из Одессы, положив начало регулярным рейсам судов Добровольного флота на Дальний Восток.

Александр Александрович с самого начала добросовестно относился к возложенным на него функциям председателя Комитета по устройству Добровольного флота. Он не только следил за прессой, за перемещениями судов, но и встречался с моряками, плававшими на этих пароходах, интересовался их проблемами.

8 мая 1879 года Константин Петрович Победоносцев признавался: «Год тому назад, когда внезапно упало на мои плечи дело Добровольного флота, я не мог предвидеть, что выйдет. А теперь вижу, что это дело повернуло меня совсем в другую сферу привычек, дел и отношений. Я перестал уже читать книги — и читаю людей: совсем иного рода литература».

В 1880 году из-за обострения отношений с Китаем Морское министерство использовало пароходы Добровольного флота — «Москву», «Петербург» и «Владивосток» — для

усиления Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала Степана Степановича Лесовского.

Позднее, приняв императорский венец, Александр Александрович передал управление Добровольным флотом Морскому министерству. В бюджет министерства была внесена графа о субсидировании флота. Благодаря государственной поддержке численность судов Добровольного флота непрерывно возрастала и он стал играть всё более заметную роль в расширении российских военно-морских сил.

Михаил

Разноцветье сентябрьской осени в Петербурге 1878 года уже к октябрю поблёкло, а к ноябрю в городской палитре стал доминировать серый и чёрный цвет. Но город жил, словно не обращая внимания на унылость петербургской погоды.

В помещении Александровской гимназии были открыты Высшие женские курсы. Они получили название Бестужевских, так как во главе педагогического совета стоял профессор Константин Николаевич Бестужев-Рюмин — председатель Славянского благотворительного общества, стараниями которого были организованы курсы.

По окончании Всероссийской теннисной ярмарки в Петербурге был принят манифест о всемерном развитии лаун-тенниса в России.

На Новом Адмиралтействе спущен на воду композитный клипер «Наездник».

В мастерских Кронштадтского порта изготовлена первая отечественная торпеда.

На Васильевском острове, поблизости от Главной физической обсерватории — метеорологического центра России, начались регулярные измерения уровня воды.

На берегу реки Фонтанки построено здание Малого театра и сдано в аренду Дирекции Императорских театров как вспомогательная сцена для выступлений Александринского театра.

Открыто движение по Невской пригородной конно-железной дороге — от Знаменской площади, вдоль Шлиссельбургского тракта, до села Мурзинки.

Во вторник, 21 ноября, в сумерки, после четырёх часов пополудни, были проведены первые в Петербурге опыты по освещению электрическими «свечами П. Н. Яблочкова».

Местом их проведения стал Михайловский манеж. Опыты признаны удачными. Было решено использовать электроэнергию при помощи «свечей Яблочкова» для освещения Мариинского театра.

«Петербургское общество любителей бега на коньках» решило провести первые состязания русских фигуристов на своей главной «спортивной базе» — катке в Юсуповском саду.

Театралы двух столиц обсуждали новую пьесу Александра Николаевича Островского «Бесприданница». Не оставили её без внимания и в Аничковом дворце. Вслед за Москвой, 22 ноября, в среду, была назначена премьера на сцене Александринского театра, здание которого было видно из окон гостиной Аничкова дворца.

Но в ту среду цесаревич не смотрел в сторону театра, сада и памятника Екатерине II. Тема его дневниковой записи была слишком волнительной:

«22 ноября (4 декабря). Среда, Петербург; рождение нашего маленького Михаила.

Утром в 10 ч. поехали встретить Папá на станцию Ник. ж. д. Там были собраны всё семейство, свита и офицеры гарнизона Петербурга.

Все кавалер. офицеры верхом и вся дорога от станции до Зимнего Дв. была полна войск всей Гвардии.

Я поехал с Папá в коляске и заезжали в Казанский собор, а потом поехали в Зимний Дв.

Погода была сырая и тёмная, но не холодно.

Вернувшись гулял с детьми, Минни несмотря на то, что чувствовала небольшие боли, поехала ещё кататься.

К обеду приехали к нам Папá, Владимир с женой, Алексей, Сергей и Павел. — Минни уже не была в состоянии прийти к обеду и оставалась у себя в уборной под предлогом головной боли.

В ½ 8 все разошлись и разъехались.

В ½ 9 я должен был ехать на станцию встретить Д. Мишу и Т. Ольгу, которые приехали из Тифлиса, но конечно не поехал. Около ½ 9 вечера боли ещё больше усилились и участились так, что я уговорил Минни лечь в постель.

Через час всё было кончено и в ½ 10 родился Михаил Александрович.

Минни и я были страшно счастливы и благодарили Господа за Его милость к нам и что Он благословил мою милую душку жену. Эта минута всегда торжественная и оставляет глубокое и сильное впечатление и подобные минуты в

жизни не забываются. Слава Богу, всё шло отлично и Красовский был очень доволен.

Я сейчас же написал Папá и телеграфировал Мамá в Ливадию.

Папá приехал к нам около $\frac{1}{4}$ 11 ч. и был тоже очень счастлив.

К 12 $\frac{1}{2}$ ч. ночи всё было кончено и Минни заснула спокойно и спала ночь очень хорошо. — Я счастлив! очень счастлив!»

Младший сын цесаревича родился в день Архангела Михаила, в честь которого и получил своё имя. Ни при каких обстоятельствах он не мог рассчитывать на скипетр и корону, поэтому вёл довольно счастливую беззаботную жизнь: по мнению многих, Михаил был баловнем судьбы, он увлекался автомобилями, спортом, скачками...

На следующий день появился манифест императора Александра II о рождении великого князя Михаила Александровича:

«В день 22 сего ноября любезная Наша Невестка Цесаревна Великая Княгиня Мария Фёдоровна, супруга любезного Сына Нашего Цесаревича Наследника разрешилась от бремени рождением Нам Внука, а Их Императорским Величествам Сына, наречённого Михаилом».

С рождения Михаил именовался государем великим князем с титулом Императорского высочества. При утверждении в 1886 году новой редакции «Учреждения об Императорской фамилии» было решено, что древний титул «государь» отныне будет применяться лишь к императорам и императрицам. Все великие князья, великие княгини и великие княжны утратили эту прибавку к своим титулам.

На берегу Финского залива

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1879 год

— Отправился по Московской железной дороге в село Ивановское, Льговского уезда, Курской губернии на погребение тела умершего фельдмаршала кн. Барятинского — 12 марта.

— Возвратился обратно в С.-Петербург — 18 марта».

Русско-турецкая война, как и все войны, разделила жизнь многих семей на «до» и «после». Семья цесаревича Александра Александровича не стала исключением. Хотя,

возможно, это только казалось, что жизнь «после» кардинально изменилась: просто прибавилось много новых дел.

Цесаревич старался по возможности, чтобы жизнь вернулась в прежний размеренный и понятный ритм. Старался успевать не только с делами, но и с любимой музыкой и театром. Его дневник наглядно демонстрирует это:

«1879. 20 января. Понедельник. В ½ 9 мы отправились в Михайловский дв[орец] на концерт нашего хора любителей и певчих гр[афа] Шереметева в пользу семейств убитых и раненых Л[ейб] Гвард[ии] Егерского полка. Концерт удался отлично, и, кажется, сбор будет хороший...»

«1879. 14 марта. Пятница. В ¼ 10 отправились с Минни в Зимний дв[орец]. Т[ётя] Ольга с Николаем тоже. В ½ 10 собрался в Белой зале весь наш хор любителей; мы нарочно приготовили программу для Мама́ и исполнили, кажется, недурно, и все слушатели остались довольны...»

«1880. 5 февраля. Четверг. В ½ 10 был у нас наш музыкальный вечер, наши хоры, собрались 49 человек».

«1880. 27 февраля. Пятница. В ½ 10 был у нас музыкальный вечер и приглашённых было много. Папа́ мы встретили с гимном, и потом было “Ура!”. Играли особенно удачно и стройно...»

После возвращения цесаревича в Санкт-Петербург семья стала чаще ездить в Петергоф, на южный берег Финского залива.

Прекрасный живописный садово-парковый ансамбль в английском стиле славился своими фонтанами, которые по приказу Екатерины II спроектировал архитектор Камерон. Дети очень любили бывать в Петергофе, так как огромный парк был открыт и доступен публике, здесь всегда было много народу.

Семья цесаревича располагалась в дворцово-парковом ансамбле Александрия, созданном в Петергофе во второй четверти XIX века. Ансамбль размещался восточнее Нижнего парка и занимал площадь сто пятнадцать гектаров. В 1825 году император Александр I передал этот участок младшему брату — великому князю Николаю Павловичу. Николай I распорядился построить здесь на территории бывшего Охотничьего парка маленький дворец и подарил его своей супруге — императрице Александре Фёдоровне. В её честь парк и называли Александрией. Он создавался при участии многих известных архитекторов.

Достопримечательностью Александрии была прекрасная церковь Александра Невского, которую именовали

Готической капеллой. Она была построена в 1834 году по проекту немецкого зодчего Карла Фридриха Шинкеля, по праву считавшегося лидером европейского романтического реализма. Восемь башен капеллы были увенчаны вызолоченными православными крестами.

Недалеко от Готической капеллы в 1828—1830 годах архитектор Адам Адамович Менелас построил так называемую Ферму — одноэтажное здание, которое в 1838—1859 годах было перестроено в двухэтажный Фермерский дворец императора Александра II.

Как вспоминала дочь Александра Александровича великая княгиня Ольга Александровна, жизнь в Александрии была простой, тихой и спокойной: «Папá вставал рано и шёл в лес по грибы, к обеду он приносил большую корзину грибов. Иногда вместе с ним отправлялся кто-нибудь из нас, детей. Но царский труд не позволял Папá отдохнуть в настоящем смысле этого слова. Каждое утро из Петербурга приезжали министры и другие чиновники, и отец был занят как всегда». Ольга Александровна вспоминала о более позднем времени, когда цесаревич уже принял императорскую корону, но и до 1881 года жизнь семьи в Петергофе, на берегах Финского залива, была такой же размеренной.

В восточной части Александрии находилась главная постройка — дворец Коттедж. Он был возведён в 1826—1829 годах Адамом Адамовичем Менеласом в стиле английской готики. Дворец представлял собой двухэтажное здание с мансардой. Полукруглое гранитное крыльцо, крытые балконы, террасы, окна-эркеры, ажурные чугунные аркады создавали неповторимый чарующий облик.

Александр Александрович ещё в детстве часто бывал в Александрии. Его всегда привлекали и восхищали произведения искусства, которые хранились во дворце.

В прекрасных залах Коттеджа — Гостиной, Библиотеке, Большой приёмной, Столовой и Малой приёмной, Морском кабинете Николая I, а также в Синем кабинете Александра II в Фермерском дворце были собраны коллекции картин, фарфора, хрусталя, мебели. Среди них истинный шедевр — канделябры и часы в виде фасада Руанского собора, сделанные русскими мастерами Императорской фарфоровой мануфактуры в 1800 году, украшенные росписью на сюжеты поэмы Вергилия «Георгики». Часы были подарены в 1807 году Александру I во время заключения Тильзитского мира. Другой камин был украшен часами — моделью Реймского собора.

В Коттедже находилось собрание картин как русских мастеров — И. К. Айвазовского, О. А. Кипренского, С. Д. Щедрина, К. П. Брюллова, так и западноевропейских — Т. Гюдена, Ф. Таннера. Нашлось в Коттедже место и для коллекции фарфоровых статуэток, созданных в XIX веке по моделям знаменитых мастеров XVIII века И. И. Кендлера и М. В. Асье на Мейсенской фарфоровой мануфактуре.

Ценнейшая библиотека насчитывала тысячу томов, в том числе сочинения Дж. Г. Байрона, Т. Мора, Ф. Купера, В. Гюго, Ф. Шиллера, И. В. Гёте, В. Скотта, а также А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. И. Лажечникова, В. Ф. Одоевского и др. В книжную коллекцию Коттеджа входили также труды по истории, географии, религии, генеалогии, военные и морские уставы, «Свод законов Российской империи», составленный Николаем I.

В июне 1879 года Мария Фёдоровна отправилась с детьми к родителям в Копенгаген. Александр Александрович очень скучал.

«...Ты не можешь себе представить, — писал цесаревич 30 июня 1879 года Марии Фёдоровне, — что я чувствовал, видя эти милые комнаты, где ещё так недавно мы жили так счастливо все вместе. Мне вдруг сделалось так грустно, так было всё пусто кругом меня, я взошёл в спальню и там на коленях горячо молился перед образами за тебя, моя душ-ка, и за милых детей и просил моих дорогих Ан-Папá и Ан-Мамá, чтобы они не забывали нас в своих молитвах, как до сих пор нас не забывали и благословляли!..»

Коллекционеры

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1879 год

— Отправился на собственной яхте “Цесаревна” в Сток-гольм — 8 августа.

— Куда прибыл — 12 августа.

— Из Стокгольма в Бернсдорф — 16 августа.

— Куда прибыл — 19 августа.

— Из Копенгагена с Августейшею супругою Государынею Великою Княгинею Мариею Фёдоровною отправился в Париж — 3 октября.

— Куда прибыл — 6 октября».

В Париже цесаревич и цесаревна встретились со старым знакомым — художником Алексеем Петровичем Боголюбовым. После памятной поездки по Волге, где они познакомились, Александр Александрович не раз виделся с живописцем, приобрёл несколько его картин. Именно Алексей Петрович занимался с цесаревной живописью.

В своих воспоминаниях А. П. Боголюбов отмечал, что Мария Фёдоровна была очень способна к рисованию.

В дневниках цесаревича содержатся записи о регулярных занятиях цесаревны с А. П. Боголюбовым: «15 (27) мая. — Пятница. Переодевшись, читал, а потом пошёл к Минни, которая рисовала с Боголюбовым и Жуковской... В 2 ¼ Минни пошла снова рисовать, а я читал до 4-х ч. Потом играли с женой на корнете и фортепианах...»; «15 (27) января 1871 г. — Пятница. Пошёл к Минни, которая рисовала в новой гостиной с Боголюбовым, гр. Апраксиной и Олсуфьевым. В ½ 2 завтракали все у меня в кабинете... В ½ 3 снова Минни пошла рисовать, а я читал».

Мария Фёдоровна рисовала сепией, акварелью, масляными красками. Она сделала две копии с работ французского художника Ж. Л. Э. Мэйсонье. Первая — с его картины «Мушкетёр», написанная маслом, носила название «Воин XVII в.». Вторая — с картины «Курильщик» под названием «Мужчина с трубкой» — была также исполнена маслом. Долгое время полотна украшали стены музея Аничкова дворца. По оценке Боголюбова, обе работы были выполнены с удивительным терпением и их «почти нельзя отличить от подлинников».

А. П. Боголюбов вспоминал: «Цесаревич часто заходил в рабочую нашу комнату в Аничковом дворце... Наследник цесаревич следил за успехами Её высочества. Работы цесаревны были весьма разнообразны: один раз она рисовала сепией, в другой раз акварелью, а также писала и масляными красками. Достойны удивления две капитальные копии Её высочества с Мэйсонье... Над первой цесаревна провела с удивительным терпением год и два месяца, а над второю — семь месяцев, причём я должен сказать, что надо быть очень тонким знатоком, чтобы, бросив на них взгляд, не признать за оригиналы — так они близки, по краскам и по тонкости исполнения, к настоящему Мэйсонье. Вскоре альбом Её высочества стал наполняться всевозможными рисунками и чертежами».

Цесаревна также написала пейзаж под названием «Вид Коттеджа в Петергофе», который в течение долгого време-

ни висел в Аничковом дворце в кабинете Александра Александровича.

Большой интерес у современников вызвал исполненный цесаревной в 1870 году портрет Ивана Любушкина. Называлась картина «Этюд мужской головы». Много лет спустя эта картина была включена в состав экспозиции Русского музея.

С 1874 года профессор Санкт-Петербургской академии художеств Боголюбов из-за серьёзной болезни был вынужден большую часть времени проводить в Париже, приезжая на родину только летом.

В парижской мастерской А. П. Боголюбова по вторникам проходили творческие встречи русских художников и писателей. Посещали «боголюбовские вторники» и молодые художники, которых как пенсионеров Санкт-Петербургской академии художеств курировал Алексей Петрович. Он знакомил молодых художников с французским искусством, доставал выгодные заказы, помогал устраивать выставки. Боголюбов оказал влияние на многих молодых русских живописцев, находившихся в те годы во Франции. Харламов, Репин и другие русские художники с успехом демонстрировали свои работы на выставках Парижского салона. В 1875 году на «боголюбовских вторниках» возникла идея устроить керамическую мастерскую в Париже, где смогли бы работать русские художники. Вскоре мастерская стала работать в доме художника и владельца фабрики по росписи керамики Франсуа Жилло.

В 1877 году русская колония в Париже решили отметить взятие Плевны русскими войсками основанием «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Общество выдавало ссуды и пособия нуждающимся художникам, проводило рисовальные вечера, на которых позировали модели, предоставляло бесплатно мастерскую, организовывало работу художников в музеях и оказывало помощь учащимся.

Среди учредителей общества, помимо А. П. Боголюбова, были скульптор Марк Матвеевич Антокольский, один из крупнейших мастеров морского пейзажа Александр Карлович Беггров, живописец Алексей Алексеевич Харламов, писатель Иван Сергеевич Тургенев, посол России в Париже, князь, военный писатель и общественный деятель Николай Алексеевич Орлов. Николай Алексеевич был избран первым президентом общества. Председателем общества стал Алексей Петрович Боголюбов, секретарём — Иван Сергеевич Тургенев.

На вечерах общества, как и на «боголюбовских вторниках», И. С. Тургенев нередко читал свои произведения. Среди постоянных гостей были литературный критик Павел Васильевич Анненков и писатель Алексей Константинович Толстой.

С некоторыми членами общества цесаревич и цесаревна познакомились во время визита в парижскую мастерскую Алексея Петровича Боголюбова в октябре 1879 года. Тогда Александр Александрович и принял звание почётного попечителя «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», а великая княгиня Мария Фёдоровна была выбрана его почётным членом.

До этого приезда в Париж цесаревич и цесаревна в основном посещали мастерские датских художников. Это случалось всякий раз во время их визитов в Данию. Встречи с художниками в их мастерских всегда заканчивались покупками наиболее понравившихся картин. Цесаревич писал в дневнике:

«22 августа 1870 г. Из музея отправились в мастерскую художника Йоргенсена, который живёт на берегу моря в собственной даче. Осмотрели у него пропасть эскизов и начатых картин, но законченных было очень мало. Я купил большую картину, бурный вид у берегов Скагена, прелесть как хорошо сделанная. Минни тоже купила маленькую, и, кроме того, мы заказали ещё две картины».

«27 августа 1870 г. поехали в мастерские двух художников: Блоха и Неймана, где я заказал две картины; в особенности мне понравились картины Неймана, молодого художника с большим талантом. Минни также заказала себе картину у него. Он рисует только морские виды».

В Париже цесаревич и цесаревна дважды посетили мастерскую скульптора Марка Матвеевича Антокольского. Именно Антокольский точно и чётко сформулировал задачи созданного «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже»: «Интересы этого кружка не парижские, а русские вообще».

У Марка Матвеевича царственная чета приобрела работу «Христос перед судом народа».

Марк Матвеевич Антокольский при встрече с коллегами-художниками очень тепло отзывался о визите Александра Александровича и Марии Фёдоровны. Позднее он сделал прекрасную скульптуру императрицы Марии Фёдоровны, которая украшала собрание Русского музея, а копия

её была установлена в Копенгагене во дворе русской церкви Благоверного князя Александра Невского.

Августейшая пара посетила мастерские Василия Дмитриевича Поленова и Ильи Ефимовича Репина, которые были членами Парижской академии художеств. И. Е. Репин так писал об этой встрече с цесаревичем: «Наследник очень любил живопись, был человеком далеко не суровым. Простой в обращении, с удивительно мягким, располагающим тембром голоса. Наследник сам занимался живописью. В Париже, в сопровождении Боголюбова, наследник за просто на простом извозчике приехал ко мне в мастерскую. Расспрашивая о работах, наследник остановил моё внимание на эскизах Садко и заказал мне написать картину».

В письме Ивану Николаевичу Крамскому из Парижа Репин писал: «...А наследник, вчера посетивший, в числе других, и мою мастерскую, показался мне чудесным, добрым, простым без аффектации, семейным человеком. Настоящий позитивист, подумалось мне, не выражает энергии понапрасну...»

Конечно, в Париже цесаревич и цесаревна посетили и даже изучили многие музеи: Лувр, Люксембургский музей, Клюни, Академию художеств, Севр. С интересом осмотрели фабрику гобеленов.

А. П. Боголюбов оставался главным экспертом императора и императрицы в области создания коллекции. Вкусу Боголюбова цесаревич доверял, и с его помощью были сделаны заказы на полотна известных немецких и французских мастеров, куплены картины и на европейских аукционах, в том числе А. Ахенбаха «Вечерний вид моря», О. Ахенбаха «Вид Неаполя», Л. Кнауца «Семейное гнёздышко», Ш. Жака «Овчарня», А. Невиля «Эпизод Франко-прусской войны 1870 г.», Ф. Зима «Гавань в Константинополе».

В середине 70-х годов цесаревич и цесаревна приобрели коллекцию разорившегося предпринимателя и мецената Василия Александровича Кокорева, в которой были полотна Карла Павловича Брюллова, Василия Лукича Боровиковского, Фёдора Антоновича Бруни, Михаила Константиновича Клодта, Петра Васильевича Басина, Николая Егоровича Сверчкова и других художников.

Картины самого А. П. Боголюбова, главным образом его морские пейзажи, украшали столовую Александровского дворца, которая позже даже получила название «Боголюбовский зал».

Кроме того, желая поддержать русских художников морально и материально, цесаревич выступил в роли мецената и вместе с супругой заказал ряд картин: Константину Аполлоновичу Савицкому — «Путешественники в Оверни»; Василию Дмитриевичу Поленову — «Арест гугенотки Жакобин де Монтебель, графини д'Этремон»; Виктору Михайловичу Васнецову — «Балаганы в окрестностях Парижа»; Николаю Дмитриевичу Дмитриеву-Оренбургскому — «Водосвятие в деревне», Александру Карловичу Бегрову — виды яхт.

Цесаревич позировал Ивану Николаевичу Крамскому. Большой портрет Александра Александровича кисти знаменитого мастера экспонировался на Выставке Товарищества художников-передвижников. Затем Крамскому был заказан портрет цесаревны Марии Фёдоровны, который он и исполнил с большим мастерством.

После создания Товарищества передвижных художественных выставок царская чета регулярно посещала выставки передвижников и покупала наиболее понравившиеся картины. Члены товарищества А. М. Васнецов, В. Е. Маковский, В. И. Суриков, В. Д. Поленов, В. В. Верещагин, В. А. Серов получали регулярные заказы царской семьи, и их картины также вошли в коллекцию Аничкова дворца, а позже стали достойным вкладом в коллекцию Русского музея.

Так постепенно Александр Александрович и Мария Фёдоровна формировали музей Аничкова дворца.

Очень часто цесаревич и цесаревна вместе проводили и различные реставрационные работы — сами вновь покрывали картины лаком. Супруги также решали совместно вопросы о необходимости приобретения новых рам и определяли, какими будут эти рамы.

В двух залах дворца были размещены различные предметы искусства. Картины висели на всех стенах, стояли на мольбертах и даже на стульях. Столы были завалены драгоценными мелочами, альбомами, бюстами из бисквита и кости. В коллекции было много прекрасных изделий из стекла и фарфора. С приездом Марии Фёдоровны в России укрепились уже получившая признание в Европе мода на изделия из фарфора Датского Королевского фарфорового завода. Во время визитов в Данию супруги посещали Королевский фарфоровый завод, интересовались его изделиями и многое приобретали.

Позже, уже после восшествия Александра III на престол, для Эрмитажа было куплено парижское собрание древних раритетов — русское и западноевропейское оружие, изделия из серебра и слоновой кости — известного коллекционера, мецената и дипломата Александра Петровича Базилевского.

На Лазурном Берегу

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1879 год

— Из Парижа отправился с Её Высочеством в место пребывания Государыни Императрицы в г. Канн — 11 октября.

— Куда прибыл — 12 октября».

На Лазурном Берегу Средиземного моря, в Каннах, на вилле *Villa des Dunes*, жила больная мать цесаревича, Мария Александровна.

Она приехала в небольшой городок на юге Франции после лечения в Киссингене вместе с сыновьями — великими князьями Сергеем и Павлом.

Слабое здоровье государыни окончательно пошатнулось после покушения на императора 2 апреля 1879 года. Это было третье покушение. Она узнала об этом злодеянии здесь, в Каннах. В тот день террорист Александр Соловьёв стрелял в Александра II. В 9 часов утра, когда император после прогулки возвращался в Зимний дворец, тридцатилетний студент юридического факультета выпустил в него пять пуль из револьвера, но, к счастью, неудачно. Лишь шинель императора оказалась прострелена в нескольких местах.

«Бог спас Папá удивительным образом, и он вернулся домой невредимым... — записал цесаревич Александр Александрович в дневнике. — Папá взошёл, раздалось такое “ура”, что просто страшно было... Папá вышел на балкон, и вся масса народа приветствовала его единодушным “ура”! Вся площадь была наполнена народом целый день. Вечером была иллюминация... Благодарю Господа за чудесное спасение дорогого Папá от всего нашего сердца. Слава Тебе Господи, слава Тебе».

Вскоре после покушения цесаревич отметил в дневнике, что «время положительно скверное, и если не взяться

теперь серьёзно и строго, то трудно будет поправить потом годами!». Месяц спустя Александр Александрович писал отцу в Ливадию, что «последнее время в Петербурге тихо и никаких новых выходов и безобразий со стороны пропагандистов не было. Только бы теперь не засыпали, а продолжали бы деятельно раскрывать зло. Надо надеяться, что изыщут средства, чтобы искоренить зло и не допускать впредь этих безобразий последнего печального и тяжёлого времени! Не знаю, почему закопались так с Верховным уголовным судом над Соловьёвым и до сих пор не приступили к нему?»

Государь, в свою очередь, отвечал сыну: «Дай Бог, чтобы строгие меры, принятые в главных центрах революционной пропаганды, раскрыли наконец настоящих деятелей».

Вся семья переживала покушение на императора 2 апреля 1879 года. Но для Марии Александровны это событие стало поворотным. После этого происшествия она уже не поправилась. Самоотверженная и преданная фрейлина А. А. Толстая позже вспоминала:

«Я, как сейчас, вижу её в тот день — с лихорадочно блестящими глазами, разбитую, отчаявшуюся.

— Больше незачем жить, — сказала мне она, — я чувствую, что это меня убивает.

Она произнесла эти слова с некоторой горячностью, не свойственной её натуре. Затем она добавила:

— Знаете, сегодня убийца травил его, как зайца. Это чудо, что он спасся».

Сыновья знали, что покушение на отца сильно подействовало на мать. Как знали, что наверняка не менее сильно могло подействовать на больную и известие о том, что император уехал в Ливадию с Екатериной Долгоруковой. Но об этом при встрече в Каннах никто не говорил.

Конечно, Мария Александровна всё знала, ибо была слишком умна и впечатлительна для того, чтобы заниматься самообманом. Она страдала все четырнадцать лет этой скандальной связи. Страдала молча и терпеливо, внешне никак не реагируя на происходившее. Не все её понимали. Особенно повзрослевшие августейшие сыновья, буквально боготворившие мать.

Всю неделю цесаревич с женой и братьями старались уделять больной максимум внимания. Они замечали, что это приносит ей пусть и небольшое, но чувство тихой радости.

А когда несколько дней пребывания Александра Александровича и Марии Фёдоровны на Лазурном Берегу по-

дошли к концу и нужно было уезжать, им показалось, что впервые за все эти дни больная улыбнулась и выразила надежду, что все они скоро увидятся на родине, в Петербурге.

Попытка номер четыре

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1879 год

— Из Канн отправился с Её Высочеством обратно в Париж — 21 октября.

— Куда прибыл — 22 октября.

— Из Парижа в Гмунден — 25 октября.

— Куда прибыл — 26 октября.

— Из Гмундена в Вену — 1 ноября.

— Куда прибыл — 1 ноября.

— Из Вены в Берлин — 3 ноября.

— Куда прибыл — 4 ноября.

— Из Берлина отправился с Её Высочеством обратно в г. Царское Село — 5 ноября.

— Куда прибыл — 7 ноября».

Из Царского Села на следующий день после прибытия из Берлина пришлось отправиться в Петербург, в Зимний дворец. Отец всё ещё находился в Ливадии, и, конечно же, за это время накопилось множество дел и невероятное количество бумаг.

Планировалось, что император 19 ноября вернётся в Москву, а на следующий день отправится в Петербург. До его приезда все дела, по возможности, будет решать наследник.

И всё шло по плану. К вечеру 19 ноября Александр Александрович сумел «одолеть» изрядное количество бумаг и решить немало дел. Остальные требовали согласования с отцом.

19 ноября около десяти часов вечера Александр II благополучно прибыл со свитой в Москву.

Въезд правителя государства в Первопрестольную сопровождался обычными восторженными криками толпы, ожидавшей его проезда по иллюминированным улицам.

Александр II приехал в Кремль. Но не успел ещё расселиться в своих апартаментах, как пришло экстренное сообщение о том, что второй поезд, отправившийся в путь на

полчаса позже первого с багажом царя и личным составом его канцелярии, на третьей версте Московско-Курской железной дороги потерпел крушение.

В ходе расследования было установлено, что причиной катастрофы стал взрыв мины, заложенной под полотно железной дороги. Взрывное устройство было приведено в действие по проводу, протянутому из дома, расположенного в двадцати метрах от железнодорожного пути. Дом был куплен незадолго до теракта человеком, выдававшим себя за саратовского мещанина Сухорукова. Позже выяснилось, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживал архангельский мещанин Лев Николаевич Гартман, а за его жену выдавала себя дворянка Софья Львовна Перовская.

Ещё летом в Санкт-Петербурге была создана подпольная революционная организация «Народная воля», которую возглавили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская и др. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертельный приговор Александру II 26 августа 1879 года — в тот самый день, когда император приехал в Ливадию. Взрыв под Москвой стал одним из первых жестких шагов, предпринятых революционерами во исполнение августовского постановления.

Неудача взрыва не охладила заговорщиков. Как стало известно потом, вскоре к террористам примкнул Степан Халтурин, устроившийся на работу краснодеревщиком в «оплот» царизма. Он-то и предложил взорвать ни больше ни меньше как резиденцию императора — Зимний дворец.

Несмотря на взрыв поезда на Московско-Курской железной дороге, Александр II благополучно прибыл из Москвы в Петербург. И успел к традиционному празднику георгиевских кавалеров. Но ещё до праздника император и цесаревич не раз и подолгу обсуждали текущие и будущие проблемы.

Высочайший приём георгиевских кавалеров проводился в Зимнем дворце ежегодно 26 ноября, в день учреждения ордена Екатериной II. В этот день в Зимний дворец собирались все кавалеры ордена Святого Георгия, находившиеся в тот момент в Петербурге, — как офицеры, так и нижние чины, кавалеры солдатского «Егория».

Церемониальная часть Министерства двора издала к этому событию «Высочайше утверждённый порядок Торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября 1879 года, в день Орденского праздника св. Великомученика и Победоносца Георгия», в котором детально прописывалась про-

цедура всего действия. В торжественном шествии принимала участие вся мужская половина императорской фамилии. Вслед за императором шествовал цесаревич Александр Александрович.

К одиннадцати часам тридцати минутам во дворце собрался весь придворный и военный бомонд, а также «все находящиеся на действительной службе и в отставке Военные и Гражданские чины, имеющие орден... или знаки отличия Военного ордена, а также военные, имеющие украшенное бриллиантами золотое оружие».

Кавалеры ордена собирались в парадных комнатах Первой половины Зимнего дворца. Нижние чины, имевшие знак военного ордена, размещались в строю, под ружьём, в Гербовом и Георгиевском залах, в Портретной галерее и Пикетной комнате.

Потом начиналось шествие по парадным залам членов императорской фамилии и кавалеров ордена. Торжественное шествие заканчивалось в Георгиевском зале. Там проходил молебен с возгласением многолетия всему Императорскому дому и всероссийскому воинству. По окончании молебна митрополит кропил святой водой августейших особ, знамёна и штандарты.

После окончания торжественной церемонии в Николаевском зале Зимнего дворца прошёл торжественный обед для кавалеров ордена. На первом этаже Зимнего дворца, в вестибюле перед парадной Иорданской лестницей, был организован обед и для нижних чинов, имеющих знак отличия военного ордена. Как было заведено, император и цесаревич посетили обед нижних чинов и выпили по традиционной чарке водки.

Через четыре дня цесаревич провёл у себя в Аничковом дворце менее торжественный, но более тёплый сбор своих боевых соратников «по делу под Мечкой». Именно 30 ноября 1877 года близ деревни Мечка под Рущуком произошёл последний бой Руцукского отряда с турецкой армией Сулейман-паши, пытавшегося прорваться через русские позиции и деблокировать Руцук.

Однополчане цесаревича второй раз собрались в манеже Аничкова дворца в «походной обстановке». Меню к этим встречам рисовал однополчанин, художник Василий Дмитриевич Поленов. Во время Русско-турецкой войны В. Д. Поленов, уже побывавший добровольцем на сербо-черногорско-турецкой войне, состоял художником-корреспондентом при штабе наследника-цесаревича. Нарис-

сованные Василием Дмитриевичем меню стали одной из составляющих ритуала встречи однополчан.

Александр Александрович ежегодно записывал на своём меню имена участников ужина, и эти меню с его росписями под стеклом и в рамках развешивались по стенам. Сначала в Аничковом, а затем в Гатчинском дворце в особой комнате Запасной половины, где висели портреты некоторых генералов 1812 года.

Накануне

Приближение Нового года для всего многочисленного императорского двора начиналось с обустройства рождественских ёлок.

Порядок проведения рождественских мероприятий в Зимнем дворце установил ещё император Николай I. Как правило, накануне Рождества в сочельник после всенощной у императрицы Александры Фёдоровны, *«гранд Мамá»*, устраивалась ёлка для детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. При этом для каждого из членов семьи устанавливалась своя ёлка, рядом с которой был свой стол для приготовленных подарков. А поскольку детей и племянников было много, то в парадных залах Зимнего дворца ставилось около десятка небольших ёлочек, а иногда и больше.

В детские рождественские подарки входили обычно различные игрушки и сладости с обязательными «конфетами». Николай I сам посещал магазины, выбирая рождественские подарки каждому из своих близких.

Ёлки ставились обычно в покоях императрицы и ближайших залах — Концертном и Ротонде.

Не забывали одарить и свиту. После раздачи взаимных «семейных» подарков все переходили в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми вещами, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре. Здесь разыгрывалась лотерея. Николай I выкрикивал карту, выигравший подходил к императрице и получал выигрыш — подарок из её рук.

Мария Александровна рассказывала своим детям, в том числе и Александру Александровичу, что, пожалуй, самый запомнившийся рождественский подарок их дед, Николай I, сделал своей дочери, их тётушке, великой княжне

Александре Николаевне в декабре 1843 года. Дело в том, что накануне в Петербург прибыл её жених. Родители скрыли это от дочери, и когда двери Концертного зала Зимнего дворца растворились, дочь Николая I нашла своего жениха привязанным к своей ёлке в качестве подарка с фонариками и «конфектами». Наверное, для неё это стало действительно рождественским чудом.

При отце, Александре II, на Рождество и Новый год стали устанавливать, как правило, пять ёлок. Из них три большие для императора, императрицы и цесаревича — «на обыкновенных столах».

Рождественское настроение овладевало и детьми, и взрослыми. По несколько часов готовили сами ёлки, а затем наклеивали билетки на книги для проведения лотереи. Все с удовольствием готовились к празднику, обдумывали, какие подарки выбрать для родных и близких, и радовались тем подаркам, которые оказывались под «их» ёлкой.

На ёлку стали приглашать и тех, кто фактически становился со временем почти членом императорской семьи, — фрейлин, гувернёров, воспитателей и нянь.

Сам праздник Рождества Христова начинался со всеобщей службы в малой дворцовой церкви. Как правило, на богослужении присутствовала лишь императорская семья. После службы все направлялись в Золотую гостиную Зимнего дворца, где стояли ёлки и находились заветные подарки.

Если Николай I и члены его семьи сами посещали магазины, выбирая рождественские подарки каждому из своих близких, то с началом террористических нападений на Александра II возможность личного посещения магазинов членами императорской семьи была исключена. Образцы подарков присылались в Зимний дворец поставщиками Императорского двора, однако из года в год они повторялись, и домочадцы императора, живя почти безвыездно во дворце, не имели ни малейшего представления о том, какие появились новинки.

После того как Александр Александрович женился и стал постоянно жить в Аничковом дворце, появился ещё один ритуал: на следующий день после семейной ёлки в Белом зале Зимнего дворца отправляться всем семейством в Аничков дворец, где были обед и ёлка «у Саши для детей».

Поставкой ёлочных наборов и «обустройством» рождественских ёлок с сюрпризами, сладостями и фруктами, картонажем, бронзовыми и другими украшениями зани-

мались кондитеры. Сохранился счёт кондитеров на изготовление рождественских наборов и ёлок за 1880 год. В нём числились две ёлки «с бронзовыми украшениями», которые обошлись по сорок пять рублей, три другие ёлки «с обыкновенными украшениями» стоили по двадцать пять рублей. Ёлочные подарки включали в себя: девяносто пять «сюрпризов французских» по два рубля за штуку, семьдесят пять кульков «конфетов» по рублю сорока трём копейкам за фунт, сто пятьдесят мандаринов по одному рублю сорока пяти копеек за десяток, сто пятьдесят яблок по рублю за десяток, девять ящиков чернослива французского по два рубля пятьдесят копеек. Чернослив был только в подарках великих князей.

Кроме этого, за границу в Канны отправили сюрпризы и конфеты императрице Марии Александровне и великим князьям Сергею и Павлу Александровичам.

От стандартного «подарочного рождественского набора» отличался только подарок Александру II. В «комплект» императора включили ящичек абрикосов «пат де абрикос» за три рубля.

То есть к Рождеству придворные кондитеры укомплектовали семьдесят пять «базовых» стандартных рождественских подарков. Но «базовый комплект», конечно, дополнялся и личными подарками членов императорской семьи.

Рождество 1880 года вся императорская семья отмечала как всегда в Белом зале Зимнего дворца. За рождественскую неделю были сделаны все необходимые визиты, и сам Новый год встречали в кругу семьи.

Утром 1 января 1880 года Александр Александрович вместе с Минни и детьми отправился в Зимний дворец, чтобы поздравить императора с Новым годом. После завтрака, по словам цесаревича, «все разъехались по домам, и остальной день прошёл спокойно и приятно».

Вечером Александр Александрович записал на новой странице дневника, под датой 1 января 1880 года:

«Да благословит Господь наступивший год, и да утешит Он нас счастьем и спокойствием нашей дорогой родины! Аминь!»

И казалось, что «счастье и спокойствие», конечно же дополненное житейскими и прочими делами, в наступившем году стало реальностью. По крайней мере об этом говорят дневниковые записи цесаревича:

«2/14 Января. Среда. Петербург. Рождение Алексея. Утро провёл дома, а в 11 ч. отправились с Минни в Зимний

Дв[орец] к обедне и поздравить Папá. Потом был большой завтрак для всех. В 2 вернулся с Минни домой, и читал и занимался до 3 ч., а потом катались с детьми на коньках.

Обедали в 6 ч. у Алексея наверху, были Папá, Владимир с женой, Д. Коко, Костя и Митя. В 8 вернулись домой, а в 9 поехали провести остальной вечер у Тези и Юрия; играли в рулетку, а потом ужинали и в 2 разъехались и легли спать. Погода постоянно стоит отличная от 2° до 5° морозу.

3/15 Января. Четверг. Петербург. Село Лебяжье. Утром был у Папá за докладами, а потом был у меня Воен[ный] Министр, с которым нужно было переговорить о Записке Баранова, по поводу защиты Балтийского моря. Остальной день провёл дома. Катались в 3 ч. на коньках с детьми. Обедали дома вдвоём с Минни, а потом читал, курил и занимался. В 10, простившись с Минни и детьми, отправился на Балтийскую ж[елезную] д[орогу] и в 10 ч. отправился с Владимиром и Алексеем в Ораниенбаум на охоту. С нами поехали: Кн. Трубецкой, Кн. Б. Ф. Голицын, Гр. Клейнмихель, Васмунд и Генер.

Вилланов — командир Учебного батальона. Приехавши в Ораниенбаум, отправились прямо в почтовых санях в Село Лебяжье и остановились в лоцманской слободке, в доме начальника лоцманов Кап[итана] 2 р[анга]. Гада. После ужина легли спать.

4/16 Января. Пятница. С. Лебяжье. Шишкино. Ораниенбаум. Петербург. Отправились в 9 ч. утра на охоту на лосей в Шишкино. Первый круг оказался пустым, потом завтракали в домике Ностица. Второй круг не удался...

[В] 5 вернулись в Лебяжье и, поспавши немного, сели обедать, а в 8 отправились обратно в Ораниенбаум, дорога отличная и ехали скоро. В 10 отправились по ж[елезной] д[ороге] в Петербург, и в 11 часов я был уже дома, и провели остальной вечер с Минни вдвоём, а в 12 легли спать.

5/17 Января. Суббота. Петербург. Крещенский Сочельник. Утром был у Папá за докладами, вернувшись домой, были с Минни и детьми у обедни и освящен[ия] воды. Потом окропили весь дворец и наши комнаты, а потом мы сели завтракать. Обедали у Папá с братьями и гостями. Вечер провели дома, читал и писал. Морозы стоят настоящие крещенские от 12° до 15°

6/18 Января. Воскресение. Петербург. Крещение. Утро провёл дома, а в 11 ч. отправился в Зимний Дв[орец] к обедне.

Папá был у службы в малой церкви с дамами, а мы все были в большой у Архиер[ейской] обедни. Выхода не было,

а после обедни был обычный крестный ход на Иордан и были собраны все знамёна и штандарты; на Неве не было особенно холодно, всего 11° и тихо. Потом завтракали у Папá в малахитовой. Вернулись домой в 2 часа. Обедали опять у Папá с братьями и были Митя и Михен. Обед был в честь Кабардинцев, по случаю их полкового праздника. После обеда зашли к Алексею, покурить и переодеться, а в 8 ч. отправились в балет “Млада”, музыка которого нам всем очень нравится, и давно не было такого милого балета. В 11 вернулись домой, а в 1 легли спать.

7/19 Января. Понедельник. Петербург. Утро провёл как всегда, а потом завтракал у Алексея и в 11 час. отправился с ним в Госуд[арственный] Совет, куда он назначен 2 числа, но не членом, а пока только присутствовать. Обедали и вечер провели дома.

8/20 Января. Вторник. Петербург. Сегодня 18° морозу, собирались вечером ехать в Лисино на охоту, но, конечно, охота была отказана. Ничего особенного сегодня не было. От Мама́ известия всё то же самое: один день лучше, другой хуже, а лихорадка всё ещё продолжается постоянно. Вчера вечером Павел вернулся из Канн. В 12 ч. я принимал массу молодых офицеров Корпуса, всей пехоты и пешей артиллерии.

9/21 Января. Среда. Петербург. Утром был у Папá, а в 12 ч. принимал у себя дома всех офицеров Кавалерии и Конной Артил[лерии] Корпуса. Потом завтракали, а в 1 час поехали на панихиду в крепость по Т. Елене. Мороз очень силен от 16° до 18° Обедали дома и вечер я тоже провёл у себя, читал и писал.

10/22 Января. Четверг. Петербург. Утро провёл у Папá. Ничего особенного не было. Завтракали у Т. Саши по случаю дня рождения (далее неразборчиво. — А. М.), а потом вернулись домой. Вечером я был в Адмиралтействе на нашей музыке и ужинал там. В 1 час легли спать.

11/23 Января. Пятница. Петербург. Утро был у Папá, потом завтракал у Алексея. В 1 час был в манеже смотр Л[ейб] Гв[ардейскому] Уланскому полку; очень хороший. Сегодня сносная погода и только 10° морозу, и поэтому снова катались на коньках с Ники. Обедали дома и вечер провели тоже.

12/24 Января. Суббота. Петербург. Утро провёл у Папá, потом завтракали у Алексея, а в 1 час был в манеже смотр Кирасирскому Ея В[еличества] полку, очень хороший. Обедали сегодня у Т. Кати с гостями по случаю 50-лет[него]

юбилея её Дяди Августа Вюртембергского, командира Прусского Гвард[ейского] Корпуса, и по этому случаю Папá и мы все были в Прусских мундирах. Вечером были в Французском театре, а вернувшись, зашли ещё к Гр. Апраксиной, где застали её сестру Софу, Гр. С. Толстую и Оболенского. В 1 час легли спать.

13/25 Января. Воскресение. Петербург. У обедни были дома, потом завтрак, вечный развод! Развод был от Семёновского полка и, в виде перемены, ординарцы были от 2-ой бригады Кирасир, так как они пришли сюда для смотров, а 1-ая бригада пошла на их места в Царское Село и Гатчину. Внутр[енний] Караул в Зимний Дв[орец] был от Кирасир Ея Величества, по крайней мере хоть это было что-нибудь новенькое! Обедали у Папá за семейным столом. Потом поехали в балет, а в 11 вернулись домой. Легли спать в 1 час.

14/26 Января. Понедельник. Петербург. Утром был у Папá, а потом завтракали у Алексея. В 1 отправился на смотр в манеж Гв[ардейской] Стр[оевой] бригады и 3-го бат[альона] Новочеркасского полка; всё было очень хорошо. Остальной день провёл дома и вечер тоже.

15/27 Января. Вторник. Петербург. Гатчина. Утро провёл у Папá и завтракал у Алексея. В 1 отправился в манеж на смотр Кирасирского Его Величества полка; тоже отлично. Остальной день был дома. В 7 был у нас обед для Бар. Лангенау, Австрийского посла, и его жены по случаю их отъезда. Были приглашены ещё Кн. Суворов, Кн. и Княгиня Воронцовы, Н. К. Гирс, Бар. Бежтоньсгейм, Капит. Клент, Кн. Оболенский и Гр. Апраксина.

В 9 ч., простившись с Минни и детьми, отправился на охоту в Гатчину с Папá, братьями и проч[ими] приглашёнными. Я целый год не был в милой Гатчине и рад был снова попасть туда в наши симпатичные комнатки.

16/28 Января. Среда. Гатчина. Петербург. Встали в 8, а в 10 собрались в арсенале к кофе. В 11 отправились с Владимиром, Алексеем, Гр. Хрептовичем и Воронцовым в олений парк...

Вернулись домой в 4 часа. Немного поспали, а в 7 обедали в арсенале. В 9 отправились обратно в Петербург. В 10 ч. был дома, и остальной вечер провели с Минни вдвоём. В 1 час легли спать.

17/29 Января. Четверг. Петербург. Утро провёл у Папá и потом завтракал у Алексея, и в 1 отправился в манеж на смотр Артил[лерийской] бригады и пешей учебн[ой] Бата-

реи. Всё сошло благополучно. Остальной день провёл дома и принимал. Обедали дома с Минни, а в 8 ч. она отправилась в оперу, а я в Адмиралтейство на музыку и ужинал там. В 1 час легли спать.

18/30 Января. Пятница. Петербург. Утро провёл у Папá. Завтракал у Алексея, а в 1 отправился на смотр 2-ой и 5-ой Конной Бата[реи] и учебной Конной с Казачьим арт[иллерийским] взводом. Тоже Папá остался очень доволен. Вернувшись, принимал до 3, а потом катался с детьми на коньках. Обедали дома, потом Минни поехала в Русский театр на бенефис Савиной, а я ещё остался читать и заниматься. Около 10 ч. отправился тоже в театр. В 12 вернулись и легли спать около 1 часу.

19/31 Января. Суббота. Петербург. Утром был у Папá, а потом завтракали у Алексея с А. Б. Перовским. В 1 час был смотр Учебному батальону, 4-му бат[альону] Новочеркасского полка и Учебн[ому] Эскадрону, и все эти части представились в отличном виде. Остальной день провёл дома; гуляли с детьми в саду, опять тает и 3° тепла. В 6 ч. обедали у нас Папá, Владимир, Михен, Алексей, Павел, Костя и Митя. Вечером были в Французском театре. Легли в 1 спать.

Сегодня в 2 ч. дня Мамá, Слава Богу, благополучно выехала из Канна в обратный путь в Россию вместе с Мари и Сергеем. Дай Бог, ей благополучно доехать!

20 Января / 1 Февраля. Воскресение. Петербург. Утро провёл дома, и у обедни были с Минни и детьми в нашей церкви. После общего завтрака отправился на развод от Финляндского полка. Остальной день провёл дома. Погода тёплая, 3° тепла и каток испортился совершенно. Обедали в 6 ч. у Д. Петра Ольденбургского, и все были очень в духе. Потом отправились целой компанией в балет “Младу”, а в 11 вернулись домой и в 1 час легли спать.

От Мамá, Слава Богу, известия очень хороши, и она благополучно продолжает путешествие.

21 Января / 2 Февраля. Понедельник. Петербург. Утро провёл как всегда, а потом завтракал у Алексея. В 1 отправился на смотр Л[ейб] Гв[ардейского] Конногренадерского полка; полк представился в блестящем виде, как в конном, так и в пешем, просто прелесть.

Остальной день провёл дома, принимал и читал. Гуляли и возились с детьми в садике; кататься на коньках невозможно. На улицах снег так стоял, что уже все мы и извозчики на колёсах. Обедали дома и вечер провёл тоже, а Минни была ещё в Немецком театре с Папá. Легли в 1 час.

22 Января / 3 Февраля. Вторник. Петербург. Утро провёл у Папá и завтракал в последний раз у Алексея, так как сегодня кончаются все смотры Папá. В 1 ч. отправился в манеж на смотр Л[ейб] Гусар, тоже отлично. Погода тёплая, но туманно и темно. Обедали в 6 ч. у Папá и были приглашены все начальники частей, которые ещё не обедали у Папá, и все высшие начальники. Мини тоже обедала с нами. Вечер провели до 9 дома, а потом были у Тези и Юрия и играли в рулетку, и потом ужинали, а в 2 ч. вернулись домой и легли спать. Сегодня Мамá благополучно достигла границы, и завтра мы ждём её сюда в 4 часа.

23 Января / 4 Февраля. Среда. Петербург. Гатчина. В 11 утра отправились с Минни на Балтийскую дорогу и отправились через Лигово, Красное Село в Гатчину. Поехали ещё с нами Алексей, Победоносцев и Н. М. Баранов, уже в статском платье.

Погода сегодня совершенно весенняя, светло, тепло и чудное солнце с самого утра. В Гатчине мы осмотрели на пруду подводную лодку инженера Джевецкого, который при нас сделал несколько удачных опытов со своей лодкой и кончил тем, что подвёл мину под плот и отойдя взорвал её отлично. Эта лодка, я уверен, будет иметь большое значение в будущем и сделает порядочный переполох в морских сражениях. После опытов мы зашли во дворец, а затем отправились на Варшавскую станцию, где застали уже Папá, Владимира, Михен и Павла.

В 3 ч. пришёл поезд Мамá, и мы вошли в вагоны. Нашли Мамá очень изменившейся и очень слабой, но, Славу Богу, всё-таки путешествие она выдержала замечательно хорошо. Мари и Сергей приехали тоже. В 4 ч. благополучно прибыли в Петербург.

Вернувшись домой, я читал, а потом немного поспал, а в 6 обедали у Папá с братьями и Мари и Михен. Мамá обедала одна, и после мы у неё были, но не долго. В 8 ч. вернулись домой и вечер провели дома. Легли в 1 час спать.

24 Января / 5 Февраля. Четверг. Петербург. Именины нашей Ксении. Утром был у Папá за докладами, а потом, вернувшись домой, пошёл к обедне. В 12 ч. был у нас семейный завтрак, более 20 человек. Папá не мог быть, так как у него опять лихорадка от простуды. Сегодня всё ещё тает и тепло, как в Ноябре. Обедали дома, а в 9 ездили с Минни к Мамá, которую нашли очень изменившейся с тех пор, что видели её в последний раз в Канне.

В 10 был у нас наш музыкальный вечер нашего хора; собралось 49 человек. У Минни был тоже вечер и были: Владимир с женой, Кн. А. С. Долгорукий с женой, Гр. Шувалова (Бетси), Гр. Апраксина, В. В. Зиновьев, А. Н. Стюрлер, Гр. Воронцова, Кн. Барятинский (нрзб.), Кн. Оболенский, Гр. Перовский и И. П. Новосильцев. После ужина разошлись и легли спать в 2 часа.

25 Января / 6 Февраля. Пятница. Петербург. Утром был у Папá и оставался там до 12 ч., потом завтракали с братьями и Мари у Папá, а в 1 был благодарственный молебен в библиотеке, Папá и Мама́ служили молебен в уборной Мама́. В 1 я отправился к Д. Косте на совещание, на котором были: Валуев, Кн. Урусов, Маков, Дрентельн и Госуд[арственный] Секретарь Перетц. Рассматривали по приказанию Папá записки Д. Кости и Валуева о преобразовании Госуд(арственного) Совета, учредив при нём собрание депутатов от представителей: Дворянства, Земства и Городов. Оба проекта были единогласно отвергнуты по многим причинам, о которых здесь я не стану распространяться, так как пришлось бы написать несколько страниц, а главная причина, что эта мера никого бы не удовлетворила, ещё больше бы запутала наши внутренние дела и всё-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к Конституции!

Вернулся домой только в 4 и пошёл погулять в садик с детьми. Обедали с Минни дома. Вечером я писал и читал до 12 ч., а потом ещё посидел немного у Минни и болтали с Гр. Воронцовой. В 1 легли спать.

26 Января / 7 Февраля. Суббота. Петербург. Утро провёл у Папá, а в 12 ч., вернувшись домой, принимал представляющих; было 11 человек. После завтрака был ещё В. В. Зиновьев с докладом. Обедали у Папá за субботним обедом и потом были у Мама́, которая всё в том же печальном положении и долго не выдерживает разговора, так это её утомляет.

В 8 ч. я вернулся домой, а все прочие отправились в театр к французам. Я читал и занимался до 10 ч., а потом тоже поехал в Фр[анцузский] театр. После театра поехали ужинать к Гр. Воронцову и провели время очень приятно, а в 2 вернулись домой и легли спать.

27 Января / 8 Февраля. Воскресение. Петербург. Утро провёл дома, потом были с Минни и детьми у обедни в нашей церкви, а после завтракали с нашими. Развода не было, так как Папá немного простудился и не выходит. В 6 ч. обедали у Папá за семейным обедом, а потом были в балете, как всегда все вместе. Легли спать в 12.

28 Января / 9 Февраля. Понедельник. Петербург. Утром был у Папá за докладами и остался там завтракать, а потом отправился в Гос[ударственный] Совет. В 2 ч. вернулся домой и читал, а в 3 пошёл в сад гулять. Катались тоже на коньках после 8 дней перерыва. Обедали дома с Минни вдвоём, а потом поехали в Русскую оперу. “Майская ночь” Римского-Корсакова мне не понравилась, мало мелодии и всё речитатив. Вернувшись, я читал, а потом пошёл к Минни, где были: Гр. Воронцова, Апраксина и Кн. Оболенский. В 2 легли спать.

29 Января / 10 Февраля. Вторник. Петербург. Утро провёл у Папá и Горчакова. В 2 только вернулся домой и ещё принимал до 4, а потом катались на коньках с детьми. Обедали дома и была Гр. Воронцова. Вечер провели тоже дома и легли спать в 1 час.

Слава Богу, Мама́ чувствует себя довольно хорошо и ухудшения никакого нет.

Бедная Елена Шереметева очень опасно больна после родов, и температура почти постоянно 40° и 41°. Доктора полагают, что у неё венозная лихорадка. Дай Бог ей бедной поправиться. Сегодня минуло ей 19 лет! Только!

30 Января / 11 Февраля. Среда. Петербург. Утро провёл до 11 ч. дома, а потом был у Папá за докладами.

Вернувшись домой, принимал, а потом завтракали. День провёл обыкновенным образом и обедали дома. Вечером заезжали к Мама́, а потом поехали с Минни к Тези и Юрию. После ужина разъехались и легли в 2 часа.

31 Января / 12 Февраля. Четверг. Петербург. Утро и день прошли обыкновенным образом. Обедали дома. Погода не холодная, 2° и 3° морозу, но снегу нет, так что продолжаем ездить в колясках. Вечером заезжали с Минни к Мама́, а потом я поехал в Адмиралтейство на нашу музыку, а Минни в оперу. После ужина вернулся домой и легли в 2 спать.

1/13 Февраля. Пятница. Петербург. Утром был у Папá и завтракал там. Видел Мама́, которая сегодня не так хорошо спала и слабее. В 2 был смотр в манеже 8-го Флотского Экипажа, и моряки представились отлично. Вернувшись домой, читал и занимался, а потом катался на коньках с детьми. Обедали дома, и вечер провёл у себя до 11; а потом пошёл к Гр. Апраксиной, где ужинали и были: Гр. Воронцов с женой, Софа Апр., А. Н. Стюрлер, А. Б. Перовский и Кн. Оболенский. В 2 разошлись и легли спать. Это был последний ужин у Апраксиной перед её свадьбой и прощание с её милыми комнатами.

2/14 *Февраля*. Суббота. Петербург. Утром был у Папá за докладами, а потом остались к обедне по случаю храмового праздника малой церкви. После завтрака разъехались по домам. Обедали в 6 ч. у Папá с братьями и Мари и были тоже у Мамá. Потом я вернулся домой, читал и занимался, а в 10 ч. отправился в Фр[анцузский] театр, где была Минни и прочие. Вернулись в 12 ч. домой и закусили у Минни в уборной, была тоже Гр. Апраксина, с которой мы провели последний вечер, а завтра уже её свадьба, и вечером они отправляются в Варшаву и оттуда в Вену. Погода стоит хорошая 2° морозу, но всё без снега.

3/15 *Февраля*. Воскресение. Петербург. День свадьбы Гр. Апраксиной и Кн. Оболенского. Утро провёл дома и в 11 ч. отправился с Минни и детьми к обедне в нашу церковь. Потом завтракали, а в 1 я отправился на развод от Гвард[ейского] Экипажа. Потом вернулся домой и переоделся на свадьбу. В 3 ч. была свадьба Оболенского и Апраксиной в нашей церкви. Папá и Минни были пос[ажёнными] от[цом] и мат[ерью] у Апраксиной, а я вместе с матерью Оболенского у него. Приглашённых было очень много, церковь была переполнена, и всё обошлось благополучно и хорошо. Потом все собрались внизу в приёмных и поздравляли молодых. В 4 разъехались, и я пошёл кататься с детьми на катке. В 5 пили чай у Минни с Апраксиной и Оболенским, и простились с ними, так как сегодня же вечером они отправляются за границу.

В 6 ч. обедали у Папá за семейным столом, а потом были у Мамá и зашли к Алексею, а в 8 ч. отправились в балет “Млада”, кажется, уже в 8-й раз. В 11 ч. вернулись домой, и была у нас Гр. Воронцова, а в 1 час легли спать.

Несмотря на то, что мы с Минни очень рады и счастливы свадьбой Апраксиной, но теперь, когда она окончательно оставила наш дом и уехала, нам обоим ужасно грустно. Совершенно как будто кто умер из близких в нашем доме, разом как-то опустело!

Не легко было жене расставаться с милейшей Графиней, это был такой друг, каких мало на свете, и такой славный и честный человек! Для жены это действительно огромная потеря, потому что второго такого друга не может быть. Не легко расставаться с такой женщиной, которая провела у нас в доме 10 лет, разделяла постоянно с нами и горечь и радость и привязала к себе решительно всех наших. Одно остаётся утешение, что всё-таки она остаётся близко к нам, и надеюсь, мы часто будем её видеть и по-прежнему оста-

немся друзьями. Дай Бог ей счастья и радость, которую она вполне заслуживает!

4/16 Февраля. Понедельник. Петербург. Утро провёл у Папá за докладами, а потом был у Сергея. В 11 приехал Князь Болгарский с Сергеем, который ездил его встречать. В 1 завтракали вместе у Папá, а потом я был у Мамá, которая сегодня чувствует себя слабее и кашель увеличился. В 2 отправились с Сергеем на панихиду по бедному старику генер.-адъютанту Барону Ливену, который скончался вчера вечером. Наконец, в 3 вернулся домой, и остальной день и вечер провели вдвоём с Минни, а в 1 легли спать. Сегодня мороз до 14°»...

И всё должно было бы так и продолжаться: утренние посещения Зимнего дворца, заседания Государственного совета, обеды и ужины с женой и детьми, походы в оперу и на балет, репетиции оркестра и хора в здании Адмиралтейства, катание с детьми на катке у Аничкова дворца, свадьбы близких друзей, порой — поездки на охоту, смотры флотских и армейских частей и многое другое, из чего складывались дни, недели, месяцы. Очень хотелось, чтобы так продолжалось.

Но, наверное, не зря считается, что миром правят случай и предательство. Именно они ломают привычный ритм жизни. Порой неожиданно, жестоко и бессмысленно.

Взрыв

Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем ни малейшего понятия о их численности... всеобщая паника.

Великий князь
Константин Константинович,
запись в дневнике от 7 февраля 1880 года

Вторник 5 февраля 1880 года не предвещал ничего неожиданного. Всё шло своим чередом.

После утреннего доклада в Зимнем дворце Александр Александрович отправился домой в Аничков. Покататься на катке не удалось, так как на улице было очень ветрено и холодно — минус 18°С.

Уже далеко за полночь цесаревич описывал всё случившееся тем вечером:

«5/17 Февраля. Вторник. Петербург.

В ½ 6 отправился на Варшавскую дорогу встречать вместе с братьями Д[ядю] Александра и Людвига. Со станции все отправились в Зимний Дв[орец] к обеду, и только что мы успели дойти до начала большого коридора Папá, и он вышел навстречу Д. Александра, как раздался страшный гул и под ногами всё заходило и в один миг зал потух.

Мы все побежали в жёлтую столовую, откуда был слышен шум, и нашли все окна перелопнувшими, стены дали трещины в нескольких местах, люстры почти все затушены, и всё покрыто густым слоем пыли и извёстки. На большом дворе совершенная темнота, и оттуда раздавались страшные крики и суматоха. Немедленно мы с Владимиром побежали на главный караул, что было не легко, так как всё потухло и везде дым был так густ, что трудно было дышать.

Прибежав на главный караул, мы нашли страшную сцену; вся большая караульня, где помещались люди, была взорвана и всё провалилось более, чем на сажень глубины, и в этой гряде кирпичей, извёстки, плит и громадных глыб сводов и стен лежало вповалку более 50 солдат, большей частью израненных, покрытых слоем пыли и кровью. Картина раздирающая, и в жизнь мою не забуду я этого ужаса!

В карауле стояли несчастные Финляндцы, и когда успели привести всё в известность, оказалось 10 человек убитых и 47 раненых. Сейчас же вытребованы были роты первого батал[ьона] Преображенских, которые вступили в караул и сменили остатки несчастного Финляндского караула, которых осталось невредимыми 19 человек из 72 нижних чинов. Описать нельзя и слов не найдёшь выразить весь ужас этого вечера и этого гнуснейшего и неслыханного преступления.

Взрыв был устроен в комнатах под караульной в подвальном этаже, где жили столяры. Что происходило в Зимнем Дв[орце], это себе представить нельзя, что съехалось народу со всех сторон.

Провели вечер у Папá, в комнатах Мари. Мама́, Слава Богу, ничего не слышала и ничего не знала, так она крепко спала во время взрыва.

В 12 вернулись с Минни домой и долго не могли заснуть, так нагружены были все нервы и такое страшное чувство овладело всеми нами. Господи, благодарим Тебя за новую Твою милость и чудо, но дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать!»

По поводу этого преступления газеты писали: «Ненависть к России, к росту и развитию её народных сил чув-

ствуется в преступлениях, свидетелями которых мы столько раз уже были. Можно спросить: где же ждать конца испытаниям терпению русских людей и русского народа?»

На следующий день рано утром цесаревич отправился в госпиталь навестить раненых, а затем поехал в Зимний дворец «на доклады».

В дневниковой записи он признавался: «Мы ещё все находимся под этим страшным впечатлением и решительно покоя не находим, всё более и более думаем об этой небывалой адской проделке!»

7 февраля император и наследник вновь вернулись к вопросу о взрыве. «Утро всё провёл у Папá, много толковали о мерах, — оставил запись в дневнике цесаревич, — которые нужно же, наконец, принять самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли ещё к разумному. Следствие идёт своим порядком, и кое-что открывается интересного и полезного.

Завтракали у Папá, а потом ездили с ним в Казанский собор и оттуда в Конюшенный госпиталь осмотреть раненых, которых осталось 14 человек, а остальные отправлены в полковой госпиталь. Потом поехали в госпиталь Финляндского полка, в котором застали конец панихиды в церкви по 10 убитым взрывом. Было всё начальство, все офицеры и почти половина полка. Грустно и тяжело было видеть эти 10 гробов несчастных солдат, таким страшным образом покончивших жизнь! Потом обошли всех раненых, большею частью все хорошо идут, и надо надеяться, что они поправятся».

8 февраля состоялись похороны солдат Финляндского полка, погибших при охране Зимнего дворца. Александр II и цесаревич сочли своим долгом присутствовать на этих похоронах. Император, подойдя к длинному ряду гробов, обнажил голову и тихо произнёс: «Кажется, что мы ещё на войне, под Плевной...»

По указу императора во дворце великого князя Константина Николаевича состоялось совещание министров. Главный вопрос — что делать в связи с нарастающей террористической угрозой.

Князь Владимир Петрович Мещерский, издатель журнала «Гражданин», так описывал события февраля 1880 года: «Разумеется, взрыв динамита в Зимнем дворце сопровождался взрывом негодования и ужаса не только в Петербурге, но во всей России. Все поняли, что даже жилище царя, подобно улице, подобно полотну железной дороги,

подвержено неумению охранять от горсти преступников правительственными слугами...

Увы, вправде был это понять, прежде всего, государь...

Только несколько месяцев назад вступили в свои диктаторские права новые генерал-губернаторы, и, между прочим, генерал-губернатор в Петербурге, и в результате три покушения на железной дороге и одно в Зимнем дворце, в течение 4 месяцев. Вопрос: что делать? — был у всех на уме и на устах. Он явился и у государя...

В ответ на этот вопрос учредились во дворце великого князя Константина Николаевича, по повелению государя, совещания из министров, для обсуждения темы: какими мерами остановить несомненно возрастающий успех крамолы... Совещание это получило громадное значение исторического события, но значение это было роковое... Кроме министров в нём принял участие и цесаревич Александр Александрович.

После открытия этого совещания несколькими вступительными словами председателя начался обмен мыслей. Мысли эти не выражали ничего нового, вращаясь в сфере разных полумер, перебивавших уже в головах министров на всех прежних совещаниях. К тому же совещание стояло перед тем действительным фактом, что, по-видимому, всё возможное было сделано для противодействия крамолы: учреждены были с неограниченной почти властью генерал-губернаторы; губернаторам даны были тоже усиленные полномочия: все политические преступления отданы были под военный суд; все пружины и струны строжайшего полицейского надзора доведены до *тахитит*'а напряжения... Что же ещё оставалось делать?..

Поднят был снова вопрос об отношениях школы к крамоле, но, во-первых, граф Толстой, тогдашний министр народного просвещения, уверял, что им приняты были все нужные меры к прекращению зла, а во-вторых, время ли было в такую острую минуту, когда действовать надо было немедленно — приступать к сложному вопросу пересмотра нашей системы и наших учреждений народного образования.

Тем не менее, прижатое к стене возложенным на него государем поручением, совещание посвятило себя обсуждению разных мероприятий, предлагавшихся министрами и имевших характер усиления надзора, охраны и проявлений власти, но, к сожалению, как тогда говорили скептики, и весьма основательно, ничего не предвещавших, кроме

усиления переписки и пререканий между разными ведомствами...

Вот в эту-то минуту, когда, казалось, исчерпаны были в головах государевых советников все меры, по их мнению, способные улучшить беспомощное положение правительства, раздался голос наследника цесаревича.

Тогда-то и наступила та важная историческая минута, про которую я сейчас сказал...

Голос наследника раздался потому, что он один был внутренне не согласен с тем, что говорилось около него, и он один признавал жизненную правду во всей её печальной наготе.

Когда председатель совещания обратился к наследнику цесаревичу, молчаливо слушавшему все происходившие обмены мыслей, с вопросом об его мнении насчёт всего, в совещании проектированного, цесаревич сказал, что он не ожидает особенного успеха от предложенных мероприятий, так как видит, что главное зло, мешающее правительству быть действительно сильным в борьбе с крамолой и, вообще, с беспорядками, заключается, по его мнению, не в отсутствии мероприятий, которых очень много, а в разрозненности ведомств между собою, в отсутствии солидарности между ними, во внутреннем разладе между ними и что вследствие этого он полагает, что единственная мера, которая могла бы положить конец такому печальному порядку вещей, есть подчинение всех ведомств одному руководителю, ответственному перед государем в данную минуту за восстановление порядка, с тем, чтобы по всем вопросам государственной внутренней безопасности министры обязаны были действовать сообща, подчиняясь воле одного лица. Таков был приблизительно ответ цесаревича.

Нужно ли говорить, что этот голос наследника престола, столь прямо и столь мудро указавший на главное большое место всего нашего тогдашнего строя, всех порашил своею неожиданностью. Нужно ли прибавлять, что в то же время главная мысль этого мнения пришлась не по вкусу всем поразившимся им министрам и создала общую министерскую гримасу.

Но искренним, как всегда, оказался только председатель, великий князь Константин Николаевич. Разделял ли он мнение своего племянника или не разделял, никто знать того не мог, но, восприимчивый и умный, он сразу стал на подобавшую этой минуте патриотическую высоту.

Выслушав мнение наследника престола, великий князь сказал, что, так как мысль его царственного племянника

выходит по своей сущности из предоставленных ему государем полномочий, то он не считает себя вправе её подвергать обсуждению, но в то же время считает своим долгом её повергнуть на благоусмотрение государя и надеется, что цесаревич не откажется со своей стороны эти мысли высказать своему державному родителю. На это цесаревич ответил, что он принимает на себя эту обязанность.

И действительно, как цесаревич, так и великий князь Константин Николаевич при докладе его величеству о протоколах совещания довели до сведения государя и о мысли, высказанной наследником в совещании... Государь её признал не только достойною внимания, но требующею немедленного осуществления. <...> В известных кружках тогда говорили, и не без основания, что в минуту, когда явилась мысль цесаревича, требовавшая для её осуществления особенно достойного лица, — выбор такого лица между тогдашними государственными людьми был более чем затруднителен, вследствие отсутствия такой выдающейся личности; прибавляли также, что само выделение из среды государственных лиц одного, для возложения на него диктаторских полномочий, было в принципе неудобно и практически неосуществимо в смысле полезности, ибо должно было вызвать в призванных подчиниться ему министрах завистливые и неискренние отношения, и что вследствие этого самым естественным и правильным казалось тогда эту диктатуру возложить на то единственное лицо в России, которое по своему положению могло стать выше всех, не возбуждая ни в ком зависти, то есть на самого цесаревича. Но мысль эта государю не пришла».

На том совещании из министров Александр II отклонил предложение об учреждении следственной комиссии.

Однако на следующий день государь изменил своё мнение и на созванном вновь совещании объявил о создании «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» и о назначении председателем её генерал-адъютанта графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова.

Диктатор

11 февраля цесаревич Александр Александрович записал в своём дневнике: «В 9 был у меня гр. Лорис-Меликов, который получает новое назначение, а именно председа-

теля Верховной комиссии, в которой должны соединиться все политические дела, и ему предполагается дать большие права и полномочия. Толковали с ним с лишком два часа и о многом успели переговорить».

12 февраля создание Верховной следственной комиссии с обширными полномочиями, которые распространялись бы на всю Россию, было узаконено указом императора. Возглавивший комиссию Михаил Тариелович Лорис-Меликов получил полномочия, близкие к диктаторским.

Наряду с чисто полицейскими задачами устрашения и подавления на комиссию Лорис-Меликова была возложена задача привлечения на сторону власти умеренной, «благомыслящей» части общества. Михаил Тариелович начал с обращения к населению столицы. Оно было опубликовано 15 февраля в «Правительственном вестнике». В нём он подчёркивал, что смотрит на поддержку общества как на «главную силу, могущую содействовать власти».

Общественность встретила назначение Лорис-Меликова с глубоким удовлетворением. «Слава Богу! На душе стало легче», — писал «Голос» А. А. Краевского. В этом назначении «Голос» видел «новую программу, новую систему» и обещал тогда же поддержать графа нравственно.

Либералы называли диктатуру Лорис-Меликова «диктатурой ума и сердца», одобряя его девиз: «Сила не в силе, сила в любви».

Журналист М. Н. Катков назвал Лорис-Меликова «диктатором сердца». Генерал посчитал это прозвище не оскорблением, а похвалой за его труды и даже высказал пожелание, чтобы эти слова стали бы для него эпитафией.

Активная деятельность Лорис-Меликова, несмотря на то, что народовольцы продолжали отслеживать каждый шаг императора, позволила отметить в столице четвертьвековой юбилей восшествия на престол Александра II. Хотя почти все газеты писали: «Ожидается что-то невероятное — взрывы, пожары, беспорядки»...

Юбилей

С 5 по 19 февраля император покидал Зимний дворец только раз, чтобы отдать дань погибшим солдатам финляндцам.

И во дворце, и за его стенами говорили о том, что торжества по всей империи будут отменены. Но всё же никакой отмены не последовало.

19 февраля 1880 года Россия праздновала двадцатипятилетие восшествия на престол Его Императорского величества государя Александра II Николаевича. К этой дате были приурочены многие события.

В этот день в городе Орле был открыт мост через реку Орлик, названный в честь двадцатипятилетия царствования Александра II по решению Орловской городской думы Александровским.

В Ростове в честь императора городской парк получил наименование Александровский, а городская дума приняла решение установить в парке колонну — уменьшенную копию петербургского Александрийского столпа.

В Самаре имя императора стали носить публичная библиотека и музей.

В Ростове-на-Дону, в районе Нахичевани, на территории Балки Полуденки в честь двадцатипятилетия царствования Александра II был заложен Александровский сад.

Пермская городская дума постановила в память исполнившегося в этот день двадцатипятилетия царствования императора Александра II основать в Перми четырёхклассную женскую прогимназию и назвать её Александровской.

В Баку городская дума постановила устроить фонтан имени Императора Александра II на Александровской набережной и основать в городе ремесленную школу, назвав её Александровской.

В Красноуфимске в честь знаменательной даты было решено возвести храм Александра Невского, в котором «во веки будут изливаться молитвы за царя к Царю Царей».

В Сызрани к празднованию двадцатипятилетия царствования императора Александра II Сызранский мост называли Александровским.

Широко и с особенной торжественностью отмечали юбилей восшествия на престол императора Александра II в Санкт-Петербурге.

В этот день наследник престола записал в своём дневнике:

«19 Февраля / 2 Марта. Вторник. Петербург. Юбилей 25 лет царствования Папа́.

Утром я поехал в Зимний Дв[орец] к Папа́ и Мама́ и застал их за кофеем. В 10 собралась вся фамилия поздравлять Папа́, и все, имеющие Преображенский мундир, были целый день в нём.

В 10 ч. была военная серенада перед Папа́ комнатами на разводной площади; были собраны музыки от всех полков

и представители частей Петерб[ургского] гарнизона и его окрестностей, по 100 человек с полка.

Папá вышел на балкон, и музыка началась при оглушительных криках “Ура!” всех офицеров, солдат и массы народа. Гимн повторяли несколько раз, и был салют от 2-х Гвард[ейских] батарей. Серенада удалась отлично, и это было великолепное начало торжественного дня.

В 11 ч. Папá принял в своей приёмной и арсенале всю свиту.

В 12 был приём в белой зале всех начальников частей Гвардии и всех офицеров юбилейных полков Государя.

После этого был приём в приёмной всего Государ[ст-венного] Совета.

В 12 ч. начался выход в большую церковь. Никогда я не видал такой массы народу на выходе, и в особенности дам. Отслуживши молебен, пошли обратно, и в Петровской зале Папá принимал Дипломатический корпус.

Потом был семейный завтрак в малахитовой зале. Только в 2 ч. я вернулся домой.

Семейный обед был в 6 ч. у Папá в малахитовой, а потом мы поехали все в оперу, где Итальянцы давали “Жизнь за Царя” и очень не дурно. Энтузиазм был огромный. Гимн повторяли раз 6 и “Ура!” единодушный.

Оттуда поехали в Русскую оперу, давали ту же оперу, и то же настроение публики было самое восторженное, и Гимн повторяли более 10 раз! Вообще этот день произвёл на нас самое отрадное и приятное впечатление, и Бог благословил этот торжественный и Славный праздник! Вернулись домой в 12 ч. порядочно уставшие и скоро после легли спать».

Однако следующий день принёс совсем не радостное известие. В столице империи было совершено новое злодеяние.

В самом центре Петербурга, на оживлённой Большой Морской, в ту минуту, когда М. Т. Лорис-Меликов выходил из кареты у своего подъезда, к нему бросился находившийся под надзором полиции молодой революционер-народник из Слуцка, еврей по происхождению Ипполит Млодецкий и выстрелил в него в упор.

К счастью, пуля не задела графа, пробила шубу и вырвала кусок мундира на спине. Одним прыжком Лорис-Меликов оказался возле покушавшегося, сбил его с ног и с величайшим спокойствием передал городовым. Такое проявление хладнокровия и мужества значительно прибавило симпатии общественности к новому «спасителю» Отечества.

Цесаревич записал в дневнике:

«20 Февраля / 3 Марта. Среда. Петербург. Утро провёл у Папá и завтракал там. Только что успели мы очнуться от страшного кошмара 5 февраля в Зимнем Дв[орце], как сегодня около 3 часа узнали о нападении на жизнь Гр. Лориса-Меликова у его квартиры, но, к счастью, несмотря на то, что убийца стрелял в упор, Граф не ранен, но разорвана шинель и мундир и лёгкая контузия.

Я поехал к нему и застал целый раут, ужас, что народу наехало и приезжало поздравить Графа, и народ на улице толпился массой. Слава Богу, что уцелел этот человек, который так нужен теперь бедной России!..

21 Февраля / 4 Марта. Четверг. Петербург. Утро провёл у Папá и завтракал там. Сегодня начался уже суд над убийцей Гр. Лориса и к 3 ч. всё было кончено, а завтра утром назначена уже казнь. Вот это дело и энергично!..

22 Февраля / 5 Марта. Пятница. Петербург. Утро провёл обыкновенным образом у Папá. Сегодня в 11 ч. утра совершилась казнь на Семёновском плацу при огромном стечении народа и совершенно спокойно».

Казалось, что после всех страшных террористических актов и покушений и казни, к которой народ отнёсся как к заслуженной и справедливой, жизнь налаживается. И дневниковые записи цесаревича это подтверждают:

«День провёл относительно спокойно. Обедали дома, потом читал и занимался, а в 10 поехал за Минни в оперу и оттуда отправились к Гр. Воронцову на вечер. Играли в quinze с Воронцовым, Албером, Вобу Шуваловым и Балашёвым. Потом ужинали, а в 3 вернулись домой и легли спать...

23 Февраля... Ничего особенного не было весь день. Обедали с братьями у Папá и были у Мама́. Потом все поехали в Франц[узский] театр, а я домой заниматься. В 10 поехал тоже в театр, а оттуда ужинать к Эжену и Зине и в 2 ч. вернулись и легли спать.

24 Февраля... У обедни были дома и завтракали со всеми нашими, а потом я читал, писал и занимался.

В 3 ч. катались дети с Минни в Таврическом, а я гулял в нашем садике, и идёт целый день густой снег, так что опять отличный санный путь. Обедали в 6 ч. у Папá за семейным столом, а потом были у Мама́.

В 8 ч. отправились большой компанией в балет; давали в первый раз старинный балет “Дева Дуная” В 10 вернулись домой и легли спать раньше.

25 Февраля... Масляница. Утром был у Папа́ за докладами, а потом завтракал там и был у Мама́, которая, Слава Богу, чувствует себя не хуже. Остальной день провёл дома, а обедали у Папа́ в Зимнем Дв[орце]. Потом поехали в Русскую оперу, где давали “Купец Калашников”, новая опера Рубинштейна; всего второй раз давали её и запретили, так как сюжет весьма грустный и не своевременно давать теперь подобные представления. Музыка очень хороша и в особенности финал.

В 11 ч. вернулись домой и скоро после ужинали в моём кабинете и были: Воронцов с женой, Шереметев и А. Б. Перовский. В 2 разошлись и легли спать.

26 Февраля / 9 Марта. Вторник. Петербург. День моего рождения.

Утро провёл дома. Минни и дети принесли свои подарки ко мне в кабинет, и Минни пила кофе. В 11 пошли принимать поздравления, и набралось более 200 человек. Потом собралась вся фамилия, и мы отправились к обедне в нашу церковь. Потом был большой завтрак, семейный и для всех прочих в бальной зале.

В 2 мы поехали с Минни к Мама́ и Папа́, который не мог приехать к нам, так как он кашляет и сегодня холодно и скверная погода.

Вернувшись домой, катался с детьми на коньках, а потом пили чай с Минни в её уборной.

В 6 ч. обедали у Папа́ с братьями, Д. Александром, Людвигом, Сандро и Алфредом. Вернувшись домой, читал, писал и занимался. Минни поехала в 10 к Владимиру, чтобы ехать в тройках, а потом я поехал тоже к 12 ч., и там ужинали и провели время весьма приятно и весело; нас было человек 20 за столом. В 2 легли спать.

27 Февраля / 10 Марта. Среда. Петербург. Утро провёл у Папа́ и завтракал там, а потом зашёл к Мама́. В 1 час поехали с Минни и детьми в балет; давали “Дон Кихот”, и Ники и Жоржи были очень довольны и веселились. В 3 вернулись домой и катались с Минни и детьми на коньках. Обедали наконец дома вдвоём с Минни, а потом читал и занимался.

В 9 ч. Минни поехала к Тези и Юрию, а ко мне приехал Гр. Лорис-Меликов, и мы с ним просидели до 10 ч. Вчера Папа́ окончательно решил подчинить Гр. Лорису 3-е Отделение. А. Р. Дрентельн оставляет совершенно это место и назначается членом Госуд[арственного] Совета, а заведывать делами 3 Отд[еления] будет Черевин. Это первый шаг

к объединению полиции, и дело может только выиграть от этого. Около 11 ч. я тоже поехал к Тези. Играли в карты, а потом ужинали, а в 2 ч. легли спать.

28 Февраля / 11 Марта. Четверг. Петербург. Утро провёл у Папá и завтракал там, а потом был у Мамá. В 2 отправились с Алексеем в балет, и приехали туда Минни, Михен и Владимир. В 3 вернулись домой и катались с детьми на коньках. Обедали дома вдвоём. До 10 ч. я занимался и читал, а потом у нас был вечер и приглашённых было более 20 человек. Пели тирольцы, и очень не дурно, 4 женщины и 2 мужчин, а третий играет на цитре. Играли тоже в карты, а потом сели ужинать, и в 2 разошлись и легли спать.

29 Февраля / 12 Марта. Пятница. Петербург. Утро провёл у Папá, был у Мамá. Во 2 поехали с Минни в балет, и были ещё Алексей, Д. Миша, Т. Ольга, Эжени и Алек.

Вернувшись домой, катался на коньках с детьми. В 6 ч. обедали у Д. Петра Ольденбургского. В 8 ч. вернулся домой, а Минни была с проч[ими] в Немецком театре. Я читал и занимался до 11 ч., а потом вернулась Минни, и мы читали у неё в уборной и потом закусили, а в 12 легли спать.

Страшно подумать, что в эти 5 лет было прожито. Сначала беспокойные годы до Турецкой войны, потом сама война 1877 и 1878 гг. и, наконец, самые ужасные и отвратительные годы, которые когда-либо проходила Россия: 1879 и начало 1880 г. Хуже этих времён едва ли может что-либо быть! Да Благословит Господь нас и теперь и да даст утешение, и чтобы конец этого года даровал бы нам мир и тишину! Аминь!»

Но худшие времена, как оказалось, всё-таки случаются.

Прощание

Вопрос о переезде императрицы Марии Александровны в Царское Село обсуждался с начала весны 1880 года. К началу мая большинство домашних, включая императора, были за то, чтобы императрица переехала.

Зубовский флигель Большого, или, как его ещё называли, Екатерининского, дворца был любимым местом императрицы. Впервые они с Александром Николаевичем, тогда ещё цесаревичем, поселились там через две недели после бракосочетания в 1841 году. Они проводили во флигеле Большого дворца не только лето, но порой весну и осень. И даже вступив на императорский престол, Александр II

решил, что они продолжат занимать те же покои, какие занимали, будучи цесаревичем и цесаревной.

Мария Александровна хотела переехать в свои любимые апартаменты в Царском Селе и в этом году. Но доктора выступали категорически против.

Александр II отправился в Царское Село без супруги, а взял с собой Екатерину Долгорукову.

К больной Марии Александровне в Зимний дворец Александр II приезжал несколько раз. Визиты были короткими. Мария Александровна и Александр II обменивались малозначащими фразами. После этих визитов самочувствие больной не улучшалось.

Конечно, радость приносили посещения детей. Цесаревич всегда приезжал с Марией Фёдоровной, которая с дочерней любовью пыталась, как могла, поддержать свекровь.

Но силы императрицы стремительно таяли. Кашель и удушье не давали покоя ни днём ни ночью. Жизнь тихо угасала.

22 мая, в девятом часу утра, неотлучная от императрицы камер-фрау Елизавета Петровна Макушкина, войдя в Синюю спальню, нашла уже бездыханное тело Её Императорского величества, государыни императрицы Российской Марии Александровны. Больная ушла из жизни спокойно, без агонии. Смерть пришла к ней во сне.

Первым в Зимний дворец из дворца на Елагином острове приехал цесаревич. Затем последовали его братья. Из Царского Села прибыл император Александр II.

Спустя четыре года Александр Александрович, вспоминая о том дне, напишет Марии Фёдоровне:

«Вот уже 4 года, что не стало дорогой милой Мамá. Как время летит, но всё-таки никогда не забуду это ужасное утро, когда мы на Елагине получили эту страшную новость и так неожиданно.

С её смертью началось всё это страшное смутное время, этот живой кошмар, через который мы прошли и который навсегда испортил всё хорошее, дорогое воспоминание о семейной жизни; все иллюзии пропали, всё пошло кругом, разобраться нельзя было в этом омуте, и друг друга не понимали! Вся грязь, всё дрянное вылезло наружу и поглотило всё хорошее, всё святое! Ах, зачем привелось увидеть всё это, слышать и самому принимать участие во всём этом хаосе. Ангел-хранитель улетел, и всё пошло кругом, чем дальше, тем хуже, и, наконец, увенчалось этим страшным, кошмарным, непостижимым 1 марта!»

В бумагах императрицы было найдено письмо мужу. Мария Александровна трогательно благодарила супруга за счастливо прожитую рядом с ним жизнь.

В её столе были также найдены разрозненные листки, в которых была выражена последняя воля императрицы:

«1) Я желаю быть похоронена в простом белом платье, прошу не возлагать мне на голову царскую корону. Желаю также, если это возможно, не производить вскрытия.

2) Прошу моих милых детей поминать меня сорок дней после смерти и по возможности присутствовать на обедне, молиться за меня, особенно в момент освящения Святых Даров. Это самое большое моё желание».

27 мая состоялись торжественные похороны императрицы в усыпальнице Петропавловского собора на Заячьем острове.

Как отмечал в своих воспоминаниях граф С. Д. Шереметев, «царь Александр II в последний раз был перед нами в венце своём новом, в венце мученичества, ниспосланного ему как искупление. Императрица Мария Александровна своей жизнью словно служила ему щитом».

Православное мировоззрение императрицы Марии Александровны, безусловно, повлияло на формирование искренней религиозности её детей и их отношение к жизни и к близким. Александр III вспоминал: «Мамá постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говению; своим примером и глубоко христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мамá мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру, и Церковь». После смерти матери цесаревич Александр Александрович писал младшему брату: «Если бы речь шла о канонизации моей матери, я был бы счастлив, потому что я знаю, что она была святая».

Мачеха

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1880 год

— Отправился с Государынею Великою Княгинею Цесаревною и Августейшими детьми: Николаем, Георгием и Михаилом Александровичами и Великою Княжною Ксениею Александровною из Царского Села через Петергоф на большой Кронштадт-

ский рейд и оттуда на Императорской яхте “Держава” в Гапсаль — 10 июня.

— По случаю 40-го дня кончины Государыни императрицы Марии Александровны прибыл с Государынею Великою Княгинею Цесаревною на яхте “Царевна” из Гапсаля на Кронштадтский рейд и оттуда через Петергоф в Царское Село — 29 июня.

— Отправился с Её Высочеством из Царского Села через Петергоф на Кронштадтский рейд и затем на яхте “Царевна” в Гапсаль — 2 июля.

— Возвратился с Её Высочеством и Августейшими детьми: Николаем, Георгием и Михаилом Александровичами и Великою Княжною Ксениею Александровною на Императорской яхте “Держава” на Кронштадтский рейд и оттуда через Петергоф в Царское Село — 13 августа».

На яхте по дороге к Кронштадту Александр Александрович и Мария Фёдоровна вспоминали предыдущие посещения Гапсаля, небольшого городка в Эстляндии на берегу Балтийского моря. Цесаревич впервые отдыхал здесь вместе с супругой в июне 1871 года. Тогда им была уготовлена торжественная встреча с участием высшего начальства края: генерал-губернатора, эстляндского губернатора и предводителя дворянства. В июле того же 1871 года цесаревич с супругой вновь посетили Гапсаль. Во время второго приезда они вели тихий и спокойный образ жизни в маленькой вилле на берегу Балтийского моря.

Пребывание в Гапсале летом 1880 года оказалось самым длительным. Вместе с семьёй они отдыхали в городке на берегу Балтики с 11 июня до 12 августа. Была только одна короткая отлучка в конце июня — начале июля, вызванная поездкой в Петербург, по случаю сорокового дня со дня кончины императрицы Марии Александровны.

Ездили вдвоём — дети остались в Гапсале. Как всегда при разлуках с родными почти каждый день обменивались письмами. 1 июля цесаревич писал сыну Николаю:

«Пришли в Петергоф 29-го Июня в 1 час дня; заехали с Мама́ в наш милый Коттедж, а потом отправились по жел[езной] дороге в Царское Село.

Вчера вечером мы поехали в Красное Село и там ужинали у Дяди Владимира и ночевали в нашем домике. Сегодня утром был парад Кавалергардскому полку и завтрак всем офицерам у Ан-Папа́. К обеду мы вернулись снова сюда и обедали у Ан-Папа́.

Бедный Д[ядя] Гег заболел тоже корью, а Д[ядя] Пиц поправляется.

Жду с нетерпением нашего возвращения в милый и тихий Гапсаль и радуюсь Вас всех увидеть. Целую крепко милых Георгия, Ксению и Мишу. Всем нашим мой поклон. Крепко целую тебя, душка Ники».

После возвращения из Петербурга в Гапсаль Минни вместе с детьми много купалась и почти каждый день рисовала свои любимые морские пейзажи. А цесаревич с удовольствием рыбачил.

Из «милого и тихого Гапсаля» не хотелось уезжать, но он обещал отцу вернуться к середине августа. Вернуться и помочь, ведь события последнего времени — покушения и смерть жены, безусловно, не могли пройти бесследно для императора. Цесаревич замечал, как отец осунулся и стал сильнее сутулиться. Астма его значительно усилилась и причиняла ему большие страдания.

Там же на яхте обсуждали планы на конец лета и сентябрь. Решили, что всё-таки будет лучше, если они останутся с детьми в Царском Селе.

Но реальность заставила изменить планы. Причём в первый же день возвращения в Петербург.

О случившемся цесаревич написал в дневнике:

«13/25 августа. Обедали мы у Папá с братьями. После обеда Папá сказал Минни и мне зайти к нему в его кабинет и тут, когда мы сели, он объявил нам о его свадьбе и что он не мог дольше откладывать и по его летам и по теперешним грустным обстоятельствам и поэтому 6 июля женился на княжне Долгорукой.

При этом Папá нам сказал, что он никому об этом не говорил из братьев и нам первым объясняет это, так как он не желает ничего скрывать от нас, и потом прибавил, что эта свадьба известна одному графу Лорис-Меликову и тем, которые присутствовали на ней...

Папá при этом спросил нас, желаем ли мы видеть его жену и чтобы мы сказали откровенно.

Тогда Папá позвал кн[ягиню] Долгорукову в кабинет и, представивши её нам, был так взволнован, что почти говорить не мог.

После этого он позвал своих детей: мальчика 8 лет и девочку Ольгу 7 лет, — и мы с ними поцеловались и познакомились. Мальчик милый и славный и разговорчивый, а девочка очень мила, но гораздо серьёзнее брата. Оставшись у Папá более $\frac{3}{4}$ часа, мы простились и вернулись домой.

Только дома немного пришли в себя после всего нами услышанного и виденного, и хотя я был почти уверен, что так и должно было кончиться, но всё-таки весть была неожиданная и как-то странная!»

После этой «неожиданной и странной» вести о свадьбе отца и появления в их большой семье княгини Долгоруковой, которая, по сути, стала мачехой для всех детей покойной императрицы, Александр Александрович и Мария Фёдоровна единодушно решили покинуть любимый Александровский дворец в Царском Селе и переехать в Петергоф.

Ливадийские страдания

Из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича»:

«1880 год

— Отправился с Государынею Великою Княгинею Цесаревною и Августейшими детьми Михаилом Александровичем и Великою Княжною Ксениею Александровною из Нового Петергофа с экстренным поездом по железной дороге в Ливадию — 4 октября.

— Возвратился с Августейшим своим семейством из Ливадии в С.-Петербург по Николаевской железной дороге — 10 ноября».

После женитьбы на Долгоруковой Александр II признал официально детей, дал всей семье титул «светлейших» и номинацию князей Юрьевских. Сразу после венчания, 6 июля 1880 года, император подписал указ:

«Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом светлейшей. Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям согласно ст. 14 Основных законов империи и ст. 147 Учреждения императорской фамилии».

Несмотря на стремление сохранить брак в тайне и регулярное акцентирование монархом, что это женитьба частного человека, о событии стало известно всем. В том числе и потому, что Александр II стал публично появляться с

княгиней Юрьевской и знакомить с нею наиболее близкий к нему круг людей.

О том, как обычно происходили эти знакомства и чем заканчивались, можно судить по воспоминаниям двоюродного брата цесаревича Александра Александровича, сына его дяди Михаила великого князя Александра Михайловича. Александр Михайлович был крёстным сыном императора. «Когда государь, — вспоминал Александр Михайлович, — вошёл в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку свою молодую супругу, все встали, а великие княжны присели в традиционном реверансе, но отведя глаза в сторону...

Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны!

По любопытству я внимательно наблюдал за ней и ни на минуту не отвёл глаз. Мне нравилось грустное выражение её прекрасного лица, и я любовался великолепным блеском её роскошных светло-золотистых волос. Она была явно очень взволнована. Часто она поворачивалась к императору и слегка пожимала его руку. Она, возможно, привлекла бы мужчин, если бы за ними пристально не наблюдали их жёны.

Её усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание. Мне было жалко её, и я просто не мог понять, почему её подвергали остракизму за то, что любила она красивого, доброго и приветливого человека, который случайно был императором России...

К концу ужина трое его детей были приведены их гувернанткой в столовую. Старшему мальчику Георгию было восемь лет. Он вскарабкался на колени к императору и начал играть с его бакенбардами. «Скажи мне, Гого, как твои имя и фамилия?» — спросил Александр. «Я князь Георгий Александрович Юрьевский», — ответил мальчик. «Хорошо, мы все очень рады с вами познакомиться, князь Юрьевский. Скажите, князь, хотели ли бы вы стать великим князем?» — «Пожалуйста, Саша, не надо...» — нервно перебила княгиня...

Когда мы возвращались домой, — заканчивает Александр Михайлович свой рассказ, — моя мать сказала отцу: «Что бы ты ни говорил, я никогда не признаю эту авантюристку. Я её ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть Сашей твоего брата?»».

Так именно среди близких стало появляться всё больше непримиримых противников княгини Юрьевской.

Даже родная дочь Александра II Мария, герцогиня Эдинбургская, в своём письме осудила его. «Я молю Бога, — писала она, — чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к Мама́, сумели бы однажды простить вас».

Александр II не знал, но мог догадываться о том, что говорили и о чём судачили остальные ближайшие родственники о его новой супруге. Жена младшего сына Владимира великая княгиня Мария Павловна писала Гессенскому принцу Александру, брату покойной императрицы: «...Эта женщина, которая уже четырнадцать лет занимает столь завидное положение, была представлена нам как член семьи с её тремя детьми, и это так грустно, что я просто не могу найти слова, чтобы выразить моё огорчение. Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать её, а также делать ей визиты... И так как её влияние растёт с каждым днём, просто невозможно предсказать, куда это всё приведёт. И так как княгиня весьма невоспитанна и нет у неё ни такта, ни ума, вы можете легко себе представить, как всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего».

И император решил уехать в Крым, в Ливадийский дворец.

За день до отъезда в Зимнем дворце состоялась встреча императора, цесаревича Александра Александровича и Лорис-Меликова. Михаил Тариелович Лорис-Меликов к этому времени, после ликвидации Верховной распорядительной комиссии, возглавлял Министерство внутренних дел и жандармерию.

Во время той встречи император и М. Т. Лорис-Меликов вместе попытались доказать цесаревичу, что необходимы радикальные преобразования в обществе.

Император видел в Лорисе-Меликове прежде всего «твёрдую руку», способную навести «порядок». Но очевидно было, что одними жёсткими мерами этой цели уже не достигнуть.

Из разговора стали понятны замыслы Лориса-Меликова — учреждение очень представительного органа при императоре и ряд новых реформ.

Когда Михаил Тариелович ушёл, император предложил цесаревичу навестить его в Ливадии. Александр Александрович ответил отцу, что обсудит это предложение с женой.

Александр II выехал из Санкт-Петербурга в Ливадию 17 августа.

Через несколько дней Александр Александрович получил от отца письмо, в котором было приглашение приехать в Ливадию со всей семьёй. Цесаревич понимал, что отец очень хотел хоть как-то наладить отношения со старшим сыном.

Александр Александрович откликнулся на предложение отца согласием, хотя Мария Фёдоровна была совсем не рада предложению провести осень в Крыму в компании с Екатериной Михайловной. Даже несмотря на то, что она очень любила крымское побережье. Но поехать в Ливадию всё-таки решили.

По приезде выяснилось, что княгиня Юрьевская с детьми живёт уже не в «тайном домике», как в былые годы, а в Ливадийском дворце. Мало того, новая жена отца заняла во дворце комнаты покойной матери.

Интересные воспоминания о том периоде жизни в Ливадии оставил замещавший в то время министра государственных имуществ Анатолий Николаевич Куломзин. Побывав в Крыму и во дворце по делам службы, он писал:

«В это время я застал следующие обстоятельства. Император Александр II водворил княгиню Юрьевскую, жившую прежде на особой даче около Ялты, в свой Дворец, т. е. в комнаты, ранее занимаемые императрицей Марией Александровною, ибо других комнат не было; наследник, которого государь вызвал в Ливадию, не хотел ехать, и граф Лорис-Меликов, исполняя желание государя примирить их, завлёк Александра Александровича, лживо удостоверив Его высочество, что княгиня во дворце не живёт.

Однако, раз прибыв — обратно ехать невозможно. Водворился следующий порядок.

Государь имел обыкновение каждое воскресенье приглашать к столу приезжавших в Ялту министров и другого звания высших чинов, причём в одно воскресенье по правую руку государя место занимала цесаревна Мария Фёдоровна и по левую руку государь наследник, а в следующее воскресенье цесаревич с супругою уезжали на охоту или вообще в горы, а за столом обедала княгиня Юрьевская и прибывшие были ей представляемы».

Император делал всё возможное, чтобы подружить свою жену и жену наследника, а заодно и их детей. Но в итоге чуть ли не ежедневно возникали осложнения и ссоры, случались и выяснения отношений.

Мария Фёдоровна описывает этот своеобразный отдых в письме к матери:

«Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать...

Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вздохнуть. Так или иначе, я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали, как бы между прочим, пытаясь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорождёнными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детёнышей. Между мной и государем разыгрывались тяжёлые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей. Помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к бабушке поздороваться.

Однажды в воскресенье перед обедней в присутствии всего общества он жёстко упрекнул меня, но всё же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьёй прекратились, и княгиня крайне раздражённо заметила, что не понимает, почему я отношусь к её детям, как к зачумлённым».

А вот Александр Александрович относился к детям Юрьевской, то есть к своим сводным братьям, гораздо лучше. Эти «незаконнорождённые отпрыски» вовсе не казались ему «ужасными».

Внешне суровый и властный, Александр Александрович был нежен и сердечен с детьми — не важно, своими или чужими. И всё-таки его впечатления от крымского отдыха были ничем не лучше, чем у жены.

Вернувшись в ноябре в Санкт-Петербург, в «милый» Аничков дворец, Александр Александрович писал своему брату великому князю Сергею Александровичу в Италию: «Про наше житьё в Крыму лучше и не вспоминать, так оно было грустно и тяжело! Столько дорогих незабвенных воспоминаний для нас всех в этой милой и дорогой, по воспоминаниям о милой Мама́, Ливадии! Сколько было нового, шокирующего! Слава Богу для вас, что вы не проводите зиму в Петербурге; тяжело было бы вам здесь и нехорошо! Ты можешь себе представить, как мне тяжело всё это писать, и больших подробностей решительно не могу дать ранее нашего свидания, а теперь кончаю с этой грустной об-

становкой и больше никогда не буду возвращаться в моих письмах к этому предмету. Прибавлю только одно: против свершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет. Нам остаётся одно: покориться и исполнять желания и волю Папá, и Бог поможет нам всем справиться с новыми тяжёлыми и грустными обстоятельствами, и не оставит нас Господь, как и прежде!»

Тон письма брату был отчасти продиктован тем, что сразу после приезда в Петербург цесаревич получил неожиданное послание от отца.

Ещё в Ливадии император рассказал цесаревичу о том, что в сентябре перевёл в Государственный банк три миллиона рублей на имя Екатерины Михайловны Юрьевской, написав: «Ей одной я даю право распоряжаться этим капиталом при моей жизни и после моей смерти».

И вот теперь, подкрепляя своё распоряжение, он написал сыну: «Дорогой Саша! В случае моей смерти поручаю тебе мою жену и детей. Твоё дружественное расположение к ним, проявившееся с первого же дня знакомства и бывшее для нас подлинной радостью, заставляет меня верить, что ты не покинешь их и будешь им покровителем и добрым советчиком.

При жизни моей жены наши дети должны оставаться лишь под её опекой. Но если Всемогущий Бог призовет её к себе до совершеннолетия детей, то я желаю, чтобы их опекуном был назначен генерал Рылеев или другое лицо по его выбору и с твоего согласия.

Моя жена ничего не унаследовала от своей семьи. Таким образом, всё имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, приобретено ею лично, и её родные не имеют на это имущество никаких прав. Из осторожности она завещала мне всё своё состояние, и между нами было условлено, что если на мою долю выпадет несчастье её пережить, всё её состояние будет поровну разделено между нашими детьми и передано им мною после их совершеннолетия или при выходе замуж наших дочерей. Пока наш брак не будет объявлен, капитал, внесённый мною в Государственный банк, принадлежит моей жене в силу документа, выданного ей мною. Это моя последняя воля, и я уверен, что ты тщательно её исполнишь.

Да благословит тебя Бог! Не забывай меня и молись за так нежно любящего тебя. Па».

Все эти распоряжения были весьма своевременными. Ведь незадолго до отъезда императора из Ливадии полиция

обнаружила в районе станции Лозовая готовый заряд, заложённый под полотном железной дороги.

В полдень 21 ноября Александр II с новой семьёй прибыл в Петербург.

И казалось, что всё пошло по заведённому распорядку.

1 марта

Глава монархического государства теряет и позорит себя, уступив на шаг восстанию. Его обязанность поддерживать силою права свои и предшественников. Его долг пасть, если суждено, но... на ступенях трона...

Император Николай I

1 марта 1881 года, в воскресенье, заканчивалась первая седмица Великого поста.

В пятницу, 27 февраля, цесаревич Александр Александрович и Мария Фёдоровна приехали в Зимний дворец на службу в Большой церкви, которую чаще называли Большим собором.

С этим храмом были связаны многие события в жизни императорской семьи: венчания, крестины и панихиды. И для каждого члена семьи императора это было место, где можно было обрести душевный покой. Со времён Павла I настоятели собора, из которых обычно выбирались императорские духовники, именовались протопресвитерами и возглавляли придворное духовенство.

В соборе было собрано немало святынь и ценных художественных произведений. Там были подаренные Павлу I Мальтийским орденом десница святого Иоанна Предтечи, древняя икона Филермской Божией Матери (написанная, по преданию, евангелистом Лукой) и золотой ковчег с частью ризы Господней, которые осенью на месяц переносили в Гатчинский собор. Сюда же императрица Александра Фёдоровна передала поднесённую ей в 1850 году греческим монастырём Влатес часть чаши Господней с Тайной вечери, заключённую в серебряную оправу. Здесь же хранились левая рука великомученицы Марины, ковчежцы с мощами святителя Спиридона и великомученика Георгия, апостола Иоанна Богослова, киево-печерских угодников, а также ряд замечательных икон начала XVII века из родового имуще-

ства Романовых, редкая плащаница 1602 года. Александр I подарил храму Острожское Евангелие 1580 года издания.

В этот день 27 февраля 1881 года вся императорская семья исповедовалась. По традиции перед исповедью все просили друг у друга прощения.

Мария Фёдоровна с собой не совладала и при встрече с княгиней Юрьевской ограничилась пожатием руки, но не обняла её и не попросила прощения. Император потребовал от цесаревны соблюдать приличия и «не забываться». Во время поучительной тирады Мария Фёдоровна не проронила ни слова. Затем попросила у императора прощения «за то, что обидела его».

Александр II был тронут до слёз и сам попросил прощения у невестки. Обстановка разрядилась.

Чуть погодя монарх сказал своему духовнику Василию Борисовичу Бажанову: «Я так счастлив сегодня — мои дети простили меня!»

В субботу первой седмицы Великого поста, 28 февраля, в Малой церкви Зимнего дворца все члены императорской семьи приобщились Святых Христовых Таин, то есть совершили обряд евхаристии. Этот обряд, или таинство, заключается в освящении хлеба и вина особым образом и последующем их вкушении. Евхаристия даёт возможность верующему соединиться с Богом.

Вместе с Александром II этот обряд прошли все его родные — цесаревич Александр с семьёй и дети от первой жены со своими близкими, а также княгиня Юрьевская со своими детьми. Император как помазанник Божий причастился в алтаре, остальные получили хлеб и вино из рук священника.

На следующий день, в воскресенье 1 марта, Александр Александрович прибыл на развод караулов в Михайловском манеже.

Традиция воскресного развода караулов была заведена ещё со времён Павла I. Её, по сути, узаконили императоры Александр I и Николай I. И император Александр II старался придерживаться этой традиции.

На разводе, как правило, присутствовали не только великие князья, придворный генералитет, но и иностранные послы. Церемония 1 марта 1881 года, которая началась после прибытия императора, прошла по заведённому ритуалу. Все отметили, что император был в приподнятом настроении. Он дружески побеседовал с послами, приветливо улыбнулся офицерам, похвалил организаторов развода.

После развода император сказал сыновьям, что поедет к кухне, великой княгине Екатерине Михайловне, герцогине Мекленбург-Стрелицкой, которую клятвенно обещал навестить, и что потом они встретятся в Зимнем дворце и отправятся на «фамильный обед».

Традицию фамильных обедов ввёл ещё император Николай I. Александр II продолжил практически все семейные традиции своего отца. На протяжении всего его царствования по воскресным дням по возможности проходили фамильные обеды, «на которые приглашалась вся наличная Императорская фамилия». В этот день, 1 марта 1881 года, фамильный обед должен был состояться в Аничковом дворце у цесаревича.

* * *

В Зимнем дворце все ждали возвращения императора, чтобы отправиться на обед к Александру Александровичу в Аничков дворец. Но все планы рухнули в одночасье. Произошло то, что даже представить себе никто не мог. По дороге, на набережной Екатерининского канала, террористы совершили нападение на императора и он получил смертельные ранения.

Императора Александра II, окровавленного, с раздробленными взрывом ногами довели до дворца. Когда его несли по лестнице, кровь ручейком стекала на пол.

Умиравшего внесли в его личную комнату и положили на солдатскую кровать, покрытую старой шинелью, которая служила ему пледом. Сбежавшиеся врачи пытались остановить кровотечение. Екатерина Михайловна, не потерявшая самообладания, была возле раненого до самого конца.

Никто не мог сдержать слёзы, глядя на умирающего императора. Он едва дышал, лицо его вспрыскивали водой. Для поддержания дыхания государю вдували кислород.

Несмотря на все усилия лейб-медика Сергея Петровича Боткина, Александр II, не приходя в сознание, скончался в три часа тридцать пять минут дня вследствие большой потери крови.

Духовник Александра II Василий Борисович Бажанов причастил умирающего и прочёл отходную.

Все присутствующие стали на колени вокруг смертного одра. Затем тело перенесли в другую комнату — в парадный кабинет. В это время с флагштока Зимнего дворца пополз вниз чёрно-золотой императорский штандарт.

Всё это время рядом с умирающим отцом находился наследник цесаревич Александр Александрович. По законам Российской империи он стал императором — Александром III.

Племянник Александра III великий князь Александр Михайлович так описывал этот момент:

«Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нём в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжёлую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

— Ваше величество, имеете какие-нибудь приказания? — спросил смущённо градоначальник.

— Приказания? — переспросил Александр III. — Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмёт в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце.

Он дал рукой знак цесаревне Марии Фёдоровне, и они вышли вместе. Её миниатюрная фигура подчёркивала могучее телосложение нового Императора.

Толпа, собравшаяся пред дворцом, громко крикнула «ура». Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о Царе, как этот богатырь с русой бородой.

Стоя у окна, мы видели, как он большими шагами шёл к коляске, а его маленькая жена еле поспевала за ним. Он некоторое время отвечал на приветствия толпы, затем коляска двинулась, окружённая сотнею Донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко блестели красным отблеском в последних лучах багрового мартовского заката».

Потрясённый горем, стоял возле мёртвого деда и старший, двенадцатилетний внук Николай, сын Александра Александровича. Будущий царь Николай II так рассказал о последних минутах жизни своего деда:

«Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречных были бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой дед истекал кровью от страшных ран, по-

лученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тётки. Никто не говорил.

Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты.

Мой отец подвёл меня к постели. “Папá, — сказал он, повышая голос, — Ваш ‘луч солнца’ здесь”. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но он не мог поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он несомненно узнал меня...»

Всю жизнь Николай Александрович считал день 1 марта 1881 года самым страшным и трагичным днём своей жизни, до мельчайших деталей запомнив всё связанное со смертью своего деда.

Мария Фёдоровна написала своей матери, датской королеве Луизе:

«Какое горе и несчастье, что наш император ушёл от нас, да ещё при таких ужасных обстоятельствах. Нет, кто видел эту страшную картину, никогда не сможет забыть её! Я вижу перед собой это постоянно — день и ночь! Бедный безвинный император, видеть его в этом жутком состоянии было душераздирающе! Лицо, голова и верхняя часть тела были невредимы, но ноги абсолютно размозжены и вплоть до колен разорваны в клочья, так что я сначала не могла понять, что собственно я вижу окровавленную массу и половину сапога на правой ноге и половину ступни — на левой. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Нет, это было ужасно!»

Племянник Александра III великий князь Александр Михайлович, как и многие в ту ночь, не мог уснуть. Позднее он написал:

«Ночью, сидя на наших кроватях, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшего воскресенья и спрашивали друг друга, что же будет дальше? Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с Царём-Батюшкой и его верноподданным народом перестала

существовать 1 марта 1881 года. Мы понимали, что Русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтические традиции прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия — всё это будет погребено, вместе с убитым императором, в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесён смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царём и стихиями отрицания и разрушения».

Вечером Александр Александрович получил послание от обер-прокурора Синода Константина Петровича Победоносцева:

«Бог велел нам переживать нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть лицо своё, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас.

Но для Вас этот день ещё страшнее, и, думая о Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно было провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего на Вас и на Россию, страхом великого несказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас как человека, хотелось бы как человека спасти Вас от тяготы в привольную жизнь, но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог. Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтоб брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле своё место.

...Вам достаётся Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы её повели твёрдою рукою, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

Полный титул императора Александра III звучал так:

«Божиею поспешествующею милостию, Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северная страны Повелитель, и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и Армянския области, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».

Средний титул императора Александра III был такой:

«Божиею поспешествующею милостию, Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский. Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая».

Малый титул императора Александра III был такой:

«Божиею милостию, Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая».

К моменту вступления на престол император Александр III уже был:

покровителем Финляндского общества поощрения художеств;

Московского археологического общества любителей русских древностей;

Карамзинской библиотеки:

почётным попечителем Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже;

почётным председателем Императорского Русского исторического общества;

почётным президентом Музея цесаревича Александра Александровича;

почётным членом Императорского Русского географического общества, Общества любителей кавказской археологии, Императорского Минералогического общества, Императорского Археологического общества;

почётным любителем Императорской академии художеств;

действительным членом Общества поощрения художеств;

почётным членом Московского, Казанского, Санкт-Петербургского, Новороссийского университетов и Российской академии наук.

Первые дни. Воцарение

В Аничков дворец Александр III вернулся поздно вечером 1 марта 1881 года и сразу собрал заседание Комитета министров.

Открыв внеурочное заседание, император отдал приказание повсеместно разослать телеграммы о постигшем Россию несчастье.

Председателю Комитета министров Петру Александровичу Валуеву было поручено написать манифест о восшествии на престол нового императора. Проект манифеста был подготовлен им при участии министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова, председателя департамента законов князя Сергея Николаевича Урусова, государственного контролёра Дмитрия Мартыновича Сольского.

Манифест был составлен и подписан за полночь в

Аничковом дворце. Это был первый документ вступившего на престол императора.

На следующий день, 2 марта, в полдень, состоялось чрезвычайное заседание Государственного совета. Государственный секретарь Егор Абрамович Перетц зачитал манифест «О восшествии Его Императорского Величества Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского».

Текст документа гласил:

«Господу Богу угодно было в неисповедимых путях Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к Себе ея благодетеля Государя Императора Александра II-го. Он пал от святотатственной руки убийц, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на столь драгоценную жизнь, потому что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия Русского народа. Смирясь пред таинственными велениями Божественного Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы об упокоении чистой души усопшего Родителя Нашего, Мы вступаем на Прародительский Наш Престол Российской Империи и на нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Подъемлем тяжкое бремя Богом на Нас возлагаемое с твёрдым упованием на Его всемогущую помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу возлюбленного Нашего Отечества и да направит Он силы Наши к устройению счастья всех наших верноподданных.

Повторяя данный Родителем Нашим Священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по заветам наших предков всю жизнь нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, мы призываем наших верноподданных соединить их молитвы с нашими мольбами пред Алтарём Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству, Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Дан в Санкт-Петербурге в 1-й день Марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же Нашего в первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ».

Одновременно с этим манифестом был обнародован указ нового царя Сенату о приведении к присяге крестьян.

Русский крестьянин впервые приносил верноподданническую присягу своему царю и впервые встречал новое царствование как гражданин земли Русской, а не как бесправный раб, крепостной или холоп, знающий только одну власть — своего барина и только ему обязанный верностью и повиновением.

Ровно в час дня в Зимнем дворце прошёл так называемый выход воцарения.

Традиции «больших» и «малых» выходов — торжественных шествий придворных в дни светских и церковных праздников начинались ещё при Екатерине II. И сохранялись всеми последующими хозяевами Зимнего дворца. При Александре II в апреле 1858 года даже появилось специальное «Положение о выходах». В нём говорилось:

«Выходом при высочайшем дворе называется шествие Их Императорских величеств, с прочими августейшими особами, из внутренних апартаментов в церковь и обратно. Выходы разделяются на Большие и Малые. Первые бывают в большие церковные праздники и торжественные дни, равно как по некоторым особым случаям, в Большую церковь Зимнего дворца и в церкви других дворцов, смотря по местопребыванию Их Императорских величеств, а последние — в такие же праздники и торжественные дни, но в Малую церковь Зимнего дворца, по частным повесткам, а также в обыкновенные дни и в воскресные дни, в эту церковь и церкви других дворцов.

На Больших выходах придворные чины и состоящие в придворных званиях идут впереди особ Императорской фамилии, придворные же дамы следуют за ними. Назначение Большого и Малого выхода делается по высочайшему Его Императорского величества повелению».

Затем в документе подробнейшим образом перечислялись те, кто имел право или должен был присутствовать на Больших и Малых выходах.

Так как жилые покои императорской семьи с начала XIX века, то есть со времён правления Александра I, размещались в западном крыле Зимнего дворца, а Большая церковь — в юго-западном ризалите, то маршрут Большого выхода был выстроен, учитывая это обстоятельство. Всё происходило так: к назначенному времени члены императорской семьи собирались в Малахитовой гостиной. В Концертном зале их ожидали придворные чины и дамы,

а также государственные сановники, имевшие право «Входа за кавалергардов». Пикет от Кавалергардского полка ставился у дверей Николаевского зала. Перечень тех, кто имел право проходить «за кавалергардов», был жёстко регламентирован.

После выхода императорской семьи из Малахитовой гостиной в Концертном зале заканчивалось формирование торжественной процессии. Затем распахивались двери Николаевского зала и начиналось грандиозное зрелище Большого дворцового выхода.

Процессия неспешно двигалась из Николаевского зала в Аванзал, оттуда через Помпейскую галерею в Фельдмаршальский зал, из которого попадали в Петровский и Гербовый залы.

Пройдя через Пикетный и Предцерковный залы, участники шествия оказывались в Большой церкви Зимнего дворца. Обратно шествовали тем же путём.

Ритуал выхода воцарения был оговорён особо, так как проводился со времён Екатерины II всего пятый раз.

На выходе воцарения 2 марта 1881 года Александр III был в генеральском мундире, императрица Мария Фёдоровна — в белом платье с бриллиантовой диадемой на голове, наследник престола Николай Александрович — в мундире Преображенского полка. Он следовал непосредственно за родителями. Далее в шествии участвовали остальные члены царской семьи.

Свидетель этого события государственный секретарь Егор Абрамович Перетц так описал происходившее в своём дневнике:

«...По прочтении мною манифеста, было положено принести присягу императору и его наследнику. Затем все мы отправились к выходу государя. Он и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать, распухшие от слёз. Несмотря на очевидное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны.

Перейдя через концертный зал, где были высшие государственные учреждения, и приблизясь к войскам, государь сказал им краткую речь, в которой выразил надежду, что они будут служить ему, как служили незабвенному его отцу, а в случае, если бы угрожала Его величеству такая же участь, как покойному императору, перенесут преданность свою на наследника престола.

По произнесении государем этих слов, весь дворец огласился громким и продолжительным “ура!”, смолкшим

только тогда, когда императорская чета вступила в дворцовый собор, куда последовали за нею, кроме царской семьи, члены Государственного Совета, сенаторы, статс-секретари и высшие придворные и военные власти.

В соборе, после прочтения министром юстиции манифеста, духовник Их величеств Бажанов прочитал во всеуслышание присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствовавшими.

По произнесении присяги Государственный Совет удалился из церкви и собрался в назначенной государем для приёма Совета Малахитовой комнате. Государь вышел в 2 часа. Прежде всего, он подошёл к стоявшему во главе Совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь обнял государя, который тогда, в свою очередь, обнял его. Затем Его величество произнёс, с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом, приблизительно следующее:

“Господа! Душевно сожалею, что я лишён возможности передать вам, по поручению самого покойного государя, его благодарность. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам, от его имени, благодарности за честную и усердную службу, которою вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора. Я до сих пор не имел ещё возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесёте на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и, трудясь вместе с вами, принесу пользу России. Да поможет мне Бог! Ещё раз благодарю вас всех от имени моего батюшки”

По произнесении этих слов, государь подошёл к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного Совета, поклонился всем и ушёл».

На следующий день после совершения ритуала воцарения Александр III получил письмо Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Бывший сослуживец по Русско-турецкой войне, командовавший кавалерией Руцукского отряда, взволнованно умолял императора не рисковать жизнью и переехать в Зимний дворец. В первую очередь для того, чтобы не подвергать себя опасности во время ежедневных передвижений из Аничкова дворца к Дворцовой

площади. Илларион Иванович уверял: «Преступники идут напролом, но именно эти последние судороги страшны».

В тот же день полиция обнаружила мину на Садовой улице. По словам председателя Комитета министров и главноуправляющего канцелярией Его величества по принятию прошений Петра Александровича Валуева, мина эта «не только могла иметь то же смертельное действие, как и снаряды 1-го числа, но, вероятно, не оставила бы и остатков».

Мария Фёдоровна написала матери: «Моему миру и спокойствию пришёл конец, ибо отныне я никогда больше не смогу быть спокойна за Сашу».

Император и императрица были вынуждены покинуть любимый Аничков дворец и переехать в Зимний дворец.

В Зимнем дворце. Похороны

Три дня тело убитого императора оставалось в кабинете Зимнего дворца, где он скончался.

Каждый день Александр III получал соболезнования от самых разных организаций. Ни одна газета не осталась равнодушной. Например, «Московские ведомости» настойчиво требовали усиления государственного начала: «По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти... вместо явного правительства появляются тайные». Ответственность за убийство императора 1 марта газета возложила не столько на «ничтожную кучку ошалелых мальчишек», сколько на общество в целом, которое, «гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, попало в... духовное рабство».

Вся зарубежная пресса негодовала против фанатиков-террористов и скорбила о царственном мученике. До того времени только главы царствующих династий выражали свои чувства при таких трагических обстоятельствах. Теперь же выражать чувства скорби могли и представители народа. Западные газеты были переполнены выражениями соболезнования Александру III и всему народу России.

Сенат и парламент Франции говорили о погибшем царе как об одном из величайших реформаторов XIX столетия и видели в нём истинного благодетеля и друга Франции.

Германский народ прислал свои соболезнования «о лучшем друге Германии». Такие же чувства выразили итальянский парламент, греческая, голландская, английская, американская палаты. Приходили соболезнования из Ис-

паний и из далёкой Бразилии. И только австрийский рейхстаг признал неуместным какое-либо заявление в связи с произошедшей в Санкт-Петербурге трагедией.

Три дня в кабинете Зимнего дворца беспрерывно служили панихиды, на четвёртый день покойный был перенесён в Большую дворцовую церковь.

«Бесчисленные огни высоких свечей. Духовенство в траурном облачении. Хоры придворных и митрополичьих певчих, — вспоминал великий князь Александр Михайлович. — Седые головы коленопреклонённых военных. Заплаканные лица великих княгинь. Озабоченный шёпот придворных. И общее внимание, обращённое на двух монархов: одного, лежащего в гробу с кротким, израненным лицом, и на другого, стоящего у гроба, сильного, могучего, преодолевшего свою печаль и ничего не страшящегося».

Александр Александрович, Мария Фёдоровна, великие князья, княгиня Юрьевская и её дети в течение этих траурных дней стояли вместе по несколько раз в день в скорбном молчании у гроба. В один из таких дней княгиня Юрьевская, подойдя к гробу, срезала свои длинные красивые волосы и положила под руки покойного.

С раннего утра 7 марта началось оживлённое движение на улицах Санкт-Петербурга. Народ подходил с разных сторон города и вскоре заполнил всё пространство на длинном пути печального шествия.

Все ждали траурной процессии, которая должна была перенести гроб с телом Александра II по этому семивёрстному пути из Большого придворного собора Зимнего дворца в Петропавловский собор.

Войска гвардии и Петербургского военного округа расположились шпалерами от Зимнего дворца до Петропавловской крепости на пути всего следования печального кортежа, кроме тех частей войск, которые участвовали в самой процессии. Всеми войсками командовал генерал-адъютант Апостол Спиридонович Костанда.

Почти на всех домах были вывешены траурные флаги. Особенно выделялось траурное убранство зданий на Невском проспекте и фасадов иностранных посольств.

Ровно в половине десятого утра тремя пушечными выстрелами с Петропавловской крепости дан был первый сигнал для тех, кто участвовал в печальной церемонии.

В начале одиннадцатого вдоль пути шествия между Зимним дворцом и Николаевским мостом началось интенсивное движение. Те, кто принимал участие в процессии,

спешили занять свои места. Окна и балконы домов были заполнены наблюдающими.

В одиннадцать часов утра раздался второй сигнал — три пушечных выстрела с Петропавловской крепости.

В это время в Большом соборе Зимнего дворца вокруг гроба императора собралась вся царская семья. После краткой литии митрополита Исидора, в сослужении митрополитов Московского Макария, Киевского Филофея и четырёх епископов были вынесены из церкви ордена и регалии, затем началось шествие певчих и духовенства. За ними члены царской семьи понесли гроб.

Изголовье гроба нёс Александр III.

Гроб был вынесен к Иорданскому подъезду. У подъезда стояла траурная колесница, запряжённая восьмёркой лошадей в траурных пополах с императорскими гербами. Колесница имела вид балдахина из золотой парчи. Вокруг карниза балдахина был выложен ряд букетов из страусиных перьев. На вершине балдахина была водружена императорская корона.

Гроб установили на специальный помост траурной колесницы.

В половине двенадцатого раздался третий сигнал: удар большого колокола в Исаакиевском соборе. Следом во всех церквях начался погребальный перезвон.

Печальный кортеж протянулся на несколько сотен метров: когда траурная колесница двинулась от Иорданского подъезда дворца, голова процессии — Собственный Его величества конвой — находилась уже на первой линии Васильевского острова.

В процессии приняли участие представители учреждений, созданных в годы царствования Александра II: городских общественных управлений, земских учреждений, судебных установлений и крестьянского самоуправления. Среди прибывших гостей особое место занимали московский губернский предводитель дворянства граф Алексей Васильевич Бобринский и московский городской голова Сергей Михайлович Третьяков.

В процессии принимали участие студенты Петербургского университета, Медико-хирургической академии, Института инженеров путей сообщения, гимназий, реальных училищ и других учебных заведений.

Обладатели первых трёх классов Табели о рангах несли пятьдесят семь иностранных орденов и пятнадцать русских знаков отличия и орденов.

Императорское знамя нёс генерал-адъютант Самуил Алексеевич Грейг, щит — генерал-адъютант светлейший князь Владимир Александрович Меншиков, императорский меч на трёх подушках — граф Пётр Андреевич Шувалов, которому помогали два ассистента.

Императорские короны несли: грузинскую — генерал от инфантерии Владимир Саввич Семека, таврическую — генерал-адъютант Родриг Григорьевич Бистром, сибирскую — генерал-адъютант Борис Григорьевич Глинка-Маврин, польскую — генерал-адъютант Артур Адамович Непокойчицкий, астраханскую — граф Пётр Александрович Валув, казанскую — действительный тайный советник Владимир Павлович Титов. Государственную державу нёс генерал-адъютант Фёдор Михайлович Новосильский, государственный скипетр — граф Фёдор Логинович Гейден, а императорскую корону — светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов.

За регалиями шествовали певчие и духовенство в траурных ризах.

Во время шествия войска, стоявшие шпалерами, отдавали честь, военные музыканты играли траурные мелодии и «Коль славен».

Александр III шёл непосредственно за гробом. Император был без шинели, в общевойсковом генеральском мундире с Андреевской лентой через плечо.

За государем следовали, также без шинелей, члены императорской семьи. Несколько правее шли министр двора и свита государя.

Императрица с наследником цесаревичем ехали в траурной карете. Затем двигались кареты с герцогиней Эдинбургской и великими княгинями.

В Петропавловском соборе процессию встречали представители дипломатического корпуса, придворные дамы, генералы, не участвовавшие в кортеже, высшие гражданские чины.

Внутренний вид собора преобразился. Между четырьмя колоннами в центре собора был сооружён балдахин и катафалк. Печальный кортеж с гробом прибыл к собору в два часа двадцать минут дня. О том, что останки Александра II были внесены под сень Петропавловского собора, жители столицы узнали по раздававшимся в тот же момент с крепости пушечным выстрелам.

Члены царской семьи внесли гроб вовнутрь и поставили на катафалк.

Во время внесения гроба в храм все присутствовавшие преклонили колена.

Затем Александр III и вся царская семья поднялись на возвышение подле гроба.

То же самое повторилось при совершении панихиды, когда певчие исполняли «Со святыми упокой» и «Вечная память».

По окончании панихиды новый император и августейшие родственники преклонились пред гробом и затем покинули собор.

Могила Александра II, согласно его желанию, выраженному задолго до трагедии, находилась рядом с гробницей императрицы Марии Александровны и цесаревича Николая.

15 марта в Петропавловском соборе прошла последняя торжественная печальная церемония погребения тела почившего императора Александра II.

Вскоре после похорон Александра II в Петропавловском соборе фрейлина Анна Фёдоровна Тютчева писала в своём дневнике, сравнивая убитого императора с начавшим царствование его сыном Александром III:

«Видя его, понимаешь, что он сознаёт себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти. Его отцу, покойному императору, всегда недоставало именно этого чувства своего положения, веры в свою власть; он не верил в своё могущество, как бы реально оно ни было».

На распутье

Вступление на престол Александра III вызвало поток всевозможных проектов «спасения России» и предложений по совершенствованию государственного управления. Они приходили по почте, их приносили в приёмную дворца, передавали через знакомых. Не скупились на различные советы, рекомендации и пожелания монархические и либеральные органы печати.

Одним из первых авторов, предложивших свой проект, был общественный деятель Борис Николаевич Чичерин.

Обстоятельную записку Чичерина под названием «Задачи нового царствования» Александру III передал Константин Петрович Победоносцев. Чичерин убеждал: «Теперь всякое ограничение власти было бы гибелью». Он

призывал всеми средствами, без оглядки, решительно бороться с революционным движением. «Задача верховной власти, — считал Борис Николаевич, — состоит в настоящее время в образовании однородного, вполне согласного между собою правительства... От министров следует потребовать общей программы действий и, следовательно, совокупного обсуждения важнейших вопросов и принятия совокупных мер». В то же время Чичерин предлагал привлекать «здоровые элементы», до сотни выборных от дворянства и земств в высший законосовещательный орган — Государственный совет.

6 марта на стол императора легла докладная записка бывшего президента Варшавы маркиза Зигмунта Анджея Велёпольского. Он предлагал расширить автономию Царства Польского и обеспечить своим соотечественникам признание их национальных особенностей и полную веротерпимость. Для русских же Велёпольский считал необходимым одно — наказания и репрессии. Причём репрессии, поражавшие воображение.

Поступила записка бывшего петербургского губернского предводителя дворянства Александра Алексеевича Бобринского. «По нашему убеждению, — подчёркивал он, — то время, когда Россия должна быть призвана к совету, настало. Исторический вопрос необходимости того или другого представительства страны созрел».

Приват-доцент кафедры политической экономии и статистики Киевского университета Святого Владимира Дмитрий Иванович Пихно писал: «Многие у нас, как и у вас, ищут спасения в конституции. Другие, в том числе и я, утверждают, что, не создавая никаких ограничений для власти, не связывая её, нужно прежде спросить страну, призвать её только для совета, а затем уже решать, что нужно делать».

Один из основоположников российского либерализма, сотрудник газеты «Голос», профессор государственного права Александр Дмитриевич Градовский изложил свои мысли в записке Михаилу Тариеловичу Лорис-Меликову для передачи императору. Известный либерал доказывал необходимость создания некой следственной комиссии для изучения причин возникновения нигилистического движения. Но какую-либо конкретную программу не выдвигал.

А вот граф Пётр Павлович Шувалов в своей записке считал, что одних репрессивных мер для борьбы с нигилиз-

мом недостаточно. Шувалов высказывался за необходимость привлекать выборных от земства.

4 марта 1881 года был составлен циркуляр Министерства иностранных дел. «Внешняя политика Его величества, — говорилось в документе, — будет миролюбивою по существу. Россия останется верна державам, с которыми связывают её издавна установившиеся дружба и сочувствие, и будет отвечать взаимностью на добрые отношения к ней всех государств... Россия полагает, что её цели тесно связаны с всеобщим миром, основанным на уважении к праву и к договорам. Прежде всего она должна заботиться о себе самой и не оставлять своей внутренней работы иначе, как для защиты своей чести и безопасности. Государь император ставит себе целью сделать Россию мощной и преуспевающей, ей во благо и не во зло другим... Государь император посвятит себя, прежде всего, делу внутреннего государственного развития, тесно связанному с успехами гражданственности и вопросами экономическими и социальными, составляющими ныне предмет особых забот всех правительств».

После того как циркулярная депеша была разослана за границу всем русским дипломатическим представителям, в Россию из-за рубежа стали поступать различные советы и предложения императору.

Этих советов и предложений также было много. Одним из первых на стол императора в Зимнем дворце легло письмо императора Вильгельма I. Престарелый император предостерегал своего внучатого племянника от «подводных камней, которых необходимо избегать при даровании конституции». Он не отрицал пользы созыва народных представителей, но рекомендовал не вводить всеобщего избирательного права и не допускать парламент к реальному управлению государством. А также практиковать трёхгодичный бюджет, разрешить равноправность вероисповеданий и «не допускать неограниченной свободы преподавания и печати».

Больше всего поражали письма от людей, не имевших никакого представления о российской жизни. Таким было послание от префекта парижской полиции Луи Андрие. Среди его рекомендаций было предложение императору издать манифест, в котором рекомендовалось объявить, что он, император, желает дать народу гарантии благосостояния и спокойствия не только строгим сохранением существующих законов, но также реформами и постепенно расширяемой свободой, подобно тому, как это делал

его усопший родитель. Никакое правительство не должно уступать перед насилием нигилистов. Есть раны, которые требуют раскалённого железа, и нигилизм из числа таких ран. «Для страшных болезней нужны страшные лекарства... Террористов следует укротить, как укрощают диких зверей... Следует купить кого-либо из нигилистов: купленный продаст и сообщников».

Конечно же, исходили предложения и от Константина Петровича Победоносцева. Своими письмами, записками и советами изо дня в день он побуждал Александра III к более решительной и жёсткой политике. «Не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от Вас исходящую», — писал он 3 марта.

6 марта К. П. Победоносцев обстоятельно рекомендовал Александру III направить правительственную машину по более твёрдому политическому курсу. «Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради Бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте, — настаивал Победоносцев. — Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день... Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может ещё играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведёт Вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вёл игру внутренней интриги».

Многие земства, а точнее, тридцать одно уездное и семь губернских, выступили с заявлениями о полной поддержке царя и правительства и готовности «пойти на борьбу с крамолой». Экстренное московское губернское земское собрание, состоявшееся 7 марта, обратилось к императору с ходатайством о сооружении в Московском Кремле на средства всей земли Русской памятника Александру II за его достойные дела: освобождение миллионов крестьян, создание земского и городского самоуправления, введение правого и скорого суда.

Выбор курса

Александр III знал, что 4 марта отец планировал провести особое совещание Комитета министров, на котором следовало решить вопрос, публиковать ли правительственное сообщение о создании редакционных комиссий, пред-

ложенных Михаилом Тариеловичем Лорис-Меликовым, или нет.

Вопрос о создании редакционных комиссий Александр Александрович, император Александр II и М. Т. Лорис-Меликов обсуждали ещё летом 1880 года до отъезда в Ливадию. Затем не раз поднимали эту тему после возвращения императора и наследника из Крыма. И тогда всё время звучала тема проведения ряда экономических реформ.

Развивая идею реформ, Лорис-Меликов представил императору 28 января 1881 года документ, в котором предлагал учредить временные подготовительные комиссии. В состав комиссий должны были войти правительственные чиновники и выборные представители от земств и органов городского самоуправления. Михаил Тариелович, призывая к решительной борьбе с террористами, одновременно пытался привлечь на свою сторону оппозиционную часть общества. Проект получил неофициальное название «Конституция Лорис-Меликова».

Обсудить этот проект и должно было 4 марта особое совещание Комитета министров.

Александр III решил, что такое совещание необходимо провести как можно раньше. И поэтому приказал собрать Комитет министров 8 марта, в воскресенье, в два часа дня, в Малахитовом зале Зимнего дворца.

Председательствовать на заседании император решил сам.

К назначенному времени в Малахитовый зал один за одним входили члены Комитета министров: председатель Комитета министров Пётр Александрович Валуев, министр внутренних дел Михаил Тариелович Лорис-Меликов, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров, министр Императорского двора и уделов Александр Владимирович Адлерберг, министр путей сообщения Константин Николаевич Посъет, министр государственных имуществ Андрей Александрович Ливен, министр финансов Александр Агеевич Абаза, министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков, министр почт и телеграфов Лев Саввич Маков, главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии Сергей Николаевич Урусов, государственный контролёр Дмитрий Мартынович Сольский, управляющий Морским министерством Алексей Алексеевич Пещуров, товарищ министра иностранных дел Николай Карлович Гирс,

управляющий делами Комитета министров Николай Павлович Мансуров, главноуправляющий Четвёртым отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии принц Ольденбургский, государственный секретарь Егор Абрамович Перетц.

Кроме членов Комитета министров по решению монарха были приглашены граф Сергей Григорьевич Строганов, Константин Петрович Победоносцев и председатель департамента государственной экономии Государственного совета генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов. В числе собравшихся были также трое великих князей: Владимир Александрович, Константин и Михаил Николаевичи. Великий князь Николай Николаевич не приехал в связи с болезнью.

Большинство прибывших на совещание только перед самым началом его узнали, что обсуждаться будет предложение М. Т. Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земств и городов для разработки обширной программы новых законодательных вопросов.

Ход совещания нашёл отражение в дневниках Петра Александровича Валуева, Дмитрия Алексеевича Милютина и Егора Абрамовича Перетца. Впечатления об этом совещании изложены также в письме К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчевой от 11 марта 1881 года. Согласно этим документам всё происходило следующим образом.

Ровно в два часа дня Александр III вышел в Малахитовый зал и пригласил всех перейти в зал заседания, который находился через комнату от Малахитового. Император остановился в дверях и поэтому имел возможность поздороваться с каждым участником совещания за руку.

В зале заседания стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном, вокруг которого были расставлены двадцать пять кресел. Перед каждым креслом на столе лежали бумага и карандаш. В центре стола, спиной к окнам, выходящим на Неву, было место монарха. Напротив государя, рядом с заведующим делами совета, расположился Михаил Тариелович Лорис-Меликов, который должен был выступать с докладом.

Когда все расселись за длинным столом, Александр III сказал:

«Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить её подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моём, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц. Журнал совещания, которое в сущности согласилось с проектом, был представлен Его величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частных. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки.

Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешённым, так как и покойный батюшка хотел прежде окончательного утверждения проекта созвать для рассмотрения его совет министров».

Затем Александр III попросил Лорис-Меликова прочесть записку о предложениях и проект публикации в «Правительственном вестнике».

Материал, зачитанный Лорис-Меликовым, был подготовлен ещё до гибели Александра II, поэтому первые страницы, где говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени, звучали малоубедительно. В этом месте Александр III, прерывая чтение, заметил: «Кажется, мы заблуждались».

Лорис-Меликов указал на недостатки в местном управлении и высказался о необходимости разработки важных законодательных проектов. Для того чтобы проекты эти были реальными и эффективными, он предлагал учредить особую редакционную комиссию, в которой кроме должностных лиц правительственных ведомств участвовали бы представители земства (по два от каждой губернии) и городов (по одному от каждого губернского города и два от столиц).

Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение Государственного совета. Права Госсовета остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была суть изложенного в записке. Чтение Лорис-Меликовым предлагаемых для обсуждения документов продолжалось более часа.

По словам военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, сначала казалось, что проходившее заседание будет «одною формальностью», поскольку дело получило уже высочайшее одобрение покойного императора и ныне царствующего государя. Однако в ходе обсуждения чётко определились две различные тенденции, два подхода к решению насущных вопросов государства: либеральный, то есть реформаторский, и консервативный.

Высказать мнение первому Александр III предложил сидевшему рядом с ним графу Сергею Григорьевичу Строганову. «Ваше величество, — сказал Строганов, — предполагаемая вами мера, по моему мнению, не только несвоевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная. Мера эта вредна потому, что с принятием её власть перейдёт из рук самодержавного монарха, который теперь для России, безусловно, необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время и без предполагаемой новой меры власть значительно ослабла, в журналах пишут Бог знает что и проповедуют невозможные доктрины».

Речь графа прерывалась репликами Лорис-Меликова.

В заключение Сергей Григорьевич сказал: «Путь этот ведёт прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России...» На это император признался: «Я тоже опасаясь, что это — первый шаг к конституции».

Затем Александр III предложил выступить Петру Александровичу Валуеву.

«...Я, с моей стороны, — заметил председатель Комитета министров, — не могу разделить тех опасений, которые только что были высказаны глубокоуважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем. Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и её населения, до крайности разнообразного... Вам, государь, неизвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно было сделано мною в несколько иной только форме в 1863 году во время польского восстания и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей...»

В целом Валуев «произнёс красноречивую речь» в пользу предложений Лорис-Меликова.

Военный министр граф Дмитрий Алексеевич Милютин поддержал его позицию и высказал твёрдое убеждение «в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора». Он напомнил также, что почти все прежние реформы разрабатывались с участием представителей местных интересов и никаких неудобств от того не замечалось.

Министр почт и телеграфов Лев Саввич Маков, выступивший после Милютина, поддержал позицию, высказанную графом Строгановым. Он признался, что предложения графа Лорис-Меликова направлены на ограничение самодержавия, а это, по его словам, неминуемо приведёт Россию к гибели.

Вслед за Маковым взял слово министр финансов Александр Агеевич Абаза. Д. А. Милютин отметил в своём дневнике, что Абаза «произнёс прекрасную речь, в которой, опровергнув намёки Макова на покушение ограничить самодержавную власть, объяснил, что, напротив того, призыв к деятельности представителей от земства укрепит и поддержит авторитет правительства. Абаза привёл в пример предстоящую и совершенно необходимую податную реформу, которую решительно невозможно совершить без содействия представителей от всех классов общества».

Выступая в прениях, Лорис-Меликов подчеркнул важность того, «чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди». «Предлагаемая теперь мера, — убеждал он, — может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, — через три месяца нынешние, в сущности, весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми».

С обширной речью выступил обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев. По словам Перетца, он был «бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный». «Ваше величество, по долгу присяги и совести, — начал Константин Петрович, — я обязан высказать вам всё, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: “Finis Poloniae”, так теперь едва ли не приходится сказать и нам: “Finis Russiae”.

При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...»

Глубоко преданный принципам самодержавия, отстаивая его незыблемость, Победоносцев подобно Строганову и Макову уверял, что предложения Лорис-Меликова прямо ведут к конституции по примеру Западной Европы. «Конституции, там существующие, — говорил Константин Петрович, — суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество... Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство её представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное своё мнение и взгляды...»

«Я думаю то же, — поддержал его государь. — В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

Далее, заявив, что «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царём», Победоносцев обрушился с резкой критикой на всю систему реформ шестидесятых годов. Уничтожающему порицанию подверг он разного рода «говорильни» — земские, городские, судебные учреждения и печать. «И когда, государь, предлагают нам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? — задал оратор риторический вопрос. — Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, — когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребённый ещё прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми... В такое ужасное время, государь, — подчеркнул обер-прокурор Синода в заключение, — надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!»

Речь Победоносцева произвела ошеломляющее впечатление на всех присутствующих и особенно на Александра III. П. А. Валув записал в своём дневнике: «Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в которой называл всё предложенное и всё европейское (sic) величайшей фальшью».

Министр финансов Александр Агеевич Абаза, «как ножом в сердце пораженный» речью Победоносцева, первым попытался нейтрализовать её эффект. «Ваше величество, — обратился Абаза к императору, — речь обер-прокурора Св. синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого, скажу смело — великого царствования».

Выступивший с большой речью государственный контролёр Дмитрий Мартынович Сольский аргументированно защищал предложения Лорис-Меликова.

В заключение Сольский заметил, что Победоносцев «представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего положения. Но дальше этого он не пошёл. Он раскритиковал всё, но сам не предложил ничего... Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным — невозможно».

Взявший затем слово министр путей сообщения Константин Николаевич Посьет выразил своё мнение о предложении министра внутренних дел Лорис-Меликова. Оно было отрицательным.

Принявшие участие далее в обсуждении министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров, министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович высказались за обсуждаемое предложение.

Главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии князь Сергей Николаевич Урусов, принц Александр Петрович Ольденбургский и министр государственных имуществ князь Андрей Александрович Ливен высказались довольно неопределённо и предложили ещё раз обсудить рассматриваемый проект Лорис-Меликова в Комитете министров.

Граф Сергей Григорьевич Строганов незадолго до закрытия совещания заявил, что также не возражал бы против пересмотра в Комитете министров.

Председатель же департамента законов князь Сергей Николаевич Урусов, уточняя своё предложение, посовето-

вал обсудить проект Лорис-Меликова сначала не в Комитете министров, а в небольшой комиссии из лиц, назначенных государем.

Александр III, так и не высказавший своего мнения относительно проекта Лорис-Меликова, дал согласие назначить комиссию.

Все понимали, что император занял выжидательную позицию.

Ультиматум

Предложения о том, что делать новому императору, продолжали поступать отовсюду. Самые невероятные, самые разнообразные, порой просто нелепые. Но одно из них выходило за все рамки нравственных норм. Убийцы отца отправили его сыну манифест. Письмо с манифестом исполнительного комитета «Народной воли» легло на стол императора 12 марта. Адресованное Александру III, оно было опущено в почтовый ящик, находившийся у здания городской думы на Невском проспекте. Одновременно текст письма был отпечатан в нелегальной типографии «Народной воли» тиражом около тринадцати тысяч экземпляров.

Обращение к Александру III содержало политическую программу-минимум партии «Народная воля». Как потом выяснилось, в основу «Письма исполнительного комитета Александру III» был положен текст Л. А. Тихомирова с незначительной стилистической правкой публициста Н. К. Михайловского.

Текст манифеста был таков:

«Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принуждён жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждёт тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжёлыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего, происшедшего в течение последнего десятилетия, она являлась совершенно неизбежной, и в этом её глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы “шайки” — может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов.

В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно всё-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством. Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя обвинить в недостатке энергии. У вас вешали и правого и виноватого, тюрьмы и отдалённые губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых “вожаков” переловлены, перевешаны: они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Правительство, конечно, может ещё переломить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьёзные из существующих революционных организаций. Но ведь всё это несколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя уничтожить его неудовольствие посредством репрессалий: неудовольствие, напротив,

растёт от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа всё в большем количестве новые личности, ещё более озлобленные, ещё более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет.

Какую пользу принесла гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей 74 года? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций, путём естественного подбора, вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжёлое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторятся всё более обострённо; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп всё более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно всё более падать, мысль о революции, о её возможности и неизбежности — всё прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии — на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время, когда эти силы, при других условиях, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства, в истинном его смысле, не существует. Правительство по своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создаёт самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает в большее рабство, всё более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, не свободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, не властны даже в своих мирских общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор, самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждёт человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный “порядок”? Неужели это не шайка, неужели не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает у огромной части населения радость и сочувствие! Да, ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно. Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя отворотить никакими казнями, или — добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех самых страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твёрдо ре-

шится осуществлять лишь требования народного сознания и совести — вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные вокруг него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что вы представитель той власти, которая только обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам как к гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но ещё братьев, жён, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждём того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий — по нашему мнению, два:

1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга.

2) Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходов, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны, безусловно, подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество — решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение единственно сообразное с благом России, вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исполнительный комитет, 10 марта 1881 г.

Типография “Народной Воли”, 12 марта 1881 года».

Этот манифест можно было смело назвать ультимативным. По сути, через одиннадцать дней после убийства царя убийцы отправили новому императору ультиматум.

Народовольцы ожидали, что после смерти царя начнётся революционное выступление масс. А листовки с текстом манифеста станут своего рода запалом к социальному и революционному взрыву. Однако, несмотря на все ожидания, ничего похожего не произошло.

В течение нескольких дней к присяге новому императору Александру III были приведены все государственные органы страны и армия.

Схваченный полицией народоволец Николай Рысаков сообщил властям все необходимые и важные сведения. Совсем ещё молодой человек, Рысаков был увлечён романтикой подпольной деятельности, считал себя героем, выполняющим особую миссию, но когда все героические события закончились и впереди маячила виселица, испуганный юноша подробно рассказал обо всём и обо всех. В течение нескольких дней были арестованы организаторы и исполнители убийства Александра II.

Оставшиеся на свободе народовольцы были вынуждены с горечью признать, что убийство Александра II не оправдало их ожиданий.

Весь март 1881 года прошёл в многочисленных встречах, обсуждениях и работе с огромным количеством бумаг.

О том, в какой обстановке находился молодой император в мартовские дни, говорит одно из посланий К. П. Победоносцева. Константин Петрович искренне тревожился за царя и напоминал:

«Ради Бога, примите во внимание нижеследующее.

1) Когда собираетесь ко сну, извольте запирайте за собою дверь не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2) Непременно наблюдать каждый вечер перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3) Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, всё ли в порядке.

4) Один из Ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от Вас, в этих же комнатах.

5) Все ли надёжны люди, состоящие при Вашем величестве? Если кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его...»

26 марта начался суд над народовольцами — организаторами и исполнителями убийства Александра II: А. Желябовым, С. Перовской, Т. Михайловым, Н. Кибальчичем, Г. Гельфман и Н. Рысаковым.

Ещё до суда граф Лев Николаевич Толстой написал Александру III письмо, в котором, ссылаясь на Евангелие, просил о помиловании убийц и убеждал молодого венценосца не начинать своего царствования с дурного дела, а стараться душить зло добром и только добром. Это письмо он попросил передать императору Константина Петровича Победоносцева. Но Победоносцев письмо передавать царю отказался, о чём и уведомил Толстого. «Ваша вера одна, а моя и церковная — другая», — написал он графу. Толстой всё же сумел сделать так, что его письмо оказалось на столе императора.

Александр III велел передать Льву Николаевичу, что если бы покушение было совершено на него самого, он мог бы помиловать преступников, но убийц отца он не имеет права простить.

На следующий день, 27 марта, в памятной книжке 1881 года Александр III сделал по обыкновению лаконич-

ную запись: «Переехали с Минни и детьми на жительство в Гатчину».

Выбор основной резиденции, расположенной в сорока шести километрах к юго-западу от Санкт-Петербурга, был не случайным. Это место император хорошо знал и любил. Отец, император Александр II, в 1857 году перевёл сюда императорскую охоту и часто брал сыновей с собой в заповедник. И вот теперь Гатчинский дворец, внешним обликом и расположением напоминавший крепость, подготовленную к обороне в условиях длительной осады, стал резиденцией Александра III.

История Гатчины началась во времена Петра I. В 1734 году императрица Анна Иоанновна подарила Гатчинскую мызу с приписанными к ней деревнями обер-шталмейстеру князю Александру Борисовичу Куракину «в личное потомственное владение». В 1765 году мызу с двадцатью окрестными деревнями и мельницей купила Екатерина II, пожаловавшая её графу Григорию Григорьевичу Орлову. Обширные поместья вблизи Петербурга Орлов получил в благодарность за участие в дворцовом перевороте 1762 года, в результате которого Екатерина взошла на престол. Кроме того, с 1762 года Орлов был фаворитом императрицы.

Дворцово-парковый ансамбль формировался в живописной холмистой местности вокруг цепочки озёр — Белого, Чёрного, Серебряного и др.

Для строительства дворца в Гатчину был приглашён итальянский архитектор Антонио Ринальди. Орлов якобы заявил нанятому архитектору: «Не хочу как у всех. Хочу по-другому!» И Ринальди, по мнению многих ценителей архитектуры классицизма, превзошёл себя.

К западу от Серебряного озера и Карпина пруда он построил главное сооружение ансамбля — трёхэтажный прямоугольный в плане дворец в стиле раннего классицизма. На углах паркового фасада размещались две пятигранные башни и два боковых корпуса, соединённые с дворцом полуциркульными галереями. На южной правой — Часовой — башне были установлены часы-куранты, на левой — Сигнальной — поместили громоотвод, который позже перенесли на городскую каланчу. Передний фасад дворца чрезвычайно прост и скромен.

Для облицовки замка Ринальди использовал не мрамор, которым было уже трудно удивить искушённых русских вельмож, а местный камень — известняк «цвета туманного неба». Эффект оказался ошеломляющим. Характерной

особенностью этого камня является способность изменять цвет в зависимости от погоды или времени года. В яркий солнечный день стены дворца кажутся золотистыми, а в пасмурную погоду приобретают холодный стальной оттенок. Строгому внешнему облику дворца Ринальди намеренно противопоставил изысканную и утончённую внутреннюю отделку.

По последнему слову паркового искусства того времени создавался и Гатчинский парк. Это был первый в истории русского паркостроения пейзажный парк. В нём демонстрировались достоинства свободной планировки, которая приближала искусственно созданные пейзажи к естественной красоте природы.

Екатерина II, проявлявшая живой интерес и к ходу строительства, и к своему фавориту, многократно посещала Гатчину. После смерти Орлова в 1783 году замок со всем имуществом, садом и землями Екатерина II выкупила у его наследников и подарила своему сыну, наследнику престола Павлу Петровичу, который называл мызу «Милое Гатчино».

Павел Петрович владел Гатчиной почти восемнадцать лет. По его мысли, Гатчина должна была стать образцовым городом Российской империи. Он осуществил коренные преобразования в своей любимой резиденции. При Павле был перестроен дворец. Теперь в нём появились новые парадные и личные интерьеры императорской семьи. В парке были разбиты участки с регулярной планировкой: Собственный и Голландские сады, Лабиринт, Сильвия. Название Сильвия получила северо-западная часть дворцового парка. Считается, что Павел I пожелал воспроизвести там черты планировки и облика парка в Шантильи. Сильвия создавалась в 1792—1800 годах; именно тогда здесь были высажены тысячи деревьев, проложены парковые аллеи и дорога в Большой зверинец.

«Малый», павловский двор проводил в Гатчине весенние и осенние месяцы. В окрестностях и на озёрах устраивались армейские манёвры, на плацу перед дворцом — смотр и парады.

Приняв императорский титул, Павел I присвоил Гатчине статус города. Указ об этом был провозглашён 11 ноября 1796 года, и таким образом Гатчина стала триста двадцатым городом Российской империи. С этого времени она получила статус личной резиденции российских императоров. Отныне дворец и город постоянно были в центре общественной жизни страны.

Павел Петрович отличался веротерпимостью, поэтому при нём в Гатчине помимо православных храмов были построены лютеранская кирха и католический костёл. Продолжались работы по благоустройству дворца. Внутри он превратился в подлинную сокровищницу произведений искусства. Из Эрмитажа сюда было переправлено свыше ста картин, старинное оружие, античные статуи, французские гобелены. Зелёный луг перед дворцом был превращён в плац — парадную площадь с каменными бастионами и подъёмным мостом.

В это же время воплощаются оригинальные «затеи» императора: архитектор Николай Львов возводит на берегу Чёрного озера Приоратский дворец — изящный, западноевропейского типа «замковый ансамбль из умятой земли» с высокой каменной башней. Этот дворец был построен по уникальной землебитной технологии.

Это «земляное игуменство» предназначалось для учреждённого в России в 1797 году великого приорства Мальтийского ордена. Возглавлял его приор (игумен) француз Конде, которого Павел I пригласил в Гатчину. Сам же правитель России принял титул Великого магистра Мальтийского ордена. Однако выдворенные с Мальты иоанниты — члены духовно-рыцарского ордена — в холодную Россию не приехали. И Приоратский дворец так и не использовался по своему прямому назначению.

Императрица Мария Фёдоровна, жена Павла I, владела Гатчиной после убийства императора с 1801 по 1828 год. В это время во дворце были проведены ремонтные работы, которыми руководил А. Н. Воронихин.

В первой четверти XIX столетия дворцово-парковый ансамбль Гатчины становится подлинным шедевром ландшафтного искусства. Он состоял из четырёх крупных массивов общей площадью более семисот гектаров, зелёным кольцом опоясывающих Гатчину: Дворцовый, Приоратский парк, Зверинец и Сильвия.

При следующем владельце Гатчины, императоре Николае I, был существенно перестроен дворец и даже город. В 1844 году архитектор Роман Иванович Кузьмин начал перестройку Кухонного и Арсенального каре дворца, Бастионной стены, ремонт центрального корпуса. С этого времени общественная и светская жизнь двора переместилась в Арсенальное каре, а залы XVIII века использовались лишь в особо торжественных случаях.

В 1851 году на плацу перед дворцом состоялось торжественное открытие памятника Павлу I. При открытии памятника Александр III, тогда ещё маленький мальчик, стоял в форме павловского солдата почётным часовым.

В 1854 году открылось железнодорожное сообщение между Петербургом и Гатчиной.

В период правления Александра II Гатчина стала местом проведения императорской охоты. И вот с марта 1881 года — резиденцией российского монарха.

Точнее всех сформулировал причину переезда сюда императора в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович:

«...Выработав новую политическую программу, Александр III обратился к важному вопросу обеспечения безопасности царской семьи. Он решил его единственным логическим способом — именно переехав на постоянное жительство в Гатчинский дворец. Гордость царя была задета: “Я не боялся турецких пуль и вот должен прятаться от революционного подполья в своей стране”, — говорил он с раздражением. Но император Александр III сознавал, что Российская империя не должна подвергаться опасности потерять двух государей в течение одного года.

Что же касается его государственной работы, то она только выиграла от расстояния, отделявшего Гатчину от С.-Петербурга. Это расстояние дало Александру III предлог для того, чтобы сократить, елико возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитов родственников.

Император томился на семейных собраниях. Он находил бесцельной тратой времени бесконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями. Значительно уменьшилось число различных пышных приёмов, раутов, совещаний и балов».

Граф и общественный деятель Сергей Дмитриевич Шереметев писал:

«...Переезд этот в Гатчину очень критиковали... Гатчино, Гатчинский период, времена императора Павла, гатчинцы — все эти звуки переносили в безотрадное время ненормального царствования даровитого, благородного, пылкого, но и злополучного государя. Всё это казалось мрачным и без 1 марта.

Конечно, переезд в Гатчину был актом, лишённым всякого оттенка кому-либо понравиться. Нельзя было более решительным образом выказать самостоятельность воли,

чуждой всякого колебания. Александр III переехал в Гатчину и не побоялся сравнений и сопоставлений. Не уступал никаким доводам. Он сразу определённо выказался, каким он есть, и не хотел ничем иным казаться. Гатчина ему нравилась и нравилась всегда; переезд совершился просто, естественно, бесповоротно.

Только человек с нравственной силою Александра III мог отважиться на такой шаг, словно сознавал он, что печать, наложенная с 1881 года на Гатчино, будет настолько самобытна, что ей нечего будет смущаться никакими сравнениями. Пусть покоится нерушимо многострадальная тень императора Павла. Отныне значение Гатчины в русской истории будет иное. Всё претворилось в 13-летнее царствование Александра III, всё приняло иное освещение, иной отпечаток, иную окраску. Замерли звуки, напоминавшие мрачное прошлое, всё заслонилося величавым образом Александра III, созидательным значением его царствования. В Гатчине уединялся он, непрестанно работая. В живительном воздухе почерпал он новые силы. В Гатчино он вложил свою душу и здесь более чем где-либо он встаёт во весь рост, и всё им проникнуто».

В Гатчинском дворце ещё всё обустроивалось, когда 29 марта в Петербурге закончился суд над убийцами Александра II, которых уже успели окрестить «первомартовцами».

Подробные рассказы о процессе император Александр III выслушивал от прибывших в Гатчину министров и тех, кто был на судебных заседаниях. Эти рассказы свидетели перенесли в дневники. Военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин записал: «Весьма занимательно было выслушать этих несчастных фанатиков, спокойно и почти с хвастовством рассказывавших о своих злодейских проделках, как будто о каких-нибудь подвигах и заслугах. Более всех рисовался Желябов; эта личность выдающаяся. Он прочёл нам целую лекцию об организации социалистических кружков и развил бы всю теорию социалистов, если б председатель (сенатор Фукс) дал ему волю говорить. Желябов не отпирался в своём руководящем участии в покушениях на цареубийство: и в 1879 году под Александровом, и в подкопе в Малой Садовой, и, наконец, 1 марта на Екатерининском канале. Перовская также выставляла себя с цинизмом деятельною участницей в целом ряде преступных действий; настойчивость и жестокосердие, с которыми она действовала, поражали противоположностью с её тщедушным и почти скром-

ным видом. Хотя ей 26 лет, но она имеет вид неразвившейся ещё девочки. Затем Кибальчич говорил складно, с энергией и обрисовал свою роль в организации заговора — специалиста-техника. Он прямо объявил, что по своему характеру не считает себя способным к активной роли, ни к убийству, но, сочувствуя цели социалистов-революционеров, принял на себя изготовление составов и снарядов, нужных для приведения в исполнение их замыслов. Михайлов имел вид простого мастерового и выставлял себя борцом за освобождение рабочего люда от тяжкого гнёта капиталистов, покровительствуемых правительством. Еврейка Гельфман говорила бесцветно; она не принимала непосредственного участия в преступлении 1 марта. Наконец, Рысаков, на вид мальчишка, говорил, как школьник на экзамене. Очевидно было, что он поддался соблазну по легкомыслию и был послушным исполнителем распоряжений Желябова и Перовской. Замечательно, что все подсудимые говорили прилично и очень складно; особенно же речист и самоуверен Желябов».

Оставил запись в дневнике государственный секретарь Егор Абрамович Перетц: «Три дня я провёл в суде над злоумышленниками первого марта. Рысаков — слепое орудие. Это несчастный юноша, имевший прекрасные задатки, сбитый совершенно с толку и с прямого пути социалистами. Михайлов — дурак. Кибальчич — очень умный и талантливый, но озлобленный человек... Душа дела — Желябов и Перовская. Первый из них похож на ловкого приказчика со Щукина двора, произносящий громкие фразы и рисующийся; Перовская — блондинка небольшого роста, прилично одетая и причёсанная, должна владеть замечательною силой воли и влиянием на других. Преступление 1 марта, подготовлявшееся Желябовым, было после его арестования приведено в исполнение по её плану и благодаря замечательной её энергии».

Страстную пятичасовую обвинительную речь прокурора Николая Валериановича Муравьёва Милютин назвал «превосходной». «Муравьёв, — заметил военный министр, — весьма талантливый молодой человек, в полном смысле слова оратор». Также высоко оценил эту речь и Е. А. Перетц: «Речь прокурора Муравьёва была очень хороша, даже блестяща».

Приговор был одинаков для всех — смертная казнь через повешение. Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, которые были отклонены. Только для Геси Гельфман, которая ждала ребёнка, казнь была отсрочена.

В день окончания судебного процесса профессор философии Владимир Сергеевич Соловьёв выступил в зале Кредитного общества с лекцией «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Свою речь Соловьёв закончил призывом к царю помиловать участников убийства Александра II. У большей части аудитории эта выходка вызвала взрыв оваций. Зато другие присутствовавшие в аудитории чуть было не избили философа.

30 марта император получил письмо от Константина Петровича Победоносцева:

«Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осуждённых преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращённые мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошёл до старика гр. Строганова, который приехал ко мне сегодня в волнении.

Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности».

«Будьте спокойны, — ответил Александр III Константину Петровичу Победоносцеву, — с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

3 апреля 1881 года на петербургских улицах рано утром было расклеено правительственное сообщение:

«Сегодня 3 апреля, в 9 часов будут подвергнуты смертной казни через повешение государственные преступники: дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, мещанин Николай Рысаков, крестьяне Андрей Желябов и Тимофей Михайлов. Что касается преступницы мещанки Гельфман, то казнь её, ввиду её беременности, по закону отлагается до её выздоровления».

Участники убийства императора Александра были казнены на Семёновском плацу. Это была последняя публичная казнь в России. Вскоре был издан особый указ, отменявший публичное исполнение смертных приговоров.

Гesia Мироновна Гельфман после родов умерла в заключении. Её ребёнок был усыновлён, что породило много толков, версий и слухов относительно судьбы мальчика.

Хозяйка и хозяин

Мария Фёдоровна понимала, что переезд на новое место есть необходимое условие их жизни, но сначала без особого энтузиазма отнеслась к Гатчине. В письме матери (на следующий день после отъезда сестры и брата) она писала:

«...Мы поехали сюда (в Гатчину. — А. М.), что поначалу было для меня ужасно. Но сейчас, когда мы устроились довольно красиво и уютно в маленькой скромной *entre sol* (антресоли. — А. М.) в большом дворце, я начинаю находить это лучше, чем я могла ожидать, потому что здесь спокойно, и я не должна принимать так много людей...»

Александр III с семьёй разместился в Арсенальном каре дворца. К удивлению всех, для личных апартаментов из пятисот двадцати восьми помещений дворца было выбрано несколько маленьких и невысоких комнат в так называемых антресолях, между нижним этажом и бельэтажем, где в Павловы годы, по всей видимости, размещалась лишь придворная челядь. Обыкновенный человек среднего роста легко доставал там рукою до потолка, а император был высок и любил воздух. Одни окна комнат выходили в Собственный сад, другие — в Голландский.

По указанию царя выбранные им для проживания апартаменты были украшены картинами его любимых художников — Боголюбова, Поленова, Зичи.

Из всех комнат наибольшее впечатление оставляла гостиная императрицы, которая всегда была заполнена цветами. Дети называли её «комнатой ароматов».

Уже через полгода хозяйка дворца императрица Мария Фёдоровна пишет матери с другим настроением:

«Сейчас мы снова устроились в красивой Гатчине в наших маленьких, но очень удобных комнатах, которые стали даже более красивыми, потому что я взяла только старую красивую мебель, находящуюся здесь, всю в стиле *jacob*, которая смотрится так красиво».

В Гатчине было не только красиво, но — что важнее — безопасно. А вопрос с безопасностью был далеко не праздным. 2 (14) апреля в письме матери Мария Фёдоровна описывала подробности их новой жизни в Гатчине:

«Мальчиков мы никогда не пускаем гулять одних. Они всегда ходят в нашем сопровождении, и мы пытаемся оградить их от всего горестного и неприятного, чтобы они не чувствовали то давящее время, в котором мы теперь живём, так как это может пагубно отразиться на них, так как первые детские жизненные впечатления всегда очень сильны».

Царские апартаменты, по мнению телохранителей, имели бесценное достоинство: все они выходили в круговой коридор, что облегчало охрану. Срочно был заложен подземный ход из здания и установлена сложная секретная сигнализация. Чтобы попасть в апартаменты царя, надо было пройти по двум ничем не примечательным винтовым лестницам либо по коридору от роскошной мраморной лестницы, открывающей парадные покои.

Посетив дворец, князь Владимир Петрович Мещерский был поражён скромной обстановкой царских апартаментов. «Я пришёл в изумление, — признавался он, — когда, пройдя все залы, все гостиные и спустившись вниз по лестнице в какой-то коридор, остановлен был скороходом у одной двери и услышал от него, что это дверь в кабинет императрицы. Я вошёл в маленькую комнату, где застал императрицу в обстановке, где не было заметно малейшего признака роскоши и где никак нельзя было себе представить жилище русской царицы.

После аудиенции у императрицы тем же коридором я был проведён скороходом до комнат государя.

В приёмной, в которую меня ввели, я увидел те же маленькие комнаты и ту же полнейшую простоту, а когда вышедший камердинер мне сказал: «Государь Вас просит» — и я вошёл в кабинет русского государя, мне показалось, что я в комнате скромного по положению и по средствам жильца в хорошо содержимом доме».

У Александра III было четыре приёмных зала и кабинет в бельэтаже Арсенального каре. Мария Фёдоровна приём своих посетителей проводила в бывших залах императрицы Александры Фёдоровны — жены Николая I.

В случае особо значимых приёмов гости собирались в залах XVIII века — Белом, Тронных и Мраморной столовой. В дни праздников или памятных дат для трапез нижних чинов и прислуги использовались третий этаж центрального корпуса и помещения Кухонного каре.

По распоряжению царя в Гатчинский дворец закупались и привозились из других дворцов живопись, иконы, фарфор. Здесь разместили привезённую из Таврического дворца и дворцовых складов мебель XVIII века, в том числе и вышедшую из мастерской Давида Рентгена, бронзу лучших французских мастеров — часы, канделябры, вазы.

Обстановку приёмных залов и кабинета монарх подбирал сам, о чём свидетельствуют отметки в памятных книжках: «Устраивал картины Зичи в Арсенале и вазы в галерее»; «в 3 ¹/₄ был в залах, устраивал старинную мебель»; «устроивал образа в церкви».

С тех пор как семья переселилась в Гатчину, Мария Фёдоровна была лишена одного увлечения: она очень любила гулять по Невскому. Супруг считал это простительной дамской слабостью и иронизировал по поводу пристрастия Марии Фёдоровны. У него появился даже «свой» глагол, обозначающий эти прогулки: «*Madame vous allez хлыще*». Это словечко он производил от слова «хлыщ» («хлыщить»), то есть уподобляться катающимся по Невскому в экипажах хлыщам. Видимо, слово прижилось в семье, поскольку Николай II в своих дневниках в молодые годы частенько употреблял его по отношению к себе.

Из лиц, близких государыне, во дворце жили или приезжали погостить обер-гофмейстера княгиня Елена Павловна Кочубей, фрейлины графиня Софья Александровна Апраксина, Александра Сергеевна Озерова, сёстры камер-фрейлины Аглаида Васильевна и Мария Васильевна Голенищевы-Кутузовы. Навещали императрицу и другие лица, состоявшие при ней и работавшие под её началом.

Ещё в Петербурге, в Аничковом дворце, в семье Александра III сложилась традиция вечерних семейных чтений. В Гатчине эта традиция продолжилась. По свидетельству современников, Александр III очень любил Гоголя, следил за новинками современных писателей и охотно читал вслух и чуть ли не каждый день императрице Марии Фёдоровне и детям.

Ратники государственной безопасности

Караул во дворце несли лейб-гвардии Кирасирский полк, занявший одиннадцать внутренних и девятнадцать наружных постов, и полуэскадрон, то есть шестьдесят четыре всадника. В первые полтора месяца пребывания госу-

даря в Гатчине ежедневно в дворцовом наряде было около ста семидесяти человек.

В помощь кирасирам в Гатчину был переведён Терский эскадрон Собственного Его величества конвоя, а из Варшавы вызван Кубанский дивизион. Эти отряды сменяли кирасир через день на постах внешней охраны и выставляли усиленные посты внутреннего караула. Кроме того, была сформирована особая охранная команда от гвардейских полков — Сводно-гвардейская рота. Из Санкт-Петербурга в Гатчинский дворец переводились специальная дворцовая полицейская команда и отряды полиции.

Для входа во дворец завели пропуска нового образца с фотокарточками. Осмотр комнат Арсенального каре (комплекс залов XIX века, где жил император) без высшего согласия не допускался. В крайнем случае приехавшим гостям позволялось осмотреть Главный корпус (залы XVIII века). Были во дворце и секретная часть, и морские минёры под руководством лейтенанта А. Смирнова. Все несшие службу в городе и во дворце стали на тринадцать лет ближайшим окружением императорской семьи: они участвовали в праздниках, богослужениях, театральных представлениях, приёмах, охотах и прогулках. Иными словами, этим людям было вверено спокойствие империи.

Переезд в Гатчину спутал революционерам на время все карты. Страсти улеглись, и «Гатчинский дворец стал, наконец, тем, чем он должен был быть, — местом трудов самого занятого человека России».

Известно, что самого Александра III усиленная охрана ставила в неудобное положение, обременяла и тяготила. Например, узнав об очередном увеличении охраны, Александр III послал начальнику охраны императора генералу П. А. Черевину бумагу следующего содержания:

«Несмотря на мои частые повторения, что я не желаю, чтоб, когда я выезжаю, за мною ездили мушары и проч., я опять замечая, что приказание моё не исполняется. Я не знаю, Ваши ли это люди или Грессера (генерал-адъютант, петербургский градоначальник в 1882—1892 годах. — А. М.), но прошу распорядиться, чтобы этого более не было, как мера совершенно лишняя и, конечно, ни к чему не ведущая. Я разрешил Грессеру, когда он находит нужным, самому иногда следовать за мною, когда известно, куда я еду, но кроме него я не разрешаю никому, потому что считаю эту меру глупую и весьма неприглядную.

Когда я еду по заведениям или госпиталям, всегда всё полицейское начальство той местности является туда, и, конечно, этого достаточно. Прошу в этот раз сделать распоряжение раз и навсегда, и чтобы не приходилось мне повторять это каждый год снова; мне это надоело. Я никогда не мешаю Вам и Грессеру принимать меры, которые Вы находите нужными, но следовать за собой положительно запрещаю».

В то же время император понимал, что спокойствие в стране во многом зависит от безопасности царской власти, уверенно исполняющей свой долг. Потеряв одного властелина России, нельзя рисковать потерей следующего.

Анна Фёдоровна Тютчева, бывшая многие годы фрейлиной императрицы Марии Александровны, посетила Гатчину после переезда туда императорской семьи и подметила в Александре III некоторые изменения:

«Я знала государя с детства... — с этого раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекающие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нём некоторую резкость и угловатость... В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределённое, неуверенное...

Теперь... у него появился этот спокойный и величественный вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твёрдость и ясность в словах, кратких и отчётливых, — одним словом, это свободное и естественное величие, соединённое с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами. Невозможно, видя его... не испытывать сердечного влечения к нему и не успокоиться, по крайней мере, отчасти, в отношении огромной тяжести, падающей на его богатырские плечи; в нём видны такая сила и такая мощь, которые дают надежду, что бремя, как бы тяжело оно ни было, будет принято и поднято с простотой чистого сердца и с честным сознанием обязанностей и прав, возлагаемых высокой миссией, к которой он призван Богом. Видя его, понимаешь, что он сознаёт себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти».

Во всё время пребывания в Гатчине императором принимались судьбоносные для страны решения. Гатчинский дворец стал центром правительственной деятельности: здесь проводились совещания, утверждались новые назначения, решались все государственные проблемы, как внутренней, так и внешней политики.

21 апреля 1881 года в Гатчине прошло очередное заседание Кабинета министров. В совещании участвовал и великий князь Владимир Александрович.

Как и 8 марта, в этот раз председательствовал сам император. Он открыл совещание заявлением о желании выслушать мнения министров о том, какие всё же следует принять меры и какую выработать программу для осуществления дальнейших шагов правительства.

Министры выступали один за другим, и казалось, что совещание проходит под знаком некоего примирения. Но получалось так, что это самое единодушие в речах министров отклонило совещание от основной темы. Александр III изредка прерывал речи репликами и пробовал свести разговор к поставленному первоначально вопросу. Но всё было бесполезно.

Тогда великий князь Владимир Александрович выступил с подготовленным письменным предложением об учреждении центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Но граф М. Т. Лорис-Меликов высказался против создания комиссии, мотивируя это тем, что у него уже приготовлен доклад относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос лучше отложить до другого раза.

В заключение царь выразил желание, чтобы министры собирались почаще для предварительных обсуждений общегосударственных вопросов, дабы достигнуть желаемого единства в действиях. А затем предложил министрам совместно обсудить те меры, которые признаются наиболее неотложными при существующих обстоятельствах, и пообещал назначить вторичное совещание для окончательного обсуждения мер.

В тот же день, 21 апреля, Александр III написал К. П. Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убеждён, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Странно слушать умных людей, которые могут серьёзно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма».

В конце письма император подчеркнул, что его брат Владимир так же, как и он, «не допускает выборного начала».

Это письмо подтолкнуло К. П. Победоносцева к решительным действиям. Он подготовил и 26 апреля, после согласования с министром государственных имуществ Николаем Павловичем Игнатьевым и членом Государственного совета Михаилом Николаевичем Островским, отправил Александру III проект манифеста, написанный совместно с приехавшим из Москвы Михаилом Никифоровичем Катковым.

На следующий день Александр III переслал проект своему брату — великому князю Владимиру Александровичу. Император писал:

«Посылаю тебе, любезный Владимир, мною одобренный проект манифеста, который я желаю, чтобы вышел 29.IV, день приезда моего в столицу.

Я долго об этом думал, и министры все обещают мне своими действиями заменить манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между тем шатание умов продолжается всё более и более и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к Конст. Петр. Победоносцеву составить мне проект манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужною и полезною России.

Кажется, манифест составлен очень хорошо, он был вполне одобрен гр. С. Г. Строгановым, который также нашёл своевременность подобного акта. Сегодня я лично прочёл манифест А. В. Адлербергу, который также вполне одобрил его. Итак, дай Бог, в добрый час. Сегодня я имел объяснение с гр. Адлербергом, результатом которого было, что он просится сам оставить место министра. Не смотря на то, что он очень грустен, но всё объяснение и весь разговор был самый дружественный и расстались друзьями. Решили так, что останется до выбора нового министра и до окончания им всех дел по завещанию Папы. При личном свидании с тобою передам все подробности и мои намерения.

До свиданья. Пришли мне обратно проект.

А[лександр]».

Александр III и Мария Фёдоровна прибыли в Петербург ранним утром 29 апреля 1881 года для участия в военном параде на Марсовом поле. Императорская чета приехала из Гатчины, используя кружной путь через станцию Тосно по Николаевской железной дороге.

К началу парада уже был обнародован манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

В историографии принято именовать Высочайший манифест императора Александра III от 29 апреля 1881 года Манифестом о незыблемости самодержавия. Он гласил:

«Объявляем всем верным Нашим подданным:

Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицом Всевышнего Бога, веруя, что, предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всём свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Своё служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью её и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования — освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд, и подданных Своих, коих всех без различия соделал он на всегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна во веки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, — есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу скорбью и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божее

ственный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на неё поползновений.

Да ободрятся же поражённые смущением и ужасом сердца верных Наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Её и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу среди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы её.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем её, Возлюбленным Нашим Родителем.

Дан в С.-Петербурге, в 29-й день Апреля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же Нашего в первое».

Намеченный парад на Марсовом поле прошёл успешно. Выстроенные на поле войска встретили императора громогласным «ура!».

Военный министр отметил, что императрица с великой княгиней Марией Павловной «в коляске *a la Doton* объезжала линии войск за государем».

После завтрака у принца Ольденбургского царь с супругой, несмотря на плывущие льдины, отправился на катере через Неву к Петропавловской крепости. В Петропавловском соборе императорская чета поклонилась могиле покойного Александра II.

Затем они вернулись на левый берег Невы и побывали во временной часовне, построенной на месте смертельного ранения императора на набережной Екатерининского канала. В три часа дня отправились в Гатчину тем же кружным путём.

Либеральная пресса — газеты «Голос», «Страна», «Порядок» и ряд других — откликнулась на манифест статьями, в которых делала вид, что не понимает смысл обращения верховной власти, и выражала свои надежды на реформаторскую деятельность императора.

В то же время сторонники охранительных государственных начал восторженно приветствовали опубликование ма-

нифеста. «Теперь мы можем вздохнуть свободно, — писали «Московские ведомости» в номере от 30 апреля. — Конец малодушию, конец всякой смуте мнений. Пред этим непрекаемым, пред этим столь твёрдым, столь решительным словом монарха должна, наконец, поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нём наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного».

Спустя несколько дней, 4 мая 1881 года, Константин Петрович Победоносцев писал императору: «В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование, — вчера там читали его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста».

После появления этого документа, который чётко обозначил внутриполитический курс, само собой произошли изменения в правительстве. Подал в отставку министр внутренних дел Михаил Тариелович Лорис-Меликов, за ним ушли военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, министр финансов Александр Агеевич Абаза. Ещё ранее правительство покинул министр Императорского двора и уделов Александр Владимирович Адлерберг и был уволен министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров.

Вскоре Александр III в письме брату Владимиру сформулировал своё политическое кредо: «Я никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной для России».

3 мая по указу императора граф Николай Павлович Игнатьев занял важнейший в империи пост министра внутренних дел, а на его место министром государственных имуществ был назначен статс-секретарь Михаил Николаевич Островский.

О том, как относился ко всему происходящему император, узнаём из писем Марии Фёдоровны матери в Копенгаген. 2 (14) мая 1881 года она писала:

«В последние дни у Саши было много неприятностей с министрами. Лорис-Меликов подал в отставку (что вообще-то хорошо), и Саша не стал его удерживать. Однако самым неприятным было то, что и министр финансов Абаза также подал в отставку, а это уже большая потеря, так как

он прекрасно распоряжается финансами и его будет трудно кем-либо заменить. Я нахожу действия этих господ в такой момент уйти в отставку подлыми и гнусными. Они всегда ставят свои личные интересы выше патриотических, что просто отвратительно!»

В письме от 8 (20) мая 1881 года императрица вновь продолжала эту тему:

«Сначала они кричали, что нет никакого манифеста, который содержал бы программу действий. А теперь, когда Саша предъявил новый программный документ, в котором он показывает, каким путём он хочет идти, они ещё громче стали кричать, что этот документ не отвечает их намерениям. Но это только в Петербурге, но Петербург это ещё не вся Россия. А внутри (по всей стране) манифест прочли с большим энтузиазмом. Так что это только очень небольшая группа, во главе которой стоит Лорис-Меликов и Абаза, которая желает чего-то большего.

Первый был недавно здесь, чтобы заявить о своей отставке. Выглядел он, однако, смущённым и сидел “поджав хвост”. Со мною он был, однако, достаточно корректен (таким, впрочем, он был в предыдущие месяцы, но всё его поведение было фальшивым). Сидел он как на иголках.

Я чувствовала себя очень скованно, потому что была очень рассержена, и мне приходилось контролировать себя для того, чтобы не выглядеть неприятной. Из-за этого у меня было такое сильное сердцебиение, что я едва могла говорить. Я сказала ему, что я очень сожалею, что он в такой момент хочет уйти, тем более что Саша с первого дня его назначения поддерживал его постоянно во всём. На это он ответил: “Да, я это знаю. И я со своей стороны (тоже) просил Государя сохранить добрые воспоминания обо мне как о человеке, хотя я не мог удовлетворить его, будучи министром”

Пустые, ничего не значащие фразы! Ещё он сказал, что надеется, что всё с Божьей помощью наладится!

Я ответила, что только это и является единственным утешением и надеждой, так как на людей в действительности трудно положиться — я имела в виду его. После этого, пожелав ему наилучшего, я распрощалась с ним».

В своей книге «Воспоминания» великий князь Александр Михайлович также касался острой на тот момент темы так называемых контрреформ и «чёрной реакции». Он писал:

«К счастью для России, Император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора. Убеж-

дѣнный сторонник здоровой национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, Государь вступал на престол предков, готовый к борьбе. Он слишком хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а основательное знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям. Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям.

...Многое подлежало коренному изменению: методы управления, взгляды, сами сановники, дипломаты и пр. ...Граф Лорис-Меликов и другие министры были уволены в отставку, а их заменили люди дела, взятые не из придворной среды, что вызвало немедленно возмущение в петербургских аристократических салонах.

— Наступили дни “чёрной реакции”, — уверяли безутешные сторонники либеральных реформ, но биографии новых министров... опровергали это предвзятое мнение. Князь Хилков, назначенный министром путей сообщения, провёл свою полную приключений молодость в Соединённых Штатах, работая в качестве простого рабочего на рудниках Пенсильвании. Профессор Вышнеградский — министр финансов — пользовался широкой известностью за свои оригинальные экономические теории. Ему удалось привести в блестящее состояние финансы Империи и немало содействовать повышению промышленности страны. Заслуженный герой русско-турецкой войны генерал Ванновский был назначен военным министром. Адмирал Шестаков, высланный Александром II за границу за беспощадную критику нашего военного флота, был вызван в Петербург и назначен морским министром. Новый министр внутренних дел граф Толстой был первым русским администратором, сознававшим, что забота о благосостоянии сельского населения России должна быть первой задачей государственной власти...

Назначению Гирса, тонко воспитанного, но лишённого всякой инициативы человека, на пост министра иностранных дел вызвало немалое удивление как в России, так и за границей. Но Александр III только усмехался. Охотнее всего он предпочёл бы быть самолично русским министром иностранных дел, но так как он нуждался в подставном

лице, то выбор его пал на послушного чиновника, который должен был следовать намеченному им, монархом, пути, смягчая резкие выражения русского Царя изысканным стилем дипломатических нот.

Последующие годы доказали и несомненный ум Гирса. Ни один “международный властитель дум и сердец”, ни один “кумир европейских столиц” не мог смутить Гирса в его точном исполнении приказаний Императора. И, таким образом, впервые после роковых ошибок, Россия нашла свою ярко выраженную национальную политику по отношению к иностранным державам».

События весны 1881 года, конечно же, будоражили страну. Стремление террористов-народовольцев вызвать «сотрясение народных умов» неожиданно выразилось в еврейских погромах на юге империи. Через шесть недель после цареубийства погромы еврейских заведений, как писал автор работ по истории еврейского народа Юлий Исидорович Гессен, «внезапно с громадной эпидемической силой охватили обширную территорию. Действительно... сказались черты стихийного характера».

В мае Александр III встретился с делегацией видных столичных евреев во главе с бароном Горацем Осиповичем Гинцбургом. Император чётко и определённо заявил, что «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом, что это дело рук анархистов» и что власть будет со всеми этими явлениями бороться.

Словам брата вторил и великий князь Владимир Александрович. Он сказал барону Гинцбургу: «Беспорядки, как теперь обнаружено правительством, имеют своим источником не возбуждение исключительно против евреев, а стремление к произведению смут вообще».

Писатель Иван Сергеевич Тургенев в это же время опубликовал во французском журнале «La Revue politique et littéraire» статью, в которой дал характеристику молодому императору:

«Что касается нигилистов, которые предполагают, что император из страха может пойти на весьма большие уступки, даже на конституцию, то они жестоко ошибаются, совершенно не учитывая его характер и энергию. Их попытки запугать могут только остановить его на том пути к либерализму, куда ведёт его природная склонность; если он сделает несколько шагов в этом направлении, это будет вовсе не потому, что они его запугивают, а несмотря на то, что они угрожают ему...»

Первые мероприятия правительства Александра III подтвердили решимость властей твёрдо проводить провозглашённый «охранительный» курс.

14 августа 1881 года было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Теперь в любой губернии разрешалось вводить чрезвычайное положение «для водворения спокойствия и искоренения крамолы».

В декабре 1881 года был издан закон о прекращении с 1 января 1883 года временнообязанных отношений. К этому времени все временнообязанные крестьяне должны были перейти на обязательный выкуп. Вторым мероприятием в крестьянском вопросе явилось понижение выкупных платежей у крестьян великорусских и украинских губерний (на 1 рубль с душевого надела). Весной 1882 года правительство приняло решение об отмене подушной подати, взимание которой должно было окончательно прекратиться в 1887 году.

В 1882 году правительство учредило Крестьянский поземельный банк, который выдавал ссуды на покупку земли крестьянам. Крестьянский банк способствовал распространению частной поземельной собственности среди крестьян.

Для укрепления дворянского землевладения был создан Дворянский поземельный банк. Дворяне, по положению банка, могли получать ссуды только под залог земли. Этот акт правительства способствовал сохранению дворянских имений в условиях капиталистического развития.

В Гатчине формировалась не только внутренняя, но и внешняя политика империи. Великий князь Александр Михайлович писал:

«Мы обязаны британскому правительству тем, что Александр III очень скоро выказал всю твёрдость своей внешней политики. Не прошло и года по восшествии на престол молодого императора, как произошёл серьёзный инцидент на русско-афганской границе.

Под влиянием Англии, которая со страхом взидала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкою. Командир военного округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций. “Выгнать и проучить как следует”, — был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков вёрст наши казаки, которые хотели взять в плен англий-

ских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский Её королевского величества посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

— Мы этого не сделаем, — сказал Император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. — Я не допущу ничего посягательства на нашу территорию, — заявил Государь.

Гирс задрожал.

— Ваше величество, это может вызвать вооружённое столкновение с Англией.

— Хотя бы и так, — ответил Император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии.

В ответ на неё Царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей степени храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооружённые силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента.

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский монарх оказался лицом, с которым приходилось серьёзно считаться Европе.

Виновницей второго инцидента оказалась Австрия. Венское правительство противилось нашему “непрерывному вмешательству в сферу влияния Австро-Венгрии” на Балканах, и австро-венгерский посол в С.-Петербурге угрожал нам войною.

На большом обеде в Зимнем дворце, сидя за столом напротив Царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос.

Царь делал вид, что не замечает его раздражённого тона.

Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса.

Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул её петлёй и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата:

— Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказал Царь.

— Во всём свете у нас только два верных союзника, — любил он говорить своим министрам: — наша армия и

флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».

Современник Александра III искусствовед и журналист Иван Николаевич Божерянов, словно комментируя фразу императора об отсутствии подлинных союзников России, писал:

«...Ясно видно, до какой степени реальные интересы России часто приносили в жертву требованиям политической теории. Россия считала себя призванною ограждать русской кровью консервативные интересы остальных европейских народов. Если в конце XVIII века русские войска под предводительством Суворова боролись в Италии или на вершинах Альп за интересы Европы, то этим же духом проникнуты были войны, которые впоследствии вела Россия. Мы боролись не за реальные интересы России, а за консервативные интересы всей Европы.

1878 год раскрыл нам глаза на то, чего мы можем ожидать от Европы, когда дело коснётся наших собственных интересов. Дорого стоившая кровопролитная Турецкая кампания 1877—1878 годов привела к Сан-Стефанскому договору, который был пересмотрен на Берлинском конгрессе, и Россия получила от Европы достойную награду за кровь, пролитую для ограждения её интересов. Награда эта оказалась такою, что всю Россию охватил порыв негодования. Тогда выяснилось, что политика защиты консервативных интересов Европы привела к образованию “лиги мира”, и “Русскому инвалиду” пришлось торжественно заявить, что “русские военные люди не страшатся исхода борьбы, хотя бы против России двинулись все силы лиги мира”

Затем, когда русским ценностям была объявлена война на германских рынках и наш рубль подвергся обесценению до полтинника, Россия отказалась от трёхимператорского союза, вступила на путь защиты своих интересов и до такой степени отреклась от ограждения консервативных интересов Европы, что заключила союз с республиканской Францией. Первым торжественным подтверждением этого союза было прибытие в Кронштадт французской эскадры контр-адмирала Жерве. Результаты этого поворота во внешней политике России оказались блестящими. На первый раз дело приняло такой оборот, что будто соседние империи, от союза с которыми Россия уклонилась, доведут нас прямо до войны. Наш ставленник в Болгарии, принц Александр Баттенбергский, поощряемый Германией и Австрией, вступил в оппозицию с Россией, вопреки её желанию

присоединить Восточную Румелию к Болгарии и, когда он лишился престола, на его место был избран принц-католик помимо одобрения России, которая этим не смутилась.

Император Александр III провозгласил тост в Петергофе за “единственного своего друга”, князя Николая Черногорского. После этого отношения наши к Германии обострились до того, что знаменитый князь Бисмарк торжественно заявил, что “Германия никого не боится, кроме Бога”, а со стороны России последовал ответ, что ей не страшны угрозы “лиги мира”».

Труды и дни

Александр III ревностно относился к своим функциям правителя огромной империи. Как отмечали современники, натура это была незаурядная, характер цельный.

При росте сто девяносто три сантиметра император был наделён поразительной работоспособностью и огромной физической силой. Он шутя сгибал подковы и серебряные тарелки. Однажды у себя в кабинете согнул, а затем разогнул железную кочергу. Но он никогда не показывал свою силу в присутствии чужих людей.

По свидетельству военного врача Николая Александровича Вельяминова, познакомившегося с императором ещё на учениях в Красном Селе, а затем ставшего лейб-медиком, Александр III «с удивительной, редкой добросовестностью и честностью исполнял свои обязанности царя-самодержца. Обязанности эти требовали громадной, почти сверхчеловеческой работы, которой не соответствовали ни его способности, ни его познания, ни его здоровье, но он работал, не покладая рук, до самой своей смерти, работал так, как редко кто другой. Эта неустанная, непосильная работа его очень утомляла...».

Вставал император в семь часов утра, умывался холодной водой, облачался в крестьянское платье, после краткой прогулки по парку сам варил кофе в стеклянном кофейнике и, наполнив тарелку сушками, грыз их.

Мария Фёдоровна поднималась позже, заходила к нему в кабинет, два лакея вносили небольшой столик. Муж и жена завтракали вместе. Обычно они ели крутые яйца и ржаной хлеб с маслом.

Рабочий день императора начинался в восемь утра. Он принимал тех, кто являлся представиться ему, и выслуши-

вал доклады министров. Чиновники приезжали из Петербурга в назначенные дни или по вызову.

Каждый день на его рабочий стол ложились кипы указов, приказов, докладов, которые ему следовало прочесть и подписать. Даже будучи на отдыхе, он ежедневно принимал фельдъегеря с бумагами, и все они на следующий день возвращались с резолюциями.

Около часу дня царская семья собиралась ко второму завтраку в маленькой столовой. К этому завтраку порой приглашались немногие из министров, прибывших в этот день с докладом, или некоторые из придворных.

После второго завтрака Александр III «закуривал большую сигару и пил кофе в гостиной императрицы». Затем занимался у себя в кабинете до трёх-четырёх часов дня.

Время до обеда, то есть до восьми часов вечера, он отдыхал в кругу семьи во дворце или прогуливался с семейством в парке.

После обеда он вновь отправлялся в кабинет и работал до двух-трёх часов ночи. На сетования близких о его постоянной занятости отвечал, что «его дело за него никто не сделает».

В будние дни завтраки и обеды проходили в кругу семьи, родственников и ближайших друзей, любивших приезжать в гости. Многие приезжали пожить в необычном дворце-замке.

Особенно часто посещали Гатчину братья царя: великие князья Алексей Александрович, Владимир Александрович с женой Марией Павловной и детьми, Сергей Александрович с Елизаветой Фёдоровной, Павел Александрович с Александрой Георгиевной. Александра Георгиевна жила в Гатчине вплоть до своих вторых родов, которые привели к её безвременной кончине.

Дяди императора, великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, приезжали на охоту. Гатчинская охота на птиц и зверя продолжала славиться своим разнообразием. Ещё при Александре II в 1857 году Гатчина стала главной охотничьей резиденцией русских царей, что оказало сильное влияние на жизнь дворца и города. При Императорском дворе существовала специальная егермейстерская служба, в состав которой входили егеря, псары, лесничие, ловчие, зарядчики и некоторые другие. Место для егерской службы было выбрано в Мариенбургской части города, на окраине дворцового парка. Там был выстроен ряд одинаковых домиков для размещения егерей

с семьями. Одновременно были сооружены бесчисленные вольеры для собак, конюшни для лошадей, каретник, кухни и мастерские. Несколько позже на краю слободы возникли зверинцы для хищных зверей. Егерская слобода славилась своими мастерами, которые делали чучела разных зверей, начиная от полевой мышки и заканчивая оленем и лосем.

Пока старшие охотились, взрослые дети великого князя Михаила Николаевича несли дежурство при императоре, младшие принимали участие в прогулках и развлечениях царских детей.

Часто бывала в Гатчине жена великого князя Константина Николаевича Александра Иосифовна с детьми и внуками. У них были свои апартаменты в Арсенальном каре дворца.

Свои комнаты во дворце были и у семьи герцогов Лейхтенбергских, Мекленбург-Стрелицких, принцев Ольденбургских.

Одним из наиболее близких императорской семье в Гатчине был Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Вскоре после трагедии 1 марта 1881 года он организовал своеобразное тайное общество, которое должно было охранять императора и бороться с «крамоллой» тайными средствами. Оно называлось «Добровольной Охраной», а потом было переименовано в «Священную Дружину». В «Дружину» вступило немало высокопоставленных чиновников и общественных деятелей. Позднее С. Ю. Витте утверждал, что идея «Священной Дружины» принадлежала ему и что именно он являлся едва ли не единственным инициатором её создания. Но это вряд ли соответствует истине. Особенно учитывая рассказ Витте о том, как он сам по заданию «Дружины» следил в Париже за Львом Гартманом, участвовавшим в организации взрыва царского поезда под Москвой. И когда нанятые Витте убийцы были уже готовы совершить покушение на Гартмана, «Народная воля» пошла на организованные им же переговоры со «Священной Дружиной» о прекращении террора. Однако достоверно известно, что Гартмана не было в это время не только в Париже, но и вообще во Франции, откуда он был выслан ещё в декабре 1880 года задолго до образования «Дружины».

1 июня 1881 года Илларион Иванович был назначен начальником Охраны Его величества и главноуправляющим государственным коннозаводством, а 17 августа 1881 года —

также и министром Императорского двора и уделов, канцлером Российских Царских и Императорских орденов.

Воронцовы-Дашковы занимали небольшие помещения в Арсенальном каре дворца, а канцелярия министра Императорского двора и уделов находилась в Кухонном каре.

Заведующим Императорской главной квартирой был генерал-адъютант Оттон Борисович Рихтер. Он командовал походным царским хозяйством, замещал военного министра и министра двора в поездках императора, начальствовал над охраной, а также был докладчиком по делам, присылаемым из разных ведомств.

«Дежурным генералом» был знакомый императору по Русско-турецкой войне генерал-адъютант Пётр Александрович Черевин. Начальник канцелярии Министерства двора Василий Силович Кривенко так описывал Черевина: «В казачьей свитской форме, с Георгиевским крестом за турецкую кампанию, в большой белой папахе на трясущейся слегка голове. Из-под длинных завитушек курпея высматривают зорко пронзительно колючие глаза. Лицо подёрнуто алкогольной окраской, острый нос, отвисшие вниз усы и шутливое приветствие на улыбающихся губах».

На самом деле Черевин обладал недюжинными способностями, умел работать и постоять за себя и своих подчинённых. В 1882 году он занял должность начальника Охраны Его величества. Когда государь жил в Гатчине, Черевин всегда был рядом. Он пользовался доверием и расположением всей царской семьи.

Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев появлялся в Гатчине в основном по делам службы.

Среди постоянных докладчиков, которым император особенно доверял, был военный министр Пётр Семёнович Ванновский. Во время Русско-турецкой войны Пётр Семёнович был начальником штаба Рушукского отряда и зарекомендовал себя с лучшей стороны. Ванновский сменил на посту военного министра Дмитрия Алексеевича Милютину, автора военной реформы. Главой военного ведомства Ванновский был в течение всего царствования Александра III и ещё три года после его смерти.

Входил в царское окружение и глава Гатчинского городского правления Милий Мильевич Аничков. Маленький, шупленький, шустрый, обладающий комическим дарованием и смекалкой, он был хорошо знаком Александр-

ру Александровичу ещё по пребыванию в Царском Селе. После переезда Аничкова из Царского Села всё в Гатчине словно ожило. Деятельный и хозяйственный, Милий Мильевич сумел обновить не только запущенные дворцовые сооружения и парки, но и город, который когда-то император Павел I хотел сделать образцовым. Аничков сам вникал во все дела: обследовал крыши, подвалы, посещал все мастерские, не стеснялся расспрашивать мастеров, парковых сторожей и даже дворников.

Ещё одной колоритной фигурой в окружении императора был Константин Устинович Арапов, командир «синих кирасир». По воскресеньям как командира части его приглашали на царский обед. Он пользовался особой благосклонностью императрицы. Арапов умел находить выход, казалось бы, из безвыходных ситуаций. Например, после смерти Александра II был длительный траур и музыки во дворце не допускалось. Зная о том, как Александр III любит музыку, Арапов придумал устраивать концерты напротив дворца в казармах при открытых окнах.

Музыка была неотъемлемой частью жизни Александра Александровича. Но теперь из-за траура он был вынужден отказаться и от традиционных музицирований, когда Мария Фёдоровна играла на фортепиано, а он на кларнете. Участвовать в концертах своего любимого детища — оркестра — он не мог по причине занятости. Но о необходимости поощрять русское национальное искусство, в том числе и музыку, император помнил. По воспоминаниям знатока музыки графа Александра Дмитриевича Шереметева, Александр III «очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всяких претензий на музыкальность».

Вскоре после переезда двора в Гатчину Константин Петрович Победоносцев сообщил императору о просьбе Петра Ильича Чайковского выдать ему заём в размере трёх тысяч рублей с постепенной выплатой. «Просьбу Чайковского, — ответил император, — я надеюсь, можно будет исполнить, и пришлю Вам сказать о результате». А 2 июня 1881 года написал Победоносцеву: «Посылаю Вам для передачи Чайковскому 3000 рублей. Передайте ему, что деньги эти может мне не возвращать». Известна реакция композитора: «Я глубоко тронут той формой, в которой выразилось внимание государя к моей просьбе. Боюсь, что письмо моё недостаточно сильно выражает то, что в сердце моём чувствую».

Отношение к великому русскому композитору и его творениям у императора было на самом деле особенно тёплое. История сохранила удивительный случай, свидетелем которого был граф Александр Дмитриевич Шереметев. Это происходило в Гатчине 25 октября 1893 года. В тот день император «был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Хор (вероятно, оркестр. — А. М.) играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением...

Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда это происходило в Гатчине, умирал Чайковский». «Казалось, — писал А. Д. Шереметев, — мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал её так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать? В этот день государь меня особенно поразил. Он слушал как-то особенно задумчиво и грустно, дивная гармония была ему доступна, и весь он был проникнут красотой этих звуков, весь отдался этому чувству и ясно было, как сильно в нём самом сказалось художественное чутьё».

Первым иностранным правителем, посетившим Россию после переезда императора в Гатчину, стал отец Марии Фёдоровны Кристиан IX.

Визит датской королевской четы — Кристиана IX и его супруги Луизы — состоялся в конце лета 1881 года. Приём, оказанный им, был очень торжественным. Почётных гостей в Кронштадтском порту встречали император и императрица, а также большая свита из особ императорской фамилии, светские дамы, великие князья и княжны, придворные кавалеры.

Датская королевская чета опасалась того, о чём постоянно писали западноевропейские газеты, — разгула в России нигилизма. Но они были поражены отношением к молодой императорской чете. Об этом в письме дочери по возвращении в Данию написал датский король:

«В России мы часто были свидетелями лояльности Вашего народа по отношению к тебе и твоему прекрасному Саше. Было бы хорошо, если бы у всех русских добропорядочных людей шире бы открылись глаза и они скорее увидели бы и поняли, сколь благородна их молодая императорская чета. Тогда бы у так называемых нигилистов быстрее ушла бы почва из-под ног».

Пока датская родня императора наслаждалась красотою осеннего Петергофа, Александр неожиданно и втайне от многих отправился на яхте «Держава» в Данциг. Эта поездка была необходима, чтобы укрепить наметившееся единство с Германией.

Русско-германскому сближению способствовала и обоюдная неприязнь к революции и террористам. Сразу после событий 1 марта 1881 года русский посол в Берлине Пётр Александрович Сабуров сообщил в Петербург, что Бисмарк очень обеспокоен перспективой иметь по соседству с Германией революционную Россию. Исходя из создавшейся обстановки, Александр III принял предложение Бисмарка о восстановлении «Союза трёх императоров». П. А. Сабурову было поручено вступить в переговоры с канцлером. В результате длительных переговоров в Берлине 6 (18 июня) 1881 года Отто фон Бисмарк, Пётр Александрович Сабуров и австрийский посол в Берлине граф Эмерик Сечени подписали секретный австро-русско-германский договор, вошедший в историю под громким названием «Союз трёх императоров», хотя скорее это было лишь соглашение о нейтралитете. Но Александр понимал, что, подписав соглашение, Россия выходила из изоляции, в которой она оказалась после Берлинского конгресса.

28 августа (9 сентября) 1881 года на морском рейде Данцига на борту яхты «Гогенцоллерн» состоялась встреча российского императора с германским императором Вильгельмом I. Александр вступил на палубу яхты «Гогенцоллерн» в мундире прусского уланского полка. Вильгельм искренне и сердечно обнял его несколько раз.

Беседа императоров продолжалась ровно два часа. Взволнованным голосом император Вильгельм I выразил горесть об утрате своего лучшего друга, но также и радость по поводу того, что он имеет возможность обнять сына своего друга.

Затем Александр III в течение получаса беседовал с князем Отто фон Бисмарком, между тем как Вильгельм I разговаривал с великим князем Владимиром Александровичем и статс-секретарём Николаем Карловичем Гирсом.

Оба императора посетили старинный торговый город Данциг, улицы которого были торжественно украшены и буквально утопали во флагах и коврах. Въезд кортежа с высокими гостями сопровождался колокольным звоном, криками «ура!» и громкими овациями.

В целом же посещение Данцига русским монархом расценивалось как доказательство успешного исхода встречи. Князь Бисмарк перед отъездом из Данцига казался весьма удовлетворённым. В тот же день председатель Комитета министров Пётр Александрович Валуев записал в дневнике, что «вести о данцигском свидании благоприятны... государь казался очень довольным поездкой».

Но Александр прекрасно осознавал, что дипломатические игры в отличие от детских с годами не заканчиваются. И было очевидно, что Берлин только начал большую игру.

20 мая 1882 года в Вене был подписан тайный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Этот договор называли Тройственным союзом. Союз этот был направлен против Франции и России и явился ещё одной дипломатической победой Берлина.

Тройственный союз Германии, Австрии и Италии существовал параллельно с «Союзом трёх императоров». Во всех этих соглашениях господствующую роль играла Германия.

Это напоминало Александру ненавистную ситуацию, когда кто-то решал, что императору позволительно одновременно иметь две семьи: жену и любовницу.

Так в Европе стали складываться военные блоки, которые в конце концов разделят континент на два враждебных лагеря.

Гатчинский дар

Живя в Гатчине, Александр Александрович продолжал поддерживать приятельские отношения со многими старыми знакомыми, добродушными, порядочными людьми, далёкими от придворных интриг. По свидетельствам современников, близкое окружение Александра III держало себя корректно и не пыталось вмешиваться в политическую жизнь государства.

По воспоминаниям врача Николая Александровича Вельяминова, по воскресным и праздничным дням все жившие в Гатчине и некоторые лица царского двора, приезжавшие из столицы, присутствовали в дворцовой церкви на обеде, а потом приглашались к завтраку, проходившему в Арсенальной зале. В эти дни на завтраке бывали все офицеры сводного полка и конвоя, представители гатчинского гарнизона, управления городом, дворцом и охотой.

Обыкновенно за завтраком играл придворный оркестр по программе, составленной императрицей.

Впервые Рождество и Новый, 1882 год императорская семья встречала не в Петербурге.

Мария Фёдоровна сделала своему мужу примечательный новогодний подарок: американский револьвер системы смит-вессон (за тридцать пять рублей), к которому прилагались сто патронов (за семь рублей пятьдесят копеек) и кобура (за пять рублей). Можно назвать это «хорошим мужским подарком», хотя, возможно, то был намёк на террористическую угрозу, которая в полной мере сохраняла свою реальность в конце 1881 года.

Интересно, что своим мальчикам, Николаю и Георгию, императрица подарила по хорошему английскому ножу, вполне сопоставимому по цене с револьвером. Все мужчины Марии Фёдоровны — и супруг, и сыновья — были рады подаркам.

Но глава семьи ожидал от супруги самого главного подарка. Ожидал, но не обсуждал его. Дело в том, что Мария Фёдоровна была беременна. И вот 1 июня 1882 года в Гатчинском дворце на свет появилась великая княгиня Ольга Александровна.

Радости отца, казалось, не было предела. Александр Александрович очень любил свою младшую дочь, которую, конечно же, полюбили и все старшие дети.

Как мать, так и отец всегда уделяли детям много внимания. Атмосфера в семье была на редкость спокойной и дружелюбной. Во всём чувствовался размеренный порядок, олицетворением которого была прежде всего Мария Фёдоровна.

Детей воспитывали в строгости. В уважении к старшим, любви ко всему русскому, в глубокой вере в Бога. «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов, — писал Александр Александрович одному из педагогов. — Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, послаблений не делайте, спрашивайте по всей строгости, не поощряйте лень в особенности. Если что, то адресуйте прямо ко мне. Я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста, но доносчику — первый кнут. Это самое моё первое требование».

Дети регулярно занимались спортом, обливались холодной водой. Питание в семье было самым простым.

Младшая дочь, великая княгиня Ольга Александровна, вспоминала позднее: «Все мы питались очень просто. К чаю подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели редко. Мне нравилось, как варят кашу... На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зелёным горошком и запечённым картофелем, иногда ростбиф... ели мы всё, что нам давали».

Дети делились на «старших» и «младших». «Старшими» — Николаем, Георгием и Ксенией — больше занималась мать, «младшими» — Михаилом и Ольгой — отец. Но письма Марии Фёдоровны и Александра III друг другу наполнены родительской любовью как к младшим, так и к старшим дочерям и сыновьям.

И всё же Михаил и Ольга были любимцами отца. Он часто прощал им шалости и проказы. «Если мы с Михаилом делали что-то недозволенное, — вспоминала Ольга Александровна, — нас за эту шалость наказывали, но потом отец громко хохотал. Например, так было, когда мы с Михаилом забрались на крышу дворца, чтобы полюбоваться на огромный парк, освещённый лунным светом. Но Мама́, узнав о таких проказах, даже не улыбнулась. Наше счастье, что она была всегда так занята, что редко узнавала о наших проделках». Каждое утро маленькая Ольга проникала в кабинет отца, где он показывал ей старинные альбомы с рисунками и миниатюрными (из камня и опала) фигурками животных.

Позднее Ольга Александровна вспоминала: «Отец был для меня всем. Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне эти полчаса... А однажды Папа́ показал мне очень старый альбом с восхитительными рисунками, изображающими придуманный город под названием Мопсополь, в котором живут Мопсы... Показал он мне тайком, и я была в восторге от того, что отец поделился со мной секретами своего детства».

Граф Шереметев писал об отношении Александра III к детям: «...не было ему лучше удовольствия, как возиться с детьми, можно сказать, что дети вообще были его друзьями. Чего только не выкидывал он с ними, и сам играл с ними, как ребёнок. Детские воспоминания должны сохранить не одну черту его неисчерпаемого добродушия, его неизменной ласки, его сердечного привет».

И Александр, и Мария Фёдоровна пытались привить детям доброту, сердечное отношение к сверстникам и к окружающим их людям. Александр Александрович в одном из писем Марии Фёдоровне замечал:

«То, что ты мне пишешь про Ники, когда он получил моё письмо, меня правда очень тронуло, и даже слёзы показались у меня на глазах, это так мило с его стороны и, конечно, уже совершенно натурально и ещё раз показывает, какое у него хорошее и доброе сердце. Дай Бог, чтобы это всегда так было; обними его от меня крепко и благодари за его второе письмо, которое я тоже получил вчера». Мать, говоря о сыне, замечала: «Он такой чистый, что не допускает и мысли, что есть люди совершенно иного нрава».

Императрица уделяла особое внимание воспитанию у детей уважения к дворцовому ритуалу и светским церемониям. Как вспоминала Ольга Александровна, во время пребывания царской семьи в Гатчине традиционный пятичасовой чай дети пили в обществе матери. «Иногда в гости к императрице приезжала компания дам из Петербурга, и тогда семейное чаепитие превращалось в нечто напоминающее официальный приём. Дамы садились полукругом вокруг государыни, которая разливала чай из красивого серебряного чайника, поставленного перед нею безупречно вышколенным лакеем».

Когда Мария Фёдоровна уезжала в Данию, дети оставались с отцом, и в письмах он подробно рассказывал жене о их поведении, сообщая о курьёзных случаях из их жизни.

За пределами Гатчины

Несмотря на так называемое «гатчинское затворничество», император продолжал появляться на людях. Он прекрасно понимал, что даже самые строгие и правильные полицейские меры не смогут полностью гарантировать его безопасность. Это с одной стороны. А с другой — как глава огромного государства, российский император не имеет права давать повод сомневаться своим подданным в способности власти руководить страной и заботиться о благе народа.

Поэтому в Гатчине император принимал множество посетителей. Например, четырежды посетил Гатчину осенью 1882 года известный русский путешественник и этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Позже, находясь уже на Новой Гвинее, он писал Александру III:

«Глубоко тронутый милостивым и просвещённым вниманием, оказанным моим 12-летним трудам, предпринятым исключительно в интересах науки, я не умею иначе

выразить мою глубокую верноподданническую признательность, как просить Всемиловитейшего Вашего Императорского величества разрешения посвятить моё сочинение имени Вашего величества.

Со своей стороны я употребляю все усилия, чтобы труд мой оказался достойным высокого внимания Вашего величества и принёс бы пользу отечественной науке и просвещению, заботы о которых всегда были близки Вашему сердцу».

Миклухо-Маклай из Сиднея направил Марии Фёдоровне письмо, в котором сообщал, что хочет прислать ей ожерелье из тасманийских раковин. «Не полагаясь на мой вкус, — писал он, — я бы выбрал нарочно несколько ниток раковин разной величины, разного цвета и оттенков и позволил себе прибавить весьма подходящую к любому из ожерелий брошку из также специально австралийских раковин. Очень надеюсь, что выбор мой понравится Вашему величеству и что эти безделки напомнят благодарность странника в дальних странах, который никогда не забудет тот милостивый и приветливый приём, который он встретил в Гатчине (18, 23 октября, 8 и 9 ноября 1882 г.), возвращаясь на родину после двадцатилетнего отсутствия».

Александру III очень часто самому приходилось покидать Гатчину. Ежегодно летом, как правило, на полтора месяца он переезжал с семьёй в Александрию, часть Петергофа, где продолжал трудиться, затем они отправлялись в Данию к родственникам императрицы.

По возвращении в Россию позволяли себе порой поездки в Крым, в обожаемую всеми членами семьи Ливадию. Там, кстати, со временем будет отмечена серебряная свадьба царской четы.

Когда императорская семья приезжала в Петербург, то резиденцией её был не Зимний, а Аничков дворец.

Кроме того, императору приходилось нередко выезжать в различные места России, а также за границу, присутствовать практически на всех крупных учениях и смотрах войск, посещать многочисленные учреждения.

В июле 1881 года он побывал в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Рыбинске, в августе — в Данциге.

В сентябре 1882 года царь провёл смотр войскам Московского военного округа, тогда же в Первопрестольной посетил Всероссийскую художественно-промышленную выставку.

Важнейшим пунктом плана поездок на 1883 год было посещение Москвы по случаю коронавания, то есть принятия императорской короны.

В конце апреля 1882 года на стол Александра III легла записка министра внутренних дел Николая Павловича Игнатьева. Министр предлагал провести во время коронации Земский собор. Игнатьев рассматривал Земский собор как исторически присущую России форму взаимодействия монарха с народом.

Состав собора предлагалось сформировать на основе прямых выборов от крестьянства, землевладельцев и купцов. Число участников намечалось от трёх до трёх с половиной тысяч человек, в том числе две тысячи крестьян. По замыслу министра собор должен был открыться 6 мая 1883 года в Москве в дни коронации Александра III.

Александр Александрович дал ознакомиться с проектом Константину Петровичу Победоносцеву. «Обращаюсь снова к Вам, любезный Константин Петрович, за советом, — писал император. — Я всё более убеждаюсь, что гр. Игнатьев совершенно сбился с пути и не знает, как идти и куда идти; так продолжаться не может. Оставаться ему министром трудно и нежелательно...»

4 мая 1882 года К. П. Победоносцев написал Александру III, что осуществление игнатьевского проекта будет «революцией, гибелью правительства и гибелью России».

«Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его, — говорилось в письме. — Последующая фантазия гр. Игнатьева была ещё нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора. Что случилось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомого чего распорядившиеся им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную».

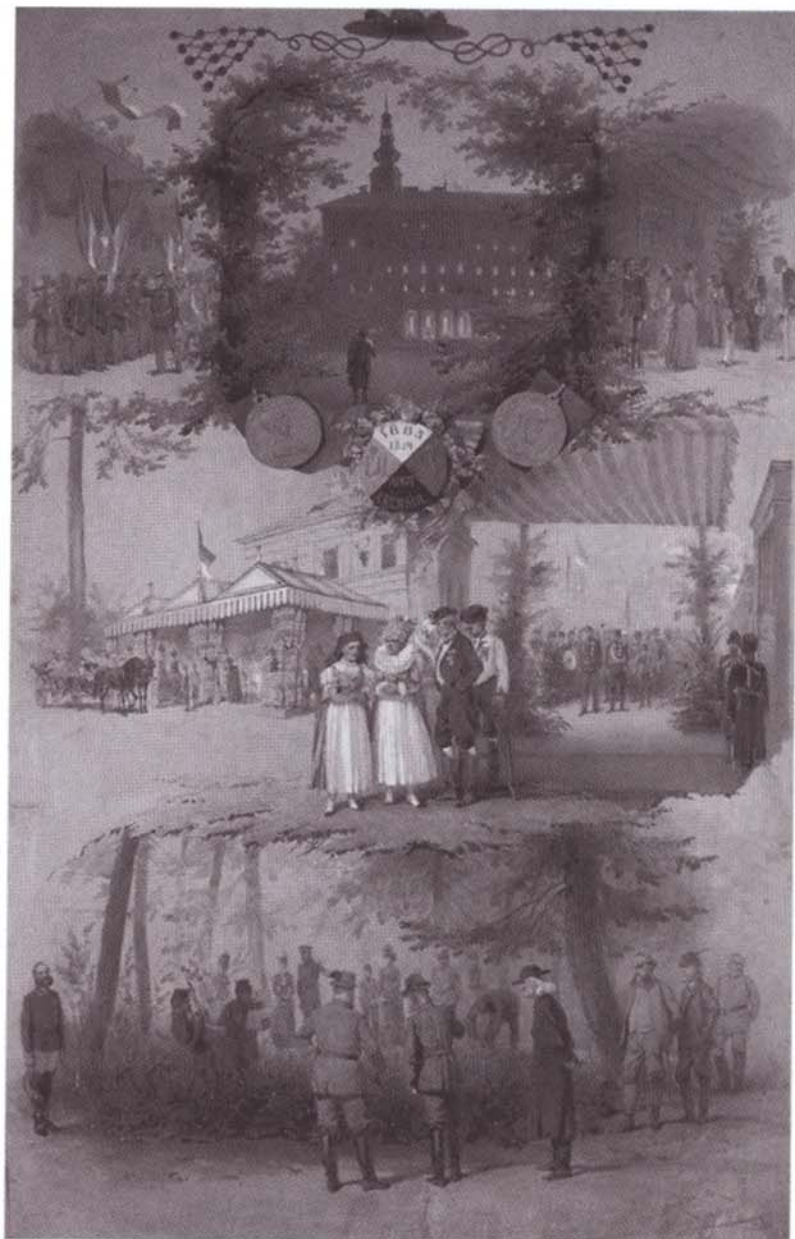
6 мая 1882 года император созвал в Гатчине совещание. Проект Николая Павловича Игнатьева был единодушно отвергнут всеми участниками.

Государственный секретарь Егор Абрамович Перетц отметил в дневнике, что в совещании «участвовали кроме Игнатьева Победоносцев, Островский, Рейтерн и Делянов. Возражения были единогласные, причём не обошлось и без неприятных сцен между Победоносцевым и Островским с одной стороны и Игнатьевым — с другой. Первые два упрекали бывшего своего союзника в том, что он пошёл вразрез с теми началами, которых при низвержении Лорис-Мели-

Император Александр III. Март 1881 г.

Встреча Александра III
и австрийского
императора
Франца Иосифа
в Кремзире в 1885 году.
Художник М. А. Зичи

Приём императором
волостных старшин
во дворе Петровского
дворца. 21 мая 1883 г.
Художник И. Е. Репин

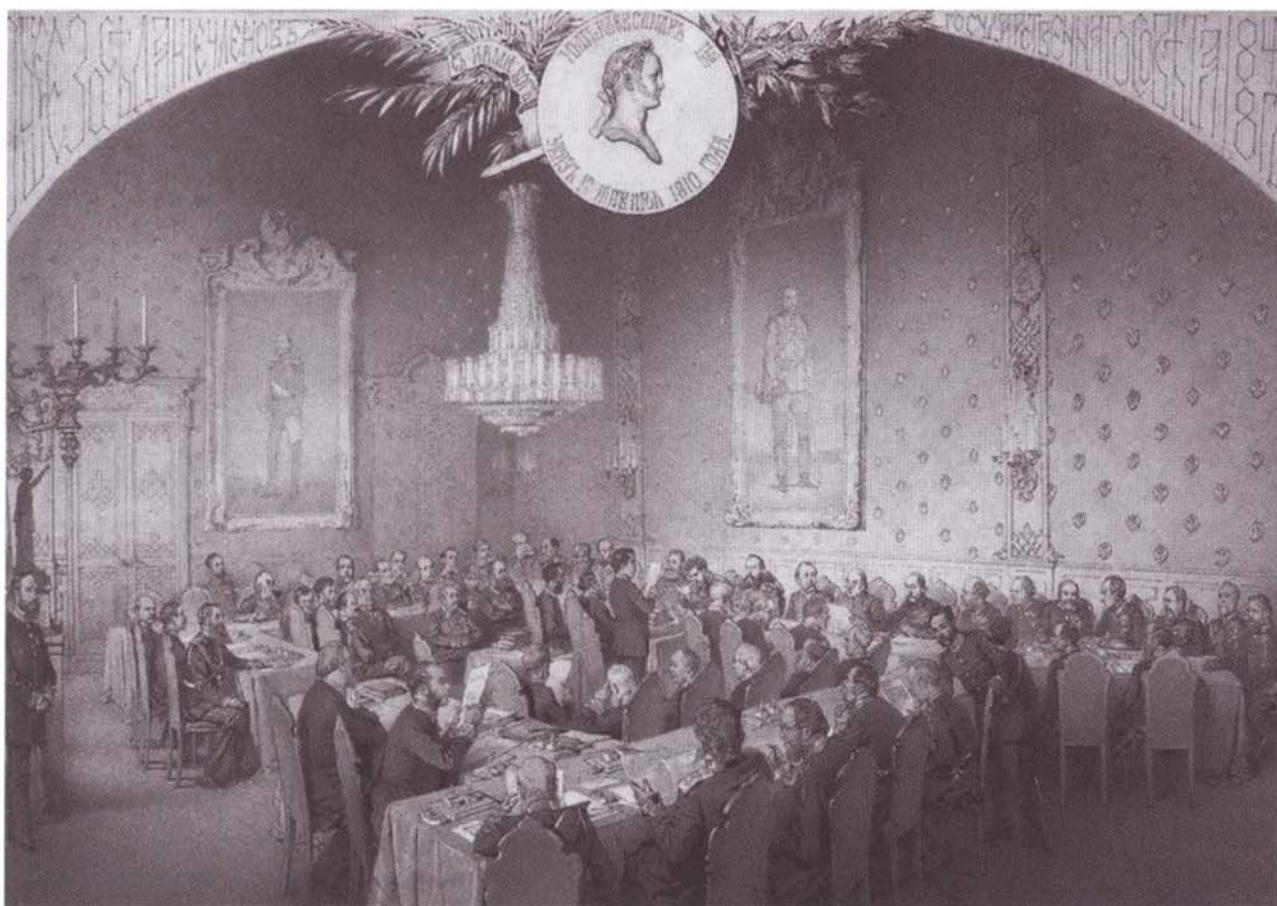

Константин Петрович
Победоносцев

Пётр Александрович Валуев

Заседание Государственного совета. Художник М. А. Зичи. 1884 г.

Император с семьёй и великими князьями на катке у Аничкова дворца.
Вторая половина 1880-х гг.

Император с семьёй в Гатчине. 1886 г.

Александр III с Марией Фёдоровной и её сестрой,
принцессой Уэльской Александрой. Лондон, 1880-е гг.

Семья императора Александра III. Фото 1889 г.

Император с семьёй на палубе яхты. *Финские шхеры*

Обед на охоте в Спале. Император — крайний справа

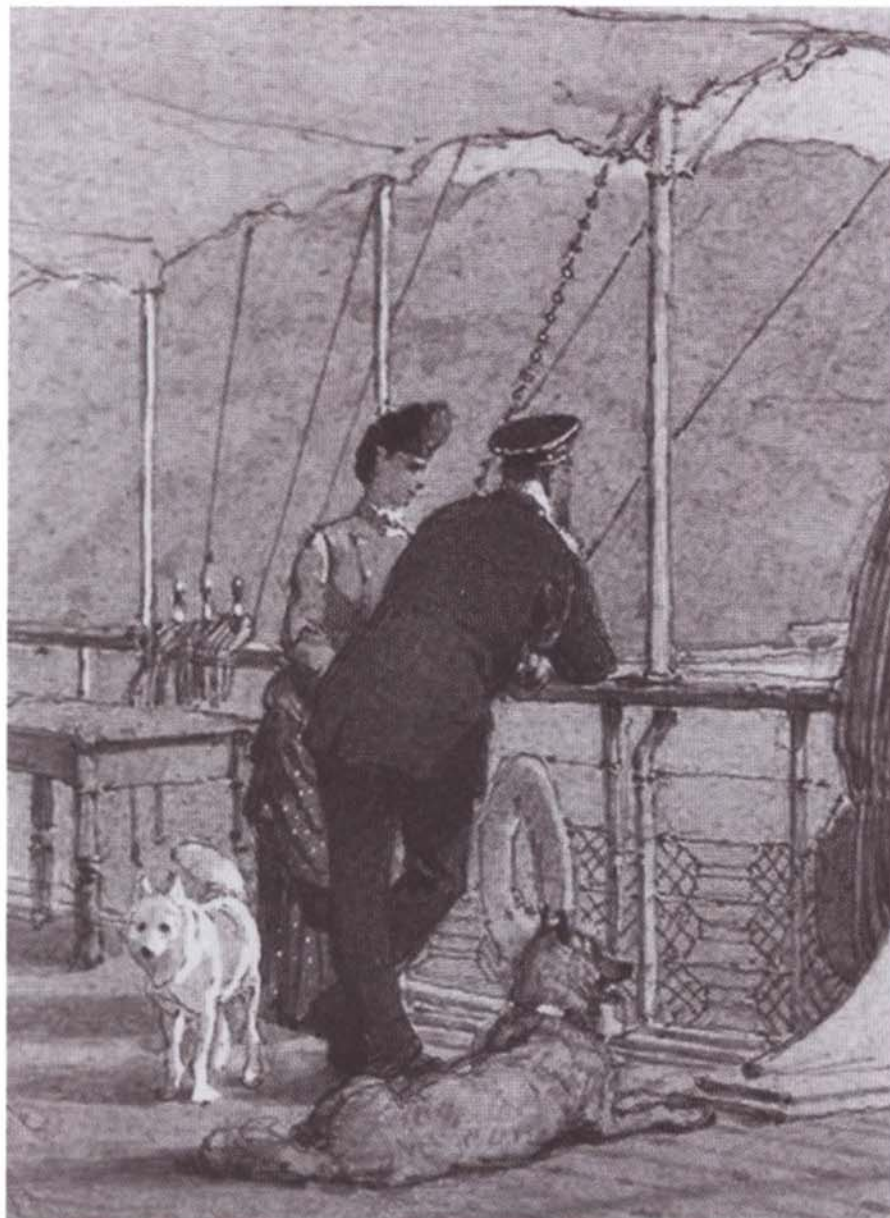
Император на смотре войск во Владикавказе. *Сентябрь 1888 г.*

Приезд Их Императорских величеств на Новый Афон. *24 сентября 1888 г.*

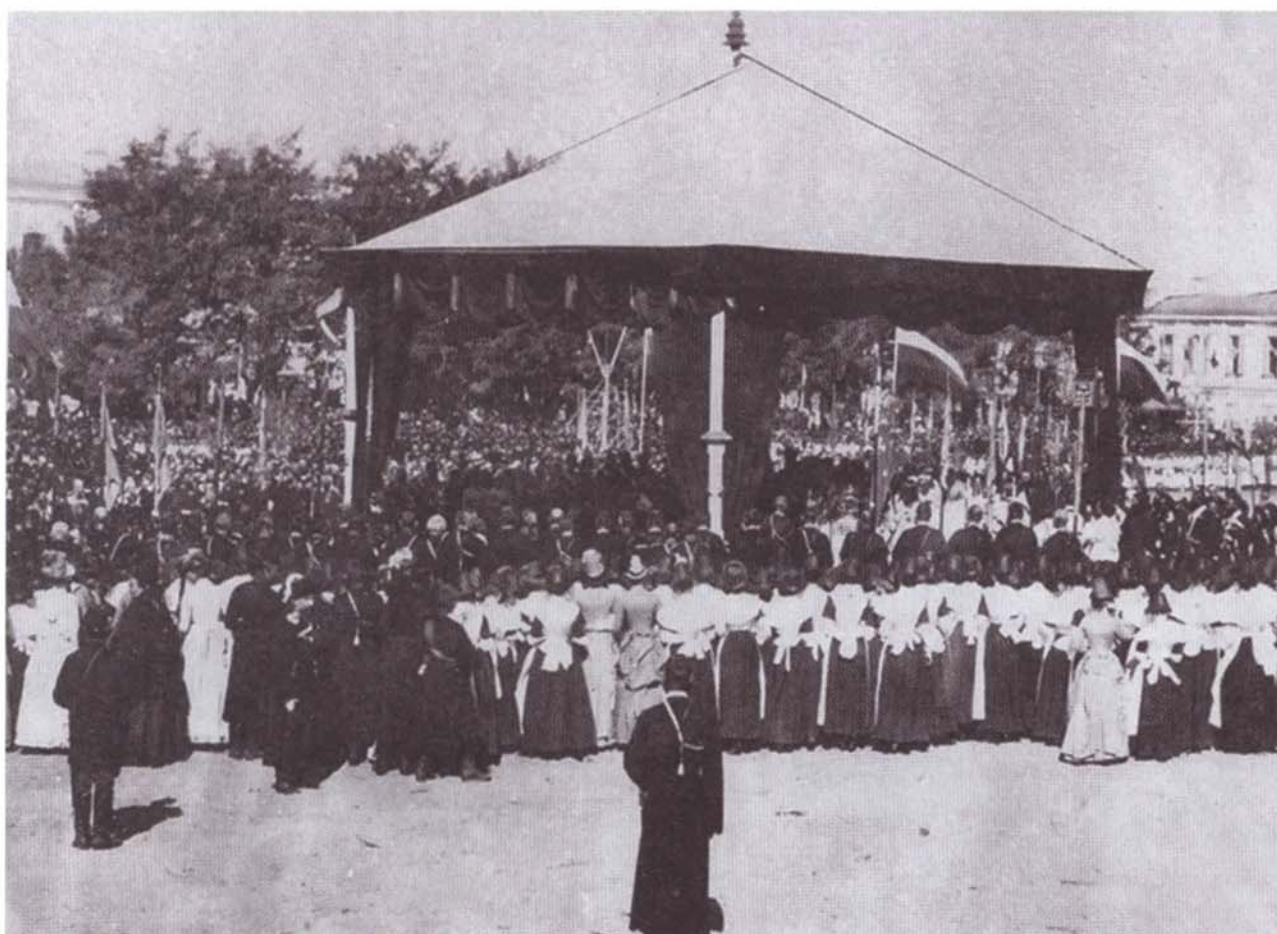

Император
и императрица
на борту парохода
«Москва»
в Чёрном море.
Сентябрь 1888 г.
Лист
из «Путешествия
императора
Александра III
и императрицы
Марии Фёдоровны
на Кавказ
в 1888 году».
Художник
М. А. Зичи

Встреча
Александра III
в Екатеринодаре.
Сентябрь 1888 г.

Встреча императора Александра III в Батуми. 25 сентября 1888 г.

Вход на бал по случаю приезда императора Александра III.
Тифлис, 29 сентября 1888 г.

Император
Александр III.
1890 г.

Крушение
императорского
поезда у станции
Борки.
17 октября 1888 г.

Император Александр III. Художник И. Н. Крамской. 1886 г.

Последняя семейная фотография. Слева направо: цесаревич Николай, великий князь Георгий, императрица Мария Фёдоровна, великая княгиня Ольга, великий князь Михаил, великая княгиня Ксения, император Александр III. *Ливадия, Крым. Май 1893 г.*

Императорская семья в Дании. 1893 г.

Кончина императора в Малом дворце в Ливадии. 20 октября 1894 г.

Александр III на смертном ложе. Художник М. А. Зичи

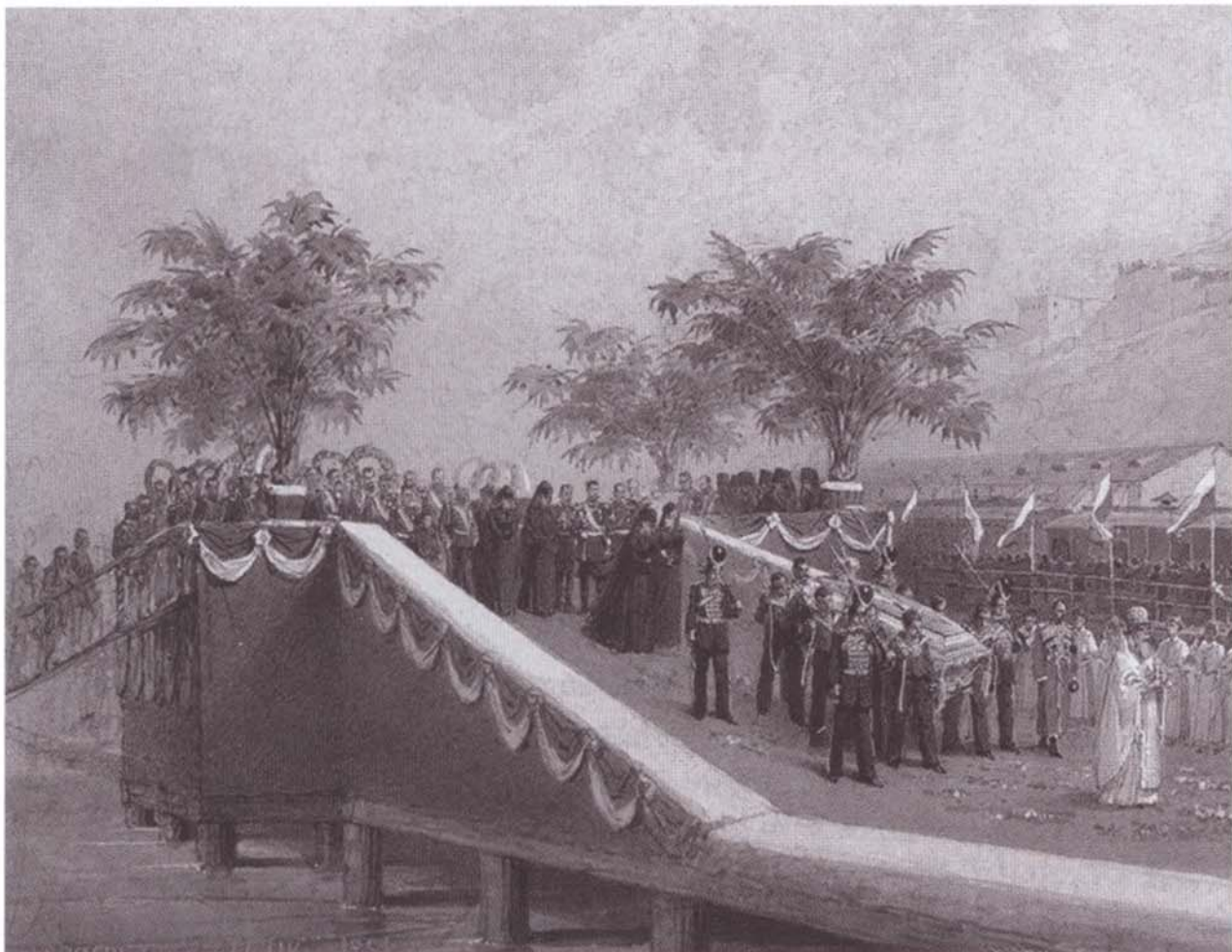

Император Александр III в гробу

Гроб с телом Александра III в Севастополе. Художник *М. А. Зичи*

Памятник императору Александру III в Санкт-Петербурге

кова он сам признавал нужным держаться. Игнатъев защищался плохо и лгал без зазрения совести. Государь, видимо, был им недоволен».

11 мая в передовой статье «Московских ведомостей» идея проведения Земского собора была провозглашена «торжеством крамолы», требованием «Нечаевых и Желябовых».

Вернувшись из Гатчины в Петербург, Игнатъев получил собственноручную записку императора: «Взвесив нашу утреннюю беседу, я пришёл к убеждению, что вместе мы служить России не можем. Александр».

Николай Павлович Игнатъев был отправлен в отставку. В тот же день министром внутренних дел и шефом жандармов был назначен Дмитрий Андреевич Толстой. Именно Дмитрию Андреевичу предстояло, помимо всего прочего, обеспечивать безопасность императорской семьи и всех гостей во время коронационных мероприятий в Москве в мае 1883 года.

Коронация

Май 1883 года в Москве выдался по-летнему жарким. Император и императрица с детьми прибыли в Москву на поезде рано утром 8 мая.

В Первопрестольной принимались беспрецедентные меры безопасности. Вдоль всего маршрута следования царской семьи из Гатчины в Москву были расставлены вооружённые часовые.

Согласно традиции царская чета остановилась в старом Петровском дворце, построенном по распоряжению Екатерины II в конце XVIII века. Здесь перед въездом в Москву останавливались все русские цари.

Ко времени проведения коронационных торжеств Москва преобразилась. Все улицы и дома города были украшены флагами, транспарантами, вензелями, грандиозными декоративными сооружениями из зелени и цветов. Стены Кремля были расцвечены гербами всех губерний России. Обновлёнными выглядели реставрированные соборы Кремля и расписанная Грановитая палата.

В целях безопасности только узкий круг лиц знал день и час выезда монарха. Министр внутренних дел Д. А. Толстой лично осмотрел подвалы всех церквей и принял необходимые средства предосторожности. От Петровского дворца до Кремля предполагалось кроме войска и наёмных

агентов разместить двадцать три тысячи крестьян, добровольно принявших на себя обязанности охранять путь, по которому будет передвигаться император.

В течение трёх дней император принимал в Петровском дворце высоких гостей и чрезвычайных послов, прибывших из зарубежных стран.

10 мая во второй половине дня последовал торжественный въезд августейшей семьи в Москву.

У Триумфальных ворот императорскую семью встречал генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков с адъютантами. У Старых Триумфальных ворот при вступлении в Земляной город — городской голова Борис Николаевич Чичерин с гласными Думы и с членами управ — городской, мещанской и ремесленной; на площади Страстного монастыря при въезде в Белый город — председатель и члены московской губернской управы.

Делегация московского дворянства во главе с губернским предводителем графом Алексеем Васильевичем Бобринским встретила императора напротив генерал-губернаторского дома. У Воскресенских ворот гостей ждал московский губернатор Василий Степанович Перфильев с представителями административных и судебных учреждений.

Здесь императорская чета вошла в самую известную и почитаемую московскую часовню Иверской иконы Богоматери. Там императора и императрицу встречал епископ Дмитровский Алексей с крестом и святой водой.

Покинув Иверскую часовню, Александр III и Мария Фёдоровна направились к Спасским воротам Кремля. У ворот прибытие гостей ожидал московский комендант со своей свитой.

В Кремле императорская семья посетила Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы. Звон колоколов заглушался непрерывными и потрясающими криками «ура!».

Как только царская чета направилась к Красному крыльцу Большого Кремлёвского дворца, где её встретил хлебом-солью обер-церемониймейстер, так называемый верховный маршал князь Александр Сергеевич Долгорукий, был произведён сто один выстрел, а во всех церквях начался колокольный звон, который продолжался в течение всего дня.

На следующий день в Оружейной палате прошла торжественная церемония освящения нового государственно-

го знамени. В присутствии Александра III освящение совершал протопресвитер В. Б. Бажанов.

Государственное знамя применялось практически в двух случаях: при короновании и погребении императоров. До 1858 года в Российской империи существовали параллельно два знамени: бело-сине-красное, узаконенное Петром I, и чёрно-жёлто-белое, цвета которого геральдически объяснялись так: чёрный соответствовал цвету государственного герба, чёрному орлу, жёлтый — полю государственного герба, белый — всаднику святому Георгию.

В 1858 году Александр II лично нарисовал государственное знамя и указал цвета: чёрный, жёлтый и белый. Но перед коронацией 1883 года Александр III вновь вернул петровские цвета знамени: белый, синий и красный.

По указу Александра III государственное знамя изготовили из золотой ткани тёмного оттенка, на которой с обеих сторон был изображён императорский орёл с титульными гербами на груди, на крыльях и по его окружности. Внешние гербы соединялись пальмами и дубовыми ветвями. Древко, кайма и бахрома соответствовали государственным цветам. Древко увенчивалось золотой державой с государственным орлом.

На андреевских лентах знамени были указаны четыре даты: 862 год — основание государства, 988 год — Крещение Руси, 1497 год — принятие царского титула, 1721 год — принятие царём Петром I императорского титула.

После ритуала освящения знамени Александр III и Мария Фёдоровна переехали в Александрьевский дворец в Нескучном саду. Там императорская семья провела три дня перед коронованием.

13 мая прошла репетиция коронационного шествия в Кремле.

На следующий день в три часа дня состоялось торжественное перенесение императорских регалий из Оружейной палаты в Андреевский Троицкий зал Кремлёвского дворца. Регалии — большая и малая императорские короны, скипетр, держава, порфиры, коронные знаки ордена Святого Андрея Первозванного, государственная печать, меч, знамя — были доставлены в Москву из Петербурга в конце апреля. В Кремлёвский дворец регалии вносили высшие государственные сановники с помощниками-ассистентами.

Регалии, являясь символами монархической власти, имели не только огромную историческую, но и художественную и материальную ценность. Большая император-

ская корона, несмотря на то, что весила около двух килограммов, производила впечатление лёгкого и изящного изделия.

Корону заказала для своей коронации Екатерина II. Придворному ювелиру она передала все свои бриллианты, оправы которых вышли из моды.

Новая корона по красоте и богатству материалов должна была превосходить все существовавшие европейские регалии и вместе с тем должна была весить не более пяти фунтов. Когда через несколько недель императрица примерила корону, то сказала ювелиру, что «очень ею довольна и в течение четырёх или пяти часов, во время которых продолжится церемония, как-нибудь выдержит эту тяжесть».

Впоследствии корона несколько раз переделывалась перед коронацией всех последующих императоров. Её стоимость на время коронации Александра III составляла свыше одного миллиона рублей.

Малая императорская корона для императриц была изготовлена по образцу большой короны в 1801 году.

Императорский скипетр изготовили к коронации Павла I 5 апреля 1797 года. Скипетр представлял собой изящный золотой жезл длиной восемьдесят один сантиметр и был осыпан алмазами и драгоценными камнями. Венчал скипетр знаменитый алмаз «Орлов», к оправе которого был прикреплён российский герб, покрытый чёрной эмалью. Алмаз «Орлов» подарил Екатерине II граф Орлов в 1773 году. В конце XIX века алмаз оценивался в два с половиной миллиона рублей.

Держава в виде шара, увенчанного бриллиантовым крестом, была изготовлена к коронации Павла I.

Порфиры, или императорские мантии, имели вид длинных плащей без рукавов, изготовленных из глазета — ткани, похожей на парчу, с шёлковой цветной основой и узорами из золота.

Коронные знаки ордена Святого Андрея Первозванного были составлены из крупных и мелких бриллиантов.

Государственная церемониальная печать представляла собой подобие большой монеты. Она была изготовлена из серебра ещё в царствование Алексея Михайловича. На ней был вырезан государственный орёл, но без титульных гербов.

Государственный меч представлял собой обоюдоострый длинный прямоугольный стальной нож с рукоятью, верх которой заканчивался орлиными головами под коро-

ной. Длина клинка с золотой чеканкой составляла девяносто семь сантиметров восемьдесят два миллиметра. Впервые государственный меч упоминался в числе регалий при Петре I. При коронации русские государи не опоясывались мечом, как это делалось, например, при коронациях римско-немецких императоров.

Символами верховной власти являлись также троны, которые представляли собой богато украшенные кресла на специальном возвышении. При коронации Александра III трон служило престольное место первого царя из династии Романовых Михаила Фёдоровича.

Этот трон был известен под названием персидского. Яркое и своеобразное цветовое впечатление ему придавало великолепное сочетание золота, яхонтов, гиацинтов, бирюзы, а также щедро рассыпанных крупных жемчужин и жемчужных раковин, сапфиров, аметистов и хризолита.

Для Марии Фёдоровны предназначался роскошный так называемый алмазный трон царя Алексея Михайловича, выполненный придворными ювелирами персидского шаха в 1659 году. Трон украшали сотни прекрасных алмазов и яхонтов. По сторонам трона размещались диковинные персидские миниатюры с изображением птиц, животных, растений и сцен охоты.

Вечером 14 мая императорская семья переехала в Малый Николаевский дворец Кремля. Это была официальная резиденция императора и его семьи во время пребывания в Москве. Первым здесь поселился великий князь Николай Павлович, будущий Николай I, в честь которого дворец и был наименован. 17 апреля 1818 года здесь родился его сын, будущий император Александр II. А сын Александра II, Александр Александрович, теперь, спустя шестьдесят пять лет после рождения отца, проводил во дворце последние волнительные часы перед коронацией.

На следующий день, 15 мая, в Успенском соборе Московского Кремля свершилось торжество коронования. Великий князь Александр Михайлович так писал об этом событии:

«Ни один очерк царствования Императора Александра III не в состоянии дать более яркой характеристики новой эпохи русского самодержавия, чем описание коронования Их величеств в 1883 г.

Иностранные гости, проводшие в Москве незабвенную неделю с 10 по 17 мая, почувствовали, что они присутствовали при том, как создавалась история новой России. Каза-

лось, что новая Россия, со всеми её неограниченными возможностями, выявила свой полный новый облик в древней столице русских царей.

С конца апреля прилив сотен тысяч приезжих из различных губерний и областей, а также из-за границы, почти утроил население Первопрестольной. Экстренные поезда прибывали в Москву почти каждый час и доставляли коронованных особ Европы, членов царствовавших домов и представителей иностранных государств. Министр Императорского двора, бывший председателем комитета по приёму высоких гостей, буквально разрывался на части, с трудом поспевая с вокзала на вокзал, следя за последними приготовлениями и за строгим исполнением служебного церемониала. По установившемуся обычаю, прибывавших высочайших особ должны были встречать на вокзале и сопровождать повсюду лица по положению равные, а это означало, что мы, великие князья, должны были всё наше время уделять прибывшим высоким гостям».

Церемония коронации — торжественный государственный акт, когда император благословлялся Церковью на исполнение не только государственной, но и церковной власти. Это торжественное мероприятие было проведено в соответствии со специальным «Церемониалом Священного Коронования Их Императорских величеств Государя императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского и Государыни императрицы Марии Фёдоровны».

Императрица Мария Фёдоровна делилась с матерью своими переживаниями тех исторических дней, когда «они с Сашей венчались на царство», в письме:

«Вечером мы всей семьёй были в церкви в течение продолжительного времени. Перед исповедью священник долго читал прекрасные молитвы. После посещения церкви я, слава Богу, почувствовала себя намного спокойнее. Мы с Вальдемаром (братом Марии Фёдоровны. — А. М.) поужинали вдвоём и были вместе примерно до 11.30 вечера. Затем, чтобы исповедовать меня, пришёл Янышев. После этого мы отправились спать.

Я, к счастью, смогла заснуть, но бедный Саша всю ночь не сомкнул глаз, а в 7 часов, разбуженные пушечными выстрелами, возвестившими о начале торжеств, мы поднялись.

В 9 часов утра с бьющимися сердцами и слезами на глазах покинули наши покои. Не могу тебе описать, что тво-

рилось в моём сердце! Я чувствовала себя жертвой перед заклинанием.

Серебряное коронационное платье с длинным шлейфом, на голове — ничего и только на шее — маленькое жемчужное ожерелье, чтобы не казаться обнажённой».

Гостей, приехавших на коронацию, было много. Среди них — герцог и герцогиня Эдинбургские, князь Николай Черногорский, принц Фридрих Вильгельм, будущий император Фридрих III, Александр Баттенбергский — правитель Болгарии и многие другие.

В семь часов утра по сигналу двадцати одним пушечным выстрелом начался от Успенского собора благовест. На указанных местах собрались участники предстоящего шествия, а войска выстроились шпалерами по всему их пути. Двор собрался в Екатерининском зале Большого Кремлёвского дворца, в других залах — гражданские и военные чины, дамы, сенаторы, представители земств, председатели городских управ, министры, придворные сановники.

К девяти часам закончился заздравный молебен в Успенском соборе и три митрополита — Новгородский, Киевский и Московский — в сопровождении духовенства вышли из собора навстречу первому кортежу во главе с цесаревичем.

Великий князь Александр Михайлович так описывал дальнейшие события того дня:

«Ровно в 10 часов утра царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал один, впереди нас всех, эскадрон кавалергардов ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой.

В первом экипаже сидела императрица Мария Фёдоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и королевой греческой Ольгой. Остальные великие княгини, принцессы королевской крови и заслуженные статс-дамы разместились в остальных каретах кортежа.

Громкое “ура” сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где император сошёл с коня и в сопровождении императрицы вошёл в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божьей Матери».

Многие вполне обоснованно опасались тогда, что в день коронавания могут случиться любые провокации.

Например, композитор Пётр Ильич Чайковский в письме баронессе фон Мекк писал: «...Так приятно было читать

в газетах известия о благополучном, блестящем въезде царя в Москву. Несмотря на принятые меры, я всё же иногда побаивался, что найдутся безумцы, которые не затруднятся посягнуть на жизнь его. Ведь так легко из окна дать выстрел, и можно ли было поручиться, что в эту громадную толпу зрителей не вмешается хитростью злоумышленник. Но, слава Богу, всё окончилось благополучно».

Министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой постарался сделать всё, чтобы обеспечить безопасность императора и императорской семьи на всём пути следования от Петровского дворца до Кремля. Но, конечно, полную безопасность гарантировать никто не мог.

Флигель-адъютант императора граф Сергей Дмитриевич Шереметев, находившийся в свите императорской семьи, дал яркое описание событий того торжественного дня:

«...Вот начинается шествие. По два в ряд двинулись из Грановитой палаты... Долго шли камер-фурьеры, камер-юнкера, камергеры и проч[ие] чины. Красиво было видеть красную вереницу фрейлин... Гудит Иван Великий, и вся Кремлёвская площадь, переполненная народом, замирает в ожидании Царя. Все взоры устремлены на Красное крыльцо. Теснее выступают сановники, вот и Государственное знамя.

Яркий луч солнца ударил на Красное крыльцо, облака быстро разошлись... В это мгновение в дверях Грановитой палаты показался Государь. Он весь освещён был солнцем...

Что-то было невыразимое, когда при звоне всех колоколов раздались крики народа и всё слилось в одно протяжное, непрерывающееся восторженное “ура!”».

Масса народа собралась на Соборной площади Кремля. Огромный помост, сооружённый от Красного крыльца до Успенского собора, амфитеатром расположенные трибуны вмещали тысячи гостей. Толпы простого народа заняли всё свободное пространство в Кремле и за кремлёвскими стенами.

«В тот момент, когда мы вышли на Красное крыльцо, — писала Мария Фёдоровна своей матери, — ярко светило солнце, и мы торжественно прошли под балдахином до самого Собора...»

Царский балдахин из золотой парчи, украшенный перьями, несли шестнадцать генералов и шестнадцать генерал-адъютантов. В дверях Успенского собора императора и

императрицу встретил митрополит Иоанникий и произнёс приветственную речь.

«Государь вступил в Собор, — писал граф С. Д. Шереметев, — колокола замолкли, служба началась. На площади стало тихо. Снова показались облака, закапал дождь, поднялись зонтики, и вся площадь приняла совершенно иной вид...»

«Мы вошли в древний Успенский собор, до отказа наполненный народом, — рассказывала Мария Фёдоровна, — и остановились в центре на возвышении перед двумя престолами.

Рядом со мной встал Вальдемар. Это вызвало у меня прилив радостных чувств. Церемония началась с того, что Саша должен был прочитать вслух “Символ веры”. После этого — церемония возложения порфиры и бриллиантовой цепи ордена Андрея Первозванного, затем читалось Евангелие, а потом Саше была преподнесена корона. Он торжественно возложил её на голову. Корона очень ему шла.

Саше подали скипетр и державу, он взял их и держал в обеих руках. Вальдемар положил у его ног большую бархатную подушку, на которую я должна была опуститься на колени. Когда я преклонила колени, Саша торжественно одел мне на голову “Малую корону” Статс-дамы стали закреплять её у меня на голове, но булавки всё время попадали мне прямо в голову, что было очень неприятно.

В следующий момент Саша торжественно надел на меня порфиру, украшенную лентой, на которой красовался орден Андрея Первозванного. Статс-дамы снова прочно закрепили всё на моей одежде».

Сто один залп орудий и трезвон колоколов возвестили о возложении венца.

После провозглашения полного титула раздались возгласы многолетия.

По словам Марии Фёдоровны, «очень волнующим был момент, когда Саша, преклонив колени, читал вслух прекрасную молитву (речь идёт о молитве «Господи Боже отцев и царю царствующих». — А. М.). Его голос звучал спокойно и величественно, и в Соборе было отчётливо слышно каждое произнесённое им слово. Все замерли и внимательно слушали...

Все присутствовавшие были очень растроганы, многие плакали. Всё было очень-очень торжественно и проникновенно волнующе».

Когда император закончил чтение молитвы, митрополит Исидор приветствовал его словами: «Твоею благодатью непоколебим Всероссийский Престол, Твоею милостью крепка Россия. Слава Тебе Богу, Благодетелю нашему во веки веков».

Церковный хор начал петь «Тебе Бога хвалим». Так завершился чин коронования.

Далее перед Царскими вратами алтаря начался чин миропомазания. «После этого, — рассказывала Мария Фёдоровна матери, — состоялось Причащение Святых Христовых Таинств. Саша вместе со священником вошёл в алтарь (это единственный раз, когда император имел право это сделать).

Затем причастилась я. После окончания этого торжественного акта мы снова возвратились на свои места пред престолом и оставались там до окончания службы».

Когда литургия окончилась, митрополит поднёс императорской чете крест для целования.

Акт коронования и миропомазания завершился поздравлениями в адрес царской четы всех присутствовавших в троекратном поклоне.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминал: «И вот загудел “Иван Великий”, и дрогнула вся площадь. Все сорок сороков слились в один удивительный дивный звон. Из западных дверей царской усыпальницы вышел Государь в порфире, со Скипетром и с Державой; на голове его блистала бриллиантовая Корона. За ним шла Государыня. Малая бриллиантовая корона хорошо была надета с наклоном вперёд. Государь был бледен...»

Мария Фёдоровна сообщала матери: «Мы вышли из Собора и во главе торжественной процессии, увенчанные коронами, прошли под балдахином, обогнув колокольню Ивана Великого под громкие крики “ура”. Затем мы молились в двух других соборах».

Этими соборами были Архангельский и Благовещенский.

«Шествие подвигалось медленно, поднимаясь по Красному крыльцу, — продолжала далее Мария Фёдоровна. — Всё слилось и смешалось в пестроте нарядов и цветов, в глазах словно потемнело. Все взоры напряжённо направлены в одно место — на площадку Красного крыльца.

Среди пёстрой смешанной толпы ярко заблестела корона.

Государь остановился лицом к народу. Ещё мгновение, и корона наклонилась три раза. То были три царских поклона в ответ на оглушительные крики восторга и торжества.

Государь вступил в Грановитую палату, и, словно по магию жезла, всё разом утихло. Приветствие народа, находившегося у Красного крыльца, было прекрасным и захватывающим зрелищем...

После завершения церемонии мы направились в дворцовые покои. Настоящее чувство блаженства испытали мы, когда всё закончилось и мы вернулись в свои покои. Для меня это было то же чувство, что сразу после рождения ребёнка, — это единственное, с чем его можно сравнить...

Через час мы должны были, однако, в коронах и мантиях явиться в Грановитую палату к парадному обеду, где я и Саша заняли троны и приступили к трапезе. Нас обслуживали первые придворные лица. Вальдемару было разрешено быть помощником и стоять сзади меня».

На торжественном обеде присутствовали сто пятьдесят девять человек: все первые лица государства, высшие сановники, генерал-адъютанты и всё высшее духовенство.

Рассказывая о торжественном обеде в Грановитой палате, баронесса Эдита Фёдоровна Раден сообщала: «В ту минуту, когда государь входил в палату, в раскрытое окно влетел белый голубь, попорхал над императорским местом и затем улетел... То же самое случилось, как известно, и в Иверской часовне: в то время, когда приближалось торжественное шествие, белая голубка влетела в часовню и оставалась там всё время, пока царь и царица творили свою молитву. Все приветствуют с радостью это счастливое предзнаменование».

Во время обеда все присутствовавшие получили медали, отчеканенные в память этого знаменательного события.

Блюда для императора и императрицы вносили штаб-офицеры в сопровождении верховного маршала, а ставили на стол обер-гофмаршал и гофмаршал.

Торжественный орудийный салют звучал над стенами Кремля. За здоровье императора был произведён шестьдесят один выстрел, за здоровье государыни императрицы — пятьдесят один, за здоровье наследника-цесаревича и всего императорского дома — тридцать один, за духовных лиц и всех верноподданных — двадцать один.

В промежутках между блюдами императорскими артистами и хором исполнялась кантата, написанная к корона-

ции Петром Ильичом Чайковским на стихи Аполлона Николаевича Майкова.

По окончании обеда, который продолжался около часа, Александр III, сойдя с трона, возложив на голову корону и взяв в руки скипетр и державу, направился с императрицей, при пении хором «Слава», в Андреевский зал.

По традиции в день коронации были объявлены немалые милости бедствующим и страждущим. Щедро были одарены многие государственные деятели империи, получившие чины и титулы, награды и ценные подарки. Только бриллиантов было роздано на сто двадцать тысяч рублей.

Три дня по вечерам весь центр Москвы сверкал иллюминацией. Стены и башни Кремля, колокольня Ивана Великого были освещены тысячами электрических лампочек. Тверская утопала в огнях. Особенно богато был освещён генерал-губернаторский дом.

«В течение трёх последующих дней, — писала Мария Фёдоровна матери, — мы каждый день по четыре часа принимали поздравления различных делегаций и должностных лиц. Это было страшно утомительно, мои ноги так распухли и стали такими толстыми, что я почти не могла ходить, так что пришлось делать компрессы».

Вечером 18 мая в Большом театре состоялся парадный спектакль, давали первый акт оперы «Жизнь за царя» и балет «День и ночь».

Сильное впечатление произвело на баронессу Эдиту Раден зрелище народного гулянья на Ходынке. Она так описывает главный момент — прибытие государя: «Наконец от Петровского дворца показался экипаж государя. Его величество с государыней показался на галерее (царского павильона), и вмиг полмиллиона человек обнажили свои головы и воздух задрожал от такого ура, какого не услышишь дважды в жизни! Оркестры музыки перед самым павильоном исполняют гимн, но его почти не слышно».

На Ходынском поле на гулянья собралось до трёхсот тысяч человек. Народу впервые раздавали «царские подарки». В них, помимо гостинцев, были включены кружки с царским вензелем. Благодаря распорядительности полиции всё прошло без каких-либо происшествий.

Все собравшиеся стали зрителями удивительного аллегорического шествия «Весна-Красна», главной идеей которого стало пробуждение природы весной после зимней спячки.

21 мая император Александр III во дворе Петровского дворца в Москве встретился с волостными старшинами. На

встрече присутствовали семьсот крестьянских представителей от всей России.

Обращаясь к ним, император сказал: «Я очень рад ещё раз видеть вас; душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем моё сердечное спасибо, следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, дарованных прирезках и тому подобному. Слухи эти распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья».

Художник Илья Ефимович Репин запечатлел эту встречу на одном из своих полотен. На огромной позолоченной раме, обрамлявшей картину, были выгравированы слова императора Александра III: «Всякая собственность должна быть неприкосновенной».

Князь Владимир Петрович Мещерский написал, что император Александр III в следующих словах выразил те чувства, которые владели им в дни коронации: «Это были святые минуты — и к Богу близко, и к народу — близко».

22 мая в день смерти императрицы Марии Александровны всё императорское семейство с ближайшими родственниками ездили в Троице-Сергиеву лавру.

На следующий день император присутствовал в Сокольниках на праздновании двухсотлетнего юбилея первых регулярных российских полков — Преображенского и Семёновского. За обеденным столом разместилось двенадцать тысяч солдат. На огромной эстраде — шестьсот военных музыкантов. Были исполнены марш Петра Ильича Чайковского и российский гимн. Государь выпил чарку водки за здоровье русской армии и вместе с императрицей обошёл столы.

Коронационные празднества не только ознаменовались пышными церемониями в Кремле, но и совпали со знаменательным событием — торжественным освящением храма Христа Спасителя.

Освящение состоялось 26 мая, когда православная Москва отмечала праздник Вознесения Господня.

В восемь часов утра с колоколен храма Христа Спасителя впервые раздался звон колоколов. Из Новодевичьего монастыря была доставлена икона Смоленской Божьей Матери, история которой была связана с историей войны 1812 года; из Иверской часовни — икона Иверской Божьей

Матери, из Чудова монастыря — икона святителя митрополита Алексия, из Давыдовой пустыни — икона Спасителя, из Казанского собора — икона Казанской Божьей Матери.

Всё духовенство Москвы, всех московских сороков и всех учебных заведений в парадных облачениях, сшитых к этому торжественному дню, собралось у храма Христа Спасителя. После водоосвящения под колокольный звон митрополит Иоанникий приступил к молитве. Затем начался крестный ход за святыми мощами. По Волхонке, Моховой, через Троицкие ворота он вступил в Кремль и двинулся к Успенскому собору. На Соборной площади в торжественном строю стояли хоругвеносцы всех соборов и монастырей Кремля.

К храму Христа Спасителя крестный ход прошёл от Успенского собора через Боровицкие ворота по Александровскому саду и набережной Москвы-реки. В процессии участвовали около восьмисот человек.

В торжественном строю по всему пути следования крестного хода и у храма Христа Спасителя были выстроены участвовавшие в этом событии войска: сорок пять рот от сорока пяти полков, четырнадцать эскадронов, четырнадцать хоров, оркестр полковой музыки, а также воспитанники Александровского кадетского и юнкерского пехотного училищ. Семь батарей стояли наготове для салюта.

В этот день была прекрасная солнечная погода. Вокруг огромного белоснежного храма со сверкающими на солнце золотыми куполами был сооружён высокий помост, обитый алым сукном.

На помосте лицом к храму стояли знаменосцы, державшие в руках знамёна разных полков; московское духовенство в великолепных золотых церковных облачениях с хоругвями сорока московских церквей.

Далее были выстроены войска, а за ними — праздничная толпа москвичей. Когда к храму Большого Кремлёвского дворца приближалась императорская семья, войска по пути её следования выстроились в почётном карауле, а полковые оркестры исполнили национальный гимн «Боже, Царя храни!».

В этот день была впервые исполнена знаменитая увертюра Петра Ильича Чайковского «1812 год».

Императора Александра III и императрицу Марию Фёдоровну встретил митрополит Иоанникий. Началось освящение престола храма. Под звон колоколов всех московских церквей митрополит окропил стены храма.

Когда крестный ход был завершён, все, кто находился в храме во главе с императором и императрицей, опустились на колени. Было провозглашено троекратное «Многая лета!».

На набережной салютовали пушки. Началась Божественная литургия. Синодальный хор и хор Чудова монастыря участвовали в молитвенном песнопении.

У левого клироса на почётном месте стояли дожившие до этого праздника участники Отечественной войны 1812 года. Император подошёл и поздравил каждого из них.

По случаю освящения храма император Александр III издал манифест, в котором были такие слова:

«Сегодня по милости Божией освящён благословением церковным сей величественный Храм и открыт для молитвы и священных воспоминаний. Событие это, давно всем народом ожидаемое, совершилось в светлые дни Священного Нашего Коронования, посреди верных Нам и Отечеству сынов России, собравшихся со всех концов её — свидетельствовать перед лицом всего мира, сколь свят и неразрывен из века в век союз любви и взаимной веры, связующий Монархов с верноподданным народом...

Да будет Храм сей во все грядущие роды памятником милосердного Промысла Божия о возлюбленном Нашем Отечестве в годину тяжкого испытания, памятником мира после жестокой брани, предпринятой смиренным и благочестивым Александром не для завоеваний, но для защиты Отечества от угрожавшего завоевателя. Да стоит он, по завету своего Основателя, многие века, и да курится в нём пред святым Престолом Божиим кадило благодарности до позднейших родов вместе с любовью и подражанием к делам предков».

В честь коронации императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны была написана и впервые исполнена «Торжественная увертюра» Петра Ильича Чайковского. В ней композитор соединил мелодии двух национальных гимнов — русского и датского.

Торжества, начавшиеся 15 мая, продолжались в течение трёх дней. В память коронования императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны была учреждена бронзовая медаль с изображением Александра III. Всюду проходили народные гулянья, звучал торжественный колокольный звон, производилась раздача подарков. В эти дни по традиции были объявлены монаршие милости: даровалась амнистия участникам Польского восстания 1863 года, прощались штрафы, убытки, недоимки. Даже М. И. Муравьёву-Апостолу, декабристу, готовившему по-

кушение на императора Николая I, в эти торжественные дни был возвращён Георгиевский крест, отобранный у него за участие в событиях 1825 года.

Великий князь Александр Михайлович писал:

«Остальные три дня празднеств оставили во мне только чувство приятной усталости. Верная традициям гостеприимства, Москва и на этот раз поразила всех своим хлебосольством. Мы танцевали на балу, данном московским дворянством. Мы были в числе восьми тысяч приглашённых на балу, в Большом Кремлёвском дворце. Мы завтракали в городской думе, обедали у земства и ужинали в офицерских собраниях. Мы разъезжали по улицам, на которых раздавались непрерывно музыка и пение. Мы смотрели на раздачу подарков 500 000 рабочих и крестьян на Ходынском поле. Мы отдали должное талантам повара митрополита Московского, известного искусным приготовлением постного стола. Мы принимали делегации, присутствовали ежедневно на представлениях Императорского балета, провожали иностранных принцев и принцесс при отходе их экстренных поездов, причём гости и гостеприимные хозяева еле держались на ногах от усталости.

18 мая император с семьёй отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лёжа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьёв над нашими головами, мы четверо — Никки, Жорж, Сергей и я — делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств...»

Дни коронации Александра III и Марии Фёдоровны были ознаменованы не только первым молебном в храме Христа Спасителя, но и открытием в Москве Исторического музея, ставшего уникальной сокровищницей национальной культуры. 27 мая император и императрица вернулись из Нескучного в Москву и посетили музей. В тот момент слова «исторический» в его названии не было — он назывался «Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Александра Александровича». Только через год, в мае 1884 года, музей стал именоваться Императорский российский исторический музей имени императора Александра III.

Принимал высоких гостей брат императора — великий князь Сергей Александрович, являвшийся председателем

Управления музея, и товарищ председателя — граф Алексей Уваров. Гости осматривали экспозицию около часа — одиннадцать залов, посвящённых истории России.

Год спустя, 16 мая 1884 года, Александр III писал Марии Фёдоровне:

«Вчерашний день 15 мая, счастливейший день по воспоминаниям о том, что было в Москве год тому назад, и вечное благодарение Господу, благословившему этот священный день для нас и всей России, которая с таким трогательным участием и вниманием ждала и встретила это великое событие для нас и доказала всей изумлённой и испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая святая, православная Россия, каковой она была и при Царях Московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно!»

После коронации

После возвращения с церемонии коронования в Петербург император и императрица ненадолго задержались в Аничковом дворце. Вскоре на яхте «Александрия» они отправились на торжественное открытие новых каналов — Ново-Свирского и Ново-Сясьского.

Первый из них, Новый Свирский, наречённый именем Александра III, был построен вместо обмелевшего Старо-Свирского канала — одного из Приладожских каналов, соединявших устья рек Свирь и Сясь в обход Ладожского озера. Сооружался Старо-Свирский канал в 1802—1810 годах как часть Мариинской системы, но со временем сильно обмелел.

Ново-Сясьский канал, названный именем императрицы Марии Фёдоровны, был прорыт продольно Старо-Сясьскому каналу, ближе к Ладожскому озеру. Старо-Сясьский канал — имени императрицы Екатерины II — входил в Тихвинскую водную систему. С развитием судоходства и ростом экспорта пшеницы в Европу екатерининский канал также оказался мелок.

После торжественных мероприятий, связанных с открытием судоходства, императорская чета отправилась в Данию. Там их ждали ещё одни торжества.

В столице Дании Копенгагене состоялось освящение храма Святого Благоверного князя Александра Невского.

Присутствовали члены царской семьи: император Александр III с императрицей Марией Фёдоровной, наследник

цесаревич Николай Александрович, великий князь Георгий Александрович, великая княгиня Ксения Александровна. С датской стороны: король Дании Кристиан IX, король Греции Георг V, он же датский принц Вильгельм и брат Марии Фёдоровны, и его жена, греческая королева Ольга Константиновна, и их дети.

Освящение храма, по благословению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора, проводил архимандрит ректор Санкт-Петербургской Духовной академии Иван Леонтьевич Янишев.

Храм был построен в центре города, недалеко от королевского дворца Амалиенбург. Его строительство, начатое в 1881 году, финансировалось русским правительством. Автором проекта был архитектор Давид Иванович Гримм.

Здание церкви было возведено из красного кирпича. Украшения были изготовлены из белого камня-песчаника. Нижний этаж был облицован гранитом. Лестница, ведущая на второй этаж, была выполнена из белого гранита в старорусском стиле.

Иконы и картины в церкви были созданы известными русскими живописцами: Фёдором Андреевичем Бронниковым, Алексеем Петровичем Боголюбовым, Иваном Николаевичем Крамским. Кисти Бронникова принадлежала картина «Христос усмиряет бурю», автором картины «Шествие Христа по волнам» был Боголюбов. Крамской написал картины, посвящённые житию Александра Невского. На одной Иван Николаевич изобразил Александра Невского с войском во время молитвы в Софийском соборе в Новгороде перед битвой на Неве, на другой — сцену завершения князем своей мирской жизни и принятия им схимы в Фёдоровском монастыре в Городце на Волге.

С потолка главного зала церкви свисала массивная бронзовая люстра. Это был подарок императора Александра III.

Пол в главном церковном зале был выполнен из мозаичного мрамора.

Сразу после возвращения из Копенгагена в Петербург, а затем в Гатчину Александр и Мария Фёдоровна приняли патриарха Иерусалимского Никодима. Патриарха принимали с особой теплотой. Никодим долгое время состоял патриаршим наместником в Москве и теперь после избрания патриархом отправлялся в Палестину. Он первым из патриархов иерусалимских стал произносить за богослужением многие возгласы и молитвы по-славянски.

На встрече в Гатчине обсуждали вопрос об учреждении в минувшем 1882 году Православного палестинского общества. Ведь общество ставило своей целью покровительство русским паломникам в Святой земле.

Посещение святых мест Александр III считал важным и необходимым. Как глубоко верующий человек, он и сам любил посещать святые места, ему нравились религиозные праздники, он мог долго и с удовольствием говорить на религиозные темы. При Александре III заметно оживилась церковная жизнь: активнее стали действовать церковные братства, возникали общества духовно-нравственных чтений и беседований, а также по борьбе с пьянством.

Нередко из собственных средств император отпускал на монастыри значительные суммы, жертвовал им драгоценные облачения и утварь. Правитель государства довольно тонко понимал своеобразную красоту старинной русской архитектуры и постоянно требовал на своё рассмотрение все проекты новых церковных сооружений.

При Александре III были произведены значительные реставрационные работы на древних храмах.

Рождество и Пасха особо отмечались в семье императора и были самыми памятными днями в году, «это были счастливые семейные торжества».

Понятие «семья» включало не только императора, императрицу и их детей, но также великое множество родственников. Мало того, к ней принадлежали тысячи слуг, лакеев, придворной челяди, солдат, моряков, членов придворного штата и все, кто имел право доступа во дворец. И всем им полагалось делать подарки.

Пасха — Светлое Христово Воскресенье — считалась самым важным праздником. «Её праздновали особенно радостно, — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, — потому что ей предшествовали семь недель строгого воздержания — не только от употребления в пищу мяса, масла, сыра и молока, но и от всяческих развлечений... Не устраивались ни балы, ни концерты, ни свадьбы. Период этот назывался Великий пост, что очень точно определяло его значение».

Начиная с Вербного воскресенья дети посещали церковь утром и вечером.

Некоторое послабление дисциплины приносила Великая суббота...

Заутреня, торжественная субботняя служба, являлась наиболее важной. Все присутствовавшие на ней были оде-

ты как для важного дворцового приёма. Служба длилась в течение трёх часов.

«Я не помню, чтобы мы чувствовали усталость, — писала Ольга Александровна, — зато хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали, затаив дыхание, первый торжествующий возглас “Христос Воскресе”, который затем подхватывали императорские хоры...

После возгласа “Христос Воскресе!”, на который присутствующие отвечали “Воистину Воскресе!”, разом исчезали заботы и тревоги, разочарования и беды.

У всех стоящих в храме — в руках зажжённые свечи.

Всех охватывает радостное чувство. Долгий пост окончен, и царские дети бегут в банкетный зал, где ждут их всякие вкусные вещи, к которым им запрещено было притрагиваться с самой Масленицы. Начинается разговенье. По пути мы ежеминутно останавливались, чтобы похристосоваться с дворецкими, лакеями, солдатами, служанками и всеми, кто нам встречался».

Александр III особенно нравились пасхальные службы. Он всегда делился своими впечатлениями от служб в письмах жене.

Светлое Христово Воскресенье было тяжёлым трудовым днём для императора и императрицы и всей царской семьи.

С утра в одном из самых прекрасных залов Большого Гатчинского дворца устраивался большой приём. К императору и императрице длинной вереницей подходили для христосования все обитатели Гатчинского дворца, и каждый получал своё пасхальное яйцо, изготовленное из фарфора, малахита или яшмы.

Как правило, христосование продолжалось несколько дней, в нём принимали участие дворцовая комнатная прислуга, камер- и гоффурыеры и многие другие.

Царские дети охотно христосовались со всеми.

Христосование, важная часть пасхальных празднеств, всегда строго соблюдалось. Александр III в письмах сыну Николаю не раз говорил о пасхальных ритуалах.

На Пасху 1885 года цесаревич Николай Александрович писал отцу: «Мой милый, милый Папá. Все яйца, которые ты мне поручил дать известным лицам, розданы; но всё-таки там ещё нужно 2 больших яйца и 6 малых. Я могу наверно сказать, что ничего пока не перепутал».

«Спасибо тебе, милый Ники, за твоё письмо и отчёт о христосовании с Гатчинскими жителями, — отвечал им-

ператор. — Завидую страшно вам, что вы наслаждаетесь в милой Гатчине.

Сегодня в 2 часа я христосовался с Павловским караулом, который стоял в Аничкове в ночь на Пасху, а потом был смотр новобранцам на обоих дворах Аничкова, который продолжался 1 ½ часа. Всего новобранцев было 4979 человек». В следующем письме Александр III сообщал сыну: «Посылаю тебе, милый Ники, ещё 11 яиц больших, малых у меня больше нет. Не понимаю, как мы так дурно считали, что не хватило всем; значит, яиц было не 51, а 43, иначе вышло бы верно».

С 1885 года в императорской семье традиционными пасхальными подарками стали пасхальные яйца, выполненные ювелиром Карлом Фаберже.

Первым таким подарком было пасхальное яйцо «Курочка», подаренное Александром III Марии Фёдоровне на Пасху в 1885 году. Яйцо Александр III заказал ювелиру как пасхальный сюрприз для Марии Фёдоровны.

Снаружи яйцо было покрыто белой, имитирующей скорлупу, эмалью, а внутри, в «желтке» из матового золота, — изготовленная из цветного золота курочка. Внутри курочки, в свою очередь, спрятана небольшая рубиновая корона и сделанное из рубина яичко.

Императрица была очарована подарком.

За этот удивительный подарок Карл Фаберже получил от государя почётное звание «ювелира Его Императорского величества и ювелира Императорского Эрмитажа». В том же году ему было присвоено звание поставщика Императорского двора.

В Гатчине всегда торжественно отмечались и другие церковные праздники. Так, в праздник Богоявления крестным ходом все шли на «Иордань» — место водосвятия под открытым небом — к Серебряному озеру. По пути к озеру шпалерами стояли войска.

Каждый год в Гатчине торжественно отмечался день перенесения христианских святынь с острова Мальта — руки святого Иоанна Предтечи, Филермской иконы и части Святого Животворящего Креста Господня. История этих «мальтийских святынь» восходит ко временам императора Павла I. По указу Николая I в Гатчине был построен храм, получивший имя небесного покровителя основателя Гатчины святого апостола Павла. Павловский собор стал жемчужиной Гатчины. Для церемонии его освящения в Гатчину из Санкт-Петербурга из церкви Зимнего дворца были доставлены «мальтийские святыни».

Со времён Николая I храм Святого Павла стал местом ежегодных празднеств. Накануне 11 октября святыни доставлялись из Зимнего дворца в гатчинскую дворцовую церковь. Здесь совершалось всенощное бдение, а в самый день праздника — ранняя литургия. Затем крестным ходом святыни переносились на поклонение в Павловский собор. Поклониться святыням верующие приходили со всех окрестных сельских приходов, было много богомольцев из Петербурга, а также из соседних губерний. Святыни оставались в Павловском соборе до праздника Казанской Божьей Матери, а затем их снова увозили в Санкт-Петербург.

Особо почиталась в царской семье икона Богоматери Феодоровской, так как с ней было связано такое важное историческое событие, как избрание на царство в 1613 году Михаила Фёдоровича Романова.

Празднование в честь иконы совершалось дважды: 16 августа — в день её явления князю Василию Костромскому и 14 марта — в память провозглашения на царство Михаила Фёдоровича Романова.

По свидетельству С. Д. Шереметева, посещая церковь, Александр III становился так, что его заслонял занавес перегородки. «Но со стороны его было видно. Стоял он сосредоточенно. Никогда ни с кем не разговаривая, становился на колени, когда пели “Отче наш” и диакон возглашал: “Со страхом Божьим!”, и священник: “Всегда ныне и присно” Неизменно крестился большим крестом, когда диакон читал прошение: “Заступи, спаси и помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию”».

Александр III и Мария Фёдоровна очень любили церковную музыку, особенно произведения Дмитрия Степановича Бортнянского и Алексея Фёдоровича Львова. «Херувимскую» Львова царь заказал для пения во время коронации.

Для укрепления православия в царствование императора Александра III основывались вновь или восстанавливались монастыри, строились храмы, в том числе на многочисленные и щедрые императорские пожертвования. Было построено и освящено пять тысяч церквей и часовен. Были открыты русские церкви и за рубежом.

При Александре III в стране было открыто двадцать пять тысяч церковно-приходских школ. Император видел в приходской школе одну из форм сотрудничества Государства и Церкви. Православная церковь, по его убеждению, искони была воспитательницей и учительницей народа.

Столетиями школы при церквях были первыми и единственными школами на Руси.

В годы царствования Александра III для заведования всеми церковно-приходскими школами был образован при Святейшем синоде особый училищный совет, издающий учебники и необходимую для образования литературу. Опекая церковно-приходскую школу, император осознавал важность соединения в народной школе основ образования и воспитания.

До середины 70-х годов XIX века в основном священники и другие члены причта были наставниками в сельских школах. 13 июня 1884 года император утвердил «Правила о церковно-приходских школах». На докладе о «Правилах» император написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». Церковно-приходские школы стали открываться во многих местах России, часто в самых глухих и отдалённых селениях. Зачастую они являлись единственным источником просвещения для народа. Поэтому и к приходскому духовенству Александр III относился особенно внимательно.

При этом, как отмечали современники, царь был религиозно терпимым человеком. Лица, занимавшие при дворе высокие посты, часто были не православными. Так, гофмаршал двора граф Павел Константинович Бенкендорф был католиком, а министр двора барон Владимир Борисович Фредерикс — лютеранином.

Под сенью Гатчинского парка

Царь находит огромное удовольствие в физическом труде, составляющем для него столько же необходимости, сколько и развлечение.

Эмиль Джозеф Диллон,
корреспондент газеты
«Daily Telegraph» в России

Год после коронации был наполнен разными событиями. В июне 1884 года Александр III побывал в Финляндских шхерах.

По возвращении из Финляндии, в июле, император присутствовал на закладке броненосного крейсера «Адмирал Нахимов» на Балтийском механическом заводе.

В августе—сентябре с семьёй совершил поездку в Вильно, Варшаву, крепость Новогеоргиевск и затем в Скерневицы, где встречался с императорами Германии и Австрии.

Встреча трёх монархов во дворце Александра III в Скерневицах, недалеко от Варшавы, проходила с 3 (15) по 5 (17) сентября 1884 года. Она должна была снять нараставшие противоречия в политике трёх стран.

В самом начале года в связи с истечением трёхлетнего срока «Союза трёх императоров» Бисмарк предложил российскому правительству продлить его ещё на три года. 15 (27) марта 1884 года в Берлине между Россией, Австро-Венгрией и Германией вновь было подписано соглашение, которое в точности повторяло основные статьи предыдущего договора.

Продлевая «Союз трёх императоров», Александр III надеялся ограничить активные действия Австро-Венгрии на Балканах, а также поддержать единство союзников в Африке и Средней Азии как противовес англо-французской экспансии. «Союз позволяет нам, — утверждал Н. К. Гирс, — быть дружественными наблюдателями».

Александр III знал любимую формулу Бисмарка: у государства нет друзей, есть интересы. По сути это мало отличалось от английской формулы: у Англии нет вечных союзников и постоянных врагов — вечны и постоянны её интересы. Император полагал, что у России главный интерес — мир и покой.

Министерство иностранных дел пыталось убедить общественность в положительных результатах скерневицкой встречи. «Личные чувства трёх монархов, так же, как взгляды их министров, оказались совершенно одинаковыми, — говорилось в сообщении министерства. —... Всякие расчёты, основанные на разногласии или соперничестве трёх держав, так же, как разрушительные попытки врагов социального порядка, разобьются об это твёрдое и искреннее согласие держав».

Но Александр III понимал, что всё совсем не так радужно. Поэтому по его указу в том же 1884 году был возрождён расформированный в 1860 году Главный морской штаб — высший военный орган управления русским флотом, часть Морского министерства.

Главный морской штаб был создан, чтобы централизовать управление военно-морским флотом. Штаб отвечал за его боевую подготовку: разработку судостроительных программ, составление планов войны и мобилизации, сбор

сведений об обоевой готовности судов Добровольного флота и российских коммерческих судов, а также кораблей военно-морского флота и судов торговых флотов иностранных государств. Штаб разрабатывал и контролировал маршруты плавания судов, составлял уставы, инструкции и наставления по судовой службе и боевой подготовке, решал вопросы укомплектования флота личным составом и многие другие.

Александр III всякий раз с удовольствием возвращался под сень старых деревьев в Гатчинском парке, под своды дворца, где он чувствовал себя уютно и спокойно. Но всё же пленником, затворником Гатчины, каким его любили изображать, он никогда себя не ощущал. Он здесь много работал, встречался с людьми. Кроме того, в Гатчине у него была возможность заниматься и любимой рыбалкой. В прекрасных парковых прудах, зная об увлечении царя рыбалкой, специально разводили рыбу.

Мария Фёдоровна разделяла это увлечение с мужем. Она тоже рыбачила с удочкой и даже сама насаживала червей.

Любимой забавой императора была ночная рыбалка. Причём рыбалка активная — ловля рыбы острогой. Ночью рыба дремлет на поверхности воды, и вся задача — точно попасть в неё острогой. «Тлеющий на лодке огонёк освещает воду. Ночная тишина и шёпот на лодке способствуют настроению. Государь наслаждался этой тишиной и, как художник, понимал и чувствовал её красоту».

О том, как проходили ночные рыбалки Александра III, писал его камердинер. Александр III выезжал на рыбную ловлю на Гатчинское озеро обыкновенно после полуночи. В лодке, кроме императора, находились матросы-гребцы и егерь. Егерь светил факелом, а вооружённый острогой император бил по привлечённой светом всплывавшей рыбе.

Весной 1884 года по личному указанию Александра III для ночной рыбалки с плотов приспособили электрическое освещение. С рыбной ловли император возвращался очень поздно, иногда даже на рассвете.

Как вспоминал С. Д. Шереметев, в Гатчине император «много ходил, наслаждался прогулками с семьёю, словно помещик в своей усадьбе. Прогулки по окрестностям и пикники в лесу были особенно приятны и даже оживлённы... Но оживление это было не светское, а особого свойства, особенно ему любезного. Оживление придавали дети, уже достигшие того возраста, когда они всего забавнее и веселее».

Оставаясь в Гатчине один или с детьми, когда Мария Фёдоровна вынуждена была покинуть мужа, уезжая то на Кавказ навестить больного сына Георгия, то в Данию — с визитом к своим родителям, Александр III регулярно писал жене письма, рассказывая о своей жизни в Гатчине, о детях. Как, например, в письме от 18 апреля 1884 года: «В 11 часов поехали к обедне в милую нашу церковь. Утро было хорошее, тепло и тихо, и во время обедни соловей пел всё время, так это было оригинально и мило!»

Дети обожали прогулки с отцом по паркам Гатчины. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала:

«Настоящим праздником были те дни, когда, услышав, как часы на башне дворца бьют три раза, мы получали сообщение о том, что Его Императорское величество позволит взять нас с собой в гатчинские леса.

Мы отправлялись в Зверинец — парк, где водились олени, — только мы трое и больше никого. Мы ходили на трёх медведей из русской сказки: отец нёс большую лопату, Михаил — поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас были также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево.

Он научил нас с Михаилом, как надо разводить костёр; наконец, мы пекли на костре яблоки, заливали костёр и при свете фонарей находили дорогу домой.

Летом отец учил нас читать следы животных. Очень часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папá учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками».

В вихрях бала и забот

Александр Александрович не любил светского общества, и поэтому императрица приняла на себя заботы о соблюдении многочисленных придворных традиций, в том числе и балов.

В отличие от мужа Мария Фёдоровна очень любила балы. Она прекрасно танцевала и могла до полуночи без усталости кружиться на паркете и так же без усталости вести светские беседы.

В одном из писем матери от 23 января 1883 года она подробно описывала бал, на котором «должна была принимать

огромное количество дам в то время, когда другие танцевали»: «...Я вернулась опять в танцевальный зал только к мазурке, которую танцевала с Рихтером. Потом мы ужинали с послами. На мне было розовое платье, украшенное спереди серебряными и тёмными цветами, сзади был шлейф, а талия была украшена розовыми перьями, на голове большая алмазная диадема с перьями, на шее большое алмазное ожерелье, которое надевали, когда выходили замуж, и которое принадлежит короне Империи...»

В следующем письме, от 27 января 1883 года, Мария Фёдоровна сообщала матери: «Вчера вечером мы были на бале-маскараде у Владимира (великого князя Владимира Александровича. — А. М.). Это был самый красивый бал, который ты только можешь себе представить. Все были одеты в старинные русские костюмы, украшенные драгоценными камнями, богатство самых красивых материй, жемчуга и алмазы, так что было действительно удивительно. Саша не хотел надевать костюм и пришёл в форме. На мне был очень красивый, но очень неудобный костюм. Он был очень тяжёлый, такой, что я не могла танцевать в нём».

Некоторые современники отмечали большую разницу в отношении супругов к балам и танцам и часто с осуждением писали об этом пристрастии императрицы. Так, государственный секретарь А. А. Половцев в своих дневниках замечал: «4 февраля. 1883 г. Пятница... В 3 ½ час., когда, несмотря на настояние государя, императрица продолжает танцевать, то государь посылает одного из танцоров с приказанием музыкантам кончить; музыканты уходят один за другим так, что под конец играет лишь одна скрипка и барабан...»; «31 января. 1886 г. Пятница... Государь оставался на бале у графини Стенбок лишь несколько минут, императрица, напротив, танцевала до упаду и осталась ужинать...»

На самом деле время окончания бала не регламентировалось. Гости веселились до тех пор, пока в зале находились император или императрица. Бал продолжался, как правило, до двух-трёх часов ночи. Домашние Аничковские балы у страстной танцовщицы императрицы Марии Фёдоровны могли затягиваться и до четырёх часов утра.

Современники вспоминали, что когда «котильон продолжался слишком долго, а императрица не хотела заканчивать танцы, государь придумывал особое средство. Музыкантам приказано было удаляться поодиночке, оркестр всё слабел, пока, наконец, не раздавалась последняя стру-

на, и та, наконец, умолкала. Все оглядывались в недоумении, бал прекращался сам собой».

Все знали, что император не любил балы, но строго следил за соблюдением традиций и правил. Так, на придворных балах офицерам категорически запрещалось танцевать без перчаток. И вот на одном из январских балов Александр III «остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина начали танцевать без перчаток». Скорее всего, офицеры решили позволить себе эту маленькую вольность после ужина, разгорячённые спиртным. Однако Александр III считал нарушение установленной формы одежды не мелочью, поэтому он немедленно сделал замечание командирам соответствующих полков. Более того, один из офицеров во время исполнения польки начал танцевать венский вальс. Всё это «возмутило государя», и на следующий день четырёх офицеров «посадили в комендантскую».

Марии Фёдоровне нравились и так называемые большие и малые балы, и камерные. Традицию камерных домашних балов «для своих» заложила ещё в XVIII веке Екатерина II. Затем эту традицию подхватил Николай I. Он начал проводить так называемые Аничковские балы. Традицию эту продолжил Александр III.

В период его правления Аничковские балы стали почти обязательной частью великосветского зимнего сезона большого петербургского света. Число домашних балов строго не устанавливалось и зависело от множества причин. В «хорошие» годы их проходило несколько. Главной их особенностью было то, что на такие балы приглашались люди, лично приятные императорской семье или входящие в «ближний круг» семьи. Соответственно, эти балы «отличались немногочисленностью и носили несколько домашних, семейный характер. Не танцующих было немного».

Мария Фёдоровна любила не только посещать балы, но и организовывать их. В российской и мировой истории бальных торжеств остались два мероприятия. Первое, получившее название «Зелёный», или «Изумрудный», бал, и второе — «Чёрный» бал.

Знаменитый «Зелёный» бал открыл сезон императорских балов в Зимнем дворце 1888 года. В тот день, 24 января, туалеты всех дам украшали только прекрасные изумруды.

А в январе следующего, 1889 года в Аничковом дворце состоялся бал, получивший название «Чёрный». Объявленный бал 26 января должны были отменить по причине неожиданной гибели австрийского кронпринца Рудольфа.

Однако императрица Мария Фёдоровна распорядилась не отменять бал, но всем прибыть на него во всём чёрном.

Один из современников отмечал, что «чёрные вырезанные платья, чёрные веера, чёрные по локоть перчатки, чёрные башмаки создавали волнующее шлейфное чёрное море. Ярко отсвечивающиеся чёрные бриллианты и жемчуг придворных дам на чёрном атласе, шёлке и тюле были великолепны».

Брат императрицы Александры Фёдоровны Эрнст Людвиг вспоминал: «В белом зале с красными гардинами и стульями пестрели только мундиры. Зрелище было странное, но совершенно захватывающее».

В одном из своих писем сыну Николаю Александр III не без юмора рассказывал о большом январском бале 1891 года:

«Большой бал в Николаевской зале прошёл благополучно, было более народу, чем когда-либо; приехало на бал более 2200 человек, и к ужину пришлось ставить запасные столы. Наш оркестр играл дивно в полном составе 106 человек и произвёл эффект. Много молодёжи из вновь произведённых офицеров и много дебютанток. Ира (И. И. Воронцова-Дашкова. — А. М.) и Ольга Долгорукова были в первый раз на большом балу.

Падений, слава Богу, не было, но во время вальса вылетела на середину залы большая юбка!»

Начиная с Нового года и до Прощёного воскресенья балы устраивались регулярно. Были так называемые «Белые» балы — для молодых девушек, впервые выходявших в свет, и «Розовые» — для молодожёнов.

А вот с Чистого понедельника и до самой Пасхи ни о каких балах речи уже не шло. Все балы и увеселения прекращались.

Императрица не только развлекалась, но много времени и сил отдавала развитию женских учебных заведений.

Она патронировала ведомство учреждений императрицы Марии. Это был высший государственный орган управления благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, находившимися под её покровительством. Ведомство вело свою историю от Канцелярии императрицы Марии Фёдоровны, которая 12 ноября 1796 года была поставлена супругом Павлом I «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». В мае 1880 года после смерти императрицы Марии Александровны рескриптом Александра II воспитательные и благотворительные заведения были вверены августейше-

му покровительству цесаревны Марии Фёдоровны. Став императором, Александр III всячески содействовал Марии Фёдоровне в укреплении и развитии ведомства.

Молодая императрица стремилась создать особые средние женские учебные заведения, в которых общее образование совмещалось бы с профессиональным. Это особенно важно было для обеспечения участия девушек из малообеспеченных семей. Уже в 1882 году были открыты училища, где девушки получали начальное образование и определённые профессиональные навыки.

В честь августейшей основательницы таким училищам присваивалось наименование Мариинских. Курс обучения продолжался в них четыре года. Особое внимание обращалось не только на русский язык, арифметику, отечественную историю и географию, но и на рукоделие. Каждая ученица при выпуске из заведения должна была уметь сшить и сшить для себя всё необходимое.

Императорская фамилия

В 1883 году император впервые публично высказал мысль о необходимости пересмотра законов об императорской фамилии. Пересмотр, с его точки зрения, был необходим для того, чтобы сократить число великих князей и княгинь и уменьшить удельные расходы.

К восшествию Александра III на престол императорская фамилия насчитывала тридцать девять человек. Кроме членов царской семьи сюда входили многочисленные родственники — великие князья, их жёны, дети и внуки. В составе Императорского дома появились носители иностранных титулов, легализованные в России: герцоги Мекленбург-Стрелицкие, принцы Ольденбургские, герцоги Лейхтенбергские. Брачные матримониальные союзы связывали императорскую семью со многими европейскими династиями: Гогенцоллернов, Вюртембергской, Баденской, Мекленбург-Шверинской и др.

Александр III предвидел, что состав фамилии будет постоянно расширяться. У него самого было пятеро детей, у брата Владимира — четверо, у дяди Константина — шестеро, у дяди Николая — двое, у дяди Михаила — семеро.

Пересмотр законов об императорской фамилии Александр III поручил Александру Владимировичу Адлербергу, много лет возглавлявшему Министерство Императорско-

го двора. Но как опытный чиновник Александр Владимирович боялся вызвать недовольство и вражду фамильного клана и поэтому всячески затягивал решение вопроса.

27 октября 1884 года в Гатчине государственный секретарь Александр Александрович Половцев ещё раз напомнил Александру III о необходимости пересмотра закона об императорской фамилии. Напомнил и сказал, что Адлерберг не хочет ничего делать, так как по вполне понятным причинам опасается семейной вражды.

Как пишет А. А. Половцев, император всё же очень хотел решить этот вопрос. «Оставить всё так, — заявил царь, — значит пустить по миру своё собственное семейство. Я знаю, что всё это поведёт к неприятностям, но у меня их столько, что одною больше нечего считать, и я намерен всё неприятное не оставлять своему сыну».

И император передал решение вопроса в департамент законов Государственного совета.

Обсуждение новой редакции «Учреждения об императорской фамилии» прошло 22 января 1885 года в Аничковом дворце в кабинете государя. В обсуждении помимо императора приняли участие великий князь Владимир Александрович, Александр Владимирович Адлерберг, министр двора Илларион Иванович Воронцов-Дашков и Александр Александрович Половцев.

Обсуждение длилось более часа. Все пришли к выводу, что нельзя ограничиваться дополнением отдельных статей «Учреждения», но необходимо обновить весь кодекс, издав первоначально лишь закон о преимуществах степеней родства.

Император подписал новый указ 24 января 1885 года. Новый указ изменял указ Павла I «Учреждение об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 года, который определял состав императорской фамилии, иерархическое старшинство её членов, их права и обязанности, устанавливал гербы, титулы, источники и размеры содержания членов императорской фамилии.

27 января 1885 года новый документ был опубликован в «Правительственном вестнике». По этому указу великими князьями и княжнами, носящими титул императорских величеств, считались потомки императора по прямой линии, включая внуков. Правнуки же считались князьями императорской крови и получали титул величеств.

Таким образом, из среды царствующего дома впервые была выделена государева семья. Вместе с тем для пере-

смotra действующего «Учреждения об императорской фамилии» была назначена особая комиссия под председательством великого князя Владимира Александровича.

Известие о новом «Учреждении об императорской фамилии» вызвало бурную реакцию в семьях великих князей, которые посчитали, что «их хотят унижить». Тем не менее государь был непреклонен.

2 июля 1886 года было высочайше утверждено выработанное комиссией новое «Учреждение об императорской фамилии». В нём были чётко проведены два положения: выделение государевой семьи и чрезвычайная бережливость в расходах из государственной казны, значительное сокращение содержания членов Императорского дома.

По новому закону великими князьями считались «только внуки императора, от которого они происходят». Правнуки же именовались «князьями или княжнами крови императорской» и получали титул не императорского высочества, а просто высочества, праправнуки же — титул светлости. Все великие князья награждались при крещении орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого орла и первыми степенями орденов Анны и Станислава. Князья крови императорской получали эти орденa только при совершеннолети.

«Учреждением» были определены также гражданские права лиц императорской фамилии, касающиеся брака, малолетства и совершеннолетия, приобретения и передачи имущества, наследства и обязанностей членов Императорского дома к императору. В частности, на содержание великих князей — сыновей царствующего императора до их совершеннолетия определялось для каждого в год по тридцать три тысячи рублей, которые отпускались из сумм государственного казначейства. Во всех остальных случаях суммы, предназначенные на содержание великих князей, отпускались из удельного ведомства. О рождении, вступлении в брак и кончине великих князей извещалось манифестами императора.

Дела семейные

Александру III были близки и понятны русские поговорки: «Вся семья вместе, так и душа на месте»; «Дерево держится корнями, а человек семьёй». Но знал он и другие: «Не будет добра, коли в семье вражда» и «В недружной семье добра не бывает».

Император высоко ставил семейные ценности и искренне считал, что многочисленная императорская семья должна служить примером для миллионов подданных. Он, нежно любивший свою мать, императрицу Марию Александровну, тяжело переживал связь отца с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой. Но терпимость в отношении отца вовсе не означала, что и другим родственникам позволено нарушать нравственные устои, афишировать свои связи и, более того, обзаводиться побочными семьями.

Достаточно прямолинейный по своей натуре, монарх не скрывал своих симпатий и антипатий. Государь был искренним человеком, и любая фальшь, ложь, неестественность претили ему.

У молодого императора были три дяди — братья его отца Александра II великие князья Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Наиболее скандальными и потому одиозными были проблемы в семьях первых двух — великих князей Константина Николаевича и Николая Николаевича.

Трения между наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, и великим князем Константином Николаевичем назревали постепенно.

В августе 1848 года состоялось бракосочетание Константина Николаевича и принцессы Саксен-Альтенбургской, герцогини Саксонской Александры-Фредерики-Генриэтты-Паулины-Марианны-Елизаветы, в православии принявшей имя и титул великой княгини Александры Иосифовны. В императорском доме её ласково звали Санни. В этом браке родилось шестеро детей.

Местом пребывания двора Константина Николаевича стал Большой дворец в Стрельне — имение на южном берегу Финского залива, которое подарил великому князю Николай I ещё в 1831 году. Дворец в Стрельне получил название Константиновского. Наряду со Стрельней Константин Николаевич получил Мраморный дворец в Петербурге, Павловск, а также Ореанду в Крыму.

Великий князь был одним из образованнейших людей своего времени, владел европейскими языками, много читал, играл на нескольких музыкальных инструментах, часами музицировал на виолончели, фортепиано или органе, имел свои убеждения и взгляды. Он был почётным членом Петербургской академии наук, председателем Адмиралтейств-совета, Александровского комитета о раненых, Императорского Русского географического, Императорского

Русского археологического, Императорского Русского музыкального обществ, состоял почётным членом Императорской медико-хирургической и Михайловской артиллерийской академий, а также Петербургского, Казанского, Дерптского, Киевского Святого Владимира университетов, Императорского Московского общества сельского хозяйства, Императорского Русского исторического общества, Православного Палестинского общества, других отечественных и иностранных обществ и шефом нескольких частей и подразделений.

Государственный секретарь Александр Александрович Половцев оставил такой портрет Константина Николаевича: «Он отличается несомненным умом, но его грубое с людьми обращение, постоянная желчность, неровность характера, а за последние годы открыто распутная жизнь отталкивали от него порядочных людей и лишали его деятельность тех плодов, кои она принесла бы несомненно, если бы в этом человеке было более доброго, простого, человеческого чувства».

Всем было известно, что великий князь Константин Николаевич длительное время состоял во внебрачной связи с балериной Анной Васильевной Кузнецовой, внебрачной дочерью великого трагика Василия Андреевича Каратыгина и танцовщицы. Обо всём этом Константин Николаевич рассказал своей супруге, призывая её «соблюдать приличия».

Сергей Юльевич Витте писал, что великий князь «ездил со своей танцовщицей Кузнецовой и по России, и за границей совершенно открыто, к чему, конечно, император Александр III относился вполне отрицательно; достаточно хоть немного знать императора Александра III, чтобы понять, что он этого терпеть не мог».

По признанию А. А. Половцева, Константин Николаевич «гулял в Крыму и, встречая знакомых, старался знакомить их со своей танцовщицей Кузнецовой и при встрече говаривал: “В Петербурге у меня казённая жена, а здесь собственная”».

Для Кузнецовой великий князь приобрёл на Английском проспекте особняк (дом 18) и стал его завсегдатаем. Анна Кузнецова родила от него пятерых детей. Все они получили фамилию Князевых.

Помимо того что цесаревич, а затем император Александр III расхаживал с Константином Николаевичем во взглядах на пути развития и обновления России, между

ними существовали разногласия в области управления Морским министерством и создания Добровольного флота. Цесаревич не раз критически высказывался о деятельности великого князя как генерал-адмирала, управляющего флотом и морским ведомством. В свою очередь Константин Николаевич допускал язвительные колкости по поводу некомпетентности наследника.

Через три дня после гибели Александра II Константин Николаевич признался близкому к нему государственному секретарю Егору Абрамовичу Перетцу: «Что будет теперь, не знаю. Буду ждать. Кажется, мои акции плохи».

Александр III не скрывал своего отношения к Константину Николаевичу. Спустя две недели тот же Е. А. Перетц записал в дневник: «...Государь отозвался о великом князе Константине Николаевиче чрезвычайно неблагоприятно: “Я не могу его видеть; пусть уедет он куда хочет...”».

В мае 1881 года Константин Николаевич уехал из Петербурга в Ореанду. Он отправился в Крым с Кузнецовой и их детьми. В Ореанде, после долгих колебаний, великий князь написал царю так называемое добровольное прошение об увольнении. 13 июля Александр III подписал высочайший указ Государственному совету: «Снисходя к просьбе Его Императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича всемилостивейше увольняем Его высочество от должностей Председателя Государственного совета, Председательствующего в Главном комитете об устройстве сельского состояния и Председателя Особого присутствия о воинской повинности с оставлением в званиях генерал-адмирала, а также в прочих должностях и званиях».

В августе того же года любимый дворец великого князя в Ореанде сгорел из-за нелепой случайности. Константин Николаевич переселился в маленький домик, получивший название Адмиральского, а ранее известный как Императорский, поскольку здесь император Александр I в 1825 году почувствовал первые приступы болезни, которая вскоре свела его в могилу.

Осенью Константин Николаевич с Кузнецовой и детьми уехал во Францию — Ниццу и Париж. В Ореанду он вернулся весной следующего года. Великий князь надеялся со временем на своё возвращение в Петербург на другое поприще — учёное, на должность президента Академии наук и главного начальника разных обсерваторий и тому подобных учреждений. Однако в 1889 году Константин Никола-

евич тяжело заболел. Вследствие паралича у него отнялась левая сторона, пропала речь. Он переехал в Павловск.

Сергей Юльевич Витте писал: «Только когда перед своей смертью великий князь приехал в Петербург и поселился в Павловске в настоящей своей семье, император Александр III приехал к великому князю, отнёсся к нему чрезвычайно благосклонно и почтительно, как к своему дяде. Тогда только, за несколько дней до смерти, великий князь понял всю доброту и честность государя и, мне известно, когда к нему подошёл император, Константин Николаевич, уже не будучи в состоянии говорить, взял его руку и поцеловал в знак своего преклонения перед главой царской семьи».

Сын Константина Николаевича, Константин Константинович, ставший известным как поэт и скрывавшийся под псевдонимом «К. Р.», даёт более точное описание поведения своего отца во время этой встречи в своём дневнике. 10 октября 1889 года он писал: «Папá плакал, закрывал лицо рукою, притягивал к себе государя и целовал его...» Умер Константин Николаевич в январе 1892 года в Павловске.

Судя по воспоминаниям современников, великий князь Константин Николаевич очень любил своего старшего сына Николая и не жалел ни средств, ни времени на его воспитание. Следуя традициям императорской династии, Николай Константинович стал военным. Первым из великих князей он окончил Николаевскую академию Генштаба, получил серебряную медаль и был зачислен в Конногвардейский полк. Став самостоятельным, Николай Константинович начал вести фривольную жизнь и к двадцати годам «заработал сифилис». Вскоре он увлёкся симпатичной и обольстительной кокоткой — американкой Генриеттой Блекфорд (будущей писательницей Фанни Лир), намного старше его. Они отправились в путешествие по Европе. Николай всюду одаривал её по-царски, делал дорогие подарки. Стремясь разорвать эту скандальную связь, великий князь Константин Николаевич добился того, что уже в звании полковника его сын был направлен в далёкий Туркестан и принял участие в Хивинском походе. Однако разлука ещё более сблизила влюблённых. Николай переводил на счёт своей подруги огромные суммы...

О случившемся в апреле 1874 года рассказывает дневниковая запись военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина: «Сегодня утром государь (Александр II. — А. М.) растрогал меня своим глубоким огорчением; он не

мог говорить без слёз о позоре, брошенном на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича. Государь рассказал мне всё, как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошёл наконец до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Всё краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже свалил вину на других, на состоящих при нём лиц. Государь довольно долго говорил об этом тяжёлом для него семейном горе, несколько раз возвращался к нему в продолжение моего доклада, высказывал своё намерение исключить Николая Константиновича из службы, посадить в крепость, даже спрашивал мнения моего — не следует ли предать его суду. Я советовал не торопиться с решением и преждевременно не оглашать дела. Была речь о том, чтоб освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть, единственным средством к ограждению чести целой семьи царской было бы признание преступника помешанным (клептомания)».

Обо всём этом император рассказал цесаревичу Александру Александровичу.

Врачи, освидетельствовавшие Николая, доложили Александру II, что странности великого князя проявляются уже в том, что «он не только не опечален всем случившимся, но шутит и кажется совершенно равнодушным». Ему объявили, что он лишён чинов и орденов и будет в заточении без срока, что также было принято равнодушно. Государь провёл семейный совет, в котором наряду с братьями императора присутствовал и цесаревич. На семейном совете было принято решение признать Николая Константиновича психически больным. Генриетта Блекфорд была арестована, но вскоре освобождена с условием безвозвратного выезда из России. Ей были запрещены любые контакты с великим князем. После переговоров у неё выкупили финансовые обязательства юноши на сто тысяч рублей и его завещание, хранившееся в американском посольстве.

Для великого князя Николая Константиновича началась новая жизнь в условиях постоянного контроля со стороны родителей, родственников и тайных надзирателей.

Но это не помешало ему завести в Ореанде новый, не менее скандальный роман. Желая избавить великого князя от новой навязчивой любви, его переводят с одного места на другое. Наконец он прибывает в Оренбург. Там он увлекается идеей постройки железной дороги в Туркестан и... дочерью оренбургского полицмейстера Надеждой Александровной Дрейер. О тайном венчании вскоре становится известно, и вскоре же последовал специальный указ Священного синода о расторжении брака. Великого князя переводят на жительство в Самару, а оттуда в конце ноября 1880 года — под Петербург, в имение Пустынька.

После 1 марта 1881 года Николай Константинович обратился к Александру III с просьбой разрешить ему приехать в Петербург и «помолиться праху обожаемого монарха». На что молодой император резко ответил: «Сколько живу, ты не увидишь Петербурга». Тогда Николай Константинович заявил, что если его считают сумасшедшим, то он не будет присягать Александру III, так как «сумасшедших к присяге не приводят».

Вскоре местом пребывания ему был определён Ташкент. Инструкция туркестанскому генерал-губернатору, составленная П. А. Черевиным и утверждённая Александром III, предписывала «обращение с Его высочеством... как с частным лицом, а не членом Императорского дома». Инструкция в то же время разрешала Надежде Александровне Дрейер жить с великим князем, вследствие чего их брак был восстановлен. Николай Константинович переехал в Ташкент летом 1881 года и прожил там более тридцати пяти лет, до своей смерти в 1918 году.

Другой дядя Александра III — Николай Николаевич — был третьим сыном Николая I. Военную службу он начал в 1851 году в Конногвардейском полку. С 1852 года командовал бригадой. «Боевое крещение» прошёл в Крымской войне. В марте 1855 года после воцарения на престоле его старшего брата Александра II был назначен членом Государственного совета. В январе 1856 года заключил брак с принцессой Александрой-Фредерикой-Вильгельминой Ольденбургской, получившей имя великой княгини Александры Петровны. От этого брака Николай Николаевич имел двух сыновей: великого князя Николая Николаевича (младшего) и великого князя Петра Николаевича.

С августа 1864 года был назначен командующим, а с августа 1867 года — главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Во время Русско-

турецкой войны 1877—1878 годов — главнокомандующий Дунайской армией. По окончании войны в 1878 году так же, как и его брат великий князь Михаил Николаевич, произведён в фельдмаршалы. Вскоре по предложению младших братьев звания генерал-фельдмаршала был удостоен и Александр II. Таким образом, произошло уникальное событие в истории, когда на протяжении трёх недель фельдмаршалами стали три родных брата. В апреле 1880 года в связи с болезнью Николай Николаевич был уволен от должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Со вступлением на престол Александра III великий князь Николай Николаевич участвовал в работе различных комиссий, был почётным президентом Николаевской инженерной академии, почётным членом Императорской академии наук, Николаевской академии Генерального штаба, Императорского Русского географического общества, Михайловской артиллерийской академии, Медико-хирургической академии, Петербургского университета, Пармской академии наук, почётным попечителем Московского зоологического сада, шефом ряда частей и подразделений.

В 1865 году Николай Николаевич познакомился с двадцатилетней артисткой балета Екатериной Гавриловной Числовой. С этого времени она стала его любовницей. Брак с Александрой Петровной по сути распался. Со временем Николай Николаевич обвинил её в сожителстве со священником Николаевского дворца протоиереем В. И. Лебедевым (которого Константин Петрович Победоносцев называл великим негодяем), выгнал из Николаевского дворца, отобрав у неё все драгоценности и личные туалеты.

Великая княгиня Александра Петровна уехала к своим родственникам за границу, а затем, уже после смерти Александра II, обратилась к Александру III с письмом. Она просила разрешения поселиться в Киеве, и император согласился. В Киеве в районе бывшего Дионисьевского (ныне Бехтеревского) переулкa великая княгиня Александра Петровна основала Свято-Покровский женский монастырь и стала его первой игуменьей. В монастыре была создана целая система благотворительных учреждений. Медицинские заведения обители отвечали последнему слову тогдашней науки и техники. В обители работали лучшие киевские врачи.

Екатерина Гавриловна Числова стала неофициальной супругой Николая Николаевича. Сама она и её четверо детей от князя ещё в 1883 году получили дворянское достоинство и фамилию Николаевых. По отзывам современников, Екатерина Гавриловна была довольно крупной блондинкой с чёрными глазами, великолепной фигурой и с несносным характером. Со временем она приобрела над великим князем огромную власть, заставляла его выполнять свои прихоти, причём устраивала громкие скандалы, о которых говорил весь Петербург.

Однако этим проблемы в семье Николая Николаевича Старшего не кончились. В один из дней 1887 года к нему обратился сын Николай Николаевич (младший) с просьбой о разрешении на брак с женщиной, с которой он жил уже десять лет и стремился иметь свой домашний очаг. Отец посоветовал обратиться за согласием к императору. Николай Николаевич передал слова отца великому князю Владимиру Александровичу. Тот, решив, что согласие отца уже есть, рассказал о просьбе императору. Александр III, в свою очередь, тоже дал согласие на брак.

Николай Николаевич Младший известил отца о разрешении на брак со стороны императора. Но отец заявил, что этому не бывать. Сын бежал от него, уехал в Царское Село. Там он пригласил всех своих знакомых на торжественный обед. Во время обеда Николай Николаевич Младший и его возлюбленная обменялись кольцами.

В это время отец, Николай Николаевич Старший, встретился с Александром III и рассказал всю правду. Выяснилось, что возлюбленной великого князя была сорокалетняя женщина — дочь лавочника из Гостиного двора. Мало того, она была замужем за каким-то царскосельским купцом, от которого имела двух взрослых дочерей.

Император возмутился, что его ввели в заблуждение, и отменил данное им согласие на брак. Говорят, в связи с этим Александр III лаконично заметил: «Я в родстве со всеми дворами Европы, однако с Гостиным двором в родстве быть ещё не приходилось...»

В 1889 году великий князь Николай Николаевич Старший занемог. У него обнаружилась злокачественная опухоль десны (костоед), болезнь прогрессировала, перекинулась на мозг. Безнадёжного Николая Николаевича Александр III отправил в Крым. Князь кончил жизнь 13 апреля 1891 года в Алушке и был погребён в Петропавловском соборе 26 апреля того же года.

Алексей Александрович был любимым братом Александра III, поэтому, как считалось, имел на него большое влияние.

У него был один недостаток: великий князь не был женат, а потому, по точному замечанию современника, «всегда находился под влиянием той дамы, с которой он в данное время жил».

По словам князя Гавриила Константиновича, «он был очень похож на своего брата, Александра III, но красивее его». Алексей Александрович был человеком атлетической силы, обладал большой жизненной энергией и любил военно-морскую среду, в которой провёл большую часть своей жизни. Он жил в прекрасном дворце на Мойке, где иногда устраивал балы, весьма блестящие и роскошно обставленные. Эти балы Александр III временами посещал.

С конца 1860-х годов великий князь состоял в связи с фрейлиной императрицы, дочерью известного поэта Василия Андреевича Жуковского Александрой Васильевной Жуковской. В 1871 году он просил мать, императрицу Марию Александровну, разрешить им повенчаться, но получил категорический отказ. Они всё же тайно обвенчались в Италии, но Александр II брак аннулировал.

В конце 1871 года Александра Васильевна родила в Зальцбурге сына Алексея, получившего титул барона Седжиано. Указом Александра III от 21 марта 1884 года барон Алексей Седжиано был возведён в графское Российской империи достоинство с присвоением ему отчества Алексеич и фамилии Белевской.

После романа с А. В. Жуковской Алексей Александрович не на шутку увлёкся младшей сестрой знаменитого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, красавицей Зиной (или, как он звал её, Зинок). Зинаида Дмитриевна с 1878 года состояла в морганатическом браке с герцогом Евгением Максимилиановичем Лейхтенбергским. В 1889 году она получила титул графини Богарне.

Великий князь Алексей Александрович стал неизменным спутником четы Лейхтенбергских. Герцог, «услужливый муж, почти постоянно пьяный», смотрел на этот роман сквозь пальцы, поэтому во время совместного путешествия по Европе неразлучную тройцу нарекли *manage royal à trois* — «августейшая любовь втроём». «Герцог, — писал А. А. Половцев, — лишённый всякого нравственного чувства негодяй, промышляющий тем, что вел. князь Алек-

сей Александрович без памяти влюблён в жену герцогиню Богарнэ, которая вместе с мужем вытягивают из Алексея Александровича как можно больше денег».

Зинаида Дмитриевна с мужем часто посещала дворец великого князя, где чувствовала себя хозяйкой. Она открыто хвастала большим бриллиантом, полученным в подарок от Алексея Александровича по случаю своего дня рождения. Естественно, что свет не упускал случая, чтобы позлословить о троице, и эти сплетни доходили до Александра III.

Позднее А. А. Половцев отмечал в своём дневнике: «Алексей... просит позволения поехать в Париж навестить Зину Богарнэ, о чём последняя прислала телеграмму через своего мужа... Государь очень смущён этим ходатайством, говорит, что разрешил бы эту поездку, если бы была хоть какая-нибудь возможность устроить её под предлогом посещения строящихся за границей судов».

Император волей-неволей был вынужден знать обо всех «семейных» перипетиях, мало того, принимать решения, дабы разрешить проблемы, вызванные этими самыми перипетиями. Но, как точно отметил в своих дневниках А. А. Половцев, это «смущало» Александра III. Ведь он искренне считал, что любые частные неурядицы бросают тень на всю императорскую семью, долженствующую быть образцом для миллионов подданных.

На финских берегах

В начале июля 1882 года в Гатчинский дворец прибыл, казалось бы, обычный груз — ящики. Затем эти самые ящики принесли в кабинет императора. Распаковали и извлекли оттуда странного вида аппарат. Это был телефон.

Император взял в руки приспособление в виде небольшого раструба для слушания и микрофон для того, чтобы говорить. Так в России была открыта первая междугородная телефонная линия. Она связала Петербург с Гатчиной, а точнее, Зимний и Гатчинский дворцы.

В следующем, 1883 году вступила в строй телефонная линия Петербург — Петергоф. В 1884 году в кабинете Александра III появилось электрическое освещение — две электрические лампы на рабочем столе. В 1885 году открылась телефонная линия Петербург — Царское Село.

Но, несмотря на очевидное преимущество нового способа сообщения, члены царской фамилии так и не смогли отказаться от более привычного — написания писем.

А вот в июле 1885 года Александр III и императрица Мария Фёдоровна письма друг другу не писали, так как вместе отправились в Великое княжество Финляндское с официальным визитом. Отправились в сопровождении многих членов царской семьи — брата, великого князя Сергея Александровича, и его супруги Елизаветы Фёдоровны, а также сыновей: цесаревича Николая и великих князей Георгия, Алексея и Павла.

Конечной целью поездки был город Вильманstrand, современная Лаппеенранта. Там должны были проходить смотр и манёвры войск, в которых впервые участвовали финские войска, созданные в ходе военной реформы 1878 года. Национальная финская армия не могла быть выведена за пределы княжества для имперских нужд и предназначалась лишь для обороны финской территории. Первый призыв в национальную армию состоялся в 1881 году. Армия состояла из финнов, главнокомандующим считался император, в Финляндии войсками руководил генерал-губернатор.

Мировая и российская пресса внимательно следила за этой поездкой. Так, петербургские «Новости» и «Биржевая газета» публиковали ежедневные подробные отчёты.

23 июля яхта «Держава» с императорской семьёй на борту прибыла к причалу на остров Транзунд. На нём ещё со времён Петра была возведена одноимённая крепость. Отсюда, пересев на яхту «Александрия», отправились в Выборг.

Выборг, как и вся Финляндия, готовился к встрече высоких гостей. На пристани, пристроенной к Абоскому мосту, был возведён «роскошный павильон, разукрашенный цветами, гирляндами и флагами». При выезде с моста соорудили триумфальную арку «из одной зелени и цветов... вся Екатерининская улица... до самого поворота к вокзалу, украшена гирляндами, флагами, коврами». По всему протяжению зданий русских казарм тянулись «арматуры из штыков и банников вперемешку с целою массою зелени». Порядок в городе охраняли «вольные пожарные команды города в полном своём составе».

Как только почётные гости сошли на пристань, находившийся в павильоне хор из ста пятидесяти девушек исполнил гимны: русский «Боже, Царя храни!» и финский «Наша родина».

Затем, приветствуемые почётным караулом и оркестром Красноярского полка, император и сопровождавшие его лица проследовали к экипажам и по Екатерининской улице направились к Спасо-Преображенскому собору.

Александр III принял участие в судьбе главной достопримечательности Выборга — Выборгского замка. Пожар 1856 года нанёс башне Святого Олафа и главному корпусу значительные повреждения. После пожара был выдвинут ряд проектов по восстановлению и использованию замка. В 1885 году губернский архитектор Я. Аренберг разработал проект реставрации замка и приспособления его под исторический музей, библиотеку, городские архивы. По повелению Александра III «на особые средства, ассигнованные по смете военного ведомства», замок был отремонтирован силами этого ведомства.

Развал «Союза трёх»

Из Великого княжества Финляндского вернулись в первых числах августа. И вскоре император отправился на встречу с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом.

Франц Иосиф пригласил Александра III в небольшой моравский городок Кремзир. С обеих сторон на встрече присутствовали министры иностранных дел. Это была очередная попытка Петербурга и Вены смягчить свои отношения. Но встреча, проходившая в течение двух дней — с 13 по 14 августа, результата не принесла. Обострившиеся противоречия между державами привели к тому, что уже к концу года «Союз трёх императоров» фактически перестал существовать.

Хотя одна точка соприкосновения интересов России и Германии сохранялась. Ещё в апреле 1881 года Александр III выступил с предложением созвать международную конференцию для борьбы с анархистами и террористами. Однако провести эту конференцию не удалось. Впоследствии Германия, как и некоторые другие державы, приняла русскую точку зрения на этот вопрос. В результате обмена нотами 1 января 1885 года Россия и Германия пришли к выводу, что политическая цель преступления в любом случае не может служить отказом к выдаче преступника.

Лондон, несмотря на трёхлетние усилия Петербурга, отказался включить в конвенцию об экстрадиции соглаше-

ние о выдаче лиц, посягнувших на главу государства и членов его семьи. Это настраивало против Англии как Россию, так и Германию. Вскоре Англия, озобоченная наступательной политикой России в Средней Азии, развязала кампанию против России и попыталась втянуть в конфликт Австро-Венгрию и Германию. Однако «железный канцлер» Бисмарк рекомендовал венскому двору не втягиваться в вооружённый конфликт, по крайней мере до тех пор, пока Англия сама не вступит в войну с Россией.

Оберегая Россию от войны, Александр III прекрасно понимал, что только сильная страна может, хотя бы отчасти, гарантировать себе безопасность. Такой силой должен быть новый российский флот. 15 мая 1883 года по случаю столетия Черноморского флота Александр III подписал высочайшую грамоту.

В ней говорилось: «Начатою ныне постройкою кораблей призываю вновь сей доблестный флот на преемственное для него поприще чести, пользы и славы... Связуя знамения минувшего упованием на славное будущее, я повелел окончить строящийся в Севастополе над могилами адмиралов храм Святого равноапостольного князя Владимира».

Весной 1886 года император отправился на юг России. На верфях города Николаева он присутствовал при спуске второго нового броненосного стального двухвинтового корабля — «Екатерина II».

6 мая 1886 года в присутствии императора и его сына цесаревича Николая в Севастополе был спущен на воду броненосец «Чесма». Александр III прекрасно помнил условия позорного Парижского мира 1855 года, по которому России было запрещено иметь на Чёрном море военный флот, и поэтому решил, что строить и спускать на воду новые боевые корабли надо именно на Чёрном море, в Севастополе, где коалиция европейских держав унизила русское имя в 1855 году.

Великий князь Александр Михайлович писал об императоре:

«Он жаждал мира, сто лет нерушимого мира. Только открытое нападение на Россию заставило бы Александра III участвовать в войнах.

Горький опыт XIX века научил Царя, что каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть. Александр I спас Европу от Наполеона I, и следствием этого явилось создание на западных

границах Российской империи могучих Германии и Австро-Венгрии. Его дед Николай I послал русскую армию в Венгрию для подавления революции 1848 г. и восстановления Габсбургов на венгерском престоле, и в благодарность за эту услугу император Франц Иосиф потребовал себе политических компенсаций за своё невмешательство во время Крымской войны.

Император Александр II остался в 1870 году нейтральным, сдержав, таким образом, слово, данное императору Вильгельму I, а восемь лет спустя на Берлинском конгрессе Бисмарк лишил Россию плодов её победы над турками».

Но не только мощный флот гарантировал безопасность, но и модернизированная по последнему слову военной техники армия. Поэтому с черноморского побережья император поехал в Москву, где провёл смотр войск.

В августе и сентябре того же года Александр III находился в Брест-Литовске на манёврах войск Виленского и Варшавского округов.

Россия — для русских, или Мифы эпохи

Лозунг «Россия для русских» любят приписывать Александру III. Но в действительности никакие документы эту фразу не подтверждают.

А правдой является то, что Александр III, имевший по происхождению всего одну шестьдесят четвёртую русской крови, по своему характеру и по душевному складу был русским человеком. Как отмечал российский военачальник и дипломат Александр Александрович Мосолов, император «стремился быть русским и проводить это во всём, что касалось его личной жизни... Во всём, что он делал, ясно виделась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощёным».

В обыденной жизни Александр III не допускал использования никаких иностранных языков, хотя и знал их. Он чтил и сохранял русские традиции и обычаи, хорошо знал и любил русскую историю. Это по его указу в Министерстве иностранных дел всё делопроизводство и переписка стали вестись на русском языке. Владение русским языком стало обязательным для всех сотрудников министерства. Этим император раз и навсегда уничтожил странную привилегию дипломатов, укоренившуюся со времён Александра I, — не знать русского языка, равно как и монополию иноземцев

на право занимать русские дипломатические посты за границей.

Интересам всего государства неизменно отводилось первенствующее место в отношениях с окраинами. И всё, что носило на себе печать сепаратизма, хотя и оставалось до времени терпимым, не могло рассчитывать на содействие правительства.

Главной целью национальной политики самодержавия было не создание режима исключительного благоприятствования для этнических русских, а обеспечение единства и неделимости Российской империи.

Сергей Юльевич Витте писал:

«Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым Бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам, русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют всё то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца.

Я убеждён в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать ещё столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи».

В царствование Александра III произошёл решительный переворот в понятиях о русских интересах.

До его вступления на престол Прибалтийский, или Остзейский, край — территория Российской империи, состоявшая из трёх губерний — Курляндской, Лифляндской и Эстляндской, — жил совершенно обособленной от внутренней России жизнью. Дворянские и городские сословия этого края старались оградить себя от всякого вмешатель-

ства петербургской, то есть правительственной, власти. И, что удивительно, нередко находили поддержку у генерал-губернаторов, присланных туда из Петербурга.

Александр III знал об этом не понаслышке. Ещё наследником престола он несколько раз посещал Гапсаль — городок на северо-западе Эстляндской губернии. Его поражали и угнетённое состояние Православной церкви, и насильственное онемечивание населения, и полное устранение центральной государственной власти в законодательных и судебных делах.

Вступив на престол, Александр III решил выяснить истинное положение дел в крае. С января 1882 года по октябрь 1883 года была проведена сенаторская ревизия двух губерний — Лифляндской и Курляндской. Во главе комиссии был поставлен сенатор Николай Авксентьевич Манасеин. Ревизия вскрыла много проблем, и Александру III стало понятно, что дальнейшее откладывание реформ управления Прибалтийским краем сделалось невозможным.

Главным принципом, положенным в основу реформ, было сближение края с внутренними губерниями и полное восстановление авторитета государственной власти. Исполнительная власть была изъята из рук местного дворянства, а это повело за собой реформу полицейских учреждений. Вслед за этим последовало назначение в край на должности губернаторов, попечителей округа, начальников отдельных ведомств людей из Петербурга и Москвы. И скрывать от правительственной власти злоупотребления стало почти невозможно.

В 1884 году Александр III вернул городу Дерпту имя Юрьев, данное ему ещё Ярославом Мудрым. В 1885 году высочайшим указом во всех правительственных и общественных учреждениях была введена переписка на русском языке. И уже ко второй половине царствования русский язык, как язык государственный, занял подобающее место во всех учреждениях и школах края — как правительственных, так и частных.

Важно отметить, что в балтийских губерниях русский язык вытеснял не местные латышский и эстонский языки, а немецкий. То есть речь шла о борьбе не против местной национальной культуры, а за утверждение русского влияния взамен существовавшего немецкого.

Без внимания Александра III не осталась и Финляндия. Стремления финнов к обособленности усилились в царствование Александра II. Манифестом 1860 года финнам

было дано право чеканить свою монету, в 1878 году — разрешено держать свою армию. Такие привилегии привели к тому, что финны не допускали употребления русского языка в присутственных и общественных местах, не допускали и тех, кто исповедовал православие, к некоторым государственным должностям.

Александр III решил изменить положение дел.

В 1883 году он поднял вопрос о неправомерном существовании Финляндской таможенной границы, отделявшей российские области одну от другой. Потом последовало высочайшее повеление о приведении таможенной и монетной системы Финляндии в соответствие с системами империи. Почтовые учреждения Финляндии поступили в ведение Министерства внутренних дел, причём для служащих в них было введено обязательное знание русского языка.

В последние годы царствования Александра III активно сносились преграды к объединению Финляндии с остальной Россией. В Петербурге был упразднён Комитет по финляндским делам, преобразован финляндский сенат, учреждено особое совещание высших русских государственных сановников для рассмотрения вопроса о финляндской конституции, а для разработки этого вопроса — особая комиссия. Кроме того, создана комиссия для выработки проекта преобразования финской армии и объединения её с общеимперской русской армией.

Не осталась в стороне от внимания Александра III и Польша.

С 1867 года Польша стала называться Привисленским краем, а губернии Царства Польского — губерниями Привисленскими. На этот край распространилось общеимперское административное устройство.

В 1885 году был упразднён Польский банк, превращённый в Варшавскую контору Петербургского банка, прекратилось обращение польской монеты.

17 марта 1887 года последовал высочайший указ об установлении особых правил относительно приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в губерниях Привисленского края и в губерниях Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской и Подольской. В указе императора Александра III говорилось, что иностранные подданные не могут впредь приобретать в этих

губерниях какими бы то ни было способами и на каком бы то ни было из допускаемых общими и местными законами основании права собственности на недвижимые имущества, а равно права владения и пользования недвижимыми имуществами. Этим же указом был установлен порядок наследования имуществ в России иностранными подданными.

12 марта 1892 года последовало высочайшее повеление о прекращении иностранной колонизации в Волынской губернии. Там иностранцам отныне было запрещено селиться вне городов. Появление этого закона имело большое значение и для других губерний.

С этого времени начался усиленный переход иностранцев-колонистов, в основном немцев, в русское подданство, в школах стал входить в употребление русский язык, немецкие названия населённых пунктов стали переименовываться в русские.

Александра III порой считают виновным в обострении так называемого еврейского вопроса. Появление этого мифа вызвано вполне понятными причинами. Сразу после убийства императора Александра II на юге, юго-западе, в Малороссии, Белоруссии и Привисленском крае прошёл ряд погромов еврейского населения. Уже тогда на встрече с делегацией видных столичных евреев Александр III заявил, что преступники лишь прикрываются антиеврейскими лозунгами, так как имеют целью «произведение смут вообще».

3 мая 1882 года увидели свет «Временные правила о евреях». Эти правила ставили своей целью не допустить антиеврейских беспорядков и уж тем более погромов. Но эти правила вводили ряд стеснительных по отношению к евреям мер. Евреи лишены были права в пределах черты осёдлости селиться вне городов и местечек, за исключением существующих земледельческих колоний.

В апреле 1883 года была создана комиссия под председательством графа Константина Ивановича Палена для подготовки фундаментального законодательного акта о евреях. Этот закон должен был заменить Временные правила 1882 года. Большинство членов комиссии высказались за постепенное снятие всех ограничений и уравнивание евреев в правах с остальным населением.

10 июля 1887 года министр народного просвещения И. Д. Делянов с одобрения министра внутренних дел Д. А. Толстого издал циркуляр, устанавливавший процентную норму приёма еврейской молодёжи в средние и высшие

учебные заведения: не более десяти процентов в черте осёдлости, пять процентов вне её и три процента в столицах.

В 1888 году во главе комиссии по подготовке фундаментального законодательного акта о евреях был поставлен Вячеслав Константинович Плеве, разработавший за два года проект закона, состоявший из сорока пунктов. Но Министерство внутренних дел так и не представило этот проект на обсуждение Государственного совета.

Композиторы и русская музыка

...Нельзя не быть бесконечно благодарным царю, который придаёт значение не только военной и чиновничьей деятельности, но и артистической.

Пётр Ильич Чайковский,
из письма Надежде Филаретовне
фон Мекк

7 марта 1884 года в Гатчину приехал гость, которого принимали с особой теплотой. Это был композитор Пётр Ильич Чайковский. Александр III и Мария Фёдоровна высоко ценили его музыку.

«...Вчера я ездил в Гатчину, представлялся государю и государыне, — сообщал композитор о своём визите фон Мекк 8 марта 1884 года. — И тот и другая были крайне ласковы, внимательны, я был тронут до глубины души участием, высказанным мне государем... Государь говорил со мной очень долго, несколько раз повторяя, что очень любит мою музыку, и вообще обласкал меня вполне...»; «...Государь велел в будущем сезоне поставить “Онегина”, — извещал Пётр Ильич фон Мекк. — Роли уже розданы и хоры уже разучиваются...»

Опера «Евгений Онегин» была поставлена в 1884 году при поддержке императора сначала в Санкт-Петербурге, потом в Москве.

18 января 1885 года Пётр Ильич Чайковский писал фон Мекк: «...После свадебного обеда я поехал прямо в Б[ольшой] Театр, где происходило пятнадцатое представление “Онегина” в присутствии государя, императрицы и других членов царской фамилии. Государь пожелал меня видеть, побеседовал со мной очень долго, был ко мне в высшей степени ласков и благосклонен, с величайшим со-

чувствием и во всех подробностях расспрашивал о моей жизни и о музыкальных делах моих, после чего повёл меня к императрице, которая в свою очередь оказала мне очень трогательное внимание...»

Александр Александрович и Мария Фёдоровна до восшествия на престол в 1881 году часто посещали оперу и были знакомы со всеми музыкальными новинками и оперными постановками. Они регулярно устраивали у себя концерты и музыкальные вечера. После переезда в Гатчину возможность выехать в оперу или на концерт выпадала уже не так часто. А когда это случалось, то воспринималось как настоящий праздник.

Александр с искренней радостью пишет сыну, цесаревичу Николаю, об одном из таких случаев: «Сегодня 14 января были в первый раз в опере, давали “Ромео и Джульетту”, пели оба брата Решке (польские оперные певцы, солисты Гранд-опера в Париже. — А. М.) и англичанка Мельба. Отлично, а Решке-тенор просто наслаждение, и поёт и играет превосходно».

14 сентября 1886 года император писал Николаю из Спады — имения под Варшавой, места императорской охоты. Писал о посещении крестьянскими детьми соседних школ и оркестра рабочих Жирардовской фабрики: «Всё это вместе пело и играло и действительно очень мило. Дети — мальчики и девочки все в национальных костюмах, и общая картина была прелестна; детей было более 200 ч[еловек]. Потом они танцевали национальный танец под звуки того же оркестра, и действительно премило, и веселились сами преисправно... После этого пришли певцы из Томашево, тамошние фабриканты: Лидертафель (мужское хоровое общество) и отлично пропели несколько номеров и между прочим “Коль славен”».

Император и императрица не просто любили музыку, но и сделали много для увековечения памяти великих русских композиторов. При одобрении императора и его содействии была организована всенародная подписка на памятник замечательному русскому композитору Михаилу Ивановичу Глинке. Памятник в Смоленске был торжественно освящён 20 мая 1885 года. А когда в 1892 году праздновался пятидесятилетний юбилей оперы «Руслан и Людмила», с согласия императора одна из улиц Санкт-Петербурга была названа именем Глинки.

С большим вниманием относился государь к творчеству гениального пианиста Антона Григорьевича Рубинштейна.

Его пятидесятилетний юбилей был торжественно отмечен российской музыкальной общественностью.

При одобрении императора был освящён памятник великому польскому композитору Фридерiku Шопену.

Император пожаловал первой в России профессиональной женщине-композитору Валентине Семёновне Серовой (матери будущего живописца Валентина Серова) три тысячи рублей на издание полного собрания музыкально-критических статей её мужа — композитора и музыкального критика Александра Николаевича Серова. Серов был первым, кто употребил термин «симфонизм»; он активно пропагандировал творчество Михаила Ивановича Глинки, Александра Сергеевича Даргомыжского и других выдающихся композиторов.

На протяжении многих лет между Петром Ильичом Чайковским и Александром III существовали уважительные и очень доверительные отношения. Император оказал композитору не одну услугу, исполнял его просьбы, связанные с постановкой опер на сценах императорских театров Санкт-Петербурга и Москвы, оказывал ему значительную материальную поддержку.

Когда у композитора возник конфликт с дирекцией театра «Московская опера», которая не хотела соглашаться с намерением оркестра Чайковского исполнять впервые в свой бенефис его оперу «Черевички», композитор через великого князя Константина Константиновича Романова попытался привлечь для разрешения конфликта императора Александра III.

9 сентября 1886 года в письме на имя того же великого князя Константина Константиновича Пётр Ильич Чайковский просил содействия испросить «милостивого дозволения» у государыни императрицы посвятить ей двенадцать романсов (в их числе: «Вчерашняя ночь» и «За окном в тени мелькает...» на слова А. С. Хомякова, «Я тебе ничего не скажу...» на слова А. А. Фета, «О, если б знали Вы...» на слова А. С. Пушкина, «Простые слова» на слова П. И. Чайковского, «Ночи безумные», «Ночь» («Отчего я люблю тебя...») и «Песнь цыганки» на слова Я. П. Полонского, «Прости» на слова Н. А. Некрасова, «Нам звёзды кроткие сияли» на слова А. Н. Плещеева), а также, если «государю не покажется слишком смелым моё пламенное желание, посвятить ему же последнюю и, вероятно, лучшую мою оперу “Чародейка”».

Оценивая вклад императора в развитие в России духовной музыки, Чайковский в одном из писем фон Мекк в 1886 году отмечал: «Вообще в последнее время наша духовная музыка начинает идти по хорошей дороге вперёд. Виновником этого движения — сам Государь, очень интересующийся совершенствованием её и указывающий, по какому пути нужно идти. Со мной он дважды беседовал об этом предмете, и все мои последние вещи написаны по его приглашению и в том духе, которого он желает...»

В 1888 году последовали распоряжения Александра III о назначении великому композитору пожизненной пенсии в три тысячи рублей серебром. 2 января 1888 года Чайковский писал фон Мекк: «Сегодня, милый друг, я получил очень важное и радостное известие. Государь назначил мне пожизненную пенсию в три тысячи рублей серебром, меня это не столько ещё обрадовало, сколько глубоко тронуло».

Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна посещали практически все оперные постановки П. И. Чайковского. 4 декабря 1899 года император писал из Гатчины в Абастумани больному туберкулёзом сыну Георгию: «...Вечером были во французском театре с Павлом и Алих. Это в первый раз мы были в театре в эту осень, в среду 5 декабря собираемся пойти на генеральную репетицию новой оперы Чайковского “Пиковая дама”. Музыка, говорят, прелестная и напоминает “Евгения Онегина”».

В 1892 году в Санкт-Петербурге с успехом прошли опера Чайковского «Иоланта» и балет «Щелкунчик», и Пётр Ильич в письме брату Анатолию Ильичу Чайковскому, сообщая о их успешной постановке, особо подчёркивал, что император Александр III «был очень доволен его произведениями». Он писал: «Милый Толя! Опера и балет имели вчера большой успех. Особенно опера всем очень понравилась. Накануне была репетиция с Государем. Он был в восторжении, призывал в ложу и наговорил массу сочувственных слов. Постановка того и другого великолепно, — глаза устают от роскоши...»

Когда в октябре 1893 года великий композитор неожиданно скончался, его похороны были организованы за счёт императора. От Александра III был прислан роскошный венок. В день похорон были отменены лекции в учебных заведениях Петербурга. Сотни тысяч людей приняли участие в похоронах своего любимого композитора.

Александр III оказал прямую поддержку становлению русской оперы в России. Как радетель всего русского, он

приказал расширить состав оркестра, хора, а также увеличить жалованье участникам. А. А. Берс писал в своих воспоминаниях, что высокое покровительство помогло композитору и дирижёру Эдуарду Францевичу Направнику «поднять оперу на должную высоту и привело к закрытию в 80-х годах дорогостоящей итальянской оперы».

Большую поддержку оказал император и Московской консерватории. Когда министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский по просьбе своего зятя Василия Ильича Сафонова, дирижёра Московской консерватории, обратился в 1893 году к Александру III с просьбой выделить необходимые для перестройки здания консерватории суммы, император тут же распорядился выдать четыреста тысяч рублей.

Первомартовское эхо

13 февраля после Уланского бала в Зимнем дворце император с императрицей уехали домой в Гатчину. Через две недели Александр III вернулся в Петербург. Он остановился в Аничковом дворце.

1 марта 1887 года, в день седьмой годовщины со дня трагической гибели отца, Александр III отправился утром в Петропавловский собор, где отслужили панихиду.

Император вернулся в Аничков дворец, и следом со срочным сообщением прибыл министр внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой. Он сообщил царю, что накануне начальник Санкт-Петербургского секретного отделения получил агентурным путём сведения о том, что кружок злоумышленников намерен произвести в ближайшее время террористический акт и что в распоряжении этих лиц имеются «метательные снаряды», привезённые в Петербург из Харькова.

1 марта была слишком памятная дата, и поэтому начальник секретного отделения, не дожидаясь царской резолюции, приказал немедленно задержать выслеженных агентами лиц. Около одиннадцати часов утра на Невском проспекте были арестованы пять студентов Петербургского университета. Все они ждали возвращения царя с панихиды из Петропавловской крепости. У троих из них, П. И. Андреюшкина, В. Д. Генералова и В. С. Осипанова, при обыске были обнаружены «метательные снаряды». «Снаряды» представляли собой три металлических ци-

линдра, заполненных свинцовыми обрезками, шрапнелью и стрихнином. Один из «снарядов» был спрятан в толстую книгу — «Терминологический медицинский словарь Гринберга». Показания арестованных одновременно с ними сигнальщиков — Канчера и Горкуна — позволили жандармам быстро выявить остальных участников террористической организации, руководящую роль в которой играли студенты А. И. Ульянов и П. Я. Шевырев.

В Департаменте полиции немедленно составили доклад об аресте террористов. Доклад этот за подписью Дмитрия Андреевича Толстого отправили царю с кратким извещением о заговоре и небольшими биографическими справками об арестованных.

Император написал на докладе: «На этот раз Бог нас спас, но надолго ли? Спасибо всем чинам полиции, что не дремлют и действуют успешно, — всё, что узнаете более, присылайте».

Поначалу царь не придавал особенного значения аресту студентов. Когда «во избежание преувеличенных толков» граф Толстой попросил разрешения напечатать особое извещение, царь на докладе написал резолюцию: «Совершенно одобряю и вообще желательно не придавать слишком большого значения этим арестам. По-моему, лучше было бы, узнавши от них всё, что только возможно, не предавать их суду, а просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость — это самое сильное и неприятное наказание. Александр».

2 марта Д. А. Толстой представил «проект правительственного сообщения»: «1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны три студента Санкт-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотру их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начинёнными стрихнином». Это сообщение Александр III признал «совершенно достаточным».

Следствие выяснило, что в 1886 году в Петербурге возникла террористическая группа «Народной воли», организатором которой стал студент Петербургского университета Александр Ильич Ульянов. В группе было около полутора десятка человек — преимущественно студенты университета. 1 марта 1887 года они подготовили покушение на Александра III. Однако полиция уже наблюдала за одним из

заговорщиков — Андреюшкиным и через него вычислила других членов группы. Всех их немедленно арестовали.

5 марта на стол императора легло новое донесение министра внутренних дел:

«Дальнейшим расследованием обстоятельств дела, о разрывных снарядах, задержанных 1-го сего марта, выясняется, что ещё 3-го января было предложено Генералову принять участие в покушении на жизнь Государя Императора и приготовить квартиру, в которой можно устроить склад для выделки разрывных снарядов.

В конце января Генералов, по поручению тех же лиц, склонил Андреюшкина, уже раньше принимавшего участие в приготовлении, взять на себя роль метальщика, и только в 20-х числах февраля состоялось знакомство Генералова и Андреюшкина с третьим метальщиком Осипановым.

По словам Генералова, упорно отказывающегося называть имена, он имел сношение по этому делу с тремя лицами, которые представляли из себя так называемую террористическую фракцию и в действительности руководили приготовлениями к преступлению. Лица эти потому не приняли на себя роли исполнителей, говорит Генералов, что неудобно ходить по Невскому со снарядами людям, находящимся под наблюдением полиции.

Сопоставляя изложенные сведения с прочими данными, надлежит прийти к заключению, что во главе преступного предприятия стояли студенты: Шевырев, Говорухин и Ульянов, из которых последние двое в действительности находились под наблюдением полиции. Образ действий названных трёх лиц приводит к тому же заключению: Шевырев выехал из Петербурга в половине февраля, Говорухин скрылся, оставив письмо о самоубийстве, а Ульянов, в первых числах февраля, нанялся учителем к земской акушерке Ананьевой, проживающей во 2-м Парголово. Прожив у Ананьевой два дня, Ульянов вернулся в Петербург, а между тем разные химические препараты, служащие для выделки взрывчатых веществ, направлялись на его имя во 2-е Парголово, через посредство Новорусского — жениха дочери акушерки Ананьевой.

Студент Пилсудский, который в г. Вильно свёл прибывшего за азотной кислотой Канчера с “Антоном”, показал, что “Антон” есть бывший ученик железнодорожного училища Антон Гнатовский. Для задержания его и расследования по г. Вильно вчера выехали туда товарищ прокурора и жандармский офицер.

Участие в набивке снарядов динамитом студента Лукашевича подтверждает и мещанин Волоков, приходивший вместе с Канчером в квартиру Ульянова».

Затем Толстой ознакомил императора с протоколом допроса Александра Ульянова, составленным 4 марта, сразу после ареста. Показания его были такими:

«Я признаю свою виновность в том, что, принадлежа к террористической фракции партии “Народной Воли”, принимал участие в замысле лишить жизни Государя Императора.

Участие моё выразилось в следующем: в феврале этого года, в точности времени определить не желаю, я приготавливал некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления динамита и часть белого динамита, количество которого определить отказываюсь; затем я приготавливал часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинал.

Потом мне были доставлены два жестяные цилиндра для метательных снарядов, которые я набил динамитом и отравленными стрихнином пулями, также мне доставленными; перед этим я приготовил два картонных футляра для снарядов и оклеил их коленкоровыми чехлами. В каком состоянии были в это время запалы снарядов, я не припомню. По набивке этих снарядов, я их возвратил.

Собственно фактическое моё участие в выполнении замысла на жизнь Государя Императора этим и ограничивалось, но я знал, какие лица должны были совершить покушение, т. е. бросать снаряды. Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды, кто вместе со мной набивал снаряды динамитом, я назвать и объяснить не желаю; в приготовлении третьего снаряда я не участвовал и его у себя не хранил; мне известно, что всех снарядов было три, по крайней мере, я не слышал, чтобы было больше снарядов. Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю.

Точно времени, назначенного для выполнения покушения, я определить не могу, а сделать это приблизительно в настоящее время отказываюсь».

Императору доставили «Программу террористической фракции партии Народной Воли», написанную лично Александром Ульяновым. В ней были высказаны требования, необходимые «для обеспечения политической и экономической независимости народа и его свободного развития». Первая резолюция, которую поставил на ней царь, гласила: «Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота».

«...Террор, — говорилось в программе, — должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвёт обаяние правительственной силы и подействует пропагандистским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольётся широко и по провинции, где система устрашения ещё более нужна, как протест против административного гнёта...»

Первой задачей «Народной воли» было убийство Александра III. В представлении революционеров царь был главой реакции и его смерть могла не только порадовать свободолубивую Россию, но и содействовать проведению новых форм государственной жизни.

1 апреля всем обвиняемым по делу о подготовке покушения на императора было вручено обвинительное заключение.

Особое присутствие Правительствующего сената 15 апреля вынесло приговор. Пятеро обвиняемых — П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, П. Я. Шевырев и А. И. Ульянов — были приговорены к повешению. Остальные осуждены на разные сроки каторги и ссылки.

Признанный виновным Александр Ульянов написал письмо императору:

«Я вполне сознаю, что характер и свойства совершённого мною деяния и моё отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни, и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет её жизнь самой серьёзной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестёр, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием.

Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернёт её семье, для которой её жизнь так драгоцен-

на, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи».

Александр III оставил письмо без ответа. Все пятеро приговорённых были казнены в Шлиссельбурге 8 мая.

Совсем круглый год

Рождество отмечали по-домашнему в Гатчине. Всё прошло тихо и спокойно.

1 января 1888 года к обеду во дворец привезли свежие газеты. Почти все они рассуждали о некой символике года.

Газеты писали: «1888 — очень круглый год. В нём три раза повторяется цифра 8. Цифра 8 состоит из двух кружков, стало быть всего — шесть кружков. Если провести линейку посередине единицы, она пройдёт и посередине каждой цифры 8 и образуется сверху 1000 и внизу 1000 — как бы рубеж двух столетий.

До двадцатого века осталось 12 лет — число, равное числу апостолов».

Императрица лишь улыбнулась, когда супруг прочитал ей эту заметку.

Девятисотлетие Крещения

К этому событию — девятисотлетию Крещения Руси — готовились все.

Среди других церковно-политических событий, призванных искоренить «крамолу», торжества 15 июля 1888 года стали важнейшими.

Постановление Синода «о праздновании 900-летия Крещения русского народа» было принято в феврале 1888 года. С этого времени и начались усиленные приготовления.

Александр III считал, что празднование должно быть не только киевским, но и всероссийским. В мае он подписал официальный указ:

«Государь Император Высочайше повелеть соизволил: к празднованию события девятисотлетия Крещения Русского народа привлечь все воинские части, освободить их в сей день от занятий. Участие войск в торжестве будет заключаться в расположении их в местах квартирования шпалерами по одну сторону пути следования крестного хода местного кафедрального причта, а в лагерях — военного для освящения. При прохождении крестного хода

войскам будет отдана установленная честь, музыка исполнит гимн “Коль славен”, и при погружении креста в воду — последует салют в 101 выстрел».

Границы празднования ещё больше расширил обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев. Он заявил, что девятисотлетие Крещения Руси является настолько выдающимся юбилеем, что его следует признать событием не только для православной Руси, но и для всего православного мира. Победоносцев считал, что расширение границ празднования станет наглядным свидетельством силы государственной власти. Ведь «празднество совершалось в пору спокойного течения нашей общественной и политической жизни среди трудов над развитием экономических, общественных и государственных сил страны под охраной единой правящей высочайшей воли, в соответствии с настроением времени».

В итоге девятисотлетие Крещения Руси 15 июля отметили по всей стране. В каждом крупном городе состоялись торжества по заранее выработанному сценарию, размах которых зависел от возможностей местных властей. При городской думе, как правило, организовывалась специальная комиссия. Именно эта комиссия обсуждала все предложения, давала рекомендации, разрабатывала сценарий празднования.

В Киеве окончательный план празднеств был выработан городским управлением 9 июля. При этом юбилейные мероприятия начались там 11 июля, а не 15-го, как в других городах.

В Москве порядок чествования, утверждённый митрополитом Московским Иоанникием, был объявлен приходскому духовенству Московской духовной консисторией 7 июля.

В Санкт-Петербурге программу торжества обнародовали ещё в конце июня.

К празднованию девятисотлетия во многих городах были возведены храмы, а в Киеве было приурочено открытие Владимирского собора. Рефреном во время торжеств звучала мысль о недопустимости забвения исторического значения Крещения для судьбы России.

Император вместе с семьёй присутствовал на торжествах в Санкт-Петербурге. Ему сразу же сообщили о том, что утром 15 июля в Киеве произошло несчастье. Генерал-губернатор киевский, подольский и волынский Александр Романович Дрентельн во время парадного смотра войск

упал с лошади головой вниз и скоропостижно скончался. Информация об этой трагедии быстро распространилась. Появилось даже предложение отменить дальнейшие мероприятия. Однако Константин Петрович Победоносцев, находившийся в Киеве, заявил, что, «искренно соболезнуя о горестном событии, он не находит возможным отменить программу празднества, имеющего громадное значение для всего славянского мира, празднества, равного которому нет в нашей истории по его влиянию на личную, общественную и государственную жизнь народа».

Так как монарх и члены императорской фамилии были главными участниками торжества в Санкт-Петербурге, то это придало особый статус празднеству, проходившему на берегах Невы. Император вместе с десятками тысяч горожан принял участие в торжественном крестном ходе. От Александро-Невской лавры, основанной Петром I, участники прошли по Невскому проспекту до Дворцовой площади. Там были выстроены войска, участвовавшие в церемонии. Александр III поприветствовал их и прошёлся вдоль строя, здороваясь с каждым подразделением.

После посещения Зимнего дворца император с семьёй сели в экипажи и отбыли на яхту «Александрия», которая направилась в Петергоф. Само празднество в городе продолжалось до глубокого вечера.

Рыбный рай — Лангинкоски

Императорские яхты прибыли на рейд финского города Котки 20 июля. Целью визита императорской четы был Лангинкоски. Там на берегу реки Кюми возводилась их дача.

Впервые Александр Александрович побывал в Великом княжестве Финляндском со своим старшим братом, наследником престола Николаем. Летом 1857 года они посетили крепость Свеаборг, чьи мощные бастионы более ста лет защищали Гельсингфорс с моря. Вместе с братом они осмотрели укрепления крепости, построенные на семи скалистых островах, составляющих «Волчьи шхеры». Крепостные сооружения ещё хранили свежие следы бомбардирования со стороны англо-французского флота во время Крымской войны. Затем юные великие князья приняли участие в смотре гарнизона.

После этого Александр III посещал Финляндию более десяти раз. До вступления на престол он был хорошо

знаком с жизнью этой части империи. Во время одного из очередных приездов в Финляндию, в 1880 году, Александр Александрович познакомился с районом Кюменлааксо, а также с местом ловли лосося Лангинкоски, расположенным в дельте реки Кюми.

В Лангинкоски ко времени первого посещения Александра Александровича этих мест существовала православная часовня. Её построили монахи Валаамского монастыря, получившие в дар от императора Павла I в 1790-х годах исключительное право на рыбную ловлю на двух порогах реки Кюми: Лангинкоски и Сиикакоски. Александр Александрович и Мария Фёдоровна были очарованы необыкновенной красотой природы этого уголка и особенно стремительными порогами реки Кюми. Цесаревич с большим интересом наблюдал за рыбаками и весьма обрадовался, когда те, выловив пять больших рыб, подарили их ему. В благодарность будущий император одарил каждого из рыбаков пятью рублями «на чай». И пообещал, что обязательно вернётся сюда.

И вернулся. Совершая летний круиз по финским шхерам в 1884 году, Александр III вновь посетил Лангинкоски вместе со своей супругой Марией Фёдоровной. Кроме самого императора и его супруги в плавании принимали участие сестра Александра III — герцогиня Эдинбургская Мария Александровна и дети — Михаил и Ксения. Из Котки император направился к порогу Лангинкоски пешком, предоставив дамам возможность ехать в колясках. Император и гости были свидетелями того, как местные рыбаки выловили пятнадцать больших рыб, которые были сразу же доставлены на кухню императорской яхты «Царевна».

Императрица полюбила Лангинкоски не меньше, чем её супруг. В конце визита государь Александр III высказал пожелание, чтобы на берегу реки для него был построен домик для отдыха во время пребывания здесь.

Намерение было осуществлено через четыре года — в 1888 году. В этом же году около Таммисаари был установлен памятный камень с выбитыми на нём датами всех посещений этих мест императорской четой. Камень этот, так же как и расположенный рядом источник, носит имя Дагмары. Финны считают, что это свидетельствует о том, что западная часть побережья больше нравилась императрице, в то время как восточная — императору Александру III.

Дачный домик в Лангинкоски, или, как говорят в Финляндии, «царская изба» (*keisarihuone*), был спроектиро-

ван финскими архитекторами Себастьяном Грипенбергом, Магнусом Шерфбеком и Жаком Аренбергом в соответствии с пожеланиями императора. На первом этаже расположены большая общая зала, кухня, а также рабочие комнаты императора и императрицы, наверху — спальни. Всё внутреннее убранство от столовой утвари до занавесок на окнах было финского производства.

На следующий день после приезда на новую дачу император принялся рубить дрова и носить с водопада воду для приготовления ухи, которую, ловко повязавшись передником, взялась варить из форели императрица. Пока она этим занималась, Александр III попросил у строителей инструменты и собственными руками смастерил лесенку к большому камню на берегу водопада, где потом он любил сидеть и смотреть на воду или удить рыбу. Затем император попросил строителей установить около дома флагшток.

Вечером в Лангинкоски из Хельсинки и Котки прибыли делегации праздновать царское новоселье. Под звуки императорского гимна на флагштоке взвился императорский штандарт, а с кораблей, стоявших в устье реки, был дан праздничный залп.

Александр III предложил тост за процветание Финляндского княжества и попросил музыкантов сыграть любимую финскую мелодию Марии Фёдоровны «Марш города Пори». После этого звучали многочисленные песни в исполнении хоров, прибывших из городов Котка и Хамина. В празднике приняли участие и жители окрестных хуторов, расположившиеся на берегу реки.

И всё же, как сказал император, это событие не могло считаться новосельем в полном смысле этого слова — ведь дом ещё не был достроен. Поэтому официальное новоселье было перенесено на следующее лето. Александр III признавался, что отдых на берегу реки Кюми ему больше по душе, чем где бы то ни было.

Через неделю царские яхты отправились с рейда Котки в Петергоф.

Под небом августа

В милой Гатчине задержались ненадолго.

Мария Фёдоровна с цесаревичем Николаем и дочерью Ксенией отправилась в Гмунден на берег самого глубокого в Австрии озера Траунзее. Там она встречалась со сво-

ей сестрой. А император поехал в Москву, в любимое его покойной матерью имение Ильинское. В 1880 году, после смерти императрицы, имения Ильинское и Усово перешли по завещанию младшему брату Александра Александровича — великому князю Сергею Александровичу.

Ильинское стало любимым местом отдыха Сергея Александровича и его супруги, великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Хозяева вели здесь простую деревенскую жизнь. Сергей Александрович увлекался хозяйством, затевал различные преобразования. В сёлах заработали фермы, на полях пасся скот голштинской породы, а из Швейцарии были выписаны коровы редкой ярко-бежевой масти. В имении были птичники, оборудованные по последнему слову техники, оранжереи, огороды, поля цветов, которые выращивали специально для дома.

Александр III с сыном Михаилом приехал к своему младшему брату погостить в Ильинское инкогнито. Он прибыл как частное лицо, чтобы можно было по-настоящему насладиться деревенской жизнью, которую так расхваливал его брат.

В те тёплые августовские дни они много гуляли по окрестностям, собирали грибы, по вечерам за самоваром любовались усыпанным звёздами августовским небом, ездили по окрестностям, навещали соседей.

Так, 17 августа император отправился с неофициальным визитом в Архангельское.

Зинаида Николаевна Юсупова писала своему отцу: «Я ожидала его на крыльце с хлебом-солью на красивом серебряном, позолоченном, великолепно отделанном подносе с надписью “Архангельское” и датой. ...Он очень меня благодарил, сказал мне очень длинную фразу и поцеловал руку».

Посмотреть на императорскую семью собрались жители всех окрестных деревень. За те несколько часов, которые император и свита провели в усадьбе, они «изволили осмотреть дворец и театр», а также «гуляли в парке». В память об этом посещении хозяева Архангельского Сумароковы-Эльстон решили воздвигнуть колонну. Установленная в западной части парка в 1889 году, она была выполнена из итальянского мрамора белого и голубого цветов и белого известняка и завершалась двуглавым орлом на шаре.

Надпись на колонне гласила:

«17 августа 1888 год. Государь Император Александр III в сопровождении Великих Князей Михаила Александрови-

ча, Алексея Александровича, Сергея Александровича, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и Великого Князя Павла Александровича осчастливил своим посещением в селе Архангельском Графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон и Графиню З. Н. Сумарокову-Эльстон, урожд. Княжну Юсупову».

Тогда, в августе 1888 года, в Ильинском император Александр III поручил Сергею Александровичу быть его представителем на освящении храма Святой Марии Магдалины в Гефсимании, построенного на Святой земле в память их матери императрицы Марии Александровны. Спустя полтора месяца великий князь Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна отправились в Палестину. После посещения Святой земли Елизавета Фёдоровна твёрдо решила перейти в православие. Император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, с которой Елизавета Фёдоровна не расставалась всю жизнь, приняв с ней на груди мученическую кончину.

Под перестук колёс

Мария Фёдоровна вернулась в Гатчину из поездки в Австрию вскоре после возвращения Александра Александровича из Ильинского. Впереди всех ждало новое путешествие.

Когда маленькой великой княжне Ольге сказали, что она вместе со всеми впервые в жизни отправится в настоящее путешествие на поезде, то её искренняя детская радость не могла никого в семье оставить равнодушным. И это состояние радости не покидало их всю дорогу. А дорога предстояла длинная. Это была запланированная инспекционная поездка на военные смотры и сборы и одновременно — долгожданная поездка на Кавказ.

Первым пунктом путешествия был город Елизаветград. Под городом, в Новой Праге, проходили большие императорские манёвры войск Харьковского, Киевского и Одесского военных округов. В манёврах приняли участие и юнкера — учащиеся Елизаветградского кавалерийского училища, а также учащиеся двух пехотных юнкерских училищ — Чугуевского и Одесского.

Император следил за манёврами с большим вниманием. А всё семейство находилось рядом в большой военной

походной палатке. Младшие дети, Ольга и Михаил, были в восторге. После окончания манёвров императорская семья разместилась в главном здании Елизаветградского кавалерийского училища.

30 августа 1888 года был проведён торжественный парад, который принимал император Александр III. Всё время пребывания императорской семьи в здании Елизаветградского кавалерийского училища вахту у дверей несли юнкера.

Перед отъездом государя из Елизаветграда был устроен смотр на училищном плацу. Юнкера прошли церемониальным маршем. Император поблагодарил юнкеров за молодецкий вид и приказал начальству дать им всем трёхдневный отпуск. Юнкера же, в составе двух эскадронов в конном строю, сопровождали императорскую семью, ехавшую в экипажах, к железнодорожному вокзалу.

Из Елизаветграда отправились в Привисленский край. Поезд привёз императорскую семью на станцию Олень, в ста километрах от Варшавы. Отсюда они добрались в экипажах до местечка Спала, где, как всегда, разместились в небольшом двухэтажном доме, который был выстроен на краю заливных лугов у реки Пилицы. Тихая речушка несла свои воды в широкую Вислу.

Спала была одним из любимым мест охоты императора. Ему очень нравилось гулять по окрестностям вместе с собакой Камчаткой, которую в 1883 году подарили ему матросы крейсера «Африка», вернувшиеся с Тихого океана. Белая с подпалинами камчатская лайка стала любимицей в царской семье и практически везде сопровождала императора.

Сентябрь начинал красить окрестные леса в чарующее разноцветье осени. С этой тихой красотой не хотелось расставаться. Но впереди ждали дела: встречи во Владикавказе, Екатеринодаре, Новороссийске и других местах, манёвры, смотры и многое другое. О важности этой поездки писал журнал «Гражданин»: «Миллионы русских людей молитвами и пожеланиями благословляют этот путь царя, на котором он увидит многолетние плоды умиротворения Кавказа, плоды его прошлого, работы и вопросы его настоящего, надежды его будущего, и повсюду восприимет проявление народной любви, столь же безграничной, как его власть, столь же твёрдой, как доверие к ней, и столь же правдивой, как нужда в этой власти... Да будет ясен и светел царский путь!»

14 сентября, в среду, Их Императорские величества отбыли из Спалы на станцию Олень, откуда проследовали по Ивангородо-Домбровской железной дороге на Дон.

Первую остановку императорский состав сделал 17 сентября в Ростове-на-Дону. Остановка эта была не случайной. Дело в том, что 1 января 1888 года вошёл в силу императорский указ о присоединении Ростовского уезда с посадом Азов и Таганрогского градоначальства к области Войска Донского. Александр Александрович хотел услышать из первых уст, способствовало ли развитию фабрично-заводской промышленности области Войска Донского присоединение к нему таких крупных промышленных центров.

Из Ростова-на-Дону поезд отправился через Минеральные Воды и Прохладную во Владикавказ. 18 сентября остановились на станции Минеральные Воды. Здесь был выстроен почётный караул. Главнoначальствующий генерал-адъютант князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков встречал государя на платформе. Рядом с почётным караулом стояли атаманы Терского и Кубанского казачьих войск, начальник местных войск на Кавказе, командир 23-й местной бригады, ставропольский губернатор, предводитель дворянства, представители от дворян и других сословий Ставропольской губернии, представители Кавказской бригады кавалерийского запаса. На площади перед станцией собралась почти тысяча ребят из двадцати различных учебных заведений. Поздоровавшись с почётным караулом, император с императрицей отправились к детям. Инспектор народных школ подробно докладывал им, какое заведение когда и для чего основано и на какие средства содержится.

Затем под звуки военного оркестра царский поезд проехал от станции к павильону, устроенному на месте военного смотра, который проводился в нескольких метрах от полотна железной дороги. После смотра, в час дня, императорский поезд, напутствуемый криком «ура», двинулся дальше. Император обратил внимание Марии Фёдоровны на название станций, которые они проезжали: Незлобная, Зольская, Солдатская. Все они хранили память о давно забытых, давно минувших кровавых событиях.

Почти на половине дороги между Минеральными Водами и Владикавказом поезд остановился на станции Прохладной. Здесь императора встречали население ближайших казачьих станиц Терского войска и представители одной немецкой колонии. Гостей по традиции потчевали

хлебом и солью. Высоким гостям были представлены ученики пяти станичных училищ, двух церковно-приходских школ и трёх школ Нальчика — горской, слободской и женской. Дети встречали императорскую чету «стройным пением народного гимна». Государь останавливался возле представителей каждой школы и разговаривал с детьми.

В два часа дня поезд тронулся дальше. Люди плотными рядами стояли по обе стороны железной дороги. В ответ на приветствия государь вместе с императрицей кланялись народу из открытых окон вагона.

Город на Тереке

18 сентября в пять часов вечера поезд остановился на платформе вокзала Владикавказа, разукрашенного флагами и зеленью. Русский военный историк, генерал-лейтенант Василий Александрович Потто, сопровождавший императора в поездке по Кавказу, писал о приезде во Владикавказ — столицу Терской области и терского казачества, центр Северного Кавказа:

«Светлые, радостные минуты переживал Владикавказ, ожидая царского посещения. Ему, так живописно приютившемуся у самого подножия исполинских гор, на берегу вечно бушующего Терека, почти на рубеже двух частей света — Европы и Азии, выпала завидная доля: ранее других кавказских городов приветствовать Царственную Чету, ещё впервые посещающую Кавказ...» И далее: «Событие имело для Кавказа слишком глубокий исторический смысл, как выражение идеи тесного слияния этого края с Русской империей, как живое свидетельство прочности водворённого мира в стране, где целые столетия люди не знали, что такое мир».

Императора встречали помощник главноначальствующего на Кавказе генерал-адъютант Сергей Александрович Шереметев, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов, военное начальство, городской голова с гласными городской думы, почётные горожане, просто жители города. Император и наследник вышли из вагона, одетые в форму Терской сотни Конвоя Его величества и приняли хлеб-соль от городского головы Владикавказа Павла Алексеевича Лилиева.

С вокзала Александр III со свитой проследовал в Спасо-Преображенский собор, ставший за три года до того ка-

федральным. При самом въезде в город были установлены лёгкие, красивые триумфальные ворота, украшенные гербом Владикавказа. Этот герб, помимо красивого рисунка, имел ещё своё особое символическое значение. Он был разделён на три части: в верхней половине, налево Терек, за которым поднимается императорский штандарт, направо ключ, внизу крепость с запертыми воротами, а над нею снеговая вершина Казбека. На языке геральдики это означало: «Державная власть владеет Кавказом».

В храме были собраны лучшие учащиеся со всех учебных заведений города.

После богослужения царь отправился в дом начальника области. По улицам всю дорогу гостей встречали с восторженными приветствиями толпы народа — горожане и приезжие. На площади перед домом собрались представители всех народов и всех казачьих станиц Терской области, а также георгиевские кавалеры.

Вечером состоялся торжественный обед, на котором подавали, среди прочего, горские национальные блюда и напитки, например осетинское бархатное чёрное пиво. Во время обеда играл войсковой оркестр. Город был украшен иллюминацией, повсюду развевались флаги.

19 сентября, понедельник, был объявлен праздничным днём. Недалеко от военного лагеря на окраине города на поле, которое в народе называли артиллерийским полигоном, состоялся смотр войск и парад. Командовал парадом командующий 2-м Кавказским армейским корпусом генерал-лейтенант Николай Максимович Цёге-фон-Мантейфель.

На фоне сверкающего Казбека чётким строем перед императором прошли части 76-го пехотного Навагинского, 77-го пехотного Тенгинского, Северского драгунского полков и сотни от полков Терского казачьего войска в своих чёрно-синих мундирах. Солнечные лучи играли на серебряном шитье синих полотнищ флагов Терских казачьих полков. На полотнищах переливались шитые серебром лозунги «С нами Бог», изображения иконы Спаса Нерукотворного или двуглавого орла на фоне оранжевого медальона. Государь остался чрезвычайно доволен смотром.

Затем перед завтраком императору были представлены герои-ветераны из нижних чинов Кавказской армии, раненые и инвалиды Кавказской войны. И для каждого император старался найти тёплые слова приветствия и искренней благодарности за их подвиги и ратный труд.

Как и впрежний приезд во Владикавказ императора — Александра II, Александр III награждал военнослужащих и гражданских лиц. На этот раз награды получили старшины различных чеченских сёл — в основном это были «золотые и серебряные медали “За усердие” для ношения их на груди и на шее на лентах различного достоинства». Вслед за этим высокие гости посетили Тенгинскую церковь Святых апостолов Петра и Павла и военный госпиталь.

В госпитале Александр Александрович и Мария Фёдоровна подолгу останавливались у коек с ранеными и больными, расспрашивали их о жизни, о том, кто они, из каких мест. Некоторым раненым император вручил боевые кресты и медали, а императрица делала небольшие подарки.

После ужина представители от казачества, местных народов и сословий преподнесли высочайшим особам подарки: лошадей, оружие, богатую сбрую, дорогие кавказские сувениры. Государь и его семья живо интересовались местными традициями, расспрашивали горцев, какие обычаи приняты в их среде. Вечером на площади, где днём был устроен обед для полутора тысяч гостей, начались народные гулянья.

На следующий день праздник и народные гулянья продолжались. В одиннадцать часов вечера, после молебна, император, бросив прощальный взгляд на Владикавказ, вошёл в вагон. Императорский поезд отбыл в Екатеринодар — главный город Черноморского казачьего войска, с 1860 года — Кубанского казачьего войска и Кубанской области.

В Кубанской столице

21 сентября утром царский поезд прибыл на станцию Невинномысская. Отсюда начиналась Кубанская область. На платформе императора встречал начальник Кубанской области наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Георгий Алексеевич Леонов.

От станции Тихорецкой поезд свернул на новую, только что открытую Новороссийскую ветку. И пейзаж за окном сразу изменился: выжженную солнцем степь сменила свежая зелень садов, небольших рощиц, а затем и настоящих лесов.

К вокзалу Екатеринодара императорский состав прибыл 21 сентября в пятом часу пополудни. Император вместе с императрицей появился в дверях вагона под звуки марша, исполненного военным оркестром. Рядом с почётным караулом 3-го Пластунского батальона стояло всё высшее во-

енное и гражданское начальство области, а также делегация горожан с хлебом и солью.

С вокзала императорская чета отправилась в войсковой собор в открытой коляске, запряжённой парой вороных рысаков. За ними ехали наследник цесаревич Николай Александрович и великий князь Георгий Александрович.

В город въехали через Триумфальные ворота, или Александровскую арку, построенную в честь прибытия государя на деньги, собранные Екатеринодарским купеческим обществом. Кирпичная арка была своего рода парадным въездом в город со стороны вокзала.

Триумфальная арка получила в народе название «Царские ворота». Состояли «Царские ворота» из трёх арок. Центральная — самая крупная — служила для проезда экипажей, а две боковые, поменьше, — в качестве проходов для пешеходов. Сооружение было построено в старомосковском стиле. Арку украшали башенки, увенчанные орлами, в нишах со стороны фасадов — дорогие иконы под золочёной резной сенью с образами святого Александра Невского со стороны въезда в город и святой великомученицы Екатерины со стороны выезда. Под образами была золочёная надпись: «Александр III. Да осенит Тебя, Великий Государь, Божиею Благодатью Твой Ангел Хранитель».

После посещения собора отправились в дом наказного атамана Кубанского казачьего войска Георгия Алексеевича Леонова, где для высоких гостей были приготовлены помещения.

У дома атамана императора и гостей ожидал ещё один почётный караул, составленный из отставных ветеранов-кубанцев. Император поприветствовал всех по-кубански: «Здорово, казаки!» и услышал в ответ громогласное: «Здравия желаем!» Обходя ряды и приветствуя каждого стоявшего в строю ветерана, государь благодарил в их лице всё старое Черноморское и Линейное казачество за вековую многотрудную службу.

Когда царская семья переступила порог дома наказного атамана, то над зданием сразу же был поднят императорский штандарт.

На следующий день, 22 сентября, император посетил торжественный сбор войскового круга, где были представители всех кубанских частей и станиц. Собравшиеся были одеты в парадную форму — черкески с газырями и папахи и с неотъемлемой частью казачьего костюма — башлыком.

Согласно положению о военной службе Кубанского казачьего войска, служилый состав войска был разделён на три разряда, из которых строевой, кроме того, — на три очереди. Войску велено было выставлять на службу в мирное время: два эскадрона конвоя Его величества, десять конных полков, один конный дивизион, два пластунских батальона и пять конноартиллерийских батарей. А в военное время, кроме этих частей, ещё двадцать конных полков и четыре пластунских батальона.

Выступая на торжественном сборе, император Александр III сказал: «Я счастлив, кубанцы, что вместе с Императрицею и Наследником приехал к вам. Мне это желательно было давно и, наконец, удалось. Я уверен, что вы будете служить и Отечеству, и своим Царям, как прежде служили, а молодёжь кубанская — так же храбро и честно, как и старины».

Императорская семья прослушала исполненную в их честь музыкальную программу, подготовленную войсковым хором, и посетила войсковую гимназию.

На обед императорскую семью угощали окрошкой, супом с помидорами, пирожками, севрюгой по-русски, котлетами из рябчиков с трюфелями, вырезкой говядины с гарниром, мороженым.

После обеда император посетил Войсковой музей, Мариинский женский институт, войсковые женскую и мужскую гимназии, женскую профессиональную школу, Войсковую оружейную мастерскую, Войсковую больницу и Фельдшерскую школу.

Днём в городе состоялись народные гулянья. А вечером императорская семья отправилась из Екатеринодара в Новороссийск.

Новороссийск

23 сентября император с семейством прибыл в Новороссийск. Участок Екатеринодар — Новороссийск был второй очередью только что открытой Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги.

Прямо с железнодорожной станции все отправились в порт. Здесь в Новороссийской бухте по случаю приезда в город императора была выстроена в боевой порядок эскадра Черноморского флота. Некогда именовавшаяся Суджукской бухта была переименована в Новороссийскую,

или Цемесскую, ещё по указанию Николая I. Эта незамерзающая бухта была стратегически важна для России.

У причала порта в ожидании гостей стоял пароход «Москва», принадлежавший Добровольному флоту. Только два месяца назад пароход вернулся из дальнего плавания с трюмами, полными чая, и был срочно переоборудован под императорскую яхту. Вместо трёхцветного коммерческого был поднят белый флаг с синим Андреевским крестом. С этого момента «Москва» стала военным судном.

С палубы «Москвы» император с императрицей спустились на шлюпку и направились к Черноморской эскадре. Как только на шлюпке был поднят императорский штандарт, на палубе одного из броненосцев оркестр заиграл гимн, а реи высоких мачт заполнили матросы. Со всех кораблей грянуло «ура!», которое заглушило музыку.

Объехав эскадру, шлюпка прошла вдоль новой набережной и остановилась у павильона, построенного рядом с пристанью. Высокие гости поднялись в павильон. Красота видов, открывшихся отсюда, поразила императрицу. «Как здесь всё прекрасно!» — восхищённо произнесла она.

Затем все прошлись по берегу мола. Там с интересом наблюдали за работами по укреплению мола с помощью новых мощных подъёмных механизмов. Император поблагодарил строителей порта и пожелал, чтобы работы были окончены так же хорошо, как были начаты.

На встрече с «выборными градских обществ» Александру III рассказали о том, что начало эксплуатации железной дороги должно стимулировать развитие города, ведь с завершением строительства Новороссийской ветки сократился путь для выхода зерновых грузов к Чёрному морю через Новороссийский порт.

По случаю визита высоких гостей в городе был объявлен праздник и даже в ночное время Новороссийск был освещён.

В девятом часу вечера Черноморская эскадра снялась с якоря и вышла в открытое море. Вслед за ней в открытое море вышла «Москва».

Новый Афон

Ранним утром миновали древний монастырь Пицунду, в начале одиннадцатого «Москва» подошла к Новому Афону. Там находился один из крупнейших на Кавказе духовных центров — Новоафонский монастырь.

Игумен Новоафонского монастыря архимандрит Иерон вспоминал: «В назначенный день прибытия Их Императорских величеств, 24 сентября, мы все с напряжённым вниманием устремляли наши взоры туда, откуда должен был показаться царский пароход; и вот мы увидели два парохода — крейсер “Москва” в сопровождении военного клипера “Память Меркурия”. Монастырский колокол торжественно дал знать об этом, и все пришли в необычайное движение».

В день прибытия в монастырь императора Александра III состоялась церемония закладки соборного храма Святого великомученика Пантелеимона.

На месте закладки нового собора император водрузил крест, освящённый епископом Геннадием. Впоследствии этот крест из кипарисового дерева, изящно отделанный серебром, был поставлен за престолом в главном алтаре собора. Первый кирпич заложил император, а вслед за ним императрица, цесаревич и князь Георгий Александрович. После церемонии закладки монастырского собора император Александр III преподнёс в дар монастырю музыкальные куранты.

Император с императрицей посетили и храм Апостола Симона Кананита, сооружённый в период расцвета Абхазского царства в X веке. Архимандрит Иерон написал в воспоминаниях: «Выслушав ектению и приложась ко святому кресту, осмотревши храм и древнюю живопись, Их величества в сопровождении Их высочеств и свиты изволили взойти на плотину, где любовались природой».

От монастыря до церкви Симона Кананита и обратно царь прошёл пешком. Эту дорогу стали именовать «Царской аллеей». Вдоль неё монахи высадили кипарисы.

Император с императрицей посетили в Новом Афоне школу. Хор учеников спел гимн «Боже, Царя храни!» и исполнил разные песнопения. Уезжая, император обратился к жителям Нового Афона со словами: «В памяти у меня останется посещение вашей обители; желательно видеть ваш собор оконченным». Императорская семья и вся свита записали свои имена в книге для памяти «в утешение братии нынешней и будущей».

Как пишет архимандрит Иерон, «во всё время пребывания Их величеств на берегу и до самого отхода пароходов монастырские колокола неумолчно торжественно звонили». В честь приезда императора монахи построили на морском берегу часовню, установили у водопада мемориальную доску с надписью.

Четыре придела величественного собора Святого великомученика Пантелеимона были освящены в честь святых покровителей августейшей семьи императора Александра III: святого Александра Невского, святой Марии Магдалины, святого Николая Чудотворца и святого Георгия Победоносца.

Императорская семья провела в Новом Афоне всего один день и уже вечером вновь поднялась на борт «Москвы». Корреспондент «Нового обозрения» писал: «Величие государя и царственная простота императрицы равно поразили абхазцев. Особенно изумило князей дорожное ситцевое платье императрицы. “Жаль, что с нами нет наших княгинь, — заметил один из них, — они убедились бы, что носить ситцевые платья совсем не стыдно”. Императорская чета возвратилась на пароход, и народ провожал её шумными овациями».

Батуми

В девять часов утра 25 сентября императорский штандарт взвился на грот-мачте «Москвы», и в тот же момент вся эскадра, сопровождавшая яхту, грянула из всех орудий и окуталась белыми клубами дыма. Гул салюта ещё нёсся эхом по прибрежным скалам, как в ответ раздался залп батумских укреплений.

«Москва» вошла в батумскую гавань. Газета «Иверия» сообщала:

«25 сентября в 10 часов гром пушек дал знать батумцам, что счастье, которого они с нетерпением ждали, настало. Императорский корабль прибыл. На нём находились император Александр III, императрица, наследник цесаревич, великий князь Георгий Александрович и блестящая свита.

Вместе с императором прибыли министр Императорского двора и уделов граф Воронцов-Дашков и главноуправляющий по Кавказу князь Дондуков-Корсаков.

Красочно был украшен батумский порт, на причал которого должны были спуститься с корабля высокие гости.

Земля была устлана коврами. Гостей встретили хлебом и солью главные сановники города. Женщины преподнесли императрице красивейший букет цветов.

После торжественной встречи император со всей свитой и сопровождающими направились в церковь, где их

встретил епископ Григорий. Здесь они присутствовали на церковной службе, а затем направились на площадь у бульвара, где намечалось построить новый собор во имя св. Александра Невского.

Император заложил первый камень в фундамент. То же сделали императрица, наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович. После этого прошла церковная служба...»

По завершении торжественной церемонии закладки нового храма и парада император вернулся на борт «Москвы», где был дан обед «для представителей гражданского и военного ведомств и духовных лиц».

Несмотря на палящий зной, после обеда император с императрицей отправились в город и посетили военный госпиталь. Затем они побывали в городском саду. Полюбовавшись тропической растительностью, они собственноручно посадили несколько деревьев: император — магнолию, императрица — аврокарию, цесаревич Николай и великий князь Георгий — гималайские кедры. В честь императора городской сад Батуми был назван «Садом Александра».

После посещения Михайловской крепости императорская чета на специальном железнодорожном составе по узкоколейной дороге прибыла в артиллерийский городок. На обратной дороге император попросил, чтобы состав шёл медленнее, так как императрица очень хотела любоваться живописными видами окрестностей.

В шесть часов вечера 25 сентября императорская чета простилась с экипажем «Москвы» и заняла вагоны в поезде, направлявшемся к Тифлису. Состав покидал Батуми под залпы салюта с батарей Михайловской крепости.

Боржоми

26-го утром состав с почётными гостями подошёл к станции Михайлово. В двух километрах от станции должен был состояться большой смотр войск. Место было выбрано потому, что именно здесь сходились дороги из Ахалкалаки, Ардагана, Ахалцыха и Ольты.

Военный лагерь был разбит на обширном поле, лежавшем почти у входа в Боржомское ущелье. Выйдя из вагона на небольшую платформу, император и императрица пересели в экипаж и направились к выстроенным на поле в боевом порядке войскам.

После парада императорская семья отправилась на экипажах в Боржом в имение великого князя Михаила Николаевича. Михаил Николаевич, четвёртый и последний сын императора Николая I, дядя Александра Александровича, прожил на Кавказе много лет. Он хорошо знал и любил этот край, был страстным поклонником всего кавказского. На Кавказе родились четверо из его детей, великие князья Георгий, Александр, Сергей и Алексей.

Там, в Боржоме, они увидели знаменитые источники минеральной воды, которые были заново открыты в 1829 году русскими военными. В этой части Грузии во время Русско-турецких войн был расквартирован Херсонский гренадерский полк. Военные расчистили источник и стали возить воду в бутылках в полк. Страдавшие заболеванием желудка первыми заметили полезное влияние минеральной воды на себе.

При наместнике на Кавказе Воронцове слава о целебных источниках вышла за пределы Грузии. Начали строиться дворцы, парки, скверы, гостиницы, было построено здание Боржомских минеральных вод. С 1862 года, когда великий князь Михаил Николаевич стал наместником на Кавказе, Боржом начинает превращаться в настоящий курорт. Михаил Николаевич учредил «Особое управление минеральными водами Тифлисской губернии», которое возглавил его личный врач Адольф Александрович Реммерт, к тому времени успевший зарекомендовать себя в Абастумани. По указу великого князя на левом берегу реки Боржомула был построен дворец в мавританском стиле, возведены и организованы гостиницы.

Михаил Николаевич как настоящий хозяин Боржоме принимал императора Александра III в своём дворце, с восходом показывал живописные окрестности.

Обратно на станцию Михайлово высокие гости вернулись только 27 сентября вечером. И поздно ночью состав двинулся в сторону Тифлиса.

Тифлис

На платформе императорское семейство встречали почётный караул и всё руководство города и губернии. После того как князь Багратион-Мухранский поднёс императору от имени всего тифлисского дворянства хлеб-соль, император сказал: «Благодарю вас, князь, я очень рад, что мне

удалось наконец побывать на Кавказе». Императорская семья разместилась в роскошном двухэтажном здании тифлисского дворца.

Три дня пребывания в Тифлисе, 28, 29 и 30 сентября, были наполнены событиями.

Каждый день проходили многочисленные встречи, в том числе с чрезвычайным послом персидского шаха. Посол, двоюродный брат шаха, прибыл в Тифлис заранее специально для встречи с российским императором. Состоялась встреча с экзархом Грузии, католикосом всех армян, православным духовенством, консулами и высшим руководством губернии и города.

29 сентября состоялся высочайший смотр войск Тифлисского гарнизона на Дидубийском поле. После смотра и торжественного парада император с императрицей посетили старейшую классическую гимназию Святой Нины, Закавказский девичий институт, приняли участие в закладке нового институтского здания.

Вечером в обширном трёхэтажном здании губернского предводителя дворянства Багратион-Мухранского был дан бал. Хозяин дома князь Иван Мухранбатони (Багратион-Мухранский) был знаменит тем, что владел первым, созданным по западному образцу винным заводом, который построил в своём имении Мухрани. И на балу были представлены все лучшие образцы продукции его завода.

Император был в мундире лейб-гренадерского Эриванского полка, Мария Фёдоровна — в белом платье с бриллиантовой диадемой на голове и в жемчужном колье.

Корреспондент газеты «Русский странник» писал: «Государь и государыня после короткого промежутка вновь пожелали видеть лезгинку. Тогда энтузиазму грузин не стало предела. Мерные удары в ладоши, в такт зурне, раздались во всём зале, и чередующиеся пары старались превзойти друг друга в лёгкости и грации. Музыканты пришли в совершенный экстаз... Пока императорская фамилия оставалась на бале, народ ликовал на улицах, и время от времени стены княжеского дома сотрясались взрывами народного восторга. Город сверкал огнями... Народ точно забыл о еде и отдыхе».

На третий день императорская чета направилась в Навтлуг — самую отдалённую и самую красивую окраину Тифлиса. Там гости посетили военный госпиталь, военно-фельдшерскую школу, Надеждинскую общину сестёр милосердия, Надеждинский детский приют, Надеждин-

ский дом призрения бедных. Во второй половине дня посетили Кавказский музей, затем была встреча с учениками гимназий, а после разговора с гимназистами император осмотрел Военно-исторический музей и посетил кадетский корпус.

После парадного ужина императорская семья и гости поехали в загородный сад «Мутаид», где было народное гулянье и фейерверк. К выстроенной для высоких гостей беседке пришлось с большим трудом протискиваться сквозь толпу. Главнокомандующий обратился к императору: «Извините, Ваше высочество, нравы у нас патриархальные, но нигде правитель не может быть так спокоен, как среди этого народа». Император, искренне тронутый безыскусным выражением народной любви, постоянно повторял: «Благодарю всех за радушие и сердечный приём».

Грузинские газеты писали о трёх днях пребывания императора в Тифлисе: «Посещение государя показывает ясно, что, несмотря на нашу отдалённость от русского центра, мы всё-таки близки сердцу государя и не лишены его внимания, покровительства и заботливости...»

Армянская газета «Мшак» вторила грузинским: «Много ещё среди нас стариков, которые помнят печальные и ужасные события из прошлого Тифлиса. С востока не раз приходили властители, но жители бежали от них, спасая жизнь и покидая достояние. Теперь само население Кавказа стремится в Тифлис навстречу Северному властителю, несущему с собой свет, охрану спокойствия, мир и благоденствие. Счастлив Тифлис, удостоенный впервые видеть у себя русскую императрицу, — и это небывалое до сих пор событие служит лучшим доказательством того, насколько Кавказ близок царскому сердцу».

1 октября, ровно в восемь часов утра, под колокольный звон всех храмов августейшие путешественники отправились в экипажах по кахетинской дороге в сторону Цинандали.

В Кахетии

Императорский кортеж остановился на половине дороги между Тифлисом и Гамборами у деревни Уджарма, у павильона, увитого зеленью. Здесь был приготовлен завтрак.

Следующая остановка была в Гамборах, где стояли две батареи Кавказской гренадерской артиллерийской брига-

ды. От Гамбор дорога шла на подъем, к перевалу, разделявшему долины Куры и Алазани.

Вскоре перед путешественниками открылся чарующий вид Алазанской долины, прорезанной тонкой серебряной нитью реки. Вдали поднимались величественные стены Алавердынского монастыря, а за ним белели домики Телави.

Василий Александрович Потто писал: «Перед высокими путешественниками разом открылась вся роскошь очаровательной Кахетии — долины роз и винограда. И впечатление было так сильно, что государь, любуясь дивной панорамой, сказал, что это лучший и живописнейший вид, какой он когда-либо видел».

Вдоль дороги от Телави до Цинандали стояли местные жители. Они радостно кричали при виде императорского экипажа и бросали на дорогу цветы.

В Цинандали императорский кортеж прибыл в шесть часов вечера. Причина посещения Цинандали была проста — совсем недавно владельцем этих мест, принадлежавших роду Чавчавадзе, стал русский император.

Ещё в начале XIX века сын блестящего русского офицера Александр Чавчавадзе, крестник самой императрицы Екатерины II, оставляет Петербург и перебирается в село Цинандали, где начинает претворять в жизнь проект по европеизации Грузии. Чавчавадзе был не только боевым генералом, крупным помещиком, но и образованнейшим человеком своего времени, писателем, переводчиком, прекрасным поэтом. Сюда приезжали погостить многие знаменитые поэты и писатели, в том числе Михаил Лермонтов, Александр Дюма-старший; здесь, в Цинандали, Александр Грибоедов познакомился с княжной Ниной Чавчавадзе, своей будущей супругой.

Александр оставил своё имение сыну Давиду. После разорения усадьбы Шамилём Давид Чавчавадзе влез в долги и после нескольких лет попыток восстановить разрушенное родовое поместье перебрался с семьёй в Тбилиси. Усадьба же за долги отошла во владение департамента удельных поместий.

Александр III оставил Цинандалские, Мукузанские и Напареульские угодья у себя. По его указу здание усадьбы в Цинандали было значительно перестроено. И вот теперь новые хозяева Александр Александрович и Мария Фёдоровна впервые посетили перепланированный и перестроенный двадцатикомнатный дом. Так российский им-

ператор, как заметила императрица, стал кахетинским помещиком Александром Александровичем Романовым, который и прибыл в своё имение.

В Цинандали новые хозяева провели весь следующий день. Гуляли, завтракали, опять гуляли. Обедали под великолепным шатром из виноградных лоз, увивавших веранду. Обедали наконец-то спокойно, без посторонних, и потому долго и с наслаждением. Царская семья обычно проводила за обеденным столом полтора часа. Этот обычай Александр III позаимствовал у датского королевского дома.

Из всех садов и парков, существовавших в Грузии в XIX веке, одно из первых мест принадлежало Цинандальскому. Во время пребывания в Цинандали Александр III приказал построить на фундаменте прежнего дворца дворец-музей замечательного грузинского поэта Александра Чавчавадзе. Затем петербургские архитекторы возвели в Цинандальском парке двухэтажный погреб на сто пятьдесят тысяч вёдер вина.

На следующий день, 3 октября, решили навестить имение графа Сергея Дмитриевича Шереметева в Карданах. В имение прибыли около пяти часов вечера. С графом Александр Александрович сошёлся в Руцукском отряде во время Русско-турецкой войны, ещё будучи великим князем.

Во время ужина любовались на Алазанскую долину, в которой манящими бликами играли многочисленные костры. Утром следующего дня посетили село Сигнах и величайшую святыню Грузии — Бодбийский монастырь. В стенах монастыря покоится первая просветительница древней Иверии — святая Нина.

Александр III велел восстановить монастырь. Бодбе был отремонтирован, ему подарили пахотные земли, населили его монахинями, и он вскоре превратился в крупнейший монастырь в Кахетии.

Из монастыря вернулись обратно в Карданах. Граф приказал накрыть столы в своём саду, утопавшем в зелени и фруктах. Когда дневную жару сменила вечерняя прохлада, вернулись к себе в Цинандали.

5 октября с утра выехали через Телави в Тионети — в далёком прошлом столицу Кахетинского царства. Завтракали в Ахметах, где наблюдали, как туман, застилавший ущелья, поднимался с торжественностью театрального занавеса. И перед глазами открывался вид на Пшавскую долину.

Затем продолжили путь в Тионетский лагерь, где на военном поле должны были состояться манёвры.

Ставка императора в лагере располагалась на высоком холме, с высоты которого можно было наблюдать за действиями всех участников манёвров. Манёвры были назначены на следующий день, и потому 5 октября весь вечер играли военные оркестры, исполнялись песни.

6 октября, после удачно прошедших манёвров, был торжественный ужин и состоялись показательные военные выступления. 7 октября отправились обратно в сторону Тифлиса.

На пути к Тифлису у самого начала Сабадурского перевала пришлось сделать остановку. Здесь императорскую семью ожидала большая делегация грузинских князей и дворян. Для проведения торжественного завтрака был установлен большой шатёр. После завтрака высокие гости отправились в Авчалы — на железнодорожную станцию в четырнадцати километрах от Тифлиса.

На Авчалы прибыли в начале седьмого часа вечера. Там путешественников ждал состав, направлявшийся в Баку.

На Каспии

Впервые императорской семье предстояло пересечь Кавказские горы и добраться до города Баку, то есть попасть с берегов Чёрного моря на берег Каспийского моря.

Железнодорожная линия Тифлис — Баку была продолжением построенной ранее в Закавказье железнодорожной линии Потти — Тифлис. Первые составы по ней пошли в мае 1883 года. Новая линия позволила организовать экспорт нефти и нефтепродуктов из Баку через порты на черноморском побережье.

Императорский поезд прибыл в Баку в субботу, 8 октября 1888 года, в два часа дня. Платформа Бакинского вокзала была украшена флагами и заставлена огромными кадками с растениями. Все столбы были обвиты зеленью, привезённой из Ленкорани. В момент прибытия поезда над домом губернатора взвился штандарт и с батареи и палуб судов, стоявших у берега, прогремели залпы салюта.

На железнодорожной платформе императорскую семью встречали вице-губернатор города, официальные лица и городской голова Станислав Иванович Деспот-Зенович с думскими деятелями. Станислав Иванович являлся не-

изменным председателем Бакинского округа Императорского Российского общества спасения на водах и был пожалован покровительницей этого общества императрицей Марией Фёдоровной золотым знаком общества. Император поздоровался с представителями города и принял хлеб-соль на серебряном блюде. Городской голова Деспот-Зенович произнёс приветственную речь.

Позже императрице Марии Фёдоровне представились дамы бакинского общества, а супруга начальника губернии поднесла императрице букет цветов. Среди дам были и мусульманки в богатых парчовых национальных костюмах.

Городской голова также поднёс императрице букет цветов в золотом порт-букете, на котором с одной стороны эмалью было написано: «1888 год, Баку», а с другой — изображён вензель Её величества из бриллиантов.

Толпы народа в пёстрых костюмах стояли на улицах. Весь город был убран флагами, даже фаэтоны и телеги разъезжали, украшенные флагами.

С вокзала императорская семья отправилась в собор Святителя Николая. От вокзала вдоль улиц стояли рядами горожане и шпалеры войск. В соборе императорскую семью встретил экзарх Грузии, высокопреосвященный Палладий, приветствовавший императора с речью. Из собора императорская семья отправилась в дом губернатора.

По всему пути по одной стороне протянулись шпалеры войск и военные оркестры. Начиная от набережной, войска сменили воспитанники учебных заведений, а около губернаторского дома расположились воспитанницы женских учебных заведений.

Затем императорская семья посетила Мариинскую женскую гимназию. У входа их встречали городской голова и начальство гимназии. Как только император и члены его семьи вошли в сени, хор из учениц гимназии и учеников реального училища, под аккомпанемент органа и рояля, исполнил гимн Бетховена «Прославление Бога». А в актовом зале императорская семья прослушала две пьесы и хор «Рассвет» Петра Ильича Чайковского. Ученицы гимназии преподнесли императрице белую скатерть с вышитым шёлком гербом города Баку.

После императорская семья направилась в женскую гимназию Святой Нины. Ученицы поднесли в подарок Её величеству подушку, а дамы — три кресла, обитых ма-

линовым бархатом и вышитых шелком. Ученицы приюта Бакинского благотворительного общества поднесли Их величествам полотенце. Во дворе заведения высокие гости приветствовали собранных там учеников и учениц городских школ.

В четвёртом часу дня состоялась церемония закладки православного Александро-Невского собора. К месту закладки из церкви прошёл крестный ход. Духовенство стояло перед шатром, рядом с местом закладки были поставлены хоругви и иконы.

По прибытии Их величеств началось молебствие, которое совершил высокопреосвященный Палладий, экзарх Грузии совместно с двумя архимандритами и шестью священниками. После окропления места закладки высокопреосвященный Палладий по церковному уставу положил в основание храма частицу святых мощей в серебряном ковчеге. Император и императрица вложили монеты с изображением года закладки. Протоиерей прочитал надпись на бронзовой доске о сооружении храма, после чего экзарх окропил место святой водой, а император положил на доску первый камень. Следующие камни положили императрица и великие князья. На положенные камни надвинули огромную плиту и привинтили её. Закладка закончилась пением «Многая лета».

В. А. Потто так описывал место, где остановилась императорская семья:

«Из губернаторского дома открывался прекрасный вид на берег моря, с разукрашенной флагами набережной. Вечером в городе зажглась иллюминация: тысячи разноцветных огней обрамляли здания. На вершине Девичьей башни горели вензели царственных гостей — “А”, “М”, “Н” и “Г”. Все суда, стоящие на рейде, освещались гирляндами огней на мачтах и реях. С моря пускались ракеты». Затем венценосная семья отправилась в Сураханы для осмотра вечных огней и Храма огнепоклонников.

На следующий день, в воскресенье 9 октября, с утра все гости поехали на Баилов мыс, где располагались полки двадцати одной дивизии. Там на площади у Морского собора состоялись военный смотр, обход императором всех подразделений и торжественный парад.

После парада состоялся императорский завтрак, на который были приглашены военные начальствующие лица, командиры отдельных частей и кавалеры ордена Святого великомученика Георгия.

Затем император посетил завод Нобеля. У входа на завод сестра хозяина, госпожа Нобель, поднесла Её величеству букет цветов «в изящном золочёном порт-букете, украшенном прозрачной эмалью и бриллиантами». Цесаревичу был поднесён дубовый ларец, окованный железом. В ларце было двадцать четыре хрустальных флакона с образцами нефти и всех продуктов, получаемых из неё. Великому князю Георгию поднесли серебряную модель керосинового резервуара, с государственным гербом наверху.

Гости выпили в павильоне по бокалу шампанского. Его величество провозгласил тост за процветание нефтяного дела в России. Затем была поездка в Балаханы на нефтяные промыслы, где при императоре забили несколько фонтанов нефти.

Вечером в доме губернатора состоялся торжественный ужин, на который были приглашены «все военные и гражданские начальствующие лица», а также городской голова.

В десять часов вечера состоялся отъезд императорского семейства из Баку.

По всему пути от губернаторского дома до вокзала стояли люди, горели бенгальские огни и иллюминация. Поезд отправился на станцию Караяз.

К черноморским берегам

10 октября в половине десятого утра императорский состав остановился на станции Елизаветпольской. Высоких гостей встречали оркестр воспитанников Елизаветпольской гимназии и хор служащих железной дороги. За время недолгого пребывания на станции высокие гости успели посмотреть осеннюю выставку даров Елизаветпольской губернии.

В два часа дня поезд уже подошёл к станции Караяз. На станции императорскую семью встречали великие князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович. Александр Александрович и Мария Фёдоровна провели с родственниками два дня и 11 октября отбыли в Кутаиси.

Императорский поезд прибыл в Кутаиси 12 октября в четыре часа дня. После торжественной встречи гости побывали в городском соборе, Ольгинской женской гимназии, заведении Святой Нины, классической гимназии.

На следующий день, 13 октября, высокие гости посетили военный госпиталь и Гелатский монастырь, основан-

ный великим царём Грузии Давидом. Затем посетили Монастырский монастырь.

В Кутаиси вернулись только к вечеру. А в восемь часов в специально декорированном зале женской гимназии состоялся большой императорский обед, после которого все отправились в городской сад, где проходили народные гулянья и был устроен фейерверк.

Около полуночи императорская семья и сопровождающие лица отправились на железнодорожный вокзал города Кутаиси. Поезд под несмолкаемые крики «ура!» двинулся к Батуми.

14 октября императорское семейство вернулось в Батуми. Поезд подошёл в Батумской пристани в час дня. Под звуки военного оркестра императорская семья поднялась на борт «Москвы». Когда судно стало отходить от пристани, раздались залпы салюта батумских орудий.

«Москва» взяла курс на Севастополь, где императорскую семью ждал поезд. О чувствах, которые испытывал император после посещения Кавказа, отчасти говорят слова рескрипта, который он подписал на имя главнокомандующего генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова:

«Князь Александр Михайлович! Посещённый мною в этом году Кавказ произвёл на меня самое отрадное впечатление. Убедясь в благоустройстве и процветании вверенного вам края и удостоверюсь в постоянной заботе вашей о поддержании в войсках, увенчанных неувядаемою славой прежних войн, блестящего порядка и устройства, а в казаках — природной удали и лихости, составляющих лучшие качества этого войска, мне особенно приятно выразить вам искреннюю мою признательность за полезную деятельность вашу, вполне согласную с моими предначертаниями. Я вполне убеждён, что под вашим начальством славные войска Кавказского округа, с которыми вы с юных лет сроднились боевой жизнью, сохранят испытанную воинскую доблесть...»

28 ноября 1888 года в день праздника ордена Святого Георгия Победоносца Александр Михайлович Дондуков-Корсаков получил из Петербурга такую телеграмму:

«От души благодарю кавказских георгиевских кавалеров за поздравление со славным праздником. С огромным удовольствием вспоминаем наше чудное путешествие по Кавказу и ещё раз благодарим сердечно. Александр и Мария».

Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства, от мала до велика! Этот день никогда не изгладится из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чудесен, потому что Христос желал доказать всей России, что Он и ныне творит ещё чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость.

Александр III

17 октября 1888 года к полудню поезд вышел на перегон Тарановка — Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. До Харькова оставалось около шестидесяти километров.

День был холодным и пасмурным, с мокрым снегом и пронизывающим ветром. В час дня Александр Александрович и Мария Фёдоровна вместе с четырьмя старшими детьми сели за обеденный стол в «столовом» вагоне. Младшая дочка, шестилетняя Ольга, обедала в «детском» вагоне с няней.

Вдруг поезд резко и очень сильно качнуло, потом ещё раз. Так началось страшное — крушение состава.

Вагон-столовая, в котором в этот момент находилась императорская семья, — большой, тяжёлый и длинный, был укреплён на колёсных тележках. Эти самые тележки при крушении оторвались, покатались назад и нагромодились друг на друга.

Тем же ударом были выбиты поперечные стенки вагона, а боковые стены треснули, и крыша стала падать. Стоявшие в дверях камер-лакеи погибли, остальных бывших в вагоне спасло только то, что крыша при падении одним концом упёрлась в пирамиду из тележек.

На разрушенный вагон-столовую должны были наехать следующие за ним вагоны, но два ближних к нему развернулись на стальных рельсах поперёк, образовав баррикаду. Однако последовавший удар был столь сильным, что про-

ломило вагонную стенку и в пролом выбросило на откос земляной насыпи малолетнюю великую княжну Ольгу с няней. К счастью, девочка осталась невредимой.

Между тем во всём поезде уцелело только пять вагонов. Страшно пострадал вагон, в котором ехали придворные служащие и буфетная прислуга. В нём оказалось больше всего жертв.

Императрица с медицинским персоналом обходила раненых, оказывала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то, что у неё у самой была повреждена рука выше локтя и она осталась в одном платье. На плечи царицы накинули офицерскую шинель, в которой она и ходила вдоль состава.

Только в сумерки, когда были обнаружены все убитые и в развалах не осталось ни одного раненого, царская семья села во второй прибывший к месту крушения царский поезд (свитский) и отбыла назад на станцию Лозовую. Там, в зале третьего класса, ночью было отслужено первое благодарственное молебствие за чудесное избавление царя и его семьи от смертельной опасности.

Спасение царской семьи во время крушения императорского поезда на Курско-Харьковско-Азовской дороге между станциями Тарановка и Борки 17 октября 1888 года было расценено как Божественный промысел.

Всего в крушении погибли двадцать один человек, тридцать пять были ранены. Среди погибших были командир казачьего конвоя, императорский подлекарь Чекувер; сильно пострадали Владимир Шереметев и фрейлина Кутузова. Погибла и любимица Александра III — белая сибирская лайка по кличке Камчатка.

Император записал в дневнике: «Понедельник 17 октября ст. Борки: страшная катастрофа на Курск.-Харьковск. ж. д. у станции Борки. — Бог чудом спас нас всех от неминуемой смерти. — Страшный, печальный и радостный день. — 21 убитых и более 36 раненых!»

Катастрофа под Борками глубоко потрясла Марию Фёдоровну. По воспоминаниям очевидцев, находившихся с царской семьёй во время крушения, крик императрицы «Что с детьми?!» нельзя было забыть.

О том, как всё происходило, Мария Фёдоровна писала своему брату Вильгельму (греческому королю Георгу I) 6 ноября 1888 года:

«Невозможно представить, что это был за ужасающий момент, когда мы вдруг почувствовали рядом с собой дыха-

ние смерти, но и в тот же момент ощутили величие и силу Господа, когда Он простёр над нами Свою благодатную руку...

Это было такое чудесное чувство, которое я никогда не забуду, как и то чувство блаженства, которое я испытала, увидав, наконец, моего любимого Сашу и всех детей целыми и невредимыми, появлявшимися из руин друг за другом.

Действительно, это было как воскрешение из мёртвых. В тот момент, когда я поднималась, я никого из них не видела, и такое чувство страха и отчаяния овладело мною, что это трудно передать. Наш вагон был полностью разрушен. Ты, наверное, помнишь последний наш вагон-ресторан, подобный тому, в котором мы вместе ездили в Вильну?

Как раз в тот самый момент, когда мы завтракали, нас было 20 человек, мы почувствовали сильный толчок и сразу за ним второй, после которого все мы оказались на полу и всё вокруг нас зашаталось и стало падать и рушиться.

Всё падало и трещало, как в Судный день. В последнюю секунду я видела ещё Сашу, который находился напротив меня за узким столом и который затем рухнул вниз вместе с обрушившимся столом. В этот момент я инстинктивно закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки стекла и всего того, что сыпалось отовсюду.

Был ещё третий толчок и много других прямо под нами, под колёсами вагона, которые возникали в результате столкновения с другими вагонами, которые наталкивались на наш вагон и тащили ещё дальше. Всё грохотало и скрежетало, и потом вдруг воцарилась такая мёртвая тишина, как будто в живых никого не осталось.

Всё это я помню очень отчётливо. Единственное, чего я не помню, это то, как я поднялась, из какого положения. Я просто ощутила, что стою на ногах, без всякой крыши над головой и никого не вижу, так как крыша свисала вниз как перегородка и не давала никакой возможности ничего видеть вокруг: ни Сашу, ни тех, кто находился на противоположной стороне, так как самый большой вагон оказался вплотную с нашим.

Это был самый ужасный момент в моей жизни, когда, можешь себе представить, я поняла, что я жива, но что около меня нет никого из моих близких. Ах! Это было очень страшно! Единственно, кого я увидела, были военный министр и бедный кондуктор, молящий о помощи!

Потом я вдруг увидела мою милую маленькую Ксению, появившуюся из-под крыши немножко поодаль с моей сто-

роны. Затем появился Георгий, который уже с крыши кричал мне: “Миша тоже здесь!”, и, наконец, появился Саша, которого я заключила в мои объятия.

Мы находились в таком месте вагона, где стоял стол, но ничего, что раньше стояло в вагоне, не уцелело, всё было разрушено.

За Сашей появился Ники, и кто-то крикнул мне, что *baby* целый и невредимый, так что я от всей души и от всего сердца могла поблагодарить нашего Господа за Его щедрую милость и милосердие, за то, что он сохранил мне всех живыми, не потеряв с их голов ни единого волоса!

Подумай только, лишь одна бедная маленькая Ольга была выброшена из своего вагона, и она упала вниз с высокой насыпи, но не получила никаких повреждений, так же как и её бедная толстая няня. Но мой несчастный официант получил повреждения ноги в результате падения на него изразцовой печи.

Но какую скорбь и ужас испытали мы, увидев множество убитых и раненых, наших дорогих и преданных нам людей. Душераздирающе было слышать крики и стоны и не быть в состоянии помочь им или просто укрыть их от холода, так как у нас самих ничего не осталось! Все они были очень трогательны, особенно когда, несмотря на все свои страдания, они прежде всего спрашивали: “Спасён ли Государь?” и потом, крестясь, говорили: “Слава Богу, тогда всё в порядке!” Я никогда не видела ничего более трогательного. Эта любовь и всепоглощающая вера в Бога действительно поражала и являлась примером для всех.

Мой дорогой пожилой казак, который был около меня в течение 22 лет, был раздавлен и совершенно неузнаваем, так как у него не было половины головы (Тихон Егорович Сидоров. — А. М.). Также погибли и Сашины юные егеря, которых ты, наверное, помнишь, как и все те бедняги, кто находился в вагоне, который ехал перед вагоном-рестораном. Этот вагон был полностью разбит в щепки, и остался только маленький кусочек стены!

Это было ужасное зрелище! Подумай только, видеть перед собой разбитые вагоны и посреди них — самый ужасный — наш, и осознавать, что мы остались живы! Это совершенно непостижимо! Это чудо, которое сотворил наш Господь!

Чувство вновь обретения жизни, дорогой Вилли, непередаваемо, и особенно после этих страшных мгновений, когда я с замиранием сердца звала своего мужа и пятерых детей.

Нет, это было ужасно. Можно было сойти с ума от горя и отчаяния, но Господь Бог дал мне силы и спокойствие перенести это и своим милосердием вернул мне их всех, за что я никогда не смогу отблагодарить Его должным образом.

Но как мы выглядели — это было ужасно! Когда мы выбрались из этого ада, все мы были с окровавленными лицами и руками, частично это была кровь от ран из-за осколков стекла, но в основном это была кровь тех бедных людей, которая попала на нас, так что в первую минуту мы думали, что мы все были тоже серьёзно ранены. Мы были также в земле и пыли и так сильно, что отмыться окончательно смогли только через несколько дней, настолько прочно она прилипла к нам...

Саша сильно защебил ногу, да так, что её удалось вытащить не сразу, а только через некоторое время. Потом он несколько дней хромал, и нога его была совершенно чёрная от бедра до колена.

Я тоже довольно сильно защемила левую руку, так что несколько дней не могла до неё дотронуться. Она тоже была совершенно чёрная, и её необходимо было массировать, а из раны на правой руке шла сильно кровь. Кроме того, мы все были в синяках.

Маленькая Ксения и Георгий также поранили руки. У бедной старой жены Зиновьева была открытая рана, из которой очень сильно шла кровь. Адъютант детей также поранил пальцы и получил сильный удар по голове, но самое ужасное произошло с Шереметевым, который был наполовину придавлен. Бедняга получил повреждение груди, и ещё до сих пор он окончательно не поправился; один палец у него был сломан, так что болтался, и он сильно поранил нос.

Всё это было ужасно, но это, однако, ничто в сравнении с тем, что случилось с теми бедными людьми, которые были в таком плачевном состоянии, что их пришлось отправить в Харьков, где они ещё до сих пор находятся в госпиталях, в которых мы их навещали через 2 дня после происшествия... Один мой бедный официант пролежал два с половиной часа под вагоном, непрерывно взывая о помощи, так что никто не мог вытащить его, несчастного; у него было сломано 5 рёбер, но теперь, слава Богу, он, как и многие другие, поправляется.

Бедная Камчатка также погибла, что было большим горем для бедного Саши, любившего эту собаку и которому её теперь ужасно недостаёт.

Теперь прошло уже три недели со дня происшедшего, но мы все ещё думаем и говорим только об этом, и ты представь себе, что каждую ночь мне всё снится, что я нахожусь на железной дороге...»

Много лет спустя Александр III в письме жене вспоминал: «Я вполне понимаю и разделяю всё, что ты испытывала на месте крушения в Борках, и как это место должно быть нам всем дорого и памятно. Надеюсь, когда-нибудь нам удастся всем вместе со всеми детьми побывать там и ещё раз возблагодарить Господа за чудесное счастье и что Он нас сохранил».

Любопытен тот факт, что икона Спаса Нерукотворного, принадлежавшая царской семье, была найдена неповреждённой.

Как отмечали современники, в частности известный юрист А. Ф. Кони, в тяжелейшей ситуации «Александр III выказал удивительное самообладание и почти тотчас после своего спасения всецело отдался заботам о подании помощи стонавшим и мучившимся раненым, некоторые из которых умерли у него на глазах, выражая при этом радость о его спасении».

Граф С. Д. Шереметев, очевидец трагедии, в своих мемуарах писал:

«Помню, как все были поражены и восхищены тем, что Государь, когда подали обед на большой железнодорожной станции, после совершённого молебствования позвал всех присутствовавших и пострадавших и всех и все сели за один стол».

Анатолий Фёдорович Кони, на следующий день побывавший на месте крушения, так описывал увиденное:

«Оба паровоза, глубоко врезавшиеся в землю, стояли наклонившись набок, на высокой насыпи, с одной стороны которой шла в необозримую даль степь, а с другой — стояло небольшое озеро и виднелись отдалённые деревни. Место пустынное и безлюдное.

Паровозы были украшены дубовыми гирляндами и небольшими флагами. Тотчас за ними начиналась картина ужасного разрушения: остатки вагонов, исковерканные железные фермы, вырванные двери, куски дерева и щепы самых разнообразных размеров с клочками материи и осколками зеркальных стёкол, битая посуда и кухонные принадлежности, мебель, разбитые шпалы, согнутые рельсы и масса железных и медных предметов, назначение которых сразу определить было невозможно, — всё это воз-

вышало грудями и густо усыпало обе стороны откоса, на одной из которых стоял, в круто наклонённом положении, с выбитыми поперечными стенками, “детский” вагон, из которого была невинно извлечена великая княжна Ольга Александровна.

На другой стороне откоса видное место занимали жалкие остатки зелёного вагона министра путей сообщения. Здесь, на этом месте, погибло 19 человек, ранено 14. Хотя трупы уже были убраны, но из-под груды обломков ещё слышался запах гниющего человеческого тела, и в течение первых дней раскопок несколько раз приходилось отрывать отдельные части тел, сдавленные и прищемлённые обломками. Последней из таких ужасных находок была часть верхней челюсти, сохранившаяся с мясом и густым чёрным усом. Все эти останки были собраны вместе и с молитвою зарыты под небольшим чёрным крестом, внизу насыпи, со стороны степи. Тотчас за описанной грудой начинались сошедшие с рельсов, но не упавшие вагоны в самых невероятных положениях, один на другом, вошедшие друг в друга, как в футляр, упёршиеся в землю под острым углом и зиявшие продольными и поперечными выбоинами».

В момент крушения императрица потеряла фамильный крест с гранатами, который она постоянно носила на шее. Мария Фёдоровна обратилась к дворцовой полиции с просьбой разыскать фамильную реликвию, но найти крест не удалось. А через пару дней из ближайшей деревни два крестьянина принесли крест. Они случайно нашли его на месте катастрофы среди мусора и обломков внизу у насыпи.

По случаю чудесного спасения царская семья получила много поздравительных адресов и писем. Глубоко сочувствовали им и члены датской королевской семьи. «Ты, конечно, знаешь, что все мои мысли всегда с вами, — писала великому князю Александру Александровичу из Вены сестра Марии Фёдоровны, — и что я непрестанно молюсь за вас в такое тяжёлое и страшное время. Какое счастье, что милосердный Бог спас вас при этой ужасной катастрофе, при мыслях о ней я всякий раз содрогаюсь».

В одном из адресов, отправленных в те дни Марии Фёдоровне женщинами из Варшавы, говорилось: «Невзирая на страшные потрясения и оставив заботу о себе, Вы всецело отдались утешению и облегчению страждущих и тем преподали нам, женщинам, высший пример самоотверженности и любви, да будет он нам святым заветом...

Нераздельно со всею Россией объятые ужасом при страшной вести и бесконечно обрадованные чудесным спасением Ваших Императорских величеств, мы, обитательницы города Варшавы, благоговейно соорудили икону сию, Пресвятой Богородицы, непрестанной заступницы и молитвенницы за всех в радости и горе, в Державный Её покров прибегающих, и благоволите, Всемиловитейшая Государыня, принять это верноподданническое приношение встревоженных и обрадованных женских сердец».

После крушения царская семья через Москву вернулась в Гатчину. Император записал в дневнике: «Гатчина, пятница 21. В 11½ прибыли, наконец, благополучно в милую Гатчину, и здесь встреча самая радушная. — Все пошли в церковь к молебну, а потом общий завтрак в арсенале. — Простившись со всеми, пошли к себе».

23 октября император с семьёй отправился из Гатчины в Санкт-Петербург и посетил Казанский собор. На встрече в Аничковом дворце на общем завтраке Александр III, поблагодарив всех, сказал: «Бог спас меня. Доколе я Ему буду нужен, Он будет меня охранять. Если Его воле угодно будет меня взять, это свершится».

В конце октября 1888 года Москва ждала в гости царя и царицу, которые вместе с детьми собирались поклониться древним русским святыням после происшествия в Борках.

Войска московского гарнизона были выведены для встречи царя на московские улицы и стояли шпалерами от Курского вокзала до Кремля. Четыре роты юнкеров Третьего военного Александровского училища — четыреста юношей в возрасте от восемнадцати до двадцати лет стояли в Кремле от Золотой решётки до Красного крыльца, вдоль длинного и широкого дубового помоста, крытого красным сукном. Среди них в первой шеренге стоял молодой юнкер Александр Куприн...

«Вся Москва кричит и звонит от радости, — вспоминал позже Александр Иванович Куприн, — вся огромная, многолюдная, крепкая, старая, царевна Москва!..

Но вот заиграл на правом фланге и наш знаменитый училищный оркестр, первый в Москве. В эту же минуту в растворённых сквозных воротах, высясь над толпой, показывается царь. Он в светлом офицерском пальто, на голове круглая низкая барашковая шапка. Он величественен. Он заслоняет собою всё окружающее. Он весь до такой степени исполнен нечеловеческой мощи, что я чувствую, как гнётся под его ногами массивный дуб помоста.

Царь всё ближе ко мне. Сладкий острый восторг охватывает мою душу и несёт её вихрем, несёт её ввысь. Быстрые волны озноба бегут по всему телу и приподнимают ежом волосы на голове. Я с чудесной ясностью вижу лицо Государя, его рыжеватую густую бородку, соколиные размахи его прекрасных союзных бровей. Вижу его глаза, прямо и ласково устремлённые в мои. Мне кажется, что в течение минуты наши взгляды не расходятся. Спокойная, великая радость, как сияющий золотой поток, льётся из его глаз.

Какие блаженные, какие возвышенные, навеки не забываемые секунды! Меня точно нет. Я стал невесомым, я растворился, как пылинка, в одном общем многомиллионном чувстве. И в то же время я постигаю, что вся моя жизнь и воля моей многомиллионной родины собралась точно в фокусе, в одном этом человеке, до которого я мог бы дотянуться рукою, собралась и получила непоколебимое, единственное железное утверждение, и оттого рядом с воздушностью всего моего существа я ощущаю волшебную силу, сверхъестественную возможность и жажду беспредельного жертвенного подвига».

По указу императора расследование причин катастрофы в Борках было поручено прокурору уголовного кассационного департамента Сената Анатолию Фёдоровичу Кони. Основной версией было крушение поезда в результате ряда технических факторов: плохого состояния пути и повышенной скорости поезда.

23 ноября А. Ф. Кони прибыл в Гатчинский дворец «для представления государю личных объяснений по делу». Вместе с ним приехал министр юстиции Н. А. Манасеин.

А. Ф. Кони вспоминал о той встрече с императором: «На нём была серая тужурка, из-под которой выглядывала русская рубашка с мягким воротником и рукавами, вышитыми русским цветным узором. Его рост и могучее телосложение казались в этой низенькой комнате ещё больше, и тощая фигура Манасеина, находившегося тут же, представляла резкий контраст. Государь подал мне руку, сказал, что желал от меня лично слышать о подробностях дела крушения».

В своём докладе Кони подчеркнул, что в результате предварительного следствия установлено полное отсутствие следов какого-либо террористического акта. Затем он подробно обрисовал картину «преступной небрежности всех лиц», имевших отношение к катастрофе, что вы-

разилось в неправильном составлении поезда, его тяжести, чрезмерном превышении скорости, некачественной постройке дороги, слабости полотна и «опьянении усердия».

Особое внимание он обратил на хищнические действия правления частной компании, безответственное растление служебного персонала, стремление любым путём к наживе, с одной стороны, и формальное, попустительское отношение Министерства путей сообщения — с другой.

Как отмечает Кони, Александр III слушал его сначала молча, затем прерывал вопросами, без всяких «признаков нетерпения».

Император предположил, что Кони, видимо, намерен отдать под суд всех, о ком говорил. Но Анатолий Фёдорович ответил, что у него нет таких прав. Затем он добавил, что ответственность министров и высших должностных лиц вообще слабо определена законом и необходимо было бы дать этому вопросу «большую определённость». Александр III согласился с этим и тут же дал указание министру юстиции подготовить проект соответствующего закона.

«Итак, — сказал государь, — ваше мнение, что здесь была чрезвычайная небрежность?» — «Если характеризовать всё происшествие одним словом, независимо от его исторического и нравственного значения, — ответил я, — то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга. Из железнодорожных служащих, в сущности, исполнили свой долг только Витте и Васильев».

Александр III не забыл о Витте. Так железнодорожная катастрофа в Борках послужила стимулом для головокружительной карьеры будущего министра путей сообщения, финансов и председателя Совета министров Российской империи Сергея Юльевича Витте.

Незадолго до катастрофы он, будучи управляющим Юго-Западными железными дорогами, подал рапорт министру путей сообщения, в котором предупреждал о возможных опасностях при движении тяжёлого императорского состава с повышенной скоростью по отечественным путям.

После доклада А. Ф. Кони были привлечены к следствию и отправлены в отставку министр путей сообщения адмирал Константин Николаевич Посьет, главный инспектор железных дорог барон Канут Генрихович Шернаваль, инспектор императорских поездов барон Александр Фердинандович Таубе, управляющий Курско-Харьковско-

Азовской железной дорогой инженер В. А. Кованько и другие лица.

Другая версия событий 17 октября 1888 года была изложена в воспоминаниях генерала Владимира Александровича Сухомлинова и юриста и историка барона Михаила Александровича фон Таубе, сына инспектора императорских поездов.

Оба были убеждены, что крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложил помощник повара императорского поезда, связанный с революционными организациями. Заложив бомбу с часовым механизмом в вагон-столовую, рассчитав момент взрыва ко времени завтрака царской семьи, он сошёл с поезда на остановке перед взрывом и скрылся за границу.

Подтверждений эта версия не получила. Спустя несколько лет якобы тот самый повараёнок объявил в Париже, что готов рассказать все тайны железнодорожной катастрофы. Но когда в гостиницу пришли французские журналисты, то выяснилось, что пригласивший их человек был мёртв...

* * *

В память чудесного события 17 октября в течение 1888—1890 годов было сооружено 126 храмов, 32 придела, 320 часовен, 17 колоколен, 116 иконостасов, 30 церковных оград, 2873 киота и 54 ризы на иконы, 152 запрестольных и выносных креста, 434 хоругви, 685 колоколов, 324 лампы и проч., учреждено 107 церковно-приходских школ, несколько богаделен и приютов как памятников благодарной народной молитвы за спасение государя и его семьи. Кроме того, во многих сёлах открыты общества трезвости и народные библиотеки, закрыты питейные заведения и т. п. В Петербурге на добровольные пожертвования изготовлена драгоценная плащаница, которая отправлена к святому Гробу Господню с тем, чтобы там ежегодно 17 октября совершалось молебствие о благоденствии царской семьи и Русского государства.

Свято-Андреевским скитом, находящимся на Афонской горе, сооружён в Петербурге на Песках храм в память этого события. Невдалеке от места крушения Харьковским Святогорским монастырём основана обитель Спасов скит, быстро разросшаяся и привлекающая множество богомольцев. На железнодорожном пути, в одной версте от места крушения, создана полустанция Спасовка.

Конец 1888 года ознаменовался выпуском «повестки» — официального приглашения в Зимний дворец на бал.

Вообще-то Зимний дворец Александр III не любил. Не любил со времён бытности ещё цесаревичем. Здесь он видел смертельно раненного отца. Помнил император и о взрыве 1880 года, а значит, не чувствовал себя здесь в безопасности. Жизнь в Аничковом дворце, а затем в Гатчине его устраивала.

Тем не менее Зимний дворец продолжал оставаться главной императорской резиденцией. И поэтому по протоколу в главных залах Зимнего дворца проходило множество официальных мероприятий, на которых обязан был присутствовать император. По его указу парадные залы дворца были открыты для экскурсий, которые устраивались для гимназистов и студентов.

С 1882 года после телефонизации помещений Зимнего дворца там был сооружён водопровод, так как до этого все пользовались рукомойниками. На Рождество 1885 года в залах Зимнего дворца было опробовано электрическое освещение. Поскольку демонстрация освещения широкой публике прошла удачно, немедленно начались работы по монтажу проводки в Николаевском зале и Аванзале.

В 1887 году Александр III согласился устроить в Зимнем дворце Собственную половину. Там он мог бы останавливаться во время приездов в Зимний дворец. Поскольку, по традиции, дети не трогали половин своих умерших родителей, то за основу половины Александра III использовались бывшие комнаты его младшего брата великого князя Алексея Александровича.

В результате ремонтных работ новую императорскую половину оборудовали в течение года.

К окончанию ремонтных работ газовое освещение постепенно заменялось на электрическое. Для этого в малом дворе здания Нового Эрмитажа построили электростанцию, которая в течение пятнадцати лет являлась крупнейшей в Европе. Просуществовала же она вплоть до 1945 года, после чего её разобрали.

К 1888 году половина императора Александра III в Зимнем дворце включала в себя пятнадцать комнат: Переднюю, Проходную первую, Проходную вторую, Проходную третью, Уборную Его величества, Уборную и

Ванную, Кабинет, Гостиную угловую, Гостиную вторую, Библиотеку, Гардероб, две проходные комнаты за гардеробом, Дежурную и Буфет. Располагались все эти комнаты на третьем этаже северо-западного ризалита дворца, причём их бóльшая часть выходила окнами на Неву. Из них открывался вид на Петропавловскую крепость и стрелку Васильевского острова за зданием Биржи и Ростральными колоннами.

На половине Александра III находился и «Собственный Их величества подъезд», который выходил на Неву. Через этот подъезд 31 декабря 1888 года император впервые после обустройства Собственной половины приехал в Зимний дворец. Приехал на бал, которым должен был открыться новый, 1889 год.

В «повестке» на новогодний бал говорилось:

«От двора Его Императорского величества объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, гофмейстерам, фрейлинам, господам придворным и всем ко двору приезду имеющим. Его Императорское величество высочайше повелеть соизволил: в будущее воскресенье, 1-го числа января 1889 года, в день наступающего Нового года и празднования рождения Его Императорского высочества великого князя Алексея Александровича, иметь приезд в Зимний Его Императорского величества дворец к Божественной литургии и для принесения поздравлений Их Императорским величествам и Их Императорским высочествам знатным обоего пола особам, гвардии, армии и флота генералам, штаб-и обер-офицерам, губернскому и уездным предводителям дворянства С.-Петербургской губернии, господам чужестранным послам и посланникам, также с.-петербургскому городскому голове, российскому и иностранному почётному купечеству, и прибыть: российским в 11, а чужестранным послам и посланникам в 12 часов дня. Дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме; собираться же особам, имеющим вход за кавалергардов, — в Концертном зале, военным генералам, штаб- и обер-офицерам — в Николаевском зале и Аванзале, чужестранным послам и посланникам — в зале Петра Великого, городским дамам и гражданским чинам — в Гербовом зале, городскому голове и купечеству — в Фельдмаршальском зале.

Кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозванного имеют на себе цепь сего ордена. 27 декабря 1888 года».

Тёплые взаимоотношения с художниками, в том числе художниками-передвижниками, у Александра III сложились ещё в то время, когда он был цесаревичем. Александр III считал, что передвижники — творцы национальной школы, и потому взял их под свою опеку.

Товарищество передвижных художественных выставок, возникшее в 1870 году, бросило вызов академическому искусству. Между Академией художеств и передвижниками были очень сложные взаимоотношения, и, казалось бы, Александру III «положено» было стать на сторону академиков, но... «Симпатии к новой русской школе, — отмечал искусствовед и художественный критик Адриан Викторович Прахов, — наконец, привели к тому, что государь совершенно самостоятельно, решительно и открыто стал на сторону “передвижников”, в те поры ещё боровшихся под знаменем самостоятельности русского искусства, отождествляя её с принадлежностью к реализму».

В 1871 году начались регулярные выставки передвижников и Александр Александрович сделался неперменным посетителем вернисажей. Русская реалистическая школа живописи ему была близка и понятна.

Об одном из таких посещений выставки вспоминал Иван Николаевич Крамской: «...В субботу прошлую приехал и государь с императрицей, приехал из Академии. Был весел, милостив, разговаривал, смеялся, очень доволен, смотрел картину Репина, благодарил, купил 6 картин и, уезжая, сказал следующие замечательные слова: “Как жаль, что я к вам всё поздно попадаю на выставку, всё хорошее раскуплено. Скажите, когда ваша выставка открывается обыкновенно?” — “На первой неделе поста, в воскресенье...” — “Надо будет на будущий раз устроить так, чтобы я мог приехать к началу. Благодарю вас, господа, прощайте...”

Итак, дело, очевидно, так и должно оставаться. Государь император, вероятно, имеет свои мысли, когда он с нами так разговаривал. Мы же все были настроены так, что ждали, как бы государь не выразил неудовольствия, что его заставляют ездить в два места... И вдруг! Словом, посещение государя, которого я ждал, осветило мне иную перспективу, чем я думал...»

Александр Николаевич Бенуа писал: «Во время посещений царём наших (столь безобидных) выставок он умел показать другую сторону своей личности. Он становился

тем любезным, внимательным, вовсе не суровым, а скорее благодушным человеком, каким знали Александра III его семья, ближайшие царедворцы и дворцовая прислуга. Поражали его чрезвычайная простота, абсолютная непринуждённость, абсолютное отсутствие какой-либо “позы” (позы властелина)».

Традиционными стали не только посещения им выставок вместе с Марией Фёдоровной, но и покупки картин. Несмотря на свою крайнюю бережливость, Александр III никогда не жалел баснословных по тем временам сумм на покупку картин самых дорогих и модных в то время художников — Айвазовского, Семирадского, Брюллова, Федотова. Но он покупал работы не только известных мастеров, но обязательно и понравившиеся картины начинающих художников, пополняя коллекцию современного искусства.

Со временем установилась даже традиция на выставках передвижников: не продавать никаких работ до приезда Александра III.

На выставке передвижников в 1888 году Павел Михайлович Третьяков купил десять холстов, а император Александр III — пять. В следующем, 1889 году на 17-й выставке передвижников Павел Михайлович Третьяков приобрёл две картины, а императорская семья — двадцать семь.

Император приказал снять со стен во дворце в Царском Селе все произведения западных художников и заменил их работами русских живописцев.

В свидетельствах современников немало написано о том, что император на самом деле понимал искусство и мог разбираться в его направлениях. Историк русского искусства Адриан Викторович Прахов, лично знавший императора, писал: «Не было вещи, мимо которой государь прошёл бы вскользь. Как любитель, он желал всё пересмотреть и, любуясь, делал свои замечания и зачастую поражал сопровождавших его лиц меткостью определения и памятью на художественные произведения... Сопровождавшие его художники чувствовали, что среди них человек, весь открытый для искусства, ценящий художника и потому относящийся к нему с неподдельною деликатностью. Это трогало. Если императору что-либо нравилось, то, посоветовавшись с императрицей, государь с изысканной деликатностью спрашивал: “Могу ли я купить эту вещь?”

Личная заинтересованность императора искусством с годами приобретала государственные черты и стала оказывать влияние на события современной художественной

жизни. Император основал специальный фонд помощи художникам и их семьям, получивший название «Капитал императора Александра III для пособия нуждающимся художникам, их вдовам и сиротам».

Александра III давно увлекала мысль создать большой музей национального искусства.

Ещё в 1883 году император высказал мысль о создании такого музея в Санкт-Петербурге.

Алексей Петрович Боголюбов в своих «Записках моряка-художника» приводит разговор, который состоялся в 1883 году между ним и Александром III: «Его величество сам вдруг сказал мне: “А ваши товарищи-передвижники всё перекочёвывают из одного городского зала в другой с тех пор, как Исаев (конференц-секретарь Академии художеств. — А. М.) их выжил из академии. А потому я часто и серьёзно думаю о необходимости создания в Петербурге Музея русского искусства. Москва имеет, положим, частную, но прекрасную галерею Третьякова, которую, я слышал, он завещает городу. А у нас ничего нет».

Идея создания музея, в стенах которого могли бы соединиться как работы мастеров Императорской академии, так и новых, так называемых оппозиционных художников-передвижников, — в этом и видел император свою задачу. Александр Николаевич Бенуа писал: «Александр III покупал для себя и для музеев произведения часто большого значения и большой стоимости, вещи, мимо которых просто нельзя было пройти, не заметив их значимости. Из приобретений Александра III составилась, как известно, музей, носивший его имя».

Император выступал за единство и целостность в любом деле. Поэтому Александр III и как коллекционер, и как меценат делал заказы и ветеранам Академии художеств, и передвижникам.

А в 1889 году Александр III после 17-й выставки сделал совершенно неожиданный шаг. Он привлёк Товарищество к реорганизации той самой академии, стены которой художники с возмущением покинули почти тридцать лет назад.

Пять передвижников, и среди них Илья Ефимович Репин, Архип Иванович Куинджи и Григорий Григорьевич Мясоедов, вошли в правительственную комиссию по разработке нового устава.

Илья Репин, Иван Шишкин и Архип Куинджи стали профессорами, и ещё двенадцать передвижников вошли в академический совет.

Поэт и публицист Александр Владимирович Жиркевич, близкий друг И. Е. Репина, записал в дневнике: «Репин рассказал мне подробности представления государю конференц-секретаря Академии художеств графа И. И. Толстого вчера на Академической выставке. Согласно рассказу Репина государь на этой встрече начал разговор так: “Вам предстоит трудная задача поднять Академию. Ваш предшественник был мошенник, в Академии всё было основано на мошенничестве, почему я и не любил посещать выставки в Академии, где приходилось сталкиваться с этой личностью, которую я давно бы выгнал из Академии, если бы не великий князь Владимир...” Речь шла о бывшем конференц-секретаре Академии художеств П. Ф. Исаеве, сосланном в Сибирь за хищения».

По словам Репина, Александр III долго беседовал с Иваном Ивановичем Толстым об устройстве академии и выразил твёрдое желание, чтобы уничтожилась рознь между академистами и передвижниками. «Я не могу выносить этого раскола и прошу вас уничтожить его. Да и какой раскол может быть в сфере искусства?»

Первым шагом к реформе послужил опрос художников и лиц, «сведущих в искусстве». От имени президента академии были разосланы приглашения с просьбой сообщить своё мнение о том, как реформировать академию. Свод этих мнений составил два печатных тома.

По инициативе императора была высочайше утверждена комиссия для составления устава. Некоторых её членов государь назначил лично, список прочих был представлен ему на благоусмотрение. Также был учреждён институт почётных и постоянных членов академии, компетентных в области изобразительного искусства.

По распоряжению императора была создана Высшая художественная школа с совершенно обновлённым составом профессоров, свободными мастерскими и свободным конкурсом для получения наград. Александр III лично утверждал профессоров, руководителей мастерских. Среди них были А. И. Куинджи, В. Е. Маковский, И. Е. Репин, И. И. Шишкин и др.

В академический устав по предложению императора был включён параграф о развитии монументальной живописи.

Академия художеств была полностью реорганизована; живописцам разрешили свободно выбирать темы для своих произведений; преподавание в классах стало более независимым, а гражданские чины были отменены.

Круг замкнулся: то, что начиналось как разрыв с традициями, само превратилось в традицию. Прошло совсем немного времени, и бывшие бунтари заняли высшие посты в академии.

Большое внимание уделял император развитию в стране прикладного художественно-промышленного искусства. Он считал, что прикладное искусство — «рассадник художественного вкуса и основание для художественного развития вообще». Первый губернский Художественно-промышленный музей в России был открыт в городе Саратове благодаря покровительству императора.

Развитие художественной промышленности и преобразование императорских фарфоровых и стеклянных заводов также были под пристальным вниманием монарха. В короткие сроки было произведено техническое переоснащение заводов, сотрудники которых прошли стажировку на мейсенском, севрском и берлинском заводах, что дало возможность выйти за короткий срок на европейский уровень производства.

Нарвская встреча

В конце июня 1890 года всей семьёй совершили традиционный летний морской круиз по северу Балтийского моря на яхте «Царевна». Несколько дней провели на Аландских островах, а затем отправились на дачу в Лангинкоски. И вернулись с севера домой в Гатчину по балтийским волнам на яхте.

А вот в августе на юг, точнее, к южным берегам Балтики, в Нарву, отправились на поезде.

В Нарве должна была состояться встреча Александра III с германским императором Вильгельмом II, занявшим престол в июне 1888 года. Ко времени нарвской встречи Вильгельм II отправил в отставку Бисмарка, так как внешняя политика Германии в первые два года нового царствования была сильно ограничена личным влиянием «железного канцлера».

Ко времени воцарения Вильгельма II уже начали определяться два противостоящих друг другу блока в Европе: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), с одной стороны, и Россия с Францией — с другой.

Вокруг расстановки сил в Европе шла сложная дипломатическая борьба, причём особую активность проявляла Германия с молодым императором Вильгельмом II. Встре-

ча в Нарве и должна была прояснить позиции двух стран и, если возможно, сблизить их.

4 августа 1890 года Александр III и Мария Фёдоровна с многочисленной свитой на императорском поезде прибыли в Нарву.

Для их приёма была сооружена специальная железнодорожная платформа с башней в русском стиле, украшенной резьбой. Императорскую чету встречали на этой платформе великий князь Сергей Александрович, государственный секретарь Александр Александрович Половцев и ещё ряд высших сановников, в том числе петербургский губернатор граф Сергей Александрович Толь, командиры полков, нарвский городской голова Александр Иванович Свинкин с представителями городской управы, депутация от купеческих гильдий и почётных лиц города. Городской голова, представители цехов и фабричных рабочих преподнесли императору хлеб-соль. Императрице же были подарены цветы.

После этого Александр III, Мария Фёдоровна и сопровождающие их лица отправились на расположенную близ города в парке дачу государственного секретаря А. А. Половцева, к которой была проложена прямая дорога с платформы.

Дача Половцева и стала местом пребывания российского и германского императоров. По описаниям современников, это была роскошная двухэтажная дача с великолепной обстановкой, с массой цветов и верандой с тепличными растениями. Дорога к даче освещалась электричеством, что ещё было в новинку, и «иллюминирована газом». На дороге были возведены три красивые триумфальные арки.

На первом этаже должен был разместиться германский император с принцем Генрихом Прусским, а на втором этаже — Александр III с императрицей и дочерью — великой княжной Ксенией Александровной. В домиках в парке были поселены прочие «высокие особы». Великий князь Владимир Александрович разместился в домике против нарвского водопада.

Вечером 4 августа Нарвское общество любителей пения устроило факельное шествие к даче и исполнило несколько песен для высоких гостей.

Вильгельм II прибыл на своей яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении крейсера «Ирене» в город Ревель в воскресенье, 5 августа, днём. Встречать его отправились великие князья генерал-адмирал Алексей Александрович и Владимир Александрович. Из Ревеля вместе с Вильгельмом II они поехали в Нарву на поезде.

Пока великие князья ездили в Ревель встречать Вильгельма II, Александр III побывал на богослужении в Преображенском соборе. Оттуда он отправился «по разукрашенным и наполненным народом городским улицам к месту закладки нового православного храма, сооружаемого Товариществом Кренгольмской мануфактуры» — величественного Воскресенского кафедрального собора. Торжественная закладка храма была приурочена к его приезду.

Закладка была совершена преосвященным Арсением, епископом Рижским и Митавским. Помимо императора Александра III, присутствовали императрица Мария Фёдоровна, а также великая княгиня Ксения Александровна, великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Фёдоровна, великие князья Николай Николаевич Старший и Александр Михайлович и многие другие высокопоставленные лица. Первый камень в фундамент положил сам император Александр III.

После окончания торжественной церемонии все отправились на речную пристань. Там стояла императорская яхта «Александрия». На ней поехали в Гунгербург (Усть-Нарву), «где на пожертвования местных жителей сооружался православный храм во имя святого князя Владимира».

На причале Усть-Нарвской пристани императора встречали эстляндский губернатор Сергей Владимирович Шаховской, главный инспектор пограничной стражи и другие лица. От пристани до холма, на котором должна быть сооружена церковь, был проложен помост. Вдоль него шпалерами разместились дети с цветами в руках. Тут же стояли волостные и сельские старшины, депутация от эстонских крестьян, которые преподнесли императорской чете хлеб-соль и древности, найденные при раскопках.

Александр III направился к месту закладки храма по осыпанному цветами помосту при пении гимна. На холме состоялось молебствие, и вслед за тем император «положил монету и первый камень, затем положили камни Её величество и прочие августейшие особы». После этого все отправились на яхте в обратный путь в Нарву.

Вечером 5 августа всё на той же временной платформе Нарвы состоялась торжественная встреча прибывшего из Ревеля германского императора. Любопытно, что Александр III был в прусской военной форме, а Вильгельм II — в русской.

В торжественном приёме приняли участие все приехавшие великие князья и российские министры. Вместе

с Вильгельмом прибыл также германский канцлер генерал Георг Лео граф фон Каприви, выполнявший и обязанности министра иностранных дел.

Вечером же состоялся обед в честь германского императора. После него гости направились на квартиру великого князя Владимира Александровича, «где на террасе пили чай, во время которого над водопадом было устроено освещение бенгальскими огнями. Там члены немецкого общества пения исполнили несколько номеров своих песен, а после них пел русский хор, составленный из детей и служащих на Кренгольмской мануфактуре». Императоры возвратились на свою резиденцию на даче Половцева уже за полночь.

6 августа с утра напротив дачи Половцева состоялся парад лейб-гвардии Преображенского полка, частей гвардейской артиллерии и некоторых других подразделений. К этому времени в Нарву уже съехались все высокопоставленные участники встречи. Российскую сторону, помимо Александра III и императрицы, представляли: наследник престола цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович, генерал-фельдмаршалы Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич, Константин Константинович (президент Академии наук, известный поэт), Николай Николаевич Младший, Александр Михайлович, герцог Лейхтенбергский и принц Александр Петрович Ольденбургский, а также министры — военный, Императорского двора и иностранных дел. В императорскую свиту входили также великая княжна Ксения Александровна, великие княгини Мария Павловна (супруга Владимира Александровича) и Елизавета Фёдоровна (супруга великого князя Сергея Александровича).

Германская сторона была не столь многочисленна, но тоже весьма представительна.

Парадный церемониал начался по традиции с молебствия, после которого войска прошли церемониальным маршем перед императорами. Александр III и Вильгельм II проехали к бивуаку преображенцев. Затем в большой палатке состоялся завтрак, на который были приглашены свиты обоих императоров, командиры и офицеры частей, участвовавших в параде. За завтраком играли оркестры Преображенского полка и 1-й гвардейской артиллерийской бригады. Императоры поднимали тосты за здоровье друг друга и за благоденствие «дружеских держав».

В тот же день состоялись народные празднества для рабочих нарвских мануфактур с выступлениями хоров, песельников и фокусников.

В четыре часа дня императоры и сопровождающие их лица посетили Ивангородскую крепость, где во дворе был построен лейб-гвардии Семёновский полк. В Ивангороде они осмотрели церковь Успения Божией Матери. Затем монархи посетили ратушу, дворец Петра Великого, после чего возвратились на дачу Половцева.

Императрица Мария Фёдоровна на обратном пути побывала в богадельне Орлова в ивангородском форштадте. Наследник престола Николай Александрович с принцем Генрихом Прусским присутствовал на учении Преображенского полка.

7 и 8 августа императоры со свитой выезжали на большие манёвры российской армии под Ямбургом. Во время нарвско-красносельских манёвров гренадерские сапёры навели мост через реку Луту. И на глазах двух императоров они этот мост подорвали.

9 августа с утра монархи со свитами осматривали Суконную и Льнопрядильную мануфактуры, а Мария Фёдоровна с великой княжной Ксенией Александровной в сопровождении петербургского губернатора посетили нарвские мужскую и женскую гимназии. Вильгельм II принимал в парке дачи Половцева делегации от германских обществ из Ревеля, Нарвы, Петербурга и Москвы.

Министр иностранных дел России Николай Карлович Гирс и рейхсканцлер Георг Лео фон Каприви, как, впрочем, и императоры, вели все эти дни также дипломатические переговоры, суть которых не до конца понятна. По крайней мере, дальнейшие исторические события показали, что они особенно не смягчили противоречия между двумя государствами.

В тот же день, 9 августа 1890 года, прошли последние совместные мероприятия, и оба императора со свитами покинули Нарву.

От Гатчины до Владивостока

23 октября 1890 года с раннего утра Гатчинский дворец был наполнен волнением и некоторой суетой, которые всегда случаются перед отъездом. А на этот раз предстояло необычайно длительное путешествие.

Волновались и тот, кто уезжал, и те, кто оставался. Но, конечно, все старались это волнение сдерживать.

Александр Александрович и Мария Фёдоровна отправляли в путешествие старшего сына — цесаревича Николая.

Событию этому придавалось огромное государственное значение, и путешествие готовилось долго и тщательно. Его разрабатывали представители Генерального штаба в постоянной координации с императором.

Александр III решил проложить Великую Сибирскую железную дорогу, и наследник Николай Александрович должен был лично присутствовать при начале строительства во Владивостоке.

Российская империя обладала колоссальной территорией. И две трети этой гигантской площади были слабо связаны со столицами и европейской частью России. Эту связь поддерживал единственный путь, соединявший Центральную Россию и Сибирь, — Сибирский, или Московский, тракт. Первая его часть шла от Тюмени через Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Култук на Байкале в Кяхту и далее в пределы Китайской империи, вторая — через Верхнеудинск и Читу по Забайкалью на Сретенск, расположенный на судоходной реке Шилке.

Сообщение по этому тракту было возможно только на лошадях и было крайне ненадёжным, медленным и дорогим. Даже правительственному курьеру, выехавшему из Санкт-Петербурга, требовалось тридцать четыре дня, чтобы достичь Иркутска. И это при непрерывной, круглосуточной езде со сменой лошадей. Кроме того, был ещё фактор погоды и времени года. Поэтому в мае 1887 года для решения судьбы дороги в Сибирь по указу императора было создано Особое совещание — в составе военного министра, министра путей сообщения и министра финансов под руководством председателя департамента государственной экономии Госсовета Александра Агеевича Абазы.

Через месяц, в июне того же 1887 года, Особое совещание приняло решение о проведении предварительных изысканий по большим участкам линии будущего Великого Сибирского пути. Изыскания были проведены, и Особое совещание доложило императору о возможности реализации казавшегося многим фантастического проекта — строительства самой протяжённой в мире железнодорожной магистрали.

Император хотел, чтобы строительство железной дороги происходило с двух концов одновременно. В этом была

яркая символичность не только для России, но и для всего мира. Для осуществления этого замысла Александр III и решил отправить на Дальний Восток своего сына, цесаревича Николая. Наследнику предстояло совершить невероятное путешествие — проплыть на Дальний Восток на военном корабле.

Водный маршрут начинался от берегов Средиземного моря из австрийского города Триеста. Там с конца сентября в ожидании цесаревича находилась русская эскадра в составе полуброненосных фрегатов «Память Азова», «Владимир Мономах» и канонерской лодки «Запорожец». Эскадра пришла в Адриатическое море, поскольку было опасение, что Турция могла отказаться пропустить русскую эскадру из Чёрного моря через проливы Босфор и Дарданеллы.

До Триеста наследнику предстояло добираться через Варшаву и Вену. В Триесте к Николаю должен был присоединиться его младший брат — восемнадцатилетний великий князь Георгий Александрович, служивший на «Памяти Азова» мичманом. Далее их совместный маршрут путешествия пролегал через Грецию, Египет, Красное море, Аден, Индийский океан, Индию, Цейлон, Сиам, Яву, Сингапур, Китай, Японию и обратно через бескрайнюю Сибирь.

В русской истории это была первая поездка сына императора в отдалённые от России страны мира. Более того, и в мировой истории путешествий высочайших особ плавание Николая Александровича на тот момент не имело аналогов.

Помимо познавательных целей, Николай, по замыслу отца, императора Александра III, должен был установить личные отношения с царствующими особами государств по маршруту путешествия. В течение всего путешествия цесаревича сопровождали пять человек: главный руководитель путешествия генерал-майор князь Владимир Анатольевич Барятинский, флигель-адъютант князь Николай Дмитриевич Оболенский, князь Виктор Сергеевич Кочубей, Евгений Николаевич Волков. Для написания книги о путешествии был прикомандирован чиновник Министерства внутренних дел князь Эспер Эсперович Ухтомский. За границей к свите цесаревича должны были присоединиться художник Николай Николаевич Гриценко, военно-морской врач Владимир Константинович фон Рамбах и контр-адмирал Владимир Григорьевич Басаргин, который будет сопровождать цесаревича по Сибири.

Так 23 октября 1890 года Гатчина стал отправной точкой почти кругосветного путешествия.

После молебна все отправились на железнодорожную станцию. Император Александр III с императрицей вошли в вагон вместе с сыном. Они решили проводить престолонаследника до ближайшей станции — Сиверской.

Дорога от Гатчины до Сиверской заняла несколько минут. В Сиверской отец и мать попрощались с Николаем, который обещал телеграфировать о ходе своего путешествия. Ну и, конечно, писать письма.

Сын выполнял своё обещание, и телеграммы приходили из Варшавы, Вены, Триеста и Афин, где пришлось немало задержаться у крёстной матери цесаревича Ольги Константиновны и её мужа короля Греции Георга I. Александр III и Мария Фёдоровна внимательно отслеживали по карте маршрут движения путешественников.

29 октября 1890 года Александр Александрович написал сыну первое письмо:

«Мой милый Ники, очень, очень грустно было прощаться с тобою и знать, что на такое долгое время мы будем в разлуке. Как грустно было возвращаться в Гатчину, как пусто было дома и как наша прогулка по парку с милым Вороном была не весела в этот день. Ворон всякий день гуляет с нами и иногда приходит к Мама́ и лежит в её комнатах, но видимо, он скучает и не весел.

Много думали мы о тебе, как было тебе тяжело в Вене, совсем одному и с тяжёлыми любезностями Императора и Эрц Герцогов, хотя, действительно, по всему видно, что они старались быть чрезвычайно милы, но для начала, я думаю, это было тяжело и не весело. Охота наша в Четверг после твоего отъезда была очень удачная и погода тёплая 7° и тихо...

Мама́, Ксения и Миша приехали туда к нам под конец охоты верхом, но уже было довольно темно...

Сегодня в воскресенье после обедни представлялись люди вновь прибывшие в батальон от 3 Гвард. пехот. див. из Варшавы и всех трёх Гренадерских полков; отличный народ, а в особенности Эриванского полка все моей роты и огромного роста, чудный народ и Астраханские не большие люди, но все черномазые и замечательно красивый народ.

Гуляли мы с Мама́, Ксенией, беби Еленой Влад[имировной] и 3 Графинюшками Вор[онцовыми]. Миша с Владимировичами, Боба с Африканом отправились в охотн.

слободку к собакам и, конечно, к лисицам и волкам. Обед был воскресный в арсенале до 35 человек.

Продолжаю письмо сегодня 30 Окт[ября]. Владимир и Михень вернулись сегодня из Берлина и завтракали у нас. Собираемся завтра на охоту здесь же в окрестностях, но, кажется, будет холодно, начинает морозить и барометр страшно полез подыматься. Кроме обыкновенных охотников прибавятся: Владимир, и я пригласил ещё Кн. Шаховского, ком[андира] яхты “Полярная звезда” и Кап[итана] 1 ранга Елчанинова, оба хорошие охотники. Посылаю Жоржи ещё ящик с нашими Петергофскими грибами для Кают-компании офицеров “Азова”, надеюсь, что первые были уже съедены офицерством. Правда ли что их так плохо кормят на фрегате? Григорий Гр[игорьевич] очень не доволен, что Жоржи не осматривал достопримечательностей Греции и жаловался Мама́.

Мой искренний поклон В. Г. Басаргину, Кн. Барятинскому и Н. Н. Ломену. Сегодня больше писать не успею, ложусь спать раньше, завтра в 8 ч. уже выезжаем на охоту.

Крепко целую тебя и Жоржи, Христос с вами, мои милые! Всем Греческим мой поклон, а Т[ётю] Ольгу крепко обнимаю. Твой Папа́».

Следующее письмо Александр отправил сыну 20 ноября 1890 года, после получения весточки из Афин. Император писал:

«У нас, Слава Богу, всё идёт благополучно, по старому и полковые праздники, и завтраки, и воскресные обеды и проч. Гусарский праздник был блестящ, как всегда, все только сожалели твоё отсутствие.

Завтрак был в Александровском Дв[орце], и я пригласил ещё офицеров моего Кирасирского полка, так как их никогда не удаётся праздновать из-за нашей поездки в шкеры.

Был я в твоих комнатах в Ц[арском] С[еле]: всё в порядке и очень хорошо устроено. В тот же день мы были в Павловске у Дяди и Тёти, очень рады были нас видеть.

Д[ядя] Пиц и Али́х вернулись на той неделе и увезли к себе в Петербург свою душку беби. Д. Пиц окончательно оставляет Гусарский полк и скоро получит Конную Гвардию, и я уверен, что там пойдёт хорошо и что он будет страшно стараться, чтобы загладить свою неудачу в Гусарах. К сожалению, у него просто отвращение к полку, до того он оскорблён и просто зол на офицеров; это более чем грустно и весьма прискорбно.

Наши охоты прекратились из-за зимы, наступившей разом 1 Ноября, и морозы были сильные и с страшным ветром; у нас в Гатчине было до 22° ночью, а днём 18°, 19° и 20°. Убил я на той неделе рысь в самом зверинце (т. е. ремизе). Ездили на волков, но ушли, а сегодня сделали маленькие облавы в парке и убили 2 лисиц, 6 зайцев и 3 лани; были только Шереметев, Голицын и Диц, у которого, к его великому счастью, родилась дочь в Субботу 17 числа, и он назвал её Ксениею.

Яхта “Полярная звезда” вместе с новым спасательным пароходом Кронштадтского порта “Силач” вышли из Кронштадта 8 Ноября почти во льду и попали в жестокий N[ord]-O[st], шторм со снегом и мглой и пришли благополучно на другой день в Ревель, там будет яхта доканчивать работы. Приходится менять отопление и командные нужники, оказавшиеся не удачными и зловонными, и в жилой палубе было всего 2° тепла!

Яхта выдержала шторм хорошо и шла совсем сухая, а бедный “Силач” обмерзал порядком. Миша продолжает усердно охотиться за воронами и убил из монтекристо уже 5 штук и страшно ликует и горд.

Николаша на днях оставляет Гусарский полк и получает бригаду, а вместо него назначен Кн. Васильчиков из Нижегородского Др[агунского] полка. Нижегородский полк получает Флиг[ель] Адъют[ант] Бибииков. Вот тебе пока все новости и перемены, а теперь должен кончить. Мой поклон: Барят[инскому], Басаргину, Ломену и всем спутникам.

Обнимаю от души тебя и Жоржи; Христос с вами, мои дорогие! Скучно, пусто и всё не то без вас. Ворон тебе кланяется.

Твой Папа».

Рождественское и новогоднее письмо от отца Николай и Георгий получили уже в Индии.

Тревоги с дальних берегов

Вся семья императора, оставшаяся в Гатчине, с огромным вниманием читала письма, а по сути, отчёты Николая и Георгия о тропических приключениях в Индии, о посещении мавзолея Моголов, о неожиданной встрече на острове Цейлон с великими князьями Александром и Сергеем Михайловичами, прибывшими на остров поохотиться на сло-

нов, о совместной экскурсии вглубь острова и посещении кандийского храма с «зубом Будды» и о том, как цесаревич Николай посадил в саду города Коломбо железное дерево.

Но в конце января пришло сообщение, встревожившее всех. У великого князя Георгия Александровича случился приступ, врачи диагностировали туберкулёз и посоветовали вернуться на родину.

23 января 1891 года Георгий покинул борт броненосца «Память Азова» и перешёл на крейсер «Адмирал Корнилов», направлявшийся из Индийского океана в Россию.

На семейном совете в Гатчине вместе с медиками было принято решение, что Георгий должен остаться в Афинах у Ольги Константиновны и её мужа короля Греции Георга I. В Грецию из Петербурга будут отправлены специалисты, которые и примут решение о дальнейших действиях.

Александр III сообщил цесаревичу: «Мы посылаем к Джорджи в Афины специалиста по грудным болезням, которого я давно знаю как отличного доктора. Нет, к сожалению, никакого сомнения, что лихорадка происходит от бронхита, который тянется уже давно, а при таких условиях ему даже вернуться к нам нельзя будет до наступления тёплой погоды».

Вскоре из Афин в Гатчину пришло сообщение от врача, который констатировал у Георгия «значительное поражение верхней доли правого лёгкого спереди и особенно сзади». Мало того, было обнаружено присутствие туберкулёзных бацилл.

Поскольку главным методом борьбы с туберкулёзом считалось климатическое лечение, то было принято решение, что февраль Георгий пробудет в Афинах, а в марте поедет на несколько недель в Алжир. Из Алжира в мае 1891 года он должен будет отправиться в Палермо. Затем предполагалась поездка в Крым.

Тем временем путешествие цесаревича на Восток продолжалось. В Гатчину регулярно приходили сообщения из Индии, затем из Батавии, для посещения которой пришлось пересечь экватор и оказаться в Южном полушарии. Затем были Сингапур, Бангкок, Гонконг, Нанкин, Шанхай. 15 (27) апреля 1891 года эскадра русских кораблей под брейд-вымпелом цесаревича вошла сначала в Кагосиму, а затем в порт Нагасаки.

О том, что случилось 29 апреля с их сыном в японском городе Оцу, родители узнали из дипломатических депеш, а затем из прессы.

Министерство иностранных дел Российской империи 30 апреля получило от русского посланника телеграмму о покушении на жизнь наследника русского престола. Два часа спустя телеграмма была передана в Гатчину — Александру III. В ней сообщалось:

«Киото, 29 апреля (11 мая) 1891 года. Сегодня на улице, в г. Отсу, полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря Бога, неопасна. Его высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привёл всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел моё негодование».

Японские власти искренне стремились загладить свою вину. Японский император почти ежедневно сообщал в Петербург о здоровье наследника престола. Тем не менее российский посланник Дмитрий Егорович Шевич в телеграмме от 2 мая советовал отказаться от путешествия, предлагая вернуться во Владивосток:

«Вследствие того, что торжественность и оvationный до сих пор характер приёма здесь Цесаревича вызвали, по-видимому, ныне негодование со стороны фанатиков патриотизма, я считаю дальнейшее пребывание Его высочества в Японии небезопасным. К тому же сам Цесаревич расположен, кажется, через несколько дней отбыть во Владивосток».

4 мая в дипломатическую миссию в Японию пришла телеграмма от Александра III с приказом цесаревичу срочно отбыть в российский порт. А два дня спустя император писал сыну:

«6 Мая 1891 г.

От всей души благодарим Господа, милый, дорогой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил Тебя нам на радость и утешение. До сих пор ещё не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что всё это не сон, не отвратительный кошмар. Никогда не забуду, когда получил первое сообщение об этом ужасном происшествии, из японской телеграммы я узнал, в чём дело, потому что твоя, хотя и была первая, но в ней не было подробностей и мы не знали, в чём дело.

Боже, что это был за день; ждали с нетерпением телеграммы Барятинского и получили её только в 3 ч. дня,

тогда как твою уже получили в 8 ч. утра. Только после телеграммы Барятинского мы немного успокоились и, действительно, видели, что всё идёт хорошо и что ты бодр и лихорадки нет.

Как достаточно благодарить Господа, что Он тебя сохранил и что ты мог уже через день вернуться на фрегат к эскадре и быть снова посреди своих и дома! С каким нетерпением ждём мы первых писем от тебя и Барятинского с подробностями об этом происшествии, это ужасно, что кроме коротких, а иногда и не ясных телеграмм мы ничего раньше месяца не получим, а тут всякая мелочь, всякая подробность дорога и интересна. Что мы получили и продолжаем получать телеграммы, это ужасно и сочувствие огромное и искреннее, конечно, что касается до России. Что меня очень тронуло, это одна из первых телеграмм, которую я получил ещё в тот же вечер поздно от Адмирала Лазарева и всех офицеров 8 Флотского Экипажа, которые узнали из прибавления к “Правит[ельственному] Вестнику”, напечатанного и разосланного в тот же вечер. Даже раньше некоторых членов семейства моряки уже мне телеграфировали и в таких тёплых и искренних выражениях.

Я воображаю отчаяние Микадо и всех сановников японских, и как жаль для них, и все приготовления и празднества всё пропало и ни к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что благодаря всему этому, ты можешь начать твоё обратное путешествие скорее и раньше, Дай Бог, вернёшься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дожидаться этого не могу от нетерпения.

Ни о чём другом не могу сегодня писать, так мы за эти дни мучились и беспокоились. Следующее письмо, надеюсь, будет для тебя интереснее, а теперь от всей души обнимаю тебя, милый, дорогой Ники, и вместе с тобой ещё и ещё раз благодарю Господа, спасшего тебя и сохранившего тебя нам и России!

Сегодня день твоего рождения, а я так увлёкся, что и не поздравил тебя, но всё письмо — поздравление и благодарение Всемогущего за все Его милости! Христос с тобою, мой дорогой Ники! (Истинно Он был с тобою!)

Твой Папа».

Отплыл 7 (19) мая из Кобэ, цесаревич 11 (23) мая прибыл во Владивосток.

Закладка Великого Сибирского пути, как и планировал Александр III, состоялась 19 мая 1891 года.

В феврале 1891 года, когда цесаревич ещё плыл к берегам Дальнего Востока, император Александр III и Комитет министров после почти трёхлетнего обсуждения и доработок приняли окончательное решение о будущем Сибирского рельсового пути: а) сибирская железная дорога должна строиться сплошной, непрерывной; б) строительство начнётся одновременно с обеих сторон — с запада от Миасса на Челябинск и с востока от Владивостока до Хабаровска; в) вся дорога будет сооружена казной.

В императорском указе повелевалось «приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений...».

Но ещё до закладки Великого пути Александр III отправил цесаревичу Николаю Александровичу очередное письмо:

«Гатчина. 16 Мая 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за милое и интересное твоё письмо, написанное 1 Апреля в Жёлтом море, которое я получил сегодня, т. е. вчера, так как теперь уже 2 часа ночи.

Слава Богу, что известия о твоём здоровье так утешительны, и как мы счастливы и радуемся, что ты уже во Владивостоке, т. е. в России. Что за радость будет, если тебе удастся приехать в Петербург раньше, чем предполагалось, и я рассчитываю, что ты можешь быть обратно ранее 10 днями. Я рад, что и ты и все военные Приамурского края довольны твоим назначением шефом 1 стр[елкового] В[осточно]-С[ибирского] батальона, телеграфировали: Бар[он] Корф, командир бригады и наконец батальонный командир и все благодарят за назначение.

Жаль, что не удалось сделать парад и отслушать молебен в лагере из-за дурной погоды, а у нас просто прелесть что за погода, 22° в тени, и мы таем, в особенности в комнатах, но зато гулял я сегодня 2 часа и потел как мышь. В Москве доходит до 27°, и Сергей пишет, что в городе невыносимо.

Мы собирались с Мама́ и Ксениею ехать в Москву 14 Мая и день коронации быть в Успенском на молебне, но у бедной Мама́ сделался такой страшный флюс, что пришлось отказаться ехать, как предполагали, и теперь надеемся, что можно будет выехать в ночь с 16 на 17 число. Хотим

посмотреть Французскую и Азиатскую выставки, сделать смотр Московскому гарнизону и пробыть 3 дня, а потом я возвращаюсь в Гатчину, а Минни с Ксенией отправляются в Крым встречать Жоржи. К сожалению, из-за массы дел я не могу с ними ехать и вообще нахожу, что Жоржи можно бы прямо ехать сюда, но эскулапы, конечно, должны сочинять своё и решили, что ему нужно провести 2 недели на Эрикликке до возвращения на север. В Крыму теперь они все будут умирать от жары и пользы от этого мало. Мама надеется пойти на “Адмирале Корнилов” из Севастополя в Ялту и радуется этому.

“Полярная Звезда” отправилась теперь в пробное плавание в Атлантический океан и будет ждать свежей погоды, чтобы хорошенько покачаться в Бискайской бухте.

На Фоминой неделе яхта ходила на испытание механизмов и сделала переход в 400 миль из Ревеля кругом острова Готланда и обратно в Ревель; имела свежий N[ord]-O[st] ветер с большим волнением, и Кн. Шаховской пишет, что очень доволен яхтой и машина работала без остановки, а средняя скорость 16 узлов, но доводили до 17. Яхта легко всходит на волну, почти не принимает брызг, а боковая качка до 11° крена. Посмотрим, что даст дальнейшее испытание.

Сандро и Сергей много рассказывают про своё путешествие, и оба очень довольны плаванием на “Тамаре” Они привезли мне чудный большой слоновый клык весь в резьбе и красивого рисунка.

Получил сегодня письмо от Жоржи из Палермо перед уходом оттуда. На него известие о твоём происшествии сделало огромное впечатление, и Алышевский писал, что это продолжалось двое суток, он дурно спал и температура сейчас же поднялась; он беспокоился, что ему не всю правду телеграфировали и что ты опасно ранен, и успокоился окончательно, получив твою телеграмму. Сегодня он уже в Дарданелах.

Теперь пора кончить письмо. Мой сердечный поклон Барятинскому и Басаргину, а тоже и Бар[ону] Корфу. Поклон всем спутникам. Крепко целую тебя, милый Ники, счастливого пути. Христос с тобою, мой дорогой!

Твой Папа».

Прежде чем Николай Александрович собственноручно наложил землю в тачку и отвёз её на полотно будущей железной дороги, был зачитан рескрипт императора Александра III цесаревичу:

«Ваше Императорское Высочество. Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою, по вступлении вновь на русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока. Вместе с этим возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки, разрешённого к сооружению за счёт казны и непосредственным распоряжением правительства, Уссурийского участка великого сибирского рельсового пути.

Знаменательное участие Ваше в начинании предпринимаемого дела послужит полным свидетельством душевного Моего стремления облегчить сношения Сибири с прочими частями Империи, и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, живейшее Моё попечение о мирном его преуспевании. Призываю благословение Господа на предстоящий Вам продолжительный путь по России.

*Пребываю искренно Вас любящий
АЛЕКСАНДРЪ».*

Затем состоялась закладка железнодорожной станции Владивосток. Цесаревич собственноручно вмонтировал в закладной камень специальную доску с текстом:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето от Рождества Христова 1891, месяца мая 19, в благополучное царствование Его Императорского Величества Государя Императора Самодержца Всероссийского Александра III в г. Владивостоке заложен сей первый камень строящегося конечного участка Сибирской железной дороги (Уссурийской дороги) Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем, в присутствии Его Королевского Высочества принца Георгия Греческого, при управлении Министерством путей сообщения статс-секретарём А. Я. Гюббенет, Приамурском генерал-губернаторе бароне Корфе, при председателе временного управления казённых железных дорог генерал-лейтенанте Н. П. Петрове, губернаторе Приморской области генерал-майоре П. Ф. Унтерберgere и при начальнике работ Уссурийской железной дороги инженере коллежском советнике А. И. Урсати».

Это событие имело широкую огласку. Всего три месяца назад Александр III официально объявил о начале уникального проекта — прокладки восьмистычекилометровой железной дороги через азиатскую часть России. Проект

был оправданным и просчитанным со стратегической и экономической точек зрения, однако в некоторых кругах России, как и за границей, существовали и его противники. Но император не зря привлёк к этому проекту наследника престола. Это была своего рода демонстрация того, что император хочет довести дело до конца.

Не менее определённо император выразил своё намерение и 13 (25) июля 1891 года. Двумя днями ранее к рейду Кронштадта подошла расцвеченная яркими флагами и вымпелами французская эскадра под командованием адмирала Альфреда Жерве. Император Александр III лично посетил эскадру.

Визит французских моряков был не просто дружественным актом. Это был зримый шаг на пути оформления русско-французского союза. Этот союз, а по сути военнополитическое соглашение, противостоял Тройственному союзу — военно-политическому блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии. Ибо к этому времени Германская империя начала предъявлять претензии на господство в Европе. Германо-французские и германо-российские отношения обострялись.

Огромное впечатление на современников произвело то, что император Александр III с обнажённой головой прослушал исполнение французского национального гимна «Марсельеза».

В своей памятной книжке царь оставил лаконичную запись: «...июль 13. В 9 ч. утра отправились на “Царевне” в Кронштадт под моим и греческим штандартом... Прошли всю линию французов и нашу. Были на двух фр. Magengo и Magsean. Завтрак на 100 человек на “Державе”. В 3 1/2 вернулись на “Царевну”...»

На следующий день император писал сыну Николаю:
«14 Июля 1891 г.

Мой милый Ники, благодарю тебя от души за твоё интересное письмо об твоём пребывании в Владивостоке и путешествии по Амуру. Воображаю, как много интересного и необыкновенного ты увидел за всё это длинное и утомительное путешествие через Сибирь; не многим посчастливится сделать подобное путешествие! Какая радость, что с каждым днём ты всё подвигаешься ближе к нам, и с каким нетерпением мы все ждём тебя обратно домой. Про наше чудное плавание по шкерам ничего не пишу тебе, так как Мама́ и Ксения писали тебе целые брошюры и ты всё знаешь. Погода была такая великолепная и до того мы наслаж-

дались нашим пребыванием на “Царевне”, как никогда не было. Вообще нынешнее лето что-то совершенно необыкновенное, погода идеальная, — и мы так втянулись в жару, что нам нипочём 24°

Воспоминание командования моего, 25 лет назад, Преображенским полком отпраздновали в Петергофе. В 11 ч. парад у большого Дворца, там же в саду кругом фонтанов был устроен солдатский обед. Потом в Дворце принял всех офицеров и бывших Преображенцев, которые поднесли мне прелестный образ, и я им сказал маленький спич. После этого большой завтрак с тостами. Обедали в этот день у Ежени и Алека, которые пригласили всех офицеров, бывших в моё время в полку, набралось нас человек 20 и мы праздновали Преображенцев до 12 ч. Сижа приехал нарочно из Москвы на этот день и наслаждался и увлекался вполне со своими Преображенцами.

Сегодня мы были в Кронштадте на французской эскадре и посетили Адмиральский Корабль “Маренго” и новый колоссальный броненосец “Марсо” Потом мы кормили завтраком на “Державе” всех французов и наших моряков. Вся практическая эскадра стоит теперь на большом рейде против Французской и наши рейды оживились. Ночевали мы на “Царевне” и на ней прошли в Кронштадт и обошли обе линии под Греческим и моим Штандартами. Жаль, что тебе не удалось видеть Франц. эскадру, суда очень интересные, чисто содержаны, команды красивые и щегольски одетые, и все суда кричали ура, как наши, снимая фуражки, что они никогда не делают. Погода была дивная и жаркая.

Скажи Барятинскому, что я его очень благодарю за последнее письмо, тоже с Амура. Теперь пора спать уже 2 ч. ночи, крепко и от души обнимаю тебя, мой милый Ники, и желаю продолжения до конца счастливого путешествия. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папá.

Поклон всем спутникам.

Ворон тебе лает и ожидает с нетерпением».

Россия во главе с Александром III радушно встречала французских моряков. Торжества продолжались почти две недели, и все выражали искренние и глубокие симпатии французским гостям. После Петербурга посланцы Франции побывали в Москве, где была открыта французская выставка, главным организатором которой стал бывший министр иностранных дел Эмиль Флуранс, «превративший дело франко-русского сближения в свою, так сказать, вторую профессию».

Выставку в Москве посетил и Александр III, во время приезда которого вместе с французскими гостями Первопрестольная блистала радушием и гостеприимством.

Не меньшее впечатление кронштадтские торжества произвели в самой Франции, народ которой с величайшим энтузиазмом и восторженностью воспринимал вести из России. Многие французы считали 1891 год переломным в судьбе их страны. И считали вполне справедливо.

27 августа 1891 года русско-французский союз был окончательно оформлен: обе страны договорились о немедленных и одновременных совместных действиях в случае угрозы войны.

Георгий

Алжир плохо повлиял на состояние здоровья Георгия. Письма, приходявшие в Гатчину, не приносили ничего, кроме волнения. Почти каждый день Александр Александрович и Мария Фёдоровна обсуждали ситуацию с сыном.

В июне 1891 года Георгий прибыл в Севастополь, где встретился с матерью. После непродолжительного пребывания в Ливадии в середине июня он переехал в Петергоф и затем вместе с семьёй отправился на яхте в Финляндию. Как всегда, посетили безлюдные Аландские острова и дачу в Лангинкоски.

Находясь в Стране озёр, император писал 25 июля 1891 года своему сыну Николаю, ожидая его скорейшего возвращения домой:

«Милый Ники, пишем тебе на яхте “Марево”, так как мы теперь идём из Вильманстранда к Иматре и хода 2 часа, времени довольно, чтобы писать, а на месте нет возможности писать, времени ни минуты, а дела много. Благодарю за последние телеграммы, радуюсь каждой, так как после каждой ты подвигаешься всё ближе и ближе к нам и к концу твоего путешествия. Финские батальоны представились отлично, как всегда.

Завтра на параде кроме Финских батальонов будет ещё участвовать 1 бригада 24 [Пехотной] Дивизии и 3 батареи 24 [Артиллерийской] бригады. К сожалению, погода дождливая, но как раз во время манёвров сегодня прояснило и нас совсем не мочило. Всё напоминает здесь 1885 год, но общество было тогда веселее и приятнее. Видел в первый раз Финский Драгунский полк, и действительно замеча-

тально он представился, хотя существует всего несколько месяцев, лошади на половину ремонтные наши и есть и финской породы и очень хорошие.

“Мареву” так трясёт, что писать неудобно, и поэтому у меня выходят страшные каракули. Поздравь от меня славное Уральское казачье войско с юбилеем и передай им мой привет. Это второй 300-летний юбилей казаков, который тебе придется праздновать. Я чувствую, что я пишу чепуху и бестолково, но в каюте набилось столько народу от дождя и стоит такое орево, что писать трудно, а в особенности складно.

Когда будешь на обратном пути в Москве, то устрой так, чтобы можно было бы тебе поехать на несколько часов в Троицкую Серг[иевскую] Лавру, это я нахожу весьма желательным и достойно закончит твоё долгое и утомительное путешествие.

Теперь пора кончить, постараюсь ещё писать тебе с следующим курьером. Крепко обнимаю тебя, мой милый Ники, дай Бог тебе закончить скоро и благополучно начатое долгое странствование. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папá».

Из Финляндии все вместе отправились в Копенгаген. Эта поездка привела к резкому ухудшению в состоянии здоровья Георгия.

Доктора сумели убедить царственных родителей в необходимости безотлагательного климатического лечения. На семейных советах Александр Александрович и Мария Фёдоровна рассматривали разные места для прохождения лечения сына. Но после неудачи с Алжиром было сложно принять решение о месте, куда следовало отправить Георгия.

Предпочтение было отдано грузинскому селению Абастумани. Врачи уверяли, что мягкая зима, нежаркое лето, горный воздух, сосновый лес окажут своё благотворное воздействие. Среди местных жителей исстари было известно, что в Абастумани имеются целебные горячие источники. На лечение из окрестных сёл съезжались на арбах и повозках больные, устраивались в шалашах возле устроенных в земле ванн и лечились, «брали ванны». После русско-турецких кампаний и взятия Ахалциха генералом Иваном Фёдоровичем Паскевичем в 1829 году об абастуманских водах и уникальных климатических условиях стало известно и военным врачам, состоявшим при русской армии. Они с удивлением отмечали, что лечение раненых в Абастумани происходит гораздо успешнее, чем в других местах. Так в

этом горном селении началось строительство госпиталя и дома для врачей и медицинского персонала.

Наверное, немалую роль в выборе места для лечения Георгия сыграло мнение наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича. Именно от Михаила Николаевича и его доктора Адольфа Александровича Реммерта император и императрица во время посещения Боржоми впервые услышали об Абастумани. У доктора Реммерта и был выкуплен участок земли в верхней части селения для строительства дома для Георгия.

4 августа вся императорская семья встречала поезд, который привёз из длительного и волнительного путешествия цесаревича Николая. В честь завершения уникального по тем временам путешествия по заказу Александра III фирма Фаберже изготовила в том же году два пасхальных яйца с миниатюрными моделями крейсера «Память Азова» внутри.

После встречи старшего сына императрица Мария Фёдоровна вместе с Георгием Александровичем, в сопровождении нескольких человек свиты и конвоя, отправилась на Кавказ. 31 августа они добрались до далёкого и труднодоступного селения Абастумани.

Лечение строилось на том, что холодный горный воздух сможет победить туберкулёз. Весь день цесаревич проводил на воздухе. Спал при открытых окнах круглый год. Завтраки и обеды проходили также на воздухе на террасе в любую погоду. Рассказывали, что приезжавшие в Абастумани военные, не знавшие о таком режиме, простужались и заболели.

Великий князь Александр Михайлович, посетивший вместе с Ксенией Александровной Абастумани, вспоминал: «Мы спали в комнате при температуре десять градусов ниже нуля под грудой тёплых одеял». Окна практически не закрывались круглый год, для того чтобы в помещении всегда был свежий целебный горный воздух. Гостям с не привычки приходилось оставаться в верхней одежде.

Ещё до отъезда в Абастумани Александр Александрович и Мария Фёдоровна приняли решение, что будут отмечать двадцатипятилетие своей свадьбы, то есть серебряный юбилей, в Ливадии. Это событие стало хорошим поводом для Георгия оставить на время место лечения и навестить родителей в Крыму.

В октябре Мария Фёдоровна отправила в Копенгаген к своим родителям — королю Кристиану IX и королеве Луи-

зе — цесаревича Николая, великих княжон Ольгу и Ксению и великого князя Михаила. Туда же прибыла английская королева Александра, родная сестра Марии Фёдоровны, и принцессы Мод и Виктория, племянницы русской императрицы.

Из датской столицы вся родня вместе направилась в Крым. Из Копенгагена до Данцига доплыли на императорской яхте «Полярная звезда», затем по железной дороге доехали до Севастополя. Из Севастополя крейсер «Орёл» доставил почётных гостей в Ливадию. К их приезду из Абстумани прибыли на торжество Георгий и великий князь Александр Михайлович.

В Крыму император с женой, как всегда, жили в любимом Малом дворце. Остальная близкая родня — в Большом. 28 октября все собрались за праздничным столом.

Цесаревич Николай Александрович записал тогда в своём дневнике:

«28 октября. Понедельник. Радостный день 25-летия свадьбы дорогих Папá и Мамá; дай Бог, чтобы они ещё много раз праздновали подобные юбилеи. Все были оживлены, да и погода поправилась.

Утром они получили подарки от семейства: мы пятеро подарили Папá золотые ширмочки с нашими миниатюрами, а Мамá брошку с цифрой 25! Кроме подарков было поднесено много замечательных красивых образов; самый удачный по-моему — это складень от всех служивших в Аничкове до 1881 г.

А. Н. Стюрлер обратился от имени всех с кратким приветствием. Главное, что было приятного в этом торжестве, то, что не было ничего официального, все были в сюртуках, вышло совершенно патриархально! После молебна был завтрак, и тем дело закончилось. Гуляли у берега моря, день был совсем хороший».

Кавказский пленник

Ранней весной 1892 года из Абстумани пришло нерадостное сообщение: у Георгия было отмечено кровохарканье. Состояние здоровья, несмотря на все усилия врачей, продолжало ухудшаться.

Мать и отец очень тосковали по сыну и регулярно направляли ему тёплые родительские письма, стараясь поддержать его и скрасить его одинокую жизнь вне семьи и

родных. В апреле решили, что Мария Фёдоровна поедет к сыну на Кавказ.

Сразу после отъезда жены Александр III писал полное грусти письмо:

«Как скучно и грустно оставаться так долго без писем от тебя; я до сих пор не получил твоего письма, которое ты послала из Владикавказа. Из телеграмм твоих я вижу, что ты очень довольна Абас-Туманом и что вы весело и приятно проводите время; радуюсь за вас, но грустно не быть вместе там!

Здесь мы живём тихо, скромно, но невесело. <...>

Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать — дома невесело родителям, да что делать? Так оно в натуре человеческой...»

Вскоре вслед за телеграммами пришли и письма из Абастумани. Мария Фёдоровна очень жалела своего сына и делалась с мужем опасениями по поводу его состояния:

«Несчастный Георгий, какой же у него ангельский характер, он никогда не жалуется на такую, по сути, ужасную жизнь, которую ему приходится здесь вести. Я уверена, что никогда бы не смогла такого вынести в его возрасте!! И вместе с этим никакой системы, никакого режима, только сквозняки и холод зимой».

Александр Александрович отправлял жене письма почти каждый день.

«Теперь я много бываю один, — писал он 28 апреля 1892 года, — поневоле много думаешь, а кругом всё невесёлые вещи, радости почти никакой! Конечно, огромное утешение дети, только с ними и радуешься, глядя на них».

И ещё: «Бедный Жоржи, много думал о нём сегодня, какой грустный для него день разлуки с тобой и Ксенией, а завтра возвращение в пустой Абас-Туман после столь весело и счастливо проведённых дней с вами! Что за горе и испытание послал нам Господь, быть столько времени в разлуке с дорогим сыном и именно теперь, в его лучшие годы жизни, молодости, весёлости, свободы!

Как мне его недостаёт, выразить не могу, да и говорить об этом слишком тяжело, поэтому я и молчу, а в душе ноет, слишком тяжело!»

Русское общество очень сочувственно относилось к трагической судьбе великого князя Георгия Александровича. В 1892 году известный ювелир Карл Фаберже, который сам подбирал сюжеты для своих произведений, начал работу над пасхальным подарком. Он преподнёс царской

семье прекрасное яйцо, носившее название «Кавказ». Над его созданием работали нескольких мастеров. Малиновое яйцо на подставке было покрыто эмалью по гилвошированному фону. Сверху был помещён миниатюрный портрет великого князя Георгия Александровича, который помещался под плоскогранным алмазом. Банты и гирлянды, украшавшие поверхность яйца, были выполнены из бриллианта и из золота четырёх цветов. Внутри яйца находился «сюрприз». За четырьмя овальными створками с цифрами из бриллиантов «1893» — миниатюры художника Константина Крыжицкого с видами Абастумани.

С Пасхи 1893 года состояние великого князя стало значительно ухудшаться: кашель усилился, лихорадки бывали чаще, великий князь сильно похудел.

Доктор, осматривавший цесаревича в то время, отмечал в своих записях, что «сердце здорово», одышки почти нет, болей в груди нет, кашель вечером, ночью и утром с отхождением мокроты, в которой очень много туберкулёзных бацилл. При объективном исследовании было выявлено поражение верхней доли правого лёгкого. В прогнозе доктор достаточно жёстко констатировал, что «выздоровления в полном смысле слова ожидать, конечно, не приходится». Однако он считал, что при правильном образе жизни здоровье, возможно, поправится настолько, что останется только «незначительный кашель».

Отец и мать очень надеялись, что «правильный образ жизни» и в самом деле поможет их сыну.

От моря до моря

В мае 1893 года решили отправиться в Ливадию всей семьёй: император, императрица и дети — цесаревич Николай, великая княжна Ольга, великий князь Михаил, великая княжна Ксения. Одна из причин — повидаться с сыном Георгием, которому было проще, да и безопаснее добраться из Абастумани до Крыма, чем до Петербурга.

Поезд, как всегда, довёз их до конечной станции Севастополь, чтобы затем путешественники пересели на пароход. В этот раз в главном военном черноморском порту России император Александр III интересовался не только делами черноморских моряков и корабелов, но и посетил музей, устроенный на месте раскопок в Херсонесе. Там он с большим интересом осматривал «предметы древности,

найденные при работах». И этот интерес был неподдельным. Ещё за несколько лет до этой поездки в Севастополь он получил ходатайство председателя Императорского Московского археологического общества графини Прасковьи Сергеевны Уваровой о необходимости археологических раскопок в Херсонесе. На ходатайстве император написал резолюцию: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует и представьте мне заключение, и как можно скорее, чтобы спасти всё, что можно спасти».

И теперь император мог убедиться, что кое-что спасти удалось.

Он всегда уделял особое внимание реставрации и поддержанию памятников российской древности. Именно благодаря этому были открыты и реставрированы фрески бывшего Кирилловского монастыря XII века в Киеве. Из своих личных средств император выделял суммы на реставрацию и поддержание памятников русской старины, в частности на реставрацию Углицкого дворца и иконостаса к Царским вратам с Куликова поля, на восстановление Ладожской крепости. При Александре III активно работала Императорская Археологическая комиссия, был подготовлен проект создания Русского археологического института в Константинополе, стало действовать Русское Палестинское общество, позже получившее наименование Императорского. Во время раскопок, проводившихся Русским Палестинским обществом в Палестине, было сделано много уникальных открытий, как, например, открытие фрагмента второй Иерусалимской стены.

Особое внимание Александр III уделял возрождению исторических национальных традиций. Прославление побед России в прошедших войнах и сражениях император считал необходимым условием воспитания в народе уважения к историческому прошлому.

Историк искусства, археолог и художественный критик Адриан Викторович Прахов в статье, посвящённой Александру III, писал: «Внимание Государя было приковано к русской истории, и страсть к её памятникам проходит ясною чертою через всю его жизнь».

По его инициативе для расширения археологических работ было значительно увеличено число экспедиций. Предметы, приобретённые Археологической комиссией, после научного описания направлялись в музеи страны. Стал превращаться в музей и Ливадийский дворец.

Май 1893 года оказался тёплым. И непродолжительный отдых удался. Тем более что, к радости всех, в Ливадию очень скоро приехал Георгий. После его приезда была сделана семейная фотография. Перед камерой на фоне стены дворца слева направо расположились цесаревич Николай, великий князь Георгий, императрица Мария Фёдоровна, великая княжна Ольга, великая княжна Ксения. Император Александр III сидел, облокотившись на спинку стула, а великий князь Михаил сел перед всеми на землю. Никто не мог представить тогда, что эта фотография с короткой подписью: «Ливадия, Крым. Май 1893 года» окажется последним семейным снимком.

Несмотря на то что некоторые журналисты называли Ливадию летней столицей Российской империи, все понимали, что очень многие дела из основной столицы на берегу Невы в Крым перевести нельзя.

После возвращения в Петербург императора ждала поездка по Балтике. Одной из целей была Либава — важный незамерзающий порт. Там должна была состояться закладка военно-морской базы.

11 августа 1893 года в аванпорт Либавы величественно вошла тёмно-синяя красавица — императорская яхта «Полярная звезда», окаймлённая по борту массивным золотым канатом. Вслед за ней вошли и стали на бочках корабли Балтийского флота во главе с эскадренным броненосцем «Император Александр II».

12 августа в девять часов тридцать пять минут утра почётный караул с броненосца «Император Александр II» встретил царя у закладочного павильона. Александр III принял строевой рапорт командующего войсками округа, поздоровался с караулом и в сопровождении императрицы, наследника, великих князей и свиты направился в павильон. Там, после молебна, почётные гости положили в специально подготовленные массивы серебряные монеты. Затем поверх монет поместили закладные доски, а поверх них — именные закладные камни. Оба массива уложили в назначенное место северного мола.

После церемонии закладки военно-морской базы был устроен смотр Балтийского флота. В параде приняли участие миноносцы «Виндава», «Нарва», «Котлин», «Моонзунд», «Гангаль», канонерские лодки «Грозный» и «Отважный», минные крейсера «Воевода» и «Посадник» и три яхты — «Славянка», «Царевна» и «Полярная звезда».

Летом того же 1893 года удалось выбраться на любимую дачу в Лангинкоски в Финляндию и даже порыбачить.

С пребыванием Александра III в Финляндии связано много легенд. Согласно одной из них, в тот приезд император, как обычно, отправился погулять в окрестностях Лангинкоски. Встретив там, на реке Кюми, мужика, ловившего рыбу, Александр III спросил, чем тот занимается.

— Ничем особенным, рыбаку вот, — ответил мужик.

Когда же царь поинтересовался, кто он по профессии, то узнал, что рыбак — судебный заседатель.

В свою очередь мужик спросил:

— А вы чем занимаетесь?

— Император Всероссийский, — ответил Александр III. И услышал ободряющее:

— Ну что ж, тоже дело хорошее.

Последний год

Рождество и Новый год император проболел. Первые дни января 1894 года он встретил с температурой.

На самом деле проблемы со здоровьем начались раньше, ещё в сентябре 1893 года.

29 августа 1893 года Александр III вместе с императрицей Марией Фёдоровной и цесаревичем Николаем Александровичем приплыли в Копенгаген на яхте «Полярная звезда». Семья прибыла в Данию в прекрасном расположении духа, ведь до приезда в Копенгаген успели побывать в Крыму, отдохнуть на любимой финской даче в Лангинкоски.

В замке Фреденсборг всё было как всегда — мило и спокойно. Но императору, так же как всегда, приходилось не столько отдыхать, сколько работать. Правительственные бумаги шли бесконечной чередой. Кроме того, император присутствовал на закладке своей новой яхты «Штандарт» на датской верфи «Бурмейстер и Вайн». Затем провёл смотр пришедшего с завода нового минного крейсера «Посадник», построенного на фирме «Ф. Шихау».

Неожиданно у императора открылось сильное носовое кровотечение и возникло лихорадочное состояние. Поэтому пришлось задержаться в Дании. Князь Владимир Петрович Мещерский считал, что именно в 1893 году и проявились первые признаки смертельного недуга. В своих воспоминаниях он отмечал:

«Смертельный недуг таился в его организме уже в 1893 году. Драматизм же этой преждевременной кончины заключался, прежде всего, в том, что, подобно Петру Великому, подобно Николаю Первому, только тогда признал для себя возможным обращаться к врачебной помощи, когда борьба науки с недугом являлась почти бессильной. Сила его духа была так велика, что страдания телесные долгое время не могли её ослаблять под влиянием того необыкновенного сознания долга работать для своего отечества, которое делало его подвижником и мучеником этого долга.

Несколько месяцев длилось, так сказать, состояние пролога роковой болезни, когда первые признаки её были известны только камердинеру Государя и его врачу, покойному Гиршу; и так как, к сожалению, этот врач не имел достаточного авторитета в глазах своего державного пациента и признаки болезни не были ещё угрожающими, то роковым образом лечение болезни в её начале под руководством авторитетного врача не имело места. Государь лечился урывками, паллиативными средствами, не меняя своего обычного режима, не уменьшая своей умственной работы, не задумываясь над угрожающими его здоровью опасностями. Все близкие к нему видели в лице его признаки недуга, но в то же время видели Государя таким же светлым, как всегда, таким же исполнителем всех малейших своих обязанностей».

6 октября «Полярная звезда» с Александром III, императрицей Марией Фёдоровной и цесаревичем Николаем Александровичем отправилась из Копенгагена в Петербург. Октябрь и ноябрь в Гатчине прошли вроде бы более или менее спокойно. Александр III вновь полностью ушёл в работу, не разрешал медикам докучать себе и пресекал все разговоры о медицине.

В преддверии Рождества царь вновь почувствовал себя нездоровым: мучил сильный бронхит. Его с трудом уложили в постель с диагнозом «плеврит правого лёгкого». Лейб-медики Густав Иванович Гирш и Николай Александрович Вельяминов поставили модный по тому времени диагноз — инфлюэнца.

Несмотря на ухудшение здоровья, Александр III не менял режим: напряжённая работа до глубокой ночи, приёмы, заседания Государственного совета. На сон отводилось не более пяти часов в сутки.

Сын Николай 17 января 1894 года записал в дневнике:

«Благодарение Богу, нам можно было вздохнуть сегодня. Папá стало легче! Утром температура была та же, что и

вчера вечером! Глаза и лицо имели более нормальное выражение. Днём Папá засыпал два раза. Я мог отлучиться на полтора часа: съездил в полк и в Государственный Совет.

День был солнечный. Прочёл по желанию Папá доклад и приказы военного министерства. После прогулки пили чай наверху и потом сидели довольно долго у Папá. По временам у него являлись сильные приступы кашля; при этом выделялось много мокроты. Температура была 38,1».

Из Москвы был вызван врач Григорий Антонович Захарьин — тогдашняя знаменитость. Выдающийся русский врач-терапевт, основатель московской клинической школы, нашёл пациента заметно похудевшим и изнурённым. Император выглядел усталым, цвет его лица стал землистым. Захарьин утверждал, что причина сильного ослабления объяснялась чрезмерным носовым кровотечением. Тогда же анализы показали первые симптомы воспаления почек, свидетельствовавшие о нефрите.

В январе 1894 года состоялась помолвка старшей дочери, великой княжны Ксении Александровны, и великого князя Александра Михайловича.

Ксения объявила родителям, что «любит Сандро». Александр III, не питавший расположения к сыновьям своего дяди великого князя Михаила Николаевича, не смог отказать дочери и вместе с Марией Фёдоровной дал согласие на брак.

Граф С. Д. Шереметев писал в своих воспоминаниях: «...Ему было особенно тяжело решиться на этот брак Ксении Александровны именно с в[еликим] к[нязем] Александром Михайловичем, которому не особенно сочувствовал, но из двух зол это было лучше, всё же не отъезд за границу, всё же она оставалась в России... Разлука с дочерью была для него особенно тяжела уже по личному свойству характера Государя и по личным отношениям его к дочери. Он был человек вечных привязанностей и крепких привычек».

Весна принесла в семью новые волнения — состояние Георгия в Абастумани в очередной раз осложнилось. В начале мая 1894 года Мария Фёдоровна вынуждена была снова выехать на Кавказ. 10 мая 1894 года сразу после отъезда она писала мужу из поезда:

«Мой дорогой и любимый душка Саша. Это ужасно, что мы опять с тобой расстались... Это настоящий грех, потому что для меня покидать тебя просто нестерпимо. Это омрачает всё моё счастье пребывания рядом с Георгием. Я очень

опечалена и обеспокоена именно в этот раз, потому что ты неважно себя чувствовал.

Твою дорогую телеграмму я получила вчера вечером, когда уже ложилась спать. Я была очень тронута и мысленно обнимаю тебя от всего сердца. Разлука с тобой мучительна для меня, мой любимый Саша. Я смотрела на тебя, стоящего у коляски, в момент, когда поезд трогался. Нужно было ещё приветствовать массу людей, стоять и улыбаться. А на сердце у меня было так тяжело, так тяжело! Я так и не смогла заснуть этой ночью...»

17 мая 1894 года после двухнедельного пребывания в Абастумани Мария Фёдоровна писала мужу:

«Если бы только Абас-Туман не находился так далеко, это было бы менее мучительно. Мы могли бы видеть его (Георгия. — А. М.) чаще...

Я надеюсь, что ты чувствуешь себя лучше, и очень рада, что ты, наконец, стал пить горячее молоко с Эмсом (минеральной водой. — А. М.). Умоляю тебя, не запускай на этот раз свою простуду, как зимой. Ты сам видел, к чему это привело».

Мария Фёдоровна понимала, что болезнь Александра Александровича связана с постоянным недосыпанием и ночной работой. Она замечала в письме: «Я надеюсь, что ты хотя бы работаешь меньше и не ложишься так поздно. Ведь это так плохо для твоего здоровья! Ты видишь, что я огорчаю тебя и когда нахожусь рядом, и когда далеко. Но ты должен меня простить, я говорю тебе это только из-за любви к тебе, это для твоего же блага и для моего счастья!»

Весну и начало лета 1894 года Александр III провёл в работе. Между тем состояние его здоровья ухудшалось. Но император упорно продолжал придерживаться привычного ритма жизни.

Врач Григорий Антонович Захарьин замечал, что состояние его пациента ухудшается на глазах. Особенно тревожил опытного врача напряжённый график работы Александра III. Захарьин видел в этом одну из главных причин приближающейся катастрофы: «Условия и образ жизни Государя с его январской болезни были прежними, то есть прямо противоположными тому, чего требовало его здоровье и на чём настаивали врачи: постоянное утомление умственными занятиями, а весьма нередко и телесное, постоянно недостаточный сон, частое пребывание на воздухе во всякую погоду; роковое же влияние на развитие и быстрый ход болезни имели крайне холодное и сырое лето и ещё бо-

лее сырой и холодный нижний этаж государева помещения в Александрии (около Петергофа), в особенности находившаяся в этом этаже опочивальня, наиболее холодная и в высшей степени сырая. Государь не выносил жары и всегда искал прохлады...»

5 июля 1894 года Мария Фёдоровна и Александр III отправились в Финляндию на яхте «Царевна». Первой остановкой был Лангинкоски — любимое место императорской семьи, затем Хёгсора — место у берегов Финляндии, где за год до того затонул российский военный корабль «Русалка», на борту которого находились 179 человек. Несмотря на нездоровье, царь хотел своими глазами посмотреть на проводимые там поисковые работы.

Мария Фёдоровна писала сыну Николаю, что верит и надеется на то, что эта поездка пойдёт его отцу на пользу.

Четыре дня императорская чета провела на Аландских островах. Царь совершал неторопливые прогулки, с удовольствием сидел с удочкой на берегу и вместе с Марией Фёдоровной наслаждался прекрасными песнями местного хора.

Последние дни отпуска провели в Лангинкоски. Прощальный вечер на финской земле удался на славу.

Ужин готовила сама императрица вместе с дочерью Ксенией. Вместе накрывали и праздничный стол. Государь был в хорошем настроении и произнёс за столом большой тост в честь своей супруги. Оркестр сыграл сначала «Марш города Пори», а затем, по просьбе императора, — «Марш города Васа».

23 июля 1894 года августейшая чета отбыла в Санкт-Петербург.

А 25 июля в соборе Большого Петергофского дворца состоялось бракосочетание великой княжны Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича. Великий князь Александр Михайлович писал:

«Сам Государь Император вёл к венцу Ксению. Я следовал под руку с императрицей, а за нами вся остальная царская фамилия в порядке старшинства... Все мы видели, каким утомлённым выглядел Государь, но даже он сам не мог прервать ранее положенного часа утомительный свадебный обед».

Из воспоминаний графа С. Д. Шереметева: «День свадьбы Ксении Александровны — тяжёлый день для Государя. После церковного обряда парадный обед, а для него это пытка. За обедом куртаг, превращённый в музыкаль-

ный вечер для облегчения. Я стоял в ряду, когда всё было кончено и возвращались выходом во внутренние покои Большого Петергофского дворца. Государь шёл под руку с Императрицей. Он был бледен, страшно бледен и словно переваливался, тяжело выступал. У него был вид полного изнеможения».

День бракосочетания своей дочери Александр III ознаменовал изданием повеления об устройстве в Николаевском дворце в Петербурге женского института благородных девиц. В указе об учреждении Ксенинского института говорилось: «Следя за развивающимися потребностями народного просвещения в Нашем отечестве и озабочиваясь всемерным содействием недостаточным родителям к воспитанию детей их в правилах долга и чести, Мы признали за благо, дабы ознаменовать полезным делом день бракосочетания любезнейшей дочери Нашей великой княжны Ксении Александровны, учредить ныне новое женское учебно-воспитательное заведение, в коем дочери Наших верноподданных, приобретших службою или по рождению права дворянства, но не имеющих средств, необходимых для воспитания своих детей, могли бы получать законченное общее образование и приобретать под руководством опытных наставников те практические сведения, которые, делая женщину полезной в собственной семье, дают при современном спросе на женский труд не осчастливленным семейной жизнью честный заработок».

Вопреки всем советам и рекомендациям врачей Александр III продолжал заниматься делами.

В письменном заключении о болезни, представленном Александру III, медики не стали скрывать от него диагноз и тяжесть состояния. Более того, врачи прямо сообщили, что подобный недуг хотя «иногда проходит, но в высшей степени редко».

Несмотря на предупреждения врачей, император продолжал усиленно работать, часто даже по ночам. Мало того, 7 августа 1894 года отправился на манёвры в Красносельский лагерь. И там проскакал галопом двенадцать вёрст. Подобная удаль при состоянии его почек была просто недопустима.

Вскоре по настоянию врачей супруги отправились в Беловежскую пушу — одно из мест, которое император очень хотел посетить. Ещё в 1886 году Александр III выразил желание, чтобы Беловежская пуша и примыкающая к ней Свислочская дача были переданы в состав удельных име-

ний, то есть личных владений царской семьи. Лишь спустя два года, 1 октября 1888 года, был завершён обмен пуши на царские имения в Орловской и Симбирской губерниях. Представление Александра III о будущем своего нового владения красноречиво выражено им в резолюции на проекте лесных разработок: «Пуща должна быть пущей».

Там было строжайше запрещено рубить деревья, подлесок был непроходимым, а передвигаться можно было по специально проделанным лесниками длинным прямым просекам. Ветер не проникал в гущу леса, и все деревья росли совершенно прямо, как свечи.

Для проживания царской семьи и гостей в центре нового владения, у селения Беловеж, был построен охотничий дворец. Изначально Александр III попросил архитектора графа Николая де Рошфора отказаться от помпезности в отделке, чтобы она «не была пышна; чтобы там не было золота, серебра, бронзы и шёлка». Рошфор выполнил волю государя. Получив разрешение вырубить в пуше сто десять деревьев разных пород, в том числе дуба, ясеня, клёна, липы, ольхи, берёзы, осины, архитектор отобрал древесину с особой красотой слоя. И той древесиной отделал весь интерьер дворца. В итоге получился очень «красивый и уютный дом».

По приезде хозяева и гости знакомились с постройкой, обходили все комнаты, и у каждого, по словам цесаревича Николая, вырывались «лишь восклицания восторга и удивления».

Несмотря на запрет врачей, государь, любивший природу, в первые четыре дня пребывания в Беловежской пуше пытался даже принимать участие в охоте, правда, ружья в руках не держал и не стрелял. Он просто стремился на свежий воздух, хотел восстановить силы, надеялся на скорое выздоровление. Однако эти выезды в лес в сырую погоду не давали ожидаемого результата, состояние государя опять ухудшилось.

Настроение улучшилось после того, как в гости к родителям из Абастумани 23 августа приехал Георгий Александрович. Но радость встречи омрачилась тем, что у сына вскоре случилось кровохарканье.

В Беловеже государь и государыня пробыли около двух недель. Здесь Александр III встречал свои последние именины — 30 августа, день памяти святого Александра Невского. Богослужения проходили в походной церкви, поставленной напротив дворца. После литургии во дворце состоялся торжественный завтрак.

Так как погода в Беловеже в основном стояла холодная и дождливая, было решено переехать в Спалу. 3 сентября царская семья покинула Беловежскую пущу.

Как подчёркивали близкие государя, несмотря на нездоровье, Александр Александрович относился к врачам и своему самочувствию легкомысленно. Великий князь Константин Константинович писал:

«В Спале он не желал их даже принимать каждый день, и нельзя было даже думать о том, чтобы заставить его на время лежать в постели.

Осложняющим явлением было и продолжительное нарушение питания. Бывали дни, что Его величество довольствовался двумя устрицами в день и таким же отсутствием правильного сна».

Сам государь писал своей дочери Ксении 8 сентября из Спалы:

«С тех пор, что приехали сюда, чувствую себя немного лучше и бодрее, но сна никакого, и это меня мучает и утомляет ужасно до отчаяния...

Сегодня катались с Мама́ и Беби (великой княгиней Ольгой Александровной. — А. М.)... Мама́ и Беби набрали много грибов, а я больше сидел в экипаже, так как очень слаб сегодня и ходить мне трудно.

К сожалению, я не обедаю и не завтракаю со всеми, а один у себя, так как сижу на строгой диете и ничего мясного, даже рыбы, не позволяют, а вдобавок у меня такой ужасный вкус, что мне всё противно, что я ем или пью... Твой старый и пока никуда негодный Папа́».

В Спалу из Германии был вызван известный немецкий врач, клиницист-терапевт Эрнст Лейден. 15 сентября 1894 года цесаревич записал в дневнике:

«Мама́ объявила Папа́ о приезде Лейдена и просила ему позволить сделать осмотр, на что Папа́ сначала не согласился, но под конец он сдал убедительным доводам дяди Владимира...

Лейден нашёл у Папа́ воспаление почек в том состоянии, в котором их увидел Захарьин, но, кроме того, и нервное расстройство — переутомление от громадной и неустанной умственной работы. Слава Богу, что Папа́ подчинился всем его требованиям и намерен слушаться его советов!»

18 сентября 1894 года в газетах появилось краткое официальное известие:

«Здоровье Его величества со времени перенесённой Им в прошлом январе тяжёлой инфлюэнцы не поправилось со-

вершенно, летом же обнаружилась болезнь почек (нефрит), требующая для более успешного лечения в холодное время года пребывания Его величества в тёплом климате».

По совету профессоров Захарьина и Лейдена государь выехал из Спалы в Крым. 21 сентября 1894 года царская семья переехала в Ливадийский дворец под Ялтой.

Но надежды на крымский воздух не оправдывались. Причём как у самого императора, так и у его сына Георгия. У Георгия несколько раз отмечалось повышение температуры. В этот период медики диагностировали у него «вторую стадию неизлечимого туберкулёза».

Несмотря на то что силы императора с каждым днём угасали, он продолжал заниматься государственными делами, из коих последними были письменные доклады по дальневосточным делам, а именно по Корее.

27 сентября Николай писал принцессе Алисе: «Состояние отца не лучше; если ночь проводит хорошо, то чувствует себя гораздо веселее и бодрее, но если не спит, то на следующий день он совсем другой человек. Конечно, такие перемены не могут произойти быстро, но я так надеюсь, что тепло и укрепляющий морской воздух хоть сколько-нибудь помогут дорогому Папá».

Первые дни октября не принесли ожидаемого улучшения. Император слабел день ото дня. Постоянная сонливость и общее утомление одолевали его целыми днями, а ночи были бессонные. Состояние его ухудшалось.

3 и 4 октября государь уже не мог выходить из дворца. Доктора констатировали резкое ухудшение работы сердца, увеличилась слабость.

5 октября в газетах появилось краткое официальное сообщение о состоянии больного государя:

«Болезнь почек не улучшилась, силы уменьшились. Врачи надеются, что климат южного берега Крыма повлияет на состояние здоровья Августейшего больного».

Около государя находились несколько врачей: профессор Захарьин с ассистентом Поповым, профессор Лейден из Германии. По просьбе самого государя из Петербурга был вызван лейб-хирург Вельяминов, который с момента приезда стал ухаживать за больным, подобно сестре милосердия.

Совместно с Марией Фёдоровной государь принял решение о приглашении в Крым невесты Николая принцессы Алисы.

5 октября Николай записал в дневнике:

«Папа и Мама позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта. Сюда её привезут Элла (великая княгиня Елизавета Фёдоровна. — А. М.) и дядя Сергей (великий князь Сергей Александрович. — А. М.). Какое счастье снова так неожиданно встретиться — грустно только, что при таких обстоятельствах».

6 октября новая запись:

«Целый день получал и отвечал на телеграммы от родных со всех концов. Погода была хорошая. Папа утром был на ногах, но лёг после завтрака, его одолевала сонливость. Читал за него бумаги». На следующий день цесаревич написал: «Сегодня было как будто маленькое улучшение».

8 октября Николай получил от Аликс, которая была уже на пути в Крым, телеграмму, в которой та сообщала, что по приезде хотела бы пройти обряд миропомазания. «Это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго сообразить не мог», — записал Николай в дневнике.

9 октября государь почувствовал себя немного бодрее. Накануне в Крым приехала великая княгиня Александра Иосифовна с дочерьми — королевой Греческой и королевой Марией. В этот день император приказал, чтобы за завтраком играли два оркестра (52-го пехотного Виленского полка и 16-го стрелкового батальона) и чтобы великая княгиня Ксения Александровна председательствовала за общим столом со всеми лицами свиты. Однако уже при первых звуках музыки великая княгиня Ксения Александровна расплакалась, вышла из-за стола и более не возвращалась обратно.

В этот день государь исповедался у своего духовника протопресвитера Янышева. «О возможности близкой кончины Государь Император помышлял ещё 9 октября и весьма определённо говорил об этом, когда принимал меня в этот день после обедни, — писал Янышев позже в своих дневниках. — Когда я позволил себе при этом просить Его величество совершенно успокоиться от государственных дел и забот и, предав себя всецело в волю Божию, приобщиться Св. Тайн, он с радостью и неоднократно повторенной благодарностью принял это предложение и сожалел только, что не мог так подготовиться к этому великому таинству, как он вместе с Августейшей Семьёй своей делал это, когда был здоров, в Великом посту.

Среди молитв, к которым я тотчас же приступил, Государь, одетый по-обыкновенному, как здоровый, преклонил колена и делал земные поклоны. В таком положении он оставался до окончания исповеди».

После исповеди император был бодрее и веселее и старался передать это настроение окружающим.

10 октября в Ливадию приехал великий князь Николай Михайлович. В своей книге «Последние дни жизни нашего возлюбленного Государя Императора Александра III» Николай Михайлович рассказывал:

«Десятого к двум часам дня я прибыл в Ливадию во дворец, где находился больной Государь... Вскоре я был принят Императрицей, которая около часа ходила со мной по саду вдвоём, а потом мы посидели на той скамейке под дворцом, на которой в последние дни больной сидел, выходя прогуливаться. Несчастную Царицу я нашёл крайне исхудалой и видимо делающей невероятные усилия, чтобы не давать хода своим расстроенным нервам. Но в этот день она была как-то оживлена и нравственно успокоена после принятия Святых Тайн больным и даже начинала иметь луч надежды на выздоровление.

Она мне во всех подробностях рассказала всё, что она перенесла в Беловеже и Спале и как ужасно невероятно быстро больной таял на её глазах, несмотря на всевозможные средства, которые уже были испытаны. Особенно утомительными были ночи, в которые почти напролёт больной Государь не смыкал глаз и всё стремился куда-либо подалее, то есть из Беловежа в Спалу, а оттуда в Крым и Грецию».

11 октября император встретился с настоятелем Андреевского собора в Кронштадте отцом Иоанном Кронштадтским. Тот приехал в Ливадию по приглашению и вместе с великой княгиней Александрой Иосифовной.

В своём дневнике отец Иоанн Кронштадтский оставил подробное описание встречи 11 октября: «Идучи к Высокому Больному, я думал, как бы мне лучше, сердечнее приветствовать Царя, тяжело больного. А незадолго пред тем я читал послание святого апостола Павла к ученику его Тимофею, и в нём особенно мне показались пригодными в моём положении для первого привета Царю слова, выражающие величие Господа, Царя царей, от которого все цари получают свою державу и власть над народом. Я и запомнил эти слова. Вхожу в кабинет Его величества. И я так приветствовал его: “Государь! Да благословит тебя Всевластный Бог, блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих. Единый, имеющий бессмертие, который обитает в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может,

которому честь и держава вечная. Аминь”, — так я приветствовал Государя».

По свидетельству отца Иоанна, государь перешёл в другую комнату и попросил священника помолиться вместе с ним. «Больной стоял на коленях, а я стал читать молитвы; Его величество молился с глубоким чувством, склонив голову и углубившись в себя. Когда я кончил, он встал и просил меня впредь молиться».

10 октября в Ливадии встречали невесту наследника цесаревича немецкую принцессу Алису, урождённую принцессу Викторию Алису Елену Луизу Беатрису Гессен-Дармштадтскую. Её сопровождали сестра, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, и её муж, великий князь Сергей Александрович.

10 октября Николай Александрович записал в дневнике: «В 9.30 отправился с дядей Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня.

Десять минут спустя из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой.

После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоём поехали в Ливадию.

Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя — половина забот и скорби как будто бы спала с плеч. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим родителям!..»

Александр Александрович повелел устроить Алисе торжественный приём. Он был искренне рад её приезду. В сопровождении Марии Фёдоровны невеста с женихом поднялись в комнату императора. Несмотря на тяжёлое состояние, государь надел парадный мундир и с бодрым видом вышел навстречу Алисе.

Принцесса стояла с букетом белых роз. Появление государя, столь сильно изменившегося за последние месяцы, привело её в смятение. В первую минуту она даже не узнала его, и в её глазах был виден испуг. Император обнял и поцеловал Алису. Когда она вышла из комнаты, на её глазах были слёзы. Букет белых роз остался лежать на столе в комнате императора.

Много лет спустя подруга императрицы Александры Фёдоровны Анна Александровна Вырубова в своих воспоминаниях напишет: «Императрица с любовью вспоминала, как встретил её Император Александр III, как он надел мундир, когда она пришла к нему, показав этим свою ласку и уважение...»

Потом была церковная служба в Ливадийской церкви. Великий князь Николай Михайлович вспоминал: «Государь благословил молодых до входа в Ливадийскую церковь, где должно было совершиться краткое многолетие. Сколько трогательного и печального в этой встрече! Чего-либо более грустного, как это последующее богослужение, я не помню. Все были озабочены, хмуры, унылы, и лишь парадные мундиры военных и гражданских придворных как-то напоминали, что приезд сей должен был бы стать высокорадостным и торжественным событием...»

Как сообщал начальник дворцовой канцелярии при императоре Николае II Александр Мосолов, «искренняя во всём, что делала», принцесса «резко запротестовала против той части обряда обращения в православие, во время которого неофит должен был публично осудить своё прошлое вероисповедание... Духовенство попросило исключить этот обряд из церемонии миропомазания...».

Согласно телеграфным бюллетеням, шедшим из Крыма в Петербург, 11 октября у государя усилился отёк обеих ног.

12 и 13 октября больной чувствовал себя как будто лучше.

В бюллетене от 14 октября говорилось о хорошем сне и аппетите, но вместе с тем и об увеличении слабости и отёков.

15 октября бюллетень констатировал удовлетворительное состояние сердца, уменьшение слабости.

16 октября бюллетень сообщал об отсутствии перемен.

Великий князь Николай Михайлович писал в своей книге:

«Лейден, Вельяминов и даже Захарьин начали говорить о возможности поправления здоровья больного, если такое же состояние продолжалось бы ещё несколько дней. Только доктор Попов, а также генерал-адъютант Черевин и гофмаршал граф Бенкендорф продолжали смотреть очень мрачно на мнимое улучшение, и, по моему мнению, их взгляд был основателен.

Попов говорил, что аппетит есть, да только кажущийся, сердце не перестаёт быть очень дряблым, хотя пульс несколько поправился от усиленного кормления больного, отёки ног перешли в полость живота, и легко можно ожидать всяких новых осложнений болезни. Вы увидите, что этот врач был прав. Ещё в день моего приезда он мне по секрету сказал, что никакой надежды не имеется и что болезнь продолжится не более двух недель. Он ошибся только на три дня.

Генерал-адъютант Черевин, находясь безотлучно при Государе с августа месяца, основывал свой образ мыслей на том простом соображении, что организм больного настолько расшатан, что едва ли можно надеяться на поправление уже хотя по этой одной причине. Кроме того, у него были сведения от городских, стоящих у дворца на постах, а у графа Бенкендорфа — от камердинера Государя, что хороший сон был лишь мнимый, так как ночью 14 и 15 числа был замечен свет в Царской комнате в 3 и 4 часа утра.

Наконец, в ночь с 15-го на 16-е Государь заперся в своём кабинете на всю ночь и говорил на другой день, что спал прекрасно и чувствует себя бодро. Между тем в эту самую ночь был виден очень долго свет в его кабинете. Камердинер, вошедший 16 утром, застал Царя, сидящего в кресле перед письменным столом и тяжело дышащего, но на вопрос о здравии, сделанный слугою, Государь ответил, что чувствует себя отлично. Всё это вместе взятое доказывает, что Государь, уже уставший, изнемождённый от ряда всяких страданий, советов докторов и т. п., просто хотел как-то обмануть самого себя и казаться бодрым во что бы то ни стало, лишь бы его оставили в покое».

17 октября состоялось второе причащение государя отцом Иоанном Кронштадтским. Цесаревич Николай в дневнике отмечал, что в этот день императора сильно мучил горловой кашель. В семь часов вечера он стал жаловаться на боль в боку, ночью снова был сильный кашель, и он выплюнул пять платков крови. В медицинском бюллетене говорилось об ухудшении состояния больного государя.

Врачей особенно беспокоили увеличивавшиеся с каждым днём отёки ног.

18 октября в бюллетене говорилось: «В состоянии здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшение. Кровохарканье, имевшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки ограниченного воспалительного состояния (инфаркта) в левом лёгком. Положение опасное».

В этот день в последний раз фельдъегерь повёз в Петербург бумаги с резолюцией императора Александра III.

Ночь на 19 октября государь провёл без сна, в семь часов утра вызвал к себе наследника и около часа наедине беседовал с ним. Затем государь пригласил императрицу Марию Фёдоровну и сообщил ей, что чувствует приближение конца.

Великий князь Николай Михайлович вспоминал: «18-го и 19-го Государь был крайне слаб, хотя и вставал с трудом,

одевался и даже сам перешёл с палкой к письменному столу. На нескольких докладах он в последний раз написал «В Ливадии. Читал». Тут в кресле ему сделалось дурно. Это было 19-го утром. Ночь с 19-го на 20-е была вовсе без сна. Вечером Лейден уговаривал его лечь в кровать, что было Государю очень трудно ввиду страшно опухших ног и живота».

Две ночи перед смертью он провёл без сна. Днём его вывозили в инвалидной коляске к раскрытому окну. Мария Фёдоровна не отходила от него ни на шаг. «Слава Богу, в последние дни он позволял мне делать для него всё, так как сам он уже ничего не мог, а позволить камердинеру ухаживать за собой не хотел, и каждый вечер он трогательно благодарил меня за помощь», — писала она матери.

В течение последних суток у постели больного вместе с Марией Фёдоровной находился врач Николай Александрович Вельяминов. «Он непрерывно курил и предлагал мне курить, — вспоминал позже Вельяминов. — “Мне так совестно, что вы не спите каждую ночь, я вас совсем замучил”». Утром 20 октября в день смерти государь сказал: «Видно, профессора меня оставили, а вы, Николай Александрович, ещё со мною возитесь по вашей доброте душевной».

В бюллетене от 20 октября говорилось: «Деятельность сердца продолжает падать. Одышка увеличивается. Сознание полное».

Из воспоминаний великого князя Николая Михайловича:

«В 8 часов утра 20-го Государыня пошла в уборную одеться, а в это время Государь оставался с Наследником и Вельяминовым.

Вдруг ему стало очень нехорошо, и он сказал сыну: “Ники, пойди скажи Мама́, чтобы поторопилась одеваться”

— Отчего, Папа́?

— Да так будет лучше!

Дыхание было очень затруднительное, и начали усиленно давать вдыхать кислород.

Брат Александр послал за нами в Ай-Тодор. Я с отцом и братом Георгием прибыли в Ливадию в 10 часов 15 минут. Застали уже почти всех при больном, в том числе великую княгиню Марию Александровну, приехавшую на рассвете.

Вокруг Государя находилась его семья, императрица на коленях около его кресла, а все прочие лица в другой комнате и в дверях. Тут же, рядом в комнате, находились

граф Воронцов-Дашков и пять врачей: Захарьин, Лейден, Попов, Гирш и Вельяминов. До нашего приезда уже многие близкие подходили прощаться с умирающим, но слова “прощай” Государь никому не сказал, а каждому почти одинаково: “Здравствуй, такой-то”.

Великую княгиню Елизавету Фёдоровну, коей было в этот день рождение, больной поздравил даже, здороваясь с ней. Итак, когда мы вошли, императрица подозвала к креслу больного отца моего, великую княгиню Александру Иосифовну. Обоим Царь подал руку и сказал: “Здравствуй, дядя и тётя”

В 10 часов 30 минут вошёл духовник Янышев со Святыми Дарами. Все мы стали на колени, и умирающий Царь внятным, чудным голосом повторял за священником: “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты и т. д.” Почти все рыдали навзрыд, до того сцена была умилительная и невероятная по своему величию и простоте. Думали, что Государь сейчас скончается, так как дыхание всё более затруднялось, а пульс слабел, но после причастия Его величество немного оправился и изъявил желание поспать. Притворили двери, и мы все, кроме самых ближайших, вышли из комнаты. Я же остался, как прикованный, у дверей. Между тем желанного сна не последовало. Государь лишь дремал, и дыхание всё ухудшалось».

19 октября Мария Фёдоровна написала матери письмо, в котором подробно рассказала о последних днях своего любимого супруга. Письмо было окончено 26 октября (6 ноября), пять дней спустя после смерти государя. В нём говорилось:

«Вся семья вошла в кабинет, он поцеловал всех и при этом вспомнил, что был день рождения Эллы (Елизаветы Фёдоровны. — А. М.). Он поздравил Ангела и попросил причаститься. Пока Янышева не было, он несколько раз спросил, скоро ли он придёт. Вероятно, в тот момент он уже чувствовал приближение конца.

Когда, наконец, Янышев пришёл, Саша сказал: “Поскорее, я так устал” и затем громко прочитал за Янышевым две молитвы и принял Тайную Вечерю с такой радостью и спокойствием!.. Затем вся семья вышла, и я осталась одна с детьми и Аликс...

Затем Саша попросил, чтобы пришёл Иоанн Кронштадтский и молился за него. Это был невероятно волнующий момент, когда мы все почувствовали прекрасную благочестивую душу моего ангела Саши. Священник положил

руки ему на голову, тихо про себя помолился и затем поцеловал Сашу в голову...

Детей он также отослал и только меня оставил, так что я подумала, что он хочет со мной поговорить, но он ничего мне не сказал, только то, что он очень устал и что ему хотелось бы поспать. И ещё, что он чувствует себя много лучше, так что у меня вновь зародилась надежда, и я подумала, что наш Господь сейчас сотворит чудо и спасёт его, моего ангела Сашу! Спать он, бедняжка, не мог, а начал тяжело дышать, так что я попросила прийти врача, того молодого, который ему очень нравился, и мы начали массировать его бедные руки, которые снова были такие холодные...

Самым страшным был момент, когда у него начались спазмы и ему не стало хватать воздуха. Он был в полном сознании вплоть до последней минуты, разговаривал с нами и смотрел на нас, пока совершенно спокойно не заснул вечным сном у меня на руках!

Ах, это было душераздирающе! Непостижимо, как можно пережить такое горе и отчаяние, и теперь бесконечная тоска и пустота везде, где я нахожусь!

Как я смогу всё это перенести! И бедные дети, они тоже находятся в отчаянии. И особенно бедный милый Ники, который таким юным должен начать тяжёлую жизнь!

Они все так внимательны ко мне, полны любви и тёплых чувств. Алиса также проявляет так много душевного участия, которое ещё больше привязывает её к моему сердцу...

Сердце моё совершенно разбито, и я в отчаянии! Когда я увидела успокоительную улыбку и покой на его дорогом и любимом лице, это придало мне силы... Его благородная кончина была такой значительной и прекрасной, как и его жизнь, чистой и прекрасной, ничем не запятнанной, которая всегда будет для нас прекрасным примером. Об этом я сказала детям, которые поняли это!»

В акте, составленном по вскрытии тела в Бозе почившего императора Александра III присутствовавшими при его смерти врачами, говорилось:

«...Государь Император Александр Александрович скончался от паралича сердца, при перерождении мышц гипертрофированного сердца, следовавшем от интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)».

Оба сына императора, Николай и великий князь Георгий Александрович, были потрясены скоропостижной смертью своего отца.

Георгий Александрович в день смерти Александра III сделал в своём дневнике следующую запись: «20 октября. Да, этого дня я никогда не забуду! Прощай, дорогой Папа, навеки! Я до последней минуты не терял надежду; мне просто казалось невозможным, чтобы Бог взял его от нас, но, видно, Он нашёл, что Папа сделал довольно добра, и за его праведную жизнь взял его к Себе. Видит ли бедный Папа, как все его любили и оплакивают...»

Цесаревич Николай писал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идёт, верить не хочется, до того неправдоподобна ужасная действительность... О[тец] Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть Святого. Господи, помоги нам в эти тяжёлые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9 ½ была панихида — в той же спальне!»

Младшая дочь Александра III великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Когда его голова упала на плечо моей матери, все оцепенели. Она подержала её ещё какое-то время в руках. Никто не плакал. Затем мы поднялись как можно тише, подошли к смертному одру и поцеловали отца в лоб и руку. Потом поцеловали мать...»

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича: «Мы присутствовали при кончине Колосса. Он умер, как жил, убеждённым врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов. Он пробормотал лишь краткую молитву и простился с женой.

Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, признавал, что наша страна потеряла в его лице ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слёзы на его голубых глазах.

Он взял меня за руку и повёл вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он признавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать? — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я ещё не подготовлен быть царём! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами...»

Иоанн Кронштадтский, находившийся около императора до его последнего дыхания, писал в своих записках: «Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно, с покорностью воле Всевышнего, преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с головы его, на которой выступил холодный пот. Мир душе твоей, Великий Государь и верный слуга Царя царствующих! Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему Царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную его жизнь, а это дороже всего!»

Ливадийский дворец был задрапирован чёрной тканью, развевавшейся на ветру. К вечеру все присутствовавшие при кончине императора члены его семьи — Мария Фёдоровна, наследник престола Николай, второй сын, великий князь Георгий Александрович, великая княгиня Ксения Александровна, братья и сёстры государя, а также близкие и дальние родственники, придворные, врачи, пытавшиеся спасти императора, представители духовенства собрались перед Ливадийским дворцом.

Раздался траурный залп. В честь покойного императора салютовал стоявший на рейде в Ялте Российский императорский флот. Печально гудели колокола ливадийских церквей.

Все собравшиеся в те скорбные часы присягнули новому императору — Николаю II Александровичу.

В манифесте, возвестившем России о восшествии на престол императора Николая II, говорилось:

«...Горе наше не выразить словами, но его поймёт каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном Государстве Нашем, где бы ни пролились горячие слёзы по Государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую Он любил всею силою Своей русской души и на благоденствие которой Он полагал все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни».

* * *

28 октября, когда тело умершего императора увозил на север, в столицу Российского государства, императорский поезд, было днём свадьбы императора Александра Александровича и императрицы Марии Фёдоровны.

Для неё, как она писала матери, это было особенно тяжело.

Похоронив мужа, Мария Фёдоровна очень долго не могла поверить, что «дорогого Саши» теперь нет с ней. В одном из писем своему сыну Георгию она признавалась: «Я так и не могу привыкнуть к этой страшной реальности, что дорогого и любимого больше нет на этой земле. Это просто кошмар! Повсюду без него убивающая пустота. Куда бы я ни отправилась, везде мне его ужасно не хватает. Я даже не могу подумать о моей жизни без него. Это больше не жизнь, а постоянное испытание, которое надо стараться выносить, не причитая, отдаваясь милости Бога и прося Его помочь нам нести этот тяжёлый крест! Да, как говорят, Бог, видимо, находит самых хороших и самых чистых и не оставляет их надолго между нами, грешниками. Да, он сделал своё дело. Ведь в каком ужасном состоянии он получил Россию. И во что он превратил её за тринадцать лет своего царствования и чего только не сделал для неё. Это чувствуется и видится повсюду».

Спустя двадцать девять лет, 19 октября (2 ноября) 1923 года, императрица Мария Фёдоровна, пережив тяжёлые испытания войны и революции, уже находясь в Дании, записала в дневнике: «Сегодня в 9½ отправилась на церковную службу. Пошла к причастию. Я сделала это именно сегодня сознательно — в этот день... Господь забрал к себе моего благословенного Сашу! Господи, прости мне мои несчастные грехи! Помоги мне жить дальше в христианском смирении и покорности. В церкви со мной были также лишь Ксения с детьми».

1. Послужной список

Все учреждения Российской империи, как гражданские, так и военные, обязаны были иметь послужные или формулярные списки по установленной форме о службе каждого лица, находившегося в их ведомстве. Императорский двор не являлся исключением.

В этом основном документе «служебного состояния» чиновника, офицера, канцелярского служителя фиксировались чин, имя, отчество, фамилия, должность по службе, награды, возраст, вероисповедание, сословие (социальное положение и происхождение), образование (где учился или воспитывался), жалованье или получаемое содержание, время пребывания вне службы (отпуск, командировки), семейное положение и благоприобретённое или наследованное имущество, взыскания по службе или по суду, участие в военных походах, сражениях, ранения и контузии.

Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича

I. Чин, имя, отчество и фамилия

Генерал-адъютант Его Императорского Величества, генерал от инфантерии и кавалерии, Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич, Великий Князь Александр Александрович.

II. Должность по службе

Член Государственного совета.

Присутствующий в комитетах: министров и финансов.

Канцлер финляндского Александровского университета.

Атаман всех казачьих войск.

Шеф: л.-гв. 3-го стрелкового Финского баталиона; л.-гв. Донской казачьей конноартиллерийской Имени Своего батареи и Имени Своего полков: л.-гв. Атаманского казачьего, 12-го гренадерского Астраханского, 2-го пехотного Софийского, 145-го пехотного Новочеркасского, 3-го уланского Смоленского, 18-го драгунского Переяславского, австрийского 61-го пехотного и прусского 1-го уланского, датского гвардейского баталиона.

Второй шеф всех тех полков и частей гвардии и армии, которых шефом изволит быть Государь Император: пол-

ков: л.-гв. Преображенского, Семёновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского; л.-гв. 1-го Стрелкового Его Величества и 4-го Стрелкового Императорской фамилии баталионов, л.-гв. Сапёрного баталиона; полков: Кавалергардского и л.-гв. Конного, л.-гв. Кирасирского Его Величества, л.-гв. Гусарского Его Величества, л.-гв. Казачьего Его Величества, л.-гв. Уланского Его Величества; л.-гв. Кавказских казачьих эскадронов Собственного Его Величества конвоя; л.-гв. 1-ой Артиллерийской бригады и 1-ой Его Величества батареи, Гвардейской конноартиллерийской бригады; полков Имени Его Величества: 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского, 13-го лейб-гренадерского Эриванского, 68-го лейб-пехотного Бородинского, 1-го лейб-драгунского Московского, 2-го лейб-уланского Курляндского и 2-го лейб-гусарского Павлоградского; 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельд-маршала кн. Барятинского полка; 16-го Стрелкового Его Величества баталиона; 1-го Павловского и 8-го Александровского военных училищ.

Числится: л.-гв. в Кирасирском Её Величества полку, в Гвардейской конной артиллерии, в Гвардейском экипаже, л.-гв. в Резервном пехотном баталионе и л.-гв. в Уральском казачьем эскадроне; в полках: л.-гв. Литовском и Гродненском гусарском; в прусском Гвардейском гренадерском 1-ом Императора Александра полку.

Командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Почётный председатель Императорского Русского исторического общества.

Почётный президент Имени Своего музея в Москве.

Почётный любитель Императорской Академии художеств.

Почётный член: Императорского Московского университета, Императорской Академии наук, Императорского Русского географического общества, Императорских университетов: Санкт-Петербургского и Казанского, Общества попечения о раненых и больных воинах, Виленского Святодуховского православного братства, Николаевской инженерной академии, Императорского Новороссийского университета, Михайловской артиллерийской академии, Императорского московского общества охотников конского бега, Можайского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством Государыни Великой Княгини Цесаревны (Марии Фёдоровны),

Общества для содействия русскому торговому мореходству, Общества любителей кавказской археологии, Московского Мариинского благотворительного общества при Мариинской больнице для бедных, Общества попечения о бедных духовного звания ведомства главного священника армии и флотов.

Действительный член: Общества подания помощи при кораблекрушениях, Общества поощрения художников.

Член Королевско-Датского общества стрелков.

Учредитель Дома призрения душевнобольных.

Попечитель Назаретской сельской лечебницы в Костромской губернии.

Покровитель: Финляндского общества поощрения художеств, инвалидного дома Овсянникова, С.-Петербургской бесплатной музыкальной школы, Московского археологического общества любителей русских древностей, Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге, всех коннозаводских поощрений, Карамзинской библиотеки, Виленской публичной библиотеки и музея, бесплатной школы Комиссарова-Костромского в пользу детей бедных мастеров, Московского лицея Цесаревича Николая, Александровской гимназии Смоленского земства, Александровской Новгородской учительской школы, Николаевской Царскосельской гимназии, Общества Лужских сельских хозяев, Александровской гимназии в г. Сумах, Императорского Московского общества охотников конского бега, богадельни Ермаковых в Москве, Корочанской (Курская губ.) 6-классной мужской прогимназии, Николаевского православного братства в память в Бозе почившего Цесаревича Николая, Общества Добровольного флота, Кунгурского (Пермская губ.) технического училища, учреждённого коммерции советником Губкиным, Петровского училища С.-Петербургского купеческого общества, Александровского православного братства при церкви Св. Апостола Иоанна Богослова близ костромского Ипатьева монастыря.

III. Ордена и знаки отличия

Российские: Св. Равноапостольного Андрея Первозванного, Св. Великого Князя Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Владимира 1 ст. с мечами, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2 ст., золотую украшенную бриллиантами саблю с надписью: «За отличное командование Рушукским от-

рядом», медаль светлой бронзы в память Турецкой войны 1877—1878 годов.

Иностранные: прусский — Чёрного Орла и «Pour le merite», дармштадтский — Людвига 1 ст., гольштейн-ольштенбургский — фамильный орден за достоинства, вюртембергский — Короны, ганноверский — Св. Георгия и Гвельфов, нидерландский — Льва, датский — Слона, шведский — Олафа и Серафима, баварский — Св. Губерта, бельгийский — Леопольда, мекленбург-стрелицкий — Вендской короны, итальянский — Аннунциады, французский — Почётного легиона, португальский — Башни и Меча, веймарский — Белого Сокола, испанский — Золотого Руна, бразильский — Южного Креста, турецкий — Османиэ, мексиканский — Орла Большого Креста, датский — Данеброга за заслугу, греческий — Спасителя, австрийский — Св. Стефана, саксонский — Зелёной Короны, черногорский — Даниила 1-го, персидский — Портрет Шаха, португальский — Большой Крест Королевских военных орденов Спасителя и Св. Венедикта Ависа, мальтийский — Большого Креста, Румынской Звезды и Медаль за военные заслуги, мекленбург-шверинский — За отличие в военное время, сербский — Такова, румынский Железный Крест, учреждённый в память перехода войск через р. Дунай в 1877 г., японский орден Восходящего Солнца.

IV. Когда родился

26 февраля 1845 года

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец

Сын Государя Наследника Цесаревича, ныне благополучно здравствующего Государя Императора Александра Николаевича.

VI. Какого вероисповедания

Православного.

VII. Где воспитывался

Под надзором Августейших родителей.

VIII. Получаемое на службе содержание

Жалованья — 1695 руб., столовых — 3000 руб.

Добавочных — 2400 руб.

Пенсия по ордену Св. Георгия 2 ст. — 400 руб.

7495 руб.

IX. Прохождение службы (Когда в службу поступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба; военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения):

26 февраля 1845 г. — Назначен шефом Астраханского карабинерного (ныне 12-й гренадерский Астраханский Имени Его Высочества) полка, с состоянием в полках: л.-гв. Гусарском (ныне Его Величества), Преображенском и Павловском.

17 марта 1845 г. — При Св. Крещении возложены знаки орденов: Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла и Св. Анны 1 ст.

7 июня 1845 г. — Назначен шефом л.-гв. Финского стрелкового батальона. 1 августа 1846 г. — Назначен покровителем Финляндского общества поощрения художеств.

28 января 1848 г. — Назначен состоять по Гвардейской конной артиллерии.

26 февраля 1852 г. — Пожалован в прапорщики.

26 февраля 1853 г. — В подпоручики.

19 февраля 1855 г. — Высочайшим приказом повелено: в числе прочих чинов, находившихся в ротах и эскадронах, носивших название в Бозе почившего Государя Императора Николая I, иметь на эполетах и погонах вензелевое изображение Имени Его Величества доколе в сих ротах и эскадронах оставаться будет.

24 февраля 1855 г. — Объявлена Высочайшая воля сохранить Его Высочеству навсегда на мундире л.-гв. Гусарского Его Величества полка вензелевое изображение Имени в Бозе почившего Государя Императора Николая I.

22 июля 1855 г. — Зачислен в стрелковый полк (ныне батальон) Императорской фамилии.

24 декабря 1855 г. — За успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии Их Императорских Величеств, произведён в поручики.

26 февраля 1856 г. — Зачислен л.-гв. в Конный полк.

17 апреля 1856 г. — Назначен шефом Переяславского драгунского полка, коему повелено наименоваться «18-м драгунским Переяславским Имени Его Высочества полком».

27 июля 1857 г. — Получил от Короля Прусского Фридриха Вильгельма IV орден Черного Орла.

27 августа 1857 г. — Получил от Гросс-Герцога Гессен-Дармштадтского Людвига III орден Людвига 1 ст.

26 февраля 1859 г. — <Произведён> штабс-капитаном.

26 июля 1860 г. — Получил от Великого Герцога Гольштейн-Ольденбургского Петра фамильный орден За достоинства.

26 февраля 1862 г. — <Произведён> капитаном.

30 августа 1862 г. — Назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству.

6 сентября 1863 г. — <Произведён> полковником с оставлением в звании флигель-адъютанта.

6 августа 1864 г. — В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4 ст.

8 сентября 1864 г. — Получил от Вюртембергского Короля Карла I орден Короны.

12 апреля 1865 г. — В день кончины Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича Высочайшим манифестом Государя Императора объявлен на основании коренного закона Империи Наследником престола Всероссийского и нераздельных с ним престолов Царства Польского и Великого Княжества Финляндского с присовокуплением титула Цесаревича.

Получил ордена:

16 мая 1865 г. — От Короля Ганноверского Георга V — Св. Георгия и Гвельфов.

19 мая 1865 г. — От Короля Нидерландского Вильгельма III — Льва.

22 мая 1865 г. — От Короля Датского Христиана IX — Слона.

22 мая 1865 г. — Принял звание шефа прусского Уланского 1-го и австрийского Пехотного 61-го полков.

29 мая 1865 г. — Назначен атаманом всех Казачьих войск и шефом л.-гв. Атаманского казачьего и 3-го уланского Смоленского полков и поселенного № 9-го Выборгского финского стрелкового баталиона (ныне расформированного), сохраняющих наименование полков Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, и зачислен: л.-гв. в Кавказские казачьи эскадроны Собственного Его Величества конвоя, л.-гв. в Уральский казачий дивизион и л.-гв. в Донскую казачью батарею.

Получил ордена:

2 июня 1865 г. — От Короля Шведского Карла XV — Се-
рафима.

3 июня 1865 г. — <От> Короля Баварского Людвига II —
Св. Губерта.

11 июня 1865 г. — <От> Короля Бельгийского Леополь-
да I — Леопольда.

11 июня 1865 г. — На основании Высочайшего указа о
присоединении ордена Св. Станислава 1 ст. к числу орде-
нов, кавалерами коих почитаются лица, жалуемые орденом
Св. Апостола Андрея Первозванного, причислен к кавале-
рам ордена Св. Станислава 1 ст.

16 июня 1865 г. — С Высочайшего Государя Императо-
ра соизволения принял под Своё Высокое покровительство
бесплатную школу пения, учреждённую коллежским асес-
сором Ломакиным (ныне С.-Петербургская бесплатная му-
зыкальная школа).

22 июня 1865 г. — Получил орден от Великого Герцога
Мекленбург-Стрелицкого Фридриха-Вильгельма — Вен-
денской Короны.

27 июня 1865 г. — С Высочайшего Государя Императо-
ра соизволения принял под Своё Высокое покровительство
Инвалидный дом Овсянникова.

Получил ордена:

5 июля 1865 г. — От Короля Италианского Виктора Эм-
мануила II — Аннунциады.

18 июля 1865 г. — <От> Императора Французов Напо-
леона III — Почётного легиона.

20 июля 1865 г. — Произнёс клятвенное обещание в
лице Наследника Всероссийского престола в Большой церк-
ви Зимнего Дворца и при торжественном собрании, быв-
шем в Георгиевской тронной зале, принял воинскую при-
сягу под штандартом Атаманского Своего Имени полка по
случаю вступления в действительную службу.

20 июля 1865 г. — Зачислен в полки: Кавалергардский и
л.-гв.: Семёновский, Кирасирский Его Величества, Измай-
ловский, Гатчинский, Уланский Его Величества и Грена-
дерский; в батальоны л.-гв.: Стрелковый Его Величества и
Сапёрный; л.-гв. в 1-ю Артиллерийскую бригаду и в Гвар-
дейский экипаж.

20 июля 1865 г. — Зачислен во все полки и отдельные
части гвардии, в которых Государь Император изволит
состоять шефом и в которых Его Высочество еще не чис-
лился.

20 июля 1865 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание канцлера Финляндского Александровского университета.

14 августа 1865 г. — Получил от Португальского Короля Люиса I орден Башни и Меча.

18 августа 1865 г. — С Высочайшего Государя Императора разрешения принял под Своё Высокое покровительство Московское археологическое общество любителей русских древностей.

30 августа 1865 г. — Произведён в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Величества и с оставлением в прежних званиях.

20 сентября 1865 г. — Получил от Великого Герцога Саксен-Веймарского Карла орден Белого Сокола.

27 сентября 1865 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного любителя Императорской Академии художеств.

5 октября 1865 г. — Принял под Своё Высокое покровительство Семейный приют (впоследствии Дом воспитания бедных детей в С.-Петербурге, а ныне Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге).

21 октября 1865 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Императорского Московского университета.

21 ноября 1865 г. — Высочайшим повелением, последовавшим об учреждении в С.-Петербурге Временного комитета для принятия мер против холеры, предоставлено Его Высочеству принять личное участие в этом комитете.

3 декабря 1865 г. — Получил от Испанской Королевы Изабеллы II орден Золотого Руна.

9 января 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Императорской Академии наук.

9 января 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Императорского Русского географического общества.

14 января 1866 г. — Получил от Императора Бразильского Дон-Педро II орден Южного Креста.

25 января 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание покровителя всех коннозаводских поощрений как государственных, так и Высочайше утверждённых обществ: по скачкам, рысистым бегам, выставкам как всеобщим, так и местным в России, верховых и крестьянских лошадей и возовым испытаниям.

Получил ордена:

1 апреля 1866 г. — От Султана турецкого Абдул-Азиса — Османиэ.

10 апреля 1866 г. — <От> Мексиканского Императора Максимилиана I — Орла Большого Креста.

11 июня 1866 г. — <От> Короля Датского Христиана IX — Данеброга за заслугу.

15 июля 1866 г. — <От> Короля Эллинов Георга I — Спасителя.

14 сентября 1866 г. — Высочайше повелено присутствовать в Государственном совете.

9 октября 1866 г. — По случаю прекращения в С.-Петербурге холеры и закрытия комитета в Высочайшем приказе по военному ведомству объявлена Его Высочеству, в числе прочих чинов, Монаршая благодарность.

24 октября 1866 г. — Получил от Австрийского Императора Франца-Иосифа I орден Св. Стефана.

28 октября 1866 г. — Высочайшим указом, данным Государственному совету, назначен членом Совета.

28 октября 1866 г. — По Высочайшей Государя Императора воле вступил в действительное управление по званию канцлера Александровским университетом в Финляндии.

28 октября 1866 г. — Высочайшим приказом назначен вторым шефом всех тех полков и частей гвардии, которых шефом изволит быть Государь Император.

23 ноября 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения избран в почётные члены С.-Петербургского университета.

25 ноября 1866 г. — Получил от Короля Саксонского Иоанна I орден Зелёной Короны.

2 декабря 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения учреждённому в г. Путивле женскому училищу присвоено наименование «Женского начального училища Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Александра Александровича».

4 декабря 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство Карамзинскую библиотеку.

16 декабря 1866 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения избран почётным членом Казанского университета.

4 января 1867 г. — Получил от Князя Черногорского Николая орден Даниила I.

28 февраля 1867 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного председателя Русского исторического общества.

8/20 июня 1867 г. — В день празднования 25-летия бракосочетания Их Величеств Короля и Королевы Датских принял звание члена Королевско-Датского общества стрелков.

26 июня 1867 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Общества попечения о раненых и больных воинах.

1 августа 1867 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание покровителя Виленской публичной библиотеки и музея.

6 октября 1867 г. — Высочайшим приказом по военному ведомству назначен состоять при войсках гвардии.

3 ноября 1867 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в С.-Петербурге бесплатную для детей бедных мастеров школу Комиссарова-Костромского.

15 декабря 1867 г. — Высочайше повелено присутствовать в Комитете финансов.

23 января 1868 г. — Назначен почётным председателем Временной комиссии доставления пособий жителям некоторых губерний России, пострадавшим от неурожая...

18 февраля 1868 г. — Высочайше повелено принять под покровительство Его Императорского Высочества Московский лицей, посвящённый памяти Цесаревича Николая Александровича.

26 февраля 1868 г. — На Всеподданнейшем докладе о результате заготовки 156 000 четвертей разного хлеба для неурожайных местностей России Его Императорским Величеством объявлена благодарность за эту успешную операцию собственноручной резолюцией в следующих выражениях: «Спасибо за этот результат».

9 марта 1868 г. — По Высочайшему Государя Императора повелению назначен присутствовать в Высочайше учреждённой комиссии для рассмотрения проекта общего таможенного тарифа по европейской торговле.

17 апреля 1868 г. — Назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству.

24 сентября 1868 г. — За отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с оставлением в прежних званиях.

1 октября 1868 г. — Высочайше повелено присутствовать в Комитете министров.

5 октября 1868 г. — За полезные и достохвальные труды по званию почётного председателя бывшей Временной комиссии доставления пособий жителям некоторых губерний России, пострадавшим от неурожая, объявлена душевная признательность Государя Императора...

20 марта 1869 г. — Во внимание к трудам Временной комиссии, на которую Высочайше возложено было рассмотрение вопроса о перевооружении нашей армии, объявлена Его Императорскому Высочеству как члену этой комиссии искренняя признательность Государя Императора в приказе.

3 июня 1869 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство открывшуюся в г. Вязьме на счёт Смоленского земства гимназию.

10 июля 1869 г. — Принял звание почётного члена Виленского Святодуховского православного братства.

11 сентября 1869 г. — С Высочайшего Государя Императора разрешения и соизволения Государя Наследника Цесаревича наименовано открытое при г. Череповце техническое училище для бедных детей Имени Его Императорского Высочества «Александровским техническим училищем, учреждённым братьями Милютиными в г. Череповце».

23 октября 1869 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения присвоено открытой в г. Вязьме гимназии в честь Высокого ее покровителя Государя Наследника Цесаревича наименование «Александровская гимназия Смоленского земства».

11 ноября 1869 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Николаевской инженерной академии.

15 декабря 1869 г. — Получил от Шаха Персидского Наср-Эдина орден портрета Его Величества.

17 декабря 1869 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Императорского Новороссийского университета.

3 января 1870 г. — Принял под Своё Высокое покровительство Новгородскую учительскую школу.

23 февраля 1870 г. — Приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа с соизволения Государя Императора назначен командовать 1-ой Гвардейской пехотной дивизией.

23 апреля 1870 г. — Высочайшим приказом назначен шефом 145-го пехотного Новочеркасского полка, коему

повелено именоваться 145-м пехотным Новочеркасским Имени Его Высочества полком.

21 июля 1870 г. — За командование передовым отрядом южного корпуса на манёврах войск гвардии с 16 по 21 июля в присутствии Государя Императора объявлена Высочайшая благодарность в приказе.

30 августа 1870 г. — Пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2 ст. при следующей Высочайшей грамоте: «Любезному Моему сыну, Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

При осмотрах Мною войск, бывших в течение лета в сборе под Красным Селом, Я с истинным удовольствием находил состоящую под Вашей командой 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию в отличном состоянии по всем частям воинского образования.

Относя это к примерной ревности Вашей по исполнению всех возлагаемых Мною на Вас поручений и в знак особого Моего к Вам благоволения, Я жалую Вас кавалером Императорского ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира второй степени, знаки коего при сём препровождая, повелеваю Вам возложить на Себя и носить по установлению.

Пребываю к Вам Императорской милостью Нашею благосклонный».

8 сентября 1870 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в г. Царском Селе мужскую гимназию, наименованную «Николаевской» в память в Бозе почивших Императора Николая I и Цесаревича Николая Александровича.

25 ноября 1870 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял звание почётного члена Михайловской артиллерийской академии.

25 ноября 1870 г. — По Высочайшему Государя Императора повелению зачислен на основании приказа 28 октября 1866 года вторым шефом 1-й Его Величества батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

14 февраля 1871 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство Общество лужских сельских хозяев.

20 марта 1871 г. — С Высочайших Их Императорских Величеств соизволения наименовано открытое 26 февраля 1871 года в г. Москве благотворительное заведение почётного гражданина Патрикеева «Александровским» по Августейшему Имени Его Императорского Высочества.

27 мая 1871 г. — Принял звание почётного члена Московского общества охотников конского бега.

19 июня / 1 июля 1871 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство содержащую на средства Сумского земства с пособием от Государственного казначейства гимназию в г. Сумах с дозволением наименоваться ей «Александровской» по Августейшему Имени Его Императорского Высочества.

3 августа 1871 г. — Принял под Своё Высокое покровительство Императорское Московское общество охотников конского бега. Назначен вторым шефом:

22 августа 1871 г. — 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского Его Величества полка;

20 сентября 1871 г. — 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка.

23 октября 1871 г. — Принял под своё Высокое покровительство Им же учреждённый Дом призрения душевнобольных.

14 января 1872 г. — С Высочайшего соизволения наименована состоящая под Высоким покровительством Его Императорского Высочества Новгородская учительская школа «Александровской» по Имени Его Высочества.

9 февраля 1872 г. — Высочайше разрешено учредителям состоящего под Высоким покровительством Государя Наследника Цесаревича Севастопольского отдела Московской политехнической выставки основать в Москве музей Имени Его Императорского Высочества.

26 апреля 1872 г. — Назначен начальником 1-й гвардейской Пехотной дивизии.

29 июня 1872 г. — За отличное состояние и превосходный порядок, найденный Его Величеством в отряде войск, находившихся под командою Его Императорского Высочества на параде в г. Павловске по случаю торжественного открытия памятника в Бозе почившему Императору Павлу I, объявлена особая Высочайшая благодарность в приказе.

14 августа 1872 г. — Назначен шефом лейб-гвардии Донской конно-артиллерийской батареи, коей повелено именоваться «Лейб-гвардии Донской конно-артиллерийской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батареей».

9 декабря 1872 г. — С Высочайшего соизволения посвящён Имени Его Императорского Высочества вновь

устроенный комитетом Волковской Александровской богадельни третий отдел оной на 70 человек для призрения престарелых и неимущих женщин.

3 января 1873 г. — С Высочайшего разрешения принял звание почётного президента Имени Своего музея в Москве.

23 февраля 1873 г. — Высочайше назначен почётным председателем Русского отдела Венской всемирной выставки.

9 марта 1873 г. — Высочайше разрешено устроить в г. Воронеже по ходатайству городской думы в память счастливого выздоровления Его Императорского Высочества бесплатное двухклассное женское училище с наименованием оного «Александровским».

2 мая 1873 г. — Его Величеством Императором Германским зачислен в прусский гвардейский гренадерский 1-й Императора Александра полк.

6 мая 1873 г. — Высочайшим приказом зачислен в списки лейб-гвардии Резервного пехотного полка.

19 августа 1873 г. — Получил от Португальского Короля Люиса I Большой Крест Королевских орденов Спасителя и Св. Венедикта Ависа.

23 сентября 1873 г. — Высочайше разрешено устроить в г. Курске по ходатайству городской думы в память счастливого выздоровления Его Императорского Высочества двухклассное мужское училище с наименованием оного «Александровским» по Имени Его Высочества.

24 ноября 1873 г. — Русскому историческому обществу, которому Его Императорское Высочество изволит быть председателем, присвоено наименование «Императорского» при рескрипте на Имя Его Высочества следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество. Состоящее под председательством Вашим Русское историческое общество в течение семилетнего существования своего оказало немаловажные услуги русской истории разысканием и обнародованием многих важных документов, относящихся до XVIII столетия.

В нынешний день, посвящённый памяти Императрицы Екатерины II, Мне приятно вспомнить, что труды общества обращены были преимущественно на сохранение актов достохвальных Её деяний, клонившихся к благосостоянию России.

Желая явить обществу знак Моего благоволения к трудам его, повелеваю ему именоваться впредь Император-

ским Русским историческим обществом. Искренно Вас любящий».

21 декабря 1873 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения Кременчугское реальное училище наименовано «Александровским» по Имени Его Высочества и устроенная при оном церковь освящена в честь Св. Александра Невского.

31 декабря 1873 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения Орловское реальное училище наименовано «Александровским» по Имени Его Высочества.

29 января 1874 г. — Принял звание действительного члена Общества подаяния помощи при кораблекрушениях.

26 февраля 1874 г. — Высочайшим приказом назначен вторым шефом полков Его Величества: 68-го лейб-пехотного Бородинского, 1-го лейб-драгунского Московского, 2-го лейб-уланского Курляндского и 2-го лейб-гусарского Павлоградского, а также 1-го Павловского и 3-го Александровского военных училищ.

12 апреля 1874 г. — С Высочайшего соизволения принял звание попечителя Назаретской сельской лечебницы Костромской губернии.

8/20 мая 1874 г. — С Высочайшего соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в г. Москве иждивением потомственного почётного гражданина московского 1-й гильдии купца Ермакова богадельню.

30 августа 1874 г. — Высочайшим приказом произведён в генералы от инфантерии и генералы от кавалерии с оставлением в прежних званиях и с назначением командиром Гвардейского корпуса.

13 января 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Можайского благотворительного общества, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Великой Княгини Цесаревны.

23 января 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Общества для содействия русскому торговому мореходству.

26 февраля 1875 г. — За полезные и неусыпные заботы по званию покровителя Дома призрения малолетних бедных и Дома призрения душевнобольных в С.-Петербурге объявлена искренняя и душевная признательность Государя Императора...

16 марта 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Общества любителей кавказской археологии.

24 апреля 1875 г. — За отличное состояние и порядок, найденные Государем Императором на бывшем 24 апреля 1875 г. на Марсовом поле смотре войскам, находившимся под начальством Его Императорского Высочества как командира Гвардейского корпуса, изъявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

21 июня 1875 г. — Зачислен в полки лейб-гвардии: Литовский и Гродненский гусарский.

6 августа 1875 г. — Выражена искренняя благодарность Государя Императора руководившему лагерным сбором войск его Императорскому Высочеству командиру Гвардейского корпуса.

27 августа 1875 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного председателя организационной комиссии по участию России на международной выставке и конгрессе в Брюсселе по предмету общественной гигиены и способов охранения и спасения жизни человеческой.

12 января 1876 г. — С Высочайшего соизволения принял от гроссмейстера Мальтийского ордена Большой Крест этого ордена.

23 января 1876 г. — За отличное состояние и порядок, найденный Государем Императором на бывшем 23 сего января смотре войскам, объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

30 января 1876 г. — За отличное состояние и порядок, найденные Государем Императором на бывшем 30 сего января смотре войскам, объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

23 февраля 1876 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство учреждённую в г. Короче Курской губернии шестиклассную мужскую прогимназию с присвоением ей наименования «Александровской» по Имени Его Высочества.

19 апреля 1876 г. — Согласно воле Государя Императора, объявленной в приказе по войскам гвардии, возложено начальство над всеми войсками, назначенными находиться в лагерном сборе в Красном Селе в течение настоящего лета.

27 апреля 1876 г. — За отличное состояние и порядок, найденный Государем Императором на бывшем 27 апреля сего года на Марсовом поле смотре войскам, находившимся под начальством Его Императорского Высочества как командира Гвардейского корпуса, изъявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

20 мая / 1 июня 1876 г. — С Высочайшего Государя Императора соизволения принял под Своё Высокое покровительство Николаевское православное братство, основанное при церкви Св. Николая Чудотворца в память в Бозе почившего Цесаревича Николая Александровича.

19 июля 1876 г. — За отличное состояние и порядок, найденные Государем Императором на произведённом 19 июля 1876 г. смотру всем войскам Красносельского и Усть-Ижорского лагерей, объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

12 августа 1876 г. — Рескриптом, данным в 10-й день сего августа на имя главнокомандующего Петербургским военным округом Великого Князя Николая Николаевича старшего, объявлена за блестящий порядок войск, найденный во время смотров в сем году, благодарность Государя Императора.

12 августа 1876 г. — За отличное состояние, найденное Государем Императором во время произведённого общего корпусного манёвра всех войск, расположенных в лагере под Красным Селом, 30 июля сего года объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

3 ноября 1876 г. — За отличное состояние и порядок, найденный Государем Императором на бывшем 3 ноября сего года на Марсовом поле смотру войскам, находившимся под начальством Его Императорского Высочества как командира Гвардейского корпуса, изъявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

19 ноября 1876 г. — С Высочайшего соизволения Серпуховской мужской прогимназии присвоено наименование «Александровской» в честь Имени Его Высочества.

4 декабря 1876 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Мариинского благотворительного общества при московской Мариинской больнице для бедных и учреждённому при оном приюту для неизлечимых присвоено наименование «Александровского» в честь Имени Его Высочества.

28 апреля 1877 г. — За отличное состояние и порядок, найденный Государем Императором на бывшем 28 апреля сего года на Марсовом поле смотру войскам, изъявлена искренняя признательность Его Императорского Величества.

15 сентября 1877 г. — Пожалован кавалером ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира 1 ст. с мечами.

15 ноября 1877 г. — Получил от Князя Румынского орден Румынской Звезды.

30 ноября 1877 г. — Пожалован кавалером ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия второй степени.

3 декабря 1877 г. — Назначен шефом 2-го пехотного Софийского полка.

Получил ордена:

3 декабря 1877 г. — От Императора Германского «Pour le merite»;

3 декабря 1877 г. — <От> Великого Герцога Мекленбург-Шверинского за отличие в военное время;

17/29 января 1878 г. — От Князя Румынского медаль за военные заслуги.

26 февраля 1878 г. — Пожалована золотая бриллиантами украшенная сабля с надписью: «За отличное командование Рушукским отрядом».

26 марта 1878 г. — Получил от Сербского Князя орден «Такова».

17 апреля 1878 г. — На основании Высочайшего повеления, изъяснённого в приказе по военному ведомству от 17 апреля за № 107, получил светло-бронзовую медаль в память Турецкой войны 1877—1878 гг.

9 мая 1878 г. — С Высочайшего соизволения принял под Своё Высокое покровительство Общество добровольного флота.

30 июня 1878 г. — С Высочайшего соизволения принял под Своё Высокое покровительство техническое училище, учреждённое в г. Кунгуре Пермской губернии коммерции советником почётным гражданином Губкиным.

23 ноября 1878 г. — За отличное собрание и порядок, найденный Государем Императором на бывшем 23 ноября смотре войскам, объявлена искренняя признательность Его Величества.

26 ноября 1878 г. — На параде Георгиевских кавалеров в залах Зимнего дворца командовал всеми войсками, расположенными в Георгиевском зале.

1 марта 1879 г. — Назначен вторым шефом 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка.

20 марта 1879 г. — Принял звание действительного члена Общества поощрения художников.

10 мая 1879 г. — Получил румынский железный крест, учреждённый в память перехода войск через р. Дунай в 1877 г.

20 августа 1879 г. — Получил шведский орден Олафа.

30 августа 1879 г. — Назначен вторым шефом 16-го стрелкового Ее Величества баталиона.

25 сентября 1879 г. — Принял звание шефа Датского гвардейского баталиона.

25 апреля 1880 г. — С Высочайшего соизволения принял под Своё Высокое покровительство Петровское училище Купеческого общества.

С 4 мая по 24 мая 1880 г. — По случаю отъезда из С.-Петербурга Его Императорского Высочества главнокомандующего генерал-фельдмаршала Николая Николаевича командовал войсками гвардии Петербургского военного округа.

2 июня 1880 г. — С Высочайшего соизволения принял под Своё Высокое покровительство приходское братство при церкви Св. Апостола Иоанна Богослова близ костромского Ипатьева монастыря с наименованием оногo «Александровским православным братством».

22 июля 1880 г. — Зачислен лейб-гвардии в Кирасирский Её Величества полк.

17 августа 1880 г. — Высочайшим приказом назначен командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа.

28 августа 1880 г. — Получил японский орден Восходящего Солнца.

24 декабря 1880 г. — С Высочайшего соизволения принял звание почётного члена Общества попечения о бедных духовного звания ведомства главного священника армии и флотов.

1 марта 1881 г. — По случаю несчастной кончины Блаженной Памяти Императора Александра II вступил на прародительский престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Х. Бытность вне службы: а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли отсрочка уважительной; б) о бессрочном отпуску, с какого и по какое время; в) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу, и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

Не был.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания.

Женат на Принцессе Датской Марии Фридерикс Дагмар, второй дочери Короля Христиана IX, ныне Её Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая Княгиня Мария Фёдоровна; имеет сыновей Великих Князей: Николая Александровича, родившегося 6 мая 1868 года, и Георгия Александровича, родившегося 27 апреля 1871 года, Михаила Александровича, родившегося 22 ноября 1878 года. Дочь Великую Княгиню Ксению Александровну, родившуюся 25 марта 1875 года.

XII. Есть ли за ним, родителями его, или, когда женат, за женою недвижимое имущество родовое или благоприобретённое.

Не имеет.

XIII. В штрафах по суду, или без суда, также под следствием был ли, когда, за что именно и чем дело кончено.

Не был.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля с объяснением: где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства; подсудность, не подлежащая внесению в штрафную (XIII) графу».

Сразу же после вступления на императорский престол 1 марта 1881 года завершился и послужной список наследника цесаревича Александра Александровича, — начался новый список деяний российского императора Александра III.

2. Персоналии

Август Вюртембергский (1785—1885), принц, генерал-адъютант кавалерии со званием генерал-фельдмаршала. В 1831 г. поступил на прусскую службу ротмистром лейб-гвардии полка. В 1858 г. — командир гвардейского корпуса, был губернатором Берлина. В 1878 г. — главнокомандующий пограничными войсками.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), российский военный деятель, русский генерал от инфантерии, граф, министр Императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения. Редактор газет «День» (до 1865), «Москва», журнала «Русская беседа» и др. За публикацию критических материалов о важных государственных деятелях, например о генерале А. Л. Потапове, а также за политическую критику был отстранён от публицистической деятельности на 12 лет. Вернулся к ней в 1880 г., получив разрешение на издание газеты «Русь», которая просуществовала до его смерти. Председатель Общества любителей российской словесности (1872—1874) и Московского славянского комитета (1875—1878). Будучи славянофилом и «правдиво-истинным» мыслителем, сочетал в своих воззрениях приверженность к монархизму с критикой государственной власти.

Александр Гессен-Дармштадтский (1823—1888) — принц Гессенский. Сын герцога Людвиг II Гессен-Дармштадтского, брат императрицы Марии Александровны. С 1845 г. на русской службе. В 1853 г. вступил в австрийскую службу и был возведён в звание фельдмаршала-лейтенанта.

Александр I Баттенбергский (1857—1893) — принц. Сын принца Александра Гессенского. Участник Русско-турецкой войны (1877—1878). В 1879 г. тырновским великим собранием единогласно избран князем Болгарским.

Александр II (1818—1881) — российский император, старший сын императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. Вступил на престол 19 февраля 1855 г. Убит террористами 1 марта 1881 г.

Александр Михайлович (1866—1933) — великий князь, генерал-адъютант, вице-адмирал, четвёртый сын великого князя Михаила Николаевича. В 1900 г. назначен председателем совета по делам торгового мореплавания. В 1904 г. — председатель особого

комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. Председатель комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны.

Александра Александровна (1842—1849) — великая княжна, дочь наследника-цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и Марии Александровны.

Александра Иосифовна, урождённая *Александра Саксен-Альтенбургская* (1830—1911) — супруга великого князя Константина Николаевича, своего троюродного брата. В семейном кругу великую княгиню называли «тётя Санни».

Александра Петровна (1838—1900) — великая княгиня, урождённая принцесса Александра-Фредерика-Вильгельмина Ольденбургская. С 1856 г. супруга великого князя Николая Николаевича Старшего. Была «не лишена ума», «очень некрасива, не представительна», «имела некоторые странности, страдала тяжёлой формой истерии и была, как все Ольденбургские, очень энергична». С 1889 г. — инокиня Анастасия Киево-Покровского женского монастыря.

Александра Фёдоровна, урождённая *Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина* (1798—1860) — принцесса Прусская, дочь короля Фридриха Вильгельма III; императрица, жена императора Николая I, мать императора Александра II.

Алексей Александрович (1850—1908) — великий князь, сын наследника-цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и Марии Александровны. Член Государственного совета (1881), главный начальник флота и морского ведомства (1881—1905), генерал-адмирал (1883), член Комитета министров (1892—1905).

Альберт-Эдуард Уэльский (1841—1910) — герцог, старший сын английской королевы Виктории. Супруг Александры — сестры Дагмары (российской императрицы Марии Фёдоровны). С 1901 г. король Эдуард VII, первый из Саксен-Кобург-Готской (ныне Виндзорской) династии.

Альфред-Эрнест-Альберт (1844—1900) — принц Великобританский, герцог Эдинбургский. Второй сын королевы Виктории. Супруг великой княгини Марии Александровны, дочери императора Александра II.

Андреевский Иван Ефимович (1831—1891) — российский учёный и общественный деятель, писатель, юрист, историк, архивист, гигиенист, педагог, ректор, профессор Санкт-Петербургского университета.

Аничков Милий Мильевич (1848— после 1917) — участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 1906 г. генерал-лейтенант. С 1882 г. занимал пост заведующего царскосельскими дворцами и парками, затем помощник начальника Главного Дворцового управления (1883), заведующий императорским Гатчинским дворцом и городом Гатчина (начальник Гатчинского дворцового управления) (1885). С 1891 по 1917 г. — исправляющий должность заведующего хозяйством гофмаршальской части.

Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — литературный критик, историк литературы и мемуарист.

Антокольский Марк Матвеевич (Мордех Матысович) (1843—1902) — российский скульптор, с 1871 г. академик Петербургской академии наук, с 1880 г. профессор.

Арсентьев Дмитрий Сергеевич (1832—1915) — генерал-адъютант, адмирал, с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей, сыновей Александра II.

Бабст Иван Кондратьевич (1823—1881) — российский общественный деятель, историк, экономист, публицист, редактор. С 1862 г. преподавал политэкономии и статистику наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу, а впоследствии и Александру Александровичу.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — один из основателей и теоретиков анархизма и народничества. Сотрудничал в «Колоколе» Герцена. Призывал к разрушению существующих государств, в особенности империй — таких как Российская и Австро-Венгерская. Состоял членом нескольких масонских лож. В 1860-х гг. входил в I Интернационал.

Баранов Николай Михайлович (1837—1901) — генерал-лейтенант, сенатор. Служил в Русском обществе пароходства и торговли (1858—1861). Участник Русско-турецкой войны (1877—1878), петербургский градоначальник (1881).

Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884) — российский государственный деятель, граф, генерал от инфантерии, председатель департамента государственной экономии Государственного совета Российской империи, председатель Особой высшей комиссии для исследования железнодорожного дела в России.

Барятинский Александр Иванович (1815—1879) — российский военный и государственный деятель, князь, генерал-фельдмаршал (1859), член Государственного совета (1860). Активный

участник Кавказской войны (с 1835). С 1856 г. главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе, успешно руководил военными действиями и взял в плен имама Шамиля (1859), закончив многолетнюю Кавказскую войну.

Беггров Александр Карлович (1841—1914) — российский живописец, один из крупнейших мастеров морского пейзажа, член Товарищества передвижных художественных выставок.

Бенкендорф Павел Константинович (1853—1921) — российский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии, граф, обер-гофмаршал. Во время Русско-турецкой войны служил на Кавказском фронте. После окончания войны принят на придворную службу. Член Государственного совета. Член императорского яхт-клуба.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — российский общественный деятель, профессор, руководитель санкт-петербургской школы историографии, специалист по источниковедению, председатель Славянского благотворительного общества.

Бисмарк-Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд (нем. *Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen*) (1815—1898) — германский государственный деятель, князь, первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии и прозванный «железным канцлером». При выходе в отставку получил ненаследуемый титул герцога Лауэнбургского и чин прусского генерал-полковника в ранге генерал-фельдмаршала.

Бистром Родриг Григорьевич (1810—1886) — российский военный деятель, барон, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного совета.

Бобринский Александр Алексеевич (1823—1903) — российский государственный деятель, из рода графов Бобринских, правнук Екатерины II. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был губернатором Санкт-Петербургской губернии, состоял петербургским губернским предводителем дворянства.

Бобринский Алексей Васильевич (1831—1888) — российский общественный деятель, граф, московский губернский предводитель дворянства с 1875 по 1883 г., с 1883 г. член Государственного совета. В качестве руководителя Общества акклиматизации животных и растений увлекался зоологией, ботаникой, химией. Слыл также знатоком произведений искусства, нумизматом, собирателем древностей, библиофилом.

Богданович Модест Иванович (1805—1882) — военный историкограф, генерал-лейтенант.

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — русский художник-маринист. После окончания Академии художеств в 1853 г. с первой золотой медалью был назначен художником Главного морского штаба. Император Александр II поручил Боголюбову написать в картинах историю флота Петра Великого. Был основателем рисовального училища и Художественного музея в Саратове, завещал в этот музей свои произведения.

Божерянов Иван Николаевич (1852—1919) — русский искусствовед и автор популярных исторических работ. В 1870 г. окончил курс наук в Николаевском кавалерийском училище и был вольнослушателем в Санкт-Петербургском университете. Автор статей по истории русского искусства, которые публиковались в различных периодических изданиях. С 1889 г. работал в «Русском вестнике».

Бронников Фёдор Андреевич (1827—1902) — русский живописец, профессор исторической живописи. До 1881 г. выставлал свои картины на академических выставках, а после на выставках Товарищества передвижных выставок.

Валуев Пётр Александрович (1814—1890) — российский государственный деятель, граф, статс-секретарь. В 1853 г. курляндский губернатор. Министр внутренних дел (1861—1868). Разработал и провёл земскую и цензурную реформы. Активно участвовал в разработке мер по борьбе с революционным движением. Председатель Комитета министров и главноуправляющий канцелярии Его величества по принятию прошений (1879—1881), член Государственного совета. Автор романа «Лорин» (1882).

Ванновский Пётр Семёнович (1822—1904) — российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии, военный министр (1881—1897), министр народного просвещения (1901—1902). Участник Крымской войны (1853—1856). Во время Русско-турецкой войны (1877—1878) был начальником штаба Руцукского отряда, которым командовал цесаревич — будущий император Александр III. С 1881 г. управлял Военным министерством, провёл целый ряд необходимых преобразований, но из-за своей властности и грубости был крайне непопулярен в армии. Член Государственного совета (с 1898). В 1899 г. руководил расследованием студенческих волнений. В 1901 г. назначен министром народного просвещения, но уже через год вышел в отставку.

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — русский художник-живописец и архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи.

Велёпольский Зигмунт Анджей (1833—1902) — российский и польский государственный деятель, президент Варшавы (1862—1863). Был директором Правительственной комиссии по делам религиозных конфессий и народного просвещения, затем управлял имуществом епископства Гнезненского в окрестностях Ловича, принадлежавшего императорской семье.

Вельяминов Николай Александрович (1855—1920) — российский учёный, лейб-медик, академик медицины, профессор Императорской Военно-медицинской академии, директор Максимилиановской клиники, издатель журнала «Русский хирургический архив».

Видов Александр Фомич (1829—1896) — архитектор, ученик архитектора К. А. Тона, с 1854 по 1896 г. старший дворцовый архитектор Царскосельского дворцового ведомства (придворный архитектор).

Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903) — русский живописец, академик, заслуженный профессор батальной живописи, член Совета Императорской академии художеств.

Вильгельм I Фридрих Людвиг (нем. *Wilhelm I. Friedrich Ludwig*) (1797—1888) — германский император (кайзер) с 1871 г., регент Прусского королевства с 1858 г., с 1861 г. король Пруссии. Прусский генерал-полковник в ранге генерал-фельдмаршала (1854). Первый правитель объединённой Германской империи.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — российский государственный деятель. С 1870 г. служил на железной дороге. В 1890 г. Александр III назначил его директором департамента железнодорожных дел и одновременно председателем тарифного комитета. В 1891 г. Витте разработал новый таможенный тариф. В 1892 г. стал министром путей сообщения, а затем министром финансов с 1892 по 1903 г. С 1903 по 1905 г. председатель Комитета министров, с 1905 по 1906 г. — председатель Совета министров. Автор денежной реформы 1897 г. Действительный тайный советник (1899), член Государственного совета (с 1903). Заключил мир с Японией (1905), за что получил графский титул, а в народе прозвище «граф Полусахалинский», так как отдал японцам половину острова Сахалин.

Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, сын наследника-цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и Марии Александровны. Шеф лейб-гвардейского Драгунского полка (с 1847), генерал от инфантерии (1880), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905), сенатор (1868), член Государственного совета (1872), президент Академии художеств.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны (1877—1878), командовал кавалерией Рушукского отряда наследника цесаревича. С 1881 г. начальник Охраны императора Александра III, главноуправляющий государственным коннозаводством. С августа 1881 г. — министр Императорского двора и уделов.

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — российский государственный и общественный деятель, один из основоположников теории автоматического регулирования, основатель научной школы по конструированию машин, почётный член Петербургской академии наук (1888), министр финансов в 1887—1892 гг.

Вяземский Пётр Андреевич (1792—1878) — российский государственный и общественный деятель, князь, русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист.

Вячеслав Константинович (1862—1879) — великий князь, внук императора Николая I.

Гамбургер Андрей Фёдорович (1821—1899) — российский государственный и общественный деятель, статс-секретарь, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Швейцарском союзе, тайный советник. Почётный член Московского Публичного и Румянцевского музеев, член иностранных академий.

Гартман Лев Николаевич (1850—1913) — русский революционер-народник, террорист. Заграничный представитель подпольной революционной террористической организации «Народная воля».

Гейден Фёдор Логинович (Логгинович) (1821—1900) — российский военный деятель, начальник Главного штаба при Александре II (1866—1881), граф, один из руководителей александровской военной реформы, генерал от инфантерии, член Государственного совета (1889). В 1840—1860 гг. служил на Кавказе, участвовал в пленении Шамиля. Особо отличился в Русско-турецкой войне (1877—1878). Всегда заботился о нуждах солдат, отвечавших ему абсолютной преданностью.

Георгий Александрович (1871—1899) — великий князь, сын наследника цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III). Скончался от туберкулёза.

Георгий Максимилианович Лейхтенбергский (1852—1912) — герцог, князь Романовский. Женат первым браком на герцогине Терезии Ольденбургской.

Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (1859—1909) — принц (формально герцог) Мекленбургского дома, сын великой княгини Екатерины Михайловны и герцога Георга, правнук императора Павла I, владелец Ораниенбаума и Карловки. Генерал-майор русской службы.

Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909) — действительный статский советник, купец первой гильдии, барон. В 1870—1880-е гг. один из богатейших людей Российской империи, глава финансовой династии Гинцбургов. Ктитор Большой хоральной синагоги в Петербурге.

Гирс Николай Карлович (1820—1895) — российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи (1882—1895). Сенатор (с 1875), действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), почётный член Петербургской академии наук (1876), член Государственного совета (с 1882).

Гирш Густав Иванович (1828—1907) — военный врач, доктор медицины, лейб-хирург императора Александра III в 1889—1894 гг., с 1894 г. — лейб-хирург Николая II. Происходил из эстонской крестьянской семьи, был племянником Ф. Я. Кареля, лейб-медика Александра II, и был назначен врачом ко двору по протекции своего дяди.

Глинка (с 1865 г. *Глинка-Маврин*) *Борис Григорьевич* (1810—1895) — российский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа.

Голицын Николай Николаевич (1836—1893) — российский государственный и общественный деятель, действительный статский советник, князь, историк и библиограф. С 1875 г. — на службе в Собственной Его Императорского величества канцелярии по делам Царства Польского. Редактировал журнал «Варшавский дневник». Состоял при Министерстве внутренних дел. В 1890 г. стал членом совета Крестьянского земельного банка. В последние годы состоял секретарём великой княгини Марии Павловны.

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — российский государственный деятель, князь, дипломат, канцлер (1867), почётный член Петербургской академии наук (1856), член Государственного совета (1862). Выпускник Царскосельского лицея. С 1817 г. на дипломатической службе. В 1873 г. участвовал в создании «Союза трёх императоров». В 1875 г. фактически предотвратил планировавшуюся Германией войну с Францией. Обеспечил нейтралитет европейских держав в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889) — российский общественный деятель, учёный, профессор государственного права и публицист.

Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887) — российский государственный деятель, генерал-адъютант, министр финансов, участник обороны Севастополя, сын адмирала А. С. Грейга.

Гримм Давид Иванович (1823—1898) — российский архитектор, один из создателей «русского стиля», академик архитектуры. Председатель Петербургского общества архитекторов (1888—1890).

Грот Яков Карлович (1812—1893) — российский учёный-филолог. С 1840 г. профессор Гельсингфорсского университета, с 1858 г. академик, с 1889 г. вице-президент Российской Императорской академии наук. Действительный тайный советник.

Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828—1901) — российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1894), член Государственного совета (1886). В ходе Русско-турецкой войны (1877—1878) освободил значительную часть Болгарии, удерживал Шипкинский перевал, командовал кавалерией под Плевной. Участвовал в освобождении Софии, разгроме турецких войск, взятии Адрианополя и Сан-Стефано, где и был подписан мирный договор, положивший конец 500-летнему турецкому игу в Болгарии. Во время сражений воодушевлял солдат личным примером.

Делянов Иван Давыдович (1818—1897) — российский государственный деятель, граф, министр народного просвещения (1882—1897). Член Государственного совета (с 1874). В 1861—1882 гг. директор Императорской публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека). Возглавляя Министерство народного просвещения, ввёл новый университетский устав (1884), отменивший университетскую автономию, закрыл Высшие женские курсы (1886). В 1887 г. издал циркуляр, ограничивавший приём детей недворянского происхождения в гимназии, а в средние учебные заведения не принимались «дети кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.» (так называемый «циркуляр о кухаркиных детях»).

Джевецкий Степан Карлович (1843—1938) — инженер, один из первых в мире создателей подводных лодок, в том числе с электрическим двигателем (1880). До 1892 г. работал в России, затем во Франции.

Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич (1837—1898) — русский жанровый и батальный живописец, график, академик и

профессор батальной живописи Императорской академии художеств, один из учредителей Санкт-Петербургской артели художников.

Дмитрий Константинович (1860—1919) — великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости.

Долгорукий Александр Сергеевич (1842—1912) — российский государственный деятель, князь, обер-церемониймейстер, член Государственного совета.

Долгорукова Екатерина Михайловна (1847—1922) — вторая, морганатическая супруга императора Александра II, с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская. До 1880 г. его фаворитка.

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905) — российский военный деятель, генерал от инфантерии (1891), военный теоретик, педагог. В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. командир дивизии, с 1878 г. — начальник Академии Генерального штаба, с 1889 г. — командующий войсками Киевского военного округа. В 1897—1903 гг. был киевским, волынским и подольским генерал-губернатором. Член Государственного совета (с 1904).

Дрентельн Александр Романович (1820—1888) — генерал-губернатор Юго-Западного края, член Государственного совета.

Дризен Александр Фёдорович (1824—1893) — русский генерал, барон, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Дурново Иван Николаевич (1834—1903) — российский государственный деятель, министр внутренних дел (1889—1895). Возглавляя министерство, провёл реформы: о земских начальниках (1889), о земских учреждениях (1890), Городовое положение (1892). Председатель Комитета министров (1895—1903).

Екатерина Михайловна (1827—1894) — великая княгиня, в замужестве Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I.

Екатерина Петровна Ольденбургская (1846—1866) — принцесса, дочь принца Петра Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской. Правнучка императора Павла I. Предполагаемая невеста цесаревича Николая, старшего сына императора Александра II.

Жомини Александр Генрихович (1814—1888) — российский государственный деятель, дипломат, барон. Один из учредителей Императорского Русского исторического общества.

Забелин Иван Егорович (1820—1908) — российский учёный, историк. Изучал домашний быт Руси и считал, что в нём коренятся причины многих исторических явлений и событий. Отстаивал самобытность русского народа, подчёркивал его огромные творческие силы. Задумал многотомное исследование «Домашний быт русского народа XVI—XVII вв.», но опубликовал только раздел, посвящённый жизни царского двора.

Захарьин Григорий Антонович (1829—1897) — русский терапевт, один из основоположников клинической медицины в России, доктор медицины, профессор. В 1864—1896 гг. — директор факультетской терапевтической клиники. Приглашался в качестве консультанта к императору Александру III.

Зиновьев Владимир Васильевич (1814—1891) — генерал, гофмаршал Двора наследника цесаревича.

Злобин Константин Константинович (1814—1877) — директор Государственного архива и Санкт-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел.

Ивашинцов Николай Алексеевич (1819—1871) — российский военный и государственный деятель, гидрограф, участник Туркестанских походов, контр-адмирал.

Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — российский военный и государственный деятель, граф (1877), генерал от инфантерии (1878), дипломат, член Государственного совета (1877). Заключил договор с Китаем, по которому за Россией признавались все земли на левом берегу Амура, а также территория между Уссури и Тихим океаном. В 1864—1877 гг. посол России в Османской империи, участник подготовки мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну на Балканах. Министр внутренних дел (1881—1882). С 1883 г. — председатель Общества для содействия развития русской промышленности и торговли, с 1888 г. — председатель Славянского благотворительного общества.

Иоанн Кронштадтский (в миру *Иван Ильич Сергиев*) (1829—1908) — русский религиозный деятель, протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, духовный писатель и мыслитель. Канонизирован Русской Православной церковью.

Исидор (в миру *Иаков Сергеевич Никольский*) (1799—1892) — епископ Православной Российской церкви; митрополит Киевский, с 1860 г. — Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего синода. Руководил работой по переводу книг Священного Писания на русский язык на завершающем её этапе (1860—1877). 15 мая 1883 г. в Москве,

в кремлёвском Успенском соборе, короновал императора Александра III.

Каменский Евгений Семёнович (1848—1917) — военачальник, генерал от кавалерии, историк.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, философ, литературный критик, издатель, тайный советник (1882). С 1856 г. издатель журнала «Русский вестник», много лет издавал газету «Московские ведомости» (1850—1855, 1863—1887).

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — русский историк, историограф. Движущими силами истории он считал личность, природу и общество. Отказался от периодизации по царствованиям и положил в основу своей периодизации два критерия — экономический и политический. Издал «Курс русской истории» в пяти частях, охватывающий период с древнейших времён до Великих реформ. Признавал исключительно эволюционный способ исторического развития и решительно отвергал революции.

Козлов Павел Александрович (1841—1891) — адъютант наследника цесаревича Александра Александровича, флигель-адъютант (1881), генерал-майор (1883).

Комиссаров (Комиссаров-Костромской) Осип Иванович (1838—1892) — крестьянин, спасший Александра II во время покушения Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. Уроженец Костромской губернии, шапочный мастер. Возведён в потомственное дворянство с фамилией Комиссаров-Костромской.

Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, поэт, печатался под псевдонимом «К. Р.». С 1899 г. президент Академии наук.

Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, генерал-адмирал, пятый ребёнок и второй сын императора Николая I и Александры Фёдоровны. С 1855 г. адмирал, управляющий флотом и морским ведомством на правах министра. С 1860 г. председательствовал в Адмиралтейств-совете. В 1865 г. назначен председателем Государственного совета, оставался на этом посту до 1881 г. По инициативе Константина Николаевича была продана Американская часть Российской империи.

Корф Модест Андреевич (1800—1876) — российский государственный и общественный деятель, барон, с 1872 г. граф. Директор Императорской публичной библиотеки (1849—1861), пред-

седатель Бутурлинского комитета, главноуправляющий Вторым отделением (1861—1864).

Костанда Апостол Спиридонович (1817—1898) — российский военный деятель, генерал от артиллерии и генерал-адъютант, командующий войсками Московского военного округа с 1888 по 1896 г.

Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — российский общественный деятель, историк, публицист и поэт.

Кочубей Елена Павловна (1812—1888) — урождённая Биби-кова, княгиня обер-гофмейстерина, в первом браке княгиня Белосельская-Белозерская (жена князя Эспера Александровича Белосельского-Белозерского). Во втором браке замужем за князем Василием Викторовичем Кочубеем (1812—1850), известным коллекционером-нумизматом, владельцем обширных имений и перерабатывающих заводов в Малороссии. В это время был сильно перестроен знаменитый дворец Белосельских-Белозерских на Невском проспекте. В тридцать восемь лет опять овдовела и с этого времени долгие годы находилась на придворной службе.

Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — русский живописец и рисовальщик, мастер жанровой, исторической и портретной живописи, художественный критик. Один из основателей общества художников-передвижников.

Красовский Антон Яковлевич (1821—1898) — профессор, директор Родовспомогательного заведения Учреждений императрицы Марии (1870), лейб-акушер Марии Фёдоровны, супруги Александра III, действительный тайный советник.

Кривенко Василий Силович (1854—1931) — писатель и общественный деятель. Начальник канцелярии Министерства Императорского двора. Был председателем «Русского театрального общества». При его содействии получены средства для устройства Женского Медицинского института. Состоял гласным Петербургской городской думы. Под его председательством выработаны положения об участковых попечительствах, о работном доме и о разборе и призрении нищих.

Кристиан IX (1818—1906) — король Дании с 1863 по 1906 г., из династии Глюксбургов. Был первым представителем Глюксбургской линии Ольденбургской династии на датском престоле. Отец Дагмар (императрицы Марии Фёдоровны, супруги Александра III).

Ксения Александровна (1875—1960) — великая княжна, дочь наследника цесаревича Александра Александровича (будущего

императора Александра III), супруга великого князя Александра Михайловича.

Ламанский Евгений Иванович (1825—1902) — российский государственный деятель. Служил в государственной канцелярии и Министерстве финансов. В 1863 г. стал одним из учредителей первого в России Петербургского общества взаимного кредита. После 1860 г. управляющий Государственным банком. Активно участвовал в создании фондового отдела Петербургской биржи, являлся учредителем Московского купеческого и Сибирского торгового банков.

Лейден Эрнст фон (1832—1910) — немецкий медик-терапевт, профессор Кёнигсбергского, Страсбургского и Берлинского университетов; был приглашён к Александру III в качестве врача-консультанта.

Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847 — ?) — герцог, князь Романовский. Женат первым браком на Д. К. Опочининой, вторым — на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой (? — 1899), получившей лично и для потомства титул графини Богарне, а в 1889 г. — титул светлейшей герцогини Лейхтенбергской.

Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — российский общественный деятель, философ, писатель, публицист, дипломат, социолог, ведущий идеолог панславизма. Был военным медиком во время Крымской войны (1853—1856), консулом в ряде греческих городов (1863—1873), цензором в Москве (1880—1887). Писал научные труды и художественные произведения. Проповедовал в качестве организующего принципа государственной и общественной жизни «византизм» — твёрдую монархическую власть, строгую церковность, сохранение крестьянской общины, жёсткое сословно-иерархическое деление общества. За три месяца до смерти тайно постригся в монахи.

Лесовский Степан Степанович (1817—1884) — российский военный деятель, адмирал русского императорского флота. В 1876—1880 гг. морской министр.

Ливен Андрей Александрович (1839—1913) — российский государственный и общественный деятель, статс-секретарь. С 1877 по 1881 г. министр государственных имуществ. После продолжительной отставки назначен членом Государственного совета, в 1912—1913 гг. главноуправляющий ведомством императрицы Марии.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — российский государственный и военный деятель, граф, генерал от кавалерии. Отличился во время Крымской войны (1853—1856).

С начала Русско-турецкой войны (1877—1878) руководил всеми операциями на Кавказе, разгромил армию Мухтар-паши, овладел Карсом и Эрзерумом. С 1880 г. глава Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия с чрезвычайными полномочиями. Министр внутренних дел, член Государственного совета.

Львов Алексей Фёдорович (1798—1870) — российский музыкант, скрипач-виртуоз, композитор, дирижёр, музыкальный писатель и общественный деятель. Автор государственного гимна «Боже, Царя храни!».

Людвиг IV Гессенский (полное имя *Фридрих Вильгельм Людвиг Карл*; нем. *Friedrich Wilhelm Ludwig Karl von Hessen und bei Rhein*) (1837—1892) — великий герцог Гессенский и Прирейнский в 1877—1892 гг.

Лядов Константин Николаевич (1820—1871) — русский музыкальный деятель, дирижёр, композитор и скрипач. Под его управлением состоялась премьера оперы А. С. Даргомыжского «Русалка», А. Н. Серова «Юдифь» и др. С 1862 г. преподавал теорию музыки в Петербургской консерватории. Покинул пост в Мариинском театре в 1868 г. из-за болезни. Написал балет «Две волшебницы», два водевиля и ряд других сочинений.

Макаров Степан Осипович (1848—1904) — российский военноморской деятель, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, учёный, военный инженер, вице-адмирал (1896).

Маков Лев Саввич (1830—1883) — российский государственный деятель, министр внутренних дел России в 1878—1880 гг., затем возглавлял Министерство почт и телеграфов. После ликвидации министерства — член Государственного совета.

Мальцева (Мальцова) Анастасия Николаевна (1820—1894) — камер-фрейлина императрицы Марии Александровны.

Мальшинский Аркадий Павлович (1841—1899) — журналист, один из первых собственно полицейских аналитиков-исследователей революционного движения. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1879 г. по поручению Третьего отделения привлекался к написанию секретного «Обзора социально-революционного движения в России».

Манасеин (Манассеин) Николай Авксентьевич (1834—1895) — русский государственный деятель. В 1885—1894 гг. министр юстиции и одновременно генерал-прокурор Правительствующего сената.

Мансуров Николай Павлович (1830—1911) — российский государственный деятель, самарский губернатор (1863—1865), действительный тайный советник, член Государственного совета. В 1880—1883 гг. — управляющий делами Комитета министров. В 1883—1906 гг. занимал пост члена Государственного совета по департаменту духовных и гражданских дел.

Мария Александровна (1853—1920) — великая княжна, дочь наследника-цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и Марии Александровны. С 1874 г. замужем за Альфредом-Эрнестом Альбертом Великобританским, герцогом Эдинбургским — герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская.

Мария Александровна (урожд. *Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария*) (1824—1880) — принцесса Гессенская; российская императрица, супруга императора Александра II.

Мария Павловна (1854—1923) — герцогиня Мекленбург-Шверинская. В 1874 г. вышла замуж за великого князя Владимира Александровича (1847—1909), третьего сына Александра II.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — русский учёный, химик, открывший в 1869 г. периодический закон химических элементов, педагог и общественный деятель. В 1891 г. консультант Военного и Морского министерств, в 1892 г. разработал новый вид пороха. С 1893 г. научный хранитель Главной палаты мер и весов. Инициатор основания Русского химического общества.

Меншиков Владимир Александрович (1816—1893) — российский военный деятель, светлейший князь, генерал, участник Кавказской и Крымской войн.

Мещерская Мария Элимовна (1844—1868) — княжна, фрейлина императрицы Марии Александровны, первая любовь великого князя Александра Александровича. В замужестве княгиня Демидова-Сан-Донато.

Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — князь, камергер Александра II, русский писатель и публицист, издатель-редактор журнала (с 1 октября 1887 г. газеты) «Гражданин».

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846—1888) — российский учёный, исследователь, этнограф, биолог и путешественник, изучавший коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, в том числе папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи, называемого Берегом Маклая.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — российский военный и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, военный историк, мемуарист. Во время Кавказской войны участвовал в штурме аула Гуниб и пленении Шамиля (1859). Профессор Военной академии. Член-корреспондент, затем почётный член Петербургской академии наук. Военный министр и член Государственного совета (1861—1881). Осуществил военные реформы, упразднил тяжкие телесные наказания, улучшил солдатский быт (пища, обмундирование). С 1878 г. фактически руководил внешней политикой России.

Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — российский государственный деятель, товарищ (заместитель) министра внутренних дел (1859—1861), фактический руководитель работ по подготовке Крестьянской реформы 1861 г., председатель Комиссии по разработке проекта Земской реформы (1864). Разработал «Положение об устройстве сельских гмин и крестьянского быта в Царстве Польском» (1864). Член Государственного совета (1865). Главный начальник Канцелярии по делам Царства Польского в Петербурге и член Главного комитета по устройству сельского хозяйства.

Минкус Людвиг Фёдорович (1826—1907) — скрипач и композитор. В 1869 г. в Москве в Большом театре был поставлен балет «Дон Кихот» (балетмейстер Мариус Петипа).

Михаил Николаевич (1832—1909) — великий князь, четвёртый сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал. С 1863 по 1881 г. наместник на Кавказе, с 1881 г. председатель Государственного совета.

Можайский Александр Фёдорович (1825—1890) — российский военный деятель, инженер, исследователь и изобретатель в области воздухоплавания, контр-адмирал. 3 ноября 1881 г. получил первую в России «Привилегию» на изобретённый им самолёт. Летательный аппарат Можайского был первым в мире самолётом, а не летающей моделью, и впервые поднял человека в воздух.

Мосин Сергей Иванович (1849—1902) — выдающийся русский оружейник, изобретатель трёхлинейной винтовки, которая была принята на вооружение российской армии в 1891 г. и при неоднократных модернизациях конструкции сохраняла своё значение вплоть до окончания Великой Отечественной войны.

Мосолов Александр Александрович (1854—1939) — российский государственный деятель, военачальник, дипломат, генерал-лейтенант лейб-гвардии Конного полка. Участник Русско-турецкой войны. С 1900 г. занимал должность начальника канцелярии Ми-

нистерства Императорского двора. Автор воспоминаний «При дворе императора».

Муравьёв Николай Валерианович (1850—1908) — российский государственный деятель, министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи, посол Российской империи в Италии. Действительный тайный советник.

Муравьёв-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — российский государственный деятель, граф, генерал-губернатор Восточной Сибири. Тульский губернатор (1846). Первым из губернаторов поднял перед императором Николаем I вопрос об освобождении крестьян. Иркутский и енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири (1847—1861). Руководил экспедициями по Амуру (1854—1855). Заключил Айгунский договор, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем.

Муравьёв-Виленский Михаил Николаевич (1796—1866) — российский военный деятель, граф, генерал от инфантерии (1863), государственный деятель. Арестовывался по делу декабристов, но был оправдан. Член Государственного совета (1850). С 1857 г. министр государственных имуществ. Противник проведения крестьянской реформы. В 1863—1865 гг. губернатор Северо-Западного края.

Набоков Дмитрий Николаевич (1827—1904) — российский государственный деятель, сенатор, член Государственного совета, министр юстиции (1878—1885). Отец политика В. Д. Набокова, дед писателя В. В. Набокова.

Назаревский Владимир Владимирович (1870—1919) — российский учёный. Профессор истории, член комиссии по устройству чтений для фабрично-заводских рабочих Москвы. В 1881—1895 гг. цензор Московского цензурного комитета, в 1895—1909 гг. председатель Московского цензурного комитета. Действительный статский советник.

Непокойчицкий Артур Адамович (1813—1881) — российский военный деятель, генерал, участник Кавказских походов, Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., владелец усадьбы Осташево.

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) — террорист, нигилист, убийца по идейным соображениям. Прототип Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». В 1872 г. швейцарское правительство выдало Нечаева России как уголовного преступника. После суда был отправлен в Петропавловскую крепость, где и провёл остаток дней.

Николай I Павлович (1796—1855) — император Всероссийский (1825—1855), отец императора Александра II.

Николай Александрович (1843—1865) — великий князь, наследник-цесаревич, сын цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и Марии Александровны.

Николай Александрович (1868—1918) — великий князь, цесаревич. Сын Александра III и Марии Фёдоровны. Будущий император Николай II.

Николай Максимилианович Романовский, 4-й герцог Лейхтенбергский (1843—1891) — член Российского императорского дома (с титулом «Его Императорское высочество»). Генерал от кавалерии (1890). Геолог и минералог. Президент Российского минералогического общества.

Николай Николаевич (старший) (1831—1891) — великий князь, третий сын Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), военный и государственный деятель. Участвовал в Крымской войне (1853—1856). С 1876 г. главнокомандующий Дунайской армией. Руководил последним штурмом Плевны (1877) и заключил перемирие с турками. Член Государственного совета (1855). По окончании войны, несмотря на целый ряд просчётов и неудач, произведён в фельдмаршалы. В связи с болезнью с 1880 г. в отставке. После вступления на престол Александра III участвовал в работе различных комиссий. Почётный член Петербургской академии наук.

Николай Николаевич (младший) (1856—1929) — великий князь, первый сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны (урожд. принцессы Ольденбургской), внук Николая I; генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904). Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914—1915) и в мартовские дни 1917 г.; с 23 августа 1915 г. до марта 1917 г. наместник Его Императорского величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск.

Новосильский Фёдор Михайлович (1808—1892) — российский военно-морской деятель, адмирал Российского флота, герой Синопского морского сражения и обороны Севастополя (1854—1855).

Оболенская Александра Александровна (1853—1943) (урожд. Апраксина) — графиня. Фрейлина (с 1871 по 1881 г.) императрицы Марии Фёдоровны и многолетняя ближайшая её приятельница; кавалерственная дама ордена Святой Екатерины малого креста. С 1880 г. замужем за князем Владимиром Сергеевичем

Оболенским. Княгиня «Сандра» (как звали Оболенскую все окружающие) была деятельной благотворительницей, в память о муже основала в Санкт-Петербурге детский приют и богадельню в Царском Селе. Состояла членом Дамского общества в память императрицы Марии Фёдоровны. Умерла в эмиграции в Париже.

Оболенский Алексей Дмитриевич (1847—1917) — российский государственный деятель, князь, шталмейстер, сенатор, член Государственного совета.

Оболенский Владимир Сергеевич (1847—1891) — князь, один из ближайших друзей императора Александра III, генерал-лейтенант. В 1882 г. назначен на должность гофмаршала. 30 августа 1891 г. произведён в генерал-майоры, с назначением в свиту Его Величества и с зачислением по армейской кавалерии. Проболев два дня гриппом, скончался 7 ноября того же года в Ливадии. По словам современника, князь Оболенский, «не имея ни детей, не имущественных забот, ни каких-либо иных высших стремлений или интересов, вместе с женой поставил придворную жизнь и близость к Их величествам целью своего существования. Он был истинным джентльменом и очень любезным человеком, его скоропостижная смерть была большим ударом для императора и императрицы, которые высоко ценили его личные качества и бескорыстную преданность».

Обручев Николай Николаевич (1830—1904) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, почётный член Петербургской академии наук, начальник Главного штаба (1881—1897), профессор Николаевской академии Генерального штаба, писатель. Один из главных деятелей военных реформ вооружённых сил.

Ольга Фёдоровна (урожд. принцесса Цецилия Баденская) (1839—1891) — великая княгиня. С 1857 г. замужем за великим князем Михаилом Николаевичем.

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (урожд. герцогиня Лейхтенбергская) (1845—1925) — княжна Романовская, жена принца А. П. Ольденбургского.

Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932) — принц, генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета.

Ольденбургский Пётр Григорьевич (1812—1881) — принц, генерал от инфантерии, член Государственного совета.

Оом Фёдор Адольфович (1826—1898) — один из воспитателей детей Александра II, действительный статский советник. На-

ставник цесаревича великого князя Николая Александровича (1843—1865), а затем его брата великого князя Александра Александровича.

Орлов Николай Алексеевич (1827—1885) — российский государственный и общественный деятель, участник Крымской войны, дипломат, посол в Брюсселе, Париже и Берлине, военный писатель.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — русский драматург. Написал более сорока пьес, драм и комедий. Его творчество стало важнейшим этапом развития русского национального театра. С 1874 г. бессменный председатель «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов». Император Александр III пожаловал ему ежегодную пенсию в три тысячи рублей. В 1885 г. назначен заведующим репертуарной частью московских театров и начальником театрального училища. С Островского начался русский театр в его современном понимании: драматург создал театральную школу и целостную концепцию театральной постановки. Член-корреспондент Петербургской академии наук.

Островский Михаил Николаевич (1827—1901) — российский государственный деятель; с 1881 по 1893 г. занимал пост министра государственных имуществ.

Павел Александрович (1860—1919) — великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Генерал от кавалерии (1913), в ноябре 1916 г. назначен генерал-инспектором гвардейской кавалерии. Почётный председатель Русского общества охраны народного здоровья и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России. После Февральской революции уволен от службы. Расстрелян в Петропавловской крепости.

Пален Константин Иванович (1833—1912) — российский государственный деятель, граф, глава Псковской губернии (1864—1867), министр юстиции в 1867—1878 гг., с 1878 г. член Государственного совета Российской империи.

Перетц Егор Абрамович (1833—1899) — российский государственный деятель, участник разработки реформ 1860—1870-х гг. Государственный секретарь в 1878—1882 гг., впоследствии член Государственного совета.

Перовская Софья Львовна (1853—1881) — террористка-народница, одна из основателей подпольной революционной террористической организации «Народная воля».

Перовский Борис Алексеевич (1815—1881) — российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1862), граф, член Государственного совета. Один из создателей Российского исторического общества.

Пещуров Алексей Алексеевич (1834—1891) — российский военный деятель, вице-адмирал. В 1880—1882 гг. управлял Морским министерством.

Пискарёв Иван Иванович (1824—1887) — педагог. Окончил Санкт-Петербургский университет. Преподавал законоведение великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III.

Пихно Дмитрий Иванович (1853—1913) — российский государственный и общественный деятель, юрист, экономист, журналист. Профессор политической экономии и статистики Киевского университета.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — российский государственный деятель, сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действительный тайный советник (1899). 4 апреля 1902 г., после убийства Д. С. Сипягина, назначен министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов. Убит эсером Егором Созоновым в Петербурге.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — российский государственный деятель, обер-прокурор Святейшего синода; писатель, переводчик, правовед. По окончании Петербургского училища правоведения служил в департаментах Сената, преподавал в Московском университете. Преподавал законоведение и право наследникам престола — будущим императорам Александру III и Николаю II. Назначен сенатором (1868), членом Государственного совета (1872), обер-прокурором Святейшего синода (1880—1905), вошёл в состав Комитета министров. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. С 1905 г. в отставке.

Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927) — русский художник, мастер исторической, пейзажной и жанровой живописи, педагог.

Половцев (Половцов) Александр Александрович (1832—1909) — российский государственный и общественный деятель Российской империи, меценат, промышленник. С января 1883 г. статс-секретарь Александра III, назначен государственным секретарём и членом Комитета финансов. Активно работал в различных комиссиях.

Попов Андрей Александрович (1821—1898) — российский военный деятель, флотоводец, кораблестроитель, полный адмирал (1891). Под его руководством были построены броненосец «Пётр Великий», «поповки» «Новгород» и «Вице-адмирал Попов», императорская яхта «Ливадия», несколько винтовых клиперов смешанной системы и корветов с бортовой бронёй.

Посьет Константин Николаевич (1819—1899) — российский военный деятель, генерал-адъютант (1866), министр путей сообщения (1874—1888), адмирал (1882), член Государственного совета (1888).

Радецкий Фёдор Фёдорович (1820—1890) — российский военный деятель, полководец, генерал, герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., руководитель обороны Шипки. Национальный герой России и Болгарии. Почётный гражданин Санкт-Петербурга и Полтавы, член Государственного совета, почётный член Николаевской академии Генерального штаба.

Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890) — российский государственный деятель, граф, действительный тайный советник, министр финансов (1862—1878). На посту министра финансов осуществил ряд финансовых реформ. Предупреждал Александра II о том, что война с Турцией может привести к финансовой катастрофе, и с началом военных действий подал в отставку, которую получил, однако, лишь по заключении мира в 1878 г. При Александре III — глава российского правительства (1881—1886).

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — русский художник-живописец. С 1878 г. член Товарищества передвижных художественных выставок. Академик Императорской академии художеств. Профессор — руководитель мастерской (1894—1907) и ректор (1898—1899) Академии художеств, преподаватель школы-мастерской княгини Марии Клавдиевны Тенишевой.

Рихтер Оттон Борисович (1830—1908) — генерал от инфантерии, управляющий делами Императорской главной квартиры, участник Кавказских походов и Крымской войны.

Романовский Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1849—1877) — светлейший князь, член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»). В начале Русско-турецкой войны отправился на передовую и участвовал в боях за освобождение Болгарии. Состоял при цесаревиче Александре Александровиче. За взятие Тырнова в 1877 г. произведён в генерал-майоры. 12 октября 1877 г. во время разведки в Рушукском отряде под местечком Йован-Чифтлик (село Ива-

ново в Болгарии) убит пулевым ранением в голову. Князь Романовский стал первым членом Российского императорского дома, погибшим на войне.

Сабуров Андрей Александрович (1837—1916) — российский государственный деятель, министр народного просвещения Российской империи (1880—1881), статс-секретарь, действительный тайный советник. Основатель Российского общества защиты женщин.

Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — русская актриса. С 1874 г. в Александринском театре в Петербурге. Основательница Убежища для престарелых артистов (ныне Дом ветеранов сцены Всероссийского театрального общества). В 1883—1884 гг. была председателем Русского театрального общества.

Савицкий Константин Аполлонович (1844—1905) — русский художник. Мастер жанровой живописи, академик, действительный член Императорской академии художеств, член Товарищества передвижных художественных выставок, педагог, первый директор Пензенского художественного училища.

Семека Владимир Саввич (1816—1897) — российский военный деятель, генерал от инфантерии, участник Кавказской и Крымской войны. Учился в Пажеском корпусе.

Сергей Александрович (1857—1905) — великий князь, сын императора Александра II, брат императора Александра III, генерал-лейтенант. Участник Русско-турецкой войны (1877—1878). Инициатор создания и первый председатель Императорского Православного Палестинского общества (1882). Московский генерал-губернатор (1891—1905), командующий войсками Московского военного округа (с 1896), командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887—1891), член Государственного совета (1894). Муж великой княгини преподобномученицы Елизаветы Фёдоровны. Убит эсером И. П. Каляевым.

Серов Александр Николаевич (1820—1871) — русский композитор и музыкальный критик. Пропагандировал творчество М. Глинки, А. Даргомыжского, В. А. Моцарта, Л. Бетховена и других выдающихся композиторов. Он был первым, кто употребил термин «симфонизм». Отец живописца Валентина Александровича Серова.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — российский военный деятель, военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участвовал в Хивинском походе (1873) и подавлении Кокандского восстания (1873—1876). Военный гу-

бернатор Ферганской области (1876). Прославился в ходе Русско-турецкой войны (1877—1878), стал национальным героем Болгарии. В 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоёвана Туркмения. В 1882 г. в Париже выступил в защиту балканских народов от агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии, что привело к международным осложнениям. Отличался личной храбростью и пользовался большим авторитетом среди солдат и офицеров. За обыкновение выезжать в белом мундире и на белом коне получил прозвище «Белый генерал».

Соловьёв Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк, с 1848 г. профессор Московского университета, с 1871 г. ректор Московского университета. Автор многотомного издания «История России с древнейших времён».

Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910) — российский государственный деятель, граф, статс-секретарь Его Императорского величества (с 19 февраля 1864 г.), государственный контролёр.

Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — российский государственный и общественный деятель, граф, археолог, меценат, коллекционер, московский генерал-губернатор, генерал от кавалерии. С 1859 г. попечитель цесаревича.

Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882) — российский государственный, общественный и военный деятель, светлейший князь, генерал от инфантерии. В 1848—1861 гг. генерал-губернатор Прибалтийского края, в 1861—1866 гг. санкт-петербургский военный генерал-губернатор, позднее генерал-инспектор пехоты. Внук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) — российский государственный и общественный деятель, дипломат, историк и публицист. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Состоял чиновником особых поручений при министрах внутренних дел графе Н. П. Игнатьеве и графе Д. А. Толстом.

Тернер Фёдор Густавович (1828—1906) — российский государственный деятель, член Государственного совета, сенатор. Был директором департамента окладных сборов, затем товарищем министра финансов.

Титов Владимир Павлович (1807—1891) — российский государственный и общественный деятель. Действительный тайный советник. С 1865 г. член Государственного совета. С 1875 г. действительный член Русского исторического общества и председатель Императорской Археографической комиссии. Был известен также как писатель-беллетрист и критик.

Толстая Александра Андреевна (1817—1904) — графиня, камер-фрейлина Русского Императорского двора (с 1881), старейшая придворная дама при дворе императора Николая II. Занималась переводами, написала несколько рассказов, роман, оставила мемуары.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — русский писатель, поэт, драматург. Граф, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — российский государственный деятель, граф, историк, сенатор. Обер-прокурор Святейшего синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882—1889). Член Государственного совета. Президент Императорской академии наук (1882). Провёл реформу среднего образования (1871), усилив преподавание латинского и греческого языков в гимназиях.

Толстой Иван Иванович (1858—1916) — российский государственный и общественный деятель, граф. С 1889 г. конференц-секретарь Императорской академии художеств, а с 1893 г. её вице-президент. Принимал деятельное участие в составлении нового устава академии и в её коренном преобразовании. Способствовал основанию и устройству Русского музея в Санкт-Петербурге. С 1900 г. состоял председателем Русского общества печатного дела. Министр народного просвещения (1905—1906), городской голова Петербурга-Петрограда (1912—1916). С 1911 г. председатель Российского общества нумизматов.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель, граф. Пытался создать своё религиозно-философское учение и разработать новую «истинную религию» всеобщей любви, добра и ненасилия. Призывал к преобразованию общества путём морально-религиозного самоусовершенствования, отказа от всякого насилия. Позднее это учение получило название «толстовство».

Толь Сергей Александрович (1848—1923) — петербургский гражданский губернатор (1889—1903), граф, обер-егермейстер (1914), член Государственного совета (с 1903).

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — российский военный деятель, граф, генерал-инженер. Разработал новую систему оборонительных линий с их главными крепостными опорными пунктами.

Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — российский общественный деятель и предприниматель, меценат, собиратель

произведений русского изобразительного искусства, основатель Третьяковской галереи.

Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) — российский предприниматель и общественный деятель, меценат, коллекционер, действительный статский советник. Дважды — в 1877 и 1881 гг. — избирался московским городским головой. Младший брат П. М. Третьякова. Один из основателей Третьяковской галереи.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель, публицист, драматург, переводчик. Один из классиков русской литературы XIX в. Член-корреспондент Императорской академии наук по разряду русского языка и словесности (1860), почётный доктор Оксфордского университета (1879).

Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873) — российский государственный деятель, дипломат, поэт. После возвращения в Россию в 1844 г. занимал должность старшего цензора в Министерстве иностранных дел. Член-корреспондент Петербургской академии наук, тайный советник.

Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — революционер, террорист. Старший брат В. И. Ульянова (Ленина). В 1886 г. принял участие в создании подпольной революционной организации «Террористическая фракция Народной воли» и составил её программу. В 1887 г. после неудачного покушения на жизнь императора Александра III арестован вместе с другими членами организации, приговорён к смертной казни через повешение и казнён во дворе Шлиссельбургской крепости.

Урусов Сергей Николаевич (1816—1883) — российский государственный деятель, действительный тайный советник. С 1872 г., продолжая оставаться главноуправляющим Вторым отделением, становится председателем департамента законов Государственного совета. В 1881 г. оставил пост главноуправляющего Вторым отделением, сохранив за собой должность председателя департамента законов Государственного совета.

Фаберже Карл Густавович (1846—1920) — российский ювелир. Глава семейной фирмы и династии мастеров ювелирного искусства. Является создателем яиц Фаберже, которые высоко ценятся у коллекционеров всего мира. Носил почётное звание «ювелира Его Императорского величества и ювелира Императорского Эрмитажа» и звание поставщика Императорского двора.

Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898) — государственный деятель, публицист, мемуарист. С 1862 г. чиновник особых поручений при министре народного просвещения. Начальник

Главного управления по делам печати (1883—1896), сотрудник Министерства внутренних дел — главный цензор России. Был противником либеральной печати, но при этом закрыл всего два журнала — «Отечественные записки» и «Голос».

Филарет (в миру *Дроздов Василий Михайлович*) (1782—1867) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Московский и Коломенский. Действительный член Императорской Российской академии; почётный член (1827—1841) Императорской академии наук и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX в.

Франц Иосиф I (нем. *Franz Joseph I*) (1830—1916) — император Австрийской, затем Австро-Венгерской империи и король Богемии со 2 декабря 1848 г. Правил 68 лет; его царствование стало эпохой в истории народов, входивших в Дунайскую монархию.

Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927) — российский государственный деятель, граф, министр Императорского двора.

Халтурин Степан Николаевич (1856/57—1882) — террорист. Организатор «Северно-русского рабочего союза». Осуществил взрыв в Зимнем дворце с целью покушения на императора Александра II.

Харламов Алексей Алексеевич (1840—1925) — русский художник, мастер портрета. Был одним из создателей комитета в пользу неимущих русских художников в Париже.

Цветаев Иван Владимирович (1847—1913) — российский учёный, общественный деятель, первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве.

Чайковский Пётр Ильич (1840—1893) — великий русский композитор, дирижёр, педагог, музыкально-общественный деятель. Был одним из первых студентов Петербургской консерватории по классу композиции. Его творчество быстро получило общественное признание. Император Александр III был к композитору благосклонен, оказывал ему финансовую поддержку. Чайковский писал в самых различных жанрах — ему принадлежат десять опер, три балета, множество сюит, симфоний, концертов, инструментальных пьес. Он оказал огромное влияние на дальнейшее развитие русской классической музыки, а его сочинения пользуются успехом во всём мире. Написал более ста романсов, двенадцать из которых посвятил императрице Марии Фёдоровне.

Черевин Пётр Александрович (1837—1896) — российский военный деятель, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Петер-

бургский градоначальник, товарищ министра внутренних дел (1880—1883). Начальник дворцовой охраны при императоре Александре III.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — российский общественный деятель, историк, учёный, публицист.

Шамиль (1797—1871) — предводитель кавказских горцев, в 1834 г. признанный имамом. Объединил горцев Западного Дагестана и Чечни, а затем и Черкесии в теократическое государство — Имамат. Взят в плен при штурме Гуниба в 1859 г. Жил в Калуге, а затем в Киеве. Совершил паломничество в Медину, где и умер.

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918) — российский общественный деятель, историк, коллекционер, граф, крупнейший землевладелец: ему принадлежали подмосковные Кусково, Михайловское, Введенское, Остафьево. Обер-егермейстер.

Шувалов Пётр Андреевич (1827—1889) — российский государственный деятель, дипломат, граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, бывший чрезвычайный и полномочный посол в Великобритании, а потом представитель России на Берлинском конгрессе. Шеф Корпуса жандармов и начальник Третьего отделения (с 1866). Противник реформ, но при этом ближайший советник императора Александра II. Оказывал такое влияние на внутреннюю политику, что его звали «вице-императором» и «Петром IV».

Шувалов Пётр Павлович (1819—1900) — граф, крупный землевладелец и сахарозаводчик, камергер, в 1857—1862 гг. санкт-петербургский губернский предводитель дворянства. В 1872—1881 гг. адъютант великого князя Владимира Александровича и в этом звании участвовал в войне с турками.

Юрьевская Екатерина Александровна (1878—1959) — дочь императора Александра II и княжны Е. М. Долгоруковой. Супруга С. П. Оболенского.

Юрьевская Ольга Александровна (1873—1925) — дочь императора Александра II и княжны Е. М. Долгоруковой. Графиня фон Меренберг, супруга Георга-Николая фон Меренберга, внука А. С. Пушкина.

Юрьевский Георгий Александрович (1872—1913) — сын императора Александра II и княжны Е. М. Долгоруковой, светлейший князь. После убийства отца вместе с матерью и сёстрами уехал во Францию. Окончил Сорбонну (1891). Впоследствии вернулся в Россию, прослушал курс лекций в Морском кадетском корпусе. С 1892 г. служил на флоте, ходил на крейсере «Рында».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

- 1845, 26 февраля (10 марта)* — в семье цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) родился сын, великий князь Александр Александрович.
- 1865, 13 апреля* — великий князь Александр Александрович после смерти старшего брата Николая Александровича становится цесаревичем и наследником престола.
- 20 июля (2 августа)* — торжественное принесение присяги великим князем Александром в соответствии с церемониалом.
- 1866, 8—26 августа* — ознакомительная поездка цесаревича Александра по волжским городам.
- 28 октября (9 ноября)* — бракосочетание цесаревича Александра Александровича с датской принцессой Марией Софией Фредерикой Дагмарой (Марией Фёдоровной).
Высочайшим указом цесаревич Александр Александрович назначен членом Государственного совета.
- 1868, 26 марта (7 апреля)* — цесаревич Александр Александрович и его брат великий князь Владимир Александрович присутствуют в Ницце на освящении часовни в память цесаревича Николая Александровича.
- 17 (29) апреля* — цесаревич Александр Александрович назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому величеству Александру II.
- 6 (18) мая* — рождение наследника цесаревича Николая, будущего императора Николая II Александровича.
- 1869, 26 мая (7 июня)* — родился великий князь Александр Александрович (умер от менингита 20 апреля (2 мая) 1870 г.).
- 1871, 27 апреля (9 мая)* — родился великий князь Георгий Александрович.
- 1875, 25 марта (6 апреля)* — родилась великая княжна Ксения Александровна.
- 1877, 21 мая* — по случаю войны с Турцией цесаревич отправился в действующую Дунайскую армию.
- 26 июня* — возглавил так называемый Рушукский отряд (один из трёх, составлявших Дунайскую армию).
- 30 ноября (12 декабря)* — участвовал в сражении у Трестеника и Мечки и в отражении атаки армии Сулейман-паши.
- 3 декабря* — назначен шефом 2-го пехотного Софийского полка.
- 1878, 1 (12) февраля* — по заключении перемирия с Турцией оставил армию и отправился обратно в Санкт-Петербург.
- 11 (23) апреля* — возглавил Комитет по устройству Добровольного флота.
- 22 ноября (4 декабря)* — родился великий князь Михаил Александрович.

- 1879, 12—21 октября — навещал больную мать, императрицу Марию Александровну, жившую на Лазурном Берегу Средиземного моря, в Каннах.
- 1880, 22 мая — смерть матери, императрицы Марии Александровны.
- 6 (18) октября — 8 (20) ноября — пребывание в Ливадии вместе с семьёй и новой женой отца, княгиней Долгоруковой.
- 1881, 1 (13) марта — убийство террористами-народовольцами императора Александра II Николаевича.
- 2 (14) марта — восшествие на престол императора Александра III Александровича.
- 3 (15) апреля — казнь в Шлиссельбургской крепости организаторов убийства Александра II (А. Желябова, С. Перовской, Н. Кибальчича, Т. Михайлова, Н. Рысакова).
- 29 апреля (11 мая) — Александр III подписал манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Самодержавие объявлено незыблемой и единственно правильной формой правления. Отставка либеральных министров.
- 26 мая (7 июня) — особым указом отменено публичное исполнение смертных приговоров.
- 6 (18) июня — возобновление «Союза трёх императоров» — России, Германии и Австро-Венгрии.
- 21 июня (3 июля) — в Гатчине, на Серебряном озере, состоялась демонстрация Александру III подводной лодки конструкции Степана Карловича Джевецкого.
- 14 (26) августа — утверждено «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия».
- 28 декабря (9 января 1882) — закон об обязательном выкупе земли.
- 1882, 24 марта (5 апреля) — Александр III отменил ранее существовавший запрет на открытие частных театров. После указа об отмене государственной монополии на театральные представления стали создаваться многочисленные частные театры и антрепризы.
- 18 (30) мая — учреждён Крестьянский земельный банк.
- 1 (13) июня — родилась великая княгиня Ольга Александровна.
- Введение на предприятиях государственных фабричных инспекций для контроля за выполнением рабочего законодательства.
- 27 августа (8 сентября) — утверждены «Временные правила о печати». Ограничение свободы прессы.

- 1883, 28 апреля (10 мая)** — высочайшим указом государственным знаменем стало бело-сине-красное полотнище. Белый, синий и красный цвета объявлены российскими национальными цветами вместо чёрного, жёлтого и белого.
- 15 (27) мая** — коронация императора Александра III Александровича в Москве.
- Александр III присутствует на открытии Исторического музея на Красной площади в Москве.
- 26 мая (7 июня)** — Александр III присутствует на освящении храма Христа Спасителя в Москве.
- 1884, 13 (25) июня** — опубликованы правила о церковно-приходских школах. Реформа церковно-приходского образования.
- 25 июня (7 июля)** — русско-корейский договор о дружбе и торговле. Установление дипломатических отношений между Россией и Кореей.
- 14 (26) июля** — Александр III подписывает указ, по которому Мариинский дворец объявляется резиденцией Государственного совета, Государственной канцелярии, Комитета министров, Канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя.
- 23 августа (4 сентября)** — введение нового Университетского устава, упраздняющего университетскую автономию.
- 23 октября** — в присутствии императора Александра III торжественно спущен на воду первый стальной парусно-паровой корвет со стальными мачтами «Витязь».
- 3 (15) декабря** — Александр III утвердил закон, запрещающий чиновникам первых трёх классов, а также губернаторам, градоначальникам, прокурорам и некоторым другим занимать какие-либо руководящие должности в торговых и промышленных компаниях.
- 1885, 21 апреля (3 мая)** — учреждён Государственный Дворянский земельный банк.
- 15 (27) мая** — император присутствует на открытии Морского канала в Санкт-Петербурге.
- 1 (13) декабря** — император утверждает форму для гражданских чиновников всех ведомств.
- 1886, 5 (17) мая** — совершая инспекционную поездку в Севастополь, посещает Херсонес.
- 6 (18) мая** — в Севастополе в присутствии императора спущен на воду двухвинтовой броненосец «Чесма». Высочайший приказ «Черноморскому флоту», ознаменовавший возрождение Черноморского флота.
- 12 (24) мая** — закон об обязательном выкупе государственными крестьянами своих наделов.
- 18 (30) мая** — закон об отмене подушной подати с 1 января 1887 года.
- 22 мая (3 июня)** — образование Электротехнического института в Санкт-Петербурге.

3 (15) июня — принятие нового фабричного закона, ужесточившего ответственность за забастовки.

2 (14) июля — Александр III утверждает изменённое «Учреждение об императорской фамилии».

12 (24) октября — Александр III присутствует на открытии и освящении триумфального монумента «Воинская слава» у собора Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка в Санкт-Петербурге в память о Русско-турецкой войне 1877—1878 годов.

1887, 1 (13) марта — попытка покушения на жизнь Александра III членами террористической организации «Народная воля» во главе с А. И. Ульяновым.

8 (20) мая — казнь в Шлиссельбургской крепости пяти членов террористической организации «Народная воля», готовивших убийство Александра III.

12 (24) мая — Александр III подписывает указ, запрещающий иностранным подданным владеть недвижимостью в западных губерниях России и занимать там должности управляющих имениями.

12 (24) июня — подписан русско-английский протокол об установлении русско-афганской границы.

14 (26) июля — в присутствии императора спущен на воду эскадренный броненосец Российского Императорского флота «Император Александр II».

28 ноября (10 декабря) — открытие в Москве памятника русским воинам, павшим в боях под Плевной (архитектор В. Шервуд).

1888, 20 мая (2 июня) — в присутствии императора со стапелей Балтийского завода в Петербурге спущен на воду полуброненосный фрегат «Память Азова». В тот же день заложена яхта «Полярная звезда».

15 (27) июля — император с семьёй в Санкт-Петербурге принимает участие в торжествах по случаю 900-летия Крещения Руси.

18 сентября — 14 октября — поездка императора Александра с семьёй по Кавказу. Посещение Владикавказа, Новороссийска, Тифлиса, Батуми, Баку, имения Цинандали.

17 (29) октября — крушение императорского поезда на станции Борки под Харьковом.

1889, 4 (16) января — в полное распоряжение Санкт-Петербургской консерватории передан Большой Императорский театр.

12 (24) июля — введение закона о земских участковых начальниках, сочетающих административную и судебную власть.

8 (20) ноября — Александр III принял участие в Петербурге в торжествах в честь 500-летия русской артиллерии.

1890, 21 мая (1 июня) — император присутствует на одновременной закладке крейсера «Рюрик» и эскадренного броненосца «Наварин».

4 (16) — 10 (22) августа — император проводит встречу в Нарве с новым кайзером Германии Вильгельмом II.

1891, 17 (29) марта — Александр III подписывает рескрипт о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиба).

16 (28) апреля — на вооружение русской армии принята винтовка С. И. Мосина, легендарная «трёхлинейка».

19 (31) мая — согласно указу Александра III прошла торжественная закладка Транссиба великим князем Николаем Александровичем во Владивостоке.

11 (23) июня — принято новое Городовое положение.

11 (23) июля — французская эскадра прибыла в Кронштадт с визитом дружбы; *13 июля* состоялось посещение эскадры царём.

Введение покровительственного внешнеторгового тарифа. Начало Таможенной войны между Россией и Германией (1891—1894).

1893, май — император посещает музей, установленный на месте раскопок в Херсонесе, где осматривает «предметы древности, найденные при работах».

15 (27) декабря — подписана русско-французская военная конвенция.

1894, 20 октября (1 ноября) — смерть императора Александра III Александровича в Ливадии.

1 (13) ноября — гроб с телом покойного императора доставили в Санкт-Петербург и поместили в Петропавловском соборе.

7 (20) ноября — в Петропавловском соборе состоялось погребение тела императора Александра III.

1-го марта 1881 г. (Отрывки из воспоминаний князя Д. Д. Оболенского) // Возрождение. № 1515. 26 июля 1929 г.

Абхазия. Новый путеводитель / Авт.-сост. Д. М. Дасания. Сухум, 2010.

Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913.

Актуальные проблемы российского права. М., 2010. № 3 (16).

Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей. СПб., 2012.

Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. М., 1999.

Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма / Сост. В. Г. Чернуха. СПб., 2001.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Исторический опыт русского народа и современность. Кн. 2: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

Астанков В. А. Наследник цесаревич Александр Александрович в период Восточного кризиса 1875—1878 годов // Российская история. 2011. № 3.

Астанков В. А. «Любящий тебя племянник Саша...» Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874—1878 гг. // Исторический архив. 2012. № 5; 2013. № 1.

Астанков В. А. «Против совершившегося факта идти нельзя...» Цесаревич Александр Александрович в последние месяцы царствования императора Александра II // Родина. 2013. № 8.

Астанков В. А. Великий князь Александр Александрович и Александр II // Российская история. 2013. № 1.

Астанков В. А. Наследник цесаревич Александр Александрович в период Восточного кризиса 1875—1878 годов // Российская история. 2011. № 3.

Барковец О. И., Крылов-Толстикович А. Н. Александр III — Царь-Миротворец. СПб., 2007.

Биюшкина Н. И. Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 37—43.

Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.

Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998.

Боханов А. Н. Николай II. М., 1997 (серия «ЖЗЛ»).

Будко А. А., Шабунин А. В. История военной медицины России. VIII—XVIII вв. СПб., 2002.

Валуев П. А. 1) Дневник. 1877—1884. Пг., 1919; 2) Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1—2. М., 1961.

Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002.

Витте С. Ю. 1) Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Берлин, 1923; 2) Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1—2.

Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Волков Л. М. Дело о памятнике Александру III // История Петербурга. 2009. № 1.

Воронин В. Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010.

Воронин В. Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009.

Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. Вып. 5. М., 1994.

Вострышев М. И. Августейшее семейство: Россия глазами вел. князя Константина Константиновича. М., 2001.

Газенкампф М. А. Мой дневник. 1877—1878 гг. СПб., 1908.

Гафифулин Р. Р. Император Александр III — коллекционер и покровитель русской науки и культуры. Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Каталог выставки. СПб., 2006.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 649. Л. 24 об. — 25.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300: Дневник великого князя Александра Александровича.

Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865—1881 гг. Т. 1—2. М., 1928.

Далин В. М. Последние Романовы и князь Мещерский // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.

Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Дело 1 марта 1887 года. Документы // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Dillon E. J. Russia Today and Yesterday: An Impartial View of Soviet Russia. Lnd., 1929.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1—2. М., 2002.

Дронов И. Е. Консервативный проект для России: Общественно-политические идеи князя В. П. Мещерского. М., 2009.

Дронов И. Е. Кружок князя В. П. Мещерского 1865—1871 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8 «История». 2001. № 3.

Дронов И. Е. Сильный, державный: Жизнь и царствование Александра III. М., 2006.

Дубровин Н. Ф. Памяти императора Александра III // Русская старина. Т. 82. 1894. № 12.

Евгеньев (Пащенко) Г. Е. По водным путям Северо-Запада. Путеводитель. Л., 1958.

Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк. СПб., 1887.

Епанчин Н. А. На службе трёх императоров: Воспоминания. М., 1996.

Житков С. М. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798—1898. СПб., 1900.

Забелин А. Ф. Воспоминания об императоре Александре III // Военно-исторический вестник. 1958. № 11.

Зайончковский П. А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1964.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.

Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993.

Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2, 4.

Захарова Л. Г. Великие реформы 1860—1870-х гг.: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151—167.

Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874 // Великие реформы в России 1856—1874. М., 1992. С. 24—43.

Зимин И. В. Генерал П. А. Черевин // Вопросы истории. 2010. № 6.

Зимин И. В. Медики и самодержцы: ливадийский закат // Отечественная история. 2001. № 6. С. 23—33.

Из путешествия по Кавказу // Кавказ. Париж, 1936.

Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884—1894 гг. / Сост. А. Боханов, Ю. Кудрина. М., 2001.

Император Александр III: Сб. материалов. СПб., 1895.

Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

Итенберг В. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.

К жизнеописанию императора Александра III // Нива. 1894. № 48.

К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996.

Кавказский военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1909.

Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. Симферополь, 2005.

Каменский Е. Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии и о помощи голодающим в 67-м году // Русский архив. 1915. № 9—10.

Каменский Е. Наследник цесаревич Александр Александрович // Исторический вестник. 1917. № 1—3.

Карпович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886 (то же: СПб., 1991).

Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX в. (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004.

Качалов Н. А. Записки тайного советника. М., 2012.

Качалов Н. А. Из «Записок» тайного советника Н. А. Качалова // Наше наследие. 2010. № 95.

Кессельбреннер Г. А. Известные дипломаты России, министры иностранных дел Российской империи. Т. 2. М., 2002.

Кирпичникова М. В. О медицине в Гатчинском дворце в царствование Александра III // История Петербурга. 2010. № 4.

Кислов В. А. Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни. Ч. 3. 1879—1891. Гатчина, 2007.

Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

Кривенко В. С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006.

Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

Ламздорф В. Н. Дневник. 1886—1890. Минск, 2003.

Ламздорф В. Н. Дневник. 1891—1892. Минск, 2003.

Ламздорф В. Н. Дневник. 1894—1896. М., 1991.

Любош С. Последние Романовы. Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II. Л.; М., 1924 (то же: Киров, 1991).

Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Ляшенко Л. М. Царь — освободитель: жизнь и деяния Александра II. М., 1994.

Мамонов А. В. Граф М. Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5.

Мамонов А. В. Правящая бюрократия и формирование внутренней политики самодержавия в конце царствования Александра II. М., 2002.

Мамонов А. В. Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875—1877 гг. // Отечественная история. 2004. № 3.

Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.

Маргграф О. Чеченские селения // Терские ведомости. Владикавказ. 21 ноября 1881.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2000.

Мещерский В. П. Император Александр III. СПб., 1895.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. Т. 1—3. СПб., 1897—1912.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003.

Милютин Д. А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008—2010. Т. 1—4.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867. М., 2005.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1868—1873. М., 2006.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу: Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2004.

Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007.

Мясников А. Л. Властители Отечества. М., 2013.

Мясников А. Л. История Российского государства. СПб., 2008.

Мясников А. Л. Путеводитель по Русской истории. В 6 т. М., 2015.

Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.

Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего Государя Императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1901.

Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

Памяти императора Александра III: Сборник. М., 1894.

Папков А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902.

Пачулиа В. П. Новый Афон. Путеводитель. Тбилиси, 1964.

Переписка Александра III с графом М. Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. № 1 (8).

Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927.

Петрашень И. В. Мариинская система. 1810—1910. СПб., 1910.

Победоносцев К. П. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1—2. М., 1925—1926.

Полное собрание законов Российской империи. До 1825 г. — I собрание; с 1825 по 1881 г. — II собрание; с 1881 г. — III собрание.

Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича, 1881 г. // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. 1—2.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в начале царствования Александра III: К истории борьбы в «верхах» после 1 марта 1881 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 4.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора Синода: Православная Церковь в царствование Александра III. М., 1996.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.). М.; Л., 1929.

Потто В. А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 г. СПб., 1889.

Правда о кончине Александра II. Из записок очевидца. Штутгарт, 1912.

Пребывание на Кавказе в 1888 г. Их императорских величеств государя императора Александра III Александровича и государыни императрицы Марии Феодоровны // Кавказский календарь на 1889 год. Приложение. Тифлис, 1888.

Путешествие Их императорских величеств // Московские ведомости. 1888. 13 октября. № 284.

Римский С. В. Православная Церковь и государство в XIX в. Ростов н/Д., 1998.

Романов Б. С. Император, который знал свою судьбу, и Россия, которая не знала. СПб., 2012.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 1999.

Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970.

Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного белого духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898.

Северюхин Д. Я. Капитал императора Александра III для пособия нуждающимся художникам, их вдовам и сиротам: Штрихи к истории российской благотворительности // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. 2009. № 1.

Смолич И. К. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 8. Ч. 1—2.

Списки титулованных родов и лиц Российской империи. СПб., 1892.

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1912. Т. 1—2.

Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.

Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния. Ставрополь, 1897.

Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1993.

Твардовская В. А. Александр III // Романовы: Исторические портреты. Кн. 2: Екатерина II — Николай II. М., 1997.

Толмачёв Е. П. Александр III и его время. М., 2007.

Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996.

Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 2006.

Троицкий Н. А. «На земле стоит комод...» Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль. 2000. № 5.

Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003.

Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848—1896): Воспоминания. М., 1991.

Фирсов Н. Н. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925. № 1 (29).

Фирсов Н. Н. Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115.

Фирсов С. Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Хашаев Х.-М. О. Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы. М., 1969.

Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002.

Цветаев И. В. О памятнике Александру III. «Народный идеал русского царя-самодержца» // Источник. 1996. № 1.

Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского. М., 2002.

Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11/12.

Чернуха В. Г. Александр III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е гг. XIX в. Л., 1989.

Чичагов Л. М. (священномученик Серафим). Пребывание царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 г. СПб., 1887 (то же: СПб., 1995).

Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 2010.

Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М.; Л., 1928 (то же: М., 1991).

Шевырёв А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999.

Шепелев Л. Е. Гербовика России. XVIII — начало XX в. СПб., 2003.

Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.

Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838—1881). СПб., 2006.

Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 года // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 15. 1902. № 4.

Явушкин С. Ю. Гатчина на рубеже XIX—XX веков: резиденция Александра III // История Петербурга. 2005. № 4.

Яковлев А. И. Александр II и его эпоха. М., 1992.

<i>Тихон (Шевкунов), епископ Егорьевский. Предисловие . . . . .</i>	6
Часть первая. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ.	13
Появление на свет	14
Крестины	18
«Ап-Рарá»	20
Братья	21
Лето в Царском Селе и Петергофе.	23
Воспитание и воспитатели	27
Порознь и вместе	30
Первопрестольная	33
Братские праздники и подарки	35
На Севере диком...	36
Август. Москва. Братья	40
Дороги 1863 года	44
Отец и сын	45
Расставание	47
Ницца	51
Часть вторая. НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА	60
Цесаревич.	60
Присяга	61
Красное Село.	66
«М. Э.»	69
«Не чуй горе»	71
Учёба и не только	74
«Шило в мешке»	77
Весна, весна...	79
Минни	82
В ожидании «Зари»	88
Учения и практика	92
Ожидание и встреча	99
В Царском Селе	104
Дела столичные.	106
Свадебная церемония	108
День первый	113
Назначение	114
Жизнь без «котильона»	116
На балтийских берегах.	120
«В огне»	122
Вдвоём	124
Висбаденские каникулы	127
Работы и заботы	131

Императорское Русское историческое общество	135
Первенец	139
Хлебный вопрос	142
Si vis pacem, para bellum (Хочешь мира — готовься к войне)	144
Сашенька	148
Первый оркестр	152
Звучала музыка в саду	156
Третий сын	162
Музей	167
Достоевский	171
Уроки дипломатии	178
Ксения	184
Военная тревога	186
Война	192
Фронт	196
Рушук	199
Дела фронтовые	202
Первая утрата Императорского дома	210
Болгарская осень	212
Зимние квартиры	215
Домой	225
Дома	228
Добровольный флот	230
Михаил	234
На берегу Финского залива	236
Коллекционеры	239
На Лазурном Берегу	245
Попытка номер четыре	247
Накануне	250
Взрыв	261
Диктатор	266
Юбилей	267
Прощание	272
Мачеха	274
Ливадийские страдания	277
1 марта	283

Часть третья. ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ..... 289

Первые дни. Воцарение	290
В Зимнем дворце. Похороны	295
На распутье	299
Выбор курса	302
Ультиматум	310
Гатчина	316
Хозяйка и хозяин	324
Ратники государственной безопасности	326

Труды и дни	340
От вражды до любви...	346
Гатчинский дар	347
За пределами Гатчины	350
Несостоявшийся собор	352
Коронация	353
После коронации	369
Под сенью Гатчинского парка	375
В вихрях бала и забот	378
Императорская фамилия.	382
Дела семейные.	384
На финских берегах	394
Развал «Союза трёх»	396
Россия — для русских, или Мифы эпохи	398
Композиторы и русская музыка.	403
Первомартовское эхо	407
Совсем круглый год	412
Девятисотлетие Крещения	412
Рыбный рай — Лангинкоски	414
Под небом августа.	416
Под перестук колёс.	418
Город на Тереке	421
В Кубанской столице	423
Новороссийск	425
Новый Афон	426
Батуми	428
Боржоми.	429
Тифлис	430
В Кахетии.	432
На Каспии	435
К черноморским берегам	438
Борки	440
Праздник с видом на Неву	451
Передвижники и академики.	453
Нарвская встреча	457
От Гатчины до Владивостока	461
Тревоги с дальних берегов.	466
Великий Сибирский путь	470
Георгий.	475
Кавказский пленник	478
От моря до моря	480
Последний год.	483

Приложения

1. Послужной список	503
2. Персоналии	523
Основные даты жизни императора Александра III	552
Литература	557

Мясников А. Л.

М 99 Александр III / Александр Мясников; предисл. епископа Тихона (Шевкунова). — М.: Молодая гвардия, 2016. — 566[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1595).

ISBN 978-5-235-03915-5

В российскую историю император Александр III (1845—1894) вошёл с самым, пожалуй, лестным для монарха прозвищем — «Царь-миротворец»: за все годы его царствования (1881—1894) Россия не вела войн. Настоящий русский богатырь, он сумел внушить уважение и к себе, и к своей державе всем — и собственным подданным, и соседям, и правителям других государств. Приняв страну в тяжелейшем нравственном, экономическом и политическом состоянии, он передал её наследнику полностью успокоенной и входящей в период своего расцвета, устремлённой в будущее, которое многим казалось тогда безоблачным и счастливым. И можно лишь горько сожалеть о том, что судьба отмерила ему всего лишь тринадцать с половиной лет царствования...

Автор книги, историк Александр Мясников, сосредоточивает своё внимание прежде всего на личности императора Александра III. В основу его повествования положены дневники, письма, воспоминания современников и участников событий. При этом многие приводимые им факты биографии «Царя-миротворца» для большинства читателей прозвучат весьма неожиданно.

**УДК 94(470+571)(092)“18”
ББК 63.3(2)47**

знак информационной
продукции

16+

**Мясников Александр Леонидович
АЛЕКСАНДР III**

**Редактор А. Ю. Карпов
Художественный редактор А. В. Никитин
Технический редактор М. П. Качурин
Корректор Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 28.03.2016. Подписано в печать 17.05.2016. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 30,24+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1609250.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03915-5

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. А. Шаргунов
КАТАЕВ

В книге представлена первая подробная биография выдающегося прозаика и поэта, тонкого мастера слова Валентина Петровича Катаева (1897—1986), лишенная идеологической предвзятости. Немногие знают, что писатель происходил из старинного священнического рода, среди его близких родственников были архиепископы — новомученики. Герой Соцтруда Катаев был в свое время белым офицером, учеником Бунина, сидел в расстрельном подвале Одесской губчека... Писателю Сергею Шаргунову, опиравшемуся на воспоминания, архивные документы, мемуарную и биографическую литературу, блестяще удалось воссоздать непростую, отчасти таинственную, тесно сплетенную с литературным творчеством жизнь Валентина Катаева — сложного и противоречивого человека, глубоко вовлеченного в исторические события XX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Таназ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Сент-Экзюпери (1900—1944) — легендарный французский летчик, один из оригинальнейших и замечательных писателей XX века. Провалившись на экзамене в Военно-морскую школу, Антуан решил стать архитектором. В Академии изящных искусств он проучился всего несколько месяцев. Почти случайно начав писать, он становится популярным, известность ему приносят книги «Ночной полет» и «Маленький принц». Отныне Сент-Экзюпери отдает все свои силы работе над произведением, которое так и не обрело законченной формы. Антуан погиб 31 июля 1944 года в море, упав в его пучину на сбитом немцами самолете «Лайтнинг Р-38». Автор биографии Антуана де Сент-Экзюпери, известный французский драматург и писатель Вир-жилль Таназ, представляет нам портрет своего героя свободным от окружившего его личность мифа. Тот, кого мать называла в детстве «королем-солнце», со временем создал свое творчество, пытаясь, как он сам говорил, «всё делать как лучше», и сотворил свою судьбу — судьбу человека, уверенного в том, что жизнь имеет смысл только через жертвы, которые приносятся во имя долга, во имя людей.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сущевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. Хоанг ЧИНГИСХАН

Грубый варвар, восточный деспот, снедаемый непомерным честолюбием и одержимый губительным политическим проектом? Искушенный государственный деятель, у которого цель оправдывает средства? Мудрый завоеватель, твердо решивший обеспечить монгольским народам место под солнцем? Портрет человека, основавшего самую большую в истории человечества империю, может обретать самые разнообразные черты, но никогда не получит окончательного завершения. На основе древних рукописей, в том числе принадлежащих перу современников великого хана, автор подробно и беспристрастно рассказывает о жизненном пути создателя Монгольской империи.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Т. А. Матасова СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Вторая жена великого князя Московского Ивана III Васильевича гречанка Софья Палеолог (ум. 1503) принадлежит к числу наиболее ярких женщин в истории средневековой Руси. Ее образ окутан легендами и домыслами. Чего только не приписывали ее влиянию при московском дворе! Это будто бы она заставила своего супруга покончить с униженной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи, пригласить в Москву лучших европейских мастеров для перестройки Кремля! И это будто бы она отравила наследника престола — князя Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака! Но действительность, как это всегда бывает, сильно отличается от легенд. Скорее, следует обратить внимание на другое. Биография Софьи принадлежит истории сразу трех разных миров — русского, греческого и итальянского (ибо именно в Риме нашла прибежище семья морейского деспота Фомы Палеолога и именно в Риме родился проект брачного союза «деспины» с московским великим князем). И ее брак с Иваном III важен прежде всего тем, что он способствовал упрочению связей Русского государства с Европой. О причудливых поворотах в биографии Софьи Палеолог, об окружении «деспины» и роли прибывших с ней греков в истории Московского государства второй половины XV века и рассказывается в этой книге. Автор опирается на широкий круг источников, в том числе ранее не известных.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сущевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Мейер-Стабли
«ОДРИ ХЕПБЁРН»

И. Фаликов
«БОРИС РЫЖИЙ»

М. Лебуше
«БАХ»

Г. Субботина
«МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

И. Левина, Д. Володихин
«ПЕТР И ФЕВРОНИЯ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Емельянов
«ГИЛЬГАМЕШ»

М. Бондаренко
«МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик
«ИВАН СЫТИН»

Н. Карташов
«КРАМСКОЙ»

М. Кушников
«ОЛЬГА ЧЕХОВА»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Ковалик
«ГАЛИНА УЛАНОВА»

А. Ливергант
«ГЕНРИ МИЛЛЕР»

А. Королев
«ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Е. Матонин
«ЯКОВ БЛЮМКИН»

В. Шубинский
«АЗЕФ»

А. Якимович
«ВЕЛАСКЕС»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

З. Прилепин
«НЕПОХОЖИЕ ПОЭТЫ»

Д. Олейников
«АВРААМ ЛИНКОЛЬН»

Н. Долгополов
«ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ»

В. Полушин
«НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА»

Е. Глаголева
«ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЕ»

М. Чертанов
«СТЕПАН РАЗИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

**Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»**

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39   8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03915-5

9 785235 039155 >

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я